

ВЫПУСК № 2 (70) 2026
сәуір-мамыр-маусым; апрель-май-июнь

МАНАШ ҚОЗЫБАЕВ АТЫНДАҒЫ
СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК

СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ МАНАША КОЗЫБАЕВА

ISSN 2958-003X (Print)

ISSN 2958-0048 (Online)

Индексі 74935

Индекс 74935

М. ҚОЗЫБАЕВ АТЫНДАҒЫ СҚУ
ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК
СКУ ИМЕНИ М. КОЗЫБАЕВА

№ 2 (70)
сәуір – мамыр – маусым

Петропавл
2026

Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университетінің Хабаршысы
Вестник Северо-Казакхстанского университета имени Манаша Козыбаева
Bulletin of Manash Kozymbayev North Kazakhstan University

Басылымы II (LXX)

Выпуск II (LXX)

Volume II (LXX)

Жылына 4 рет басылып шығарылады

Выходит 4 раза в год

Published 4 times a year

Бас редактор:

Демьяненко Александр Валентинович, «Энергетика және радиоэлектроника» кафедрасының профессоры, техника ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (доцент).

Редактор:

Островская Валерия Станиславовна, М. Қозыбаев атындағы СҚУ ғылым департаментінің әдіскері, магистр.

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА:

I. ЖАРАТЫЛЫСТАНУ ҒЫЛЫМДАР

Доскенова Бану Бейсеновна, жауапты хатшы, биология ғылымдарының кандидаты, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Папков Сергей Владимирович, география ғылымдарының кандидаты, математика және жаратылыстану ғылымдары факультетінің деканы, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Поляков Владилен Васильевич, химия ғылымдарының докторы, профессор, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Макаров Сергей Викторович, физика-математика ғылымдарының докторы, профессор, Алтай мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей);

Wendt, Jan A., PhD докторы, профессор, Гданьск университеті (Гданьск, Польша).

II. БИОЛОГИЯЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР

Тлеубергенова Гүлшара Сейтқасымқызы – жауапты хатшы, биология ғылымдарының кандидаты, «Биология» кафедрасының доценті, М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті (Петропавл, Қазақстан);

Khan, Shujaul Mulk – PhD докторы, экология және ботаника ғылымдарының штаттық профессоры, Пәкістан ғылым академиясының мүшесі, UNISG университетінің шақырылған оқытушысы, Куэйд-и-Азам университеті (Исламабад, Пәкістан);

Zuccolo, Andrea – PhD докторы, (халықаралық) профессор, М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университетінің Халықаралық кампусы (Петропавл, Қазақстан); Сант-Анна жоғары мектебінің Өсімдік ғылымдары институты (Пиза, Италия);

Petkov, Nikolay, PhD докторы, Болгарияның құстарды қорғау қоғамының жетекші ғылыми қызметкері (София, Болгария);

Сибатаев Ануарбек Каримович, биология ғылымдарының докторы, «С.Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті» КеАҚ "Биология, өсімдіктерді қорғау және карантин" кафедрасының меңгерушісі (Астана, Қазақстан);

Гаврилюв Андрей Эдуардович, биология ғылымдарының кандидаты, Зоология институтының жетекші ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан);

Какабаев Ануарбек Аязбаевич, биология ғылымдарының кандидаты, Ғылым және инновациялар жөніндегі Басқарма мүшесі, М. Қозыбаев атындағы СҚУ(Петропавл, Қазақстан);

Кубентаев Серик Аргынбекович, PhD докторы, «Ботаника және фитоинтродукция институты» РМҚ филиалы Астана ботаникалық бағы флора және өсімдік ресурстары зертханасының доценті (Астана, Қазақстан).

III. ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР

Добровольская Лиана Валерьевна, жауапты хатшы, педагогика ғылымдарының кандидаты(PhD), аға оқытушы, М. Қозыбаев атындағы СҚУ(Петропавл, Қазақстан);

Amaretti, Guido, педагогика ғылымдарының докторы, профессор, Генуя университеті (Генуя, Италия);

Мурзалинова Алма Жакимовна, педагогика ғылымдарының докторы, «Педагогика және психология» кафедрасының профессоры, М. Қозыбаев атындағы СҚУ(Петропавл, Қазақстан);

Нұрбекова Жанат Қунапияновна, педагогика ғылымдарының докторы, профессор, Халықаралық Ақпараттандыру Академиясының және ҚР педагогика ғылымдары Академиясының академигі, Абай атындағы ҚазҰПУ профессор-зерттеушісі (Алматы, Қазақстан);

Тагильцева Наталия Григорьевна, педагогика ғылымдарының докторы, профессор, Орал мемлекеттік педагогикалық университеті (Екатеринбург, Ресей);

Писарева Светлана Анатольевна, Ресей білім академиясының корреспондент-мүшесі, педагогика ғылымдарының докторы, профессор, А.И. Герцен атындағы Ресей мемлекеттік педагогикалық университетінің ғылыми жұмыс жөніндегі проректоры (Санкт-Петербург, Ресей);

Тряпицына Алла Прокофьевна, Ресей білім академиясының корреспондент-мүшесі, педагогика ғылымдарының докторы, профессор, А.И. Герцен атындағы Ресей мемлекеттік педагогикалық университетінің ғылыми жұмыс жөніндегі проректоры (Санкт-Петербург, Ресей).

IV. ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР

Кендюх Евгений Иванович, жауапты хатшы, экономика ғылымдарының докторы, «Экономика, есеп және қаржы» кафедрасының доценті, М.Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Figus, Alessandro, саяси ғылымдар кандидаты, PhD, профессор, Оңтүстік Лацио Кассино университеті ректорының кеңесшісі (Кассино, Италия);

Рамазанова Махаббат, Туризм саласындағы философия докторы (PhD), REMIT – Экономика, менеджмент және ақпараттық технологиялар жөніндегі ғылыми-зерттеу орталығының зерттеушісі, Португаленсе университеті (Порту, Португалия);

Даржанова Мунира Шамсутдиновна, экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Каспий университеті (Алматы, Қазақстан);

Лыман Игорь Игоревич, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Бердянск мемлекеттік педагогикалық университеті (Бердянск, Украина);

Мамедаде Ильхам Рамиз Оглу, философия ғылымдарының докторы, профессор, Баку ғылым академиясы (Баку, Әзірбайжан);

Saulius, Nefas, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, Миколас Ромерис университеті (Вильнюс, Литва);

Патласов Олег Юрьевич, экономика ғылымдарының докторы, профессор, Омбы гуманитарлық академиясы (Омбы, Ресей);

Сандыбаев Жалғас Саудақасұлы, философия ғылымдарының докторы, «Нұр Мұбарак» Египет ислам мәдениеті университеті (Алматы, Қазақстан).

V. АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ ҒЫЛЫМДАР

Кантарбаева Эльмира Ерболовна, жауапты хатшы, «Агрономия және орман шаруашылығы» кафедрасының доценті, PhD, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Шаяхметова Алтын Сейтахметқызы, а/ш.ғ.к., агротехнология факультетінің деканы, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Ташев Александр Николаевич, PhD докторы, профессор, орман техникалық университеті (София, Болгария);

Shan, Weixing, PhD докторы, Professor, Солтүстік-Батыс ауыл және орман шаруашылығы университеті (Янлин, Шэньси провинциясы, Қытай);

Fitzsimmons, Kevin, PhD докторы, профессор, халықаралық бағдарламалар директоры, Аризон университеті (Тусон, Аризона штаты, АҚШ);

Yang, Yuxin, PhD докторы, Professor, Солтүстік-Батыс ауыл және орман шаруашылығы университеті (Янлин, Шэньси провинциясы, Қытай);

Jiang, Zhongliang, PhD докторы, Professor, Солтүстік-Батыс ауыл және орман шаруашылығы университеті (Янлин, Шэньси провинциясы, Қытай);

Dazzi, Carmelo, ауыл шаруашылығы ғылымдарының докторы, профессор, Палермо университеті (Палермо, Италия);

Lo Papa, Giuseppe, PhD докторы, Палермо университетінің қауымдастырылған профессоры, (Палермо, Италия).

VI. ТЕХНИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР

Шапорева Анна Васильевна, жауапты хатшы, «Құрылыс және дизайн» кафедрасының доценті, PhD, халықаралық ақпараттандыру академиясының академигі, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Ивель Виктор Петрович, техника ғылымдарының докторы, профессор, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Косых Анатолий Владимирович, техника ғылымдарының докторы, профессор, Омбы мемлекеттік техникалық университеті (Омбы, Ресей);

Попов Андрей Юрьевич, техника ғылымдарының докторы, профессор, Омбы мемлекеттік техникалық университеті (Омбы, Ресей);

Кошеков Кайрат Темирбаевич, техника ғылымдарының докторы, профессор, «Азаматтық авиация академиясы» АҚ (Алматы, Қазақстан);

Кузнецова Виктория Николаевна, техника ғылымдарының докторы, доцент, Сібір мемлекеттік автомобиль-жол академиясы (Омбы, Ресей);

Савостин Алексей Александрович, техника ғылымдарының кандидаты, профессор, М. Қозыбаев атындағы

СКУ (Петропавл, Қазақстан).

VII. АҚПАРАТТЫҚ-КОММУНИКАЦИЯЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР

Куликова Валентина Петровна, жауапты хатшы, техника ғылымдарының кандидаты, профессор, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Arrichiello, Filippo, PhD докторы, Кассино және Оңтүстік Лацио университетінің, «Электротехника және информатика басқару жүйелері» кафедрасының профессоры (Италия);

Cantelli-Forti, Alessandro, PhD докторы, Ұлттық радиолокациялық және бақылау жүйелері зертханасы (RaSS), Италия;

Lupidi, Alberto, PhD докторы, Ұлттық радиолокациялық және бақылау жүйелері зертханасы (RaSS), Италия;

Levashenko, Vitaly, PhD докторы, Жилин университетінің профессоры (Жилин, Словакия);

Zaitseva, Elena, PhD докторы, Жилин университетінің профессоры (Жилин, Словакия).

VIII. ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАР

Жуанышпаева Самал Жаметовна, жауапты хатшы, филология ғылымдарының кандидаты, «Практикалық қазақ тілі» кафедрасының доценті, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Дроботенко Юлия Борисовна, педагогика ғылымдарының докторы, ОмГПУ Шет тілдері кафедрасының профессоры (Омбы, Ресей);

Petek, Ergun, PhD докторы, Токат Газиосманпаша Университеті (Tokat Gaziosmanpaşa Üniversitesi), Түркия;

Кадыров Жанбай Турарович, филология ғылымдарының кандидаты, «Қазақ тілі мен әдебиеті» кафедрасының профессоры, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Какимова Майра Еренгапшовна, филология ғылымдарының кандидаты, «Герман-роман филологиясы» кафедрасының доценті, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Крылова Людмила Анатольевна, педагогика ғылымдарының докторы, «Орыс тілі мен әдебиеті» кафедрасының еңбек сіңірген профессоры (профессоры), М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Мұхамеджанова Гульмира Тастемировна, PhD докторы, «Қазақ тілі мен әдебиеті» кафедрасының доценті, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Сабиева Елена Викторовна, филология ғылымдарының кандидаты, «Орыс тілі мен әдебиеті» кафедрасының доценті, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан);

Stodden, Robert, Маноадағы Гавайи университетінің профессоры (АҚШ Гонолулу, Гавай аралдары);

Таласпаева Жанар Серкешовна, филология ғылымдарының кандидаты, «Қазақ тілі мен әдебиеті» профессоры, М. Қозыбаев атындағы СҚУ (Петропавл, Қазақстан).

Главный редактор:

Демьяненко Александр Валентинович, профессор кафедры «Энергетика и радиоэлектроника», кандидат технических наук, ассоциированный профессор (доцент)

Редактор:

Островская Валерия Станиславовна, методист Департамента науки СКУ им. М. Козыбаева, магистр

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

I. ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Доскенова Бану Бейсеновна, ответственный секретарь, кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры «География и экология», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Пашков Сергей Владимирович, кандидат географических наук, декан факультета математики и естественных наук, СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Поляков Владилен Васильевич, доктор химических наук, профессор, СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Макаров Сергей Викторович, доктор физико-математических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);

Вендт Ян, доктор PhD, профессор, Гданьский университет (Гданьск, Польша).

II. БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тлеубергенова Гульнара Сейткасымовна, ответственный секретарь, кандидат биологических наук, доцент кафедры «Биология», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Khan, Shujaul Mulk, доктор PhD, штатный профессор экологии и ботанических наук, член Пакистанской академии наук, приглашенный преподаватель UNISG, Университет Куэйд-и-Азам (Исламабад, Пакистан);

Zuccolo, Andrea, доктор PhD, профессор (международный), Международный кампус, СКУ им. Манаша Козыбаева (Петропавловск, Казахстан); Институт науки о растениях, Высшая школа Сант-Анна (Пиза, Италия);

Petkov, Nikolay, доктор PhD, ведущий научный сотрудник Болгарского общества защиты птиц (София, Болгария);

Сибатаев Ануарбек Каримович, доктор биологических наук, заведующий кафедрой «Биология, защита и карантин растений» НАО «Казахский агротехнический исследовательский университет имени С. Сейфуллина» (Астана, Казахстан);

Гаврилов Андрей Эдуардович, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института зоологии (Алматы, Казахстан);

Какабаев Ануарбек Аязбаевич, кандидат биологических наук, член Правления по науке и инновациям СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Кубентаев Серик Аргынбекович, доктор PhD, ассоциированный профессор лаборатории флоры и растительных ресурсов Астанинского ботанического сада филиала РГП «Институт ботаники и фитоинтродукции» (Астана, Казахстан).

III. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Добровольская Лиана Валерьевна, ответственный секретарь, кандидат педагогических наук (PhD), старший преподаватель, СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Amaretti, Guido, доктор педагогических наук, профессор, Университет Генуи (Генуя, Италия);

Мурзалинова Алма Жакимовна, доктор педагогических наук, профессор, СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Нурбекова Жанат Кунапиановна, доктор педагогических наук, профессор, академик Международной Академии Информатизации и Академии педагогических наук РК, профессор-исследователь КазНПУ им. Абая (Алматы, Казахстан);

Тагильцева Наталья Григорьевна, доктор педагогических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия);

Писарева Светлана Анатольевна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Тряпицына Алта Прокофьевна, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор института педагогики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

IV. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Кендох Евгений Иванович, ответственный секретарь, доцент кафедры «Экономика, учет и финансы», доктор экономических наук, СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Figus, Alessandro, кандидат политических наук, PhD, профессор, советник ректора университета Кассино Южного Лацио (Кассино, Италия);

Рамазанова Махаббат, Доктор PhD в области туризма, Исследователь научного центра REMIT – Исследовательский центр экономики, менеджмента и информационных технологий Университет Португаленсе, (Порту, Португалия);

Даржанова Мунира Шамсутдиновна, кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Каспийский университет (Алматы, Казахстан);

Лыман Игорь Игоревич, доктор исторических наук, профессор, Бердянский государственный педагогический университет (Бердянск, Украина);

Мамедаде Ильхам Рамиз Оглу, доктор философских наук, профессор, Академия наук Баку (Баку, Азербайджан);

Saulius, Nefas, доктор социологических наук, профессор, университет им. Миколаса Ромериса (Вильнюс, Литва);

Патласов Олег Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, Омская гуманитарная академия (Омск, Россия);

Сандыбаев Жалгас Саудакасулы, доктор философских наук, Египетский университет исламской культуры «Нур Мубарак» (Алматы, Казахстан).

V. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

Кантарбаева Эльмира Ерболовна, ответственный секретарь, доктор PhD, доцент кафедры «Агрономия и лесоводство», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Шаяхметова Алтын Сейтахметовна, кандидат сельскохозяйственных наук, декан агротехнологического факультета, СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Ташев Александр Николаевич, доктор PhD, профессор, Лесотехнический университет (София, Болгария);

Shan, Weixing, доктор PhD, Professor, Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства (Янлин, провинция Шэньси, Китай);

Fitzsimmons, Kevin M., доктор PhD, Профессор, директор международных программ, Университет Аризоны (Тусон, штат Аризона, США);

Yang, Yuxin, доктор PhD, Professor, Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства (Янлин, провинция Шэньси, Китай);

Jiang, Zhongliang, доктор PhD, Professor, Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства (Янлин, провинция Шэньси, Китай);

Dazzi, Carmelo, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Университет Палермо (Палермо, Италия);

Lo Papa, Giuseppe, доктор PhD, ассоциированный профессор Университета Палермо, (Палермо, Италия).

VI. ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шанорева Анна Васильевна, ответственный секретарь, доцент кафедры «Строительство и дизайн», PhD, академик Международной академии информатизации, СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Ивель Виктор Петрович, доктор технических наук, профессор, СКУ им. М. Козыбаева СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Косых Анатолий Владимирович, доктор технических наук, профессор, Омский государственный технический университет (Омск, Россия);

Попов Андрей Юрьевич, доктор технических наук, профессор, Омский государственный технический университет (Омск, Россия);

Кошеков Кайрат Темирбаевич, доктор технических наук, профессор, АО «Академия гражданской авиации» (Алматы, Казахстан);

Кузнецова Виктория Николаевна, доктор технических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (Омск, Россия);

Савостин Алексей Александрович, кандидат технических наук, профессор, СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан).

VII. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Куликова Валентина Петровна, ответственный секретарь, кандидат технических наук, профессор кафедры «Информационно-коммуникационные технологии», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Arrichiello, Filippo, доктор PhD, профессор кафедры техники управления электротехники и информатики Университета Кассино и Южного Лацио (Италия);

Cantelli-Forti, Alessandro, доктор PhD, Национальная лаборатория радиолокационных систем и систем наблюдения (RaSS), Италия;

Lupidi, Alberto, доктор PhD, Национальная лаборатория радиолокационных систем и систем наблюдения (RaSS), Италия;

Levashenko Vitaly, доктор PhD, профессор университета Жилина (Жилин, Словакия);

Zaitseva Elena, доктор PhD, профессор университет Жилина (Жилин, Словакия).

VIII. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жуанышпаева Самал Жаметовна, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Практический казахский язык», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Дроботенко Юлия Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков ОмГПУ (Омск, Россия);

Ержан Петек, доктор PhD, Университет Токат Газиосманпаша, Турция (Tokat Gaziosmanpaşa Üniversitesi);

Кадыров Жанбай Турарович, кандидат филологических наук, профессор кафедры «Казахский язык и литература», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Какимова Майра Еренгаиповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Германо-романская филология», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Крылова Людмила Анатольевна, доктор педагогических наук, заслуженный профессор (профессор) кафедры «Русский язык и литература», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Мухамеджанова Гульмира Тастемировна, доктор PhD, доцент кафедры «Казахский язык и литература», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Сабиева Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и литература», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан);

Стодден Роберт, профессор Гавайского университета в Маноа (Гонолулу, Гавайские острова, США);

Таласпаева Жанар Серкешовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры «Казахский язык и литература», СКУ им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан).

Editor-in-Chief:

Aleksandr Demyanenko, Professor at the Department of Energetics and Radio Electronics, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Editor:

Ostrovskaya Valeria, methodologist of the Department of science, Kozybayev University, master

EDITORIAL BOARD:

I. NATURAL SCIENCES

Banu Doskenova, executive secretary, candidate of biological sciences, senior lecturer, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);

Sergey Pashkov, candidate of geographical sciences, Dean of the Faculty of Mathematics and Natural Sciences, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);

Vladilen V. Polyakov, doctor of chemical sciences, Professor, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);

Sergey Makarov, doctor of physical and mathematical sciences, professor, Altai State University (Barnaul, Russia);

Wendt Jan, PhD, professor, University of Gdansk (Gdansk, Poland).

II. BIOLOGICAL SCIENCES

Gulnara Tleubergenova, Executive Secretary, PhD in Biological Sciences, Associate Professor of the Biology Department, Manash Kozybayev North Kazakhstan University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Shujaul Mulk Khan, PhD, Full Professor of Ecology and Botanical Sciences, Fellow of the Pakistan Academy of Sciences, Visiting Lecturer at UNISG, Quaid-i-Azam University (Islamabad, Pakistan);
Andrea Zuccolo, PhD, Full Professor (International), International Campus, Manash Kozybayev North Kazakhstan University (Petropavlovsk, Kazakhstan); Crop Science Institute, Sant'Anna School of Advanced Studies (Pisa, Italy);
Nikolay Petkov, PhD, leading researcher at the Bulgarian Society for the Protection of Birds (Sofia, Bulgaria);
Anuarbek Sibataev, doctor of biological sciences, Head of the Department of Biology, Protection and Quarantine of Plants, NJSC Kazakh Agrotechnical Research University named after S. Seifullin (Astana, Kazakhstan);
Andrey Gavrilov, candidate of biological sciences, leading researcher at the Institute of Zoology (Almaty, Kazakhstan);
Anuarbek Kakabaev, Candidate of Biological Sciences, Board Member for Science and Innovation at Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Serik Kubentaev, PhD, associate professor of the laboratory of flora and plant resources of the Astana Botanical Garden, branch of the RSE Institute of Botany and Phytointroduction (Astana, Kazakhstan).

III. PEDAGOGICAL SCIENCES

Liana Dobrovolskaya, executive secretary, candidate of pedagogical sciences (PhD), senior lecturer, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Amoretti Guido, doctor of pedagogical sciences, professor, University of Genoa (Genoa, Italy);
Alma Murzalinova, doctor of pedagogical sciences, professor of the Pedagogy and Psychology Department, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Zhanat Nurbekova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of the International Academy of Informatization and the Academy of Pedagogical Sciences of the Republic of Kazakhstan, Research Professor at Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty);
Natalia Tagiltseva, doctor of pedagogical sciences, professor, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia);
Svetlana Pisareva, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research at the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia);
Alla Tryapitsyna, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Pedagogy at the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

IV. SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES

Yevgeniy Kendyukh, Executive Secretary, Associate Professor at the Department of Economics, Accounting, and Finance, Doctor of Economic Sciences, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Alessandro Figus, candidate of political sciences, PhD, Professor, Advisor to the Rector of the University of Cassino South Lazio (Cassino, Italy);
Makhabbat Ramazanova, PhD in Tourism Researcher at REMIT – research centre on economics, management and information technologies University Portucalense (Porto Portugal);
Munira Darzhanova, candidate of economic sciences, associate professor, Caspian University (Almaty, Kazakhstan);
Igor Lyman, doctor of historical sciences, professor, Berdyansk State Pedagogical University (Berdyansk, Ukraine);
Ilham Ramiz Oglu Mammadzade, doctor of philosophy, professor, Baku Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan);
Nefas Saulius, doctor of sociology, professor, University Mykolas Romeris (Vilnius, Lithuania);
Oleg Patlasov, doctor of economics, professor, Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia);
Zhalgas Sandybayev, doctor of philosophy, Egyptian University of Islamic Culture "Nur Mubarak" (Almaty, Kazakhstan).

V. AGRICULTURAL SCIENCES

Elmira Kantarbayeva, Executive Secretary, PhD, Associate Professor at the Department of Agronomy and Forestry, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Altyn Shayakhmetova, candidate of agricultural sciences, Dean of the Faculty of Agrotechnology, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Alexander Tashev, PhD, professor, Forestry Engineering University (Sofia, Bulgaria);
Weixing Shan, PhD, Professor, Northwest A&F University (Yangling, Shaanxi, China);
Kevin M. Fitzsimmons, PhD, Professor, Director of International Programs, University of Arizona (Tucson, Arizona, USA);
Yuxin Yang, PhD, Professor, Northwest A&F University (Yangling, Shaanxi, China);
Zhongliang Jiang, PhD, Professor, Northwest A&F University (Yangling, Shaanxi, China);
Carmello Dazzi, PhD, Professor, University of Palermo (Palermo, Italy);
Joseppe Lo Papa, PhD, Professor (Associate) at University of Palermo University (Palermo, Italy).

VI. TECHNICAL SCIENCES

Anna Shaporeva, Executive Secretary, Associate Professor at the Department of Construction and Design, PhD, Academician of the International Academy of Informatization, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);

Viktor Ivel, doctor of technical sciences, professor, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Anatoly Kosykh, doctor of technical sciences, professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russia);
Andrey Popov, doctor of technical sciences, professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russia);
Kairat Koshekov, doctor of technical sciences, professor, JSC "Academy of Civil Aviation" (Almaty, Kazakhstan);
Victoria Kuznetsova, doctor of technical sciences, associate professor, Siberian State Automobile and Road Academy (Omsk, Russia);
Alexey Savostin, candidate of technical sciences, professor, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan).

VII. INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Valentina Kulikova, executive secretary, candidate of technical sciences, professor of the Department of Information and Communication Technologies, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Filippo Arrichiello, PhD, professor of the Department of Control Engineering, Electrical Engineering and Computer Science, University of Cassino and Southern Lazio (Italy);
Alessandro Cantelli-Forti, PhD, National Laboratory of Radar and Surveillance Systems (RASS), Italy;
Alberto Lupidi, PhD, National Laboratory of Radar and Surveillance Systems (RASS), Italy;
Vitaly Levashenko, PhD, professor at the University of Zilina (Zilin, Slovakia);
Elena Zaitseva, PhD, professor at the University of Zilina (Zilin, Slovakia).

VIII. PHILOLOGICAL SCIENCES

Samal Zhuanyshpayeva, executive secretary, candidate of philological sciences, associate professor of the department of «Practical Kazakh language», Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Yulia Drobotenko, doctor of pedagogical sciences, professor of the Department of Foreign Languages (Interfaculty) of OmSPU (Omsk, Russia);
Yerzhan Petek, PhD, Turkey, Tokat Gaziosmanpaşa Üniversitesi University;
Zhanbai Kadyrov, candidate of philological sciences, professor of the department «Kazakh language and literature», Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Mayra Kakimova, candidate of philological sciences, associate professor of the Department of German-Romance Philology, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Lyudmila Krylova, doctor of pedagogical sciences, honored professor (professor) of the Department of Russian Language and Literature, Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Gulmira Mukhamedzhanova, PhD, associate professor of the Department of «Kazakh Language and Literature», Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Elena Sabieva, candidate of philological sciences, associate professor of the department «Russian language and literature», Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan);
Robert Stodden, professor at the University of Hawaii at Manoa (USA, Honolulu, Hawaiian Islands);
Zhanar Talaspayeva, candidate of philological sciences, professor of the Department of «Kazakh language and literature», Kozybayev University (Petropavlovsk, Kazakhstan).

М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университетінің Хабаршысы / Вестник Северо-Казахстанского университета имени М. Козыбаева.

Шығарылым № 2 (70). – Петропавл: М. Қозыбаев атындағы СҚУ, 2026. – 383 б. / Выпуск № 2 (70). – Петропавловск: СКУ им. М. Козыбаева, 2026. – 383 с.

Журнал РФИ (eLIBRARY) деректер базасына енгізілген / Журнал включен в базу данных РИНЦ (eLIBRARY).

ISSN 2958-003X (Print)
ISSN 2958-0048 (Online)

© М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті, 2026 ж.,
Петропавл қ.

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ЖАРАТЫЛЫСТАНУ ҒЫЛЫМДАР / ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ / NATURAL SCIENCES

Тюканько В.Ю., Тасимова А.А., Хасенова Д.К., Ляхова Е.Е., Тарунин Р.А., Алпысов Р.Р., Кусайнов А.Г., Красильников Р.Е. Перспективы использования вторичного полиэтилена в ротационных композитах.....	12
Шустарева А. И., Мищенко Д. А., Накиев Т.Р., Голодова И.В. Исследование эффективности микроводорослей в удалении тяжелых металлов из сточных вод машиностроительных предприятий.....	24

БИОЛОГИЯЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / BIOLOGICAL SCIENCES

Andreeva Y.V., Sheruova Ye.A., Sibataev A.K. List of blood-sucking mosquitoes (<i>Diptera, Culicidae</i>) of the Republic of Kazakhstan.....	37
Zharkov E.V., Babenko A.S. Growth and development of <i>Eisenia fetida</i> Sav. when cultivated on a mixture of poplar leaves and peat.....	47
Tsygankov V.I., Tsygankov A.V., Dyussibayeva E.N., Rysbekova A.B., Tsygankova N.V., Abylkairova M.M., Izbastina K.S. Comprehensive study of <i>Proso millet</i> gene pool for increasing its breeding potential in Western Kazakhstan.....	57
Булгакова И.Н., Рукавицина И.В., Васильева В.А., Заболотских В.В. Роль сидеральных смесей и способов их заделки в формировании почвенного микробоценоза.....	67
Зияева Г.К., Тулеубаев Ж., Сейтбаев К.Ж., Кадыр Г., Абдикайымова Ж., Жорабек Г.Е. Экологически эффективное использование сельскохозяйственных отходов сорго в контексте циркулярной экономики.....	83
Карипбаева Н.Ш., Сыбанбаева М.А., Майшинова Г.Т., Нурмаханбетова М.Г., Алшынбеков С.К. Биоразнообразие лекарственных растений в предгорьях Алматы.....	97
Кыдырбаева А.К., Шалахметова Т.М., Айкешев Б.М. Фитохимический профиль этанольных экстрактов листьев эндемичных видов Заилийского Алатау (<i>Crataegus dsungarica</i> , <i>Rosa webbiana</i> , <i>Berberis heteropoda</i>) и их геропротекторный потенциал по данным ГХ-МС анализа.....	109

ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGICAL SCIENCES

Bekbolatova B.Y., Kalygulova S. Inclusive Education Research in the Republic of Kazakhstan: A Quantitative and Thematic Review (2019-2024).....	125
Старкова А.В., Щупановская К.А., Мощенко Ю.В., Васильева О.М. Исследовательская задача в системе профессиональных задач педагога.....	137
Усеинов Б.М., Шаймерденова М.А., Куанышева Ж.Е. Жаңартылған білім беру бағдарламасы бойынша педагогикалық тәжірибе жүргізу.....	149
Шугулова Д.К., Бектемирова А.А., Седельников И.А. Использование геоинформационных технологий в проектной деятельности школьников: методологические подходы и обзор программного обеспечения.....	159

ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ / SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

Nursultanova Zh., Abuzyarova Zh., Nursultanova K. Application of innovations in the oil and gas sector of Kazakhstan.....	167
Абуов Н.А., Бейсембина А.Б. Бай как социальный институт в Северном Казахстане: реконструкция на основе архивных материалов 1920-х годов.....	179
Атдаев С.Д. Закаспийская область в записках российских и европейских женщин-путешественниц.....	191
Ильясова Г.С., Шупанова Ж.Ж. Биографиялық нарратив – ұжымдық жад көрінісі: Жұмабек Ахметұлы Тәшенов туралы тарих қалай баяндалады.....	204

АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ / AGRICULTURAL SCIENCES

Zhang Jing, Zhu Chuanjie Influence of integrated wheat protection against rust in the forest-steppe zone of Northern Kazakhstan.....	211
Zhidenko V.A., Anikina I.N. Survival rate of potato plants <i>in vivo</i> depending on planting date in the North-east of Kazakhstan.....	224
Темирбулатова А.К., Усеинов А.А., Карманов Р.М. Разработка и внедрение кормовых агрофитоценозов для пастбищ в лесостепной зоне Северного Казахстана.....	235

ТЕХНИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ / TECHNICAL SCIENCES

Симонов А.Ю., Жумекенова З.Ж. Современные подходы к расчету систем стабилизации штанг широкозахватных опрыскивателей.....	246
Скакова А.Р., Газисов И.К., Касимова Б.Р., Сагнаева С.К., Абдугулова Ж.К. Синтез модального регулятора на базе формулы Аккермана для системы без перерегулирования.....	253

АҚПАРАТТЫҚ-КОММУНИКАЦИЯЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР / ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ / INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Azizol Abdullah Graph neural networks as a tool for monitoring and detecting anomalies in cloud systems.....	266
Jumagaliyeva A., Kaldarova M., Ismailova R., Abdykerimova E., Turkmenbayev A. An analytical review of modern adaptive methods for stream data processing in real-time systems.....	278
Tokhmetov A.T., Tanchenko L.A., Kenesbai M.M. Reinforcement learning with load forecasting for smart home energy management.....	295
Калиаскаров Н.Б., Машрапова Г.Н., Жаксылық Ж.Е., Гарифуллина Д.Н. Құрылыс нысандарының техникалық жағдайын бақылауға арналған сымсыз таратылған мониторинг жүйесін әзірлеу.....	307

Куликова В.П., Кухаренко Е.В., Никишина О.А. Методика многокритериальной оценки цифровых ритейл-платформ: интеграция MCDA, WEB-аналитики и UX-данных.....	328
Шангытбаева Г.А., Шайханова А.К., Жұмағалиева Ж., Лили Нурлияна Абдулла, Мырзаханов К.Е. Білім берудегі иммерсивті технологиялар: виртуалды, толықтырылған және аралас шындықтың әлеуеті.....	347

ФИЛОЛОГИЯЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES

Кадыров Ж.Т., Синбаева Г.К., Әдікен А. Ауызша сөйлеуде норма бұзушылық және оның сипаты.....	361
Таласпаева Ж.С., Жалелова Т.Д. Түр-түс атауларына байланысты өңірлік топонимдердің ерекшеліктері.....	372
Информация для авторов	380

ЖАРАТЫЛЫСТАНУ ҒЫЛЫМДАР / ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ /
NATURAL SCIENCES

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-12-23

УДК 678.74

МРНТ 68.47.43

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВТОРИЧНОГО ПОЛИЭТИЛЕНА
В РОТАЦИОННЫХ КОМПОЗИТАХ

Тюканько В.Ю.¹, Тасимова А.А.^{1*}, Хасенова Д.К.¹, Ляхова Е.Е.¹, Тарунин Р.А.¹,
Алпысов Р.Р.¹, Кусайнов А.Г.¹, Красильников Р.Е.¹

¹НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: akniettasimova@gmail.com

Аннотация

В работе рассмотрены современные методы утилизации пластиковых отходов (в частности полиэтилена (РЕ), как самого распространённого промышленного полимера) и показана наибольшая перспективность технологии вторичной переработки отходов РЕ. Выбрана перспективная технология переработки вторичного РЕ (гРЕ) - ротационное формование. Проанализированы все источники в международных патентных базах и БД Scopus и Web of Science с 2000 года в области использования гРЕ в ротационном формовании. Показано, что введение гРЕ в ротационные композиты позволяет получать изделия высокого качества, при снижении себестоимости продукции и одновременной утилизации отходов РЕ. Что значительно снижает экологическую нагрузку на окружающую среду. В заключении сделан вывод о перспективности использования гРЕ в ротационном формовании и как следствии построения зелёной циркуляционной экономики.

Ключевые слова: экология, пластиковые отходы, полиэтилен, вторичная переработка, ротационное формование.

РОТАЦИОНАЛДЫҚ КОМПОЗИТТЕРДЕ ПОЛИЭТИЛЕНДІ ҚАЙТА ӨНДЕП
ПАЙДАЛАНУ МҮМКІНДІКТЕРІ

Тюканько В.Ю.¹, Тасимова А.А.^{1*}, Хасенова Д.К.¹, Ляхова Е.Е.¹, Тарунин Р.А.¹,
Алпысов Р.Р.¹, Кусайнов А.Г.¹, Красильников Р.Е.¹

¹«Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КЕАҚ,
Петропавл, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: akniettasimova@gmail.com

Аңдатпа

Жұмыста пластикалық қалдықтарды кәдеге жаратудың заманауи әдістері (атап айтқанда, ең көп таралған өнеркәсіптік полимер ретінде полиэтилен (РЕ)) қарастырылып, РЕ қалдықтарын қайта өңдеу технологиясының ең үлкен перспективасы көрсетілген. Қайта өңдеудің перспективалық технологиясы тандалды - ротациялық қалыптау. Халықаралық патенттік базалардағы және Scopus және Web of Science ДБ-дағы барлық көздер 2000 жылдан бастап ротациялық Қалыптауда гРЕ пайдалану саласында талданған. Айналмалы композиттерге гРЕ енгізу Өнімнің өзіндік құнын төмендету және қалдықтарды бір уақытта жою кезінде жоғары сапалы өнімдерді алуға мүмкіндік беретіні көрсетілген. Бұл қоршаған ортаға экологиялық жүктемені айтарлықтай төмендетеді. Қорытындылай келе, айналмалы Қалыптауда және соның салдарынан жасыл айналым экономикасын құруда гРЕ қолдану перспективасы туралы қорытынды жасалды.

Кілт сөздер: экология, пластик қалдықтары, полиэтилен, қайта өңдеу, айналмалы қалыптау.

PROSPECTS FOR USING RECYCLED POLYETHYLENE IN ROTARY COMPOSITES

V.Y. Tyukanko¹, A.A. Tassimova¹, D.K. Khasenova¹, E.E. Lyakhova¹, R.A. Tarunin¹,
R.R. Alpysov¹, A.G. Kusainov¹, R.E. Krasilnikov¹

^{1*} «Manash Kozybayev North Kazakhstan University» NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan

*Corresponding author: akniettasimova@gmail.com

Abstract

The paper discusses modern methods of plastic waste disposal (in particular, polyethylene (PE), as the most common industrial polymer) and shows the greatest potential of PE waste recycling technology. A promising technology for recycling secondary PE (rPE) - rotational molding - has been selected. All sources in international patent databases and Scopus and Web of Science databases since 2000 have been analyzed in the field of using rPE in rotational molding. It has been shown that the introduction of rPE into rotational composites allows for the production of high-quality products while reducing production costs and simultaneously recycling PE waste. This significantly reduces the environmental impact on the environment. In conclusion, it is concluded that the use of rPE in rotational molding is promising and can contribute to the development of a green circular economy.

Keywords: ecology, plastic waste, polyethylene, recycling, rotational molding.

Введение

Проблема эффективной утилизации пластиковых отходов в Республики Казахстан и мире сегодня крайне актуальна. С появлением первых пластмасс они сразу же заняли значительную нишу в промышленности [1]. Мировое производство пластика постоянно растет, ожидается что к 2026 году производство полиэтилена (PE) достигнет 500-600 миллионов тонн в год [2]. Из общего объема произведенного пластика перерабатывается лишь малая часть [3]. Полиэтилен - самый распространенный пластик в мире, благодаря своей прочности, низкой цене, простоте переработки и возможности модификации. Однако рост потребления PE привел к увеличению количества пластиковых отходов, которые очень медленно разлагаются в окружающей среде, создавая серьезную экологическую проблему [4, 5]. По оценкам экспертов, каждый год в окружающую среду попадает около 10 миллионов тонн пластиковых отходов [6,7]. Кроме того, производство и сжигание отходов пластика приводят к значительным выбросам парниковых газов, ускоряя изменение климата [8, 9]. При получении пластмасс на нефтехимических заводах образуется порядка 4% от общего объема глобальных выбросов CO₂ [10]. Особую актуальность вопрос с загрязнением окружающей среды пластиковым мусором приобрел в конце XX века, когда были обнаружены большие «мусорные острова» в океане [11]. Дальнейшие исследования показали, что пластиковые отходы со временем распадаются на микрочастицы, которые оказывают вредное воздействие на всю окружающую среду [12]. По статистике, около 60% пластикового мусора не подвергается переработки и загрязняют экосистему. Ежегодно около 8 миллионов тонн пластика, в большей степени - полиэтилен, оказывается в океане или на свалках [13]. Однако полиэтилен потенциально может проходить вторичную переработку (рициклинг) и использоваться для получения вторичной гранулы, из которой возможно производить мусорные пакеты, ведра и другие технические изделия [14].

1. Современные подходы к утилизации пластиковых отходов

Согласно сведениям Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) не менее 22% пластикового мусора неконтролируемого попадает в окружающую среду [15]. Часть пластиковых отходов перерабатывается процессом пиролиза, при этом получается синтез-газ и печное топливо [16]. Однако наиболее эффективным способом утилизации пластиков является их вторичная переработка, жизненный цикл РЕТ-бутылки представлен на рисунке 1.

Рисунок 1. Жизненный цикл РЕТ-бутылки при вторичной её переработки [17]

Вторичная переработка пластиков способствует снижению потребления нефти и газа и сокращению выбросов парниковых газов за счёт замены первичных пластмасс вторичными [18]. Увеличение количества переработки вторичного полиэтилена может значительно сократить потребность в первичном сырье, что в свою очередь снижает экологическую нагрузку на промышленность [19]. Следовательно, увеличение доли вторичной переработки полиэтилена, относится к важнейшим направлениям экологии и устойчивого развития.

В связи с этим приобретает высокую актуальность вопрос разработки новых рецептур промышленных композитов с высоким содержанием гРЕ. Кроме того, возникают вопросы выбора технологий переработки пластмасс с использованием гРЕ, среди таких методов выделяется ротационное формование, при помощи которого изготавливают полые габаритные изделия [20].

2. Обзор технологии ротационного формования

Ротационное формование представляет собой технологический процесс переработки полимерных материалов, при котором порошкообразный пластик загружается во вращающуюся форму. В процессе нагрева форма вращается одновременно вокруг двух взаимно перпендикулярных осей, что обеспечивает равномерное распределение и плавление материала по всей внутренней поверхности формы. Под действием температуры частицы полимера постепенно спекаются, образуя сплошной слой заданной толщины. После достижения требуемых параметров изделие охлаждается, а полученная деталь извлекается из формы. Данная технология позволяет получать полые изделия сложной конфигурации без швов и стыков, что существенно повышает их прочность и долговечность. Важным преимуществом ротационного формования является отсутствие необходимости применения высокого давления. В отличие от методов литья под давлением, где материал подаётся в форму при значительных нагрузках, ротационное формование основано на равномерном

распределении расплавленного пластика за счёт сочетания контролируемого нагрева и вращательного движения формы. Благодаря этому процесс особенно эффективен при изготовлении крупногабаритных, прочных и долговечных пластиковых изделий [21].

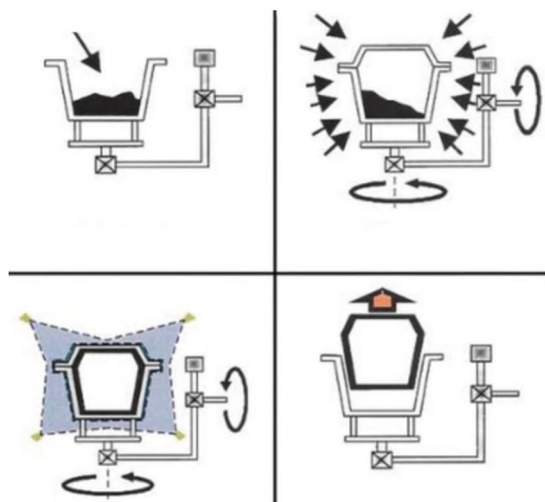

Рисунок 2. Процесс ротационного формования полимеров [22]

Ротационное формование – это процесс, протекающий при высокой температуре, низком давлении и малом усилии сдвига. Он широко используется для производства крупногабаритных полых изделий – резервуаров, контейнеров, игрушек, элементов мебели и других изделий [23-25]. Схематично процесс ротационного формования может быть описан следующими технологическими операциями:

1. Загрузка формы. В форму, изготовленную из алюминия или стали, загружается порошкообразная пластмасса. Форма герметично закрывается для предотвращения утечек.

2. Нагрев и вращение. Форма помещается в печь и нагревается при вращении по двум осям. Пластик равномерно плавится и распределяется по поверхности.

3. Охлаждение. После достижения требуемой толщины форма перемещается в охлаждающую камеру. Пластик затвердевает, сохраняя заданную форму.

4. Разбор формы. После охлаждения изделие извлекается, получая прочную бесшовную конструкцию, не требующую дополнительной сборки.

Рисунок 3. Изделия, получаемые ротационным формованием [26]

Основными преимуществами технологии являются равномерная толщина стенок, низкий уровень остаточных напряжений и минимальные затраты на оборудование [27]. С середины XX века ротационное формование активно применяется в различных отраслях - от автомобилестроения до пищевой промышленности [28].

3. Патентный анализ в области использования вторичного полиэтилена (rPE) в ротационном формовании

В 2020 г. объём рынка деталей, изготавливаемых ротационным формованием, оценивался в 10 млрд долл., к концу 2025 г. прогнозируется рост до 15 млрд при ежегодных темпах 8-10% [29], что подтверждает её перспективность, особенно в контексте использования вторичных материалов.

Первое упоминание о применении вторичного полиэтилена в данной технологии встречается в патенте WO1993000400A1 (1993), где смеси LLDPE и rHDPE (до 95%) обеспечивали синергетический эффект по ударной вязкости [30]. В дальнейшем в US6180203B1 (2001) предложена двухслойная конструкция с внешним слоем из LLDPE и внутренним из вторичных полиолефинов, что позволило сохранить прочность изделий [31]. В WO2016102341A1 (2016) использование 10-30% сшитого полиэтилена обеспечивало стабильность формования и высокие механические характеристики (модуль изгиба до 1200 МПа, прочность до 20 МПа, удлинение до 5%) [32].

С 2020 г. наблюдается значительный рост интереса к композициям с вторичным полиэтиленом: в 2020–2025 гг. зарегистрировано 7 патентов против 3 ранее. Так, в CN109664584B (2020) предложен одностадийный метод получения вспенённых изделий с ударопрочностью до 85 Дж (против 14-33 vPE) [33]. В WO2021222984A1 (2021) описаны многослойные материалы с комбинацией rPE и первичного полиэтилена, обладающие хорошей перерабатываемостью и прочностью [34]. В CA3190761A1 (2021) композиции с 10-50% rPE формировали внутренний слой с шероховатостью 6,3 мкм, что повышало долговечность и адгезию покрытий [35]. Более поздние разработки (US20230093454A1, US20230124453A1, US20230339150A1, 2023) посвящены распределению rPE по внутренней поверхности изделий с получением шероховатости 4-30 мкм и улучшенной адгезии к полиуретанам [36-38]. В WO2025114813A1 (2025) предложена трёхкомпонентная смесь (60-80% MDPE, 5-25% HDPE, 10-30% rPE), обеспечивающая ударную вязкость 25-50 Дж/м [39]. Кроме полиэтилена, исследуется применение других вторичных термопластов. Так, в US11912864B2 и US20220064439A1 описаны композиции с 20-50% rPC и антипиренами (до 7%), выдерживающие 120-130°C и соответствующие UL 94 V-0 [40-41]. В US9624370B2 добавление вторичных сополимеров (например, ABS) и стабилизаторов расплава повышало ударную вязкость на 5% [42]. Отмечены также разработки «зелёных» рецептов с содержанием rPC до 90% (US20220127454A1) [43].

4. Анализ современных научных исследований в области использования вторичного полиэтилена в ротационном формовании

В отличие от патентных документов, которые в основном направлены на описание практических способов применения, научные публикации (в БД Scopus, WoS) уделяют внимание детальному анализу влияния содержания вторичного полиэтилена (rPE) на механические и др. показатели композитов. Согласно ряду исследований, увеличение доли rPE приводит к понижению ударной прочности, уменьшению относительного удлинения при разрыве и снижению модуля упругости [44-47]. Дополнительные эксперименты показали, что введение измельчённой резины в количестве 20-50%

способствует получению материалов с повышенной эластичностью, однако при чрезмерном содержании наблюдается деградация механических свойств [48].

В исследовании «Use of virgin/recycled polyethylene blends in rotational moulding» рассматривалось поведение смесей первичного и вторичного полиэтилена, полученного из различных пластиковых отходов [49]. Три типа гРЕ – из бутылок, труб и бытовых отходов - смешивали с первичным полиэтиленом средней плотности с использованием экструдера. Оптимальная концентрация переработанного полиэтилена определялась экспериментально на основании анализа ударопрочности образцов, содержащих 25, 50 и 75 процентов гРЕ. Максимальные значения прочности на удар были зафиксированы при соотношении 50/50 [50]. Полученные композиции подвергались ряду испытаний: на удар падающим грузом, изгиб, определение показателя текучести расплава (ПТР) и дифференциально-сканирующей калориметрии. Результаты показали, что полученные образцы, отличались сниженной ударной прочностью по сравнению с изделиями из чистого первичного полиэтилена, а также меньшим модулем упругости (на 20-30%). Авторы объяснили это изменениями в структуре кристаллитов и особенностями технологического процесса ротационного формования смесей [51]. При высоком содержании гРЕ в композитах изделия становились более хрупкими, а ударная вязкость снижалась на 42-74% в зависимости от концентрации вторичного компонента.

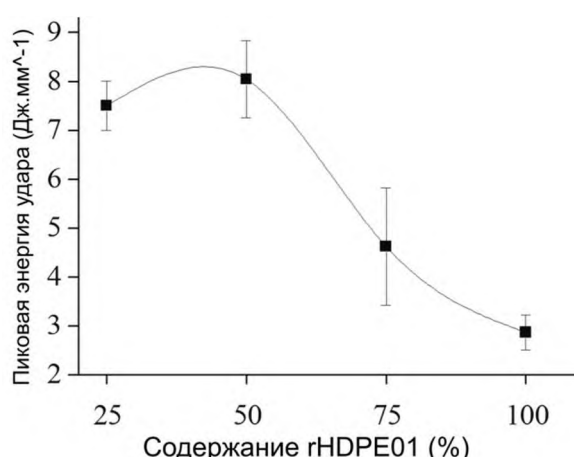

Рисунок 4. Влияние содержания вторичного полиэтилена (гHDPE) в композите на ударную вязкость ($J \cdot mm^{-1}$) [52]

В другой работе – «Mechanical and Thermal Degradation-Related Performance of Recycled LDPE from Post-Consumer Waste» – рассматривались механические и термические свойства полиэтилена низкой плотности, полученного из отходов потребления [53]. Целью эксперимента было создание переработанного материала, обладающего достаточной прочностью и устойчивостью к термодеструкции. Проведённые испытания на статическую и циклическую усталость при нагрузках до 80% от предельной прочности показали, что переработанный LDPE, изготовленный методом литья под давлением, сохраняет приемлемые эксплуатационные характеристики. Существенных изменений прочности при растяжении в процессе циклических испытаний не наблюдалось, однако фиксировался эффект накопления пластической деформации и увеличение остаточного смещения. Термический анализ выявил наличие высокомолекулярных фракций (около 84%), не поддающихся плавлению, что осложняет

процесс повторной переработки. После проведения анализа материал был измельчён, смешан с первичным полиэтиленом и использован для ротационного формования. Изучалось влияние количества гРЕ и структуры изделия (одно-, двух- и трёхслойные образцы) на прочность при растяжении, изгибе и ударную вязкость. Показано, что при увеличении содержания переработанного полиэтилена механические характеристики постепенно снижаются, однако до 35% гРЕ существенного ухудшения свойств не отмечается. Дополнительно установлено, что многослойные конструкции позволяют улучшить внешний вид изделий без снижения прочности.

В работе «Rotomolding of Thermoplastic Elastomers Based on Low-Density Polyethylene and Recycled Natural Rubber» исследовались композиционные материалы, содержащие полиэтилен низкой плотности (LDPE) и регенерированную резину, полученную из отработанных шин (GTR), с целью получения термопластичных эластомеров методом ротационного формования [54]. Изучалось влияние различных концентраций GTR (0, 20, 35 и 50% масс.) на технологические и физико-механические параметры композиций. Результаты показали, что введение каучука в композит снижает жёсткость и прочность материалов, одновременно повышая их гибкость и пластичность. Однако при этом ударная вязкость уменьшалась во всех смесях, что объясняется слабым сцеплением на границе раздела фаз GTR–LDPE и низким давлением внутри формы, приводящим к образованию пустот. При малом содержании каучука (до 20%) распределение резиновой фазы в матрице полиэтилена оставалось равномерным, тогда как при увеличении доли GTR до 50% количество дефектов и пор возрастало, ухудшая качество изделий.

Заключение

Из анализа найденных источников можно заключить что введение вторично переработанного полиэтилена (гРЕ), не всегда ухудшает свойства ротационных композитов, а часто их улучшает. Анализом работ [55-56] показано, что содержание гРЕ в ротационных композитах не должно превышать 50%. В целом совокупность патентных и научных данных подтверждает технологическую гибкость метода ротационного формования и значительный потенциал утилизации им вторичного полиэтилена (пластиковых отходов). Однако отсутствие унифицированной теоретической модели ограничивает возможность прогнозирования свойств полученных композитов: неопределённость оптимальной доли гРЕ приводит к колебаниям реологических характеристик, риску дефектов (микropустот, напряжений, расслоений) и снижению стабильности свойств конечной продукции [57-59]. Поэтому актуальной представляется задача разработки ротационных композитов, на основе гРЕ, аддитивов широкого спектра действия (антиоксидантов, термостабилизаторов и др.) и различных пигментов, с оптимальным сочетанием – реологических, механических (прочность, ударопрочность), термических и эксплуатационных свойств, получаемых из них изделий.

Литература:

1. Geyer R., Jambeck J.R., Law K.L. Production, use and fate of all plastics ever made // Science Advances. 2017. - Vol. 3. - DOI:10.1126/sciadv.1700782. - Cambridge, MA, USA.
2. Statistics of plastic production 1950–2025 // Sustainability. 2023. - Vol. 15, No. 9, 7181. - Basel, Switzerland.
3. Global plastic production and recycling levels in 2023 // Sustainability. 2024. - Vol. 16, No. 12, 5122. - Basel, Switzerland.

4. Geyer R., Jambeck J.R., Law K.L. Environmental consequences of the growth in plastic waste // *Science Advances*. 2017. -Vol. 3. - DOI:10.1126/sciadv.1700782. - Cambridge, MA, USA.
5. Plastics Europe. Plastics – the Facts 2022. Report. Brussels, Belgium. 2022.
6. Microplastics in marine ecosystems // *Science*. 2015. - Vol. 347, No. 6223, 1258362. - Washington, DC, USA.
7. Distribution of microplastics in the ocean // *Environmental Research Letters*. 2014. - Vol. 9, 124002. - Bristol, UK.
8. Zhaparova S.B., Bayazitova Z.E., Bekpergenova Zh.B. Use of plastic waste in the production of polymer-sanded tiles. *Vestnik of Manash Kozybayev North Kazakhstan university*. 2020; (3 (48)):219-229.
9. Khassenova A.K., Kuantkan B. From waste to wealth: international experience in improving the processing of production and consumption waste. *Vestnik of Manash Kozybayev North Kazakhstan university*. 2023;(1 (57)):74-80.
10. Our World in Data. Greenhouse gas emissions from plastics. 2023. - Oxford, UK.
11. Day R.H., Shaw D.G. The “Great Pacific Garbage Patch”: First report // *Science*. 1988. - Vol. 241(4867): 1073–1075. - Washington, DC, USA.
12. Rochman C.M. et al. Toxicity of microplastics to marine biota // *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. 2014. - Vol. 111(47): 17254-17259. - Washington, DC, USA.
13. Jambeck J.R., Geyer R., Wilcox C., Siegler T.R., Perryman M., Andrady A., Narayan R., Law K.L. Plastic waste inputs from land into the ocean // *Science*. 2015. - Vol. 347(6223): 768-771. - Washington, DC, USA.
14. Lopez G., Artetxe M., Amutio M., Bilbao J., Olazar M. Recycling of polyethylene by pyrolysis: Process potential // *Journal of Polymers and the Environment*. 2020. - Vol. 28: 2341-2361. - New York, USA.
15. OECD. Global Plastic Pollution - Press Release. 22 Feb 2022. - Paris, France.
16. Sharuddin S.D.A., Abnisa F., Wan Daud W.M.A., Aroua M.K. Pyrolysis and gasification of plastic waste: A review // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021. - Vol. 139: 110704. - Amsterdam, Netherlands.
17. Сидоров И.П. Вторичные полимерные материалы: технология и применение. - Санкт-Петербург: Технолит, 2022. - 350 с.
18. *Frontiers in Environmental Science*. Environmental assessment of plastic waste disposal methods. 2022. -Vol. 10: 934190. - Lausanne, Switzerland.
19. CIEL Report. Reducing Plastic Production to Achieve Climate Goals. September 2023. - Washington, DC, USA.
20. Final Report D4.1-13. Applicability of rec-HDPE for rotational moulding. 2023. - Brussels, Belgium.
21. GAC Report. Rotational Molding of Plastics: Advantages and Applications. 2021. - London, UK.
22. Crawford R.J., Throne J.L. Rotational Molding of Plastics. 3rd ed. - Oxford: Elsevier, 2021. - 450 p.
23. Crawford R.J. Recent advances in the manufacture of plastic products by rotomoulding // *Journal of Materials Processing Technology*. 1996. - Vol. 56: 263-271. - Amsterdam, Netherlands.
24. Ogila K.O., Shao M., Yang W., Tan J. Rotational molding: A review of the models and materials // *Express Polymer Letters*. 2017. - Vol. 11: 778-798. - Budapest, Hungary.
25. Gupta N., Ramkumar P.L., Sangani V. Review on materials, additives, processability and parameters in rotational molding // *Materials and Manufacturing Processes*. 2020. - Vol. 35: 1539-1556. - Philadelphia, USA.
26. Crawford R.J. Rotational Molding Technology. 2nd ed. - New York: John Wiley & Sons, 2018. - 115 p.
27. Crawford R.J., Throne J.L. Rotational Molding Technology. - Norwich, New York: Plastics Design Library, 2002. - 288 p.
28. Ramírez-Vargas E., Sandoval-Arellano Z., Hernández-Valdez J.S., Martínez-Colunga J.G., Sánchez-Valdés S. Compatibility of HDPE/Post-consumer HDPE blends using compatibilizing agents // *Journal of Applied Polymer Science*. 2006. - Vol. 100: 3696–3706. - Hoboken, USA.
29. ARMO 2021 Report / Industry ARC Report. Rotational Moulding Market Analysis. 2020. - Hyderabad, India. Ж 22–35. Patent sources (WIPO, USPTO, CNIPA, CIPO): Polyethylene compositions and recycled polymer technologies for rotational molding. - 1993-2024. - Geneva (CH), Washington (US), Beijing (CN), Ottawa (CA).
30. Kelly-Walley J., Martin P., Ortega Z., Pick L., McCourt M. Recent advancements towards sustainability in rotomoulding // *Materials*. 2024. - Vol. 17: 2607. - Basel, Switzerland.

31. Pick L., Hanna P.R., Gorman L. Assessment of processibility and properties of post-consumer waste polyethylene in rotational moulding // *Journal of Polymer Engineering*. 2022. - Vol. 42: 374-383. - Berlin, Germany.
32. Cestari S.P.J., Martin P.R., Hanna P.P., Kearns M., Mendes L.C., Millar B. Use of virgin/recycled polyethylene blends in rotational moulding // *Journal of Polymer Engineering*. 2021. - Vol. 41: 509-516. - Berlin, Germany.
33. Díaz S., Ortega Z., McCourt M., Kearns M.P., Benítez A.N. Recycling of polymeric cable waste by rotational moulding // *Waste Management*. 2018. - Vol. 76: 199-206. - Amsterdam, Netherlands.
34. Chaisrichawla S., Dangtungee R. The use of recycled material in rotational molding for septic tank production // *Materials Science Forum*. 2018. - Vol. 936: 151-158. -Zurich, Switzerland.
35. Ferreira T., Mendes G.A., de Oliveira A.M., Dias C.G.B.T. Manufacture and characterization of PP and HDPE blocks for construction // *Polymer*. 2022- Vol. 14: 2463. - Amsterdam, Netherlands.
36. United States Patent and Trademark Office. 2023. Rotomolding compositions with controlled PCR segregation for improved adhesion. US20230093454A1.
37. United States Patent and Trademark Office. 2023. Rotomolding compositions enabling surface roughness control via recycled polymers. US20230124453A1.
38. United States Patent and Trademark Office. 2023. Phase segregation strategies for rotomolded products with enhanced surface adhesion. US20230339150A1.
39. World Intellectual Property Organization. 2025. Three-component polyethylene compositions with rPE for rotational molding. WO2025114813A1.
40. United States Patent and Trademark Office. 2024. High heat polycarbonate compositions including recycled thermoplastic content. US11912864B2.
41. United States Patent and Trademark Office. 2017. Stabilized polycarbonate blend with post-consumer recycled plastics. US9624370B2.
42. United States Patent and Trademark Office. 2022. High heat polycarbonate compositions including recycled thermoplastic content. US20220064439A1.
43. United States Patent and Trademark Office. 2022. Recycled and renewable polymeric composition for computer chassis. US20220127454A1.
44. Kelly-Walley, Jake & Martin, Peter & Ortega, Zaida & Pick, Louise & McCourt, Mark. (2024). Recent Advancements towards Sustainability in Rotomoulding. *Materials*. 17. 2607. 10.3390/ma17112607.
45. Pick, L.; Hanna, P.R.; Gorman, L. Assessment of Processibility and Properties of Raw Post-Consumer Waste Polyethylene in the Rotational Moulding Process. *J. Polym. Eng.* 2022, 42, 374-383. [CrossRef]
46. Cestari, S.P.J.; Martin, P.R.; Hanna, P.P.; Kearns, M.; Mendes, L.C.; Millar, B. Use of Virgin/Recycled Polyethylene Blends in Rotational Moulding. *J. Polym. Eng.* 2021, 41, 509-516. [CrossRef]
47. Díaz, S.; Ortega, Z.; McCourt, M.; Kearns, M.P.; Benítez, A.N. Recycling of Polymeric Fraction of Cable Waste by Rotational Moulding. *Waste Manag.* 2018, 76, 199-206. [CrossRef] [PubMed]
48. Shaker, R.; Rodrigue, D. Rotomolding of Thermoplastic Elastomers Based on Low-Density Polyethylene and Recycled Natural Rubber. *Appl. Sci.* 2019, 9, 5430. [CrossRef]
49. Cestari, S.P. Use of virgin/recycled polyethylene blends in rotational moulding / S.P. Cestari, P.J. Martin, P.R. Hanna, M.P. Kearns, L.C. Mendes, B. Millar // *Journal of Polymer Engineering*. - 2021. - Vol. 41, № 6. - P. 509-516.
50. Ramírez-Vargas, E.; Sandoval-Arellano, Z.; Hernández-Valdez, J.S.; Martínez-Colunga, J.G.; Sánchez-Valdés, S. Compatibility of HDPE/Postconsumer HDPE Blends Using Compatibilizing Agents. *J. Appl. Polym. Sci.* 2006, 100, 3696-3706.
51. Cestari, S.P.; Martin, P.J.; Hanna, P.R.; P. Kearns, M.; Mendes, L.C.; Millar, B. Use of Virgin/Recycled Polyethylene Blends in Rotational Moulding. *J. Polym. Eng.* 2021, 41, 509-516.
52. Oliveira, L.C. Mechanical and Thermal Degradation-Related Properties of Blends of Virgin Medium-Density Polyethylene and Recycled High-Density Polyethylene / L.C. Oliveira, M.A. Silva // *Polymer Degradation and Stability*. -2017. -Vol. 136, No. 3. - P. 120–128.
53. Müller, M., Kolář, V., & Mishra, R. K. (2024). Mechanical and Thermal Degradation-Related Performance of Recycled LDPE from Post-Consumer Waste. *Polymers*, 16(20), 2863.
54. Shaker, R., and D. Rodrigue. 2019. "Rotomolding of Thermoplastic Elastomers Based on Low-Density Polyethylene and Recycled Natural Rubber." *Applied Sciences* 9 (24): 5430.
55. Data Bridge Market Research (2021), Global Rotomolding Market Report
56. ARMO 2021 Report / IndustryARC Report (2020), Rotational Moulding Market Analysis
57. Gomes F.P.C., Thompson M.R. Analysis of Mullins effect in polyethylene using ultrasonic guided waves. *Polymer Testing*, 60, 351–356 (2017). DOI: 10.1016/j.polymertesting.2017.04.020

58. Gomes F.P.C., West W.T.J., Thompson M.R. Effects of annealing and swelling to initial plastic deformation of polyethylene probed by nonlinear ultrasonic guided waves. *Polymer*, 131, 160–168 (2017). DOI: 10.1016/j.polymer.2017.10.041

59. ASTM D1693-21. Standard Test Method for Environmental Stress-Cracking of Ethylene Plastics. ASTM International, West Conshohocken, PA (2021).

References:

1. Geyer R., Jambeck J.R., Law K.L. Production, use and fate of all plastics ever made // *Science Advances*. 2017. - Vol. 3. - DOI:10.1126/sciadv.1700782. - Cambridge, MA, USA.
2. Statistics of plastic production 1950–2025 // *Sustainability*. 2023. - Vol. 15, No. 9, 7181. - Basel, Switzerland.
3. Global plastic production and recycling levels in 2023 // *Sustainability*. 2024. - Vol. 16, No. 12, 5122. - Basel, Switzerland.
4. Geyer R., Jambeck J.R., Law K.L. Environmental consequences of the growth in plastic waste // *Science Advances*. 2017. - Vol. 3. - DOI:10.1126/sciadv.1700782. - Cambridge, MA, USA.
5. Plastics Europe. Plastics – the Facts 2022. Report. Brussels, Belgium. 2022.
6. Microplastics in marine ecosystems // *Science*. 2015. - Vol. 347, No. 6223, 1258362. - Washington, DC, USA.
7. Distribution of microplastics in the ocean // *Environmental Research Letters*. 2014. - Vol. 9, 124002. - Bristol, UK.
8. Zhaparova S.B., Bayazitova Z.E., Bekpergenova Zh.B. Use of plastic waste in the production of polymer-sanded tiles. *Vestnik of Manash Kozybayev North Kazakhstan university*. 2020; (3 (48)):219-229.
9. Khassenova A.K., Kuantkan B. From waste to wealth: international experience in improving the processing of production and consumption waste. *Vestnik of Manash Kozybayev North Kazakhstan university*. 2023;(1 (57)):74-80.
10. Our World in Data. Greenhouse gas emissions from plastics. 2023. - Oxford, UK.
11. Day R.H., Shaw D.G. The “Great Pacific Garbage Patch”: First report // *Science*. 1988. - Vol. 241(4867): 1073–1075. - Washington, DC, USA.
12. Rochman C.M. et al. Toxicity of microplastics to marine biota // *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. 2014. - Vol. 111(47): 17254-17259. - Washington, DC, USA.
13. Jambeck J.R., Geyer R., Wilcox C., Siegler T.R., Perryman M., Andrady A., Narayan R., Law K.L. Plastic waste inputs from land into the ocean // *Science*. 2015. - Vol. 347(6223): 768-771. - Washington, DC, USA.
14. Lopez G., Artetxe M., Amutio M., Bilbao J., Olazar M. Recycling of polyethylene by pyrolysis: Process potential // *Journal of Polymers and the Environment*. 2020. - Vol. 28: 2341-2361. - New York, USA.
15. OECD. Global Plastic Pollution - Press Release. 22 Feb 2022. - Paris, France.
16. Sharuddin S.D.A., Abnisa F., Wan Daud W.M.A., Aroua M.K. Pyrolysis and gasification of plastic waste: A review // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021. - Vol. 139: 110704. - Amsterdam, Netherlands.
17. Sidorov I.P. *Vtorichnye polimernye materialy: tekhnologiya i primeneniye*. - Sankt-Peterburg: Tekhnolit, 2022. - 350 s.
18. *Frontiers in Environmental Science*. Environmental assessment of plastic waste disposal methods. 2022. - Vol. 10: 934190. - Lausanne, Switzerland.
19. CIEL Report. Reducing Plastic Production to Achieve Climate Goals. September 2023. - Washington, DC, USA.
20. Final Report D4.1-13. Applicability of rec-HDPE for rotational moulding. 2023. - Brussels, Belgium.
21. GAC Report. Rotational Molding of Plastics: Advantages and Applications. 2021. - London, UK.
22. Crawford R.J., Throne J.L. *Rotational Molding of Plastics*. 3rd ed. - Oxford: Elsevier, 2021. - 450 p.
23. Crawford R.J. Recent advances in the manufacture of plastic products by rotomoulding // *Journal of Materials Processing Technology*. 1996. - Vol. 56: 263-271. - Amsterdam, Netherlands.
24. Ogila K.O., Shao M., Yang W., Tan J. Rotational molding: A review of the models and materials // *Express Polymer Letters*. 2017. - Vol. 11: 778-798. - Budapest, Hungary.
25. Gupta N., Ramkumar P.L., Sangani V. Review on materials, additives, processability and parameters in rotational molding // *Materials and Manufacturing Processes*. 2020. - Vol. 35: 1539-1556. - Philadelphia, USA.

26. Crawford R.J. Rotational Molding Technology. 2nd ed. - New York: John Wiley & Sons, 2018. - 115 p.
27. Crawford R.J., Throne J.L. Rotational Molding Technology. - Norwich, New York: Plastics Design Library, 2002. - 288 p.
28. Ramírez-Vargas E., Sandoval-Arellano Z., Hernández-Valdez J.S., Martínez-Colunga J.G., Sánchez-Valdés S. Compatibility of HDPE/Post-consumer HDPE blends using compatibilizing agents // Journal of Applied Polymer Science. 2006. - Vol. 100: 3696–3706. - Hoboken, USA.
29. ARMO 2021 Report / Industry ARC Report. Rotational Moulding Market Analysis. 2020. - Hyderabad, India. ZH 22–35. Patent sources (WIPO, USPTO, CNIPA, CIPO): Polyethylene compositions and recycled polymer technologies for rotational molding. - 1993-2024. - Geneva (CH), Washington (US), Beijing (CN), Ottawa (CA).
30. Kelly-Walley J., Martin P., Ortega Z., Pick L., McCourt M. Recent advancements towards sustainability in rotomoulding // Materials. 2024. - Vol. 17: 2607. - Basel, Switzerland.
31. Pick L., Hanna P.R., Gorman L. Assessment of processibility and properties of post-consumer waste polyethylene in rotational moulding // Journal of Polymer Engineering. 2022. - Vol. 42: 374-383. - Berlin, Germany.
32. Cestari S.P.J., Martin P.R., Hanna P.P., Kearns M., Mendes L.C., Millar B. Use of virgin/recycled polyethylene blends in rotational moulding // Journal of Polymer Engineering. 2021. - Vol. 41: 509-516. - Berlin, Germany.
33. Díaz S., Ortega Z., McCourt M., Kearns M.P., Benítez A.N. Recycling of polymeric cable waste by rotational moulding // Waste Management. 2018. - Vol. 76: 199-206. - Amsterdam, Netherlands.
34. Chaisrichawla S., Dangtungee R. The use of recycled material in rotational molding for septic tank production // Materials Science Forum. 2018. - Vol. 936: 151-158. - Zurich, Switzerland.
35. Ferreira T., Mendes G.A., de Oliveira A.M., Dias C.G.B.T. Manufacture and characterization of PP and HDPE blocks for construction // Polymer. 2022- Vol. 14: 2463. - Amsterdam, Netherlands.
36. United States Patent and Trademark Office. 2023. Rotomolding compositions with controlled PCR segregation for improved adhesion. US20230093454A1.
37. United States Patent and Trademark Office. 2023. Rotomolding compositions enabling surface roughness control via recycled polymers. US20230124453A1.
38. United States Patent and Trademark Office. 2023. Phase segregation strategies for rotomolded products with enhanced surface adhesion. US20230339150A1.
39. World Intellectual Property Organization. 2025. Three-component polyethylene compositions with rPE for rotational molding. WO2025114813A1.
40. United States Patent and Trademark Office. 2024. High heat polycarbonate compositions including recycled thermoplastic content. US11912864B2.
41. United States Patent and Trademark Office. 2017. Stabilized polycarbonate blend with post-consumer recycled plastics. US9624370B2.
42. United States Patent and Trademark Office. 2022. High heat polycarbonate compositions including recycled thermoplastic content. US20220064439A1.
43. United States Patent and Trademark Office. 2022. Recycled and renewable polymeric composition for computer chassis. US20220127454A1.
44. Kelly-Walley, Jake & Martin, Peter & Ortega, Zaida & Pick, Louise & McCourt, Mark. (2024). Recent Advancements towards Sustainability in Rotomoulding. Materials. 17. 2607. 10.3390/ma17112607.
45. Pick, L.; Hanna, P.R.; Gorman, L. Assessment of Processibility and Properties of Raw Post-Consumer Waste Polyethylene in the Rotational Moulding Process. J. Polym. Eng. 2022, 42, 374-383. [CrossRef]
46. Cestari, S.P.J.; Martin, P.R.; Hanna, P.P.; Kearns, M.; Mendes, L.C.; Millar, B. Use of Virgin/Recycled Polyethylene Blends in Rotational Moulding. J. Polym. Eng. 2021, 41, 509-516. [CrossRef]
47. Díaz, S.; Ortega, Z.; McCourt, M.; Kearns, M.P.; Benítez, A.N. Recycling of Polymeric Fraction of Cable Waste by Rotational Moulding. Waste Manag. 2018, 76, 199-206. [CrossRef] [PubMed]
48. Shaker, R.; Rodrigue, D. Rotomolding of Thermoplastic Elastomers Based on Low-Density Polyethylene and Recycled Natural Rubber. Appl. Sci. 2019, 9, 5430. [CrossRef]
49. Cestari, S.P. Use of virgin/recycled polyethylene blends in rotational moulding / S.P. Cestari, P.J. Martin, P.R. Hanna, M.P. Kearns, L.C. Mendes, B. Millar // Journal of Polymer Engineering. - 2021. - Vol. 41, № 6. - P. 509-516.
50. Ramírez-Vargas, E.; Sandoval-Arellano, Z.; Hernández-Valdez, J.S.; Martínez-Colunga, J.G.; Sánchez-Valdés, S. Compatibility of HDPE/Postconsumer HDPE Blends Using Compatibilizing Agents. J. Appl. Polym. Sci. 2006, 100, 3696-3706.

51. Cestari, S.P.; Martin, P.J.; Hanna, P.R.; P. Kearns, M.; Mendes, L.C.; Millar, B. Use of Virgin/Recycled Polyethylene Blends in Rotational Moulding. *J. Polym. Eng.* 2021, 41, 509-516.
52. Oliveira, L.C. Mechanical and Thermal Degradation-Related Properties of Blends of Virgin Medium-Density Polyethylene and Recycled High-Density Polyethylene / L.C. Oliveira, M.A. Silva // *Polymer Degradation and Stability*. -2017. -Vol. 136, No. 3. - P. 120–128.
53. Müller, M., Kolář, V., & Mishra, R.K. (2024). Mechanical and Thermal Degradation-Related Performance of Recycled LDPE from Post-Consumer Waste. *Polymers*, 16(20), 2863.
54. Shaker, R., and D. Rodrigue. 2019. "Rotomolding of Thermoplastic Elastomers Based on Low-Density Polyethylene and Recycled Natural Rubber." *Applied Sciences* 9 (24): 5430.
55. Data Bridge Market Research (2021), Global Rotomolding Market Report
56. ARMO 2021 Report / IndustryARC Report (2020), Rotational Moulding Market Analysis
57. Gomes F.P.C., Thompson M.R. Analysis of Mullins effect in polyethylene using ultrasonic guided waves. *Polymer Testing*, 60, 351–356 (2017). DOI: 10.1016/j.polymertesting.2017.04.020
58. Gomes F.P.C., West W.T.J., Thompson M.R. Effects of annealing and swelling to initial plastic deformation of polyethylene probed by nonlinear ultrasonic guided waves. *Polymer*, 131, 160–168 (2017). DOI: 10.1016/j.polymer.2017.10.041.
59. ASTM D1693-21. Standard Test Method for Environmental Stress-Cracking of Ethylene Plastics. ASTM International, West Conshohocken, PA (2021).

Information about the authors

Tyukanko V.Y. – scientific supervisor, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: vetal3333@mail.ru;

Tassimova A.A., – corresponding author, student, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: akniettasimova@gmail.com;

Khasenova D.K. – student, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: danagul.khasenova.05@bk.ru;

Lyakhova E.E. – student, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: evnikalahova@gmail.com;

Tarunin R.A. – senior lecturer, department of International Campus, master, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: ratarunin@ku.edu.kz;

Alpysov R.R. – master's student, Department of Chemistry and chemical technologies, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: sparkggvpeasy27@gmail.com;

Kusainov A.G. – master's student, Department of Chemistry and chemical technologies, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: alisher2909@gmail.com;

Krasilnikova R.E. – master's student, Department of Chemistry and chemical technologies, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: ypravdom01@gmail.com.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-24-36

УДК 621:579.695

МРНТИ 55.01.91

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МИКРОВОДОРОСЛЕЙ В УДАЛЕНИИ
ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ ИЗ СТОЧНЫХ ВОД МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ****Шустарева А.И.¹, Мищенко Д.А.^{1*}, Накиев Т.Р.¹, Голодова И.В.²**^{1*}*НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан*^{2*}*ТОО «Научно-технологический центр воды», Петропавловск, Казахстан***Автор для корреспонденции: mishchenko.darya.0000@gmail.com***Аннотация**

В данной обзорной статье рассмотрены современные исследования, посвящённые проблеме загрязнения сточных вод машиностроительных предприятий тяжёлыми металлами и возможностям их биологической очистки с использованием микроводорослей. Проанализированы основные источники формирования промышленных сточных вод, их химический состав и ориентировочные показатели предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ. Рассмотрены ограничения традиционных физико-химических методов очистки, включая высокие затраты, ограниченную эффективность и экологические риски. В работе подробно описаны механизмы биоремедиации с участием микроводорослей, включая процессы биосорбции, биоаккумуляции и комплексообразования. Освещены биологические особенности микроводорослей, роль функциональных групп клеточной стенки в связывании ионов металлов, а также влияние факторов среды на эффективность очистки.

Приведены данные о биологических характеристиках *Chlorella vulgaris*, устойчивости к загрязнению и высокой эффективности удаления тяжёлых металлов в различных условиях. Представлено сравнение эффективности различных видов микроводорослей. Проанализированы преимущества и ограничения микроводорослевой очистки с точки зрения экологической безопасности, экономической целесообразности и устойчивости к изменяющимся условиям среды.

В заключение сделан вывод о перспективности применения *Chlorella vulgaris* для экологически безопасной и экономически эффективной очистки сточных вод от тяжёлых металлов и подчеркнута необходимость дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: микроводоросль, *Chlorella vulgaris*, сточные воды, машиностроительные предприятия, тяжёлые металлы, биосорбция, биоаккумуляция.

**МАШИНА ЖАСАУ КӘСІПОРЫНДАРЫНЫҢ АҒЫНДЫ СУЛАРЫНАН АУЫР
МЕТАЛДАРДЫ КЕТІРУДЕГІ МИКРОБАЛДЫРЛАРДЫҢ ТИІМДІЛІГІН
ЗЕРТТЕУ****Шустарева А.И.¹, Мищенко Д.А.^{1*}, Накиев Т.Р.¹, Голодова И.В.²**^{1*}*«Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КЕАҚ,
Петропавл, Қазақстан*^{2*}*«Су ғылыми-технологиялық орталығы» ЖШС, Петропавл, Қазақстан***Хат-хаттың үшін авторы: mishchenko.darya.0000@gmail.com***Аңдатпа**

Бұл шолу мақаласында машина жасау кәсіпорындарының ағынды суларының ауыр металдармен ластануы және микробалдырларды қолдана отырып, оларды биологиялық тазарту мүмкіндіктері туралы заманауи зерттеулер қарастырылған. Өнеркәсіптік сарқынды суларды қалыптастырудың негізгі көздері, олардың химиялық құрамы және ластаушы заттардың рұқсат етілген шекті концентрациясының болжамды

көрсеткіштері талданды. Дәстүрлі физика-химиялық тазарту әдістерінің шектеулері, соның ішінде жоғары шығындар, шектеулі тиімділік және экологиялық тәуекелдер қарастырылады, бұл балама технологияларды енгізу қажеттілігін негіздейді. Жұмыста биосорбция, биоаккумуляция және кешен түзілу процестерін қоса алғанда, микробалдырларды қамтитын биоремедиация механизмдері егжей-тегжейлі сипатталған. Микробалдырлардың биологиялық ерекшеліктері, металл иондарын байланыстырудағы жасуша қабырғасының функционалды топтарының рөлі, сондай-ақ қоршаған орта факторларының тазарту тиімділігіне әсері қамтылған.

Chlorella Vulgaris биологиялық сипаттамалары, ластануға төзімділігі және әртүрлі жағдайларда ауыр металдарды жоюдың жоғары тиімділігі туралы мәліметтер келтірілген. Микробалдырлардың әртүрлі түрлерінің тиімділігін салыстыру ұсынылған. Микробалдырды тазартудың артықшылықтары мен шектеулері экологиялық қауіпсіздік, экономикалық орындылық және қоршаған ортаның өзгеретін жағдайларына төзімділік тұрғысынан талданды.

Қорытындылай келе, *Chlorella vulgaris*-ті ауыр металдардан Ағынды суларды экологиялық таза және үнемді тазарту үшін қолданудың болашағы туралы қорытынды жасалды және осы салада одан әрі зерттеу қажеттілігі атап өтілді.

Кілт сөздер: микробалдырлар, *Chlorella vulgaris*, ағынды сулар, машина жасау кәсіпорындары, ауыр металдар, биосорбция, биоаккумуляция.

A STUDY OF THE EFFECTIVENESS OF MICROALGAE IN REMOVING HEAVY METALS FROM WASTEWATER FROM MECHANICAL ENGINEERING PLANTS

A.I. Shustareva¹, D.A. Mishchenko^{1*}, T.R. Nakiyev¹, I.V. Golodova²

^{1*}*Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan*

^{2*}*Scientific and Technological Center of Water LLP, Petropavlovsk, Kazakhstan*

**Corresponding author: mishchenko.darya.0000@gmail.com*

Abstract

This review article examines modern research on the problem of wastewater pollution from machine-building enterprises with heavy metals and the possibilities of their biological purification using microalgae. The main sources of industrial wastewater formation, their chemical composition and approximate maximum permissible concentrations of pollutants are analyzed. The limitations of traditional physico-chemical cleaning methods are considered. The work describes in detail the mechanisms of bioremediation involving microalgae, including the processes of biosorption, bioaccumulation and complexation.

Data on *Chlorella vulgaris* biological characteristics, resistance to contamination, and high efficiency of heavy metal removal under various conditions are presented. A comparison of the effectiveness of different types of microalgae is presented. The advantages and limitations of microalgae purification in terms of environmental safety, economic feasibility and resistance to changing environmental conditions are analyzed.

In conclusion, the use of *Chlorella vulgaris* for environmentally safe and cost-effective wastewater treatment from heavy metals is considered promising, and the need for further research in this area is emphasized.

Keywords: microalgae, *Chlorella vulgaris*, wastewater, mechanical engineering enterprises, heavy metals, biosorption, bioaccumulation.

Введение

Загрязнение водных ресурсов является актуальной проблемой современного мира, в частности, контаминация сточных вод тяжелыми металлами. Тяжёлые металлы, такие как медь (Cu), железо (Fe), цинк (Zn), попадают в воду посредством сброса конечных продуктов производства машиностроительных предприятий, образуя концентрированные отходы. Данные металлы обладают выраженной токсичностью и накапливаются в экосистемах, нанося ущерб здоровью человека и животных [1]. Будучи резистентными к разложению, они мигрируют и накапливаются в пищевых цепях,

отравляя целые организмы [1]. Попадая в организм человека, тяжёлые металлы поражают печень, почки, нервную систему, а также способны вызывать генетические мутации и канцерогенез в зависимости от концентрации и продолжительности воздействия [2]. Это подчёркивает остроту проблемы, требующей своевременного решения.

На данный момент существуют различные физико-химические методы очистки сточных вод от тяжёлых металлов: фильтрация с применением мембранных технологий, электрохимическая очистка, химическое осаждение и адсорбция. Однако данные методы имеют ряд недостатков: высокая стоимость, ограниченная эффективность в борьбе с комплексными соединениями металлов, низкая устойчивость адсорбентов при высоких концентрациях [3]. Альтернативным подходом является применение биологических методов. Таким методом является использование микроводорослей, обладающих следующими преимуществами: доступность, эффективность и экологичность. Микроводоросли способны аккумулировать и удерживать загрязняющие вещества, в том числе ионы металлов, их эффективность зависит от условий среды (температура, свет, pH, концентрация загрязнителей) и физиологического состояния клеток [4]. Применение *Chlorella vulgaris* является перспективным и экологически безопасным решением проблемы загрязнения сточных вод тяжёлыми металлами.

Сточные воды машиностроительных предприятий

Сточные воды машиностроительных предприятий содержат сложный комплекс органических и неорганических веществ. Сложные промышленные стоки характеризуются повышенной концентрацией тяжёлых металлов, ПАВ и взвешенных веществ. Данные загрязнители попадают в сточные воды после путей гальванической и поверхностной обработки, в ходе механической обработки и металлообработки, а также из-за промывки и очистки деталей на производстве. В процессе металлообработки используются смазочно-охлаждающие жидкости, которые используют в ходе сверления и шлифования поверхности металлических конструкций. Частицы металла и абразивной пыли попадают в стоки вод, оказывая токсичное влияние. Использование обезжиривателей, ПАВ и растворителей при очистке и промывке техники и двигателей, также в последствие влияют на состав сточной воды [5]. Применение покрытий для поверхностной обработки деталей (хромирование, никелирование и т.д) использование растворов для гальваники служит основным источником загрязнения вод тяжёлыми ионами металлов (Fe, Cr, Zn, Cu, Cd), щелочами и кислотами, изменяющих pH среды [6]. Помимо вышеперечисленных источников существуют поверхностные стоки на территории предприятия, в составе которых имеются дорожная пыль, грязь, масла и смазки. Данные компоненты также попадают в основной сток, повышая степень загрязнения. В таблице 1 представлен основной состав сточных вод машиностроительных предприятий.

Таблица 1. Состав сточных вод машиностроительных предприятий [7, 8]

Источник	Основное вещество/металл	ПДК, мг/л (примерные показатели)*
Гальванические и поверхностные обработки	Cd	<0,005
Металлообработка (системы охлаждения)	Cu	<2,5

Промывка и очистка	ПАВ (обезжириватели)	<0,5
Поверхностные обработки	Zn	<4
Покрытия деталей	Ni, Cr	<0,5
Металлообработка	Взвешенные вещества (металлическая стружка)	<10
Металлообработка, покрытия	Fe	<1,0

*В данной таблице ПДК ориентировочные, так как в конкретных нормативных документах ПДК определяется индивидуально

Микроводоросли как средство биоремедиации. Основные механизмы очистки

Фиторемедиация – это процесс очищения среды от загрязнений при помощи водорослей. Микроводоросли являются эффективными биосорбентами для удаления загрязнений, включая тяжёлые металлы из сточных вод. Учёными доказано, что микроводоросли обладают высоким потенциалом в биоремедиации [9]. Способность к биосорбции обусловлена уникальным строением клеточной стенки и наличием в ней функциональных групп: сульфатной, карбоксильной, гидроксильной и аминогрупп, обеспечивающих высокую сорбционную ёмкость вне зависимости от физиологического состояния клеток. Механизмы биоаккумуляции и секреции хелатирующих веществ позволяют связывать и накапливать широкий спектр тяжёлых металлов. Эффективность адсорбции определяется внешними факторами (рН, состав среды, концентрация металлов, температура и освещённость). Авторы подчёркивают различие сорбционных параметров у разных штаммов микроводорослей, что важно при подборе вида для очистки вод с определённым составом металлосодержащих соединений [9]. Накопленная биомасса может быть использована повторно в качестве сырья для биоэнергетики – как источник биотоплива и биоудобрений [10].

Механизмы очистки включают биосорбцию и биоаккумуляцию. Биосорбция – пассивный метаболически независимый механизм связывания ионов металлов на поверхности клеточной стенки посредством электростатического притяжения и ионно-протонного обмена. Биоаккумуляция, в свою очередь, происходит путём активного транспорта: ионы тяжёлых металлов проникают внутрь клетки через мембранные пути, связываются с лигандами (пептидами, внутриклеточными белками) и иммобилизируются в вакуолях. Биоаккумуляция протекает значительно медленнее биосорбции [11]. В ряде случаев ионы металлов образуют малорастворимые соединения с сульфидными, нитратными и фосфатными ионами среды, которые связываются с биомассой и эффективно выводятся из раствора.

Для качественной сорбции необходимы: умеренный уровень рН, невысокая концентрация ионов металлов, высокая концентрация биомассы, длительное время контакта. При оптимальных условиях биосорбция и биоаккумуляция протекают значительно быстрее и эффективнее. Для повышения результативности применяются дополнительные методы: химически модифицированные клетки с расширенным набором функциональных групп, симбиотические системы с бактериями, иммобилизированные водоросли и нанокompозиты [11]. В таблице 2 представлены основные механизмы биоремедиации, включающие описательную характеристику и примеры металлов.

Таблица 2. Механизмы биоремедиации [12, 13, 14]

Механизм	Характеристика	Примеры тяжелых металлов
Биоаккумуляция	Внутриклеточное накопление ионов металла с энергетическими затратами.	Cd, Pb, Hg
Биосорбция	Метаболически независимый процесс. Физико-химическое связывание ионов металла с клеточной стенкой микроводоросли посредством активных центров (-ОН, -NH ₂ , -COOH) и внеклеточных полимерных субстанций (EPS). Макроскопический процесс включающий подтипы по механизму очищения.	Cu, Zn, Cr, Cd, Pb
Биопреципитация	Осаждение малорастворимых соединений металлов (сульфаты, сульфиды и т.д.) внутри или на поверхности клетки водоросли.	Cd, Pb
Комплексообразование	Подтип биосорбции. Образование устойчивых комплексов посредством химического связывания ионов металлов с функциональными группами на поверхности клетки.	Cu, Cr, Ni
Ионный обмен	Подтип механизма биосорбции. Включает конкретное связывание иона металла с конкретным ионом функциональной группы, расположенной на поверхности микроводоросли (Na ⁺ , Ca ²⁺ , K ⁺ , Mg ²⁺ и т.д.)	Zn, Cd, Pb
Белковое связывание	Процесс связывания ионов металлов с белками внутри клетки (металлотионеинами).	Zn, Cu, Cd

* Данные из таблицы зависят от условий эксперимента, поэтому являются ожидаемыми

В ходе процессов очистки у микроводорослей может развиваться окислительный стресс, обусловленный образованием активных форм кислорода при воздействии тяжёлых металлов. Это приводит к нарушениям фотосинтеза, повреждению мембран и замедлению клеточного роста. В ответ микроводоросли активируют антиоксидантную систему, нейтрализующую активные формы кислорода и усиливающую связывание ионов металлов. Продолжительное воздействие металлов индуцирует резистентность клеток, обусловленную внутриклеточной секвестрацией металлов и изменением экспрессии защитных генов [15].

Микроводоросль *Chlorella vulgaris*

Chlorella vulgaris – эукариотическая одноклеточная водоросль со сферической или эллипсоидной формой клеток размером 2–10 мкм. Клеточная стенка состоит из двуслойной полисахаридной матрицы – галактозы и рамнозы, – что обеспечивает

адаптационную устойчивость к воздействию внешних условий среды [16]. Данный вид получил широкое распространение в биотехнологических исследованиях как удобная технологическая модель для изучения процессов очистки загрязнённых вод. На рисунках 1 и 2 приведено изображение водоросли под микроскопом.

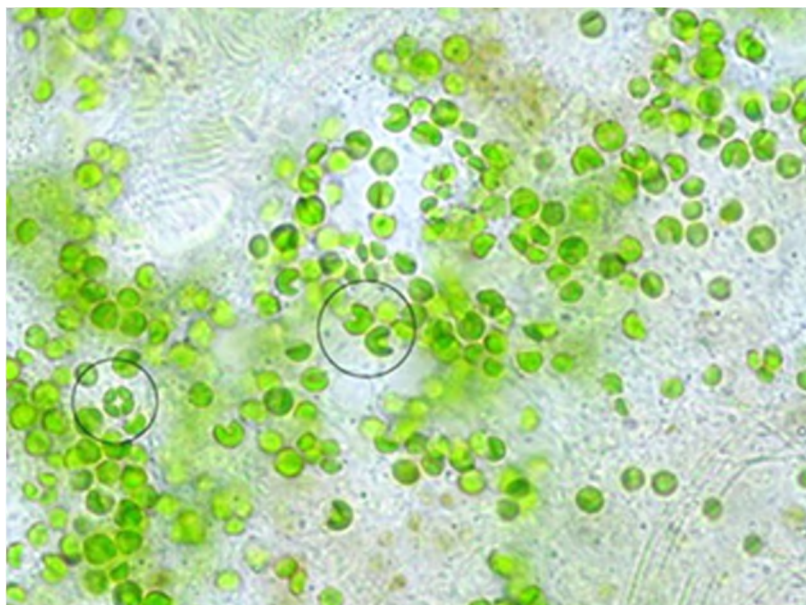

Рисунок 1. Водоросль *C. vulgaris* [17]

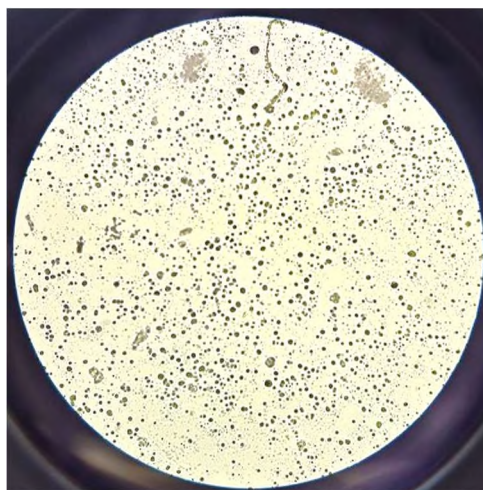

Рисунок 2. Микроводоросль *C. Vulgaris* при рассмотрении под микроскопом x10

Chlorella vulgaris является одним из наиболее эффективных и широко изученных биосорбентов для удаления тяжёлых металлов из сточных вод. По данным атомно-абсорбционной спектроскопии, эффективность удаления металлов составляет 65–99% в однокомпонентных культурах и 49–99% в многокомпонентных, что подтверждает преимущество данного штамма по биосорбционной способности [18, 19]. В таблице 3 приведены данные об эффективности *C. vulgaris* при воздействии на различные ионы

тяжёлых металлов, а также в таблице 4 приведено сравнение эффективности удаления тяжёлых металлов в сточных водах различных видов микроводорослей.

Таблица 3. Эффективность сорбции тяжёлых металлов *Chlorella vulgaris* [20, 21, 22]

Металл	Тип воды и условия	Эффективность удаления	Характеристика
Ni ²⁺ , Pb ²⁺ , Zn ²⁺ , Cd ²⁺ , Cu ²⁺	Лабораторные модели вод в контролируемых условиях	Однокомп. культуры: 65–99% (3-й день); 72–99% (7-й день)	Высокая адсорбция в однокомпонентных системах. С ростом концентрации металлов действие микроводорослей замедляется.
Fe ²⁺	Модель сточной воды машиностроительного предприятия	≈ 83,59%	Эффективная биосорбция посредством активной поверхности микроводорослей.
Mn ²⁺	Синтетическая модельная сточная вода	≈ 74,60%	Активность адсорбции зависит от концентрации биомассы и времени контакта.
Zn ²⁺	Смоделированные условия сточных вод	≈ 78,98%	Высокая степень сорбционности.
Pb ²⁺	Лабораторная имитация сточных вод	Многокомп. культуры: 48–99%	Зависимость от условий среды. Снижение активности из-за конкуренции с Cu и Zn.
Cd ²⁺	Лабораторная модель. Широкий диапазон концентраций.	≈ 57–96%	Устойчиво высокий уровень внутриклеточных механизмов.
Cu ²⁺	Искусственно созданные условия	≈ 89–99%	Повышенная активность биосорбента. Причина — высокая аффинность к функциональным группам.
Cu ²⁺ , Zn ²⁺ , Cd ²⁺ , Pb ²⁺ , Ni ²⁺	Промышленные условия (лабораторный контроль)	>60–80%	Данные по сложным водам (точность варьируется).
Cu ²⁺ , Zn ²⁺ , Cd ²⁺ , Pb ²⁺ , Ni ²⁺	Модели вод с нанокompозитами <i>Chlorella</i>	Повышение эффективности	Добавление нанокompозитов усиливает адсорбцию.

Таблица 4. Сравнение эффективности удаления тяжёлых металлов из сточных вод различными видами микроводорослей [23,24,25]

Вид микроводоросли	Металл	Эффективность	Характеристика
<i>Chlorella vulgaris</i>	Cu^{2+} , Zn^{2+} , Fe^{2+} , Cd^{2+} , Pb^{2+} , Mn^{2+}	Zn – 79% Fe – 84% Mn – 75% Pb/Cd/Cu – до 99%	Высокая степень биосорбции. Быстрый рост биомассы. Высокая активность функциональных групп ($-\text{COOH}$, $-\text{OH}$, $-\text{NH}_2$). Эффективно для моно- и поликомпонентных систем.
<i>Chlorella kessleri</i>	Cd^{2+} , Pb^{2+}	Cd – 95% Pb – 99,5%	Повышенная резистентность к металлам. Оптимальная сорбция в RSM/CSA-моделях.
<i>Sargassum angustifolium</i>	Zn^{2+} , Fe^{2+} , Mn^{2+}	Zn – 70–75% Fe – 72–78% Mn – 65%	Адсорбция проявляется только в модельных растворах.
<i>Tetraselmis obliquus</i>	Cu^{2+} , Fe^{2+}	Cu – 90% Fe – 97,9%	Высокая степень сорбции металлов. Доказана эффективность в промышленных стоках горячей прокатки.
<i>Spirulina platensis</i>	Fe^{2+} , Cu^{2+} , Cr^{6+}	Fe – 97% Cu – 90% Cr – 90%	Средняя сорбционная активность при фиксированной биомассе. Предпочтительна для стоков с высоким содержанием органики.
<i>Scenedesmus sp./quadricauda</i>	Cu^{2+} , Zn^{2+} , Ni^{2+} , Pb^{2+}	Cu – 80–90% Zn – 73–83% Ni – 81–91% Pb – 80–90%	Преимущество в удалении нескольких металлов одновременно. Высокая устойчивость в batch/MBR-системах.

Экономический анализ технологии

Экономическая эффективность – один из ключевых факторов при выборе технологии очистки сточных вод на машиностроительных предприятиях. Традиционные физико-химические методы (химическое осаждение, ионный обмен, адсорбция) характеризуются высокой стоимостью реагентов, значительными энергетическими затратами и необходимостью регулярной замены расходных материалов, а также образованием вторичных отходов, требующих дополнительной утилизации.

Сравнительная характеристика капитальных и эксплуатационных затрат различных технологий очистки представлена в таблице 5. Ориентировочные показатели приведены в национальной валюте Республики Казахстан.

Таблица 5. Сравнение затрат на очистку сточных вод от тяжёлых металлов

Показатель	Физико-химическая очистка	Мембранные технологии (MBR/UF)	Биологическая очистка (микроводоросли)
Капитальные затраты	Высокие	Очень высокие	Средние
Стоимость установки	15 000 000 - 30 000 000 Тг *	30 000 000 – 70 000 000 Тг *	10 000 000 - 40 000 000 Тг *
Затраты на эксплуатацию (Тг/м³)	40 - 140 Тг/м³*	80 - 210 Тг/м³*	30 - 120 Тг/м³*
Стоимость расходных материалов	Высокие (коагулянты, флокулянты)	Средние (мембраны, промывки)	Минимальные (биомасса регенерируется)
Энергопотребление	Среднее	Высокое	Низкое
Образование отходов / шлака	Высокое	Среднее	Низкое
Дополнительные выгоды	Нет	Частично	Возможность вторичного использования биомассы (биотопливо, удобрения)
Оценочный срок окупаемости	5-10 лет	7-12 лет	4-8 лет

*Показатели ориентировочные; точные значения определяются проектной документацией.

С точки зрения финансовой нагрузки внедрение *Chlorella vulgaris* демонстрирует конкурентоспособность как по капитальным, так и по операционным показателям. Первоначальные вложения охватывают обустройство фотобиореакторных установок, организацию освещения, систем газообмена и контроля культуральных параметров. При этом текущие расходы на реагенты минимальны: ключевым агентом служит постоянно воспроизводимая биомасса [26].

Важным преимуществом является возможность многократного использования биомассы. По завершении аккумуляции ионов металлов сорбент регенерируется посредством десорбционных процедур, высокотемпературной обработки или специализированной переработки, что сокращает потребность в замене биоматериала и снижает эксплуатационные издержки.

Дополнительный экономический эффект достигается за счёт конверсии отработанной биомассы в биотопливо, биогаз или органические удобрения, что позволяет частично компенсировать затраты на водоочистку и формирует замкнутый ресурсный цикл. При умеренных и невысоких концентрациях загрязнителей

микроводорослевые системы способны снизить совокупные расходы на 20-40% относительно традиционных методов в долгосрочной перспективе. Финансовая выгода наиболее ощутима при значительных объемах стоков и длительных сроках эксплуатации, когда первоначальные инвестиции амортизируются на фоне низких операционных затрат. При грамотно выстроенном технологическом регламенте затраты на развёртывание системы, как правило, окупаются в течение нескольких лет непрерывной эксплуатации.

Заключение

В ходе проведённого исследования изучена роль биологических методов в очистке промышленных сточных вод от тяжёлых металлов. Установлен основной состав и предельно допустимые концентрации ионов тяжёлых металлов в стоках машиностроительных предприятий. Анализ литературных источников подтвердил, что микроводоросли обладают высокой биоремедиационной способностью, реализуемой через механизмы биоаккумуляции и биосорбции.

Сравнительный анализ нескольких штаммов позволил выявить наиболее эффективный вид – *Chlorella vulgaris*, демонстрирующий наилучшие показатели снижения концентрации ионов тяжёлых металлов: 65–99% в однокомпонентных и 49–99% в многокомпонентных системах. Экономический анализ подтвердил перспективность данной технологии: при длительной эксплуатации и значительных объемах стоков возможно снижение совокупных расходов на 20–40% относительно физико-химических методов. Вторичное использование биомассы как сырья для биотоплива, биогаза и органических удобрений обеспечивает замкнутый ресурсный цикл.

Таким образом, применение *Chlorella vulgaris* представляет собой перспективное, экологически безопасное и экономически обоснованное решение проблемы загрязнения сточных вод машиностроительных предприятий тяжёлыми металлами. Вместе с тем необходимы дальнейшие исследования, направленные на оптимизацию условий культивирования, масштабирование технологии до промышленных объёмов и разработку эффективных схем регенерации биомассы.

Литература:

1. Alloway B.J. Heavy Metals in Soils: Trace Metals and Metalloids in Soils and Their Bioavailability. - Dordrecht: Springer, 2013. - 614 с. - <https://doi.org/10.1007/978-94-007-4470-7>
2. Tchounwou P.B., Yedjou C.G., Patlolla A.K., Sutton D.J. Heavy Metals Toxicity and the Environment // EXS. - 2012. - Том 101. - С. 133-164. - https://doi.org/10.1007/978-3-7643-8340-4_6
3. Qasem N.A.A., Mohammed R.H., Lawal D.U. Removal of Heavy Metal Ions from Wastewater: A Comprehensive and Critical Review // npj Clean Water. - 2021. - Том 4. - Статья 36. - <https://doi.org/10.1038/s41545-021-00127-0>
4. Mahlangu D., Mphahlele K., De Paola F., Mthombeni N.H. Microalgae-Mediated Biosorption for Effective Heavy Metals Removal from Wastewater: A Review // Water. - 2024. - Том 16, № 5. - Статья 718. - <https://doi.org/10.3390/w16050718>
5. Metal Processing Wastewater Components // Almawatech. - URL: <https://www.almawatech.com/en/waste-water/metal-processing/> (дата обращения: 20.02.26).
6. Sources of Heavy Metals in Industrial Wastewater // Almawatech. - URL: <https://www.almawatech.com/en/waste-water/heavy-metals/> (дата обращения: 22.02.26).
7. Классификация компонентов сточных вод // Промышленные и другие виды сточных вод. - ISSN 1728-8975. - URL: <https://rmebrk.kz/journals/703/25946.pdf> (дата обращения: 04.03.26).

8. Тяжелые металлы в пресных водах Казахстана и методологические подходы. - URL: https://ks.dku.kz/documents/67/7_Heavy_Metals_in_Fresh_Waters_of_Kazakhstan_and_Methodological_Approaches_RUS.pdf (дата обращения: 11.03.26).
9. Leong Y.K., Chang J.-S. Bioremediation of Heavy Metals Using Microalgae: Recent Advances and Mechanisms // *Bioresource Technology*. - 2020. - Том 303. - Статья 122886. - <https://doi.org/10.1016/j.biortech.2020.122886>
10. Al-Jabri H., Das P., Khan S., Thaher M., AbdulQuadir M. Treatment of Wastewaters by Microalgae and the Potential Applications of the Produced Biomass: A Review // *Water*. - 2021. - Том 13, № 1. - Статья 27. - <https://doi.org/10.3390/w13010027>
11. Xu K., Du M., Yao R., Luo J., Chen Z., Li C., Lei A., Wang J. Microalgae-Mediated Heavy Metal Removal in Wastewater Treatment: Mechanisms, Influencing Factors, and Novel Techniques // *Algal Research*. - 2024. - Том 82. - Статья 103645. - <https://doi.org/10.1016/j.algal.2024.103645>
12. Yang X.-Y., Wei Y.-X., Su Y.-Q., Zhang Z.-W., Tang X.-Y., Chen Y.-E., Yuan M., Yuan S. The Strategies Microalgae Adopt to Counteract the Toxic Effect of Heavy Metals // *Microorganisms*. - 2025. - Том 13, № 5. - Статья 989. - <https://doi.org/10.3390/microorganisms13050989>
13. Mahlangu D., Mphahlele K., De Paola F., Mthombeni N.H. Microalgae-Mediated Biosorption for Effective Heavy Metals Removal from Wastewater: A Review // *Water*. - 2024. - Том 16, № 5. - Статья 718. - <https://doi.org/10.3390/w16050718>
14. Aslam A., Kanwal F., Javied S. et al. Microbial Biosorption: A Sustainable Approach for Metal Removal and Environmental Remediation // *International Journal of Environmental Science and Technology*. - 2025. - Том 22. - С. 13245-13276. - <https://doi.org/10.1007/s13762-025-06611-1>
15. Xiao X., Li W., Jin M., Zhang L., Qin L., Geng W. Responses and Tolerance Mechanisms of Microalgae to Heavy Metal Stress: A Review // *Marine Environmental Research*. - 2023. - Том 183. - Статья 105805. - <https://doi.org/10.1016/j.marenvres.2022.105805>
16. Зайцев В.В., Петряков В.В., Зайцева Л.М., Махимова Ж.Н. Влияние питательной среды на морфологические особенности и жизнеспособность клеток микроводоросли *Chlorella vulgaris* Beijer // Самарский научный вестник. - 2022. - Том 11, № 2. - С. 52-56. - <https://doi.org/10.55355/snv2022112107>
17. Микроводоросль *Chlorella vulgaris*. - URL: <https://bioaa.info/index.php/186-2010-01-28-12-03-56> (дата обращения: 02.04.26).
18. Kyraztopoulou E., Kyzaki N., Malletzidou L., Nerantzis E., Kazakis N.A. The Efficiency of *Chlorella vulgaris* in Heavy Metal Removal: A Comparative Study of Mono- and Multi-Component Metal Systems // *Clean Technologies*. - 2025. - Том 7, № 2. - Статья 35. - <https://doi.org/10.3390/cleantechnol7020035>
19. Киреева Н.А., Кабиров Т.Р., Дубовик И.Е. Комплексное биотестирование нефтезагрязненных почв // Теоретическая и прикладная экология. - 2007. - № 1. - С. 65-69. - <https://doi.org/10.25750/1995-4301-2007-1-041-45>
20. Kyraztopoulou E., Kyzaki N., Malletzidou L., Nerantzis E., Kazakis N.A. The Efficiency of *Chlorella vulgaris* in Heavy Metal Removal: A Comparative Study of Mono- and Multi-Component Metal Systems // *Clean Technologies*. - 2025. - Том 7, № 2. - Статья 35. - <https://doi.org/10.3390/cleantechnol7020035>
21. Reda M. Heavy Metals Removal by Using *Chlorella vulgaris* Microalgae/Zinc Oxide Nanocomposite for Wastewater Treatment in Menyet El-Nasr, Egypt // *Biochemistry Letters*. - 2023. - Том 19, № 1. - С. 27-36. - <https://doi.org/10.21608/blj.2023.294659>
22. Mosleh Y., Mofeed J., Heham S., Nafea E.S. Eco-Friendly Biosorption of Heavy Metals by *Chlorella vulgaris*: A Green Solution for Wastewater Remediation // *Egyptian Journal of Aquatic Biology and Fisheries*. - 2025. - <https://doi.org/10.21608/ejabf.2025.433979>
23. Mahlangu D., Mphahlele K., De Paola F., Mthombeni N.H. Microalgae-Mediated Biosorption for Effective Heavy Metals Removal from Wastewater: A Review // *Water*. - 2024. - Том 16, № 5. - Статья 718. - <https://doi.org/10.3390/w16050718>
24. Yang X.-Y., Wei Y.-X., Su Y.-Q., Zhang Z.-W., Tang X.-Y., Chen Y.-E., Yuan M., Yuan S. The Strategies Microalgae Adopt to Counteract the Toxic Effect of Heavy Metals // *Microorganisms*. - 2025. - Том 13, № 5. - Статья 989. - <https://doi.org/10.3390/microorganisms13050989>
25. Pradana A.B., Buchori L., Pratama W.D., Pratiwi W.Z., Hadiyanto. Immobilized Algae for Heavy Metals Remediation in Textile Wastewater // *Journal of Emerging Science and Engineering*. - 2023. - Том 1, № 2. - С. 51-56. - <https://doi.org/10.61435/jese.2023.10>
26. Карпов М.В., Наумова О.В., Жиздюк А.А., Малышева А.А. Перспективы использования культивированных водорослей хлореллы при доочистке и обеззараживании сточных вод на

очистных сооружений // Аграрный научный журнал. - 2023. - № 1. - С. 150-154. - <https://doi.org/10.28983/asj.y2023i1pp150-154>

References:

1. Alloway B.J. Heavy Metals in Soils: Trace Metals and Metalloids in Soils and Their Bioavailability. - Dordrecht: Springer, 2013. - 614 p. - <https://doi.org/10.1007/978-94-007-4470-7>
2. Tchounwou P.B., Yedjou C.G., Patlolla A.K., Sutton D.J. Heavy Metals Toxicity and the Environment // EXS. - 2012. - Vol. 101. - P. 133-164. - https://doi.org/10.1007/978-3-7643-8340-4_6
3. Qasem N.A.A., Mohammed R.H., Lawal D.U. Removal of Heavy Metal Ions from Wastewater: A Comprehensive and Critical Review // npj Clean Water. - 2021. - Vol. 4. - Article 36. - <https://doi.org/10.1038/s41545-021-00127-0>
4. Mahlangu D., Mphahlele K., De Paola F., Mthombeni N.H. Microalgae-Mediated Biosorption for Effective Heavy Metals Removal from Wastewater: A Review // Water. - 2024. - Vol. 16, No. 5. - Article 718. - <https://doi.org/10.3390/w16050718>
5. Metal Processing Wastewater Components // Almawatech. - URL: <https://www.almawatech.com/en/waste-water/metal-processing/> (accessed: 20.02.26).
6. Sources of Heavy Metals in Industrial Wastewater // Almawatech. - URL: <https://www.almawatech.com/en/waste-water/heavy-metals/> (accessed: 22.02.26).
7. Classification of Wastewater Components // Industrial and Other Types of Wastewater. - ISSN 1728-8975. - URL: <https://rmebrk.kz/journals/703/25946.pdf> (accessed: 04.03.26).
8. Heavy Metals in Fresh Waters of Kazakhstan and Methodological Approaches. - URL: https://ks.dku.kz/documents/67/7. Heavy Metals in Fresh Waters of Kazakhstan and Methodological Approaches_RUS.pdf (accessed: 11.03.26).
9. Leong Y.K., Chang J.-S. Bioremediation of Heavy Metals Using Microalgae: Recent Advances and Mechanisms // Bioresource Technology. - 2020. - Vol. 303. - Article 122886. - <https://doi.org/10.1016/j.biortech.2020.122886>
10. Al-Jabri H., Das P., Khan S., Thaher M., AbdulQuadir M. Treatment of Wastewaters by Microalgae and the Potential Applications of the Produced Biomass: A Review // Water. - 2021. - Vol. 13, No. 1. - Article 27. - <https://doi.org/10.3390/w13010027>
11. Xu K., Du M., Yao R., Luo J., Chen Z., Li C., Lei A., Wang J. Microalgae-Mediated Heavy Metal Removal in Wastewater Treatment: Mechanisms, Influencing Factors, and Novel Techniques // Algal Research. - 2024. - Vol. 82. - Article 103645. - <https://doi.org/10.1016/j.algal.2024.103645>
12. Yang X.-Y., Wei Y.-X., Su Y.-Q., Zhang Z.-W., Tang X.-Y., Chen Y.-E., Yuan M., Yuan S. The Strategies Microalgae Adopt to Counteract the Toxic Effect of Heavy Metals // Microorganisms. - 2025. - Vol. 13, No. 5. - Article 989. - <https://doi.org/10.3390/microorganisms13050989>
13. Mahlangu D., Mphahlele K., De Paola F., Mthombeni N.H. Microalgae-Mediated Biosorption for Effective Heavy Metals Removal from Wastewater: A Review // Water. - 2024. - Vol. 16, No. 5. - Article 718. - <https://doi.org/10.3390/w16050718>
14. Aslam A., Kanwal F., Javied S. et al. Microbial Biosorption: A Sustainable Approach for Metal Removal and Environmental Remediation // International Journal of Environmental Science and Technology. - 2025. - Vol. 22. - P. 13245-13276. - <https://doi.org/10.1007/s13762-025-06611-1>
15. Xiao X., Li W., Jin M., Zhang L., Qin L., Geng W. Responses and Tolerance Mechanisms of Microalgae to Heavy Metal Stress: A Review // Marine Environmental Research. - 2023. - Vol. 183. - Article 105805. - <https://doi.org/10.1016/j.marenvres.2022.105805>
16. Zaitsev V.V., Petryakov V.V., Zaitseva L.M., Makhimova Zh.N. Influence of Nutrient Medium on Morphological Features and Cell Viability of Microalgae *Chlorella vulgaris* Beijer // Samara Scientific Bulletin. - 2022. - Vol. 11, No. 2. - P. 52-56. - <https://doi.org/10.55355/snvt2022112107>
17. Microalgae *Chlorella vulgaris*. - URL: <https://bioaa.info/index.php/186-2010-01-28-12-03-56> (accessed: 02.04.26).
18. Kyratzopoulou E., Kyzaki N., Malletzidou L., Nerantzis E., Kazakis N.A. The Efficiency of *Chlorella vulgaris* in Heavy Metal Removal: A Comparative Study of Mono- and Multi-Component Metal Systems // Clean Technologies. - 2025. - Vol. 7, No. 2. - Article 35. - <https://doi.org/10.3390/cleantechnol7020035>
19. Kireeva N.A., Kabirov T.R., Dubovik I.E. Complex Biotesting of Oil-Contaminated Soils // Theoretical and Applied Ecology. - 2007. - No. 1. - P. 65-69. - <https://doi.org/10.25750/1995-4301-2007-1-041-45>

20. Kyratzopoulou E., Kyzaki N., Malletzidou L., Nerantzis E., Kazakis N.A. The Efficiency of *Chlorella vulgaris* in Heavy Metal Removal: A Comparative Study of Mono- and Multi-Component Metal Systems // *Clean Technologies*. - 2025. - Vol. 7, No. 2. - Article 35. - <https://doi.org/10.3390/cleantechnol7020035>
21. Reda M. Heavy Metals Removal by Using *Chlorella vulgaris* Microalgae/Zinc Oxide Nanocomposite for Wastewater Treatment in Menyet El-Nasr, Egypt // *Biochemistry Letters*. - 2023. - Vol. 19, No. 1. - P. 27-36. - <https://doi.org/10.21608/blj.2023.294659>
22. Mosleh Y., Mofeed J., Heham S., Nafea E.S. Eco-Friendly Biosorption of Heavy Metals by *Chlorella vulgaris*: A Green Solution for Wastewater Remediation // *Egyptian Journal of Aquatic Biology and Fisheries*. - 2025. - <https://doi.org/10.21608/ejabf.2025.433979>
23. Mahlangu D., Mphahlele K., De Paola F., Mthombeni N.H. Microalgae-Mediated Biosorption for Effective Heavy Metals Removal from Wastewater: A Review // *Water*. - 2024. - Vol. 16, No. 5. - Article 718. - <https://doi.org/10.3390/w16050718>
24. Yang X.-Y., Wei Y.-X., Su Y.-Q., Zhang Z.-W., Tang X.-Y., Chen Y.-E., Yuan M., Yuan S. The Strategies Microalgae Adopt to Counteract the Toxic Effect of Heavy Metals // *Microorganisms*. - 2025. - Vol. 13, No. 5. - Article 989. - <https://doi.org/10.3390/microorganisms13050989>
25. Pradana A.B., Buchori L., Pratama W.D., Pratiwi W.Z., Hadiyanto. Immobilized Algae for Heavy Metals Remediation in Textile Wastewater // *Journal of Emerging Science and Engineering*. - 2023. - Vol. 1, No. 2. - P. 51-56. - <https://doi.org/10.61435/jese.2023.10>
26. Karpov M.V., Naumova O.V., Zhizdyuk A.A., Malysheva A.A. Prospects for the Use of Cultivated *Chlorella* Algae in Additional Treatment and Disinfection of Wastewater at Treatment Facilities // *Agrarian Scientific Journal*. - 2023. - No. 1. - P. 150-154. - <https://doi.org/10.28983/asj.y2023i1pp150-154>

Information about the authors

Shustareva A.I. - student, Department of Chemistry and Chemical Technologies, Kozybayev University, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: sustarevaanastasia@gmail.com
Mishchenko D.A. - corresponding author, student, Department of Chemistry and Chemical Technologies, Kozybayev University, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: mishchenko.darya.0000@gmail.com
Nakiyev T.R. – Senior Lecturer, Department of Chemistry and Chemical Technologies, Master's Degree, Kozybayev University, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: talgat03021979@mail.ru
Golodova I.V. - Head of the Laboratory of Scientific and Technological Center of Water LLP, KHN, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: igolodova@inbox.ru

БИОЛОГИЯЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ /
BIOLOGICAL SCIENCES

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-37-46

UDC 595.7

IRSTI 34.33.19

LIST OF BLOOD-SUCKING MOSQUITOES (DIPTERA, CULICIDAE)
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Y.V. Andreeva¹, Ye.A. Sheruova^{2,3}, A.K. Sibataev^{1,2,3*}

¹Tomsk State University, Tomsk, Russia

²Eurasian National Research University, Astana, Kazakhstan

³*Kazakh Agrotechnical Research University named after S. Seifullin, Astana, Kazakhstan

*Corresponding author: asibataev@gmail.com

Abstract

To date, there is no annotated checklist of blood-sucking mosquito species of the Republic of Kazakhstan. The present publication provides a list of blood-sucking mosquito species compiled on the basis of an analysis of publications containing data on the fauna of haematophagous mosquitoes inhabiting the territory of Kazakhstan. In compiling the list, data from monographic summaries on the systematics, biology and ecology of mosquitoes, from supplements and revisions to these summaries, and from individual articles on the mosquitoes of Kazakhstan were used. According to the compiled list, the fauna of blood-sucking mosquitoes of the Republic of Kazakhstan currently comprises 69 species. Of these, 10 species belong to the genus *Anopheles*, one species each to the genera *Uranotaenia* and *Coquillettia*, the genus *Culiseta* is represented by 6 species, the genus *Aedes* includes 42 species, and the genus *Culex* is represented by 9 species. Outdated taxon names of various ranks and synonymous species names that have lost their validity are frequently encountered in the literature. Taxonomic remarks on certain species are provided at the end of the list.

Keywords: Kazakhstan, blood-sucking mosquitoes, *Culicidae*, *Anopheles*, *Culex*, *Aedes*, fauna, systematics.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚАНСОРҒЫШ МАСАЛАРЫНЫҢ
(DIPTERA, CULICIDAE) ТІЗІМІ

Андреева Ю.В.¹, Шеруова Е.А.^{2,3}, Сибатаев А.К.^{1,2,3*}

¹Томск мемлекеттік университеті, Томск, Ресей

²Л.Н. Гумилев атындағы Евразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

³*С. Сейфуллин атындағы Қазақ Агротехникалық зерттеу университеті,
Астана, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: asibataev@gmail.com

Аннотация

Қазақстан Республикасының қан сорғыш маса түрлерінің аннотацияланған тізімі бүгінгі күнге дейін жасалмаған. Осы мақалада Қазақстан аумағында тіршілік ететін гематофаг масалардың фаунасы туралы деректер бар басылымдарды талдау негізінде жасалған қан сорғыш маса түрлерінің тізімі ұсынылған. Тізімді жасау барысында масалардың систематикасы, биологиясы және экологиясына арналған монографиялық еңбектердің, осы еңбектерге толықтырулар мен қайта қараулардың, сондай-ақ Қазақстан масаларына арналған жекелеген мақалалардың деректері пайдаланылды. Жасалған тізімге сәйкес, Қазақстан Республикасының қан сорғыш масалар фаунасы қазіргі уақытта 69 түрді қамтиды. Олардың ішінде 10 түр *Anopheles* туысына, *Uranotaenia* мен *Coquillettia* туыстарының әрқайсысына бір түрден

жатады; *Culiseta* туысы 6 түрмен, *Aedes* туысы 42 түрмен, ал *Culex* туысы 9 түрмен ұсынылған. Әдебиеттерде әртүрлі дәрежедегі таксондардың ескірген атаулары мен заңды күшін жоғалтқан синонимдік түр атаулары жиі кездеседі. Тізімнің соңында жекелеген түрлерге таксономиялық ескертпелер берілген.

Кілт сөздер: Қазақстан, қан сорғыш масалар, *Culicidae*, *Anopheles*, *Culex*, *Aedes*, фауна, систематика.

СПИСОК КРОВОСОСУЩИХ КОМАРОВ (DIPTERA, CULICIDAE) РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Андреева Ю.В.¹, Шеруова Е.А.^{2,3}, Сибатаев А.К.^{1,2,3*}

¹Томский государственный университет, Томск, Россия

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

³*Казахский Агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина,
Астана, Казахстан

*Автор корреспонденции: asibataev@gmail.com

Аннотация

На сегодняшний день не существует аннотированного списка видов кровососущих комаров Республики Казахстан. В настоящей публикации приведён список видов кровососущих комаров, составленный по результатам анализа публикаций, содержащих сведения о фауне кровососущих комаров, обитающих на территории Казахстана. При составлении списка использованы данные из сводок по систематике, биологии и экологии комаров, дополнений и уточнений к этим сводкам, а также из отдельных статей по комарам Казахстана. Согласно составленному списку, фауна кровососущих комаров Республики Казахстан представлена 69 видами. Из них к роду *Anopheles* принадлежат 10 видов, по 1 виду в родах *Uranotaenia* и *Coquillettidia*, род *Culiseta* представлен 6 видами, в род *Aedes* входят 42 вида, род *Culex* - 9 видами. В литературных источниках нередко встречаются устаревшие названия таксонов различного уровня, а также синонимичные названия видов, утратившие валидность. В конце списка приводятся замечания по систематике отдельных видов.

Ключевые слова: Казахстан, кровососущие комары, *Culicidae*, *Anopheles*, *Culex*, *Aedes*, фауна, систематика.

Introduction

Large-scale faunistic surveys of blood-sucking mosquitoes in Central Asia and Kazakhstan have not been conducted for a considerable period. The most recent comprehensive synthesis of data on the species composition of blood-sucking mosquitoes across the entire territory of the country was published in a monograph by Dubitsky in 1970, in which the presence of 38 species of the genus *Aedes* was recorded [1]. The systematic catalogue of *Culicidae* lists only five species of the genus *Aedes* for Kazakhstan: *Ae. gutzevichi*, *Ae. stramineus*, *Ae. pulcritarsis*, *Ae. montchadskyi* and *Ae. kasachstanicus* [2]. Such significant discrepancies in the data underscore the need for faunistic research in the Republic of Kazakhstan.

In recent years, the fauna of blood-sucking mosquitoes in certain regions of Kazakhstan has been studied by a number of researchers; however, the information obtained remains very limited. Climate change, the country's economic growth, the expansion of global communications, and the intensification of tourism and trade all facilitate the introduction and spread of invasive mosquito species. This is confirmed, in particular, by the recent discovery on the territory of the country of *Ae. koreicus* – one of the invasive species that has spread widely across the world in recent years [3].

The electronic systematic catalogue of *Culicidae* [2] serves as the primary reference resource for all specialists studying haematophagous mosquitoes of the family *Culicidae*, and supplementing the information it contains is therefore an important task. Overall, published data on the fauna of blood-sucking mosquitoes of Kazakhstan remain extremely scarce, which necessitates further research in this area.

A separate problem is posed by nomenclatural instability within the family *Culicidae*. Outdated taxon names of various ranks are frequently encountered in twentieth-century literature sources and in many contemporary publications. Synonymous species names that have lost their validity also persist in the literature.

The World Catalogue of Mosquitoes, published in 1977 by K.L. Knight and A.A. Stone [8], together with its three supplements, summarised the nomenclatural organisation of the entire family *Culicidae* and listed all sources [9-12] in which the relevant names were established. However, in a series of papers published between 2004 and 2009, J.F. Reinert, R.E. Harbach and I.J. Kitching introduced numerous changes to the nomenclature of the tribe *Aedini* [13-16]. During this period, no single universally accepted classification of the tribe existed: some researchers adopted the revised classification while others adhered to the traditional nomenclature, leading to inconsistencies across publications.

In 2015, an article [17] was published in *PLoS ONE* in which the authors proposed a return to a linear classification, supplemented – taking into account the results of the work by J.F. Reinert, R.E. Harbach and I.J. Kitching – with combinations of generic, subgeneric and species names for the tribe *Aedini*, informal group names for the subgenera established by those authors after 1999 [16], and a list of abbreviations for currently valid generic-rank taxa of the family *Culicidae* [17]. The classification adopted in that publication and subsequent updates are reflected in the online taxonomic catalogue at www.mosquitocatalog.org [2].

The subfamily *Culicinae* comprises 218 extant generic taxa (including the nominotypical subgenera of 21 genera), of which 38 are currently recognised at the rank of genus and 180 are classified as subgenera. Many of the 38 genera are clearly polyphyletic taxa [18], whereas molecular data support the monophyly of *Culicinae* and at least nine tribes [19, 20, 21]. In October 2024, R.E. Harbach published a monograph in which a number of significant nomenclatural changes were presented [18]. The author notes that a natural classification of this subfamily cannot be achieved until all groups have been thoroughly investigated using both morphological and molecular data [18].

Although the changes proposed in that monograph have been reflected in the GBIF community catalogue [22], the present authors are of the opinion that until a sufficient number of detailed investigations of type representatives of all subgenera and genera of the subfamily have been completed, it is advisable to adhere to a classification that is understood and accepted by the entire research community. Accordingly, the classification of mosquitoes and the validity of names in this article follow the systematic catalogue of mosquitoes of the family *Culicidae* [2].

Materials and methods

The present work was carried out as a systematic review of published data on the fauna of blood-sucking mosquitoes of the Republic of Kazakhstan. To compile the annotated species checklist, the method of analysis of published faunistic, systematic and ecological sources, including regional faunistic summaries, was employed.

The source base comprised: (1) monographic summaries on the systematics, biology and ecology of mosquitoes of Kazakhstan and adjacent territories [1, 4, 5]; (2) supplements and revisions to these summaries [6, 7]; (3) individual articles containing data on the mosquito fauna

of various regions of the country, including published dissertation abstracts [26]; (4) the electronic systematic catalogue of *Culicidae* [2] as the primary taxonomic reference; and (5) publications on invasive mosquito species in the territory of Kazakhstan [3].

The acceptance or rejection of species and subgenus names was based on the electronic catalogue at www.mosquitocatalog.org [2] in the edition of T.V. Gaffigan et al. (2015). For species whose systematic position had been revised in accordance with more recent works [17, 18], a critical analysis of the justification for such changes was carried out. Since a complete morphological and molecular investigation of all subgenera and genera of the subfamily *Culicinae* has not yet been completed, the classification system presented in the catalogue [2] - as the most widely used in contemporary scientific literature - was adopted as the basis for the classification employed in this article.

The synonymy and nomenclatural status of taxa were verified using the catalogues [2, 8-12], the GBIF resource [22, 23, 27] and specialised publications [13-17, 24, 25, 28]. All species whose occurrence in Kazakhstan has been reliably confirmed or reasonably inferred from published data are included in the list. Species whose presence requires further confirmation are marked with a corresponding footnote.

Results

Annotated checklist of blood-sucking mosquitoes of the Republic of Kazakhstan (Figure 1).

Family CULICIDAE

Subfamily ANOPHELINAE

Genus *Anopheles* Meigen, 1818

Subgenus *Anopheles* Meigen, 1818

An. (Ano.) algeriensis Theobald, 1903

An. (Ano.) atroparvus Van Theil, 1927

An. (Ano.) claviger Meigen, 1804

An. (Ano.) hyrcanus Pallas, 1771

An. (Ano.) sacharovi Favre, 1903

An. (Ano.) maculipennis Meigen, 1818

An. (Ano.) messeae Falleroni, 1926

An. (Ano.) daciae Linton, Nicolescu, Harbach, 2004

Subgenus *Cellia* Theobald, 1902

An. (Cel.) superpictus Grassi, 1899

An. (Cel.) pulcherrimus Theobald, 1902

Subfamily CULICINAE

Tribe *Uranotaeniini*

Genus *Uranotaenia* Lynch Arribalzaga, 1891

Subgenus *Pseudoicalbia* Theobald, 1912

Ur. (Pc.) unguiculata Edwards, 1913

Tribe *Culisetini*

Genus *Culiseta* Felt, 1904

Subgenus *Allotheobaldia* Broelemann, 1919

Cs. (All.) longiareolata Macquart, 1838

Subgenus *Culicella* Felt, 1904

Cs. (Cue.) morsitans Theobald, 1901

Cs. (Cue.) ochroptera Peus, 1935

Subgenus *Culiseta* Felt, 1904

Cs. (Cus.) alaskaensis Ludlow, 1906

Cs. (Cus.) annulata Schrank, 1776

Cs. (Cus.) bergrothi Edwards, 1921

Tribe *Mansoniini*

Genus *Coquillettidia* Dyar, 1905

Subgenus *Coquillettidia* Dyar, 1905

Co. (Coq.) richiardii Ficalbi, 1889

Tribe *Aedini*

Genus *Aedes* Meigen, 1818

Subgenus *Acartomyia* Theobald, 1903

Ae. (Acy.) mariae Sargent, 1903

Subgenus *Aedes* Meigen, 1818

Ae. (Aed.) cinereus Meigen, 1818

Ae. (Aed.) rossicus Dolbeshkin, Gorickaja et Mitrofanova, 1930

Ae. (Aed.) cinereus esoensis Yamada

Subgenus *Aedimorphus* Theobald, 1903

Ae. (Adm.) vexans Meigen, 1830

Ae. (Adm.) vexans nipponii Theobald, 1907

Subgenus *Dahlia* Reinert, Harbach & Kitching, 2006

Ae. (Dah.) geniculatus Olivier, 1791

Subgenus *Hulecoeteomyia* Theobald, 1903

Ae. (Hul.) koreicus Edwards, 2017

Subgenus *Ochlerotatus* Lynch Arribalzaga, 1891

Ae. (Och.) behningi Martini, 1926

Ae. (Och.) cantans Meigen, 1818

Ae. (Och.) caspius Pallas, 1771

Ae. (Och.) cataphylla Dyar, 1916

Ae. (Och.) communis De Geer, 1776

Ae. (Och.) cyprius Ludlow, 1920

Ae. (Och.) detritus Haliday, 1833

Ae. (Och.) diania Howard, Dyar et Knab, 1913

Ae. (Och.) dorsalis Meigen, 1830

Ae. (Och.) excrucians Walker, 1856

Ae. (Och.) euedes Howard, Dyar et Knab, 1913

Ae. (Och.) flavescens Muller, 1764

Ae. (Och.) hexodontus Dyar, 1916

Ae. (Och.) hungaricus Mihalyi, 1955

Ae. (Och.) impiger Walker, 1848

Ae. (Och.) intrudens Dyar, 1906

- Ae. (Och.) kasachstanicus* Gutsevich, 1962
Ae. (Och.) leucomelas Meigen, 1804
Ae. (Och.) montchadskyi Dubitsky, 1968
Ae. (Och.) nigrinus Eckstein, 1918
Ae. (Och.) nigripes Zetterstedt, 1838
Ae. (Och.) pionips Dyar, 1919
Ae. (Och.) pulcritarsis Rondani, 1872 [= *Ae. (Och.) pulchritarsis* Rondani, 1872]
Ae. (Och.) pullatus Coquillett, 1904
Ae. (Och.) punctator Kirby, 1837
Ae. (Och.) rempeli Vockeroth, 1954
Ae. (Och.) riparius Dyar et Knab, 1907
Ae. (Och.) simanini Gutsevich, 1966
Ae. (Och.) sticticus Meigen, 1838
Ae. (Och.) stramineus Dubitsky, 1970
Subgenus *Rusticoidus* Shevchenko et Prudkina, 1973
Ae. (Rus.) lepidonotus Edwards, 1920
Ae. (Rus.) rusticus Rossi, 1790
Ae. (Rus.) subdiversus Martini, 1926
Subgenus *Stegomyia* Theobald, 1901
Ae. (Stg.) galloisi Yamada, 1921 *
* Presence of the species requires confirmation.

Tribe *Culicini***Genus *Culex* Linnaeus, 1758****Subgenus *Barraudius* Edwards, 1921**

- Cx. (Bar.) modestus* Ficalbi, 1890
Cx. (Bar.) pusillus Macquart, 1850

Subgenus *Culex* Linnaeus, 1758

- Cx. (Cux.) theileri* Theobald, 1903
Cx. (Cux.) torrentium Martini, 1925
Cx. (Cux.) vagans Wiedemann, 1828
Cx. (Cux.) pipiens Linnaeus, 1758
Cx. (Cux.) pipiens molestus Forskal, 1775

Subgenus *Maillotia* Theobald, 1907

- Cx. (Mai.) hortensis* Ficalbi, 1889

Subgenus *Neoculex* Dyar, 1905

- Cx. (Nex.) territans* Walker, 1856

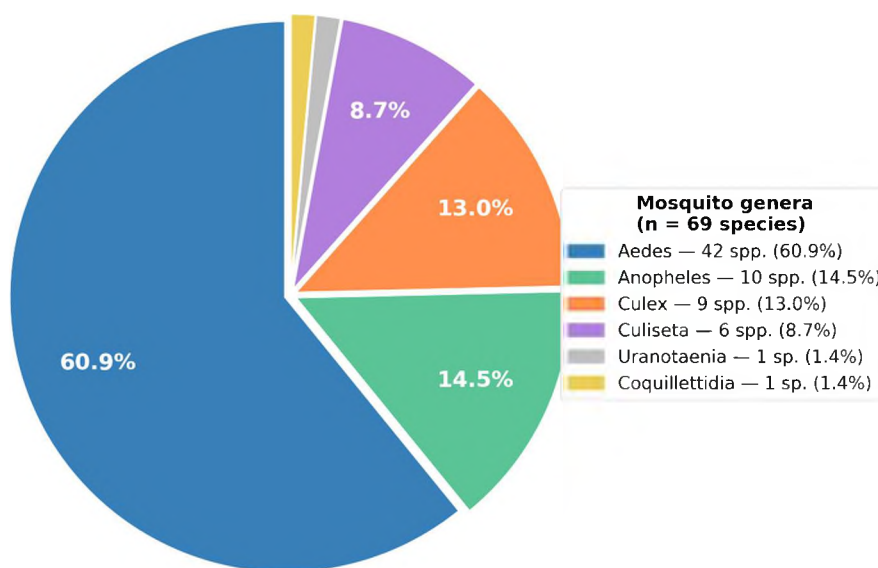

Figure 1. Species composition of blood-sucking mosquitoes of the Republic of Kazakhstan by genus (n = 69 species, Diptera, Culicidae)

Discussion

Taxonomic remarks on selected species

The annotated list draws attention to the ambiguous systematic position of *Ae. pulcritarsis*. In a number of publications this species appears under the name *Ae. pulchritarsis*; however, the spelling *pulcritarsis* is currently the valid one [2]. The restoration of the validity of the original species name did not affect the generic assignment: from the genus *Culex*, to which the species was originally assigned, it was transferred to the genus *Aedes* [2, 23]. The subgeneric status of the species also remains somewhat equivocal: in the world mosquito catalogue, *Ae. pulcritarsis* (as *Ae. pulchritarsis*) was assigned to the subgenus *Ochlerotatus*. Danilov (1982) [24] justified its transfer to the subgenus *Finlaya*, with which Mamedniyazov (1992) [7] and Gornostayeva (2000) [25] agreed. However, in the current classification this species belongs to the subgenus *Ochlerotatus* [2], and it is in this placement that the species appears in the present list.

Changes also affected the subgeneric status of *Ae. geniculatus*: previously assigned to the subgenus *Finlaya*, it was transferred after 2015 to the subgenus *Dahlia*. The species *Ae. koreicus*, formerly belonging to the subgenus *Stegomyia*, was moved following the adopted revisions to the subgenus *Hulecoeteomyia*; *Ae. mariae* was transferred from the subgenus *Ochlerotatus* to the subgenus *Acartomyia*.

The dissertation of Prygunova I.G. records the occurrence of *Ae. maculatus* in northern Kazakhstan [26]. According to the current classification, *Ae. maculatus* is a synonym of *Ae. (Rus.) rusticus*; furthermore, this name was frequently applied to specimens of *Ae. cantans* [2, 27, 28]. The species *Ae. rusticus* has been included in the present list, although additional studies are required to confirm the presence of this species in the blood-sucking mosquito fauna of Kazakhstan.

It should also be noted that *Coquillettidia richiardii* is more commonly referred to as *Mansonia richiardii* in the literature on blood-sucking mosquitoes of Kazakhstan, and that *Aedes euedes* appears under the name *Ae. beklemishevi* in twentieth-century publications.

The systematic position of *Cx. pipiens molestus* remains ambiguous. In various publications and summaries it is treated as a subspecies of *Cx. pipiens*, whereas in the systematic catalogue of *Culicidae* it appears as a synonym of the latter. In the present list it is given as a separate entry rather than as a synonym.

Current state and prospects for faunal research

The results obtained reveal a substantial gap between faunistic data accumulated during the Soviet period and the current state of knowledge regarding the species composition of blood-sucking mosquitoes of Kazakhstan. Most of the available species-composition data were collected several decades ago. The presence of a number of the species included in the list was recorded in only one locality and has never subsequently been confirmed. Researchers of that era lacked access to modern diagnostic equipment and the possibilities offered by genetic and molecular methods.

It must be recognised that climate change and the expansion of transport connectivity are facilitating the spread of species and their establishment in areas where their presence had not previously been recorded. A telling example is the discovery of the invasive species *Ae. koreicus* in Kazakhstan [3], which demonstrates the reality of such processes.

Particular attention should be paid to the need for a revision of species composition using molecular-genetic methods [29]. The traditional morphological diagnostics on which the historical data are based do not always permit reliable discrimination of closely related species, which may lead to both overestimates and underestimates of species diversity.

The present list should therefore be regarded as preliminary, requiring verification and supplementation on the basis of modern field and laboratory research employing integrative taxonomic approaches.

Conclusion

On the basis of a systematic analysis of published data, an annotated checklist of blood-sucking mosquitoes (Diptera, Culicidae) of the Republic of Kazakhstan has been compiled, comprising 69 species. Of these, 10 species belong to the genus *Anopheles*, one species each to the genera *Uranotaenia* and *Coquillettidia*, 6 species to the genus *Culiseta*, 42 species to the genus *Aedes*, and 9 species to the genus *Culex*.

The majority of data on the species composition of blood-sucking mosquitoes of Kazakhstan were obtained during the Soviet period using methods that do not meet modern standards of molecular-genetic diagnostics. The presence of a number of the listed species has been recorded only sporadically and requires confirmation. Climate change and the expansion of transport connectivity are creating conditions for the colonisation by invasive species of territories in which they were not previously recorded.

A comprehensive revision of the species composition of blood-sucking mosquitoes in the territory of the Republic of Kazakhstan is therefore necessary, employing modern integrative taxonomic methods including molecular-genetic diagnostics. The present checklist provides the essential nomenclatural foundation for planning such research and can serve as a baseline for biodiversity monitoring of this insect group.

Supplementary Materials: No supplementary material

Funding: The research was funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP32716429).

References:

1. Dubitsky A.M. Blood-sucking mosquitoes (Diptera, Culicidae) of Kazakhstan (Alma-Ata, Nauka, 1970), 222 p. [in Russian].
2. Gaffigan T.V., Wilkerson R.C., Pecor J.E., Stoffer J.A., and Anderson T. Systematic Catalog of Culicidae. Walter Reed Biosystematics Unit (2015). Available at: <http://www.mosquitocatalog.org/> (accessed: 09.11.2024).
3. Andreeva Y.V., Khrabrova N.V., Alekseeva S.S., Abylkassymova G.M., Simakova A.V., and Sibataev A.K. First record of the invasive mosquito species *Aedes koreicus* (Diptera, Culicidae) in the Republic of Kazakhstan. *Parasite*, 28, 52 (2021).
4. Gutsevich A.V., Monchadsky A.S., and Shtakelberg A.A. Mosquitoes, family Culicidae. *Fauna of the USSR*, Vol. 3, iss. 4 (Leningrad, Nauka, 1970), 384 p. [in Russian].
5. Nurlina A.B., Shu V.D., Sapargaliev E.M., Bainmyshev K.E., and Moldakimova N.A. Blood-sucking Diptera (Diptera: Culicidae, Ceratopogonidae, Simuliidae, Tabanidae) of the Irtysh River floodplain (Pavlodar, 2005), 82 p. [in Russian].
6. Gutsevich A.V. and Dubitsky A.M. New mosquito species from the fauna of the Soviet Union. *Parasitol. Sb.*, 30, 97-165 (1981) [in Russian].
7. Mamedniyazov O. Data on the fauna of mosquitoes (Diptera, Culicidae) of the Soviet Union. *Parasitol. Sb. ZIN RAN*, 37, 41-56 (1992) [in Russian].
8. Knight K.L. and Stone A.A. Catalog of the mosquitoes of the world (Diptera, Culicidae). 2nd ed. *The Thomas Say Foundation*, 6, 61 (1977).
9. Knight K.L. Supplement to a catalog of the mosquitoes of the world (Diptera, Culicidae). *Thomas Say Found.*, 6, 107 (1978).
10. Ward R.A. Second supplement of «A catalog of the mosquitoes of the world (Diptera, Culicidae)». *Mosq. Syst.*, 16, 227-270 (1984).
11. Ward R.A. Third supplement to «A catalog of the mosquitoes of the world (Diptera, Culicidae)». *Mosq. Syst.*, 24, 177-230 (1992).
12. Gaffigan T.V. and Ward R.A. Index to the second supplement to «A catalog of the mosquitoes of the world», with corrections and additions (Diptera, Culicidae). *Mosquito Systematics*, 17(1), 52-63 (1985).
13. Reinert J.F., Harbach R.E., and Kitching I.J. Phylogeny and classification of Aedini (Diptera: Culicidae), based on morphological characters of all life stages. *Zoological Journal of the Linnean Society*, 142, 289-368 (2004).
14. Reinert J.F., Harbach R.E., and Kitching I.J. Phylogeny and classification of *Finlaya* and allied taxa (Diptera: Culicidae: Aedini) based on morphological data from all life stages. *Zoological Journal of the Linnean Society*, 148, 1-101 (2006).
15. Reinert J.F., Harbach R.E., and Kitching I.J. Phylogeny and classification of *Ochlerotatus* and allied taxa (Diptera: Culicidae: Aedini) based on morphological data from all life stages. *Zoological Journal of the Linnean Society*, 153, 29-114 (2008).
16. Reinert J.F., Harbach R.E., and Kitching I.J. Phylogeny and classification of tribe Aedini (Diptera: Culicidae). *Zoological Journal of the Linnean Society*, 157, 700-794 (2009).
17. Wilkerson R.C., Linton Y.M., Fonseca D.M., Schultz T.R., Price D.C., and Strickman D.A. Making mosquito taxonomy useful: a stable classification of tribe Aedini that balances utility with current knowledge of evolutionary relationships. *PLoS ONE*, 10(7), 26 p. (2015). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0133602>
18. Harbach R. *Composition and nature of the Culicidae (Mosquitoes) Mosquito* (Glasgow, Bell & Bain, 2024), 553 p. DOI: 10.1079/9781800628014.0000
19. da Silva A.F., Machado L.C., de Paula M.B. et al. Culicidae evolutionary history focusing on the Culicinae subfamily based on mitochondrial phylogenomics. *Scientific Reports*, 10(1), 18823 (2020). DOI: 10.1038/s41598-020-74883-3
20. Soghigian J., Sither C., Justi S.A. et al. Phylogenomics reveals the history of host use in mosquitoes. *Nature Communications*, 14, 6252 (2023). <https://doi.org/10.1038/s41467-023-41764-y>
21. Chen D.H., He S.L., Fu W.B. et al. Mitogenome-based phylogeny of mosquitoes (Diptera: Culicidae). *Insect Science*, 31(2), 599-612 (2024). <https://doi.org/10.1111/1744-7917.13251>
22. GBIF Backbone Taxonomy. Checklist dataset (2023). Available at: <https://www.gbif.org/the-gbif-network> (accessed: 09.11.2024).
23. Rondani C. *Aedes pulcritarsis* (1872). In: GBIF Secretariat (2023). GBIF Backbone Taxonomy. Checklist dataset. Available at: <https://doi.org/10.15468/39omej> (accessed: 09.11.2024).

24. Danilov V.N. On the subgeneric status of representatives of the *Aedes pulchritarsis* Rond. complex and some other species (Diptera, Culicidae). *Zool. Zhurn.*, 61(4), 614-616 (1982) [in Russian].
25. Gornostayeva R.M. A checklist of mosquitoes (fam. Culicidae) of the European part of Russia. *Parazitologiya*, 34(5), 428-434 (2000) [in Russian].
26. Prygunova I.G. Blood-sucking mosquitoes (Diptera, Culicidae) of northern Kazakhstan. Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Biological Sciences (Alma-Ata, 1966), 21 p. [in Russian].
27. *Aedes maculatus*. In: GBIF Secretariat (2023). GBIF Backbone Taxonomy. Checklist dataset. Available at: <https://doi.org/10.15468/39omei> (accessed: 09.11.2024).
28. Khalin A.V. Problems of synonymy of blood-sucking mosquitoes (Diptera, Culicidae) of the fauna of Russia (literature review). *Parazitologiya*, 42(6), 452-466 (2008) [in Russian].
29. Alekseeva S.S., Andreeva Yu.V., Ilderbaev O.Z., Sheruova Y.A., and Sibataev A.K. The analysis of 18S rDNA localization in chromosomes of 8 mosquito species of *Aedes* and *Ochlerotatus* subgenera of the genus *Aedes* (Diptera, Culicidae). *Entomological Science*, 28(2), e12598 (2025). <https://doi.org/10.1111/ens.12598>

Information about the authors

Yu.V. Andreeva – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Agricultural Biology, Tomsk State University, Tomsk, Russia; andreeva_y@mail2000.ru;

Ye.A. Sheruova – PhD-student, Department of General Biology and Genomics, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Lecturer at the Department Animal and Biological Sciences, S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Kazakhstan; erkezhan.sheruova@mail.ru;

A.K. Sibataev – Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of General Biology and Genomics, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; asibataev@gmail.com.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-47-56

UDC 595.142.3:631.147

IRSTI 34.33.15

**GROWTH AND DEVELOPMENT OF *EISENIA FETIDA* SAV.
WHEN CULTIVATED ON A MIXTURE OF POPLAR LEAVES AND PEAT**

E.V. Zharkov¹, A.S. Babenko^{1*}

^{1*}*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia*

**Corresponding author: andrey.babenko.56@mail.ru*

Abstract

Urban leaf litter is a potential source of vermicompost, but its possible contamination with heavy metals raises safety concerns for its use. We assessed the growth and reproduction of *Eisenia fetida* Sav. when cultivated on mixtures containing poplar leaves collected from five locations in Tomsk, Russia, with varying anthropogenic loads (train station, Mikhailovsky park, river port, University park, and suburban control). After two months, the greatest biomass increase was observed in the mixture with leaves collected from the control point (8.87 g, 78.5%) and University park (8.74 g, 70.5%), while the smallest increase was in mixtures with leaves from the river port (5.70 g, 39.9%) and Mikhailovsky park (5.50 g, 43.0%). Cocoon production was highest in mixtures containing leaves from the control point (+138%) and University park (+94.8%), but decreased in mixtures containing leaves from the railway station (-40.9%). Juvenile growth was highest in mixtures containing leaves from Mikhailovsky park (+33.4 individuals). Overall, substrate quality in less polluted areas promotes better earthworm development. The data obtained will serve as a basis for rational leaf litter management in cities and for ensuring the safety of vermicompost production.

Keywords: *Eisenia fetida*; vermicomposting; poplar leaves; organic fertilizer; earthworm growth; earthworm reproduction.

**ТЕРЕК ПЕН ШЫМТЕЗЕК ЖАПЫРАҚТАРЫНЫҢ ҚОСПАСЫНДА ӨСІРГЕНДЕ
EISENIA FETIDA SAV. ӨСУІ ЖӘНЕ ДАМУЫ**

Жарков Е.В.¹, Бабенко А.С.^{1*}

^{1*}*Ұлттық зерттеу Томск мемлекеттік университеті, Томск, Ресей*

**Хат-хабар үшін автор: andrey.babenko.56@mail.ru*

Аңдатпа

Қалалық жапырақ қалдықтары вермикомпосттың әлеуетті көзі болып табылады, алайда олардың ауыр металдармен ластануы пайдалану қауіпсіздігіне қатысты алаңдаушылық туғызады. Біз әртүрлі антропогендік жүктемесі бар Томск қаласының (Ресей) бес аймағынан (теміржол вокзалы, Михайловский саябағы, өзен порты, университет паркі және қала маңындағы бақылау аймағы) жиналған терек жапырақтары қосылған қоспаларда өсірілген *Eisenia fetida* Sav. өсуі мен көбеюін бағаладық. Екі айдан кейін биомассаның ең жоғары өсімі бақылау аймағынан жиналған жапырақтары бар қоспада байқалды (8,87 г, өсім 78,5%) және университет саябағында (8,74 г, 70,5%); ал ең төмен өсім өзен порты аймағына алынған жапырақтары бар қоспада (5,70 г, 39,9%) және Михайловский саябағында (5,50 г, 43,0%) тіркелді. Салынған кокондар саны бақылау аймағының (+138%) және университет саябағының (+94,8%) жапырақтары бар қоспаларда ең жоғары болды, ал теміржол станциясы аймағынан алынған жапырақтары бар қоспада төмендеді (-40,9%). Жас дарақтардың өсуі Михайловский саябағы жапырақтары бар қоспада ең жоғары болды (+33,4 дарақ). Жалпы алғанда, ластануы аз аудандардағы субстрат сапасы жауын құрттарының жақсы дамуына ықпал етеді. Алынған мәліметтер қалалардағы түскен жапырақтарды тиімді басқару мен биогумус өндірісінің қауіпсіздігін қамтамасыз етуге негіз болады.

Кілт сөздер: *Eisenia fetida*; вермикомпосттау; терек жапырақтары; органикалық тыңайтқыш; жауын құрттарының өсуі; жауын құрттарының көбеюі.

**РОСТ И РАЗВИТИЕ *EISENIA FETIDA* SAV. ПРИ ВЫРАЩИВАНИИ
НА СМЕСИ ЛИСТЬЕВ ТОПОЛЯ И ТОРФА****Жарков Е.В.¹, Бабенко А.С.^{1*}**^{1*}*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия***Автор для корреспонденции: andrey.babenko.56@mail.ru***Аннотация**

Городской листовой опад является потенциальным источником вермикомпоста, но его возможное загрязнение тяжелыми металлами вызывает опасения по поводу безопасности при использовании. Мы оценили рост и размножение *Eisenia fetida* Sav. при культивировании на смесях, содержащих листья тополя, собранных в пяти местах Томска (Россия), с различной антропогенной нагрузкой (железнодорожный вокзал, Михайловский парк, речной порт, Университетский парк и пригородный контроль). Через два месяца наибольший прирост биомассы наблюдался в смеси с листьями, собранными в контрольной точке (8,87 г, прирост - 78,5%) и Университетском парке (8,74 г, 70,5%), в то время как наименьший прирост наблюдался в смеси с листьями из речного порта (5,70 г, 39,9%) и Михайловского парка (5,50 г, 43,0%). Количество отложенных коконов было самым высоким в смесях, содержащих листья из контрольной точки (+138%) и Университетского парка (+94,8%), но снизилось в смесях, содержащих листья с железнодорожной станции (-40,9%). Рост молодежи был самым высоким в смесях, содержащих листья из Михайловского парка (+33,4 особи). В целом, качество субстрата в менее загрязненных районах способствует лучшему развитию дождевых червей. Полученные данные послужат основой для рационального управления опавшими листьями в городах и обеспечения безопасности производства биогумуса.

Ключевые слова: *Eisenia fetida*; вермикомпостирование; листья тополя; органическое удобрение; рост дождевых червей; размножение дождевых червей.

Introduction

A large amount of organic waste is generated annually as a result of agricultural activity. Incineration is still a common method of disposal, although it pollutes the environment. Vermicomposting is an alternative method of agricultural waste disposal. During the processing of various wastes, the greatest amount of humic acid, nitrogen (N) and potassium (K) was found in vermicompost from cow manure. The maximum electrical conductivity (EC), the content of organic substances, magnesium (Mg) and manganese (Mn) were found in vermicompost from leaf litter. Vermicompost from oilcake has the highest levels of phosphorus, iron, zinc and copper. Vermicompost obtained from different types of raw materials differs in the total nutrient content and quality [1]. Some studies have examined the negative consequences of excessive use of chemical fertilizers, including low crop yields, increased pest and disease infestations, soil degradation, and adverse environmental impacts, by evaluating biohumusification as a sustainable organic farming practice [2].

The researchers studied the effect of vermicompost on vegetables and cereals and described its beneficial effects on most plant species. Vermicompost helps improve soil structure, texture, porosity, moisture retention, drainage and aeration, and reduces soil erosion. Vermicompost increases the microbiological activity of the soil, increases the number of beneficial microbes and reduces the level of damage to plants by pests and diseases. It also contains several micro- and macronutrients, vitamins, enzymes, and hormones such as auxins and gibberellins. [3].

Assessing the feasibility of processing leaf litter by earthworms with subsequent use of the resulting vermicompost as a fertilizer is an important task in the context of sustainable urban

waste management and green infrastructure. Previous studies have demonstrated that vermicomposting of leaf litter produces a high-quality organic fertilizer rich in macro- and micronutrients as well as humic substances. The quality of the resulting compost depends on the composition of the initial substrate, earthworm species, and processing conditions. However, leaf litter in urban environments can accumulate heavy metals and other pollutants, which limits the potential use of such compost in agriculture and urban landscaping. Therefore, it is necessary to assess not only the processing efficiency but also the safety of the resulting product.

It has previously been noted that the presence of *E.fetida* alters the microbiological structure of fallen poplar leaves during vermicomposting. Notably, nitrogen-fixing *Azotobacter* species are found only in vermicomposted substrates – not in traditional composts – and their activity is higher in poplar-leaf-based systems than manure-based ones [4].

Although the nitrogen conversion process during vermicomposting is slower than in manure systems, leaf litter can still be a valuable raw material for producing vermicompost due to its ability to produce high-quality fertilizer. The initial nitrate level of the mixture of soil and leaf litter in the greenhouse ensures a high nitrate content in the final vermicompost. This makes leaf litter an attractive alternative to manure, particularly in the Siberian region where a large amount of fallen leaves is currently being sent to landfills [5].

Similar trends were observed by Aalok [6], who investigated the nutrient dynamics during composting and vermicomposting of leaf litters from different plant species (*Eucalyptus hybrid*, *Pinus roxburghii*, *Populus deltoides*, *Shorea robusta*) and *Parthenium hysterophorus* mixed with municipal solid waste. Vermicomposting resulted in a significant reduction in pH (2.29–19.99%) and C/N ratio (47.55–69.21%), alongside an increase in total nitrogen (47.0–145.5%), phosphorus (26.45–121.84%), potassium (20.96–106.18%), calcium (11.07–24.66%), and magnesium (14.47–66.05%) compared to initial values. However, the final nutrient quality of the vermicompost varied depending on the initial properties of the leaf litter.

Vermicomposting of some tree species produced vermicomposts with high nutrient content, including phosphorus, nitrogen, potassium, magnesium, and calcium. Although nutrient levels varied during the vermicomposting period, the final products demonstrated potential for soil fertility improvement and reducing reliance on synthetic fertilizers in crop production. Mokgophi et al. [7] investigated the impact of vermicomposting on the chemical and biological characteristics of three agroforestry species: *Chamaecytisus tagasaste* (tree lucerne), *Vachellia karroo*, and *Moringa oleifera*. Leaves and small twigs were vermicomposted with *Eisenia fetida* for six weeks under laboratory conditions. The results showed that vermicomposting significantly enhanced macronutrient content in all three feedstocks, with *M. oleifera* producing the highest quality vermicompost — macronutrients (Ca, K, Mg, P) were 50–170 % higher compared to the other species. Vermicomposting increased molybdenum (Mo) content, while other micronutrients (Zn, Mn, Fe, B) decreased significantly over time. Importantly, *E. fetida* reproduction increased dramatically, with more than a 450% increase in earthworm numbers across all three feedstocks. The authors concluded that vermicompost from agroforestry species has the potential to improve soil fertility and reduce the use of synthetic fertilizers in crop production [7].

Some researchers have noted that regardless of the processed substrate, the nutrient content in vermicompost has always been higher than in the control organic waste. It was shown that neem leaves and wheat straw were the most suitable raw materials for producing vermicompost. The C/N ratio in organic waste decreased significantly during composting, which indicates an increase in the concentration of nitrogen, which is easily accessible to plants.

Consequently, plants grown on these vermicompost showed much better growth compared to the control [8-10].

When processing poplar leaves, it should be borne in mind that they accumulate a significant amount of dangerous chemicals. Thus, black poplar accumulates Zn, Cd, Pb, Cu, Ni and other substances in its leaves in proportions that, under intact conditions, indicate a corresponding contamination of Zn (173.3 ppm), Cd (0.70 ppm) and Co (1.10 ppm), in and As (0.20 ppm). This study shows that the studied species can provide an effective biomonitoring service in urbanized environments, providing valuable information on the occurrence and biological consequences of heavy metal pollution [11].

In another study, elements were found in black poplar leaves in the order $Zn >> Fe > Mn > Al > Pb > Ni > Cu > Co > Cd$ and increased with increasing PM10 concentrations, indicating that poplar leaves are sensitive to air pollution. All the analyzed poplar species demonstrated a high potential for phytoremediation of PAHs, PCBs and TM, as evidenced by the detected levels in their tissues. Based on these results, urban decision makers are encouraged to select poplar species that correspond to the specific pollutants prevailing in the area [12].

In particular, *Populus euramericana* shows high potential in the field of purification from PAHs and PCBs, which makes it an ideal choice for areas with significant industrial or vehicle emissions. *P. nigra* demonstrates excellent ability to accumulate heavy metals, especially Zn, and can be a priority plant in areas with high concentrations of pollutants, containing heavy metals. Although *P. alba* shows a slightly lower overall xenobiotic accumulation potential, it noticeably accumulates the most carcinogenic PAHs (CPAH), which underscores its importance in strategies for restoring human health in urban areas with high health risk factors [13].

It was previously stated that the pretreatment of leaf litter with white rot fungi under solid-phase fermentation conditions before adding *Eisenia fetida* to vermicompost significantly improved the decomposition of lignocellulose and nutrient enrichment. Fallen leaves mixed with cow manure in a ratio of 1:1 and 2:1 produced the best results by increasing the levels of total Kjeldahl nitrogen (TKN), available phosphorus (Paval) and calcium (Ca). The activity of microbiological enzymes, as well as the growth of earthworms and their fertility were significantly increased in the pretreated leaf biomass. The authors suggested that the use of fungal consortia for pretreatment and subsequent vermicomposting is a promising area for future research [14].

Another study investigated the vermicomposting of waste biomass from three littoral plants – *Typha latifolia*, *Iris pseudacorus*, and *Ceratophyllum demersum* – using *Eisenia fetida*. The results showed that *E. fetida* could be effectively used for the rapid utilization of pure *I. pseudacorus* and *C. demersum* waste, but *T. latifolia* waste could not be fully recycled within the experimental timeframe. Vermicomposts obtained were characterized by higher N, P, K, Ca, and Mg content compared to the initial plant biomass. Heavy metal content (Cu, Mn, Zn, Cd, Pb) in the vermicomposts did not exclude their use as fertilizers [15].

The processing of nutrients from silver oak (*Grevillea robusta*) and waste litter from bamboo leaves mixed with cow dung using *E. fetida* was studied. Composting led to a significant decrease in pH, total organic carbon, exchangeable potassium and the C: N ratio. Conversely, there was an increase in electrical conductivity, ash content, total nitrogen content, total P, total Ca and nitrate nitrogen. Beds with silver oak showed a higher degree of mineralization than beds with bamboo. Mixtures of vermicompost waste contained a large number of microorganisms: bacteria ($423-684 \text{ CFU} \times 10 \text{ g/l}$), fungi ($22-37 \text{ CFU} \times 10 \text{ g/l}$) and actinomycetes ($108-142 \text{ CFU} \times 10 \text{ g/l}$). *E. fetida* demonstrated a good increase in biomass and

cocoon formation on all vermicomposts, with the largest number of earthworms. An increase in the population was observed in the control with 100% cow manure (50.0 ± 3.0 specimens). The authors concluded that the fallen leaves of urban forests can be converted into value-added manure for sustainable soil fertility management [16].

The purpose of our study is to evaluate the effect of poplar leaf litter from various urban areas on the growth and reproduction of earthworms *Eisenia fetida*.

Materials and methods of study

As a component for vermicomposting, we used the leaf litter of poplars growing on the territory of Tomsk. In total, five samples of poplar leaves were selected in different parts of the city (a mixture of *Populus balsamifera*, *Populus suaveolens* and *Populus nigra*).

Different levels of anthropogenic impact were taken into account when selecting poplar leaf sampling sites. The prevailing wind in Tomsk is southwesterly, so the general transport of airborne pollutants occurs toward the northeast. However, whether a specific sampling site receives wind-transported emissions depends on its location relative to nearby highways. For example, the river port area (point 3) is located downwind from Lenin Street when the wind blows from the southwest. In contrast, Mikhailovskaya Park may receive emissions from the highway primarily when wind directions have an easterly component. Thus, the correlation between vehicle emissions and wind direction is not uniform across all sampling points and must be interpreted with consideration of the local orientation of roads relative to the prevailing wind (figure 1).

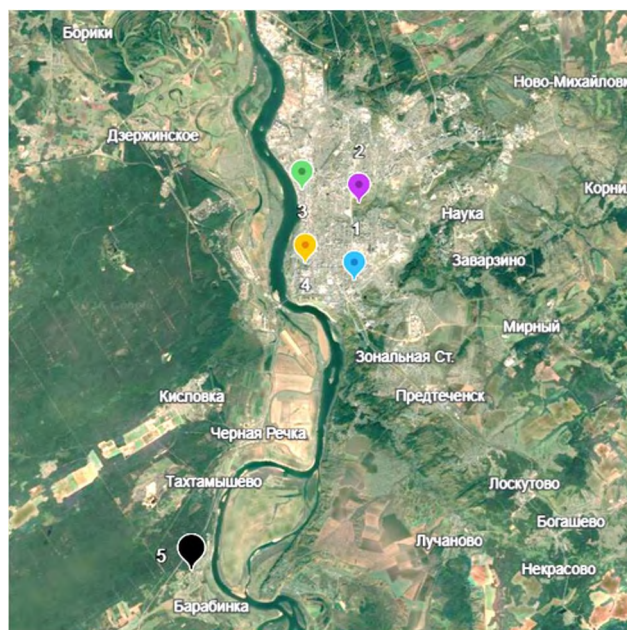

Figure 1. Map of poplar leaf sampling sites in Tomsk and surrounding areas. 1 - Tomsk railway station (blue), 2 - Mikhailovskaya Park (purple), 3 - Tomsk river port (green), 4 - The University Park (orange), 5 - Kaftanchikovo village (black)

Point 1 (high anthropogenic load). Samples were collected on September 8 and 26 near the Tomsk railway station. This area has heavy traffic and significant exhaust emissions, making it classified as an area with a high anthropogenic load.

Point 2 (park area near the highway). Samples were taken on September 8 and 27 in Mikhailovskaya Park, the closest edge of which is approximately 50 meters from the avenue, while the sampling itself was conducted at distances of 70 to 500 meters from the highway. The park is located in a lowland. This location was chosen because it is a large park in Tomsk located next to a busy highway.

Point 3 (spatially isolated area). Samples were collected on September 8 and 27 near the Tomsk river port. Sampling points are located 150-220 meters from the street with heavy traffic. Despite its proximity to a busy street, the street near the river port is spatially separated from it by a distance, allowing us to assess the role of wind transport of heavy metals and other elements.

Point 4 (roughly reference area in the city). Samples were taken on September 10 and 28-29 in the University Park. The park is located 200 meters from the avenue and 350-400 meters from the highway. Wind transport of heavy metals from these roads does not play a key role in vegetation contamination in this area.

Point 5 (control, suburban area). Samples were taken on September 10 and 28-29 in Kaftanchikovo village (a suburb of Tomsk). Leaves were collected in a park near a school at least 500 meters from the nearest highway. This site serves as the control site in this study.

The vermicomposting experiment was conducted using 1-liter plastic containers in 3 replicates ($n=3$) for four different treatments and a control (a total of 15 containers). Before the experiment, the leaves were shredded into a 4-5 mm fraction. 500 ml of shredded leaves and 100 g of water were added to each container to create a homogeneous mixture, followed by the addition of 300 ml of peat. 30 adult earthworms were weighed and placed in each container. One month after the experiment began, the number of adult earthworms, juvenile earthworms, and cocoons was counted. Two months later, the number of earthworms was counted again, and the worms were weighed in each container. The earthworms were dried in a GP-40 MO air sterilizer for subsequent analysis. The resulting vermicompost was also collected for further analysis. Data analysis included calculation of mean (M), standard deviation of mean (m).

Results and Discussion

The two-month experiment showed that the weight gain of *Eisenia fetida* differed significantly depending on the location of the poplar leaves used as a substrate. The highest absolute weight gain was observed in earthworms that were kept on a substrate with leaves from the village of Kaftanchikovo (control group) and the University Park (urban group), with an increase of 8.98 ± 0.83 g and 8.85 ± 0.83 g, respectively, corresponding to a relative growth rate of 73.8% and 78.2%. These locations have minimal direct anthropogenic impact and are located further away from major highways, suggesting that the fallen leaves from less polluted areas contribute to the more efficient development of earthworms.

The lowest growth rates were observed in the earthworms that were fed with leaves from the Tomsk River Port (initial weight 14.27 ± 2.57 g, final weight 20.00 ± 1.54 g; gain 5.73 ± 3.00 g, 40.2%) and the Mikhailovsky Park (initial weight 12.82 ± 1.27 g, final weight 18.30 ± 3.36 g; gain 5.48 ± 3.59 g, 42.7%). Although the worms from the group that was fed with leaves from the river port had the highest initial weight (14.27 g), their relative growth rate was the lowest, indicating a possible slowdown in growth due to spatial isolation, but still contaminated leaf substrate. The group that was fed with leaves from the Tomsk Railway Station (high anthropogenic load) showed intermediate results (7.47 ± 0.77 g, 72.7%), which, despite the high level of pollution in this location, did not result in the lowest growth rates (table 1).

Overall, the data obtained suggest that the quality of the poplar leaf substrate collected from different urban areas directly affects the growth efficiency of *Eisenia fetida*. Leaves from

suburban and park areas with less anthropogenic impact promote better development of worms, while leaves from areas with industrial or traffic pollution – even if they are collected in spatially isolated areas (river port) or in a park near a highway (Mikhailovsky Park) – promote slower growth rates.

Table 1. Changes in the biomass of earthworms during the experiment

Sampling site	Earthworm weight at the beginning of the experiment, g	Earthworm weight after 2 months, g	Growth, g	Growth, %
Kaftanchikovo village	12,16 ± 0,48	21,14 ± 0,68	8,98 ± 0,83	73,8
The University Park	11,32 ± 0,60	20,17 ± 0,57	8,85 ± 0,83	78,2
Tomsk railway station	10,27 ± 0,24	17,74 ± 0,73	7,47 ± 0,77	72,7
Tomsk river port	14,27 ± 2,57	20,00 ± 1,54	5,73 ± 3,00	40,2
Mikhailovskaya Park	12,8 ± 1,27	18,30 ± 3,36	5,48 ± 3,59	42,7

All values are the mean and standard deviation of three replicates

Significant differences in the dynamics of *Eisenia fetida* population over a two-month experimental period, depending on the location of the poplar leaves used as a substrate were found. In all locations, there was an increase in the number of adult earthworms, with the highest absolute increase observed in Mikhailovsky Park (+8.63 individuals, +29.1%) and the lowest in the Tomsk River Port (+4.03 individuals, +13.8%). This indicates that adult individuals survived and developed on all substrates, but the rate of growth of the adult population depended on the quality of the leaf litter in each location (table 2).

Table 2. Changes in the number of *Eisenia fetida* during cultivation on a substrate of poplar leaves and peat

Sampling site	Accounting period (days)	Adults, ind.	Juveniles, ind.	Cocoons, ind.
Tomsk railway station	30	29.7	0.7	29.3
	60	34.67 ± 0.94	8.33 ± 1.20	17.33 ± 1.48
The University Park	30	30.0	0.3	24.3
	60	36.33 ± 0.94	14.67 ± 1.95	47.33 ± 8.42
Mikhailovskaya Park	30	29.7	0.3	31.3
	60	38.33 ± 2.98	33.67 ± 9.31	42.67 ± 6.47
Tomsk river port	30	29.3	1.0	21.0
	60	33.33 ± 0.94	20.00 ± 5.81	24.00 ± 1.82
Kaftanchikovo village	30	30.0	0.7	27.3
	60	37.00 ± 0.91	13.33 ± 1.54	65.00 ± 17.57

All values are the mean and standard deviation of three replicates.

The greatest differences were observed in the number of newly emerged individuals. The highest number of newly emerged individuals was recorded in Mikhailovsky Park (33.67 ± 9.31 individuals, +11123%) and in the Tomsk River Port (20.00 ± 5.81 individuals, +1900%), despite the fact that these locations initially had relatively few newly emerged individuals (0.3–1.0 individuals). The extremely high percentage increase indicates active reproduction and

successful hatching of worms from cocoons. However, the lowest number of newly emerged individuals was recorded in the Tomsk Railway station (8.33 ± 1.20 individuals, +1090%), which may indicate a possible negative impact of high anthropogenic load on reproductive function.

The number of cocoons also varied significantly depending on the location. The highest number of cocoons was found in the village of Kaftanchikovo (65.00 ± 17.57 individuals, +138%) and in the University Park (47.33 ± 8.42 individuals, +94.8%), indicating that the substrate from less polluted areas (suburban control and urban reference) promotes the formation of cocoons. However, there was a decrease in the number of cocoons in the Tomsk River Port (-40.9%), which may indicate that the leaves from this area with heavy traffic negatively affect the formation of cocoons or reduce the reproductive capacity of the worms.

It is noteworthy that in Mikhailovsky Park (despite the fact that it is located next to the highway), the highest productivity of juveniles and a significant number of cocoons were noted, possibly due to the park's location in a lowland and the remoteness of sampling points (70-500 m) from the road, which can reduce the direct impact of vehicle exhaust fumes.

In general, these results demonstrate that the quality of the substrate obtained from poplar leaves collected in various urban areas significantly affects the reproductive function of *Eisenia fetida*. Leaves from suburban (Kaftanchikovo) and park areas with a lower direct anthropogenic load (University Park) contributed to an increase in cocoon production, while leaves from places with heavy traffic (railway station) were associated with a decrease in reproductive productivity. However, the high productivity of juveniles in Mikhailovsky Park and Tomsk River Port suggests that even moderately polluted areas can contribute to the active reproduction of earthworms, which underlines the ability of this species to adapt to various substrate conditions.

The relationship between growth and reproduction was not clear. In areas with high biomass growth (Kaftanchikovo, University Park), high cocoon production was also observed, but only a moderate number of juveniles. On the contrary, in Mikhailovsky Park, despite the low increase in biomass, the highest productivity of juveniles was observed, which probably reflects a compromise between somatic growth and reproduction. On the other hand, a large number of juveniles in this area may indicate successful hatching, but the low weight gain of an adult individual indicates that the quality of the substrate was insufficient for simultaneous maintenance, growth and reproduction.

It is assumed that anthropogenic pollution is the main factor influencing *E. fetida*, although we cannot confirm this directly without chemical analyses of the vermiculture elements. Our planned chemical analyses of the samples will allow us to understand the migration paths of individual elements in the leaves-earthworms-vermicompost system.

Conclusion

The quality of the substrate obtained from poplar leaves harvested in various urban areas directly affects the growth efficiency and reproductive capacity of *Eisenia fetida*. Leaves from suburban and park areas with a lower anthropogenic load contribute to better worm development and increased cocoon production. Moving away from areas polluted by traffic, whether it's a busy divided street (river port) or a park next to a highway (Mikhailovsky Park), is associated with a decrease in growth efficiency. However, these same areas can still support active reproduction, which highlights the need to evaluate both growth and reproductive parameters when assessing the quality of the substrate for vermicompost. Tomsk Railway Station, despite the highest anthropogenic load, showed an intermediate growth, but reduced

cocoon production, which indicates that various pollutants can affect the physiological processes of earthworms in different ways.

Vermicompost obtained from fallen poplar leaves collected in suburban or park areas with moderate traffic (for example, Kaftanchikova, University Park) may be recommended for use in urban landscaping without additional treatment, however, follow-up studies need to be conducted:

1. Quantitative chemical analysis of heavy metals and other hazardous elements in the initial leaf litter, obtained vermicompost and earthworm tissues;
2. Comparison of measured levels of pollutants with established safety standards;
3. Eco-toxicological assessment of vermicompost using biological tests (for example, seed germination tests). These steps will help determine whether vermicompost from fallen leaves can be safely used in urban environments for municipal and agricultural needs.

References:

1. Issariyaporn D., Ch'ng H.Y., Jumpen O. Effects of Four Different Media from Selected Agricultural Wastes on the Total Production and Nutrient Profile of Vermicompost // Journal of Agricultural Sciences (Tarim Bilimleri Dergisi). – 2025. – Vol. 31. – № 2. – P. 280–287. <https://doi.org/10.15832/ankutbd.1504615>
2. Makkar C., Singh J., Parkash C., Singh S., Vig A.P., Dhaliwal S.S. Vermicompost acts as bio-modulator for plants under stress and non-stress conditions // Environment, Development and Sustainability. – 2023. – Vol. 25. – P. 2006–2057. <https://doi.org/10.1007/s10668-022-02132-w>
3. Filipović A., Mandić A., Hadžiabulić A., Johaniš H., Stipanović A., H. Brekalo H. Characterization and evaluation of vermicomposting materials // Ekológia (Bratislava). – 2023. – Vol. 42, – № 2. – P. 101–107. <https://doi.org/10.2478/eko-2023-0012>
4. Kornievskaya E., Kurovsky A., Babenko A., Petrochenko K., Sechko O. Microbial structure of nitrogen utilizers in *Populus nigra* L. compost and vermicompost // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2020. – Vol. 433. – P. 012001. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/433/1/012001>
5. Kurovsky A., Kornievskaya E., Gummer Ya., Babenko A., Saratchandra Babu M. The balance of nitrogen forms and number of microorganisms of the nitrogen cycle in vermicomposts based on leaf litter and cow manure // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2021. – Vol. 935. – P. 012002. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/935/1/012002>
6. Aalok A., Tripathi A. Composting-Vermicomposting of Different Types of Leaves using Earthworm Species *Eisenia fetida* // Dynamic Soil, Dynamic Plant. – 2010. – Vol. 4. Special Issue 1 (Vermitechnology II). – P. 139–144. ISBN: 978-4-903313-56-6
7. Mokgophi M.M., Manyevere A., Ayisi K.K., Munjonji L. Characterisation of *Chamaecytisus tagasaste*, *Moringa oleifera* and *Vachellia karroo* Vermicomposts and Their Potential to Improve Soil Fertility // Sustainability. – 2020. – Vol. 12. – P. 9305. <https://doi.org/10.3390/su12229305>
8. Kapila R., Verma G., Sen A., Nigam A. Compositional Evaluation of Vermicompost Prepared from Different Types of Organic Wastes using *Eisenia fetida* and Studying its Effect on Crop Growth / R. Kapila, // Indian Journal of Agricultural Research. – 2024. – Vol. 58. – № 3. – P. 468–473. <https://doi.org/10.18805/IJAR.A-5708>
9. Sultana, T., Jashimuddin, M., Hasan, M.H. (2025). Leaf Litter Decomposition and Associated Nutrient Release Dynamics Under Varying Temperature and Precipitation in a South Asian Tropical Forest. // Journal of Soil, Plant and Environment. – 2025. – Vol. 4. – P. 94–111. <https://doi.org/10.56946/jspae.v4i1.690>
10. Ro S., Long V., Sor R., Pheap S., Nget R., William J. Alternative feed sources for vermicompost production // Environment and Natural Resources. Journal. – 2022. – Vol. 20. – P. 393–399. <https://doi.org/10.32526/enrj/20/202200009>
11. Perri G., Gargano D., Randazzo L., Calabrese S., Brusca L., Fuoco I., Apollaro C., La Russa M.F. Nature-Based Options for Improving Urban Environmental Quality: Using Black Poplar Trees for Monitoring Heavy Metals Pollution in Urbanized Contexts // Resources. – 2024. – Vol. 13. – C. 85. <https://doi.org/10.3390/resources13060085>

12. Levei L., Cadar O., Babalau-Fuss V., Kovacs E., Torok A.I., Levei E.A., Ozunu A. Use of Black Poplar Leaves for the Biomonitoring of Air Pollution in an Urban Agglomeration // *Plants*. – 2021. – Vol. 10, № 3. – P. 548. <https://doi.org/10.3390/plants10030548>
13. Kalozi O., Kebert V., Orlović S., Ilić M., Kostić S. *Populus euramericana* Accumulates More Organic Pollutants (PAHs and PCBs), While *P. nigra* 'Italica' Absorbs More Heavy Metals // *Plants*. – 2025. – Vol. 14, – № 10. – P. 1445. <https://doi.org/10.3390/plants14101445>
14. Singh N.K., Shahi K., Kumar K., Suthar S. Enhanced vermicomposting of leaf litter by white-rot fungi pretreatment and subsequent feeding by *Eisenia fetida* under a two-stage process//*Bio-Resource Technology Reports*. – 2021. – Vol. 13. – P. 100609. <https://doi.org/10.1016/j.biteb.2020.100609>
15. Pączka G., Mazur-Pączka A., Garczyńska M., Podolak A., Szura R., Butt K.R., Kostecka J. Using Earthworms *Eisenia fetida* (Sav.) for Utilization of Expansive Littoral Plants Biomass // *Applied Sciences*. – 2019. – Vol. 9. – № 17. – P. 3635. <https://doi.org/10.3390/app9173635>
16. Suthar S. Gailora S. Nutrient recovery from urban forest leaf litter waste solids using *Eisenia fetida* // *Ecological Engineering*. – 2014. – Vol. 71. – P. 660–666. <https://doi.org/10.1016/j.ecoleng.2014.08.010>

Information about the authors

Zharkov E.V. – PhD student of the Department of Ecology, Environmental Management and Engineering National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; e-mail: egor.zharkov2000@gmail.com;
Babenko A.S. – corresponding author, Professor and Head of the Department of Agricultural Biology, Dr Sci (Biology), National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; email: andrev.babenko.56@mail.ru.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-57-66

UDC 57.084

IRSTI 68.35.03, 68.35.29

**COMPREHENSIVE STUDY OF PROSO MILLET GENE POOL
FOR INCREASING ITS BREEDING POTENTIAL IN WESTERN KAZAKHSTAN**

V.I. Tsygankov¹, A.V. Tsygankov¹, E.N. Dyussibayeva^{2*}, A.B. Rysbekova²,

N.V. Tsygankova³, M.M. Abylkairova², K.S. Izbastina²

¹*Kazakh Research Institute of Horse Breeding and Fodder Production, Aktobe, Kazakhstan*

^{2*}*Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Kazakhstan*

³*Federal Research Center «Nemchinovka» – Skolkovo Innovation Center,
Moscow region, Russia*

**Corresponding author: e.dyussibayeva@kazatu.edu.kz*

Abstract

The aim of this research was to study the agronomic traits of common proso millet (*Panicum miliaceum* L.) used in productivity-enhancing plant breeding programs. The study was conducted in 2024-2025 on experimental field plots at the Aktobe Agricultural Experimental Station. Observations were made by using biometric measurements of plants height and morphological characteristics of their productivity. The biological material consisted of 176 proso millet genotypes of various origins; experimental data were collected for all the genotypes. Based on the results of a comprehensive assessment, the following genotypes that demonstrated superior thousand-grain weight, plant height, panicle length, growing period, and overall productivity were identified: Kormovoe 89, Yarkoe 6, Yarkoe 3, Merei (line P-1553), Shortandinskoe 7, Shortandinskoe 10, K-10343, K-10312, K-9605, K-917, K-1923, Donskoe, Saratovskoe 7, Candidum 1025. These valuable genotypes can be recommended as sources for enhancing the productive properties of proso millet.

Keywords: proso millet, gene pool, selection, variety, valuable agronomic traits, vegetation period, productivity.

**БАТЫС ҚАЗАҚСТАНДА ТАРЫ ГЕНДІК ҚОРЫН КЕШЕНДІ ЗЕРТТЕУ
АРҚЫЛЫ СЕЛЕКЦИЯЛЫҚ ҚОЛДАНЫЛУЫН ЖЕТІЛДІРУ**

Цыганков В.И.¹, Цыганков А.В.¹, Дюсибаева Э.Н.^{2*},

Рысбекова А.Б.², Цыганкова Н.В.³, Абылкайрова М.М.², Избастина К.С.²

¹*Қазақ жылқы шаруашылығы және жеміс-өндіру ғылыми-зерттеу институты,
Ақтөбе, Қазақстан*

^{2*}*«С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті» КеАҚ,
Астана, Қазақстан*

³*«Немчиновка» Федералдық зерттеу орталығы – «Сколково» Инновациялық
орталығы, Мәскеу облысы, Ресей*

**Хат-хабар үшін автор: e.dyussibayeva@kazatu.edu.kz*

Аңдатпа

Бұл зерттеудің мақсаты өнімділікті арттыратын өсімдіктер селекциялық бағдарламалары үшін қажетті кәдімгі тары (*Panicum miliaceum* L.) бағалы ерекшеліктерін зерттеу болды. Зерттеулер 2024-2025 жылдары Ақтөбе ауыл шаруашылығы тәжірибе станциясының тәжірибелік далалық учаскелерінде жүргізілді. Бақылаулар өсімдік биіктігінің биометриялық өлшемдерін және өсімдік өнімділігінің морфологиялық сипаттамаларын қолдану арқылы жүргізілді. Биологиялық материал әртүрлі шығу тегі бар 176 тары генотипінен тұрды және барлық генотиптер бойынша тәжірибелік деректер жиналды. Кешенді бағалау нәтижелері бойынша мың дән салмағы, өсімдік биіктігі, шашақ ұзындығы, вегетациялық кезең ұзақтығы және жалпы өнімділігі бойынша келесі генотиптер анықталды: Кормовое 89, Яркое 6, Яркое 3, Мерей (Р-

1553 желісі), Шортандинское 7, Шортандинское 10, К-10343, К-10312, К-9605, К-917, К-1923, Донское, Саратовское 7, Кандидум 1025. Бұл құнды генотиптерді тары дақылының бағалы белгілерін жақсарту көздері ретінде бағдарламаларға ұсынылады.

Кілт сөздер: тары, генетикалық қор, селекция, сорт, шаруашылық-құнды белгілер, вегетациялық кезең, өнімділік.

**КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГЕНОФОНДА ПРОСА
ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ СЕЛЕКЦИОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА**

**Цыганков В.И.¹, Цыганков А.В.¹, Дюсибаева Э.Н.^{2*},
Рысбекова А.Б.², Цыганкова Н.В.³, Абылкаирова М.М.², Избастина К.С.²,**
¹Казахский научно-исследовательский институт коневодства и кормопроизводства,
Актобе, Казахстан

²НАО «Казахский агротехнический исследовательский университет
имени С. Сейфуллина», Астана, Казахстан

³Федеральный исследовательский центр «Немчиновка» – ИЦ «Сколково»,
Московская область, Россия

*Автор для корреспонденции: e.dyussibayeva@kazatu.edu.kz

Аннотация

Целью данного исследования было изучение ценных характеристик обыкновенного проса (*Panicum miliaceum* L.), необходимых для программ селекции растений, направленных на повышение продуктивности. Исследование проводилось в 2024-2025 годах на экспериментальных полевых участках Актюбинской сельскохозяйственной экспериментальной станции. Наблюдения проводились с использованием биометрических измерений высоты растений и морфологических характеристик продуктивности растений. Биологический материал состоял из 176 генотипов проса различного происхождения; экспериментальные данные были собраны для всех генотипов. На основании результатов комплексной оценки были выявлены следующие генотипы, продемонстрировавшие превосходные показатели массы тысячи зерен, высоты растения, длины метелки, продолжительности вегетационного периода и общей продуктивности: Кормовое 89, Яркое 6, Яркое 3, Мерей (линия Р-1553), Шортандинское 7, Шортандинское 10, К-10343, К-10312, К-9605, К-917, К-1923, Донское, Саратовское 7, Кандидум 1025. Выделившиеся ценные генотипы могут быть рекомендованы в качестве источников для повышения продуктивных свойств проса.

Ключевые слова: просо, генофонд, селекция, сорт, хозяйственно-ценные признаки, вегетационный период, урожайность.

Introduction

Common or Proso millet (*Panicum miliaceum* L.) is an annual grain crop introduced into cultivation approximately 10,000 years ago in the semi-arid regions of China. It is primarily grown in India, Nigeria, Niger, and China [1]. Due to its high nutritional value and health benefits, proso millet is used as livestock and poultry feed in many countries. Recently, its high content of various minerals and amino acids, as well as the low or zero content of gluten in the grain, have attracted the attention of the industry and the scientific community. Common proso millet is used as a rotation crop in winter wheat and fallow systems due to its high water use efficiency [2]. This practice not only prevents the loss of organic matter from no-till soil but also reduces weed and disease infestations. Despite the compelling environmental and medicinal benefits of common proso millet, it remains a poorly understudied and underutilized

crop [3]. Breeders worldwide strive to develop superior varieties using both classical and advanced breeding methods. However, the lack of adequate genetic resources slows the process of crop improvement [4-5]. Proso millet genetic material, representing a wide genetic diversity, is stored in gene banks maintained by several countries. The rapid growth of genomic research, along with high-throughput phenotyping, promises to accelerate proso millet breeding [6]. The development of proso millet varieties that are high-yielding, resistant to lodging and seed shattering, ready for combine harvesting, and enriched with nutrients will facilitate increased proso millet cultivation and use in the food industry [7].

The scientific novelty of this research lies in the first assessment of proso millet genotypes from the VIR and USDA collections under the environmental conditions of the region, which enabled the identification of previously uncharacterized sources of high productivity, environmental adaptability, and resistance to biotic and abiotic stresses. The obtained results expand the genetic resources available for proso millet breeding and provide a basis for the development of improved cultivars adapted to changing climatic conditions.

Research Methods

The plant material. The study was conducted in 2024-2025. The research materials were the germplasm of proso millet consisted of 176 genotypes.

The field experiment design. The collection of proso millet was sown in 6-row, 2-meter-wide plots (each plot had an area of 1.8 m²) in the Aktobe region. There were 14 plots in one pass of the seeding unit; between the passes there is a 30-cm-wide interplot strip. The variety "Pamyati Bersieva" was used as a standard which was selected by the AAES (Aktobe Agricultural Experimental Station); and it was sown every 19 plots. All samples were sown at the recommended seeding rate for the dry steppe zone of 2.5-2.7 million germinated seeds/ha: approximately 600 seeds per plot, in physical weight, depending on the weight of 1000 seeds (3-5 g). The seeds were sown using an SSFK-5-7 seed drill mounted on a compact T-16MG tractor with a KShK-1.5 ring-and-spur roller. The disc seeder sowed to a depth of 5-7 cm.

Methodology of field experiments. A comprehensive assessment of the genetic diversity of the studied proso millet varieties used both field and laboratory research methods. During the growing season and after harvest, the following observations and records were made: phenological data, overall phenotypic assessment (5-point scale), drought tolerance, lodging resistance, yield structure analysis, and 1 000-grain weight. During the emergence phase – the beginning of grain filling – several plants of each variety were assessed for vegetative mass development per unit area (1 m²) to identify varieties suitable for use as green fodder. To evaluate the biological, economic, and qualitative indicators of the studied proso millet assortment, the methodology of state variety testing was applied [8].

The meteorological data for the growing experimental period 2024-2025 was gathered at the local weather station (table 1).

Table 1. Location, environment, and weather data during agronomic seasons

Site/Region	Aktobe Region	
Latitude/Longitude	50.27°/57.20°	
Soil type	black soil and dark chestnut (2.74% humus)	
Conditions	Rainfed	
Year	2024	2025
Annual rainfall for summer season, mm	167.9	120.0
Mean temperature, °C	19.9	25.3
Max temperature, °C	24.4	30.0
Min temperature, °C	13.8	19.0

Statistical processing of the obtained data. The experimental data were processed according to B.A. Dospekhov [9] and N.L. Udolskaya [10] on a PC using the AGROS-1 program (version 2.09-2.11/1993-2009; authors S.P. Martynov, N.N. Musin, T.V. Kulagina); Statist 1, Statist 2 (version 2005/2012, author I.F. Spivak-Lavrov). Heatmap data processing was based on Pearson correlation, a standard method for analyzing the strength of a linear relationship between variables.

Study Results

The collection was sown on May 19. The seedlings were observed between May 28 and 30. Field germination for most proso millet varieties was 70-80%. In 2024-2025, the duration of the period from germination to panicle emergence in proso millet varieties varied, depending on the early maturity - from 36 to 51 days; the duration of the ripening period for all forms of proso millet varied within the range of 39-51 days. Based on the data obtained from studying the vegetation of proso millet varieties and samples in the collection, we were able to conditionally divide them into 4 maturity groups: Early, Mid-season, Mid-late, and Late-season (table 2).

Table 2. Duration of proso millet growing season, days (2024-2025)

Proso millet forms	First half of the growing season (shoots – panicle growing)	Second half of the growing season (panicle emergence – ripening)	Shoots – ripening
Early-season	36	39	75
Mid-season	42	41	83
Mid late-season	47	43	90
Late-season	51	47	98

On average, under these conditions, the earliest maturing proso millet samples (up to 80-82 days) were: Yarkoe 3, Merei (line P-1553), Shortandinskoe 7, Shortandinskoe 10, K-10312 and others.

In the western region of Kazakhstan, the study of the proso millet collection including foreign and local proso millet varieties was conducted to record phenotypic variability across two different years of study, including seven of the most important traits of this crop. Based on the results of phenotypic analysis, the most valuable genotypes possessing a complex of valuable agronomic traits were selected (table 3).

Table 3. The most promising genotypes by productivity and characteristics, 2024-2025.

Genotypes	Vegetation period, days	Productive tillering, pc/1 plant	Panicle length, cm	1000 seed weight, g	Grain weight per panicle, g	Number of grains per panicle, pcs	Grain yield, g/m ²
Pamyati Bersieva St.	85	1,15	20,04	8,2	4,1	494	321
Kormovoe 89	88	1,16	24,1	7,86	5,0	632	337
Yarkoe 6	89	1,07	19,72	7,85	4,2	506	353
Yarkoe 3	80	1,42	20,45	8,02	5,1	615	369
Merei (line P-1553)	82	1,13	19,87	6,47	4,7	736	338
Shortandinskoe 7	77	1,55	20,12	7,85	3,4	439	364
Shortandinskoe 10	80	1,12	21,37	7,75	3,5	487	360

K-10343	92	1,21	19,98	8,21	8,6	1058	355
K-10312	78	1,35	27,22	8,23	4,8	595	337
K-9605	86	1,00	21,57	8,19	6,8	839	349
K-917	90	1,20	19,86	7,34	5,0	645	402
K-1923	88	1,21	18,9	8,64	9,47	1094	518
Donskoe	88	1,33	19,72	7,73	4,5	525	388
Saratovskoe 7	89	1,33	19,61	8,66	5,8	599	375
Candidum 1025	85	1,26	20,5	7,60	6,58	667	483
Stat.	-	M±m= 1.193±0.03; Cv=22.0% and P=2.21%	-	M±m= 6.92±0.10; Cv =14.85; P = 1.49%	-	M±m= 330.5±14.75; Cv=44.63%; P=4.49%	M±m= 181.3±8.0; Cv=44%; P=4.43%
Note: M ± m = mean ± standard error; Cv = coefficient of variation (%); P = experimental precision (%), reflecting the relative error of the mean estimate							

Growing period of mid-late and late-ripening proso millet varieties ranged from 90 to 100 days or more: Zolotistoe kormovoe, K-8528, Zolotistoe, K-10286, Kormovoe 2020, K-3806, PI 163298, PI 163300, PI 173750, PI 177015, K-2253, K-9605, Voronezhskoe 989, Donskoe 5, Mironovskoe 51, Aktyubinskoe kormovoe, Uilskoe beloe, and others.

Productive tillering under 2025 conditions was generally insignificant and amounted to M±m=1.193±0.03 stems/plant; Cv=22.0% and P=2.21%.

According to *Number of grains per panicle* (from 500 to 800 pcs. and more) in the prevailing hydrothermal conditions of 2025, the following varieties stood out: Yarkoe 3, Yarkoe 120, Merey, Kormovoe 89, Saratovskoe 3, K-10343 Zolotistoe, Zhodinskoe, K-3751, Ilyinovskoe, k-10312, Lin. S-11/82, k-9605, k-1980, Aktyubinskoe Beloe and others with M±m = 330.5±14.75 pcs.; Cv=44.63%; P=4.49%.

The following varieties had increased *grain size* (1000 seed weight of 8-9 g or more) under 2025 conditions: Yarkoe 5, Yarkoe 7, Abakanskoe kormovoe, PI 296376, Zolotistoe kormovoe, Shortandinskoe 10, K-10343 Zolotistoe, K-2778, Zhodinskoe, K-10312, K-9373, Davskoe, PI 211058, Gorlinka, Volgogradskoe 4, Voronezhskoe 989, k-2982 with an average value of 6.92 ± 0.10 g; the variation coefficient Cv was 14.85% and P (experimental precision) was 1.49%.

Productivity. The yield for the most of the proso millet varieties under the current growing season conditions ranged from 150 g/m² to 250 g/m² with a range of variability from 50-70 to 380-440 g/m²; the yields of standard varieties were 243 g/m² for Pamyati Bersieva and 294 g/m² for Yarkoe 6. The following varieties proved to be the most productive (+15-40% over the standard level) in 2025: Yarkoe 3, Yarkoe 120, Shortandinskoe 10, Zolotistoe, k-8528, k-2778, k-10215, k-7751, Ilyinovskoye, K-9605, K-917, K-2636, Aktyubinskoe Beloe, and several others (M±m=181.3±8.0 g/m²; Cv=44%; P=4.43%). The yield increase over standard varieties was achieved due to better plant survival at harvest, number of grains per panicle, and size of the formed grain. The overall phenotypic score for the proso millet collection ranged from 2-2.5 to 4.0-4.3 points. The biological yield of green mass during the panicle emergence - flowering period was assessed for a number of the samples of general-purpose and forage proso millet varieties. It ranged from 1000-1600 g/m² (equivalent to 100-150 c/ha) for the following varieties: Yarkoe 120, Lin. 9/82, Zhodino, Lin. 1665, PI 222811, Shortandinskoe 10, K-9539, K-9701 Subflavum 443, PI 365844, Kormovoe 89, Uilskoe local up to 2000-2600 g/m² (in terms of 200-260 c/ha) - Yarkoe 3, Yarkoe 5. Yarkoe 6, Yarkoe 7, Merey, Nadezhnoe, Saratovskoe 10, Orenburgskoe 20, Danila, Liniya S-24/82, k-10352 Zolotistoe, Shortandinskoe

11, k-8503 Aktyubinskoe white, Aktyubinskoe kormovoe. After drying, the air-dry mass of these samples ranged from 250-400 to 500-600 g/m².

Compared with the standard cultivar Pamyati Bersieva (321 g/m²), all selected genotypes demonstrated higher grain yield, with increases ranging from 5.0 to 61.4%. The best results were recorded for K-1923 (518 g/m², +61.4%), Candidum 1025 (483 g/m², +50.5%), K-917 (402 g/m², +25.2%), and Donskoe (388 g/m², +20.9%). The yield advantage of K-1923 was primarily associated with a substantially higher grain number per panicle (1094 vs. 494 grains in the standard) and grain weight per panicle (9.47 vs. 4.1 g). Similarly, Candidum 1025 combined higher grain weight per panicle (6.58 g) with a higher grain number per panicle (667 grains), resulting in a marked increase in productivity. In contrast, Shortandinskoe 7 and Yarkoe 3 exhibited superior productive tillering, exceeding the standard by 34.8% and 23.5%, respectively, indicating alternative mechanisms contributing to yield formation.

Based on the results of comprehensive studies of agronomic traits of proso millet in 2024-2025, valuable genotypes were identified: Kormovoe 89, Yarkoe 6, Yarkoe 3, Merei (line P-1553), Shortandinskoe 7, Shortandinskoe 10, K-10343, K-10312, K-9605, K-917, K-1923, Donskoe, Saratovskoe 7, Candidum 1025.

Correlation analysis related to climatic conditions of proso millet germplasm are understudied comparing to the major crops. In our research, correlation coefficients between the main valuable agronomic traits of proso millet varieties were studied. The table represents Pearson correlation coefficients (r). Statistically significant correlations are marked with * (p < 0.05) and ** (p < 0.01) (table 4).

Table 4. Significant correlations between climatic variables and agronomic traits of proso millet genotypes.

Variables	r	p-value
Amount of precipitation (APR) – plant height (HT)	0.66	<0.01
Amount of precipitation (APR) – seed weight per panicle (SWMP)	0.56	<0.05
Amount of precipitation (APR) – number of seeds per panicle (NSMP)	0.55	<0.05
Amount of precipitation (APR) – grain yield (GY)	0.53	<0.05
Year (YR) – plant height (HT)	-0.66	<0.01
Year (YR) – grain yield (GY)	-0.53	<0.05

Thus, under the western conditions, the data obtained in 2024-2025 indicate that the yield of proso millet genotypes GY is not related to year conditions YR (r=-0.53) and average temperature AMT (Figure 1).

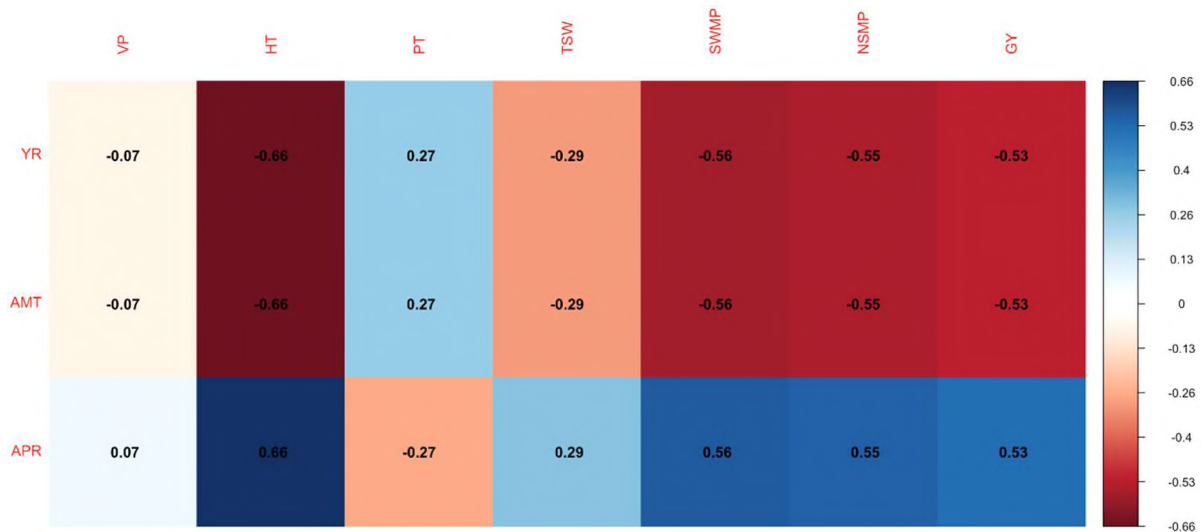

Figure 1. Correlation coefficients among the agronomic traits in the conditions Aktobe region:
*VP - vegetation period, HT – Plant height, PT - productive tillering, TSW - 1000 seed weight, SWMP - seed weight per panicle, NSMP - Number of seeds per panicle, GY – yield per square meter, YR - year, AMT - average temperature, APR - amount of precipitation. Note: Correlations with $p < 0.05$ are highlighted in colour. The colour indicates either positive (blue) or negative (red) correlation.

Negative correlation was also observed between plant height HT and year YR, average temperature AMT; number of seeds per panicle NSMP and seed weight per panicle SWMP with year YR, average temperature AMT, r consisted -0.55-0.66. In this study, no relationship was observed between productive tillering PT – year YR and productive tillering PT – average temperature AMT ($r=-0.27$); 1000 seed weight TSW – amount of precipitation APR ($r=-0.29$). Plant height HT and amount of precipitation APR ($r=0.66$); seed weight per panicle SWMP and amount of precipitation APR ($r=0.56$); number of seeds per panicle NSMP and amount of precipitation APR ($r=0.55$); yield GY and amount of precipitation APR ($r=0.53$) showed high trait dependence among all varieties.

Discussion

The evaluation of 176 proso millet genotypes under the environmental conditions of Western Kazakhstan revealed substantial variation in productive tillering, seed number per panicle, seed weight per panicle, and 1000 seed weight. Similar levels of phenotypic diversity have been reported in proso millet germplasm collections evaluated in India, Africa, and Mediterranean environments, where broad genetic variation was considered a prerequisite for effective breeding and adaptation to diverse agroecological conditions. Vetriventhan and Upadhyaya (2019) identified wide phenotypic diversity for productivity and nutritional characteristics in a global collection of proso millet germplasm. The ranges of variation recorded in the Western Kazakhstan collection for productive tillering, seed number per panicle, seed weight per panicle, and thousand-seed weight are consistent with the magnitude of diversity reported in these studies. The presence of highly productive accessions within the evaluated material indicates that the collection possesses valuable genetic resources comparable to those identified in major international germplasm collections and can serve as an important source of breeding material for improving yield potential and environmental adaptation [11].

The significant positive association observed between precipitation and both seed number and seed weight per panicle is consistent with previous studies demonstrating that water availability during flowering and grain filling is a major determinant of proso millet

productivity. Researchers in semi-arid regions of India and Sub-Saharan Africa have likewise reported that reduced rainfall during reproductive stages leads to a decrease in grain set and panicle productivity, whereas favorable moisture conditions increase grain number and grain weight. These findings suggest that precipitation is one of the principal environmental factors affecting yield formation across contrasting proso millet-growing regions [12, 13].

The superior agronomic performance observed during the 2024–2025 growing seasons, particularly for productive tillering and panicle productivity traits, may be explained by the environmental conditions prevailing during the experimental years. Similar responses have been reported in Mediterranean and continental climates, where seasonal differences in rainfall distribution significantly influenced yield components and genotype ranking. Therefore, the observed variation among years highlights the importance of evaluating germplasm under multiple environmental conditions to identify stable and broadly adapted genotypes.

Differences in maturity groups also deserve consideration. Studies conducted in India and North Africa have shown that early-maturing genotypes often exhibit greater drought avoidance, whereas medium- and late-maturing forms may achieve higher yield potential under favorable moisture conditions. The diversity of maturity groups represented in the present collection may therefore contribute to the observed variability in productivity and adaptation traits. Similarly, Calamai et al. (2020), who evaluated 80 accessions of proso millet under Mediterranean conditions, reported substantial variation in grain productivity and yield-related traits among accessions [14, 15].

Overall, the results confirm findings from previous international studies: broad germplasm collections constitute an essential source of alleles for improving yield stability, stress tolerance, and adaptation to climate variability. At the same time, the present study provides new information on the performance of VIR and USDA accessions under the specific soil and climatic conditions of Western Kazakhstan, thereby expanding knowledge on their breeding value and regional adaptability.

Conclusion

Thus, despite promising traits that may confer resistance to environmental stress, *P. miliaceum* remains a minor cereal crop, grown primarily in arid and semi-arid agricultural regions with low resource inputs as a subsistence crop for local populations. This study presents data from a two-year field experiment evaluating the valuable traits of proso millet accessions in the Western regions of Kazakhstan. The results made it possible to identify valuable varieties and samples of proso millet. This data can be used in future proso millet breeding programs to develop new and improved genotypes adaptable to arid zones and with desirable productivity traits. The evaluated proso millet germplasm demonstrated considerable variability in agronomic and productivity traits, allowing the identification of promising donor genotypes for specific breeding objectives.

For plant breeding aimed at increasing grain yield, the most valuable genotypes were K-1923 (518 g/m²), Candidum 1025 (483 g/m²), K-917 (402 g/m²), and Donskoe (388 g/m²), all of which substantially exceeded the standard cultivar Pamyati Bersieva. As sources of high grain weight per panicle, K-1923 (9.47 g), K-10343 (8.6 g), K-9605 (6.8 g), and Candidum 1025 (6.58 g) are recommended for use in breeding programs targeting enhanced yield potential. For improving grain number per panicle, K-1923 (1094 grains), K-10343 (1058 grains), K-9605 (839 grains), and Merei (736 grains) represent valuable donor material. Early maturity, an important trait for arid environment, was observed in Shortandinskoe 7 (77 days), K-10312 (78 days), and Yarkoe 3 and Shortandinskoe 10 (80 days). These genotypes may be useful for developing early-ripening cultivars adapted to unstable moisture conditions. The

highest productive tillering was recorded in Shortandinskoe 7 (1.55 shoots per plant), Yarkoe 3 (1.42), K-10312 (1.35), Donskoe (1.33), and Saratovskoe 7 (1.33), indicating their potential value as donors of enhanced plant productivity and stand density. Based on the combination of traits, K-1923, Candidum 1025, K-917, and Donskoe are recommended for grain-oriented breeding programs, whereas Shortandinskoe 7, Yarkoe 3, and K-10312 may be valuable for forage and dual-purpose breeding due to their early maturity and high tillering ability. Genotypes combining high grain productivity with favorable yield components, particularly K-1923 and Candidum 1025, should be prioritized for further breeding and multi-environment testing in Western Kazakhstan.

During the preparation of this manuscript, the authors used artificial intelligence tools (e.g., ChatGPT, Gemini, Claude, NoteBook LLM, Groq, DeepSeek) to assist with text editing or translation (specifying the sections of the article). All scientific interpretations were carried out by the authors. AI tools were not used for data collection or statistical analysis. All content has been checked and verified by the authors, who bear full responsibility for the content and originality of the manuscript.

Acknowledgments: The work was performed within the program financing by the Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan under the budget program 267, BR22885305 «Breeding and genetic technology for the development of systems for long-term storage, restoration, monitoring and rational use of agrobiodiversity, as the basic basis for improving breeding programs of RK».

References:

1. Lu H., Zhang J., Liu K.B., Wu N., Li Y., Zhou K. Earliest domestication of common millet (*Panicum miliaceum*) in East Asia extended to 10,000 years ago // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. - 2009. - № 106(18). – P. 7367-7372. DOI: NA
2. Zargar M., Dyussibayeva E., Orazov A., Zeinullina A., Zhirnova I., Yessenbekova G., Rysbekova A. Microsatellite-Based Genetic Diversity Analysis and Population Structure of Proso millet (*Panicum miliaceum* L.) in Kazakhstan // Agronomy. – 2023. - № 13(10). – 2615. DOI: [10.3390/agronomy13102615](https://doi.org/10.3390/agronomy13102615)
3. Rysbekova A., Abylkairova M., Orazov A., Zeinullina A., Hu Y.G., Ydyrys A., Zargar M., Dyussibayeva E. Application of Inter-Simple Sequence Repeat Markers in Genetic Variance Detection of Proso Millet (*Panicum miliaceum* L.) Germplasm Cultivated in Kazakhstan // ES Food Agrofor. - 2025. – № 20. - 1471. DOI: [10.30919/faf1471](https://doi.org/10.30919/faf1471)
4. Cygankov A.V., Cygankov V.I., Rysbekova A.B., Dyusibaeva E.N., Cygankova N.V. Ispol'zovanie geneticheskogo raznoobraziya kul'tury prosa pri sozdanii adaptivnykh zasuhoustojchivyykh sortov v usloviyakh Zapadnogo Kazakhstana // Sb. nauch. statej v 2-h tomah. Tom 1. Zadachi sel. i sem. zernovykh kul'tur po mat. Mezhd. nauch. konf., posv. 300-letiyu RAN. – Moscow: FIC «Nemchinovka», 2024. - S. 223-241 [in Russian]. DOI: NA
5. Dyussibayeva E., Abylkairova M., Tsygankov V., Zhirnova I., Zeinullina A., Yessenbekova G., Orazov A., Tsygankov A., Dolinny Y., Rysbekova A. Evaluation of the agronomic traits and correlation analysis of phenotypes of proso millet (*Panicum miliaceum* L.) germplasm in Kazakhstan // Brazilian Journal of Biology. – 2024. - № 84. - e287947. DOI: [10.1590/1519-6984.287947](https://doi.org/10.1590/1519-6984.287947) P. 1-12
6. Dipak K., Santra, Rituraj Khound, Saurav Das. Proso Millet (*Panicum miliaceum* L.) Breeding: Progress, Challenges and Opportunities // Advances in Plant Breeding Strategies: Cereals. - 2019.- № 5(1). - P. 223-2027. DOI: NA
7. Bortesi L., Fischer R. The CRISPR/Cas9 system for plant genome editing and beyond. Biotechnol. Adv. - 2015. - 33(1). – P. 41–52. DOI: [10.1016/j.biotechadv.2014.12.006](https://doi.org/10.1016/j.biotechadv.2014.12.006)
8. Metodika gosudarstvennogo sortoispytaniya sel'skohozyajstvennykh kul'tur. -Almaty: KGI MSH RK, 2002. – 378 s. [in Russian]. DOI: NA
9. Dospekhov B.A. Metodika polevogo opyta. - M.: Agropromizdat, 1985. - 352 s. [in Russian]. DOI: NA
10. Udol'skaya N.L. Vvedenie v biometriyu. – Alma-Ata, 1976. – 84 s. DOI: NA

11. Vetriventhan M., Upadhyaya H.D. Variability for Productivity and Nutritional Traits in Germplasm of Kodo Millet, an Underutilized Nutrient-Rich Climate Smart Crop // Crop Sci. - 2019. – № 59. – P.1095-1106. DOI: [10.2135/cropsci2018.07.0450](https://doi.org/10.2135/cropsci2018.07.0450)
12. Sood S., Khulbe R.K., Agrawal P.K., Upadhyaya H.D. Barnyard millet global core collection evaluation in the submontane Himalayan region of India using multivariate analysis // Crop J. - 2021. – № 3. – P.517-525. DOI: [10.1016/j.cj.2015.07.005](https://doi.org/10.1016/j.cj.2015.07.005)
13. Sanon M., Hoogenboom G., Traoré S.B., Sarr B., Garcia A.G.Y., Somé L., Roncoli C. Photoperiod sensitivity of local millet and sorghum varieties in West Africa // NJAS Wagening. J. Life Sci. - 2014. - № 68. – P. 29-39. DOI: [10.1016/j.njas.2013.11.004](https://doi.org/10.1016/j.njas.2013.11.004)
14. Craufurd P., Mahalakshmi V., Bidinger F. Adaptation of sorghum: characterisation of genotypic flowering responses to temperature and photoperiod // Theor Appl Genet. - 1999. – № 99. – P.900-911. DOI: [10.1007/s001220051311](https://doi.org/10.1007/s001220051311)
15. Calamai A., Masoni A., Marini, L., Dell'acqua M., Ganugi P., Boukail S., Benedettelli S., Palchetti E. Evaluation of the Agronomic Traits of 80 Accessions of Proso Millet (*Panicum miliaceum* L.) under Mediterranean Pedoclimatic Conditions // Agriculture. - 2020. – № 10. – P.578. DOI: [10.3390/agriculture10120578](https://doi.org/10.3390/agriculture10120578)

Information about the authors

V.I. Tsygankov – Candidate of Agricultural Sciences, Corresponding Member of the National Academy of Agrarian Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department of Selection and Primary Seed Production, Kazakh Research Institute of Horse Breeding and Fodder Production, Aktobe, Kazakhstan; e-mail: zigan60@mail.ru;

A.V. Tsygankov – Master of Agronomy, Senior Researcher, Kazakh Research Institute of Horse Breeding and Fodder Production, Aktobe, Kazakhstan; e-mail: mirestnonesdes1@mail.ru;

E.N. Dyussibayeva – corresponding author, PhD, associate professor, S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Kazakhstan; e-mail: e.dyussibayeva@kazatu.edu.kz;

A.B. Rysbekova – Candidate of biological sciences, associate professor, S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Kazakhstan; e-mail: aiman_rb@mail.ru;

N.V. Tsygankova – Candidate of Agricultural Sciences, Head of the Laboratory of the Federal Research Center «Nemchinovka» – Skolkovo Innovation Center, Moscow region, Novoivanovskoye settlement, Russia; e-mail: tzugnatali@yandex.ru;

M.M. Abylkairova – doctoral student of S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Kazakhstan; e-mail: margarita.abkv@gmail.com.

K.S. Izbastina – PhD, associate professor, S. Seifullin Kazakh Agro Technical Research University, Astana, Kazakhstan; e-mail: izbastina.k@gmail.com.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-67-82

УДК 631.46:631.874

МРНТИ 68.05.45

РОЛЬ СИДЕРАЛЬНЫХ СМЕСЕЙ И СПОСОБОВ ИХ ЗАДЕЛКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЧВЕННОГО МИКРОБОЦЕНОЗА

Булгакова И.Н.¹, Рукавицина И.В.^{1*}, Васильева В.А.¹, Заболотских В.В.¹

¹ТОО «Научно-производственный центр зернового хозяйства им. А.И. Бараева»,
п. Научный, Казахстан

*Автор для корреспонденции: irukavitsina@yandex.kz

Аннотация

Сидеральные культуры и их смеси являются важным элементом ресурсосберегающих технологий земледелия, направленных на повышение плодородия почв и улучшение их биологического состояния. Цель исследования – оценка влияния бобово-злаковых, бобово-масличных и злаково-масличных сидеральных смесей при разных способах их заделки, в сравнение с традиционным и химическим паром на плодородие почвы и её здоровье. Для оценки биологического состояния почвы использовали показатели почвенного микробоценоза (видовой и численный состав различных эколого-трофических групп микроорганизмов). В статье представлены результаты оценки микробного сообщества в системе паровых полей при использовании различных сидеральных смесей (горох+овес, овес+горчица, горох+горчица) и способов их заделки за 2024–2025 гг. Установлено, что повышенная активность почвенных бактерий отмечалась в 2024 году в почве под посевами сидеральных смесей горох+овес и горох+горчица. В 2025 году выявлено снижение численности аммонифицирующих и азот-ассимилирующих микроорганизмов при одновременном увеличении доли грибной микрофлоры на отдельных вариантах. Более стабильные показатели микробиоты почвы отмечены на варианте с подкашиванием+щелевание горохо-овсяной смеси. Показано, что применение сидеральных смесей способствует стабилизации микробиологического состояния почвы и оптимизации процессов трансформации азота в условиях межгодовой изменчивости климатических факторов (атмосферные осадки и температура). Проведен сравнительный анализ воздействия сидеральных смесей различного ботанического состава и паровых предшественников на биологическую активность почвы и процессы разложения органического вещества. Применение сидеральных смесей оказывает положительное влияние на формирование почвенного микробного сообщества по сравнению с чистым и химическим паром, что свидетельствует о потенциале данного агротехнического приема в улучшении биологического состояния почвы. Полученные результаты расширяют представления о роли сидеральных смесей в регулировании почвенных биологических процессов и могут быть использованы при разработке адаптивных систем земледелия (почвозащитной, ресурсосберегающей и биологизированной).

Ключевые слова: сидеральные смеси, способы заделки, чистый пар, химический пар, почвенный микробоценоз, плодородие почвы.

ТОПЫРАҚ МИКРОБОЦЕНОЗЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫНДАҒЫ СИДЕРАЛДЫҚ ҚОСПАЛАРДЫҢ РӨЛІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ЕНГІЗУ ӘДІСТЕРІНІҢ ӘСЕРІ

Булгакова И.Н.¹, Рукавицина И.В.^{1*}, Васильева В.А.¹, Заболотских В.В.¹

¹ «А.И. Бараев атындағы АШҒӨӨ» ЖШС, Научный, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: irukavitsina@yahdex.kz

Аңдатпа

Сидералды дақылдар және олардың қоспалары топырақ құнарлылығын арттыруға және олардың биологиялық жағдайын жақсартуға бағытталған ресурстарды үнемдейтін ауылшаруашылық технологияларының маңызды элементі болып табылады. Зерттеудің мақсаты – дәстүрлі және химиялық сүрі жермен салыстырғанда, бұршақ-дәнді, бұршақ-майлы және дәнді-майлы сидералды қоспалардың

оларды топыраққа әртүрлі тәсілдермен енгізу жағдайындағы топырақ құнарлылығы мен оның саулығына әсерін бағалау.

Топырақтың биологиялық жағдайын бағалау үшін топырақ микробценозының көрсеткіштері (микроорганизмдердің әртүрлі экологиялық-трофикалық топтарының түрлік және сандық құрамы) пайдаланылды. Мақалада 2024–2025 жылдары әртүрлі сидералды қоспаларды (асбұршақ + сұлы, сұлы + қыша, асбұршақ + қыша) және оларды топыраққа енгізу тәсілдерін қолдану жағдайындағы сүрі жер танаптары жүйесіндегі микробтық қауымдастықты бағалау нәтижелері ұсынылған. 2024 жылы асбұршақ + сұлы және асбұршақ + қыша сидералды қоспалары егілген топырақта топырақ бактерияларының жоғары белсенділігі анықталды. 2025 жылы аммонификациялайтын және азот сіңіретін микроорганизмдер санының азаюы байқалды, ал кейбір нұсқаларда саңырауқұлақ микрофлорасының үлесі артты. Топырақ микробиотасының неғұрлым тұрақты көрсеткіштері асбұршақ-сұлы қоспасын шабу + саңылаулау нұсқасында байқалды.

Сидералды қоспаларды қолдану климаттық факторлардың (атмосфералық жауын-шашын мен температура) жылдар аралық өзгергіштігі жағдайында топырақтың микробиологиялық жағдайының тұрақтануына және азот трансформациясы процестерінің оңтайлануына ықпал ететіні көрсетілді. Әртүрлі ботаникалық құрамы бар жасыл тыңайтқыш қоспалары мен тыңайтқыш прекурсорларының топырақтың биологиялық белсенділігі мен органикалық заттардың ыдырау процестеріне әсерін салыстырмалы талдау жүргізілді. Жасыл тыңайтқыш қоспаларын пайдалану топырақтың микробтық қауымдастығының қалыптасуына жалаңаш тыңайтқыш және химиялық тыңайтқышпен салыстырғанда оң әсер ететіні көрсетілді, бұл ауылшаруашылық тәжірибесінің топырақтың биологиялық мәртебесін жақсартудағы әлеуетін көрсетеді. Алынған нәтижелер сидералды қоспалардың топырақтағы биологиялық процестерді реттеудегі рөлі туралы түсініктерді кеңейтеді және оларды бейімделмелі егіншілік жүйелерін (топырақ қорғау, ресурс үнемдеу және биологияландырылған) әзірлеу кезінде қолдануға болады.

Кілт сөздер: жасыл көң қоспалары, енгізу әдістері, таза және химиялық сүрі жер, топырақ микроб ценозы, топырақ құнарлылығы.

THE ROLE OF GREEN MANURE MIXTURES AND THEIR INCORPORATION METHODS IN THE FORMATION OF SOIL MICROBIAL COMMUNITIES

I.N. Bulgakova¹, I.V. Rukavitsina^{1*}, V.A. Vasilyeva¹, V.V. Zabolotskikh¹

^{1*}*“A.I. Barayev Research and Production Center for Grain Farming” LLP,*

Nauchny, Kazakhstan

**Corresponding author: irukavitsina@yahdex.kz*

Abstract

Green manure crops and their mixtures are an important component of resource-saving agricultural technologies aimed at increasing soil fertility and improving soil biological conditions. The aim of the study is to assess the impact of legume-cereal, legume-oilseed, and cereal-oilseed green manure mixtures, under different incorporation methods, on soil fertility and health, compared to conventional and chemical fallow. To assess the biological condition of the soil, indicators of the soil microbiota (species and numerical composition of various ecological-trophic groups of microorganisms) were used. This article presents the results of an assessment of the microbial community in fallow fields using various green manure mixtures (peas + oats, oats + mustard, peas + mustard) and different incorporation methods during the 2024–2025 period. It was found that increased activity of soil bacteria was observed in 2024 in the soil under crops of the green manure mixtures peas + oats and peas + mustard. In 2025, a decrease in the amount of ammonia-producing and nitrogen-assimilating microorganisms was observed, accompanied by an increase in the proportion of fungal microflora in separate variants. More stable soil microbiota parameters were observed in the variants with mowing and plowing of the pea-oat mixture. It has been shown that the use of green manure mixtures contributes to the stabilization of the soil's microbiological condition and the optimization of nitrogen transformation processes under conditions of interannual variability in climatic factors (precipitation and temperature). A comparative analysis was conducted of the effects of green manure mixtures with different botanical compositions and fallow predecessors on soil biological activity and organic matter decomposition processes. The use of green manure mixtures has a positive effect on the development of the soil microbial community compared to fallow and chemical fallow, indicating the potential of this agricultural practice to improve soil biological conditions. The results obtained expand our understanding of the role of green manure

mixtures in regulating soil biological processes and can be used in the development of adaptive farming systems (soil-conserving, resource-saving, and biologically oriented).

Keywords: green manure mixtures; incorporation methods; bare and chemical fallow; soil microbial community; soil fertility.

Введение

Сидеральные культуры рассматриваются как один из ключевых агроэкологических инструментов повышения плодородия почв и улучшения их биологического состояния в системах устойчивого земледелия [1, 2]. В последние годы особое внимание уделяется сидеральным смесям различного ботанического состава, включая бобово-злаковые, бобово-масличные и злаково-масличные, благодаря их функциональной комплементарности в формировании биомассы, регуляции круговорота питательных веществ и воздействии на почвенные биологические процессы [3]. Вместе с тем, влияние состава сидеральных смесей и способов их заделки в почву в сравнении с чистым и химическим паром остается недостаточно изученным [4].

Бобовые растения, в составе сидеральных смесей, обеспечивают биологическую фиксацию атмосферного азота и обогащают почву легкоразлагаемыми органическими соединениями [5]. В то же время злаковые и масличные культуры формируют растительные остатки, различающиеся по соотношению углерода и азота, а также по скорости их разложения. Такое разнообразие органического материала формирует широкий спектр источников углерода и энергии для почвенной микробиоты, способствуя формированию структуры и функциональной активности почвенного микробиоценоза [6]. Важное значение имеет способ заделки сидеральной массы, который определяет условия аэрации, распределение органического вещества в пахотном горизонте и интенсивность микробиологических процессов минерализации [7]. В связи с этим, сидеральные культуры являются важным элементом биологизации земледелия, способствуя накоплению органического углерода и повышению активности почвенной микробиоты [8-10].

Использование сидеральных смесей в сравнении с традиционным и химическим паром, потенциально способствует активизации биологической жизни почвы, увеличению микробной численности и функционального разнообразия, а также усилению ферментативной активности [11]. Среди биологических показателей особую информативность имеют характеристики почвенного микробиоценоза (количественные и структурные показатели), отражающие способность почвенной микробиоты к разложению растительных остатков и эффективность круговорота углерода [12, 13]. Вместе с тем, в научной литературе сравнительная оценка влияния различных видов сидеральных смесей и способов их заделки на указанные показатели представлена очень ограниченно [14]. Восполнение данного пробела в знаниях является важной задачей в условиях прогрессирующей деградации почв, снижения содержания органического вещества и необходимости сокращения химической нагрузки на агроэкосистемы [15, 16].

В связи с этим целью настоящего исследования являлась оценка влияния бобово-злаковой, бобово-масличной и злаково-масличной сидеральных смесей при различных способах их заделки, в сравнении с чистым и химическим паром на формирование почвенного микробиоценоза, как интегрального биологического индикатора состояния почвы.

Материалы и методы

Экспериментальные исследования проводились в 2024-2025 гг. на многолетнем стационарном опыте лаборатории биологического земледелия ТОО «НПЦЗХ им. А.И. Бараева» (51°38'39.7"N 71°00'52.2"E).

Почвы опытного участка – чернозем южный карбонатный тяжелосуглинистого состава с умеренным уровнем гумусированности (3-4%). Мощность гумусо-аккумулятивного горизонта достигает 50 см. Почвы отличаются повышенной карбонатностью - до 5%, слабощелочной реакцией среды с pH 7,6-7,9 и высокой степенью насыщенности основаниями. Среднее содержание общего азота в почве на уровне 0,3%, фосфора – около 0,1%.

Метеорологические условия в период исследований (2024-2025 гг.) характеризовались разным уровнем атмосферных осадков и повышенным температурным фоном, что в последние годы является типичным явлением для зоны исследований. В 2024 году за вегетационный период (июнь-август) выпало 232,2 мм осадков, что существенно превысило среднемноголетнюю норму (136,3 мм). Максимальное количество осадков зафиксировано в августе – 106,6 мм, что на 66,8 мм превысило среднемноголетний показатель. В июне и июле месяце средний температурный фон превышал норму на 4,3 и 1,8°C, а среднесуточная температура августа была на уровне среднемноголетней – 17,4°C (рисунок 1). Данные условия вегетационного периода (повышенная температура и высокая влагообеспеченность) способствовали интенсивному формированию биологической массы сидератов.

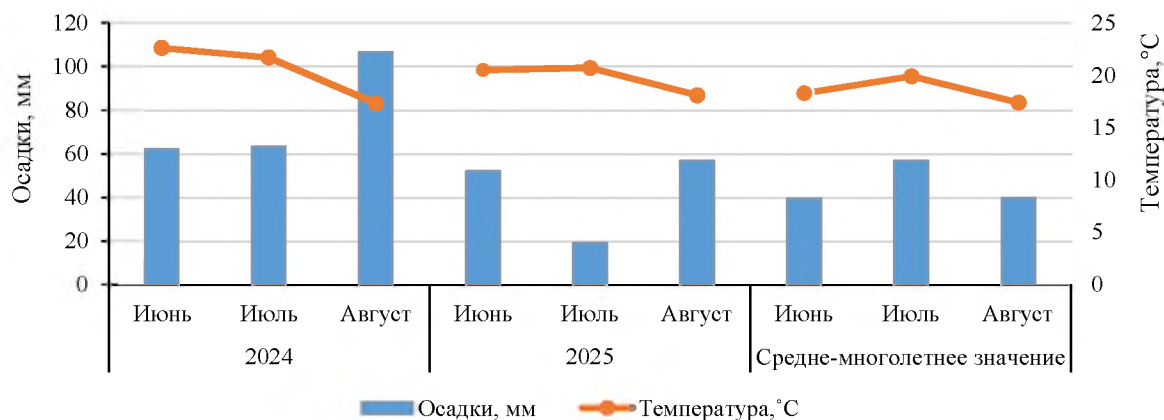

Рисунок 1. Метеорологические условия 2024 и 2025 года в сравнении со среднемноголетними показателями (1936-2025 гг.)

Вегетационный период 2025 года был менее благоприятным для роста и развития сидератов. Осадки, выпавшие за вегетацию, оказались ниже климатической нормы на 7,7 мм и составляли 128,6 мм. Особенностью метеорологических условий вегетационного периода этого года являлось отсутствие июльского максимума, при этом в июне и августе наблюдалась повышенная влагообеспеченность и высокий температурный фон. Сумма осадков июня составляла 52,2 мм при норме 39,5 мм, а среднесуточная температура 20,5°C. Июль оказался засушливым с учетом выпавших атмосферных осадков (19,4 мм), что на 36% ниже нормы, однако в связи с достаточными запасами почвенной влаги влияние атмосферной засухи не проявлялось. В августе также зафиксирован максимум летних осадков – 57 мм при среднемноголетней норме 39,8 мм.

Температурный фон вегетационного периода превышал норму на 1,2°C и составлял 19,7°C. Погодные условия вегетационного периода в годы исследований оказались благоприятными и положительно повлияли на рост и развитие сидератов.

Для изучения были заложены полевые опыты с включением сидеральных смесей следующего состава: горох (60%) + овес (40%), овес (50%) + горчица (50%) и горох (60%) + горчица (40%) (рисунок 2).

Схема опыта:

- 1) Чистый пар (контроль);
- 2) Пар химический;
- 3) Бобово-злаковая смесь (горох+овес) + дискование;
- 4) Бобово-злаковая смесь (горох+овес) + подкашивание + щелевание;
- 5) Бобово-злаковая смесь (горох+овес) + подкашивание;
- 6) Злаково-масличная смесь (овес+горчица) + дискование;
- 7) Злаково-масличная смесь (овес+горчица) + подкашивание + щелевание;
- 8) Злаково-масличная смесь (овес+горчица) + подкашивание;
- 9) Бобово-масличная смесь (горох+горчица) + дискование;
- 10) Бобово-масличная смесь (горох+горчица) + подкашивание + щелевание;
- 11) Бобово-масличная смесь (горох+горчица) + подкашивание.

Семена сидеральных культур смешивали в соответствующих пропорциях в зависимости от нормы высева в чистом виде. Перед посевом семенной материал всех культур обрабатывали комплексом биологических препаратов. Для сравнения был заложен вариант с химическим и чистым паром, который являлся контролем.

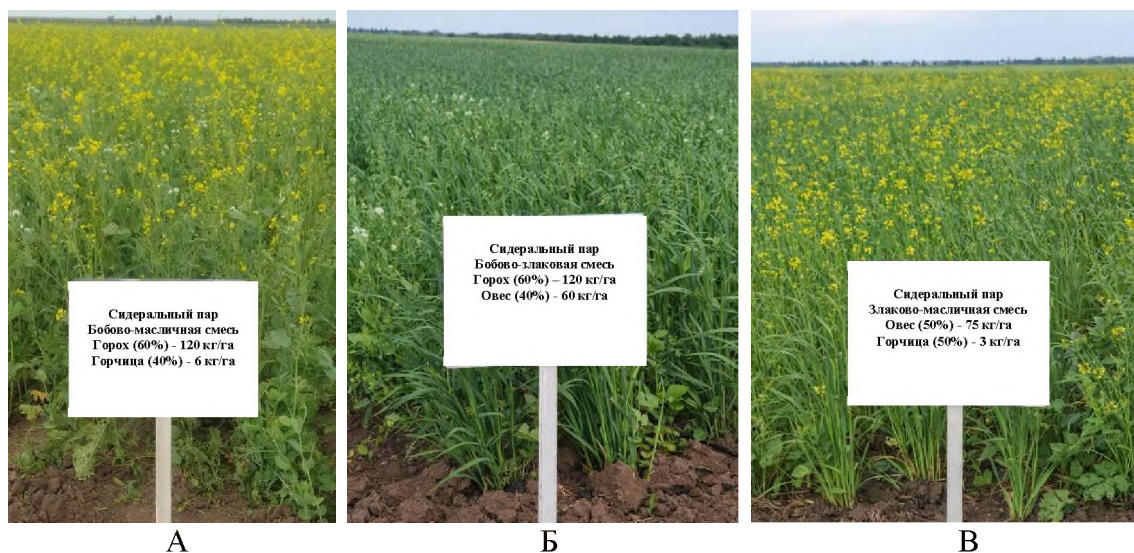

Рисунок 2. Посевы сидеральных смесей.

Варианты: А - горох + овес; Б - овес+горчица; В - горох+горчица.

Сидеральные смеси высевали рядовым способом с междурядьями 23 см по стерне яровой пшеницы 25-30 мая сеялкой ВСКП-2,1 с культиваторными рабочими органами и прикатывающими катками на глубину 3-4 см. Заделку сидератов проводили через 40-45 дней, в фазу трубкования овса и в период бутонизации—начала цветения гороха и горчицы.

В варианте поверхностной заделки сидеральной смеси зеленую массу измельчали и перемешивали с почвой дисковым орудием «Catros» на глубину 4-6 см. В варианте с поверхностным внесением сидераты подкашивали роторной косилкой КРН-2,1 и равномерно распределяли по поверхности почвы; в третьем варианте подкашивание сидератов дополнялось осенним щелеванием почвы орудием ЩР-4,5 на глубину 25-27 см. Контрольный вариант в течении летнего периода обрабатывался по типу чистого пара.

Первая обработка проводилась в первую декаду июня с использованием плоскорезущих орудий на глубину 10-12 см. Последующие три обработки почвы проводили с интервалом 20-25 дней, с постепенным заглублением до 16-18 см. Завершающая обработка на глубину 25-27 см проводилась культиватором глубокого рыхлителя без оборота пласта почвы в конце августа - начале сентября. Полевой опыт был заложен в трёхкратной повторности.

Отбор почвенных проб для микробиологических исследований проводили на вариантах с посевами сидеральных смесей в фазу полных всходов сидератов и после их заделки с помощью дискования, подкашивания+щелевание и подкашивания, в чистом и химическом пару. На каждом варианте отбирали образцы почвы в слое 0-20 см из трех точек в стерильные пакеты [17, с. 231]. В лабораторных условиях смешанный почвенный образец просеивали через сито с размером ячейки 3 мм для получения однородной фракции. Микробиологические анализы проводили в свежих образцах. До начала анализа почвенные образцы хранили в холодильнике при температуре +4°C.

Для выделения эколого-трофических групп почвенных микроорганизмов отбирали навеску 10 г, помещали в 250 мл колбы со стерильной водой, образцы взбалтывали на шейкере OS-20 (Biosan, Латвия) в течение 10 минут, затем почвенную суспензию высевали методом предельных разведений на агаризованные питательные среды: аммонифицирующие бактерии – на мясопептонный агар (МПА); бактерии, ассимилирующие минеральный азот, и актиномицеты – на крахмало-аммиачный агар (КАА); грибы на среду Чапека-Докса; целлюлозолитические микроорганизмы на среду Гетчинсона (в качестве источника углерода – фильтровальная бумага) [18, с. 156]. На рисунке 3 представлены группы микроорганизмов, выделенные на питательных средах. Чашки Петри инкубировали в инкубаторе BJPX-B250 (BIOBASE, Китай) при температуре 26°C. Учет бактерий проводили на 3-и сутки, грибы на 7-10 сутки, целлюлозолитические микроорганизмы на 30 сутки. Численность микроорганизмов выражали в количестве колониеобразующих единиц (КОЕ) на грамм абсолютно сухой почвы.

Идентификацию почвенных грибов проводили методом анализа нуклеотидной последовательности ITS-региона рибосомальной ДНК с использованием ПЦР-амплификации и последующего секвенирования полученных ампликонов. Сравнение полученных последовательностей осуществляли с данными международной базы GenBank. Бактерии на уровне вида определяли с использованием системы MALDI Biotyper, с масс-спектрометром microflex LT (Bruker Daltonik GmbH, Бремен, Германия). Идентификацию выполняли с применением программного обеспечения MALDI Biotyper RTC версии 4.0 (Build 11) (Bruker Daltonics) с сопоставлением полученных спектров с референсной библиотекой BDAL-12.0.0.0 (11 897 MSP). В качестве порогового значения для достоверной идентификации на уровне вида использовали показатель $\log(\text{score}) \geq 2,0$.

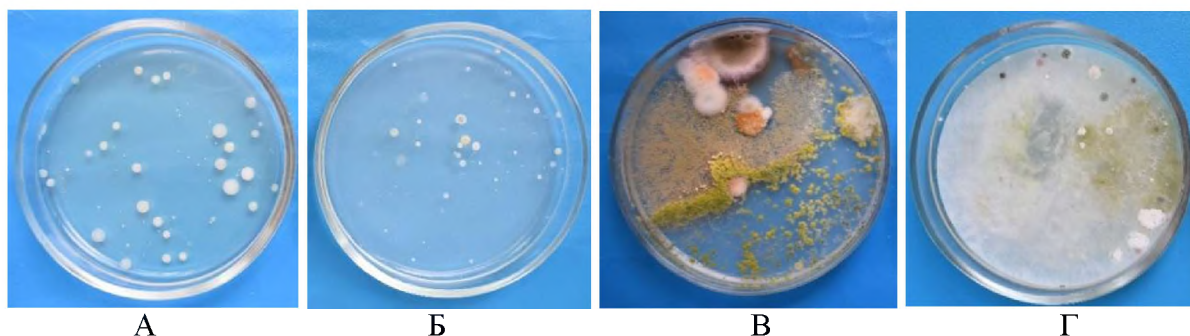

Рисунок 3. Почвенные микроорганизмы на питательных средах:

А – аммонификаторы (МПА); Б – азот ассимилирующие (КАА); В – микромицеты (Чапека-Докса); Г – целлюлозолитические (среда Гетчинсона).

Экспериментальные данные обрабатывали статистически, рассчитывали среднее арифметическое и стандартное отклонение с использованием пакета программ Excel и прикладного программного обеспечения «SNEDECOR». Графическое оформление проводили в программе Microsoft Excel.

Результаты исследования

За вегетационный период 2024 и 2025 гг. выявлены существенные различия в численности аммонифицирующих микроорганизмов в зависимости от вида сидеральных смесей и способов их заделки. Высокая активность аммонификаторов наблюдалась в 2024 году по всем вариантам опыта. Максимальные значения отмечены при возделывании бобово-масличной смеси (горох+горчица) – 14,4 млн. КОЕ/г почвы при дисковании, 12,9 млн. КОЕ/г почвы при подкашивании с щелеванием и 12,0 млн. КОЕ/г почвы при подкашивании. Высокому накоплению аммонифицирующих микроорганизмов (до 15,2 млн. КОЕ/г почвы) способствовала смесь овса с горчицей на варианте с подкашиванием, а смесь гороха с овсом обеспечивала стабильно повышенный уровень этих микроорганизмов (8,3-9,8 млн. КОЕ/г почвы). В чистом пару этот показатель составлял 8,8 млн. КОЕ/г почвы, тогда как в химическом численность аммонификаторов была наименьшей – 5,5 млн. КОЕ/г почвы. В условиях 2025 года на всех вариантах отмечалось снижение численности аммонифицирующих микроорганизмов и особенно в чистом и химическом пару до 3,3 и 1,3 млн. КОЕ/г почвы соответственно. В среднем за вегетацию на вариантах с сидеральными смесями эти значения варьировали от 1,1 до 3,4 млн. КОЕ/г почвы (рисунок 4). Во второй год исследований наблюдалось общее угнетение аммонифицирующей микрофлоры независимо от способов заделки, обусловленное менее благоприятными метеорологическими условиями. В среднем за два года бобово-злаковая смесь при дисковании активизировала деятельность аммонификаторов (11,1 млн. КОЕ/г почвы), что свидетельствует о положительном влиянии растительных компонентов сидеральной смеси на процессы аммонификации. Бобово-масличная смесь обеспечила относительно устойчивые значения (7,0-8,2 млн. КОЕ/г почвы), тогда как злаково-масличная проявила наибольшую эффективность при подкашивании (8,7 млн. КОЕ/г почвы). Наименьшие показатели численности данной группы микроорганизмов обнаружены в химическом пару – 3,4 млн. КОЕ/г почвы, а на контроле (чистый пар) среднее значение составляло 6,1 млн. КОЕ/г почвы.

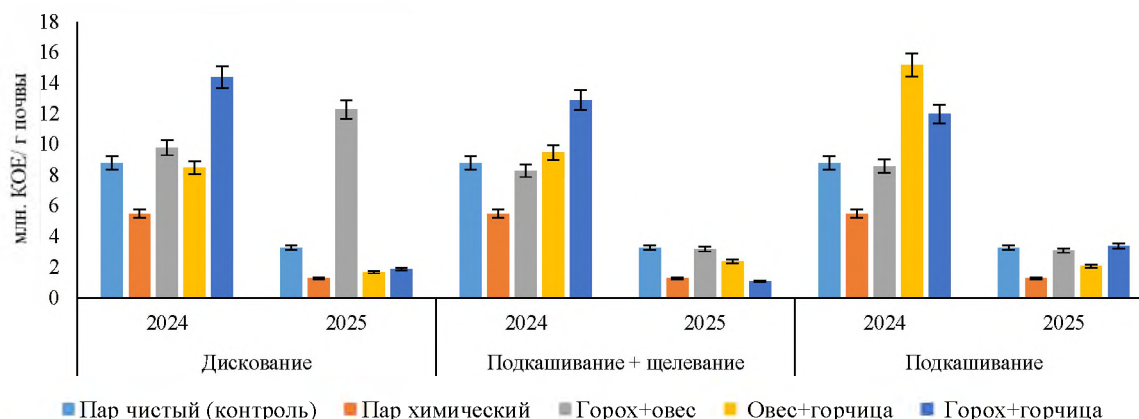

Рисунок 4. Распространение аммонифицирующих микроорганизмов в почве в зависимости от сидеральных смесей и способов их заделки.

Развитие микроорганизмов, ассимилирующих неорганический азот в среднем за 2024 и 2025 гг. имело выраженную зависимость как от погодных условий года, так и сидеральных смесей и способов их заделки. В 2024 году отмечалось заметное превышение численности иммобилизаторов в сравнение с 2025 годом, особенно на варианте гороха с горчицей при дисковании – 71,9 млн. КОЕ/г почвы, что существенно превышало этот показатель в сравнение с остальными вариантами. Дискование горохо-овсяной смеси также способствовало активному накоплению этих микроорганизмов (до 40,6 млн. КОЕ/г почвы), при подкашивании с щелеванием до 40,1 млн. КОЕ/г почвы и при подкашивании до 35,0 млн. КОЕ/г почвы (рисунок 5).

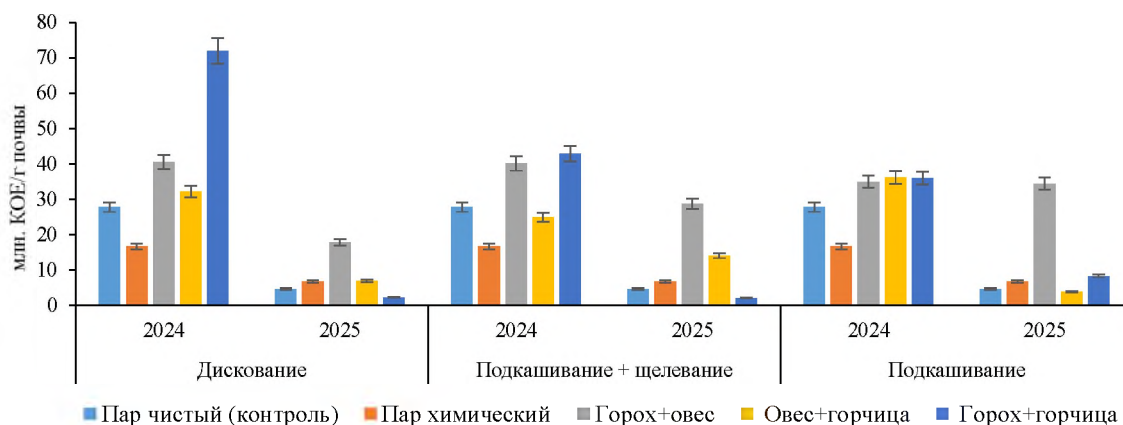

Рисунок 5. Распространение микроорганизмов, ассимилирующих минеральный азот в зависимости от сидеральных смесей и способов их заделки.

На варианте с овсом и горчицей в 2024 году численность азотассимилирующих микроорганизмов составляла до 24,9-36,2 млн. КОЕ/г почвы, в чистом пару около 27,8 млн. КОЕ/г почвы, а в химическом – 16,7 млн. КОЕ/г почвы. В последующий год отмечалась тенденция снижения иммобилизаторов, особенно на вариантах с бобово-масличной (до 2,1-8,3 млн. КОЕ/г почвы) и злаково-масличной (до 3,9-14,1 млн. КОЕ/г почвы) смесью. Аналогичная картина наблюдалась в чистом и химическом пару до 4,7 и

6,8 млн. КОЕ/г почвы соответственно. На варианте с горохо-овсяной смесью количество иммобилизаторов было повышенным и варьировало от 17,9 до 34,4 млн. КОЕ/г почвы.

Полученные данные по накоплению иммобилизаторов (бактерий и актиномицетов) в почве подтверждают преимущество вариантов с использованием сидеральных смесей. Наиболее высокая численность этих микроорганизмов в среднем за два года формировалась на варианте с бобово-масличной смесью при дисковании (37,1 млн. КОЕ/г почвы), средняя – на бобово-злаковой смеси (29,3-34,7 млн. КОЕ/г почвы) и низкая на злаково-масличной смеси (19,5-20,1 млн. КОЕ/г почвы). В чистом пару их количество составляло 16,3 млн. КОЕ/г почвы, а в химическом пару активность иммобилизаторов была наименьшей – 11,8 млн. КОЕ/г почвы.

Обилие почвенных грибов также изменялось по годам и зависело от варианта опыта. Увеличение грибной микробиоты наблюдалось в 2025 году, особенно в чистом и химическом пару до 21,6 тыс. КОЕ/г почвы и 18,2 тыс. КОЕ/г почвы соответственно (рисунок 6). Такая же закономерность прослеживалась на варианте с бобово-злаковой смесью при подкашивании до 21,8 тыс. КОЕ/г почвы. В то же время злаково-масличная и бобово-масличная сидеральные смеси способствовали снижению развития почвенных грибов.

В среднем за период исследований уровень развития микромицетов по вариантам характеризовался относительной равномерностью. В чистом и химическом пару численность грибов существенно не различалась и находилась на сопоставимом уровне – 14,0-14,4 тыс. КОЕ/г почвы. Подкашивание бобово-злаковой и бобово-масличной смеси способствовало их интенсивному развитию до 16,3 и 15,0 тыс. КОЕ/г почвы соответственно. Менее выраженная активность микромицетов наблюдалась на варианте овса с горчицей при подкашивании+щелевание до 9,4 тыс. КОЕ/г почвы.

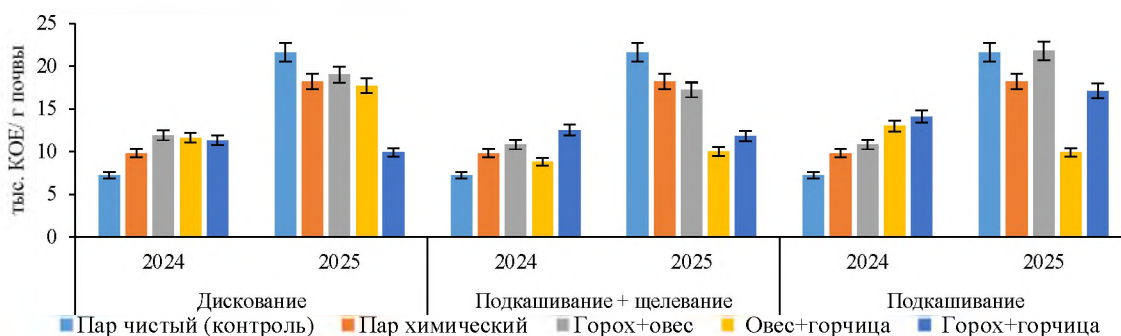

Рисунок 6. Влияние сидеральных смесей и способов их заделки на накопление почвенных грибов

Следует отметить, что сидеральные смеси стимулировали развитие почвенных грибов, особенно *Trichoderma spp.*, которые являлись доминирующими и составляли 91,3-99,1% от общей численности микромицетов. Также выделялись грибы *Penicillium spp.* от 0,9 до 16 %, и незначительная доля в грибном комплексе была представлена видами *Fusarium spp.* (0,3-1,1%).

В 2024 году в среднем за вегетацию на вариантах чистого и химического пара активно выделялись целлюлозоразрушающие микроорганизмы – 57,1 и 55,1 тыс. КОЕ/г почвы (соответственно), а также на варианте с подкашиванием злаково-масличной смеси (овес+горчица) – 60,1 тыс. КОЕ/г почвы (рисунок 7). Значительное снижение их численности отмечалось в 2025 году практически на всех вариантах. В чистом пару они

составляли 12,0 тыс. КОЕ/г почвы, в химическом – 15, тыс. КОЕ/г почвы, а на вариантах с сидеральными смесями от 11,9 до 59,6 тыс. КОЕ/г почвы.

При подкашивании с щелеванием гороха с горчицей и гороха с овсом напротив отмечалось увеличение целлюлозолитиков до 43,8 и 59,6 КОЕ/г почвы соответственно. В среднем за два года эта группа микроорганизмов активно развивались на варианте горохо-овсяной смеси при ее подкашивании+щелевание (до 52,0 тыс. КОЕ/г почвы) в сравнение с остальными вариантами.

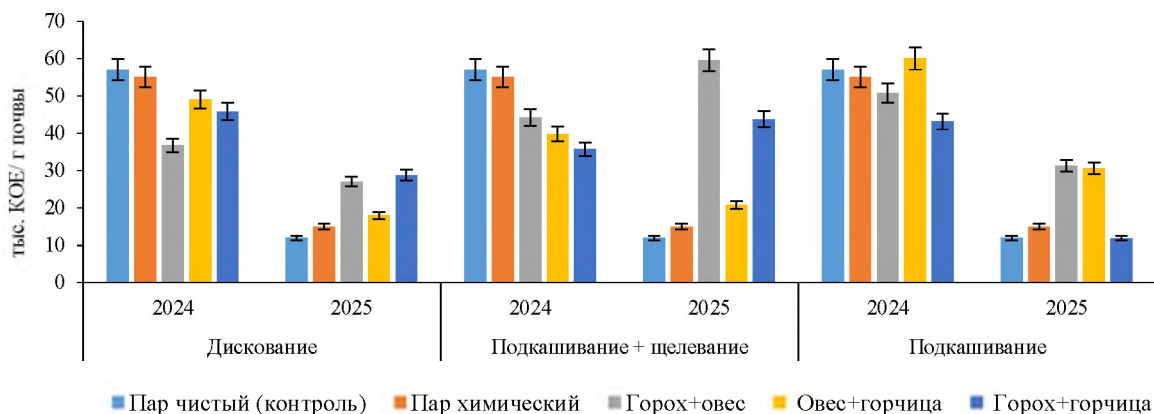

Рисунок 7. Влияние сидеральных смесей и способов их заделки на накопление целлюлозолитических микроорганизмов.

Обсуждение

Микробное разнообразие играет существенную роль в поддержании стабильности почвенной экосистемы, а снижение микробной активности приводит к ухудшению качества почвы [19]. В данном исследовании мы оценивали влияние бобово-злаковой, злаково-масличной и бобово-масличной сидеральных смесей в условиях различных способов их заделки (дискование, подкашивание+щелевание, подкашивание), а также варианты чистого и химического пара на формирование микробоценоза в период полных всходов сидератов и после их заделки.

Результаты показали, что увеличению численности микроорганизмов способствовала заделка сидеральных смесей в почву. Выявленные изменения имели межгодовую изменчивость и определялись как составом сидеральных смесей и способами их заделки, так и особенностями вегетационного периода. Результаты исследований согласуются с данными, полученными Т.И. Черновым и А.Д. Железновой (2020) которые отмечают, что характер и интенсивность динамики почвенных микробных сообществ на разных отрезках времени может вызываться резкими изменениями температуры и влажности почвы [20].

При сравнении способов заделки сидеральных смесей установлено, что обработка горохо-овсяной смеси дисковым орудием способствовала формированию наиболее высокой численности аммонифицирующих микроорганизмов, а подкашивание оказалось более эффективным при использовании злаково-масличной смеси (овес+горчица). Богатая бактериальная микробиота почвы способствует улучшению круговорота питательных веществ в почве, укреплению ее структуры, улучшению здоровья почвы, стимулированию роста сельскохозяйственных культур и повышению устойчивости растений к стрессу [21-23]. Возделывание сидеральных смесей, особенно

с участием гороха, увеличивало численность аммонифицирующей микрофлоры по сравнению с чистым и химическим паром, что подтверждается исследованиями Prajapati и др. (2023) [24]. Динамика аммонифицирующих микроорганизмов в значительной степени определялась условиями года, и в меньшей степени структурой компонентов сидеральных смесей и способами их заделки. Наиболее благоприятные условия для развития аммонифицирующих микроорганизмов, в том числе *Lysinibacillus parviboronicapiens*, *Microbacterium maritypicum*, *Lysobacter capsici*, *Stenotrophomonas sp.* сформировались в 2024 году при выращивании сидеральных смесей горох+овес и горох+горчица, тогда как в 2025 году отмечено общее снижение их численности.

Наиболее выраженная активность микроорганизмов, вовлеченных в ассимиляцию неорганического азота, отмечалась при включении гороха в состав сидеральных смесей, особенно в благоприятных условиях 2024 года. Исследователи Zhou, Fan и др. (2024) также отмечают, что внесение сидератов значительно увеличивает численность микроорганизмов, участвующих в фиксации и трансформации азота и усиливает процессы азотного цикла [25]. Высокая активность азотассимилирующих микроорганизмов наблюдалась при дисковании сидеральных смесей с включением гороха, однако, при подкашивании горохо-овсяной смеси их развитие значительно уменьшалось. Несмотря на общее снижение бактериальной активности в 2025 году, применение бобово-злаковой смеси приводило к ее увеличению независимо от способа заделки, что подтверждается результатами Fang и др. (2018) [26].

Сидеральные культуры стимулировали развитие бактериального компонента микробиоты, но в тоже время незначительно снижали численность грибов. Наряду с этим, сидеральные смеси положительно влияли на развитие более устойчивой и разнообразной структуры грибного сообщества, которое было представлено видами *Alternaria tenuissima*, *Myrothecium atroviride*, *Didymella sinensis*, *Fusarium equiseti*, *Fusarium incarnatum*, *Fusarium oxysporum*, *Fusarium redolens*, *Fusarium solani*, *Fusarium acuminatum*, *Botrytis cinerea*, *Talaromyces calidominicoluteus*, *Hypocrea lixii*, *Clonostachys rosea*, *Apiospora arundinis*, *Penicillium chrysogenum*, *Penicillium aurantiogriseum*, *Penicillium vinaceum*, *Penicillium flavigenum*, *Penicillium sajarovii*. В данном случае активное развитие почвенных микромицетов происходило за счет внесения в почву различного органического субстрата в виде свежих растительных остатков сидеральных смесей, а также выделений разнообразных корневых экссудатов, что создавало более благоприятные условия для жизнедеятельности грибов. Увеличение доли почвенных грибов на вариантах с сидератами в 2025 году и особенно в чистом и химическом пару может свидетельствовать о перераспределении микробного сообщества в условиях снижения бактериальной активности, и создании более благоприятных условий для развития грибов. Исследованиями Li, Chen (2024) показано, что в залежных почвах повышенное разнообразие и относительное обилие грибного сообщества, может быть связано с преобладанием трудноразлагаемых органических соединений, являющихся субстратом для микромицетов, а также снижением конкуренции со стороны бактерий [27].

Целлюлолитические микроорганизмы являются важным звеном в почвообразовательном процессе и глобальном круговороте углерода [29]. Kumar и др. (2016) отмечали, что процессы разложения целлюлозы в условиях пара протекают более интенсивно, что также связано с активностью целлюлозолитических грибов [28]. В 2024 году в условиях чистого и химического пара отмечалась высокая численность целлюлозолитических микроорганизмов, свидетельствующая об интенсивной

трансформации органического вещества при отсутствии растительного покрова. В 2025 году более высокие показатели были характерны для вариантов с сидеральными смесями по сравнению с чистым и химическим паром, что отражает стабилизирующее влияние растительного покрова на биологическую активность почвы при изменении погодных условий. Увеличение численности целлюлозолитиков на вариантах гороха с горчицей и горчицы с овсом при подкашивании и щелевании, вероятно обусловлено поступлением значительного количества растительных остатков с оптимальным соотношением C:N, а также улучшением водно-воздушного режима почвы. Дополнительным фактором является и синергетическое влияние бобовых и небобовых компонентов, обеспечивающих активизацию процессов микробной деструкции органического вещества. По данным Bautista-Cruz и др. (2024) и Zhang (2014), повышению численности целлюлозолитических микроорганизмов способствуют растительные остатки, которые служат субстратом для бактерий и грибов, включая представителей рода *Cellulomonas*, *Bacillus*, *Paenibacillus*, а также грибов *Trichoderma*, основных продуцентов целлюлаз [30, 31]. Внесение растительных остатков с высоким содержанием целлюлозы дополнительно стимулирует развитие целлюлозолитических микроорганизмов, особенно при оптимальном обеспечении азотом [32]. В среднем, за годы исследований, заделка сидератов с использованием подкашивания с щелеванием, особенно бобово-злаковой смеси способствовала активизации целлюлозолитических микроорганизмов, в сравнение с остальными вариантами.

Применение дискования, как способа заделки сидератов, стимулировало активность почвенных бактерий, особенно при использовании гороха в составе сидеральных смесей. Подкашивание и подкашивание с щелеванием формировало устойчивое микробное сообщество, что особенно проявилось во второй год исследований. В целом применение сидеральных смесей не зависимо от способов их заделки оказывало положительный эффект на формирование почвенного микробоценоза. Четкие различия в распределении микробиоты почвы между вариантами в течение вегетационного периода позволяют предположить, что применение сидератов изменяет структуру сообщества микроорганизмов за счет трансформирования почвенной микросреды на разных стадиях роста и развития растений.

Результаты наших исследований указывают на целесообразность использования сидеральных смесей, содержащих в своем составе бобовые культуры, для повышения биологической активности почвы и оптимизации процессов трансформации азота, что подтверждается исследованиями Li, Shen и др. (2025) о применении зеленых удобрений, как экологически чистой технологии, показывающей значительный потенциал в повышении активности микроорганизмов почвы и улучшении ее здоровья [33].

Выводы

Почвенный микробоценоз характеризовался выраженной межгодовой изменчивостью при применении различных сидеральных смесей и способов их заделки.

Использование сидеральных смесей, особенно с включением гороха, способствовало увеличению численности аммонифицирующих и микроорганизмов, ассимилирующих неорганический азот, по сравнению с чистым и химическим паром.

В условиях снижения бактериальной активности в 2025 году отмечено относительное увеличение доли почвенных грибов, что говорит о перестройке структуры микробного сообщества. Наиболее стабильные показатели структуры микробоценоза выявлены в варианте с бобово-злаковой смесью при подкашивании+щелевание. Установлено, что сочетание бобово-злаковой смеси

(горох+овес) с минимизированными способами обработки обеспечивает устойчивость микробного сообщества даже в менее благоприятных погодных условиях.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан BR22885719 «Разработать и внедрить устойчивые системы земледелия для рентабельного производства сельскохозяйственной продукции в условиях изменяющегося климата для различных почвенно-климатических зон Казахстана».

Литература:

1. Айтемиров А.А., Халилов М.Б., Бабаев Т.Т., Амиралиев З.Г. Влияние сидератов на урожайность яровых зерновых культур в условиях орошения Терско-Сулакской подпровинции // Юг России: экология, развитие. – 2018. – 13(2). – С. 144-155. <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2018-2-144-155>
2. Архипов А.С., Долгополова Н.В. Обработка почвы как средство повышения плодородия в севообороте // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2022. – № 2. – С. 6-13.
3. Несмеянова М.А., Дедов А.В. Приемы повышения плодородия почвы и их эффективность при возделывании подсолнечника // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2022. – № 4. – С. 16-22.
4. Лошаков В.Г. Зеленое удобрение как фактор повышения плодородия почвы, биологизации и экологизации земледелия // Плодородие. – 2018. – № 2. – С.26-29. DOI:10.25680/S19948603.2018.101.09
5. Barbieri P., Pellerin S., Seufert V. Smith L., Ramankutty N., Nesme T. Global option space for organic agriculture is delimited by nitrogen availability // Nat Food. – 2021. – No 2. – P. 363-372 <https://doi.org/10.1038/s43016-021-00276-y>
6. Куликов Я.К. Экологическая полифункциональность микроорганизмов и растительно-микробных комплексов в биоремедиации загрязненных почв // Журнал Белорусского государственного университета // Экология. – 2023. – № 4. – С. 4-15.
7. Семенов В.М. Экологическая агрохимия азота и углерода // Проблемы агрохимии и экологии. – 2024. – № 2. – С. 57-68. DOI: 10.26178/AE.2024.14.30.010
8. Аслаян К.А., Емелин А.В. Современные методы повышения плодородия почв при минимизации использования химических удобрений // Международный научный сельскохозяйственный журнал. – 2024. – Т. 4. – С. 18-28.
9. Карипов Р.Х., Жумагулов И.И. Ресурсосберегающие технологии на основе сокращенной и нулевой обработки почвы в условиях сухостепной зоны // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 30. – С. 14-16.
10. Федоренко А.Н., Мокриков Г.В., Казеев К.Ш., Гобарова А.А., Козунь Ю.С., Колесников С.И. Оценка влияния покровных культур на биологическую активность черноземов при использовании технологии прямого посева // Земледелие. – 2023. – № 1. – С. 23-31. DOI: 10.24412/0044-3913-2023-1-23-27.
11. Баярова М., Махтимкулыева Я., Гурбанов Х., Араздурдыев Н. Агротехнологии для устойчивого сельского хозяйства и защита окружающей среды // Парадигма. – 2025. – № 11-3. – С. 223-231.
12. Халикова Л.В., Кавеленова Л.М. Почвенный микробиоценоз в агросреде как динамичная система: первичные результаты оценки изменений // Самарский научный вестник. – 2023. – Т. 12. – № 2. – С. 91-97.
13. Бушнев А.С., Курилова Д.А., Котлярова И.А. О ризосфере полевых культур и факторах, влияющих на динамику ее микробиоты (обзор) // Масличные культуры. – 2023. – № 4 (196). – С. 97-109. DOI: 10.25230/2412-608X-2023-4-196-97-109
14. Wang Y., Yu, A., Shang, Y., Wang, P., Wang, F., Yin, B., Liu, Y., Zhang, D., Chai, Q. Research progress on the improvement of farmland soil quality by green manure // Agriculture. – 2025. – Т. 15. – № 7. – С. 768-788. <https://doi.org/10.3390/agriculture15070768>
15. Пальчиков Е.В., Алиев Т.Г.-Г., Ломакин, Д.А., Новикова Д.А. Роль предшественников в повышении плодородия почвы и формировании урожайности озимой пшеницы // Технологии

- пищевой и перерабатывающей промышленности АПК–продукты здорового питания. – 2020. – № 2. – С. 122-128. DOI 10.24411/2311-6447-2020-10051
16. Сулейменова С.Б., Михайлова О.П., Ефименко Д.В. Влияние сидерального пара на плодородие почв // Научная статья года 2023: сборник статей VII Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2023. – С. 14-18.
17. Нетрусов А.И., Егорова Л.М., Захарчук Л.М. и др. Практикум по микробиологии: учебное пособие для вузов. - М.: Академия, 2005. - 608 с.
18. Теплер Е.З. Практикум по микробиологии. – М.: Дрофа, 2004. – 256 с.
19. Shen G., Zhang S., Liu X., Jiang Q., Ding W. Soil acidification amendments change the rhizosphere bacterial community of tobacco in a bacterial wilt affected field // *Appl Microbiol Biotechnol.* - 2018. – Т.102. – Р. 9781-9791. <https://doi.org/10.1007/s00253-018-9347-0>
20. Чернов Т.И., Железова А.Д. Динамика микробных сообществ в различных диапазонах времени (обзор) // *Почвоведение.* – 2020. – № 5. – С. 590-600. <https://doi.org/10.31857/S0032180X20050044>
21. Wang F., Cui H., He F., Liu Q., Zhu Q., Wang W., Liao H., Yao D., Cao W., Lu P. The Green Manure (*Astragalus sinicus* L.) Improved Rice Yield and Quality and Changed Soil Microbial Communities of Rice in the Karst Mountains Area // *Agronomy.* – 2022. – 12. – 1851. <https://doi.org/10.3390/agronomy12081851>
22. Castellano-Hinojosa A., Strauss S. L. Impact of Cover Crops on the Soil Microbiome of Tree Crops // *Microorganisms.* – 2020. – 8(3). – 328. <https://doi.org/10.3390/microorganisms8030328>
23. Ding T., Yan Z., Zhang W., Duan, T. Green Manure Crops Affected Soil Chemical Properties and Fungal Diversity and Community of Apple Orchard in the Loess Plateau of China // *J Soil Sci Plant Nutr.* – 2021. – P.1089–1102. <https://doi.org/10.1007/s42729-021-00424-0>
24. Prajapati S.K., Dayal P., Kumar V., Goirala A. Green Manuring: A Sustainable Path to Improve Soil Health and Fertility // *AgriSustain-An International Journal.* – 2023. – 01(02). – P.24–33. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10049824>
25. Zhou G., Fan K., Gao S., Chang D., Li G., Liang T., Liang H., Li S., Zhang J., Che Z., Cao W. Green manuring relocates microbiomes in driving the soil functionality of nitrogen cycling to obtain preferable grain yields in thirty years // *Sci China Life Sci.* – 2024. – 67(3). – P. 596-610. doi:10.1007/s11427-023-2432-9
26. Fang, Y., Wang, F., Jia, X., Lin, C., Zhang, H., Chen, L., & Chen, J. Effect of green manure and reduced chemical fertilizer load on the community of soil nitrogen-fixing bacteria // *Journal of Agro-Environment Science.* - 2018. – 37(9). – P.1933–1941. <https://doi.org/10.11654/jaes.2018-0509>
27. Li F., Chen L., Li Y., Han Y., Wang Y., Li P., Zhang S., Zhang J. Long-term fallowing produces specific fungal taxa associated with soil carbon storage // *Pedosphere.* – 2024. – 34(6). – P.1014–1025. <https://doi.org/10.1016/j.pedsph.2023.10.001>
28. Chmolewska D., Hamda N., Laskowski R. Cellulose decomposed faster in fallow soil than in meadow soil due to a shorter lag time // *J Soils Sediments.* – 2017. – 17. – P. 299–305. <https://doi.org/10.1007/s11368-016-1536-9>
29. Evdokimova E.V., Gladkov G.V., Kuzina N.I., Ivanova E.A., Kimeklis A.K., Zverev A.O., Kichko A.A., Aksenova, T.S., Pinaev A.G., Andronov E.E. The difference between cellulolytic ‘culturomes’ and microbiomes inhabiting two contrasting soil types // *PLoS ONE.* – 2020. – 15(11): e0242060. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242060>
30. Bautista-Cruz A, Aquino-Bolaños T, Hernández-Canseco J, Quiñones-Aguilar EE. Cellulolytic Aerobic Bacteria Isolated from Agricultural and Forest Soils: An Overview // *Biology.* – 2024. – 13(2):102. <https://doi.org/10.3390/biology13020102>
31. Zhang, Z., Liu, J.L., Lan, J.Y. Duan C.J., Ma Q.S., Feng J.X. Predominance of Trichoderma and Penicillium in cellulolytic aerobic filamentous fungi from subtropical and tropical forests in China, and their use in finding highly efficient β -glucosidase // *Biotechnol Biofuels.* – 2014. – 7. – 107. <https://doi.org/10.1186/1754-6834-7-107>
32. Phukongchai W., Kaewpradit W., Rasche F. Inoculation of cellulolytic and ligninolytic microorganisms accelerates decomposition of high C/N and cellulose-rich sugarcane straw in tropical sandy soils // *Applied Soil Ecology.* – 2022. – 172. – 104355. <https://doi.org/10.1016/j.apsoil.2021.104355>
33. Li J., Shen X., Chen B., He Z., Yan L., Yang L., Ding B., Chai Z. Effects of Biofertilizer and Green Manure on Soil Bacterial Community in Korla Fragrant Pear Orchard // *Microorganisms.* – 2025. – Vol. 13. – No. 11. – Art. 2252. <https://doi.org/10.3390/microorganisms13102252>

References:

1. Ajtemirov A.A., Halilov M.B., Babaev T.T., Amiraliev Z.G. Vliyanie sideratov na urozhajnost' yarovyh zernovykh kul'tur v usloviyakh orosheniya Tersko-Sulakskoj podprovincii // *Yug Rossii: ekologiya, razvitie*. – 2018. – 13(2). – S. 144-155. <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2018-2-144-155>
2. Arhipov A.S., Dolgoplova N.V. Obrabotka pochvy kak sredstvo povysheniya plodorodiya v sevooborote // *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii*. – 2022. – № 2. – S. 6-13.
3. Nesmeyanova M.A., Dedov A.V. Priemy povysheniya plodorodiya pochvy i ih effektivnost' pri vozdel'nyvanii podsolnechnika // *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii*. – 2022. – № 4. – S. 16-22.
4. Loshakov V.G. Tzelenoe udobrenie kak faktor povysheniya plodorodiya pochvy, biologizacii i ekologizacii zemledeliya // *Plodorodie*. – 2018. – № 2. – S. 26-29. DOI:10.25680/S19948603.2018.101.09
5. Barbieri, P., Pellerin, S., Seufert, V., Smith, L., Ramankutty, N., & Nesme, T. (2021). Global option space for organic agriculture is delimited by nitrogen availability. *Nature Food*, 2(5), 363–372. <https://doi.org/10.1038/s43016-021-00276-y>
6. Kulikov Ya.K. Ekologicheskaya polifunkcional'nost' mikroorganizmov i rastitel'no-mikrobykh kompleksov v bioremediacii zagryaznennykh pochv // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta // Ekologiya*. – 2023. – № 4. – S. 4-15.
7. Semenov V.M. Ekologicheskaya agrohimiya azota i ugleroda // *Problemy agrohimii i ekologii*. – 2024. – № 2. – S. 57-68. DOI: 10.26178/AE.2024.14.30.010
8. Aslanyan K.A., Emelin A.V. Sovremennye metody povysheniya plodorodiya pochv pri minimizacii ispol'zovaniya himicheskikh udobrenij // *Mezhdunarodnyj nauchnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal*. – 2024. – T. 4. – S. 18-28.
9. Karipov R.H., Zhumagulov I.I. Resursoberegayushchie tekhnologii na osnove sokrashchennoj i nulevoj obrabotki pochvy v usloviyakh suhostepnoj zony // *EvrAzijskij Soyuz Uchenyh*. – 2016. – № 30. – S. 14-16.
10. Fedorenko A.N., Mokrikov G.V., Kazeev K.Sh., Gobarova A.A., Kozun' Yu.S., Kolesnikov S.I. Ocenka vliyaniya pokrovnykh kul'tur na biologicheskuyu aktivnost' chernozemov pri ispol'zovanii tekhnologii pryamogo poseva // *Zemledelie*. – 2023. – № 1. – S. 23-31. DOI: 10.24412/0044-3913-2023-1-23-27.
11. Bayarova M., Mahtimkulyeva Y.A., Gurbanov H., Arazdurdyev N. Agrotekhnologii dlya ustojchivogo sel'skogo hozyajstva i zashchita okruzhayushchej sredy // *Paradigma*. – 2025. – № 11-3. – S. 223-231.
12. Halikova L.V., Kavelenova L.M. Pochvennyj mikrobocenoz v agrosrede kak dinamichnaya sistema: pervichnye rezul'taty ocenki izmenenij // *Samarskij nauchnyj vestnik*. – 2023. – T. 12. – № 2. – S. 91-97.
13. Bushnev A.S., Kurilova D.A., Kotlyarova I.A. O rizosfere polevykh kul'tur i faktorah, vliyayushchih na dinamiku ee mikrobioty (obzor) // *Maslichnye kul'tury*. – 2023. – № 4 (196). – S. 97-109. DOI: 10.25230/2412-608H-2023-4-196-97-109
14. Wang, Y., Yu, A., Shang, Y., Wang, P., Wang, F., Yin, B., Liu, Y., Zhang, D., & Chai, Q. (2025). Research progress on the improvement of farmland soil quality by green manure. *Agriculture*, 15(7), 768. <https://doi.org/10.3390/agriculture15070768>
15. Pal'chikov E.V., Aliev T.G.-G., Lomakin, D.A., Novikova D.A. Rol' predshestvennikov v povyshenii plodorodiya pochvy i formirovanii urozhajnosti ozimoy pshenicy // *Tekhnologii pishchevoj i pererabatyvayushchej promyshlennosti APK–produkty zdorovogo pitaniya*. – 2020. – № 2. – S. 122-128. DOI 10.24411/2311-6447-2020-10051
16. Sulejmenova S.B., Mihajlova O.P., Efimenko D.V. Vliyanie sideral'nogo para na plodorodie pochv // *Nauchnaya stat'ya goda 2023: sbornik statej VII Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa*. – Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie», 2023. – S. 14-18.
17. Netrusov A.I., Egorova L.M., Zaharchuk L.M. i dr. Praktikum po mikrobiologii: uchebnoe posobie dlya vuzov. - M.: Akademiya, 2005. - 608 s.
18. Tepper E.Z. Praktikum po mikrobiologii. – M.: Drofa, 2004. – 256 s.
19. Shen, G., Zhang, S., Liu, X., Jiang, Q., & Ding, W. (2018). Soil acidification amendments change the rhizosphere bacterial community of tobacco in a bacterial wilt affected field. *Applied Microbiology and Biotechnology*, 102, 9781–9791. <https://doi.org/10.1007/s00253-018-9347-0>
20. Chernov T.I., Zhelezova A.D. Dinamika mikrobykh soobshchestv v razlichnykh diapazonah vremeni (obzor) // *Pochvovedenie*. – 2020. – № 5. – S. 590-600. <https://doi.org/10.31857/S0032180X20050044>
21. Wang, F., Cui, H., He, F., Liu, Q., Zhu, Q., Wang, W., Liao, H., Yao, D., Cao, W., & Lu, P. (2022). The green manure (*Astragalus sinicus* L.) improved rice yield and quality and changed soil microbial communities of rice in the karst mountains area. *Agronomy*, 12, 1851. <https://doi.org/10.3390/agronomy12081851>

22. Castellano-Hinojosa, A., & Strauss, S.L. (2020). Impact of cover crops on the soil microbiome of tree crops. *Microorganisms*, 8(3), 328. <https://doi.org/10.3390/microorganisms8030328>
23. Ding, T., Yan, Z., Zhang, W., & Duan, T. (2021). Green manure crops affected soil chemical properties and fungal diversity and community of apple orchard in the Loess Plateau of China. *Journal of Soil Science and Plant Nutrition*, 21, 1089–1102. <https://doi.org/10.1007/s42729-021-00424-0>
24. Prajapati, S.K., Dayal, P., Kumar, V., & Goirola, A. (2023). Green manuring: A sustainable path to improve soil health and fertility. *AgriSustain – An International Journal*, 1(2), 24–33. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10049824>
25. Zhou, G., Fan, K., Gao, S., Chang, D., Li, G., Liang, T., Liang, H., Li, S., Zhang, J., Che, Z., & Cao, W. (2024). Green manuring relocates microbiomes in driving soil functionality of nitrogen cycling to obtain preferable grain yields over thirty years. *Science China Life Sciences*, 67(3), 596–610. <https://doi.org/10.1007/s11427-023-2432-9>
26. Fang, Y., Wang, F., Jia, X., Lin, C., Zhang, H., Chen, L., & Chen, J. (2018). Effect of green manure and reduced chemical fertilizer load on the community of soil nitrogen-fixing bacteria. *Journal of Agro-Environment Science*, 37(9), 1933–1941. <https://doi.org/10.11654/jaes.2018-0509>
27. Li, F., Chen, L., Li, Y., Han, Y., Wang, Y., Li, P., Zhang, S., & Zhang, J. (2024). Long-term fallowing produces specific fungal taxa associated with soil carbon storage. *Pedosphere*, 34(6), 1014–1025. <https://doi.org/10.1016/j.pedsph.2023.10.001>
28. Chmolewska, D., Hamda, N., & Laskowski, R. (2017). Cellulose decomposed faster in fallow soil than in meadow soil due to a shorter lag time. *Journal of Soils and Sediments*, 17, 299–305. <https://doi.org/10.1007/s11368-016-1536-9>
29. Evdokimova, E.V., Gladkov, G.V., Kuzina, N.I., Ivanova, E.A., Kimeklis, A.K., Zverev, A.O., Kichko, A.A., Aksenova, T.S., Pinaev, A.G., & Andronov, E.E. (2020). The difference between cellulolytic “culturomes” and microbiomes inhabiting two contrasting soil types. *PLoS ONE*, 15(11), e0242060. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242060>
30. Bautista-Cruz, A., Aquino-Bolaños, T., Hernández-Canseco, J., & Quiñones-Aguilar, E.E. (2024). Cellulolytic aerobic bacteria isolated from agricultural and forest soils: An overview. *Biology*, 13(2), 102. <https://doi.org/10.3390/biology13020102>
31. Zhang, Z., Liu, J.L., Lan, J.Y., Duan, C.J., Ma, Q.S., & Feng, J.X. (2014). Predominance of *Trichoderma* and *Penicillium* in cellulolytic aerobic filamentous fungi from subtropical and tropical forests in China, and their use in finding highly efficient β -glucosidase. *Biotechnology for Biofuels*, 7, 107. <https://doi.org/10.1186/1754-6834-7-107>
32. Phukongchai, W., Kaewpradit, W., & Rasche, F. (2022). Inoculation of cellulolytic and ligninolytic microorganisms accelerates decomposition of high C/N and cellulose-rich sugarcane straw in tropical sandy soils. *Applied Soil Ecology*, 172, 104355. <https://doi.org/10.1016/j.apsoil.2021.104355>
33. Li, J., Shen, X., Chen, B., He, Z., Yan, L., Yang, L., Ding, B., & Chai, Z. (2025). Effects of biofertilizer and green manure on soil bacterial community in Korla fragrant pear orchard. *Microorganisms*, 13(11), 2252. <https://doi.org/10.3390/microorganisms13112252>

Information about the authors

I.N. Bulgakova – Senior researcher at the Laboratory Microbiology, “A.I. Barayev Research and Production Center for Grain Farming” LLP, Nauchny, Kazakhstan; e-mail: bulgakova.6262@mail.ru;

I.V. Rukavitsina – corresponding author, Candidate of biological sciences, head at the Laboratory Microbiology, “A.I. Barayev Research and Production Center for Grain Farming” LLP, Nauchny, Kazakhstan; e-mail: rukavitsina@yandex.kz;

V.A. Vasilyeva – Junior Researcher at the Laboratory Microbiology, “A.I. Barayev Research and Production Center for Grain Farming” LLP, Nauchny, Kazakhstan; e-mail: ybalchugova00@mail.ru;

V.V. Zabolotskikh – Candidate of Agricultural Sciences, Head at the Laboratory Biological farming, “A.I. Barayev Research and Production Center for Grain Farming” LLP, Nauchny, Kazakhstan; e-mail: zabolotskih.vladimir@mail.ru.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-83-96

УДК 628.4:631

МРНТИ 34.35.01

**ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТХОДОВ СОРГО В КОНТЕКСТЕ
ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ**

**Зияева Г.К.^{1*}, Тулеубаев Ж.¹, Сейтбаев К.Ж.², Кадыр Г.¹, Абдикайымова Ж.¹,
Жорабек Г.Е.¹**

^{1*}*НАО «Таразский университет имени М.Х. Дулати», Тараз, Казахстан*

²*Международный Таразский университет имени Ш. Муртазы, Тараз, Казахстан*

**Автор для корреспонденции: gk.ziyeava@dulaty.kz*

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема управления органическими отходами агропромышленного комплекса на территории Казахстана. Основной целью проведенного исследования является разработка технологии повышения ценности шелухи сорго путём извлечения биологически активных фенольных соединений. Изучаемое растение относится к засухоустойчивым культурам, имеющее большие перспективы для выращивания в аридных зонах. В научных целях были изучены пять сортов сорго, произрастающие на территории Южного Казахстана: Вахш, Даулет, Карабаш, Сахарное сорго и Массино. Экспериментальным путём был установлен средний выход шелухи, который составляет 11,7% от массы зерна. Данный показатель соответствует образованию 117 кг вторичного сырья на 1 тонну переработанной продукции. Методика экстракции была отработана на примере сорта «Карабаш». Процесс был проведён с использованием 70%-го водного раствора этанола при температуре 50°C. Полученный экстракт имел интенсивный бордовый цвет. Спектрофотометрический анализ показал максимальное поглощение в диапазоне 500-550 нм. Показатели абсорбции выше 3,0 указывают на высокую концентрацию уникальных пигментов - 3-деоксиантоцианидинов. Проведение анализа на антиоксидантную активность показал содержание жирорастворимых и водорастворимых компонентов. Согласно проведенным расчетам, при масштабировании технологии базовый теоретический выход жидкого экстракта составляет 788,6 кг, при этом его прогнозируемое значение может достигать 906,9 кг в расчете на массу шелухи от 1 тонны зерна сорго. Результаты исследования показывают высокую эффективность использования шелухи сорго как источника натуральных красителей и природных антиоксидантов. Предложенный подход позволяет превратить сельскохозяйственные отходы в ценный ресурс. Таким образом, это приведёт к снижению нагрузки на экосистему и созданию более безопасной альтернативы синтетическим красителям. Обобщая, разработанная технология повысит экономическую и экологическую эффективность переработки агропромышленных отходов, поспособствует созданию устойчивых производственных систем на региональном уровне и обеспечит рациональное использование биоресурсов.

Ключевые слова: сорго (*Sorghum bicolor* L.), сельскохозяйственные отходы, фенольные соединения, антоцианы, антиоксидантная активность, натуральные красители.

**ЦИРКУЛЯРЛЫҚ ЭКОНОМИКА КОНТЕКСТІНДЕ ҚҰМАЙДЫҢ АУЫЛ
ШАРУАШЫЛЫҒЫ ҚАЛДЫҚТАРЫН ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ТИІМДІ ПАЙДАЛАНУ**

**Зияева Г.К.^{1*}, Тулеубаев Ж.¹, Сейтбаев К.Ж.², Кадыр Г.¹, Әбдіқайымова Ж.¹,
Жорабек Г.Е.¹**

^{1*}*«М.Х. Дулати атындағы Тараз университеті» КеАҚ, Тараз, Қазақстан*

²*Ш. Мұртаза атындағы Халықаралық Тараз университеті, Тараз, Қазақстан*

**Хат-хабар үшін автор: gk.ziyeava@dulaty.kz*

Аңдатпа

Мақалада Қазақстанның агроөнеркәсіптік кешеніндегі органикалық қалдықтарды басқару мәселесі қарастырылады. Бұл зерттеудің мақсаты – биологиялық белсенді фенолды қосылыстарды бөліп алу

арқылы құмай қабығының құндылығын арттыру технологиясын жасау. Құмай – аридтік аймақтарда өсіруге перспективалы, құрғақшылыққа төзімді дақыл. Жұмыста Оңтүстік Қазақстанда өсірілген құмайдың бес сорты зерттелді: Дәулет, Массино, Вахш, Қантты құмай және Қарабас. Эксперименттік түрде құмай қабығының орташа шығымы дән массасының 11,7 %-ын құрайтыны анықталды. Бұл бір тонна өңделген өнімге 117 кг қайталама шикізаттың түзілуіне сәйкес келеді. Экстракция әдістемесі «Қарабас» сортының негізінде жасалды. Процесс 50°C температурада этанолдың 70%-дық сулы ерітіндісін пайдалану арқылы жүргізілді. Алынған экстракт қаныққан қою қызыл (бордо) түске ие. Спектрофотометриялық талдау 500-550 нм диапазонында максималды жұтылуды көрсетті. Абсорбция мәнінің 3,0-ден жоғары болуы бірегей пигменттер – 3-деоксидантоцианидиндердің жоғары концентрациясын растайды. Антиоксиданттық белсенділікті талдау суды еритін және майда еритін компоненттердің бар екенін көрсетті. Жүргізілген есептеулерге сәйкес, өндіріс көлемін арттыру кезінде сұйық экстракттың базалық теориялық шығымы 788,6 кг-ды құрайды, ал технологиялық ауқымын кеңейту коэффициенттерін ескере отырып, 1 тонна құмай дәнін өңдеу кезінде түзілетін қабық көлемінен алынатын өнім 906,9 кг-ға жетеді. Зерттеу нәтижелері құмай қабығын табиғи бояғыштар мен антиоксиданттардың көзі ретінде пайдаланудың тиімділігін дәлелдейді. Ұсынылған тәсіл ауыл шаруашылығы қалдықтарын құнды ресурсқа айналдыруға мүмкіндік береді. Бұл экожүйелерге түсетін салмақты азайтады және синтетикалық бояғыштарға қауіпсіз «жасыл» балама жасайды. Іске асырылатын технология агроөнеркәсіп қалдықтарын қайта өңдеудің экологиялық және экономикалық тиімділігін арттырады, аймақтық деңгейде тұрақты өндірістік жүйелердің қалыптасуына ықпал етеді және биоқауіпсіз ресурстарды тиімді пайдалануды қамтамасыз етеді.

Кілт сөздер: құмай (*Sorghum bicolor* L.), ауыл шаруашылығы қалдықтары, фенолды қосылыстар, антоциандар, антиоксиданттық белсенділік, табиғи бояғыштар.

**ENVIRONMENTALLY EFFICIENT UTILIZATION OF SORGHUM
AGRICULTURAL WASTE IN THE CONTEXT OF CIRCULAR ECONOMY
G.K. Ziyayeva^{1*}, Zh. Tuleubayev¹, K.Zh. Seitbayev², G. Kadyr¹, Zh. Abdikayimova¹,
G.E. Zhorabek¹**

^{1*}*«M.Kh. Dulaty Taraz University» NCJSC, Taraz, Kazakhstan*

²*Sh. Murtaza International Taraz University, Taraz, Kazakhstan*

**Corresponding author: gk.ziyaeva@dulaty.kz*

Abstract

The article addresses the issue of organic waste management in the agro-industrial complex of Kazakhstan. Approximately 8.2 million tons of agricultural biomass are generated annually in the country. The implementation of circular economy principles is essential for its effective disposal. This study aims to develop a technology for the valorization of sorghum husks by extracting biologically active phenolic compounds. Sorghum is a drought-resistant crop promising for cultivation in arid zones. The study examined five sorghum varieties grown in South Kazakhstan: Daulet, Massino, Vakhsh, Sugar Sorghum, and Karabash. It was experimentally established that the average husk yield is 11.7% of the grain mass. This corresponds to the generation of 117 kg of secondary raw materials per ton of processed products. The extraction methodology was refined using the "Karabash" variety. The process was conducted using a 70% aqueous ethanol solution at a temperature of 50°C. The resulting extract has an intense burgundy color. Spectrophotometric analysis revealed a maximum absorption in the range of 500 – 550 nm. An absorbance value above 3.0 confirms a high concentration of unique pigments – 3-deoxyanthocyanidins. Antioxidant activity analysis showed the presence of water-soluble and fat-soluble components. According to the performed calculations, the base theoretical yield of the liquid extract during technology scaling amounts to 788.6 kg, and considering technological scaling coefficients, it reaches up to 906.9 kg from the volume of husks generated during the processing of 1 ton of sorghum grain. The research results prove the efficiency of using sorghum husks as a source of natural colorants and antioxidants. The proposed approach allows for the transformation of agricultural waste into a valuable resource. This reduces the environmental burden on ecosystems and provides a safe "green" alternative to synthetic dyes. The implemented technology increases the environmental and economic efficiency of agro-industrial waste recycling, contributes to the formation of sustainable production systems at the regional level, and ensures the rational use of bioresources.

Keywords: sorghum (*Sorghum bicolor* L.), agricultural waste, phenolic compounds, anthocyanins, antioxidant activity, natural colorants.

Введение

Управление органическими отходами в агропромышленных комплексах, представляет собой одну из ключевых экологических задач, особенно в регионах с развитым сельским хозяйством. Ежегодно, в Казахстане образуется до 8,2 млн тонн остаточной сельскохозяйственной биомассы [1], которая создаёт большую нагрузку на окружающую среду. Традиционные методы утилизации, такие как сжигание, не имеют большой пользы и наносят вред окружающей среде, приводя к выбросам парниковых газов и загрязнению почв. Таким образом, традиционные методы утилизации отходов сельскохозяйственной биомассы приводят к нарушению естественных биохимических циклов и снижают устойчивость агроэкосистем.

В связи с этим, поиск более экологически устойчивых методов утилизации, основанных на принципах циркулярной экономики, является всё более приоритетным направлением. Среди таких подходов выделяется валоризация (создание добавленной стоимости) отходов, к которой можно отнести переработку шелухи сорго - пятой по объёму производства зерновой культуры в мире [2]. Сорго, как засухоустойчивое растение имеет большой потенциал для выращивания в аридных и семиаридных зонах Казахстана [3], что делает проблему утилизации его отходов ещё более актуальной. Экологическая ценность переработки шелухи обоснована её богатым биохимическим составом. Данное сырьё богато фенольными соединениями (флавоноидами и 3-деоксиантоцианидинами), которые характеризуются высокой антиоксидантной активностью [4, 5]. Присутствие таких биологически активных соединений превращает сельскохозяйственные отходы в ценный ресурс с богатыми возможностями использования. Извлечение и использование этих соединений позволит получить продукты, востребованные в пищевой и фармацевтической промышленности. Также, это станет примером создания экологичной технологии, снижающей антропогенное воздействие.

Фенольные соединения относятся к ключевым фитохимическим компонентам, которые проявляют антиоксидантные свойства и содержатся в основных зерновых культурах – пшенице, кукурузе, рисе, ячмене, сорго [6]. Известны методы и эксперименты, которые подтверждают высокую способность фенольных соединений предотвращать окислительные процессы и нейтрализовать свободные радикалы [7]. Высокая антиоксидантная активность цельного зерна (в особенности отрубей), связывается с профилактическим эффектом в отношении хронических заболеваний, что делает их перспективным источником натуральных антиоксидантов для пищевой промышленности [8]. Среди фенольных соединений особое внимание заслуживают антоцианы, которые относятся к природным пигментам и могут рассматриваться в роли альтернативы синтетическим красителям из-за их антиоксидантных и терапевтических свойств [9, 10, 11]. Основными ограничениями для их использования являются низкие показатели стабильности при обработке и хранении. Однако, современные исследования химических модификаций показывают, что ацилирование и гликозилирование повышают их устойчивость к теплу, свету и колебаниям уровня pH [12].

Шелуха сорго, относится к побочным продуктам переработки зёрен данного растения и представляет собой особую ценность благодаря повышенной концентрации уникальных пигментов - 3-деоксиантоцианидинов. В отличие от классических

антоцианов, данные пигменты дают насыщенные красно-коричневые и бордовые оттенки, что делает их перспективными натуральными красителями [5]. Исходя из изученных материалов, эти соединения проявляют высокую противораковую активность, которая выделяет их на общем фоне других флавоноидов [13].

Эффективность получения фенольных соединений из сорго существенно зависит от методов и технологии экстракции и по имеющимся данным, их концентрация колеблется в пределах от ~174 до ~1238 мг GAE/100г [14]. Установлено, что на выход пигментов при экстракции влияют показатели температуры, концентрации этанола и кислотность среды [15]. Изученные методы показали большую разницу при получении красящих веществ. Таким образом, традиционные методы с использованием этанола, что эффективны при 60-80°C дают меньший выход продукта, чем при применении субкритической экстракции водой или ускоренной экстракции растворителем, которые эффективны при 120-200°C [16, 17]. Это подтверждает, что выбор технологии относится к важным факторам, от которых зависит эффективность извлечения биологически активных соединений из шелухи сорго.

Целью данного исследования является разработка и экологическая оценка технологии извлечения ценных фенольных соединений из шелухи сорго, как альтернативы традиционным, экологически небезопасным методам утилизации сельскохозяйственных отходов.

Материалы и методы исследования

В качестве объектов исследования была использована шелуха пяти сортов сорго (*Sorghum bicolor* L.), выращенные на территории Южного Казахстана: Вахш, Даулет, Карабаш, Массино и Сахарное сорго.

Все лабораторные измерения проводились в трехкратной повторности (n=3). Статистическая обработка данных выполнена с использованием пакета программ MicrosoftExcel, результаты представлены как среднее арифметическое $\pm$ стандартное отклонение (M $\pm$ SD).

Для определения процентного отношения шелухи к зёрнам для каждого сорта, были вручную очищены и взвешены зёрна и очистки. По итогам взвешивания, выход шелухи по исследованным сортам составил 11,7%, варьируя между показателями 6,36%-15,72% (Карабаш и Сахарное сорго) (таб. 1). На основании произведённых расчётов установлено, что в результате переработки 1 тонны зерна сорго в среднем образуется до 117 кг шелухи.

Таблица 1. Выход шелухи у различных сортов сорго.

Название сорта	Общая масса зерна, г	Масса шелухи, г	Доля шелухи, %
Даулет	77,14 $\pm$ 0,45	10,14 $\pm$ 0,12	13,14 $\pm$ 0,15
Массино	227,40 $\pm$ 1,10	27,40 $\pm$ 0,35	12,10 $\pm$ 0,11
Вахш-10	252,75 $\pm$ 1,50	29,75 $\pm$ 0,40	11,80 $\pm$ 0,18
Сахарное сорго	42,50 $\pm$ 0,30	6,68 $\pm$ 0,08	15,72 $\pm$ 0,22
Карабаш	72,38 $\pm$ 0,55	4,60 $\pm$ 0,06	6,36 $\pm$ 0,09
Среднее (M $\pm$ m)	134,43 $\pm$ 43,15	15,71 $\pm$ 5,30	11,83 $\pm$ 1,53

Для дальнейших исследований с применением методов экстракции был выбран сорт сорго «Карабаш», который характеризуется высокой урожайностью (рис. 1а).

Шелуха изучаемого сорта (рис. 1б) была отделена от зёрен и подготовлена к экстрагированию.

Рисунок 1. Сырьё для экстракции из сорго сорта Карабаш: (а) исходное зерно сорго; (б) шелуха, отделенная от зерна и очищенная от примесей

Количественная оценка фенольных соединений в данном исследовании проводилась на основе спектрофотометрического анализа 3-деоксиантоцианидинов и измерения антиоксидантной активности, так как основной акцент был сделан на идентификации и оценке выхода специфических красящих компонентов шелухи.

Шелуха сорта «Карабаш» была предварительно очищена от механических примесей - соломы и пыли. Исходная масса сырья для одного экспериментального образца составляла 6 г, 2 г из которых приходились на посторонние включения. Эти примеси впоследствии были удалены вручную.

Следующим шагом стала сушка растительного сырья. Для снижения влажности использовался сушильный шкаф, где 4 г очищенной шелухи расположили на 1 час при 50°C. Впоследствии, масса изучаемого образца снизилась до 3,8 г. Высушенную шелуху измельчили на лабораторной мельнице ЛЗМ-М2 и просеивали через сито с размерами ячеек 0,05 мм для получения однородной фракции. Для определения фенольных соединений из подготовленного сырья использовали принцип экстрагирования - метод конвенциональной экстракции (мацерация при нагревании). Данная методика является стандартным подходом для извлечения полифенолов из растительных матриц [15].

Для экстракции использовали колбу объёмом 250 мл. Навеску измельчённой шелухи массой 5 г заливали 50 г 70%-го этанола. В данном эксперименте соотношение сырья к растворителю составляет 1:10. Процесс производили при температуре 50°C и постоянном перемешивании в течение 7 минут. По окончании процесса, полученная смесь охлаждалась до комнатной температуры и отстаивалась через бумажный фильтр для отделения твёрдого остатка (шрота) и жидкого экстракта. Получившийся в результате спиртовой экстракт имел характерный бордовый оттенок (рис. 3).

Рисунок 2. Схема получения натурального красителя из шелухи сорго

Для оценки потенциального промышленного выхода жидкого экстракта красителя, был произведён расчёт, который опирался на результаты лабораторного эксперимента. Для дальнейших исследований был выбран сорт сорго «Карабаш». Процесс получения экстракта проводили методом мацерации. Навеску измельченной шелухи массой 50 г заливали 500 мл (около 445 г) 70%-го водного раствора этанола (соотношение сырья к растворителю 1:10 по массе). Процесс проводили при температуре 50°C в течение 7 минут. После отделения твердой фазы (шрота) путем фильтрации через бумажный фильтр, масса полученного жидкого спиртового экстракта составила $337 \pm 0,001$ г. Удержание части жидкости (около 32%) в пористой структуре растительного шрота является естественным технологическим фактором при данном методе экстракции. Расчёт проводился для масштабирования процесса на объём сырья, получаемого из 1 тонны зерна сорго, что в среднем составляет до 117 кг шелухи (таб. 1). Таким образом, теоретический выход экстракта ($M_{\text{теор}}$) рассчитывался по формуле:

$$M_{\text{теор.}} = \frac{M_{\text{сырья пром.}}}{M_{\text{сырья лаб.}}} \times M_{\text{экстракта лаб.}} \quad (1)$$

Результаты исследования

Для оценки потенциального промышленного выхода жидкого экстракта красителя был произведен расчет, опирающийся на результаты лабораторного эксперимента (получение 0,337 кг экстракта из 0,05 кг шелухи). Расчет проводился для объема сырья, получаемого из 1 тонны зерна сорго (в среднем 117 кг шелухи). Теоретический выход экстракта ($M_{\text{теор.}}$) рассчитывался по формуле:

$$M_{\text{теор.}} = \frac{M_{\text{сырья пром.}}}{M_{\text{сырья лаб.}}} \times M_{\text{экстракта лаб.}} = \frac{117}{0,05} \times 0,337 = 788,58 \approx 788,6 \text{ кг.}$$

Таким образом, базовый теоретический выход жидкого экстракта составляет $788,58 \pm 1,56$ кг. Однако при промышленном масштабировании необходимо учитывать вариативность плотности сырья и эффективность систем прессования шрота. Согласно нашим оценкам, использование технологического коэффициента масштабирования с

допустимым отклонением $\pm 15\%$ позволяет спрогнозировать, что потенциальный практический выход экстракта может достигать 906,9 кг на 1 тонну переработанной продукции. Полученные данные подтверждают высокий ресурсный потенциал использования вторичного сырья сорго. Для более лучшего приведения данных требуются подтверждения в ходе опытно-промышленных испытаний. По итогам проведенной экстракции из 50 г шелухи сорго сорта «Карабаш» был получен гомогенный жидкий спиртовой экстракт общей массой $0,337 \pm 0,001$ кг. Полученный продукт имеет интенсивный темно-бордовый цвет, характеризуется прозрачностью, отсутствием видимого осадка или взвесей (рис. 3).

Рисунок 3. Полученный спиртовой экстракт шелухи сорго сорта «Карабаш».

Интенсивный цвет экстракта свидетельствует об успешном извлечении фенольных соединений, в особенности флавоноидов и антоцианов. Тёмные сорта сорго содержат много фенольных веществ (флавоноидов, проантоцианидинов и др.), в следствие чего имеют яркую пигментацию и антиоксидантные показатели [13]. В ходе анализа экстракта на спектрофотометре было установлено, что основной максимум поглощения света расположен в пределах 500-550 нм. Показатель абсорбции 3.000 указывает на сильное поглощение света экстрактом. При таких показателях, через образец проходит менее 0,1% света, что указывает на задерживающую способность излучений раствором. В исследовании [18] экстракт красного сорго, выделенный в подкисленном метаноле, имел ещё большие показатели абсорбции ($A \approx 3.74$), что также является подтверждением того, что тёмные антоциановые экстракты сорго обладают экстремально интенсивным поглощением. Сходные результаты были представлены в работе [19], где экстракты шелухи сорго также изучили с применением УФ-видимой спектрофотометрии. Авторами было доказано, что антоциановые экстракты демонстрируют максимальные показатели поглощения в пределах 480-540 нм, а при использовании подкисленного метанола и ионных жидкостей - пики значений смещаются в область 510-530 нм. Сходные результаты были получены в исследовании [20]. Авторы показали, что основные пигменты сорго, к которым относятся апигенидин и лутеолинидин, имеют максимальные показатели поглощения в диапазонах 480-500 нм и 500-520 нм соответственно. Данные показатели совпадают с нашими результатами в 500-550 нм, которые мы выявили в ходе нашего исследования. Это означает, что тинктур является крайне насыщенным, что приводит к тёмному окрашиванию. Подобные показатели характерны для концентрированных антоциановых экстрактов сорго, богатых пигментами фенольного типа.

Полученные спектрофотометрические данные показывают, что тинктур имеет высокую насыщенность фенольными соединениями. Максимальное поглощение и высокая абсорбция ($A > 3.0$) полностью сходна с показателями антоциановых экстрактов

сорго, описанных в научной литературе. Экстракт из шелухи сорго сорта «Карабаш» действительно содержит много окрашенных и биологически активных веществ. Благодаря такому богатому биохимическому составу, его можно использовать в роли природного красителя, источника природных антиоксидантов или компонента для здоровых пищевых продуктов.

Для оценки биологической ценности экстракта, был проведён количественный анализ для определения содержания антиоксидантов.

Таблица 2. Содержание антиоксидантов в экстракте шелухи сорго.

Наименование показателя, единицы измерения	Фактические результаты	Метод испытания
Жирорастворимые антиоксиданты, мг/г	$0,12 \pm 0,002$	ГОСТ Р 54037-2010
Водорастворимые антиоксиданты, мг/г	$0,43 \pm 0,002$	ГОСТ Р 54037-2010

Приводимые данные указывают на наличие в экстракте жирорастворимых и водорастворимых антиоксидантов. Исходя из данных по концентрации антиоксидантов становится видно, что присутствие водорастворимых значительно выше, что свидетельствует о высоком антиоксидантном потенциале продукта.

Обсуждение

Проведённый анализ литературных источников подтверждает, что антоциановые пигменты в настоящее время рассматриваются как перспективная альтернатива синтетическим красителям в пищевой и смежных с ней отраслях промышленности. Повышенный интерес к данным соединениям охарактеризован их природным происхождением, а также потенциально более безопасным применением, в отличие от искусственных азокрасителей, чьё использование ассоциируется с рисками для здоровья, в особенности, в комбинациях с различными консервантами [21]. Сорго имеет в своём биохимическом составе разнообразные фенольные соединения – фенольные кислоты, конденсированные танины, флавоноиды и 3-дезоксидантоцианидины, которые входят в группу наимогущественных антиоксидантов. Содержание данных соединений сильно коррелирует с общей антиоксидантной активностью зерна: чем выше показатели фенолатов, тем выше проявляется антиоксидантная активность, в виде захвата свободных радикалов в различных тестах.

В фиолетовых рисовых отрубях водорастворимые антиоксиданты, включая фенольные соединения и антоцианы, значительно преобладают над жирорастворимыми. Внутренняя фракция отрубей содержала в 8 раз больше антоцианов и значительно повышенные показатели гидрофильных фенолов по сравнению с внешней, что обеспечивало более высокие значения антиоксидантной активности. Липофильные соединения, такие как токолы, распределены более равномерно, однако их вклад в общую антиоксидантную активность значительно ниже. Данные показатели подтверждают, что основную долю антиоксидантной защиты фиолетовых рисовых отрубей играют водорастворимые соединения. Антоциановые пигменты, получаемые из растительного сырья, широко используются в пищевой промышленности в качестве натуральных красителей. Среди наиболее распространённых добавок можно выделить Е163, которая производится из фруктовых антоцианов и используемая для окрашивания продукции в фиолетовый цвет [22]. В последние годы возрастает интерес к антоцианам из-за обеспокоенности экологичностью синтетических пищевых красителей. В

настоящее время особое внимание придаётся разработке стратегий модификации азокрасителей с целью повышения их фиксации, долговечности и устойчивости окраски. Описываемые направления являются приоритетными, так как традиционные технологии окрашивания требуют добавления значительного количества щелочей и солей, что может негативно сказаться на окружающей среде. Исследования показывают, что сочетание искусственных красителей с бензоатом натрия могут привести к развитию различных нежелательных поведенческих эффектов у детей, включая повышение гиперактивности [23]. Основываясь на данные исследования, натуральные красители рассматриваются в качестве безопасной альтернативы. Таким образом, антоцианы представляют собой перспективные пищевые красители, которые сочетают в себе технологическую эффективность и имеют более благоприятное влияние на здоровье, что обосновывает целесообразность их дальнейшего использования и изучения [24].

Однако, экстенсивное развитие отрасли сопряжено с нарастанием антропогенной нагрузки на окружающую среду. По объёму и токсичности сточных вод, текстильное производство занимает второе место среди промышленных источников загрязнения водных ресурсов, уступая некоторые показатели лишь кожевенной промышленности. Основной проблемой являются стоки процессов крашения и отделки, которые содержат неметаболизированные остатки красителей и вспомогательные химические соединения. Основываясь на этих данных, внедрение более эффективных методов очистки и перехода к принципам «зелёной химии» имеет большую важность с каждым годом [25].

Антоцианы являются биологически активными соединениями, которые широко используются в традиционной медицине и нутрицевтике. В процессе развития фармакологии, антоцианы использовались в качестве фитофармацевтических средств для стимуляции аппетита, желчегонных и терапевтических препаратов. Среди этих биохимических соединений наиболее изучены мальвидин-3-глюкозид и цианидин-3-глюкозид. Относительная биодоступность зависит в основном от структуры соединения. В данном случае, гликозиды пеонидина показывают наивысшие показатели, после которых располагаются цианидин, мальвидин, дельфинидин и петунидин. Употребление напитков богатых антоцианами, например, сока красного винограда, повышает уровень соединений в плазме и моче, при этом мальвидин-3-глюкозид имеет более высокую доступность из сока, чем из вина. Таким образом, цианидин-3-глюкозид демонстрирует примерно 12% относительной биодоступности, образуя в процессе метаболиты в виде фенольных кислот и их конъюгатов [26, 27]. Имеются данные о том, что некоторые антоцианы из чёрной смородины абсорбируются в кровоток и выводятся с мочой в гликозилированной форме, что является свидетельством сохранения части нативной структуры. К потенциальным эффектам для здоровья относятся антидиабетическое, антиоксидантное, антиангиогенное, нейропротекторное, противораковое, кардиопротекторное и антимикробное действие, улучшение зрения и регуляция массы тела [28]. Антоцианы представляют собой перспективный класс водорастворимых биохромоформов, которые определяют широкую палитру оттенков растительного сырья - от красного до синего. Их добавление в состав биополимерных матриц, в особенности плёнок на основе кукурузного крахмала с экстрактами винограда и ацеролы, позволяет создавать более продвинутые упаковочные системы с функцией pH-индикации. Анализ фитохимического состава используемых tinkтуров определил преобладание гликозидов цианидина, дельфинидина и пеонидина, которые детерминируют повышенную сенсорную активность полученных материалов [24, 29].

В рамках настоящего исследования был получен антоциановый краситель и сорго, что позволяет расширить перечень растительных источников, которые рассматриваются в роли альтернативного сырья для выделки натуральных пигментов. Использование сорго представляет скорее практический интерес, поскольку данная культура характеризуется высокой урожайностью, широкой доступностью и устойчивостью к засушливым условиям, что потенциально снижает себестоимость получения антоциановых экстрактов, по сравнению с традиционными источниками, такими как ягоды или виноград. Помимо прочего, антоциановый профиль сорго может иметь отличия по соотношению гликозидов, что влияет на колористические характеристики и на стабильность пигментов.

Получение антоцианового красителя из сорго подтверждает перспективность этого растения как альтернативного источника экологических пигментов, что расширяет представление о вариативности свойств антоцианов и их эффективность в зависимости от происхождения. Полученные результаты могут быть направлены для дальнейших разработок натуральных, экологически ориентированных красителей и функциональных материалов с определёнными характеристиками.

Заключение

В ходе проведённого исследования была определена и обоснована целесообразность переработки шелухи сорго, как экологически безопасного способа утилизации сельскохозяйственных отходов. Было установлено, что в процессе переработки зёрен сорго образуется в среднем до 11,7% шелухи. Приведённые показатели являются подтверждением высокого ресурсного потенциала данного побочного продукта.

Результатом экспериментов с шелухой сорго сорта «Карабаш» является возможность получения антоцианового экстракта, путём экстрагирования 70%-м водным раствором этанола. Полученный экстракт характеризуется интенсивной окраской, а также повышенной концентрацией окрашенных фенольных соединений. Присутствие этих соединений доказано проведённым спектрофотометрическим анализом с максимальным поглощением в диапазоне 500-550 нм и значениями абсорбции выше 3,0.

Приведенный анализ по антиоксидантной активности элементов, показал содержание жирорастворимых и водорастворимых антиоксидантов, с их значительным преобладанием. Расчётный выход экстракта при переработке шелухи, полученной из 1 тонны зёрен сорго, подтверждает перспективность масштабирования предложенной технологии. Обобщая результаты исследования по проведённой работе, шелуха сорго может рассматриваться в роли перспективного вторичного сырья и использоваться для получения натуральных красителей и антиоксидантов, а разработанный подход соответствует принципам экологически ориентированных технологий.

Информация о финансировании

Данное исследование было профинансировано АО «Фонд науки» (грант на финансирование наиболее перспективных проектов коммерциализации №DP25900539).

Сведения об использовании ИИ

Во время подготовки данной рукописи авторы использовали инструменты искусственного интеллекта (ChatGPT, Gemini) для помощи в редактировании текста и переводе. Все научные интерпретации были выполнены авторами. Инструменты с поддержкой ИИ не применялись для сбора данных или статистического анализа. Все содержание материала было проверено и верифицировано авторами, которые несут полную ответственность за содержание и оригинальность рукописи.

Литература:

1. Koshim, A., Karatayev, M., Clarke, M. L., & Nock, W. (2018). Spatial assessment of the distribution and potential of bioenergy resources in Kazakhstan. *Adv. Geosci.*, 45, 217-225. <https://doi.org/10.5194/adgeo-45-217-2018>
2. Begna, T. (2022). Hybrid sorghum development mechanisms to enhance production and productivity. *International Journal of Research Studies in Agricultural Sciences (IJSAS)*, 8(2), 20-31. <https://doi.org/10.20431/2454-6224.0802003>
3. Румянцев А.В., Глуховцев В.В. Культура сорго в решении проблемы засухи и экономической стабильности сельского хозяйства в условиях Поволжского региона и Урала // Известия ОГАУ. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-sorgo-v-reshenii-problemy-zasuhi-i-ekonomicheskoy-stabilnosti-selskogo-hozyaystva-v-usloviyah-povolzhskogo-regiona-i-urala> (дата обращения: 10.02.2026).
4. Van Hung, P. (2016). Phenolic compounds of cereals and their antioxidant capacity. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*, 56(1), 25-35. <https://doi.org/10.1080/10408398.2012.708909>
5. Sawadogo, O., Kaboré, D.S., Ouedraogo, M., Noba, A., Bationo, R.K., Diawara, H.Z., & Palé, E. (2024). Antioxidant activity and identification by HPLC-DAD-MS of 3-deoxyanthocyanins in the husks of Sorghum caudatum (L.) Moench grains from Burkina Faso. *Pharmacological Research – Natural Products*, 5, 100096. <https://doi.org/10.1016/j.prenap.2024.100096>
6. Apea Bah, F.B., Drawbridge, P., & Beta, T. (2022). A generalized method for determining free soluble phenolic acid composition and antioxidant capacity of cereals and legumes. *J. Vis. Exp.* <https://doi.org/10.3791/62467>
7. Ge, X., Jing, L., Zhao, K., Su, C., Zhang, B., Zhang, Q., Han, L., Yu, X., & Li, W. (2020). Phenolic profiles, quantitative analysis and antioxidant activity of four naked barley cultivars with different colors. *Food Chemistry*, 335, 127655. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2020.127655>
8. Călinoiu, L.F., & Vodnar, D.C. (2018). Whole grains and phenolic acids: A review on bioactivity, functionality, health benefits and bioavailability. *Foods*, 7(10), 168. <https://doi.org/10.3390/foods7100168>
9. Mendoza-Rodríguez, M.N., Castillo-Guevara, C., Díaz-Godínez, R., & Nieto-Camacho, A. (2017). Anthocyanins as food colorants. *Mexican Journal of Biotechnology*, 2(1), 101-112. <https://doi.org/10.29267/mxjb.2017.2.1.101>
10. Magalhães, D., Gonçalves, R., Rodrigues, C.V., Rocha, H.R., Pintado, M., & Coelho, M.C. (2024). Natural pigments recovery from food by-products: Health benefits towards the food industry. *Foods*, 13, 2276. <https://doi.org/10.3390/foods13122276>
11. Divya, Joshi, S., Appukuttan, J., Chandrapala, J., & Majzoobi, M. (2025). Impact of conventional and advanced techniques on stability of natural food colourants. *Foods*, 14(18), 3187. <https://doi.org/10.3390/foods14183187>
12. Gamage, G.C.V., & Choo, W.S. (2023). Thermal and pH stability of natural anthocyanin colourant preparations from black goji berry. *Food Chemistry Advances*, 2, 100236. <https://doi.org/10.1016/j.focha.2023.100236>
13. Shih, C.H., Siu, S.O., Ng, R., Wong, E., Chiu, L.C.M., Chu, I.K., & Lo, C. (2007). Quantitative analysis of anticancer 3-deoxyanthocyanidins in infected sorghum seedlings. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*, 55(2), 254-259. <https://doi.org/10.1021/jf062516t>
14. Hossain, M.S., Islam, M.N., Rahman, M.M., Mostofa, M.G., & Khan, M.A.R. (2022). Sorghum: A prospective crop for climatic vulnerability, food and nutritional security. *Journal of Agriculture and Food Research*, 8, 100300. <https://doi.org/10.1016/j.jafr.2022.100300>
15. Kayodé, A.P.P., Bara, C.A., Dalodé-Vieira, G., Linnemann, A.R., & Nout, M.J.R. (2012). Extraction of antioxidant pigments from dye sorghum leaf sheaths. *LWT – Food Science and Technology*, 46(1), 49-55. <https://doi.org/10.1016/j.lwt.2011.11.003>
16. Antony, A., & Farid, M. (2022). Effect of temperatures on polyphenols during extraction. *Applied Sciences*, 12(4), 2107. <https://doi.org/10.3390/app12042107>
17. Barros, F., Dykes, L., Awika, J.M., & Rooney, L.W. (2013). Accelerated solvent extraction of phenolic compounds from sorghum brans. *Journal of Cereal Science*, 58(2), 305-312. <https://doi.org/10.1016/j.jcs.2013.05.01>
18. Kumari, B., Randi, K., & Sharma, R. (2013). Classification of 3-red sorghum bran and deoxyanthocyanins and its biological properties. *Frontiers of Agriculture and Food Technology*, 1(7), 63-74.

19. Tyagi, V., Saravanan, C., Wang, Y., & Bhattacharya, B. (2021). Solvent dependency of sorghum bran phytochemicals acting as potential antioxidants and antibacterial agents. *Food Technology and Biotechnology*, 59(1), 31-43. <https://doi.org/10.17113/ftb.59.01.21.6878>
20. Awika, J.M., Rooney, L.W., & Waniska, R.D. (2004). Properties of 3-deoxyanthocyanins from sorghum. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*, 52(14), 4388-4394. <https://doi.org/10.1021/jf049653f>
21. Fleischmann, K., Lienvenbrück, M., & Ritter, H. (2015). Polymers and dyes: Developments and applications. *Polymers*, 7, 717-746. <https://doi.org/10.3390/polym7040717>
22. Patel, M.J., Tandel, R.C., Sonera, S.A., & Bairwa, S.K. (2023). Trends in the synthesis and application of some reactive dyes: A review. *Brazilian Journal of Science*, 2(7), 14-29. <https://doi.org/10.14295/bjs.v2i7.350>
23. McCann, D., Barrett, A., Cooper, A., Crumpler, D., Dalen, L., Grimshaw, K., ... & Stevenson, J. (2007). Food additives and hyperactive behaviour in 3-year-old and 8/9-year-old children in the community: A randomised, double-blinded, placebo-controlled trial. *The Lancet*, 370, 1560-1567. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(07\)61306-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(07)61306-3)
24. Christison, G.B., & MacKenzie, H.A. (1993). Laser photoacoustic determination of physiological glucose concentrations in human whole blood. *Medical & Biological Engineering & Computing*, 31(3), 284-290. <https://doi.org/10.1007/BF02441938>
25. Elshahida, K., Fauzi, A., Sailah, I., & Siregar, I. (2020). Sustainable production of natural textile dyes industry. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 472(1), 012036. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/472/1/012036>
26. Lapidot, T., Harel, S., Granit, R., & Kanner, J. (1998). Bioavailability of red wine anthocyanins as detected in human urine. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*, 46(10), 4297-4302. <https://doi.org/10.1021/jf980409t>
27. Matsumoto, H., Inaba, H., Kishi, M., Kato, M., Kondo, S., & Tsuda, T. (2001). Orally administered delphinidin 3-rutinoside and cyanidin 3-rutinoside are directly absorbed in rats and humans and appear in the blood as intact forms. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*, 49(3), 1546-1551. <https://doi.org/10.1021/jf001246p>
28. Polak, N., Kalisz, S., & Kruszewski, B. (2024). High-temperature short-time and ultra-high-temperature processing of juices, nectars and beverages: Influences on enzyme, microbial inactivation and retention of bioactive compounds. *Applied Sciences*, 14, 8978. <https://doi.org/10.3390/app14198978>
29. Miyazawa, T., Nakagawa, K., Kudo, M., Muraishi, K., & Someya, K. (1999). Direct intestinal absorption of red fruit anthocyanins, cyanidin-3-glucoside and cyanidin-3,5-diglucoside, into rats and humans. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*, 47(3), 1083-1091. <https://doi.org/10.1021/jf980748u>

References:

1. Koshim, A., Karatayev, M., Clarke, M.L., & Nock, W. (2018). Spatial assessment of the distribution and potential of bioenergy resources in Kazakhstan. *Advances in Geosciences*, 45, 217-225. <https://doi.org/10.5194/adgeo-45-217-2018>
2. Begna, T. (2022). Hybrid sorghum development mechanisms to enhance production and productivity. *International Journal of Research Studies in Agricultural Sciences*, 8(2), 20-31. <https://doi.org/10.20431/2454-6224.0802003>
3. Rumiantsev A.V., Glukhovtsev V.V. Kultura sorgo v reshenii problemy zasukhi i ekonomicheskoi stabil'nosti selskogo khoziaistva v usloviakh Povolzhskogo regiona i Urala // Izvestiia OGAU. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-sorgo-v-reshenii-problemy-zasukhi-i-ekonomicheskoy-stabilnosti-selskogo-hozyaystva-v-usloviyah-povolzhskogo-regiona-i-urala> (data obrascheniia: 10.02.2026).
4. Van Hung, P. (2016). Phenolic compounds of cereals and their antioxidant capacity. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*, 56(1), 25-35. <https://doi.org/10.1080/10408398.2012.708909>
5. Sawadogo, O., Kaboré, D.S., Ouedraogo, M., Noba, A., Bationo, R.K., Diawara, H.Z., & Palé, E. (2024). Antioxidant activity and identification by HPLC-DAD-MS of 3-deoxyanthocyanins in the husks of *Sorghum caudatum* (L.) Moench grains from Burkina Faso. *Pharmacological Research – Natural Products*, 5, 100096. <https://doi.org/10.1016/j.prenap.2024.100096>

6. Apea Bah, F.B., Drawbridge, P., & Beta, T. (2022). A generalized method for determining free soluble phenolic acid composition and antioxidant capacity of cereals and legumes. *J. Vis. Exp.* <https://doi.org/10.3791/62467>
7. Ge, X., Jing, L., Zhao, K., Su, C., Zhang, B., Zhang, Q., Han, L., Yu, X., & Li, W. (2020). Phenolic profiles, quantitative analysis and antioxidant activity of four naked barley cultivars with different colors. *Food Chemistry*, 335, 127655. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2020.127655>
8. Călinoiu, L.F., & Vodnar, D.C. (2018). Whole grains and phenolic acids: A review on bioactivity, functionality, health benefits and bioavailability. *Foods*, 7(10), 168. <https://doi.org/10.3390/foods7100168>
9. Mendoza-Rodríguez, M.N., Castillo-Guevara, C., Díaz-Godínez, R., & Nieto-Camacho, A. (2017). Anthocyanins as food colorants. *Mexican Journal of Biotechnology*, 2(1), 101-112. <https://doi.org/10.29267/mxjb.2017.2.1.101>
10. Magalhães, D., Gonçalves, R., Rodrigues, C.V., Rocha, H.R., Pintado, M., & Coelho, M.C. (2024). Natural pigments recovery from food by-products: Health benefits towards the food industry. *Foods*, 13, 2276. <https://doi.org/10.3390/foods13122276>
11. Divya, Joshi, S., Appukuttan, J., Chandrapala, J., & Majzoobi, M. (2025). Impact of conventional and advanced techniques on stability of natural food colourants. *Foods*, 14(18), 3187. <https://doi.org/10.3390/foods14183187>
12. Gamage, G.C.V., & Choo, W.S. (2023). Thermal and pH stability of natural anthocyanin colourant preparations from black goji berry. *Food Chemistry Advances*, 2, 100236. <https://doi.org/10.1016/j.focha.2023.100236>
13. Shih, C.H., Siu, S.O., Ng, R., Wong, E., Chiu, L.C.M., Chu, I.K., & Lo, C. (2007). Quantitative analysis of anticancer 3-deoxyanthocyanidins in infected sorghum seedlings. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*, 55(2), 254-259. <https://doi.org/10.1021/jf062516t>
14. Hossain, M.S., Islam, M.N., Rahman, M.M., Mostofa, M.G., & Khan, M.A.R. (2022). Sorghum: A prospective crop for climatic vulnerability, food and nutritional security. *Journal of Agriculture and Food Research*, 8, 100300. <https://doi.org/10.1016/j.jafr.2022.100300>
15. Kayodé, A.P.P., Bara, C.A., Dalodé-Vieira, G., Linnemann, A.R., & Nout, M.J.R. (2012). Extraction of antioxidant pigments from dye sorghum leaf sheaths. *LWT – Food Science and Technology*, 46(1), 49-55. <https://doi.org/10.1016/j.lwt.2011.11.003>
16. Antony, A., & Farid, M. (2022). Effect of temperatures on polyphenols during extraction. *Applied Sciences*, 12(4), 2107. <https://doi.org/10.3390/app12042107>
17. Barros, F., Dykes, L., Awika, J.M., & Rooney, L.W. (2013). Accelerated solvent extraction of phenolic compounds from sorghum brans. *Journal of Cereal Science*, 58(2), 305-312. <https://doi.org/10.1016/j.jcs.2013.05.01>
18. Kumari, B., Randi, K., & Sharma, R. (2013). Classification of 3-red sorghum bran and deoxyanthocyanins and its biological properties. *Frontiers of Agriculture and Food Technology*, 1(7), 63-74.
19. Tyagi, V., Saravanan, C., Wang, Y., & Bhattacharya, B. (2021). Solvent dependency of sorghum bran phytochemicals acting as potential antioxidants and antibacterial agents. *Food Technology and Biotechnology*, 59(1), 31-43. <https://doi.org/10.17113/ftb.59.01.21.6878>
20. Awika, J.M., Rooney, L.W., & Waniska, R.D. (2004). Properties of 3-deoxyanthocyanins from sorghum. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*, 52(14), 4388-4394. <https://doi.org/10.1021/jf049653f>
21. Fleischmann, K., Lienvenbrück, M., & Ritter, H. (2015). Polymers and dyes: Developments and applications. *Polymers*, 7, 717-746. <https://doi.org/10.3390/polym7040717>
22. Patel, M.J., Tandel, R.C., Sonera, S.A., & Bairwa, S.K. (2023). Trends in the synthesis and application of some reactive dyes: A review. *Brazilian Journal of Science*, 2(7), 14-29. <https://doi.org/10.14295/bjs.v2i7.350>
23. McCann, D., Barrett, A., Cooper, A., Crumpler, D., Dalen, L., Grimshaw, K., ... & Stevenson, J. (2007). Food additives and hyperactive behaviour in 3-year-old and 8/9-year-old children in the community: A randomised, double-blinded, placebo-controlled trial. *The Lancet*, 370, 1560-1567. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(07\)61306-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(07)61306-3)
24. Christison, G.B., & MacKenzie, H.A. (1993). Laser photoacoustic determination of physiological glucose concentrations in human whole blood. *Medical & Biological Engineering & Computing*, 31(3), 284-290. <https://doi.org/10.1007/BF02441938>

25. Elshahida, K., Fauzi, A., Sailah, I., & Siregar, I. (2020). Sustainable production of natural textile dyes industry. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 472(1), 012036. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/472/1/012036>
26. Lapidot, T., Harel, S., Granit, R., & Kanner, J. (1998). Bioavailability of red wine anthocyanins as detected in human urine. Journal of Agricultural and Food Chemistry, 46(10), 4297-4302. <https://doi.org/10.1021/jf980409t>
27. Matsumoto, H., Inaba, H., Kishi, M., Kato, M., Kondo, S., & Tsuda, T. (2001). Orally administered delphinidin 3-rutinoside and cyanidin 3-rutinoside are directly absorbed in rats and humans and appear in the blood as intact forms. Journal of Agricultural and Food Chemistry, 49(3), 1546-1551. <https://doi.org/10.1021/jf001246p>
28. Polak, N., Kalisz, S., & Kruszewski, B. (2024). High-temperature short-time and ultra-high-temperature processing of juices, nectars and beverages: Influences on enzyme, microbial inactivation and retention of bioactive compounds. Applied Sciences, 14, 8978. <https://doi.org/10.3390/app14198978>
29. Miyazawa, T., Nakagawa, K., Kudo, M., Muraishi, K., & Someya, K. (1999). Direct intestinal absorption of red fruit anthocyanins, cyanidin-3-glucoside and cyanidin-3,5-diglucoside, into rats and humans. Journal of Agricultural and Food Chemistry, 47(3), 1083-1091. <https://doi.org/10.1021/jf980748u>

Information about the authors

G.K. Ziyayeva – corresponding author, Associate Professor, NCJSC «M.Kh. Dulaty Taraz University», Taraz, Kazakhstan; gk.ziyaeva@dulaty.kz;

Zh. Tuleubayev – Professor, NCJSC «M.Kh. Dulaty Taraz University», Taraz, Kazakhstan; e-mail: tuleubayev51@mail.ru;

K.Zh. Seithbayev – Associate Professor, Sh. Murtaza International Taraz University, Taraz, Kazakhstan; e-mail: kuandik_1960@mail.ru;

G. Kadyr – 4th-year student of the educational program 6B01505-«Biology Teacher Training», NCJSC «M.Kh. Dulaty Taraz University», Taraz, Kazakhstan; e-mail: gauhar_04_04@mail.ru;

Zh. Abdikayimova – 4th-year student of the educational program 6B01505-«Biology Teacher Training», NCJSC «M.Kh. Dulaty Taraz University», Taraz, Kazakhstan; e-mail: justonefuttik@gmail.com;

G.E. Zhorabek – Master of Natural Sciences, NCJSC «M.Kh. Dulaty Taraz University», Taraz, Kazakhstan; e-mail: g.zhorabek@dulaty.kz.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-97-108

УДК 615.322

МРНТИ 34.29.35

БИОРАЗНООБРАЗИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ В ПРЕДГОРЬЯХ АЛМАТЫ

Карипбаева Н.Ш.¹, Сыбанбаева М.А.^{1*}, Майшинова Г.Т.¹, Нурмаханбетова М.Г.¹,
Алшынбеков С.К.¹

^{1*} *Алматинский гуманитарно-экономический университет, Алматы, Казахстан*

Автор для корреспонденции: sybanbaeva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию биоразнообразия лекарственных растений горного массива окрестности Алматы. Проведены исследования видового состава флоры с использованием стандартных методов флористического анализа. Составлен кадастр лекарственных растений, включающий 53 вида из 40 родов и 18 семейств.

Наибольшее видовое разнообразие обнаружено у семейств *Rosaceae*, *Asteraceae*, *Lamiaceae* и *Fabaceae*. Особое внимание уделено изучению лекарственных растений с противовирусными, антибактериальными и противовоспалительными свойствами. Выявлены растения, применяемые как в научной, так и в народной медицине при лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта, дыхательных путей, кожных, сердечно-сосудистых болезней и других патологий.

Результаты работы могут быть использованы для разработки природоохранных программ, рационального использования растительных ресурсов и обеспечения населения лекарственным сырьем.

Ключевые слова: лекарственные растения, биоразнообразие, горный массив, кадастр флоры, фитотерапия, противовоспалительные свойства, эколого-фитоценотическая характеристика.

АЛМАТЫ МАҢЫНДАҒЫ ТАУЛЫ АЙМАҚТАРДАҒЫ ДӘРІЛІК ӨСІМДІКТЕРДІҢ БИОӘРТҮРЛІЛІГІ

Карипбаева Н.Ш.¹, Сыбанбаева М.А.^{1*}, Майшинова Г.Т.¹, Нурмаханбетова М.Г.¹,
Алшынбеков С.К.¹

^{1*} *Алматы гуманитарлы-экономикалық университеті, Алматы, Қазақстан*

Хат-хабар үшін автор: sybanbaeva@mail.ru

Аңдатпа

Бұл мақала Алматы қаласы маңындағы таулы аймақтардың дәрілік өсімдіктерінің биоәртүрлілігін зерттеуге арналған. Флористикалық талдау әдістерін пайдалана отырып, флораның түрлік құрамы зерттелді. 18 тұқымдасқа, 40 туысқа жататын 53 түрден тұратын дәрілік өсімдіктердің кадастры жасалды. Ең көп әртүрлілік *Rosaceae* (Раушангүлділер), *Asteraceae* (Күрделігүлділер), *Lamiaceae* (Ерінгүлділер) және *Fabaceae* (Бұшақтұқымдастар) тұқымдастарынан анықталды. Противовирустық, антибактериялық және қабынуға қарсы қасиеттері бар дәрілік өсімдіктерді зерттеуге ерекше назар аударылды. Аскорыту жүйесі, тыныс алу жолдары, тері, жүрек-қан тамырлары жүйесі және басқа да ауруларды емдеуде ғылыми және халық медицинасында қолданылатын өсімдіктер анықталды.

Зерттеу нәтижелері табиғатты қорғау бағдарламаларын әзірлеуде, өсімдік ресурстарын ұтымды пайдалануда және халықты дәрілік өсімдік шикізатымен қамтамасыз етуде қолданылуы мүмкін.

Кілт сөздер: дәрілік өсімдіктер, биоәртүрлілік, таулы аймақ, флора кадастры, фитотерапия, қабынуға қарсы қасиеттер, экологиялық-фитоценоздық сипаттамасы.

BIODIVERSITY OF MEDICINAL PLANTS IN THE FOOTHILLS OF ALMATY
**N.Sh. Karipbayeva¹, M.A. Sybanbayeva^{1*}, G.T. Maishinova¹, M.G. Nurmakhanbetova¹,
S.K. Alshynbekov¹**

^{1*}*Almaty University of Humanities and Economics, Almaty, Kazakhstan*

**Corresponding author: sybanbaeva@mail.ru*

Abstract

This article is devoted to the study of the biodiversity of medicinal plants in the mountainous area surrounding Almaty. The species composition of the flora was investigated using standard floristic analysis methods. A register (cadastre) of medicinal plants was compiled, including 53 species from 40 genera and 18 families.

The greatest species diversity was found among the families *Rosaceae*, *Asteraceae*, *Lamiaceae*, and *Fabaceae*. Particular attention was paid to studying medicinal plants with antiviral, antibacterial, and anti-inflammatory properties. Plants used in both scientific and traditional medicine for the treatment of gastrointestinal diseases, respiratory conditions, skin disorders, cardiovascular diseases, and other pathologies were identified.

The results of the study can be used for the development of environmental protection programs, rational use of plant resources, and the provision of medicinal raw materials for the population.

Keywords: medicinal plants, biodiversity, mountainous area, flora cadastre, phytotherapy, anti-inflammatory properties, ecological-phytocenotic classification.

Введение

Предгорья Алматы, расположенные на стыке горных и равнинных экосистем Заилийского Алатау, представляют собой уникальную природную зону с высоким уровнем биоразнообразия. Одной из наиболее ценных составляющих этой флоры являются лекарственные растения, которые издавна использовались местным населением в народной медицине, а сегодня представляют интерес как для фармацевтики, так и для научных исследований. По мнению Л.М. Грудзинской и Н.Г. Гемеджиевой, флора Казахстана характеризуется высоким разнообразием лекарственных растений, многие из которых имеют важное фармакологическое значение [1]. Как указывал Ю.А. Котухов, разнообразие лекарственных растений Казахстана обусловлено широким спектром природно-климатических условий, способствующих формированию богатой флоры [2].

Изменения климата, урбанизация, рекреационная нагрузка и хозяйственная деятельность приводят к сокращению популяций многих видов, в том числе лекарственных, что делает актуальным изучение их биоразнообразия, распространения и охранного статуса.

Цель настоящего исследования - провести инвентаризацию лекарственных растений предгорий Алматы, оценить их видовой состав, выявить редкие и исчезающие виды, а также проанализировать экологические условия их произрастания. Н.Ш. Карипбаева и др. авторы отмечают, что полученные данные могут быть использованы для разработки мер по сохранению фитогеофонда региона и устойчивому использованию растительных ресурсов [3-5].

Лекарственные растения являются неотъемлемой частью в сохранении здоровья человечества. Использование человеком этой группы растений началось еще в далекой древности и продолжается по сей день. Рациональное природопользование с хозяйственным освоением природных ресурсов в настоящее время приобретает беспрецедентную актуальность. В этом плане разработка эффективных научных программ, важных природоохранных задач невозможно без комплексного изучения

региональной флоры. Исследования М.А. Жунусовой, Н.М. Мухитдинова и других авторов показывают, что флора Казахстана богата перспективными малоизученными растениями, но для их внедрения в медицинскую практику требуются дополнительные глубокие исследования, с помощью современных научных методик [6-8].

Флора Казахстана обладает большими потенциальными возможностями как источник перспективных лекарственных форм. В целом, она представляет собой наукоемкую и конкурентоспособную продукцию, пользующуюся возрастающим спросом на мировом рынке. Познание лекарственной флоры, выявление и применение местных источников сырья имеют важное значение в своевременном и более полном обеспечении населения лекарствами [9-11].

Исследования Н.Ш. Карипбаевой показывают, что предгорья Алматы отличаются высоким уровнем биоразнообразия лекарственных растений и наличием видов с выраженной биологической активностью [14-15].

По данным А. Seilkhan и соавт., в Алматинской области наблюдается восстановление популяций ряда лекарственных растений, что свидетельствует о потенциале их устойчивого использования [16].

В свою очередь, Zh.B. Ashirova и соавт. выявили высокое содержание биологически активных веществ у представителей семейства *Asteraceae*, произрастающих в регионе [17]. Как показано в исследованиях О.А. Sapko и соавт., многие лекарственные растения юго-восточного Казахстана обладают выраженной антиоксидантной активностью [18].

Аналогичные результаты приведены в работе А. Nurlybekova и соавт., где подчеркивается фармакологический потенциал рода *Artemisia* [19]. Кроме того, современные исследования подтверждают важность сохранения генофонда лекарственных растений в Казахстане [20].

Цель исследования: изучить видовой состав лекарственных растений горного массива окрестности Алматы, их экологические и фитоценотические особенности, а также создание кадастра флоры для оценки потенциального использования растений в научной и народной медицине и разработки природоохранных мер.

Методы и материалы

Исследования лекарственных растений проведены в следующих природных экотопах окрестности Алматы: Тургенское ущелье, Большое Алматинское ущелье, Малое Алматинское ущелье и Аксайское ущелье. Основными методами исследования флоры лекарственных видов растений являлись общепринятые классические методики ботанических и флористических исследований: в полевых условиях использовался традиционный метод маршрутно-рекогносцировочный.

Для более тщательного изучения видового состава лекарственных растений окрестности Алматы, использовались методы флористических растительных комплексов. Пробные площадки описывались по стандартной методике на однородных по эдафическим и фитоценотическим параметрам на участках площадью 100 м². Сбор и обработка гербарного материала проводились по общепринятой методике [12].

На каждом участке фиксировались такие параметры как видовой состав лекарственных растений, встречаемость видов, экологические условия произрастания.

Сбор растений проводился в фазе активного вегетационного роста (май–август). Для определения видового состава лекарственных растений использовались источники: Флора Казахстана, Атласы лекарственных растений Средней Азии; Определители,

разработанные Институтом ботаники и фитоинтродукции РК, кадастр лекарственных растений составлен по общепринятой системе А. Энглера [13].

При составлении кадастра видов лекарственных растений использовался материал, собранный нами весной и летом 2023-24 г. в горных хребтах окрестности Алматы.

Результаты и обсуждения

В данной научной работе приводятся результаты исследования биоразнообразия лекарственных растений горного массива окрестности Алматы: Тургенское ущелье, Большое Алматинское ущелье, Малое Алматинское ущелье и Аксайское ущелье. В горных хребтах окрестности Алматы произрастает множество лекарственных растений, полезных для здоровья человека. Среди них можно выделить тысячелистник, подорожник, ромашку, шалфей, мяту. Эти растения обладают противовоспалительными, спазмолитическими и антисептическими свойствами. Например, тысячелистник (*Achillea millefolium* L.) известен своими противовоспалительными и кровоостанавливающими свойствами, а также способностью улучшать пищеварение и снимать спазмы, шалфей (*Salvia officinalis* L.) обладает антимикробным, противовоспалительным и вяжущим действием, что полезно при диарее и воспалениях.

Список изученных нами лекарственных растений объединяет 53 вида из 40 родов и 18 семейств. Среди них встречается большое количество растений, обладающие противовоспалительными, спазмолитическими и антисептическими свойствами, что помогает при лечении различных заболеваний. Полученные результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1. Кадастр лекарственных растений окрестности Алматы

Семейство	Род	Вид	Эколого-фитоценоотические данные	Применение в медицине
1. Кипарисовые <i>Cupressaceae</i>	1. Можжевельник <i>Juniperus</i>	1. Можжевельник казахский <i>Можжевельник казахский</i> -J. <i>sabina</i> L. 2. Можжевельник ложноказахский <i>J. pseudosabina</i> Fisch. & C.A.Mey.	Мн., ксерофит. Склоны гор. Сор.	Отхаркивающее и смягчительное, желчегонное, при кожных болезнях
2. Эфедровые <i>Ephedraceae</i>	2. Хвойник <i>Ephedra</i>	3. Хвойник двухколосковый, Кузьмичева трава <i>E. distachya</i> L.	Мн., ксерофит. Склоны гор. Sp.	Отхаркивающее и смягчительное, гипотензивное
3. Злаки <i>Gramineae</i>	3. Пырей <i>Agropyron</i>	4. Пырей ползучий <i>A. repens</i> L.	Мн., мезофит. Дно ущелья. Sp.	Отхаркивающее, кровоостанавливающее
4. Лилейные <i>Liliaceae</i>	4. Эремурус <i>Eremurus</i>	5. Эремурус тьян-шанский <i>E. tianschanicus</i> Pazij & Vved. ex Pavlov.	Мн., ксерофит. Склоны гор. Sp.	Противоспалительное, мочегонное
	5. Гусиный лук <i>Gagea</i>	6. Гусиный лук низкий <i>G. pusilla</i> (F.W.Schmidt) Sweet.	Мн., ксерофит. Склоны гор. Sp.	При бронхиальной астме, гепатите и эпилепсии
	6. Лук <i>Allium</i>	7. Лук сине-голубой <i>A. caeruleum</i> Stschegl.	Мн., ксерофит. Склоны гор. Sp.	Отхаркивающее, желудочно-

		8. Лук тончайший <i>A. subtilissimum</i> Ledeb.		кишечное, антигельминтное, антисептическое, противоцинготное
	7. Спаржа <i>Asparagus</i>	9. Спаржа обыкновенная <i>A. officinalis</i> L.	Мн., ксерофит. Долина. Sol.	Противоцинготное и витаминное
5. Ивовые <i>Salicaceae</i>	8. Ива <i>Salix</i>	10. Ива трехтычинковая <i>S. triandra</i> L.	Дерево, мезофит. Около ручья. Sor.	Сердечно- сосудистые заболевания, противовоспалительное
6. Березовые <i>Betulaceae</i>	8. Береза <i>Betula</i>	11. Береза мелколистная <i>B. microphylla</i> Bunge 12. Береза повислая <i>B. pendula</i> Roth.	Дерево, мезофит. Около ручья. Sor.	Желудочно- кишечное, противодиабетическое, ранозаживляющее, антисептическое
7. Туювые <i>Moraceae</i>	9. Хмель <i>Humulus</i>	13. Хмель обыкновенный <i>H. lupulus</i> L.	Мн., мезофит. Долина. Sp.	Сердечно- сосудистые заболевания, успокаивающее
8. Крапивные <i>Urticaceae</i>	10. Крапива <i>Urtica</i>	14. Крапива жгучая <i>U. urens</i> L. 15. Крапива двудомная <i>U. dioica</i> L.	Одн., ксерофит. Долина. Sp.	Слабительное, противодиабетическое, желчегонное, противовоспалительное
9. Барбарисовые <i>Berberidaceae</i>	11. Барбарис <i>Berberis</i>	16. Барбарис илийский <i>B. iliensis</i> Popov.	Кустарник, ксерофит. Долина Sp.	Сердечно- сосудистое заболевание, желчегонное, кровоостанавливающее
10. Розоцветные <i>Rosaceae</i>	12. Смородина <i>Ribes</i>	17. Смородина обыкновенная <i>R. vulgare</i> L.	Кустарник, мезофит. Около ручья. Sp.	Вязущее, противоязвенное, потогонное, противовоспалительное
	13. Боярышник <i>Crataegus</i>	18. Боярышник алматинский <i>C. almaatensis</i> Pojark.	Дерево, мезофит. Около ручья. Sp.	Сердечно- сосудистое заболевание, гипотензивное
	14. Ежевика <i>Rubus</i>	19. Костяника каменистая <i>R. saxatilis</i> L.	Мн., мезофит. Около ручья. Sol.	Потогонное, жаропонижающее и противовоспалительное
	15. Лапчатка <i>Potentilla</i>	20. Лапчатка вильчатая <i>P. bifurca</i> L. 21. Лапчатка прямостоячая <i>P. erecta</i> (L.) Raeusch	Мн., ксерофит. Склоны гор. Sp.	Желудочно- кишечное, вяжущее, ранозаживляющее и антисептическое
	16. Лабазник <i>Filipendula</i>	22. Лабазник вязолистный <i>F. ulmaria</i> L.	Мн., мезофит. Около ручья. Sp.	Сердечно- сосудистое заболевание, желчегонное

	17. Земляника <i>Fragaria</i>	23. Земляника лесная <i>F. vesca</i> L.	Мн., мезофит. Около ручья. Sp.	Желудочно-кишечное, жаропонижающее
	18. Черемуха <i>Padus</i>	24. Черемуха обыкновенная <i>P. racemosa</i> (Lam.) Gilib.	Дерево., мезофит. В пойме реки. Sol.	Желудочно-кишечное, противовоспалительное
	19. Кровохлебка <i>Sanguisorba</i>	25. Кровохлебка аптечная <i>S. officinalis</i> L.	Мн., мезофит. Около ручья. Sp.	Кровоостанавливающее и маточное
	20. Шиповник, роза <i>Rosa</i>	26. Шиповник иглистый <i>R. acicularis</i> Lindl. 27. Шиповник рыхлый <i>R. laxa</i> Retz.	Кустарник, мезофит. Склоны гор. Sor.	Вяжущее, желчегонное, противогинготное и витаминное
11. Бобовые <i>Leguminosae</i>	21. Клевер <i>Trifolium</i>	28. Клевер красный <i>T. pratense</i> L. 29. Клевер земляничный <i>T. fragiferum</i> L.	Мн., мезофит. Около ручья. Sp.	Отхаркивающее, смягчительное, мочегонное, потогонные, жаропонижающее
	22. Солодка <i>Glycyrrhiza</i>	30. Солодка голая <i>G. glabra</i> L.	Мн., ксерофит. Долина. Sp.	Отхаркивающее, смягчительное, желудочно-кишечное.
	23. Горошек, вика <i>Vicia</i>	31. Горошек призаборный <i>V. sepium</i> L. 32. Горошек посевной <i>V. sativa</i> L.	Мн., мезофит. Долина. Sol.	Противогинготное и витаминное
12. Зверобойные <i>Guttiferae</i>	24. Зверобой <i>Hypericum</i>	33. Зверобой продырявленный <i>H. perforatum</i> L.	Мн., ксерофит. Склоны гор. Sol.	Сердечно-сосудистые заболевания, желудочное, противоязвенное
13. Губоцветные <i>Lamiaceae</i>	25. Шалфей <i>Salvia</i>	34. Шалфей мутовчатый <i>S. verticillata</i> L.	Мн., Склоны гор. ксерофит	Желудочно-кишечное, вяжущее, отхаркивающее
	26. Зопник <i>Phlomis</i>	35. Зопник клубненосный <i>Ph. tuberosa</i> L.	Мн., ксерофит. Склоны гор. Sp.	Желудочно-кишечное, болезни щитовидной железы
	26. Пустырник <i>Leonurus</i>	36. Пустырник сизый <i>L. glaucescens</i> L.	Мн., ксерофит. Склоны гор. Sp.	Сердечно-сосудистые заболевания
	27. Тимьян <i>Thymus</i>	37. Тимьян ползучий <i>Th. serpyllum</i> L.	Мн., ксерофит. Долина. Sp.	Отхаркивающее, болеутоляющее
	28. Душица <i>Origanum</i>	38. Душица обыкновенная <i>O. vulgare</i> L.	Мн., ксерофит. Долина. Sp.	Сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные заболевания
	29. Мята <i>Mentha</i>	39. Мята полевая <i>M. arvensis</i> L.	Мн., мезофит. Около ручья	Сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные

14. Пасленовые <i>Solanaceae</i>	30. Паслен <i>Solanum</i>	40. Паслен сладко-горький <i>S. dulcamara</i> L.	Полукустарник мезофит. Около ручья. Sol.	Потогонное, жаропонижающее и противовоспалительное
15. Подорожниковые <i>Plantaginaceae</i>	31. Подорожник <i>Plantago</i>	41. Подорожник ланцетовидный <i>P. lanceolata</i> L. 42. Подорожник большой <i>P. major</i> L.	Мн., мезофит. Около ручья. Sp.	Отхаркивающее и смягчительное, желудочно-кишечное заболевание
16. Мареновые <i>Rubiaceae</i>	32. Подмаренник <i>Galium</i>	43. Подмаренник настоящий <i>G. verum</i> L.	Мн., ксерофит. Склоны гор и долина. Sp.	Болезни желудочно-кишечного тракта
17. Валериановые <i>Valerianaceae</i>	33. Валериана <i>Valeriana</i>	44. Валериана клубненосная <i>V. tuberosa</i> L.	Мн., ксерофит. По горным склонам. Sol.	Сердечно-сосудистые заболевания, успокаивающее
18. Сложноцветные <i>Asteraceae</i>	34. Девясил <i>Inula</i>	45. Девясил высокий <i>I. helenum</i> L.	Мн., ксерофит. Долина. Sp.	Отхаркивающие, болезни желудочно-кишечного тракта
	35. Тысячелистник <i>Achillea</i>	46. Тысячелистник обыкновенный <i>A. millefolium</i> L.	Мн., ксерофит. Долина. Sp.	Желудочно-кишечные заболевания, кровоостанавливающее
	36. Пижма <i>Tanacetum</i>	47. Пижма обыкновенная <i>T. vulgare</i> L.	Мн., ксеромезофит. Долина. Sp.	Кожные, желудочно-кишечные заболевания, успокаивающее
	37. Полынь <i>Artemisia</i>	48. Полынь обыкновенная, чернобыльник <i>A. vulgaris</i> L. 49. Полынь однолетняя <i>A. annua</i> L.	Мн., мезофит. Долина. Sp.	Болезни ЖКТ, при ревматизме
	38. Мордовник <i>Echinops</i>	50. Мордовник шароголовый <i>E. sphaerocephalus</i> L.	Мн., ксерофит. Долина. Sp.	Успокаивающее, гипотензивное
		51. Мордовник волосочешуйный <i>E. tricholepis</i> Schrenk.	Мн., ксерофит. Долина. Sp.	Кровоостанавливающее средство, лечение кожных болезней
	39. Лопух <i>Arctium</i>	52. Лопух войлочный <i>A. tomentosum</i> Mill.	Мн., мезофит. Около ручья. Sp.	Болезни ЖКТ, мочегонное
	40. Одуванчик <i>Taraxacum</i>	53. Одуванчик обыкновенный <i>T. officinale</i> F.H.Wigg.	Мн., ксеромезофит. Долина. Sp.	Болезни органов дыхания, ЖКТ, кровоостанавливающее
Итого: 18	40	53		

Результаты, представленные в таблице, содержат подробный кадастр лекарственных растений горного массива окрестности Алматы. Всего выявлено 53 вида

растений, относящихся к 40 родам и 18 семействам. Среди них преобладают представители следующих семейств:

- *Rosaceae* (Розоцветные) - 11 видов;
- *Asteraceae* (Сложноцветные) - 9 видов;
- *Lamiaceae* (Губоцветные) - 6 видов;
- *Fabaceae* (Бобовые) - 5 видов.

Каждое растение классифицировано по семейству, роду, виду, эколого-фитоценоотическим характеристикам и применению в медицине. Например: можжевельник казакий - *Juniperus sabina* L. встречается на сухих горных склонах, обладает отхаркивающим и смягчающим действием, хвойник двухколосковый - *Ephedra distachya* L. характерен для ксерофитных склонов и используется при бронхите, для снижения давления или лук синеголубой - *Allium caeruleum* Stschegl. применяется как антисептик, противогрибковое и мочегонное средство.

Большинство растений адаптированы к условиям засушливого климата и встречаются на горных склонах или в долинах, характеризуясь высокой устойчивостью к внешним факторам.

Полученные данные подчеркивают важность дальнейшего изучения и рационального использования лекарственных растений, чтобы сохранить биоразнообразие региона и обеспечить лекарственным сырьем.

Исследование выявило, что лекарственные растения региона обладают разнообразными лечебными свойствами. Среди них особое значение имеют растения с противовирусной и антибактериальной активностью, а также те, которые используются в качестве отхаркивающих, антисептических и противовоспалительных средств.

Эти растения находят широкое применение при заболеваниях органов дыхания, включая острые и хронические бронхиты, трахеит, ларингит и особенно бронхиальную астму. Некоторые из них проявляют выраженные противотуберкулезные свойства, способствуя угнетению роста микобактерий туберкулеза. Кроме того, фитосредства на основе этих растений помогают облегчить дыхание, снижают спазмы бронхов, уменьшают кашель и улучшают общее состояние больных. Таким образом, биологически активные вещества, содержащиеся в лекарственных растениях, могут рассматриваться как эффективное дополнение к традиционной терапии заболеваний дыхательной системы (таблица 2).

Таблица 2. Указатель противовирусных и антибактериальных видов лекарственных растений, применяемые в научной и народной медицине

Применение в научной и народной медицине	Противовирусные и антибактериальные виды растений
1. Отхаркивающие и смягчающие (хроническая пневмония)	Можжевельник казакий - <i>Juniperus sabina</i> L., Душица обыкновенная - <i>Origanum vulgare</i> L., Лук тончайший-Солодка голая - <i>Glycyrrhiza glabra</i> L., Шалфей мутноватый - <i>Salvia verticillata</i> L., Тимьян ползучий - Мята полевая - <i>Mentha arvensis</i> L., Подорожник ланцетовидный - <i>Plantago lanceolata</i> L., Деясил высокий Одуванчик обыкновенный - <i>Taraxacum officinale</i> F.H.Wigg.
2. Антисептические	Душица обыкновенная - <i>Origanum vulgare</i> L., Подорожник большой - <i>Plantago maxima</i> L., Тимьян ползучий - <i>Thymus serpyllum</i> L., Мята полевая - <i>Mentha</i> Можжевельник казакий - <i>Juniperus sabina</i> L.

3. Противовоспалительные	Душица обыкновенная – <i>Origanum vulgare</i> L., Береза повислая - <i>Betula pendula</i> Roth., Крапива двудомная - Одуванчик обыкновенный - <i>Taraxacum officinale</i> Мята полевая - <i>Mentha arvensis</i> L., Подорожник ланцетовидный - <i>Plantago lanceolata</i> L., Девясил высокий - <i>Inula helenium</i> L.
4. Противотуберкулезные	Береза повислая - <i>Betula pendula</i> Roth., Подорожник ланцетовидный - <i>Plantago lanceolata</i> L., Девясил высокий - <i>Inula helenium</i> L., Солодка голая - <i>Glycyrrhiza</i> Полынь обыкновенная, чернобыльник - <i>Artemisia</i> Лапчатка прямостоячая - <i>Potentilla erecta</i> (L.) Raesch, Крапива двудомная - <i>Urtica dioica</i> L.
5. Бронхиальная астма	Полынь обыкновенная, чернобыльник <i>A. vulgaris</i> L., Солодка голая - <i>Glycyrrhiza elabra</i> L., Мята полевая - М

Результаты, представленные в таблице 2, обобщают применение лекарственных растений, обладающих противовирусными и антибактериальными свойствами, в научной и народной медицине. В таблице выделены основные направления использования этих растений, а также приведены примеры видов, обладающих конкретными терапевтическими эффектами. Растения также представляют высокий интерес для дальнейших исследований их лекарственного потенциала.

Лекарственные растения окрестности Алматы объединены в семь групп по жизненным формам: однолетние, двулетние, многолетние травы, кустарнички, полукустарники, кустарники и деревья. Все растения по отношению к водному режиму можно разделить на три группы: гигрофиты, мезофиты, ксерофиты. Для исследуемого региона зафиксированы 3 вида голосеменных растений.

Средняя видовая насыщенность одного семейства разная, среди них богатые видами розоцветные – 11, сложноцветные – 9, губоцветные – 6 видов, бобовые – 5, остальные состоят из 1 или 2 видов.

На растительный покров горного массива окрестности Алматы огромное влияние оказывает деятельность людей. Территории вокруг населенных пунктов заняты сорной и рудеральной растительностью (марь, лебеда, солянки, кермеки, полыни). Доминируют здесь растения засушливых местообитаний с различными приспособлениями для снижения транспирации и уменьшения перегрева (типчак, ковыль, лапчатка, полынь, софлора, очиток, горноколосник и др).

Кустарниковая растительность приурочена к нижним частям склонов и ровным участкам долин (таволга вязолистная, кизильник черноплодный, шиповник рыхлый, жимолость татарская, можжевельник казахий, барбарис илийский).

Древесная растительность произрастает на низинных участках и приурочена к влажным местностям – это ивы, береза повислая, береза мелколистная, боярышник алматинский, черемуха обыкновенная, тополь, шиповник иглистый и др. В нижнем ярусе произрастают мезофитные виды растений: герань, бузульник, паслен, валериана, тимьян, душица, горошек и др. Сообщества можжевельника по склонам гор - это своеобразная визитная карточка горного массива окрестности Алматы.

Таким образом, горный массив окрестности Алматы насыщен лекарственными растениями: тимьян ползучий, боярышник алматинский, шиповник, валериана клубненосная, тысячелистник обыкновенный, девясил высокий, пижма обыкновенная, земляника лесная, пустырник сизый, мята полевая и др. На исследуемых территориях

имеются также ядовитые растения, среди них выделяется декоративными свойствами ясенец узколистный.

Выводы

Кадастр лекарственных растений включает 53 вида из 40 родов и 18 семейств. Во флоре преобладают следующие семейства: *Rosaceae* – 11 видов, *Asteraceae* – 9 видов; *Labiatae* – 6 видов, *Fabaceae* – 5. Особое внимание уделено изучению лекарственных растений с противовирусными, антибактериальными и противовоспалительными свойствами. Выявлены растения, применяемые как в научной, так и в народной медицине при лечении заболеваний дыхательных путей, кожных, сердечно-сосудистых болезней и других патологий.

Анализ жизненных форм растений показал наличие деревьев, кустарников и трав (однолетних и многолетних). По отношению к водному режиму выделены три группы: ксерофиты, мезофиты и гидрофиты. Также в работе отмечено влияние антропогенных факторов на растительный покров исследуемой территории, где доминируют засухоустойчивые виды.

Литература:

1. Грудзинская Л.М., Гемеджиева Н.Г., Нелина Н.В., Каржаубекова Ж.Ж. Аннотированный список лекарственных растений Казахстана. – Алматы, 2014. – 200 с.
2. Котухов Ю.А., Данилова А.Н., Кубентаев С.А. Перечень лекарственных растений Казахского Алтая. – Риддер: Меда-Альянс, 2015. – 155 с.
3. Карипбаева Н.Ш., Қуанышбаева М.Г., Полевик В.В., Хромов В.А. Шыңғыстау (өсімдіктері мен жануарлары): монография. – Алматы: Эверо, 2021. – 229 б.
4. Karipbayeva N.Sh., Velktnova B.Z., Beisenova R.R., Polevik B.B. Taxonomic and ecological analysis of vascular plants of the forest of the Irtysh region // Вестник Карагандинского университета. – 2022. – № 3 (107). – С. 151-157.
5. Yelkenova B.Z., Beisenova R.R., Tazitdinova R., Rakhymzhan Zh., Karipbayeva N.Sh. Accumulation of heavy metals in the needles of Scots pine in the Semipalatinsk pre-Irtysh region and Burabay National Park // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2023. – Vol. 14, No. 5 (69). – P. 2242-2252. – DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v14.5\(69\).06](https://doi.org/10.14505/jemt.v14.5(69).06)
6. Жунусова М.А. Фармацевтическая разработка лекарственных средств из растительного сырья *Scabiosa ochroleuca* L. и *Scabiosa isetensis* L.: дис. ... PhD. – Караганда, 2019. – 173 с.
7. Мухитдинов Н.М., Мамурова А.Т. Дәрілік өсімдіктер. – Алматы, 2013. – 313 б.
8. Ибраева М.А., Маханова У.М. Влияние солодки голой (*Glycyrrhiza glabra* L.) на питательный режим засоленных почв Южного Казахстана // Исследования. Результаты. – 2024. – № 4 (104). – С. 114-129 - DOI: <https://doi.org/10.37884/4-2024/12>
9. Меньшикова И.Б., Меньшикова З.А. Энциклопедия лекарственных растений. – М., 2010. – 216 с.
10. Карипбаева Н.Ш., Нурмахамбетова М., Туркменбаева Қ. Қалпақты саңырауқұлақтар. – Алматы, 2023. – 73 б.
11. Kuanyshbayeva M., Karipbayeva N.Sh., Khromov V., Polevik V., Zhumaniyazova A. Flora and fauna of Chingiztau // BIO Web of Conferences. – 2024. – Vol. 100. – 04024. – DOI: <https://doi.org/10.1051/bioconf/202410004024>
12. Мельников, А.И. Методы полевых исследований растений. – М.: Агропромиздат, 1990. – 463 с.
13. Флора Казахстана: в 9-ти т. – Т. 3-4 / гл. ред. Н.В. Павлов. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956-1966.
14. Карипбаева Н.Ш., Алшынбеков С.К., Туркменбаева Қ. Алматы аймағының дәрілік өсімдіктері. – Алматы: Нурай принт, 2025. – 62 б.
15. Карипбаева Н.Ш., Майшинова Г.Т., Сыбанбаева М.А. Противовирусные и антибактериальные дикорастущие лекарственные растения окрестности Алматы. – Алматы: Нурай принт, 2025.
16. Seilkhan A., Mirzadinov R., Aksoy A. et al. Assessment of recovery of medicinal plants of the Almaty region, Kazakhstan // Ecology, Environment and Conservation. – 2018. – Vol. 24, No. 4. – P. 1653-1658.

17. Ashirova Zh.B., Kuzhantaeva Zh.Z., Abdrassulova Zh.T. et al. Studying phytochemical features of Asteraceae herbs growing in Kazakhstan // *Floresta e Ambiente*. – 2021. – Vol. 28, No. 4. – Article e20210060. – DOI: <https://doi.org/10.1590/2179-8087-FLORAM-2021-0060>
18. Sapko O.A., Chebonenko O.V., Utarbaeva A.S. et al. Antioxidant activity of medicinal plants from Southeastern Kazakhstan // *Pharmaceutical Chemistry Journal*. – 2016. – Vol. 50, No. 9. – P. 603-607.
19. Nurlybekova A., Kudaibergen A., Kazymbetova A. et al. Pharmacological properties of Artemisia species from Central Asia // *Molecules*. – 2022. – Vol. 27, No. 16. – Article 5128. – DOI: <https://doi.org/10.3390/molecules27165128>
20. Arysbaeva R., Karzhaubekova Zh., Ramazanova M. et. al. Preservation of medicinal plant gene pool in Kazakhstan // *BIO Web of Conferences*. – 2024. – Vol. 100. – Article 04020. – DOI: <https://doi.org/10.1051/bioconf/202410004020>

References:

1. Grudzinskaia L.M., Gemedzhieva N.G., Nelina N.V., Karzhaubekova Zh.Zh. Annotirovannyi spisok lekarstvennykh rastenii Kazakhstana. – Almaty, 2014. – 200 s.
2. Kotukhov Yu.A., Danilova A.N., Kubentaev S.A. Perechen' lekarstvennykh rastenii Kazakhstanskogo Altaia. – Ridder: Meda-Alians, 2015. – 155 s.
3. Karipbaeva N.Sh., Kuanyshbaeva M.G., Polevik V.V., Khromov V.A. Shyngystau (osimdikteri men zhanuarlary): monografiya. – Almaty: Evero, 2021. – 229 b.
4. Karipbayeva N.Sh., Velktnova B.Z., Beisenova R.R., Polevik B.B. Taxonomic and ecological analysis of vascular plants of the forest of the Irtysh region // *Vestnik Karagandinskogo universiteta*. – 2022. – No. 3 (107). – P. 151-157.
5. Yelkenova B.Z., Beisenova R.R., Tazitdinova R., Rakhymzhan Zh., Karipbayeva N.Sh. Accumulation of heavy metals in the needles of Scots pine in the Semipalatinsk pre-Irtysh region and Burabay National Park // *Journal of Environmental Management and Tourism*. – 2023. – Vol. 14, No. 5 (69). – P. 2242-2252. – DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v14.5\(69\).06](https://doi.org/10.14505/jemt.v14.5(69).06)
6. Zhunusova M.A. Farmatsevticheskaya razrabotka lekarstvennykh sredstv iz rastitel'nogo syr'ya Scabiosa ochroleuca L. i Scabiosa isetensis L.: dis. ... d-ra filos. (PhD) / M.A. Zhunusova. – Karaganda, 2019. – 173 s.
7. Mukhitdinov N.M., Mamurova A.T. Darilik osimdikter. – Almaty, 2013. – 313 s.
8. Ibraeva M.A., Makhanova U.M. Vlianie solodki goloi (*Glycyrrhiza glabra* L.) na pitatel'nyi rezhim zasolennykh pochv Iuzhnogo Kazakhstana. Issledovaniia. Rezul'taty, 2024, №4 (104). ISSN 2304-3334. <https://doi.org/10.37884/4-2024/12>
9. Menshikova I.B., Menshikova Z.A. Entsiklopediia lekarstvennykh rastenii. – Moscow, 2010. – 216 s.
10. Karipbaeva N.Sh., Nurmakhambetova M., Turkmenbaeva Q. Qalpaqy sanuqyraqtar: oku-ədistemelik qural. – Almaty, 2023. – 73 b.
11. Kuanyshbayeva M., Karipbayeva N.Sh., Khromov V., Polevik V., Zhumaniyazova A. Flora and fauna of Chingiztau // *BIO Web of Conferences*. – 2024. – Vol. 100. – 04024. – 6 p. – DOI: <https://doi.org/10.1051/bioconf/202410004024>
12. Melnikov A.I. Metody polevykh issledovaniy rastenii. – Moscow: Agropromizdat, 1990. – 463 s.
13. Flora Kazakhstana: v 9 t. – Vol. 3–4 / ed. N.V. Pavlov. – Alma-Ata: AN KazSSR, 1956-1966.
14. Karipbaeva N.Sh., Alshynbekov S.K., Turkmenbaeva Q. Almaty aimagynyn dərilik osimdikteri, olardy biologiya pənin oqytuda paidalanu: ədistemelik qural. – Almaty: Nurai print, 2025. – 62 b.
15. Karipbaeva N.Sh., Maishinova G.T., Sybanbaeva M.A. Protivovirusnye i antibakterial'nye dikorastushchie lekarstvennye rasteniya okrestnosti Almaty: spravochnik. – Almaty: Nurai print, 2025.
16. Seilkhan A., Mirzadinov R., Aksoy A. et al. Assessment of recovery of medicinal plants of the Almaty region, Kazakhstan // *Ecology, Environment and Conservation*. – 2018. – Vol. 24, No. 4. – P. 1653-1658.
17. Ashirova Zh.B., Kuzhantaeva Zh.Z., Abdrassulova Zh.T. et al. Studying phytochemical features of Asteraceae herbs growing in Kazakhstan // *Floresta e Ambiente*. – 2021. – Vol. 28, No. 4. – Article e20210060. – DOI: <https://doi.org/10.1590/2179-8087-FLORAM-2021-0060>
18. Sapko O.A., Chebonenko O.V., Utarbaeva A.S. et al. Antioxidant activity of medicinal plants from Southeastern Kazakhstan // *Pharmaceutical Chemistry Journal*. – 2016. – Vol. 50, No. 9. – P. 603-607.
19. Nurlybekova A., Kudaibergen A., Kazymbetova A. et al. Pharmacological properties of Artemisia species from Central Asia // *Molecules*. – 2022. – Vol. 27, No. 16. – Article 5128. – DOI: <https://doi.org/10.3390/molecules27165128>

20. Arysbaeva R., Karzhaubekova Zh., Ramazanova M. et. al. Preservation of medicinal plant gene pool in Kazakhstan // BIO Web of Conferences. – 2024. – Vol. 100. – Article 04020. – DOI: <https://doi.org/10.1051/bioconf/202410004020>

Information about the authors

N.Sh. Karipbayeva – candidate of Biological Sciences, assistant Professor of the Department of "Pedagogy, Natural Sciences and Physical Culture" at the Almaty University of Humanities and Economics, Almaty, Kazakhstan; e-mail: karip_n@mail.ru;

M.A. Sybanbayeva – corresponding author, candidate of Biological Sciences, assistant Professor of the Department of "Pedagogy, Natural Sciences and Physical Culture" at the Almaty University of Humanities and Economics, Almaty, Kazakhstan; e-mail: sybanbaeva@mail.ru;

G.T. Maishinova – candidate of Chemical Sciences, assistant Professor of the Department of "Pedagogy, Natural Sciences and Physical Culture" at the Almaty University of Humanities and Economics, Almaty, Kazakhstan; e-mail: gulnar64@inbox.ru;

M.G. Nurmakhanbetova — Master of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Natural Sciences and Physical Culture" at the Almaty University of Humanities and Economics, Almaty, Kazakhstan; e-mail: makenti_87@mail.ru;

S.K. Alshynbekov – Candidate of Geographical Sciences, assistant Professor of the Department of "Pedagogy, Natural Sciences and Physical Culture" at the Almaty University of Humanities and Economics, Almaty, Kazakhstan; e-mail: s.alshynbekov@gmail.com.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-109-124

УДК 577

МРНТИ 34.35.51

**ФИТОХИМИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ЭТАНОЛЬНЫХ ЭКСТРАКТОВ
ЛИСТЬЕВ ЭНДЕМИЧНЫХ ВИДОВ ЗАЙЛИЙСКОГО АЛАТАУ
(*CRATAEGUS DSUNGARICA*, *ROSA WEBBIANA*, *BERBERIS HETEROPODA*)
И ИХ ГЕРОПРОТЕКТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПО ДАННЫМ ГХ-МС АНАЛИЗА**

Кыдырбаева А.К.¹, Шалахметова Т.М.¹, Айкешев Б.М.^{2*}

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

^{2*}Международный университет Астана, Астана, Казахстан

*Автор для корреспонденции: Aikeshev@gmail.com

Аннотация

Лекарственные растения рассматриваются как перспективные источники природных геропротекторных агентов благодаря способности снижать окислительный стресс, подавлять хроническое воспаление и замедлять развитие возраст-ассоциированных патологий. В настоящем исследовании был проведен сравнительный анализ соединений, выделенных из этанольных экстрактов листьев трех эндемичных видов флоры Зайлийского Алатау – *Crataegus dsungarica* Zabel. ex Lange., *Rosa webbiana* Wall. ex Royle и *Berberis heteropoda* Schrenk. ex Fisch. & C.A.Mey. с использованием газовой хроматографии-масс-спектрометрии (ГХ-МС). Разделение компонентов осуществлялось на капиллярной колонке DB-WaxEtr с использованием гелия в качестве газа-носителя, идентификация соединений проводилась на основе спектральных библиотек Wiley 7-го издания и NIST'02. Среди идентифицированных соединений доминировали сесквитерпеноид азулен-4,7-диол (27,42 %) и фитол (5,77 %), известные своими антиоксидантными и противовоспалительными свойствами. В листьях *Crataegus dsungarica* обнаружены терпеновые спирты - неопитадиен и фитол, а также высшие алканы. В экстракте листьев *Berberis heteropoda* преобладает фитол (44,58%), дополненный неопитадиеном (7,47%) и 1,2,3,5-циклогексантиетролом (16,55%). Совокупность выявленных соединений - терпеноидов, фенольных соединений, ненасыщенных жирных кислот и их производных - свидетельствует о перспективности их геропротекторного действия; для его верификации необходимы дальнейшие экспериментальные исследования, направленные на изучение антиоксидантных эффектов, митохондриальной защиты и регуляции липидного метаболизма.

Ключевые слова: лекарственные растения, антиоксиданты, геропротекторный потенциал, барбарис, боярышник, шиповник.

**ІЛЕ АЛАТАУЫНЫҢ ЭНДЕМИКАЛЫҚ ТҮРЛЕРІ (*CRATAEGUS DSUNGARICA*,
ROSA WEBBIANA, *BERBERIS HETEROPODA*) ЖАПЫРАҚТАРЫНЫҢ
ЭТАНОЛДЫ ЭКСТРАКТЫЛАРЫНЫҢ ФИТОХИМИЯЛЫҚ ПРОФИЛІ ЖӘНЕ
ОЛАРДЫҢ ГЕРОПРОТЕКТОРЛЫҚ ӘЛЕУЕТІ GC-MS ТАЛДАУ ДЕРЕКТЕРІ
БОЙЫНША**

Кыдырбаева А.К.¹, Шалахметова Т.М.¹, Айкешев Б.М.^{2*}

¹ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

^{2*}Астана Халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

*Хат-хабарларға жауапты автор: Aikeshev@gmail.com

Аңдатпа

Дәрілік өсімдіктер тотығу стрессін төмендету, созылмалы қабынуды бәсеңдету және жасқа байланысты патологиялардың дамуын баяулату қабілетінің арқасында перспективалы геропротекторлардың табиғи көздер ретінде қарастырылады. Бұл зерттеуде Іле-Алатау флорасының үш эндемикалық түрі – *Crataegus dsungarica* Zabel. ex Lange., *Rosa webbiana* Wall. ex Royle және *Berberis heteropoda* Schrenk. ex Fisch. &

С.А. Мей зерттелді. Жапырақтарының этанол сығындыларындағы қосылыстардың салыстырмалы талдауы газ хроматографиясы-масс-спектрометриясын (GC-MS) қолдану арқылы DB-WaxEtr бағанының компоненттері капиллярлық бағанда тасымалдаушы газ ретінде гелийді қолдану арқылы бөлінді; қосылыстар Wiley (7-ші басылым) және NIST'02 кітапханалары негізінде анықталды. Зерттеу барысында антиоксидантты және қабынуға қарсы белсенділігі бар сесквитерпеноидты қосылыс (азулен-4,7-диол, 27,42%) және фитол (5,77%) басым компоненттер анықталды. *Crataegus dsungarica* жапырақтарында терпен спирттері-неофитадиен және фитол, сондай-ақ жоғары алкандар кездескені анықталды. *Berberis heteropoda* жапырақ сығындысында неофитадиен (7,47%) және 1,2,3,5-циклогексантиетрол (16,55%) фитол (44,58%) басым. Анықталған қосылыстардың жиынтығы – терпеноидтар, фенолдық қосылыстар, қанықпаған май қышқылдары және олардың туындылары – олардың геропротекторлық әсерінің болашағын көрсетеді; оны тексеру үшін антиоксиданттық әсерлерді, митохондриялық қорғанысты және липидтер алмасуын реттеуді зерттеуге бағытталған қосымша эксперименттік зерттеулер қажет.

Кілт сөздер: дәрілік өсімдіктер, антиоксиданттар, геропротекторлық әлеуеті, бөріқарақат, долана, итмұрын.

**PHYTOCHEMICAL PROFILE OF ETHANOLIC LEAF EXTRACTS
OF ENDEMIC TRANS-ILI ALATAU SPECIES (*CRATAEGUS DSUNGARICA*,
ROSA WEBBIANA, *BERBERIS HETEROPODA*) AND THEIR
HEPATOPROTECTIVE POTENTIAL AS DETERMINED BY GC-MS ANALYSIS**

Kydyrbayeva A.K.¹, Shalakhmetova T.M.¹, Aikeshev B.M.^{2*}

¹*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan*

^{2*}*Astana International University, Astana, Kazakhstan*

**Corresponding author: Aikeshev@gmail.com*

Abstract

Medicinal plants are considered promising sources of natural geroprotective agents due to their ability to reduce oxidative stress, suppress chronic inflammation, and slow the progression of age-related pathologies. In this study, a comparative analysis was conducted of compounds isolated from ethanol extracts of the leaves of three endemic species of the Alatau flora - *Crataegus dsungarica* Zabel. ex Lange., *Rosa webbiana* Wall. ex Royle, and *Berberis heteropoda* Schrenk. ex Fisch. & C.A. Mey. using gas chromatography-mass spectrometry (GC-MS). The separation of components was performed on a DB-WaxEtr capillary column using helium as the carrier gas; the identification of compounds was based on the Wiley 7th edition and NIST'02 spectral libraries. Among the identified compounds, the sesquiterpenoids azulene-4,7-diol (27.42%) and phytol (5.77%), known for their antioxidant and anti-inflammatory properties, were predominant. Terpene alcohols - neophytadiene and phytol - as well as higher alkanes were detected in the leaves of *Crataegus dsungarica*. The leaf extract of *Berberis heteropoda* is dominated by phytol (44.58%), supplemented by neophytadiene (7.47%) and 1,2,3,5-cyclohexantetrol (16.55%).

The combination of identified compounds-terpenoids, phenolic compounds, unsaturated fatty acids, and their derivatives - suggests that they have promising geroprotective effects; Further experimental studies are needed to verify this, focusing on the antioxidant effects, mitochondrial protection, and regulation of lipid metabolism.

Keywords: medicinal plants, antioxidants, geroprotective potential, barberry, hawthorn, rosehip.

Введение

В последние десятилетия растительные экстракты привлекают повышенное внимание как перспективные источники природных геропротекторных средств. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), около двух третей населения мира используют лекарственные растения благодаря их доступности, относительной безопасности и выраженной фармакологической активности [1–6]. Особый интерес вызывают фитокомплексы, обладающие антиоксидантными, противовоспалительными

и метаболически регулирующими свойствами, поскольку именно эти механизмы лежат в основе профилактики возраст-ассоциированных заболеваний.

Накопление сенесцентных клеток в настоящее время рассматривается как один из ключевых механизмов возрастной дисфункции тканей и важный фактор патогенеза многих хронических заболеваний [7]. С возрастом сенесцентные клетки накапливаются в различных тканях организма и приобретают сенесцент-ассоциированный секреторный фенотип (SASP), характеризующийся повышенной секрецией провоспалительных цитокинов, хемокинов и протеаз, способствующих развитию хронического воспаления и тканевой дисфункции [8]. Даже небольшое количество таких клеток способно существенно нарушать функции органов и систем [9].

Элиминация сенесцентных клеток обеспечивает выраженные положительные эффекты за счёт ослабления различных патологических состояний, включая жировую дистрофию, атеросклероз, атрофию тканей, гипертрофию кардиомиоцитов, катаракту, почечный гломерулосклероз, саркопению, онкогенез, рецидивы опухолей, остеоартрит и нейродегенеративные заболевания [10-15].

В этом отношении особый интерес представляют лекарственные растения родов и *Berberis*, обладающие выраженным терапевтическим и потенциальным геропротекторным эффектом. Эти растения традиционно используются в народной медицине для лечения сердечно-сосудистых и воспалительных заболеваний, нарушений иммунной системы, патологий печени и почек. Их биоактивные соединения, включая полифенолы, флавоноиды и терпеноиды, обладают антиоксидантными, противовоспалительными, кардиопротекторными и геропротекторными свойствами [16,

Многочисленные исследования показали, что фитохимические компоненты растений, в частности полифенолы, флавоноиды и терпеноиды, играют важную роль в реализации их антивозрастного потенциала [18]. Эти соединения способны снижать окислительный стресс, модулировать воспалительные сигнальные пути, поддерживать функцию митохондрий и регулировать клеточный метаболизм.

Старение организма сопровождается накоплением окислительного стресса, нарушением митохондриального метаболизма, хроническим воспалением и снижением эффективности репаративных процессов.

В связи с этим наблюдается научный интерес к изучению природных соединений, способных смягчать данные патофизиологические изменения и способствовать продлению периода здорового долголетия.

Эндемичные виды Заилийского Алатау – *Crataegus dsungarica*, *Rosa webbiana* и *Berberis heteropoda* – представляют особый научный интерес, поскольку их фитохимический состав изучен недостаточно, а потенциальное применение в геронтологии остаётся малоисследованным.

Целью настоящей работы является сравнительный ГХ–МС анализ органических соединений этанольных экстрактов листьев данных эндемичных видов, оценка их биологической активности и определение наиболее перспективных видов для дальнейших биомедицинских и геронтологических исследований.

В качестве объекта исследования были выбраны листья растений, поскольку они являются одним из основных органов биосинтеза и накопления вторичных метаболитов, включая фенольные соединения, терпеноиды и другие биологически активные вещества. Кроме того, использование листьев позволяет получать растительное сырьё без

существенного ущерба для природных популяций, что имеет особое значение при изучении эндемичных видов флоры Казахстана.

Материалы и методы

Сбор и идентификация растительного материала:

Растительный материал (плоды, листья, цветки *C. dsungarica*, *R. webbiana* и *B. heteropoda*) был собран в Заилийском Алатау (Алматинская область, Казахстан) в 2025 году.

Для фитохимического исследования и оценки геропротекторного потенциала применялись листья, заготовленные в мае в фазу интенсивного вегетативного развития. Сбор сырья осуществлялся в следующие сроки: 4 мая – *B. heteropoda*, 11 мая – *C. dsungarica* и 25 мая – *R. webbiana*.

Таксономическая идентификация видов подтверждена Институтом ботаники и фитоинтродукции Министерства экологии и природных ресурсов Республики Казахстан.

Растительное сырьё высушивали в тени при комнатной температуре до постоянной массы, измельчали и хранили в сухом, защищённом от света месте.

Получение экстрактов:

Экстракцию проводили методом ультразвуковой обработки. Измельчённое сырьё (50 г) экстрагировали 500 мл 70% этанола (соотношение 1:10, w/v) с использованием ультразвуковой установки KQ5200B (40 kHz) в течение 30 минут (3 последовательных цикла).

Полученные экстракты объединяли, фильтровали через бумажный фильтр и концентрировали на роторном испарителе (EYELA N-1300) при температуре 45°C до получения сухого остатка. Сухие экстракты хранили при $t = -20^{\circ}\text{C}$ до проведения анализа.

Все образцы готовили и анализировали в трёх независимых повторностях ($n = 3$).

Газовая хроматография – масс-спектрометрия (ГХ–МС)

Анализ химического состава экстрактов проводили методом газовой хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием на системе Agilent 7890A, сопряжённой с масс-селективным детектором Agilent 5975C [19, 20].

Объём вводимой пробы составлял 0,5 мкл. Инжектирование осуществляли в режиме splitless при температуре инжектора 280°C. Разделение компонентов проводили на капиллярной колонке DB-WaxEtr (30 м × 0,25 мм × 0,25 мкм). В качестве газ-носителя использовали гелий со скоростью потока 1 мл/мин.

Температурная программа включала начальную температуру 40°C с последующим повышением до 300°C со скоростью 5°C/мин и выдержкой в течение 5 минут. Общее время анализа составляло 57 минут. Масс-спектры регистрировали в режиме SCAN в диапазоне m/z 34 -750.

Идентификация соединений и обработка данных:

Обработку хроматографических данных проводили с использованием программного обеспечения Agilent MSD ChemStation (версия 1701EA). Идентификацию соединений осуществляли путём сопоставления полученных масс-спектров с библиотеками Wiley 7th edition и NIST'02 [19–21].

Соединения считались достоверно идентифицированными при коэффициенте совпадения (similarity index) $\geq 70\%$. Относительное содержание обнаруженных соединений выражалось в процентах от общей площади ионной хроматограммы без применения поправочных коэффициентов [21]. Потенциальные лабораторные загрязнители, включая фталаты, исключали из биологической интерпретации результатов.

Результаты фитохимического анализа представлены в виде относительного содержания идентифицированных соединений (% от общей площади хроматографических пиков).

Результаты исследования

*ГХ–МС анализ экстракта листьев *Crataegus dsungarica**

Методом газовой хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием в этанольном экстракте листьев *Crataegus dsungarica* идентифицировано 11 соединений, относящихся к различным классам органических веществ (таблица 1, рисунок 1). Доминирующим компонентом являлся октакозан (40,87%), что указывает на высокое содержание долгоцепочечных восковых углеводов, характерных для кутикулярного покрова листьев. Значительную долю составляли также сахароза (18,48%) и 2-гексил-1-октанол (14,52%).

Среди биологически активных соединений идентифицированы неофитадиен (7,59%) и фитол (7,17%), принадлежащие к классу дитерпеноидов. Степень идентификационного совпадения для неофитадиена составила 85%, для фитола - 77%, что свидетельствует о высокой достоверности их определения. Терпеновый спирт 3,7,11,15-тетраметил-2-гексадецен-1-ол обнаружен в количестве 3,15%. В незначительных концентрациях присутствовали резорцин (2,38%), додекан (2,29%) и ряд малых компонентов.

Таблица 1. Результаты ГХ–МС анализа экстракта листьев *Crataegus dsungarica*

№	t, мин	Соединение	SI, %	Содержание, %
1	5,56	2-Cyclopenten-1-one, 2-hydroxy-	80	1,10
2	8,91	Dodecane	71	2,29
3	10,16	Benzene, (ethenyloxy)-	65	1,37
4	13,56	Resorcinol	68	2,38
5	14,09	3-Hexanone, 2,4-dimethyl-	63	1,08
6	15,09	Sucrose	69	18,48
7	16,72	Neophytadiene	85	7,59
8	17,16	3,7,11,15-Tetramethyl-2-hexadecen-1-ol	70	3,15
9	19,42	Phytol	77	7,17
10	25,83	2-Hexyl-1-octanol	75	14,52
11	30,48	Octacosane	74	40,87

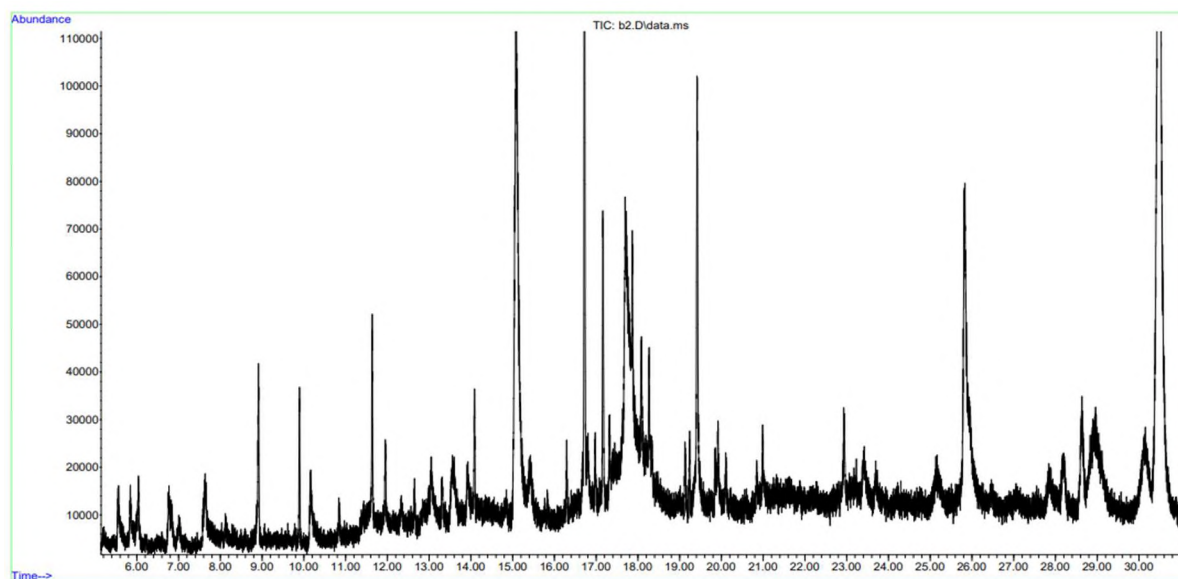

Рисунок 1. Хроматограмма экстракта листьев *Crataegus dsungarica*

ГХ–МС анализ экстракта листьев Rosa webbiana

В этанольном экстракте листьев *Rosa webbiana* идентифицировано 12 соединений (таблица 2, рисунок 2).

Преобладающим компонентом являлась сахароза (36,66%). Выраженное присутствие 1,1,4,7-тетраметилдекагидро-1Н-циклопропа[е]азулен-4,7-диола составило 27,42% – это сесквитерпеноидное соединение с задокументированными противовоспалительными и антиоксидантными свойствами [22, 23].

Терпеновый спирт 3,7,11,15-тетраметил-2-гексадецен-1-ол обнаружен в количестве 9,57%; фитол – 5,77%. Наличие β-D-глюкопиранозы-1,6-ангидро (3,45%) и 9,12,15-октадекатриеновой кислоты (метилловый эфир, 2,27%) указывает на присутствие функционально значимых углеводных и липидных метаболитов.

Таблица 2. Результаты ГХ–МС анализа экстракта листьев *Rosa webbiana*

№	t, мин	Соединение	SI, %	Содержание, %
1	5,54	2-Cyclopenten-1-one, 2-hydroxy-	88	2,14
2	7,62	1,3-Dimethyl-4-amino-4,5(1H)-dihydro-1,2,4-triazole-5-one	65	2,60
3	8,11	Cyclopropyl carbinol	66	1,62
4	11,63	Hexane, 3,3-dimethyl-	72	1,35
5	14,09	Decane, 1-iodo-	68	1,29
6	15,12	Sucrose	69	36,66
7	15,41	β-D-Glucopyranose, 1,6-anhydro-	70	3,45

№	t, мин	Соединение	SI, %	Содержание, %
8	16,72	3,7,11,15-Tetramethyl-2-hexadecen-1-ol	82	9,57
9	17,88	1,1,4,7-Tetramethyldecahydro-1H-cyclopropa[e]azulene-4,7-diol	71	27,42
10	19,42	Phytol	78	5,77
11	19,91	9,12,15-Octadecatrienoic acid, methyl ester, (Z,Z,Z)-	67	2,27
12	30,42	Dodecyl nonyl ether	63	5,87

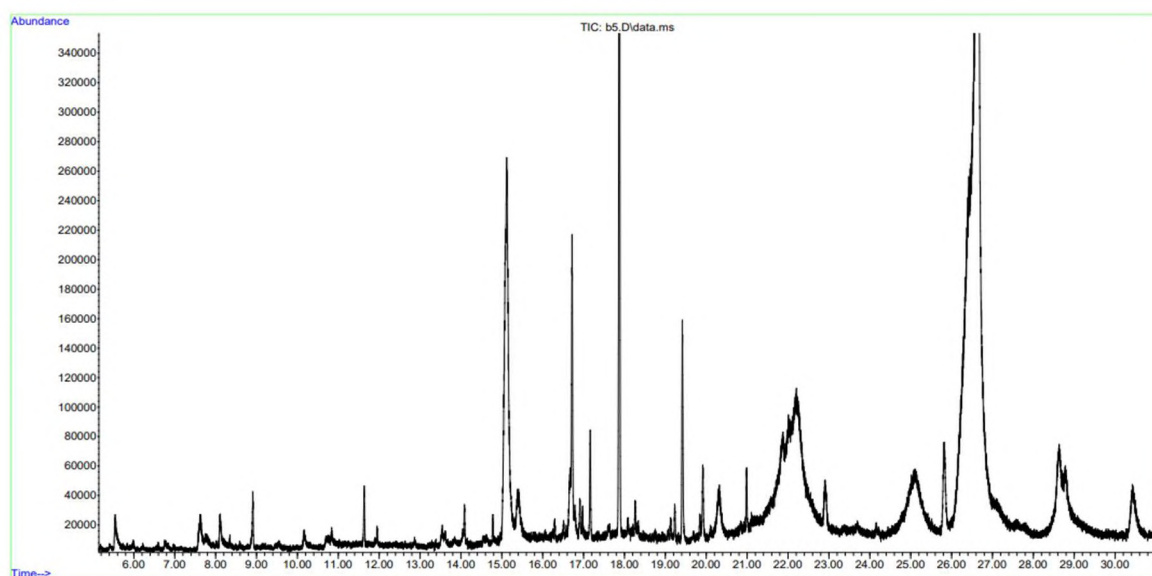

Рисунок 2. Хроматограмма экстракта листьев *Rosa webbiana*

ГХ-МС анализ экстракта листьев *Berberis heteropoda*

В экстракте листьев *Berberis heteropoda* идентифицировано 12 соединений (таблица 3, рисунок 3). Доминирующим компонентом оказался фитол (44,58%) с наивысшим в исследовании значением идентификационного совпадения - 87%. Это указывает на особенно высокое содержание дитерпеноидов в данном виде.

Значительную часть составляли 1,2,3,5-циклогексантетрол (16,55%) - полиол с возможным влиянием на осмотическую регуляцию клеток - и 2Н-пиран-2,6(3Н)-дион (11,40%), кислородсодержащий гетероцикл с предполагаемой антиоксидантной активностью. Неофитадиеп присутствовал в количестве 7,47%, а производные жирных кислот (гексадекановой и октадекатриеновой) - в суммарном количестве около 5,6%.

Таблица 3. Результаты ГХ–МС анализа экстракта листьев *Berberis heteropoda*

№	t, мин	Соединение	SI, %	Содержание, %
1	5,40	2(5H)-Furanone	73	0,82
2	5,55	6-Oxabicyclo[3.1.0]hexan-2-one	72	2,17
3	6,20	3-Ethylcyclopentanone	76	1,26
4	6,76	Phenol	77	2,38
5	6,90	2H-Pyran-2,6(3H)-dione	79	11,40
6	7,90	1-(2-Hydroxyethyl)-1,2,4-triazole	67	4,12
7	16,70	Neophytadiene	80	7,47
8	17,14	3,7,11,15-Tetramethyl-2-hexadecen-1-ol	74	3,66
9	17,71	1,2,3,5-Cyclohexanetetrol, (1 α ,2 β ,3 α ,5 β)-	64	16,55
10	18,24	Hexadecanoic acid, ethyl ester	66	2,90
11	19,40	Phytol	87	44,58
12	19,89	9,12,15-Octadecatrienoic acid, (Z,Z,Z)-	62	2,70

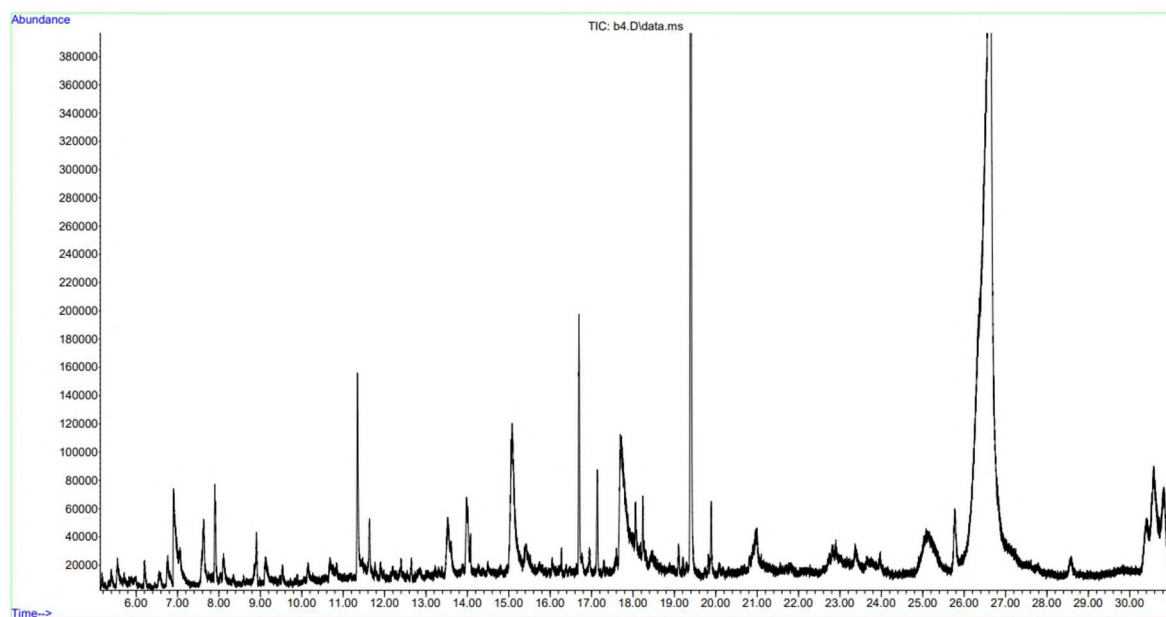

Рисунок 3. Хроматограмма экстракта листьев *Berberis heteropoda*

Сравнительный анализ фитохимического состава

Для систематизации полученных данных составлена сравнительная таблица распределения ключевых биологически активных соединений и их потенциальная геропротекторная активность (таблица 4).

Таблица 4. Сравнительный анализ основных соединений и их предполагаемой геропротекторной активности

Соединение	C.d., %	R.w., %	B.h., %	Класс	Потенциальная геропротекторная активность
Phytol	7,17	5,77	44,58	Терпеноид	Антиоксидант, мембранопротектор, митохондриальная защита [18, 20, 22]
Neophytadiene	7,59	0,00	7,47	Терпеноид	Противовоспалительное, антиоксидантное действие [23, 24, 25]
3,7,11,15- Tetramethyl-2- hexadecen-1-ol	3,15	9,57	3,66	Терпеновый спирт	Антиоксидант, мембранопротектор [26, 27]
Sucrose	18,48	36,66	0,00	Углевод	Энергетический субстрат, осморегуляция [21]
β-D- Glucopyranose, 1,6-anhydro-	0,00	3,45	0,00	Моносахарид	Антиоксидантное, противоопухолевое [22, 23]
Azulene-4,7-diol / Cyclohexanetetrol	0,00	27,42	16,55	Терпеноид / Полиол	Противовоспалительное, метаболическая регуляция [22, 27]
Octacosane	40,87	0,00	0,00	Алкан	Защита поверхности клетки [19, 20]
2-Hexyl-1-octanol	14,52	0,00	0,00	Жирный спирт	Мембранная стабилизация [27, 28]
2H-Pyran-2,6(3H)- dione	0,00	0,00	11,40	Гетероцикл	Антиоксидантная активность, хелатирование ионов металлов [22, 23]
9,12,15- Octadecatrienoic acid (эфир)	0,00	2,27	2,70	Жирная кислота	Регуляция липидного обмена, противовоспалительное [27, 28]
Примечание: C.d. – <i>Crataegus dsungarica</i> , R.w. - <i>Rosa webbiana</i> , B.h. – <i>Berberis heteropoda</i>					

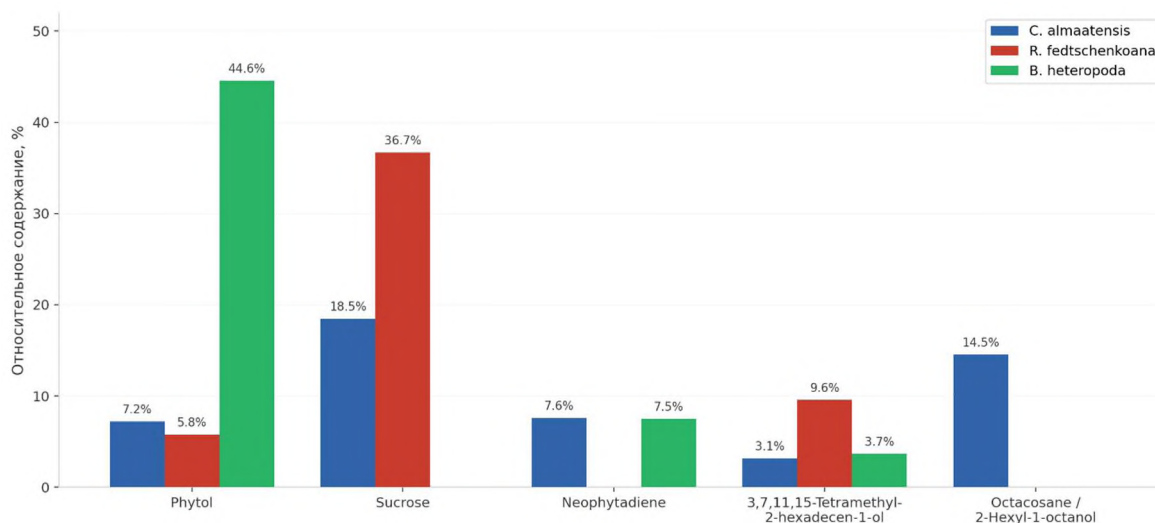

Рисунок 4. Сравнительное содержание основных соединений в экстрактах листьев трёх видов (ГХ–МС, %)

На рисунке 4 представлены результаты сравнительного анализа основных соединений, выявленных методом газовой хромато-масс-спектрометрии (ГХ–МС) в экстрактах листьев трёх видов растений: *Crataegus dsungarica*, *Rosa webbiana* и *Berberis heteropoda* [29]. Полученные данные свидетельствуют о существенных различиях как в качественном, так и в количественном составе компонентов.

Наиболее высоким содержанием фитола (phytol) характеризуется вид *B. heteropoda* – 44,6%, что значительно превышает показатели *C. dsungarica* (7,2%) и *R. webbiana* (5,8%). Высокая концентрация фитола может указывать на активный метаболизм хлорофилла и потенциально выраженные антиоксидантные свойства данного вида.

Сахароза (sucrose) является доминирующим компонентом в экстрактах *R. webbiana* (36,7%) и *C. dsungarica* (18,5%), тогда как в *B. heteropoda* она практически не обнаружена. Это может свидетельствовать о различиях в углеводном обмене и физиологических особенностях растений.

Соединение неофитадиеен (neophytadiene) выявлено только у *C. dsungarica* (7,6%) и *B. heteropoda* (7,5%), тогда как в образцах *R. webbiana* оно отсутствует. Известно, что неофитадиеен обладает биологической активностью, включая противовоспалительные и противомикробные свойства.

Содержание 3,7,11,15-тетраметил-2-гексадецен-1-ола наиболее высокое в *R. webbiana* (9,6%), тогда как в *B. heteropoda* и *C. dsungarica* оно составляет 3,7% и 3,1% соответственно. Этот компонент относится к терпеновым соединениям и может участвовать в механизмах защиты растений.

Октакозан/2-гексил-1-октанол в основном был обнаружен в *C. dsungarica* (14,5%), тогда как в двух других видах его содержание было незначительным или отсутствовало. Это может отражать особенности липидного состава этого вида и адаптивных механизмов.

Таким образом, результаты анализа GC-MS указывают на явную химическую специфичность исследуемых видов. Наиболее характерной особенностью *B. heteropoda* является высокое содержание фитола, в то время как *R. webbiana* характеризуется преобладанием сахарозы и терпеновых соединений. *C. dsungarica* характеризуется

разнообразным распределением компонентов, включая значительные количества октакозана/2-гексил-1-октанола.

Обсуждение

ГХ-МС анализ выявил широкий спектр вторичных метаболитов во всех трех изученных видах. Несмотря на видоспецифичность качественного и количественного состава, во всех экстрактах были обнаружены соединения с задокументированной биологической активностью: терпеноиды, фенольные вещества и производные ненасыщенных жирных кислот [22–28].

Наиболее значимым с геропротекторной точки зрения компонентом всех исследованных экстрактов является фитол – дитерпеноидный спирт, образующийся при деградации хлорофилла. В экстракте *B. heteropoda* его содержание достигло 44,58%, что является самым высоким показателем среди всех идентифицированных соединений в данном исследовании. По данным литературы, фитол обладает выраженной антиоксидантной и противовоспалительной активностью, способен снижать уровень активных форм кислорода (АФК) и защищать митохондриальную мембрану от повреждений [26–28]. Эти свойства особенно релевантны в контексте молекулярных механизмов старения, при которых окислительный стресс и митохондриальная дисфункция играют ключевую роль [14].

C. dsungarica и *B. heteropoda* характеризовались сопоставимым содержанием неофитадиена (7,59% и 7,47% соответственно) – дитерпенового углеводорода, которому приписывается антиоксидантное и умеренное противовоспалительное действие [26]. Терпеновый спирт 3,7,11,15-тетраметил-2-гексадецен-1-ол присутствовал во всех трёх видах, с наивысшим содержанием у *R. webbiana* (9,57%). Эти соединения способны стабилизировать клеточные мембраны и проявлять мембранопротекторный эффект [18].

Отличительной особенностью экстракта *R. webbiana* является высокое содержание 1,1,4,7-тетраметилдекагидро-1Н-циклопропа[е]азулен-4,7-диола (27,42%) – сесквитерпеноида гваянового скелета, ранее описанного в ряде лекарственных растений и характеризующегося противовоспалительными и антимикробными свойствами. Наряду с ним зафиксировано присутствие 9,12,15-октадекатриеновой кислоты (метилового эфира), являющейся производным ω -3 жирной кислоты, роль которых в снижении системного воспаления хорошо изучена [17, 18].

Помимо фитола, в экстракте *B. heteropoda* идентифицированы 2Н-пиран-2,6(3Н)-дион (11,40%) и 1,2,3,5-циклогексантиол (16,55%). Пиранодионовые структуры обладают хелатирующей активностью и способны нейтрализовывать ионы переходных металлов – катализаторы образования АФК. Циклогексантиол (инозитолоподобный полиол) участвует в осморегуляции клеток и может обладать инсулиномиметическими свойствами, что является перспективным с точки зрения метаболического аспекта геропротекции.

Следует подчеркнуть, что полученные данные ГХ–МС анализа характеризуют летучую и полунлетучую фракцию экстракта. Высокополярные нелетучие соединения – в частности, флавоноиды, фенолокислоты и алкалоиды, традиционно ассоциируемые с геропротекторным действием растений родов *Crataegus*, *Rosa* и *Berberis* – в данном методе остаются неохваченными и требуют самостоятельного изучения методами ВЭЖХ-МС или ЯМР-спектроскопии [17, 22, 24].

Результаты ГХ-МС-анализа выявили заметные различия в фитохимическом составе исследуемых видов. В *C. dsungarica* были идентифицированы терпеноидные соединения, в частности неофитадиен и фитол, а также фенольные компоненты, включая

резорцин. Фитол, являясь дитерпеновым соединением, обладает широким спектром биологической активности, включая антиоксидантные, противовоспалительные, антимикробные и цитопротективные свойства. Неофитадиен также признан биологически активным терпеноидом с антиоксидантным и противовоспалительным потенциалом [30, 31, 33, 34]. Обнаружение резорцина указывает на наличие фенольных метаболитов, которые могут способствовать антиоксидантной активности экстрактов.

Фитохимический профиль *B. heteropoda* характеризовался наличием неофитадиена, фитола, этилового эфира гексадекановой кислоты и α -линоленовой кислоты. Производные жирных кислот и ненасыщенные жирные кислоты известны своим участием в механизмах клеточной защиты и связаны с антиоксидантной и противовоспалительной активностью [32]. Совместное присутствие терпеноидов и липидных метаболитов в *Berberis heteropoda* указывает на сложность состава вторичных метаболитов, что может объяснять его биологические свойства.

Наше сравнительное исследование выявило, что, несмотря на общую тенденцию к содержанию терпеноидов, каждый из трех видов растений демонстрировал уникальный набор доминирующих метаболитов. Это различие подчеркивает видоспецифические особенности их метаболизма. Полученные данные не только расширяют наши знания о фитохимическом богатстве *C. dsungarica*, *R. webbiana* и *B. heteropoda*, но и открывают путь для будущих исследований, посвященных изучению потенциальной биологической активности обнаруженных соединений.

Различия в фитохимическом составе *C. dsungarica*, *R. webbiana* и *B. heteropoda* могут быть обусловлены как видоспецифическими метаболическими особенностями, так и абиотическими факторами среды обитания. Климатические условия, высота над уровнем моря, инсоляция, почвенные характеристики и гидрологический режим являются ключевыми факторами, влияющими на биосинтез и аккумуляцию вторичных метаболитов в растениях. Следовательно, качественный и количественный состав идентифицированных соединений может отражать адаптивные реакции исследуемых видов на экологические условия Казахстана. Преобладание терпеноидных соединений, в том числе 1,1,4,7-тетраметилдекагидро-1Н-циклопропа[е]азулен-4,7-диол, неофитадиена и фитола, указывает на их существенную роль в механизмах защиты и адаптации растений.

Новизна данного исследования заключается в том, что впервые был проведен газохромато-масс-спектрометрический анализ экстракта *R. webbiana*, произрастающего в Казахстане, с целью определения состава его основных летучих и полунлетучих метаболитов. Впервые были идентифицированы доминирующие соединения в анализируемом образце, в том числе терпены 1,1,4,7-тетраметилдекагидро-1Н-циклопропа[е]азулен-4,7-диол, неофитадиен и фитол. Полученные результаты расширяют наши знания о химическом составе *R. webbiana* и могут служить основой для дальнейшего изучения ее биологической активности и фармакологического потенциала.

Идентифицированные фитохимические компоненты представляют значительный интерес в контексте их установленной биологической активности. Предыдущие исследования продемонстрировали антиоксидантные и противовоспалительные свойства производных азулена и фитола, что свидетельствует об их потенциальном вкладе в биологическую активность изучаемых видов. Более того, наличие фенольных соединений, производных жирных кислот и терпеноидов отражает химическое разнообразие исследуемых таксонов и подчеркивает их потенциал в качестве источников биологически активных природных продуктов.

Заклучение

ГХ–МС анализ этанольных экстрактов листьев *Crataegus dsungarica*, *Rosa webbiana* и *Berberis heteropoda* - трёх эндемичных видов Заилийского Алатау - позволил впервые провести их сравнительное хроматографическое профилирование. В совокупности идентифицировано более 20 органических соединений, относящихся к терпеноидам, фенолам, производным жирных кислот, полиолам и углеводородам.

Установлено, что фитол является универсальным маркерным компонентом всех трёх видов, при этом наибольшее его содержание зафиксировано в *B. heteropoda* (44,58%). С учётом задокументированной антиоксидантной, противовоспалительной и мембранопротекторной активности фитола, этот вид следует рассматривать как приоритетный объект для дальнейших геронтологических исследований.

R. webbiana выделяется высоким содержанием сесквитерпеноидного компонента (азулен-4,7-диол, 27,42%) и терпенового спирта (3,7,11,15-тетраметил-2-гексадецен-1-ол, 9,57%), что определяет её перспективность как источника противовоспалительных и антиоксидантных агентов. *C. dsungarica* характеризуется присутствием неофитадиена и фитола на фоне высокомолекулярных углеводов, что может быть связано с барьерными и защитными функциями листовой кутикулы.

Выявленный фитохимический профиль исследуемых видов согласуется с концепцией мультимишенного геропротекторного действия: антиоксидантная защита, поддержание митохондриальной функции, регуляция липидного обмена и снижение хронического воспаления. Полученные данные создают научную основу для проведения последующих экспериментальных исследований *in vitro* и *in vivo*, направленных на подтверждение и детализацию геропротекторного потенциала данных эндемичных растений.

Во время подготовки данной рукописи авторы использовали инструменты искусственного интеллекта (ChatGPT, Gemini) для помощи в редактировании текста или переводе. Все научные интерпретации были выполнены авторами. Инструменты с поддержкой ИИ не применялись для сбора данных или статистического анализа. Все содержание материала было проверено и верифицировано авторами, которые несут полную ответственность за содержание и оригинальность рукописи.

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения. Стратегия ВОЗ в области народной медицины на 2014–2023 гг. - Женева: Всемирная организация здравоохранения; 2013.
2. Ekor M. The growing use of herbal medicines: issues relating to adverse reactions and challenges in monitoring safety. - *Front Pharmacol*, 2014. - 4:177.
3. Atanasov A.G., Waltenberger B., Pferschy-Wenzig E.M., et al. Discovery and resupply of pharmacologically active plant-derived natural products. - *Biotechnol Adv.*, 2015. - 33(8):1582–1614.
4. Newman D.J., Cragg G.M. Natural products as sources of new drugs over the nearly four decades from 1981 to 2019. - *J Nat Prod.*, 2020. - 83(3):770–803.
5. Pan S.Y., Litscher G., Gao S.H., et al. Historical perspective of traditional indigenous medical practices: the current renaissance and conservation of herbal resources. - *Evid Based Complement Alternat Med.*, 2014. - 2014:525340.
6. Li F.S., Weng J.K. Demystifying traditional herbal medicine with modern approach. - *Nat Plants*, 2017. - 3:17109.
7. Campisi J. Cellular senescence: putting the paradoxes in perspective. - *Curr Opin Genet Dev.*, 2011. - 21(1):107–112.

8. Coppé JP, Desprez PY, Krtolica A, Campisi J. The senescence-associated secretory phenotype: the dark side of tumor suppression. - *Annu Rev Pathol.*, 2010. - 5:99–118.
9. van Deursen J.M. The role of senescent cells in ageing. - *Nature*, 2014. - 509(7501):439–446.
10. Baker D.J., Wijshake T., Tchkonian T., et al. Clearance of p16Ink4a-positive senescent cells delays ageing-associated disorders. - *Nature*, 2011. - 479(7372):232–236.
11. Childs B.G., Durik M., Baker D.J., van Deursen J.M. Cellular senescence in aging and age-related disease: from mechanisms to therapy. - *Nat Med.*, 2015. - 21(12):1424–1435.
12. Kirkland J.L., Tchkonian T. Cellular senescence: a translational perspective. - *EbioMedicine*, 2017. 21:21–28.
13. Muñoz-Espín D., Serrano M. Cellular senescence: from physiology to pathology. - *Nat Rev Mol Cell Biol.*, 2014. - 15(7):482–496.
14. López-Otin C., Blasco M.A., Partridge L., Serrano M., Kroemer G. The hallmarks of aging. - *Cell.*, 2013. - 153(6):1194–1217.
15. He S., Sharpless N.E. Senescence in health and disease. - *Cell.*, 2017. - 169(6):1000–1011.
16. Edwards J.E., Brown P.N., Talent N., Dickinson T.A., Shipley P.R. A review of the chemistry of the genus *Crataegus*. - *Phytochemistry*, 2012. - 79:5–26.
17. Imenshahidi M., Hosseinzadeh H. Berberis vulgaris and berberine: an update review. - *Phytother Res.*, 2016 - 30(11):1745–1764.
18. Pandey K.B., Rizvi S.I. Plant polyphenols as dietary antioxidants in human health and disease. - *Oxid Med Cell Longev.*, 2009. - 2(5):270–278.
19. Adams R.P. *Identification of Essential Oil Components by Gas Chromatography/Mass Spectrometry*. 4th ed. Carol Stream, IL: Allured Publishing Corporation; 2007.
20. Tsikas D. Perspectives of Quantitative GC-MS, LC-MS, and ICP-MS in the Clinical Medicine Science - The Role of Analytical Chemistry. - *J Clin Med.*, 2024. - 13(23):7276. DOI: <https://doi.org/10.3390/jcm13237276>.
21. Brehmer, T. Investigation of the interactions between analytes and stationary phases in gas chromatographic systems using simulation (Doctoral dissertation, Universitäts-und Landesbibliothek Bonn), 2024.
22. Fatima Hashmi, S., Saleem, H., Khurshid, U., Khursheed, A., Tauquir Alam, M., Imran, M., ... & Shoaib Ali Gill, M. Genus Berberis: A Comprehensive and Updated Review on Ethnobotanical Uses, Phytochemistry and Pharmacological Activities. - *Chemistry & Biodiversity*, 2024. - (Vol. 21, No. 10, e202400911). DOI: <https://doi.org/10.1002/cbdv.202400911>
23. Zafar, F., Asif, H. M., Shaheen, G., Ghauri, A. O., Rajpoot, S. R., Tasleem, M. W., ... & Nazar, H. A comprehensive review on medicinal plants possessing antioxidant potential. - *Journal of Clinical Pharmacy and Therapeutics*, 2023. DOI: <https://doi.org/10.1111/1440-1681.13743>.
24. Ghorbani A. Esmailizadeh M. Pharmacological properties of Rosa canina L. and its phytoconstituents. - *Front Pharmacol*, 2017. - 8:394.
25. Sadeghian M. et al. Advances in Dietary Phenolic Compounds to Improve Cancer Therapy. - *Cancers (Basel)*, 2022. - 14(19):4573. DOI: <https://doi.org/10.3390/cancers14194573>
26. Ge X., et al. Natural terpenoids with anti-inflammatory activities. - *Phytochemistry*, 2022. - 201:113228. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bioorg.2022.105817>.
27. P Costa, J., Islam, T., S Santos, P., B Ferreira, P., LS Oliveira, G., VOB Alencar, M., ... & Melo-Cavalcante, A. C. Evaluation of Antioxidant Activity of Phytol Using Non- and Pre-Clinical Models. - *Current Pharmaceutical Design*, 2016. - 22(00): DOI: <https://doi.org/10.2174/1389201017666161019155715>.
28. Yu, J., Jin, F., Tang, Y., & Huang, Y. In vitro anticancer activity of phytol on human Non-Small cell lung Cancer A549 cells. *Integrative Cancer Therapies*, 2025. 24. DOI: <https://doi.org/10.1177/1534735425134459>
29. POWO (Plants of the World Online), 2026. Plants of the World Online. <http://www.plantsoftheworldonline.org/>
30. Islam, M.T., Ali, E.S., Uddin, S.J., Shaw, S., Islam, M.A., Ahmed, M.I., ... & Atanasov, A.G. (2018). Phytol: A review of biomedical activities. *Food and chemical toxicology*, 121, 82-94.
31. de Moraes J, de Oliveira RN, Costa JP, et al. Phytol, a diterpene alcohol from chlorophyll, as a drug against neglected tropical disease. *Experimental Parasitology*. 2014; 138:24–30.
32. Shahidi, F., & Ambigaipalan, P. (2018). Omega-3 polyunsaturated fatty acids and their health benefits. *Annual review of food science and technology*, 9, 345-381.

33. Kumar D., Arya V., Bhat Z.A., Khan N.A., Prasad D.N. The genus *Crataegus*: Chemical and pharmacological perspectives. *Rev. Bras.* 2012; 22:1187–1200. DOI: <https://doi.org/10.1590/S0102-695X2012005000094>.

34. Бердиев Э.Т. Морфологическая и биохимическая характеристика шиповника Федченко (*Rosa Fedtschenkoana* rge.), произрастающего на западном Тянь-Шане. - Вестник Мичуринского государственного аграрного университета, 2016; 4: 20-25.

References:

1. World Health Organization. WHO Traditional Medicine Strategy 2014–2023. - Geneva: World Health Organization; 2013.
2. Ekor M. The growing use of herbal medicines: issues relating to adverse reactions and challenges in monitoring safety. - *Front Pharmacol*, 2014. - 4:177.
3. Atanasov A.G., Waltenberger B., Pferschy-Wenzig E.M., et al. Discovery and resupply of pharmacologically active plant-derived natural products. - *Biotechnol Adv.*, 2015. - 33(8):1582–1614.
4. Newman D.J., Cragg G.M. Natural products as sources of new drugs over the nearly four decades from 1981 to 2019. - *J Nat Prod.*, 2020. - 83(3):770–803.
5. Pan S.Y., Litscher G., Gao S.H., et al. Historical perspective of traditional indigenous medical practices: the current renaissance and conservation of herbal resources. - *Evid Based Complement Alternat Med.*, 2014. - 2014:525340.
6. Li F.S., Weng J.K. Demystifying traditional herbal medicine with modern approach. - *Nat Plants*, 2017 - 3:17109.
7. Campisi J. Cellular senescence: putting the paradoxes in perspective. - *Curr Opin Genet Dev.*, 2011. - 21(1):107–112.
8. Coppé J.P., Desprez P.Y., Krtolica A., Campisi J. The senescence-associated secretory phenotype: the dark side of tumor suppression. - *Annu Rev Pathol.*, 2010. - 5:99–118.
9. van Deursen J.M. The role of senescent cells in ageing. - *Nature*, 2014. - 509(7501):439–446.
10. Baker D.J., Wijshake T., Tchkonian T., et al. Clearance of p16Ink4a-positive senescent cells delays ageing-associated disorders. - *Nature*, 2011. - 479(7372):232–236.
11. Childs B.G., Durik M., Baker D.J., van Deursen J.M. Cellular senescence in aging and age-related disease: from mechanisms to therapy. - *Nat Med.*, 2015. - 21(12):1424–1435.
12. Kirkland J.L., Tchkonian T. Cellular senescence: a translational perspective. - *EbioMedicine*, 2017. - 1:21–28.
13. Muñoz-Espín D., Serrano M. Cellular senescence: from physiology to pathology. - *Nat Rev Mol Cell Biol.*, 2014. - 15(7):482–496.
14. López-Otín C., Blasco M.A., Partridge L., Serrano M., Kroemer G. The hallmarks of aging. - *Cell*, 2013. - 153(6):1194–1217.
15. He S., Sharpless N.E. Senescence in health and disease. - *Cell*, 2017. - 169(6):1000–1011.
16. Edwards J.E., Brown P.N., Talent N., Dickinson T.A., Shipley P.R. A review of the chemistry of the genus *Crataegus*. - *Phytochemistry*, 2012. - 79:5–26.
17. Imenshahidi M., Hosseinzadeh H. *Berberis vulgaris* and berberine: an update review. - *Phytother Res.*, 2016. - 30(11):1745–1764.
18. Pandey K.B., Rizvi S.I. Plant polyphenols as dietary antioxidants in human health and disease. - *Oxid Med Cell Longev.*, 2009. - 2(5):270–278.
19. Adams R.P. *Identification of Essential Oil Components by Gas Chromatography/Mass Spectrometry*. - 4th ed. Carol Stream, IL: Allured Publishing Corporation; 2007.
20. Tsikas D. Perspectives of Quantitative GC-MS, LC-MS, and ICP-MS in the Clinical Medicine Science - The Role of Analytical Chemistry. - *J Clin Med.*, 2024. - 13(23):7276. DOI: <https://doi.org/10.3390/jcm13237276>.
21. Brehmer, T. Investigation of the interactions between analytes and stationary phases in gas chromatographic systems using simulation (Doctoral dissertation, Universitäts-und Landesbibliothek Bonn), 2024.
22. Fatima Hashmi, S., Saleem, H., Khurshid, U., Khursheed, A., Tauquir Alam, M., Imran, M., ... & Shoaib Ali Gill, M. Genus *Berberis*: A Comprehensive and Updated Review on Ethnobotanical Uses, Phytochemistry and Pharmacological Activities. - *Chemistry & Biodiversity*, 2024. - (Vol. 21, No. 10, e202400911). DOI: <https://doi.org/10.1002/cbdv.202400911>

23. Zafar, F., Asif, H. M., Shaheen, G., Ghauri, A. O., Rajpoot, S. R., Tasleem, M. W., ... & Nazar, H. A comprehensive review on medicinal plants possessing antioxidant potential. - Journal of Clinical Pharmacy and Therapeutics, 2023. DOI: <https://doi.org/10.1111/1440-1681.13743>.
24. Ghorbani A. Esmailizadeh M. Pharmacological properties of Rosa canina L. and its phytoconstituents. - Front Pharmacol, 2017. – 8:394.
25. Sadeghian M. et al. Advances in Dietary Phenolic Compounds to Improve Cancer Therapy. - Cancers (Basel), 2022. - 14(19):4573. DOI: <https://doi.org/10.3390/cancers14194573>
26. Ge X., et al. Natural terpenoids with anti-inflammatory activities. – Phytochemistry, 2022. - 201:113228. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bioorg.2022.105817>.
27. P Costa, J., Islam, T., S Santos, P., B Ferreira, P., LS Oliveira, G., VOB Alencar, M., ... & Melo-Cavalcante, A. C. Evaluation of Antioxidant Activity of Phytol Using Non- and Pre-Clinical Models. - Current Pharmaceutical Design, 2016. – 22(00): DOI: <https://doi.org/10.2174/1389201017666161019155715>.
28. Yu, J., Jin, F., Tang, Y., & Huang, Y. In vitro anticancer activity of phytol on human Non-Small cell lung Cancer A549 cells. Integrative Cancer Therapies, 2025. 24. DOI: <https://doi.org/10.1177/1534735425134459>
29. POWO (Plants of the World Online), 2026. Plants of the World Online. <http://www.plantsoftheworldonline.org/>
30. Islam, M.T., Ali, E.S., Uddin, S.J., Shaw, S., Islam, M.A., Ahmed, M. I., ... & Atanasov, A.G. (2018). Phytol: A review of biomedical activities. Food and chemical toxicology, 121, 82-94.
31. de Moraes J, de Oliveira RN, Costa JP, et al. Phytol, a diterpene alcohol from chlorophyll, as a drug against neglected tropical disease. Experimental Parasitology. 2014; 138:24–30.
32. Shahidi, F., & Ambigaipalan, P. (2018). Omega-3 polyunsaturated fatty acids and their health benefits. Annual review of food science and technology, 9, 345-381.
33. Kumar D., Arya V., Bhat Z.A., Khan N.A., Prasad D.N. The genus Crataegus: Chemical and pharmacological perspectives. Rev. Bras. 2012; 22:1187–1200. DOI: <https://doi.org/10.1590/S0102-695X2012005000094>.
34. Berdiev E.T. Morphological and biochemical characteristics of rosehip Fedchenko (Rosa Fedtschenkoana rge.), growing in the western Tien Shan. - Bulletin of Michurin State Agrarian University, 2016; 4: 20-25.

Information about the authors

A.K. Kydyrbayeva – PhD doctoral student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: kydyrbaeva.a@kaznmu.kz;

T.M. Shalakhmetova – Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Zoology, Histology and Cytology, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: t_shalakhmetova@mail.ru;

B.M. Aikeshev – corresponding author, candidate of Biological Sciences, PhD, Higher School of Natural Sciences, Astana International University, Astana, Kazakhstan; Aikeshev@gmail.com.

ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ /
PEDAGOGICAL SCIENCES

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-125-136

UDC 376.3

IRSTI 14.29

**INCLUSIVE EDUCATION RESEARCH IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN:
A QUANTITATIVE AND THEMATIC REVIEW (2019-2024)**

B.Y. Bekbolatova^{1*}, S. Kalygulova²

^{1*} «Manash Kozybayev North Kazakhstan University» NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan

² Master of Arts in Teaching (MAT) Program, American University of Central Asia,
Bishkek, Kyrgyzstan

Corresponding author: beinegul1978@gmail.com

Abstract

Inclusive education has become a key priority of educational policy in the Republic of Kazakhstan, reflected in national legislation and strategic development programs. Along with the expansion of inclusive practices, the number of academic publications devoted to inclusive education has increased. However, the structure and thematic focus of this research field remain insufficiently systematized. The present article aims to analyze the current state of research on inclusive education in Kazakhstan through a quantitative and thematic review of scientific publications. Given the aim of mapping the eLIBRARY-indexed segment of national academic discourse, the study was designed as a structured thematic review based on the eLIBRARY database. Using the keywords “inclusion” and “Kazakhstan” within the humanities domain, 946 publications were initially identified. After applying relevance criteria, 96 publications were included in the final analytical corpus. The selected studies were classified according to educational level and dominant research focus. The results demonstrate a clear predominance of research on secondary and preschool inclusive education, as well as studies addressing teacher readiness and professional competence. Inclusive education in higher education is represented by a significantly smaller number of publications and is often examined in a fragmented manner. The findings highlight structural imbalances within the eLIBRARY-indexed national research landscape and point to underexplored areas requiring further scholarly attention, particularly at the institutional and higher education levels.

Keywords: inclusive education; Republic of Kazakhstan; thematic review; research landscape; eLIBRARY; educational policy; teacher preparation.

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ИНКЛЮЗИВТІ БІЛІМ БЕРУ
САЛАСЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР: САНДЫҚ ЖӘНЕ ТАҚЫРЫПТЫҚ ШОЛУ
(2019-2024)**

Бекболатова Б.Е.^{1*}, Калыгулова С.²

^{1*} «М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КЕАҚ,
Петропавл, Қазақстан

² Білім беру институты, Америкалық Орталық Азия Университеті,
Бішкек, Қырғызстан

*Хат-хабар үшін автор: beinegul1978@gmail.com

Аңдатпа

Инклюзивті білім беру Қазақстан Республикасының білім беру саясатының басым бағыттарының бірі болып табылады және бұл ұлттық заңнамалық құжаттар мен стратегиялық бағдарламаларда көрініс табады. Инклюзивті практикалардың кеңеюімен қатар, осы салаға арналған ғылыми жарияланымдар саны

да артып келеді. Алайда инклюзивті білім беру бойынша жүргізілген зерттеулердің құрылымы мен тақырыптық бағыттары жүйелі түрде талданбаған. Толық халықаралық шолу жүргізудің орнына eLIBRARY дерекқорында көрініс тапқан ұлттық академиялық дискурстың бір сегментін картаға түсіру мақсатын ескере отырып, зерттеу Қазақстандағы педагогикалық зерттеулердің негізгі платформасы болып қала беретін eLIBRARY дерекқорына негізделген құрылымдалған тақырыптық шолу ретінде жасалды. «Инклюзия» және «Қазақстан» түйінді сөздері бойынша 946 жарияланым анықталып, іріктеу нәтижесінде 96 мақала талдауға енгізілді. Нәтижелер инклюзивті білім беру бойынша зерттеулердің басым бөлігі мектепке дейінгі және жалпы орта білім беру деңгейіне, сондай-ақ педагогтердің кәсіби даярлығына бағытталғанын көрсетеді. Жоғары білім беру жүйесіндегі инклюзия мәселелері шектеулі және фрагментарлы түрде қарастырылады. Зерттеу нәтижелері eLIBRARY дерекқорында көрініс тапқан ұлттық зерттеу ландшафтының құрылымдық теңгерімсіздіктерін көрсетеді және әсіресе институттық және жоғары білім беру деңгейлерінде ғылыми назар аударуды қажет ететін аз зерттелген салаларды көрсетеді.

Түйінді сөздер: инклюзивті білім беру; Қазақстан Республикасы; тақырыптық шолу; зерттеу ландшафты; eLIBRARY; білім беру саясаты; педагогтердің даярлауы.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР (2019-2024 гг.)

Бекболатова Б.Е.^{1*}, Калыгулова С.²

^{1*}*НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан*

²*Институт образования, Американский университет в Центральной Азии,
Бишкек, Кыргызская Республика*

**Автор для корреспонденции: beinegul1978@gmail.com*

Аннотация

Инклюзивное образование является одним из приоритетных направлений образовательной политики Республики Казахстан, что отражено в нормативно-правовых документах и стратегиях развития системы образования. Параллельно с расширением инклюзивных практик наблюдается рост числа научных публикаций, посвящённых данной проблематике. Вместе с тем структура и тематическая направленность этих исследований остаются недостаточно систематизированными. Поскольку целью исследования было составление карты сегмента национального академического дискурса, представленного в eLIBRARY, оно было разработано как структурированный тематический обзор на основе базы данных eLIBRARY. По ключевым словам «инклюзия» и «Казахстан» было выявлено 946 источников, из которых после применения критериев релевантности в анализ включены 96 публикаций. Результаты исследования показывают преобладание работ, посвящённых инклюзии в среднем и дошкольном образовании, а также вопросам профессиональной готовности педагогов. Исследования инклюзивного высшего образования представлены в значительно меньшем объёме и носят фрагментарный характер. Полученные результаты выявляют структурные дисбалансы в представленном в eLIBRARY сегменте национальной системы научных исследований и указывают на недостаточно изученные области, требующие дальнейшего научного внимания, особенно на институциональном уровне и уровне высшего образования.

Ключевые слова: инклюзивное образование; Республика Казахстан; тематический обзор; ландшафт исследований; eLIBRARY; образовательная политика; подготовка педагогов.

Introduction

Inclusive education is currently considered one of the priority areas for the development of the educational system of the Republic of Kazakhstan, which is due to both the international obligations of the state and domestic social demands. The right to education for students with special educational needs is enshrined in key regulatory documents, primarily in the Law of the

Republic of Kazakhstan “On Education”, where inclusive education is defined as a form of ensuring equal access to training, taking into account the individual capabilities of students [1]. A significant stage in the institutionalization of inclusion was the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan dated June 26, 2021 No. 56-VII, aimed at expanding legal guarantees and clarifying mechanisms for supporting students with special educational needs at all levels of education [2]. The implementation of these provisions is further specified through by-laws, including the rules of psychological and pedagogical support that regulate the activities of specialists and forms of support in educational institutions [3].

A number of studies examine the conditions for the introduction of inclusion in secondary schools and emphasize the role of psychological and pedagogical support for students with special educational needs [4, 5]. A separate body of research is devoted to issues of teachers' professional readiness to work in an inclusive environment, the formation of inclusive competence and overcoming professional barriers [6, 7, 8, 9]. In addition, several studies address the organizational aspects of inclusive education and the assessment of the readiness of educational organizations to implement inclusive practices [10, 11, 12].

Most publications focus on the secondary level and local practices, while inclusion in the higher education system, as well as institutional and managerial aspects of the development of an inclusive educational environment, are significantly less represented. Quantitative analysis demonstrates this imbalance: of 96 publications on inclusive education in Kazakhstan included in the analytical corpus, more than half (56%) address secondary and preschool education, about a quarter (26%) focus on teacher training and professional development, while less than one-fifth (18%) concern higher education. At the same time, there are very few review studies that allow for a quantitative and thematic characterization.

In this context, the problem addressed by the study lies in the lack of a holistic view of the structure and focus of scientific publications on inclusive education in the Republic of Kazakhstan, despite their quantitative growth and the normative importance of the issues under consideration.

The eLIBRARY database was selected for this review because it serves as a primary national platform for indexing scholarly publications in education and pedagogy. This makes it suitable for mapping the eLIBRARY-indexed segment of inclusive education research within the Republic of Kazakhstan.

The object of the study is the scientific discourse of inclusive education in the Republic of Kazakhstan. The subject of the study is publications addressing issues of inclusive education presented in the eLIBRARY scientific database for the period 2019-2024.

The purpose of the article is to conduct a quantitative and thematic analysis of scientific publications on inclusive education in the Republic of Kazakhstan in order to identify the distribution of research accents by levels of education and the main areas of research.

To achieve this goal, the article solves the following tasks:

1. to identify and select relevant publications on inclusive education;
2. to analyze the quantitative distribution of publications by levels of education;
3. to identify the main thematic areas of research on inclusive education;
4. to characterize the structure of the modern research field in this field.

The article is structured as follows. The introduction substantiates the relevance of the study, considers the degree of development of the problem and formulates the goal and objectives. The section “Materials and methods” describes the procedure for selecting and analyzing publications. The “Results” section presents quantitative and thematic analysis data.

In the “Discussion” section, the identified trends are interpreted and prospects for further research are outlined.

Materials and methods

This study was conducted as a structured thematic review that maps the eLIBRARY-indexed research landscape of inclusive education in the Republic of Kazakhstan. The review focused on identifying dominant research themes and the distribution of scholarly attention across different levels of education.

The literature search was conducted using the eLIBRARY scientific database, which remains one of the primary platforms for indexing pedagogical and educational research in Kazakhstan. The search was limited to publications indexed between 2019 and 2024 within the humanities field. The keywords “inclusion” and “Kazakhstan” were used to identify relevant sources. This initial search yielded 946 publications, which constituted the primary dataset. The 2019–2024 timeframe was selected to capture the most recent stage of inclusive education development in the Republic of Kazakhstan, following the legislative consolidation marked by the 2021 amendments to the Law on Education and the subsequent expansion of inclusive practices across the system. This period also corresponds to the most active growth of academic publications on inclusive education indexed in eLIBRARY, ensuring sufficient material for thematic analysis.

Accordingly, the findings should be interpreted as a mapping of publications indexed in eLIBRARY. They do not claim exhaustive coverage of all research on inclusive education in Kazakhstan, especially publications available only through international databases or local institutional repositories.

The selection of publications was conducted in several stages. At the first stage, search results were screened sequentially, with attention given to the relevance of each publication to the educational context. Studies focusing on inclusion in non-educational domains, for example economics or medicine, as well as publications addressing foreign education systems without reference to Kazakhstan, were excluded. Publications in which the concept of inclusion was used outside of pedagogical discourse were also removed from the dataset. Following this screening process, 96 publications were retained for further analysis and formed the final analytical corpus.

The retained publications were analyzed using qualitative thematic classification procedures. The coding procedure followed two steps. At the first step, each publication was assigned a preliminary category on the basis of its title and abstract. At the second step, the category was checked against the research aim and conclusions. When a publication combined several themes, the category reflected the aspect that determined the main argument. Borderline cases were resolved through author discussion until consensus was reached. A formal inter-rater reliability coefficient was not calculated; this point is included in the limitations of the review.

In addition to thematic classification, publications were grouped according to the level of education that constituted the main object of analysis. The three analytical categories are presented in Table 1. This approach made it possible to identify broader structural patterns in the distribution of research attention and to characterize the current configuration of inclusive education research in Kazakhstan within the selected corpus.

Results

The search for publications was carried out in the eLIBRARY database using the following parameters:

- database: eLIBRARY;

- keywords: “inclusion”, “Kazakhstan”;
- time period: 2019-2024;
- field of knowledge: Humanities.

Based on these parameters, 946 publications were identified, forming the primary array of sources.

At the next stage, a sequential screening of publications was carried out in the order of their presentation in the database. A total of 10 pages with search results were considered. The limitation of the analysis to this range is due to the fact that in subsequent positions there was a sharp decrease in the thematic relevance of publications in the context of inclusive education.

Publications excluded from further analysis were:

- considered inclusion in economic or political contexts without reference to education;
- considered inclusion in medical or sporting contexts without reference to education;
- were devoted to foreign educational systems without reference to the Republic of Kazakhstan;
- used the term “inclusion” outside pedagogical discourse.

Based on the applied criteria, 96 publications directly related to the problems of inclusive education in Kazakhstan were included in the analytical corpus.

All selected publications were classified according to the level of education, which was the main object of research in each work. In the case of cross-level research, the publication belonged to the category that dominated in terms of content (table 1).

Table 1. Distribution of publications by level of education

Level of education	Number of publications	Share
Secondary and preschool education	54	56%
Teacher training and professional development	25	26%
Higher education	17	18%
Total	96	100%

Thus, more than half of the publications focus on issues of inclusion in the system of secondary and preschool education.

Publications related to secondary and preschool education ($n = 54$) were further grouped into main thematic areas identified through analysis of titles and stated research goals.

Table 2 below presents the main thematic areas of research on inclusion at the secondary level.

Table 2. Main thematic areas of research on inclusion at the secondary level

Thematic area	Examples of research topics
Psychological and pedagogical support	support for children with special needs, the activities of an educational psychologist
Inclusive learning practices	subject inclusion (music, foreign languages, physical education)
Socialization and tolerance	formation of a tolerant attitude, social integration
Use of technology	ICT and innovative pedagogical technologies
Institutional support	PMPK, resource and mobile centers

These publications primarily focus on **the practical implementation of inclusion** at the level of individual educational organizations and study groups.

A separate group consists of publications aimed at analyzing the preparation of teachers for work in inclusive education ($n = 25$). This group includes studies devoted to both primary pedagogical education and the system of advanced training (table 3).

Table 3. Thematic areas of research in teacher training

Direction	Examples of topics
Professional readiness	Readiness of future teachers for inclusive education
Inclusive competence	Formation and development of inclusive competencies
Psychological readiness	Attitudes, self-efficacy of teachers
Specialized training	Training of defectologists and educational psychologists
Advanced training	Inclusion in the system of additional education of teachers

Publications addressing inclusive education in higher education comprise 17 studies (table 4).

Table 4. Main areas of research on inclusion in higher education

Direction	Examples of topics
Student support	Support for students with special educational needs
Adaptation of educational programs	Adaptation of curricula and programs
Readiness of the teaching staff	Attitudes and professional readiness of the teaching staff
Organizational strategies	Formation of an inclusive space at the university
Subjectivity of students	The position of students with special educational needs (SEN) in the educational process

The corpus also includes a group of publications ($n = 22$) focused on theoretical understanding and policy analysis in inclusive education. These works overlap with other thematic blocks, but were singled out in a separate category based on the dominant focus of the study (table 5).

Table 5. Types of theoretical and normative publications

Publication Type	Examples
Analysis of educational policy	Development of inclusive education in the Republic of Kazakhstan
Legal research	Legislative support of the right to education
Conceptual overviews	History and approaches to inclusive education
Strategic documents	Problems and prospects of inclusion

Thus, after applying the relevance criteria, out of the initial array of 946 publications identified in the eLIBRARY database for the period 2019-2024, 96 publications directly devoted to inclusive education in Kazakhstan were included in the analytical corpus. Overall,

the results indicate an uneven distribution of research across levels of education within the selected corpus, with a predominance of works focused on secondary education practice and teacher training, and a more limited number of publications on inclusion in higher education.

Discussion

Within the selected corpus, the results demonstrate a steady concentration of scientific research on inclusive secondary and preschool education, which accounts for more than half of all selected publications. This imbalance reflects the institutional and regulatory logic of the development of inclusion in Kazakhstan, where general education has been the main object of reforms and methodological support over the past decade.

In scientific publications, inclusion at the secondary level is presented primarily as a practical task addressed at the level of a specific educational organization or teaching staff. This explains the wide spread of research on psychological and pedagogical support and formation of a tolerant environment, as well as subject inclusion and use of pedagogical technologies. Thus, inclusive education in the scientific discourse of Kazakhstan is constructed primarily as a practice of everyday pedagogical interaction, with less attention to systemic change in educational policy.

One significant finding is the high proportion of publications focused on teacher training and professional readiness. Every fourth work focuses on the formation of inclusive competence, psychological attitudes and personal readiness of teachers to work in an inclusive environment.

The strong focus on teacher readiness and inclusive competence observed in the analyzed publications reflects research preferences and broader policy implementation gaps in the development of inclusive educational environments. In the absence of fully institutionalized support systems and clearly articulated organizational responsibilities, the practical burden of inclusion is often shifted to individual teachers. This pattern should be understood as a discursive characteristic of the research field. It is not a critique of teachers' professional capacity or commitment. The prominence of teacher-centered studies highlights the central role educators play in sustaining inclusive practices under conditions of limited institutional support.

This pattern points to a personalization of responsibility for inclusion, which appears characteristic of the research field, when a specific teacher becomes the key subject of change. In this context, inclusion is understood through professional qualities and attitudes, as well as skills and values attributed to individual teachers, while institutional and organizational conditions, as well as infrastructural and managerial conditions of the educational environment, remain on the periphery of scientific analysis.

Such an approach reflects the real role of the teacher in the implementation of inclusive practices. At the same time, it limits the possibilities of a comprehensive understanding of inclusion as a systemic process that goes beyond individual professional training.

Across all thematic blocks, the dominance of research focused on supporting students with special educational needs is clearly evident. Psychological and pedagogical support, tutoring, volunteer practices and the activities of specialized services are considered as central mechanisms for ensuring inclusion.

In the international literature, inclusive education is often discussed through the distinction between support-based (compensatory) and transformation-oriented (systemic) models. Within the first approach, inclusion is understood primarily as the provision of additional support services and targeted assistance that help students with special educational needs adapt to an existing educational environment. Transformation-oriented models emphasize structural change, including curriculum redesign and assessment change, as well as

institutional policy reform and the creation of universally accessible learning environments. This distinction corresponds to international approaches to inclusive education, where UNESCO emphasizes a shift from individual support mechanisms toward system-level transformation [13]. The dominance of research focused on psychological and pedagogical support in Kazakhstan suggests that the national scientific discourse largely aligns with a compensatory understanding of inclusion, where the emphasis is placed on supporting the learner, while transformation of the educational system receives less attention [14].

More recent international scholarship develops the same logic by treating inclusion as a matter of system design and institutional responsibility. UNESCO's 2020 Global Education Monitoring Report links inclusion with barriers created inside education systems [15]. Ainscow describes inclusion and equity as principles for system reform, with attention to leadership and evidence-informed change [16]. For higher education, Moríña shows that inclusion requires accessibility and teaching practices, as well as faculty development and student participation to be considered as connected dimensions of university policy [17]. These positions provide a theoretical frame for interpreting the limited representation of institutional and higher-education themes in the Kazakhstani corpus.

This pattern allows the prevailing research logic to be characterized as a compensatory model of inclusive education, in which the focus is on the adaptation of the student to the existing educational environment. Transformation of the environment itself receives less analytical attention. In scientific publications, inclusion is more often understood as a process of support and assistance, while transformation of educational programs and institutional practices is represented less consistently.

Within the analyzed corpus, several works stand out by their citation impact and serve as reference points for the field. The most cited publication is Agavelyan, Aubakirova, Zhomartova and Burdina (2020), addressing teachers' attitudes towards inclusive education in Kazakhstan [8]; this work has shaped subsequent discussions of teacher readiness. Roshchina (2022) [11], focusing on pedagogue self-efficacy and "learned helplessness," represents another influential entry point. The terminological reference work by Malofeev, Movkebaeva, Khitryuk et al. (2020) [12], produced jointly by Belarusian and Kazakhstani specialists, has been widely cited as a conceptual foundation. Turlubekova and Bugubaeva (2021) [7] offered an early systemic analysis of inclusive education organization, while Bolshakov and Dolgova (2022) [14] provided a comparative perspective on the post-socialist context, including parental satisfaction. These works together define the most-discussed entry points into the national research field.

Beyond their thematic distribution, the analyzed publications share recurring structural features within each classified group. Studies on inclusion at the secondary level typically frame the problem as a gap between policy declarations and classroom practice, rely predominantly on case studies and teacher interviews, and conclude with recommendations for strengthening psychological-pedagogical support. Publications on teacher training share a problem orientation around insufficient inclusive competence, employ surveys and standardized attitude scales as their primary methodology, and recommend enhancing pre-service and in-service preparation. Studies on inclusive higher education frame the problem as fragmented institutional support, draw on case studies of individual universities or program adaptations, and call for accessibility improvements and faculty training. The theoretical and normative publications cluster around the problem of conceptual clarity, employ document and literature analysis, build their argumentation on the alignment of national policy with international frameworks, and recommend further strategic and legislative development. This recurrence of

problem framings and recommendation patterns across groups indicates a relatively standardized research format within the national field.

Of particular note is the relatively limited number of publications addressing inclusive higher education, which make up less than one-fifth of the general corpus. At the same time, even within this segment, research is fragmentary and, as a rule, focuses on selected aspects: support for students with SEN and accessibility of the educational environment, as well as adaptation of curricula and readiness of the teaching staff.

The underrepresentation of inclusive higher education in the research corpus may partly reflect a combination of structural factors, including weak institutional mandates and uneven regulatory guidance, as well as limited disability support services and restricted research funding specifically targeted at inclusion at the tertiary level. As a result, inclusive practices at universities remain less visible both in institutional policy and in academic research agendas.

Inclusion in the university context is rarely considered as an institutional phenomenon affecting academic policy, architectural and digital accessibility, the organization of the educational process, and the management system. As a result, inclusive higher education rarely emerges in scientific discourse as an independent and holistic area of research. It more often continues the secondary education logic of support at the university level.

The identified group of theoretical and normative-oriented publications indicates another characteristic feature of the research field - the predominance of the declarative and review approach. In many works, inclusive education is described through the prism of strategic documents and legal norms, while the empirical component is either absent or presented in a minimal volume.

This type of publication contributes to the consolidation of inclusion as a normative value, but limits the ability to analyze the real mechanisms of its implementation and assess the effectiveness of the measures taken. As a result, scientific discourse may reproduce official rhetoric without moving on to a critical understanding of existing practices.

An additional feature of the research field is the subject and local segmentation of publications. Inclusion is often considered within the framework of individual disciplines, for example foreign languages or physical education, as well as at the level of specific educational organizations and regions.

Such research expands understanding of the diversity of inclusive practices. Its local nature and the lack of comparable methodological foundations make it difficult to form a holistic picture of inclusive education at the national level.

To visually summarize the results of the analysis of publications on the problems of inclusive education in Kazakhstan, a visual scheme was developed that reflects the main directions and research accents (Figure 1). The presented visual structures the identified thematic blocks and correlates them with the current state of scientific discourse.

Figure 1 provides a visual synthesis of the main thematic areas identified in the analyzed publications and their relative prominence within the national research landscape. The figure highlights the concentration of studies on secondary-level inclusion and teacher preparation, alongside the comparatively limited representation of research on inclusive higher education and institutional dimensions.

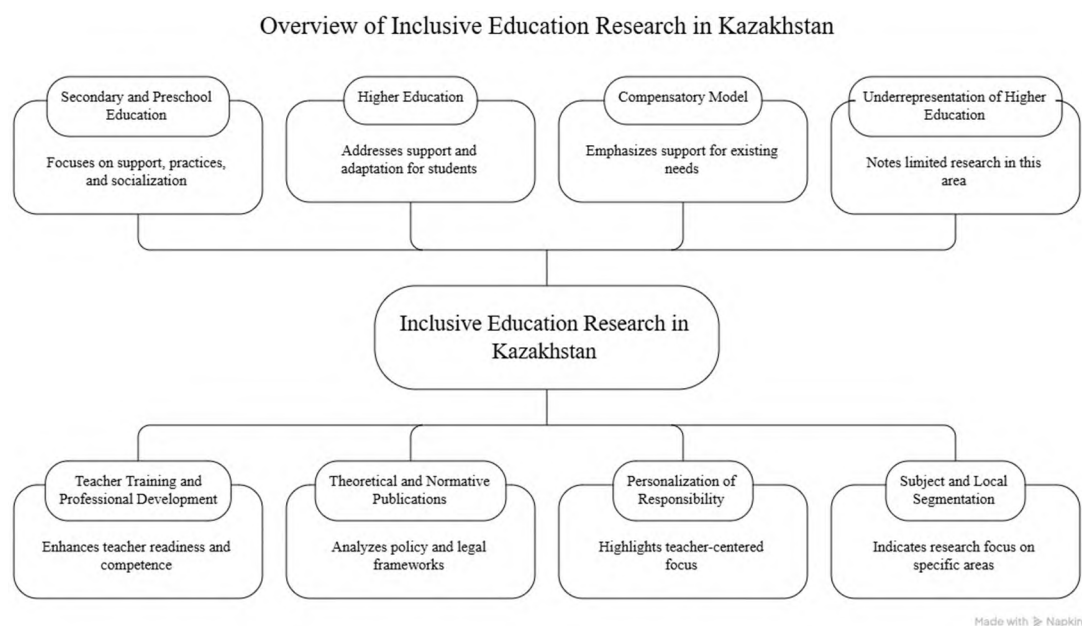

Figure 1. Main Thematic Areas of Research on Inclusive Education in Kazakhstan (2019-2024)

Conclusion

Taken together, the results obtained and their analysis allow us to assert that the eLIBRARY-indexed segment of scientific understanding of inclusive education in Kazakhstan is characterized by asymmetry and fragmentation. Research attention is focused mainly on secondary education practice and professional readiness of teachers, while inclusion in higher education and institutional aspects of the educational system remain underdeveloped within the analyzed corpus.

The identified features set the directions for further research related to the transition from compensatory and personalized models of inclusion to a systematic analysis of the educational environment and institutional policy, as well as management mechanisms and support infrastructure at all levels of education.

The review can therefore serve as a baseline study that systematizes the eLIBRARY-indexed research landscape of inclusive education in Kazakhstan and creates a reference point for further empirical investigation. Future research would benefit from a stronger focus on institutional-level analyses, particularly examining how inclusive policies are implemented within educational organizations. There is also a clear need for comparative studies of inclusive practices in higher education, both across universities within Kazakhstan and in comparison with international contexts. Research that critically examines the implementation of inclusive education policies beyond their normative formulation would contribute to a deeper understanding of the mechanisms shaping inclusive education at all levels of the education system.

Several limitations of the present review should be acknowledged. First, the analysis was based exclusively on the eLIBRARY database; relevant publications indexed in Scopus or Web of Science without simultaneous indexing in eLIBRARY may have been omitted. Second, the language coverage was effectively limited to publications in Russian and Kazakh, which may underrepresent English-language research on inclusive education in Kazakhstan published in international journals. Third, the temporal window of 2019-2024 captures the most recent stage

of policy and research development, but does not allow for diachronic comparison with earlier periods. Fourth, the methodological approach relied on qualitative thematic classification and author consensus. No formal inter-rater reliability coefficient was calculated for the thematic coding, which limits the precision of structural claims about the research field. Finally, technical and vocational education was not differentiated from higher education in the original publication self-categorizations, and is therefore reported here as part of the higher education category. These limitations also indicate productive directions for further investigation.

References:

1. Zakon Respubliki Kazakhstan «Ob obrazovanii». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
2. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 26 iyunya 2021 goda № 56-VII «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam inklyuzivnogo obrazovaniya». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000056> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
3. Prikaz Ministra obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan ot 12 yanvarya 2022 goda № 6 «Ob utverzhdenii Pravil psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya obuchayushchihsya, ispytyvayushchih trudnosti v osvoenii obshcheobrazovatel'nyh uchebnyh i individual'nyh programm». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200026655> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
4. Aubakirova A.A., Abieva A.Zh. Inklyuzivnoe obrazovanie – potrebnost' obshchestva // Nauka i real'nost'. – 2021. – № 4 (8). – S. 116-119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnoe-obrazovanie-potrebnost-obshchestva> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
5. Antilogova L.N., Pustovalova N.I., Lazarenko D.V. Problemy i perspektivy sozdaniya inklyuzivnogo obshchestva // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire. – 2020. – T. 10, № 3. – S. 3948-3958.
6. Mamerkhanova Z., Sakayeva A., Akhmetkarimova K., Assakayeva D., Bobrova V. Development of inclusive education in the Republic of Kazakhstan: an inside view (case of the Karaganda region) // Frontiers in Education. – 2025. – Vol. 10, art. 1630225. DOI: 10.3389/educ.2025.1630225. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2025.1630225/full> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
7. Turlubekova M.B., Bugubaeva R.O. Inklyuzivnoe obrazovanie v Kazakhstane: analiz processa organizatsii i vozmozhnosti dal'nejshego ego razvitiya // Central Asian Economic Review. – 2021. – № 3 (138). – S. 89-109. URL: <https://caer.narxoz.kz/jour/article/view/335> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
8. Agavelyan R.O., Aubakirova S.D., Zhomartova A.D., Burdina E.I. Teachers' attitudes towards inclusive education in Kazakhstan // Integration of Education. – 2020. – Vol. 24, № 1 (98). – P. 8-19. DOI: 10.15507/1991-9468.098.024.202001.008-019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teachers-attitudes-towards-inclusive-education-in-kazakhstan> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
9. Sardarova ZH.I., Autaeva A.N., Rsaldinova A.K., Kemesheva A.M. Emotsional'nyj intellekt kak osnovnoj pokazatel' gotovnosti sovremennyh pedagogov k professional'noj deyatel'nosti v usloviyah cifrovizatsii i inklyuzivnogo obrazovaniya // Vestnik KazNU. Seriya pedagogicheskie nauki. – 2021. – T. 67, № 2. – S. 28-37. URL: <https://bulletin-pedagogic-sc.kaznu.kz/index.php/1-ped/article/download/1045/634/2237> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
10. Bilyalov D., Movkebayeva Z., Khamitova D., Duzelbayeva A. Barriers to inclusion: insights from special education teachers in Kazakhstan // Eurasian Journal of Educational Research. – 2024. – Vol. 2024, № 113. – P. 65-80. URL: <https://research.nu.edu.kz/en/publications/barriers-to-inclusion-insights-from-special-education-teachers-in> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
11. Roshchina G.O. Samoeffektivnost' pedagoga inklyuzivnogo obrazovaniya: ot «vyuchennoj bespomoshchnosti» do professional'noj samoocenki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pedagogiki i psihologii vysshego obrazovaniya. – 2022. – № 2 (2). – S. 47-54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoeffektivnost-pedagoga-inklyuzivnogo-obrazovaniya-ot-vyuchennoj-bespomoshchnosti-do-professionalnoy-samootsenki> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
12. Malofeev N.N., Movkebaeva Z.A., Hitryuk V.V. i dr. Inklyuzivnoe i special'noe obrazovanie: Mezhdunarodnyj slovar' terminov / Ministerstvo obrazovaniya Respubliki Belarus', Belorusskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni Maksima Tanka. – Minsk: BGPU, 2020. – 103 s. – ISBN 978-985-541-820-8.

13. UNESCO. A Guide for Ensuring Inclusion and Equity in Education. – Paris: UNESCO, 2017. – 45 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248254> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
14. Bol'shakov N.V., Dolgova E.M. Inklyuzivnoe obrazovanie v prostranstve postsocializma: sravnitel'nyj analiz roditel'skoj udovletvorennosti // Voprosy obrazovaniya. – 2022. – № 1. – S. 54-74.
15. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and education: All means all. – Paris: UNESCO, 2020. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373724> (data obrashcheniya: 25.05.2026).
16. Ainscow M. Promoting inclusion and equity in education: lessons from international experiences // Nordic Journal of Studies in Educational Policy. – 2020. – Vol. 6, № 1. – P. 7-16. DOI: 10.1080/20020317.2020.1729587.
17. Moríña A. Inclusive education in higher education: challenges and opportunities // European Journal of Special Needs Education. – 2017. – Vol. 32, № 1. – P. 3-17. DOI: 10.1080/08856257.2016.1254964.

Information about the authors

B.Y. Bekbolatova – corresponding author, Master of Arts in Teaching, Senior Lecturer, International Campus, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan, e-mail: beinegul1978@gmail.com;

S. Kalygulova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of Sociology Department at the American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic; e-mail: kalygulova_s@auca.kg.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-137-148

УДК 37.013

МРНТИ 14.01

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЗАДАЧА В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧ ПЕДАГОГА

Старкова А.В.^{1,2*}, Щупановская К.А.³, Мощенко Ю.В.¹, Васильева О.М.¹

НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,

Петропавловск, Казахстан

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия

КГУ «Средняя школа № 9 имени Ахмета Байтурсынулы», Петропавловск, Казахстан

Автор для корреспонденции: elvenbride@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу статуса исследовательской задачи в системе профессиональных задач педагога. Несмотря на признание значимости исследовательской деятельности педагога в нормативных документах и научной литературе, единого подхода к классификации профессиональных задач, включающего исследовательскую составляющую, не сформировано. Цель исследования – на основе сопоставительного анализа нормативных документов Российской Федерации и Республики Казахстан, а также научной литературы определить, какой статус имеет исследовательская задача в существующих классификациях профессиональных задач педагога. Исследование носит теоретико-аналитический характер. Материалами послужили нормативные документы двух стран (ФГОС ВО РФ редакций 2016 и 2018 гг., Профессиональный стандарт «Педагог» РК 2022 и 2025 гг., Правила аттестации педагогов РК, Правила присвоения звания «Лучший педагог» РК), а также монографии, диссертации и статьи отечественных и зарубежных исследователей. Использованы методы контент-анализа, сравнительного анализа и типологизации. Результаты показывают, что в определениях профессиональной задачи прослеживаются пять подходов: через структуру «цель – условия – искомое», функцию в системе подготовки, познавательный компонент, нормативную рамку профстандартов и связь с профессиональной обязанностью педагога. Сопоставление нормативных классификаций РФ и РК выявило, что они построены на разных основаниях: типы задач в ФГОС ВО и квалификационные категории в Профстандарте РК. В научных классификациях исследовательская задача обнаруживается имплицитно в структуре решения задач любого типа и одновременно как самостоятельный предмет с детализированной типологией. Установлено, что исследовательская задача признается значимой всеми рассмотренными подходами, однако её статус в системе профессиональных задач педагога остается неопределенным.

Ключевые слова: профессиональная задача, исследовательская задача, педагог, классификация задач, профессиональный стандарт, аттестация педагогов, сравнительный анализ.

ПЕДАГОГТЫҢ КӘСІБИ МІНДЕТТЕР ЖҮЙЕСІНДЕГІ ЗЕРТТЕУ МІНДЕТІ

Старкова А.В.^{1,2*}, Щупановская К.А.³, Мощенко Ю.В.¹, Васильева О.М.¹

«М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,

Петропавл, Қазақстан

«Омбы мемлекеттік педагогикалық университеті» ФМБМ ЖОО, Омбы, Ресей

«А. Байтұрсынұлы атындағы № 9 орта мектеп» КММ, Петропавл, Қазақстан

Хат-хабар үшін автор: elvenbride@inbox.ru

Аңдатпа

Мақала педагогтың кәсіби міндеттер жүйесіндегі зерттеу міндетінің мәртебесін талдауға арналған. Нормативтік құжаттарда және ғылыми әдебиетте педагогтың зерттеушілік қызметінің маңыздылығы танылғанымен, зерттеу құрамдасын қамтитын кәсіби міндеттердің бірыңғай жіктемесі әлі қалыптаспаған.

Зерттеудің мақсаты – Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының нормативтік құжаттарын және ғылыми әдебиетті салыстырмалы талдау негізінде педагогтың кәсіби міндеттерінің қолданыстағы жіктемелерінде зерттеу міндетінің қандай мәртебеге ие екенін анықтау. Зерттеу теориялық-аналитикалық сипатта жүргізілді. Материал ретінде екі елдің нормативтік құжаттары (РФ-тың 2016 және 2018 жылдардағы ЖБ ФМБС, ҚР-тың 2022 және 2025 жылдардағы «Педагог» кәсіби стандарты, ҚР педагогтерді аттестациялау ережелері, ҚР «Үздік педагог» атағын беру ережелері), сондай-ақ отандық және шетелдік зерттеушілердің монографиялары, диссертациялары мен мақалалары пайдаланылды. Мазмұндық талдау, салыстырмалы талдау және типологизация әдістері қолданылды. Нәтижелер кәсіби міндет ұғымын анықтауда бес тәсілдің байқалатынын көрсетеді: «мақсат – жағдай - ізделіп отырған» құрылымы арқылы, дайындау жүйесіндегі қызметі арқылы, танымдық құрамдас арқылы, кәсіби стандарттың нормативтік шеңбері арқылы және педагогтың кәсіби міндеттемесімен байланыс арқылы. РФ мен ҚР нормативтік жіктемелерін салыстыру олардың әртүрлі негіздерде құрылғанын анықтады: ЖБ ФМБС-да міндет түрлері, ҚР Кәсіби стандартында біліктілік санаттары. Ғылыми жіктемелерде зерттеу міндеті кез-келген түрдегі міндеттерді шешу құрылымында жасырын түрде және өзіндік пәні ретінде де көрінеді. Зерттеу міндеті барлық қарастырылған тәсілдермен маңызды деп танылғанымен, оның педагогтың кәсіби міндеттер жүйесіндегі мәртебесі белгісіз болып қалады.

Кілт сөздер: кәсіби міндет, зерттеу міндеті, педагог, міндеттер жіктемесі, кәсіби стандарт, педагогтерді аттестациялау, салыстырмалы талдау.

THE RESEARCH TASK WITHIN THE SYSTEM OF TEACHERS' PROFESSIONAL TASKS

Starkova A.V.^{1,2*}, Shchupanovskaya K.A.³, Mochshenko Yu.V.¹, Vasilieva O.M.¹

^{1*}*Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan*

^{2*}*Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia*

²*Akhmet Baitursynuly Secondary School No. 9, Petropavlovsk, Kazakhstan*

^{*}*Corresponding author: elvenbride@inbox.ru*

Abstract

The article is devoted to analyzing the status of the research task within the system of teachers' professional tasks. Despite the recognized significance of teachers' research activity in normative documents and scholarly literature, a unified approach to classifying professional tasks that incorporates the research component has not yet been formed. The aim of the study is to determine, through a comparative analysis of normative documents of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan as well as scholarly literature, what status the research task has in existing classifications of teachers' professional tasks. The study is of a theoretical and analytical nature. The materials include normative documents of the two countries (the Federal State Educational Standards of Higher Education of the Russian Federation, editions of 2016 and 2018; the Professional Standard "Teacher" of the Republic of Kazakhstan, editions of 2022 and 2025; the Rules of Teacher Attestation of the Republic of Kazakhstan; the Rules for Awarding the Title "Best Teacher" of the Republic of Kazakhstan), as well as monographs, dissertations and articles by domestic and foreign researchers. The methods of content analysis, comparative analysis, and typologization were applied. The results reveal that five approaches to defining the professional task can be identified: through the structure "goal - conditions - sought-after element"; through its function in the system of teacher training; through the cognitive component; through the normative framework of professional standards; and through the connection with the teacher's professional duty. The comparison of normative classifications of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan revealed that they are built on different bases: types of tasks in the FSES of Higher Education and qualification categories in the Professional Standard of the Republic of Kazakhstan. In scholarly classifications, the research task appears implicitly within the structure of solving any type of task, and simultaneously as a distinct subject with a detailed typology. It is established that the research task is recognized as significant by all approaches under consideration; however, its status within the system of teachers' professional tasks remains uncertain.

Keywords: professional task, research task, teacher, classification of tasks, professional standard, teacher attestation, comparative analysis.

Введение

Профессиональная деятельность педагога описывается в нормативных документах и научной литературе через систему задач. В Российской Федерации ФГОС ВО 3++ по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование» выделяет шесть типов задач профессиональной деятельности [1]. В Республике Казахстан профессиональная деятельность педагога описывается через Профессиональный стандарт «Педагог» (редакция 2022 года [2] и новая редакция 2025 года [3]), определяющий компетенции и квалификационные категории педагога, а также через Правила и условия проведения аттестации педагогов [4], регламентирующие применение этих категорий в системе аттестации. Оба подхода задают рамку профессиональной подготовки и аттестации педагогов, однако вопрос о том, каким образом в этих рамках представлена исследовательская составляющая деятельности педагога, остается открытым.

В научной литературе накоплен значительный опыт изучения профессиональных задач педагога (В.А. Козырев, Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпицына [5]; М.А. Червонный [6]; Н.А. Костикова [7]) и исследовательской деятельности педагога (В.И. Загвязинский [8]; В.С. Лазарев, Н.Н. Ставринова [9], [10]). Вместе с тем эти две линии исследований развиваются преимущественно параллельно. Классификации профессиональных задач, как правило, не содержат явного описания исследовательской задачи, а работы по исследовательской деятельности педагога сосредоточены на подготовке студентов и не всегда соотносятся с существующими типологиями задач.

Данная статья представляет собой попытку сопоставить эти два направления. Актуальность темы определяется изменениями в нормативной базе подготовки и аттестации педагогов в РФ и РК, в которых исследовательская составляющая педагогической деятельности получает разный нормативный статус, а также возрастающим вниманием педагогической науки к роли исследовательской деятельности в работе педагога-практика. Цель состоит в анализе существующих классификаций профессиональных задач педагога в нормативных документах РФ и РК и в научной литературе с тем, чтобы определить, какой статус в них имеет исследовательская задача. Новизна работы заключается в систематическом сопоставлении нормативных классификаций двух стран и научных подходов к профессиональным задачам педагога с фокусом на исследовательскую составляющую.

Материалы и методы

Исследование носит теоретико-аналитический характер. Материалами послужили нормативные документы двух стран (ФГОС ВО РФ редакций 2016 и 2018 гг., Профессиональный стандарт «Педагог» РК 2022 и 2025 гг., Правила проведения аттестации педагогов РК, Правила присвоения звания «Лучший педагог» РК), а также монографии, диссертации и статьи исследователей по проблемам профессиональных задач и исследовательской деятельности педагога. Отбор материалов проводился следующим образом. Нормативные документы включались в действующей редакции; предшествующая редакция привлекалась в случае, когда статус исследовательской задачи был закреплён в ней иначе, что позволяло проследить изменение нормативного закрепления. Научный источник включался в состав материалов при наличии в нём эксплицитного авторского определения понятия «профессиональная задача» либо классификации профессиональных задач педагога; по тому же принципу отбирались работы, посвящённые исследовательским задачам педагога-практика.

Для анализа определений применялся контент-анализ. Единицей анализа выступало авторское определение понятия «профессиональная задача». Категорией

анализа служил доминирующий признак, через который в определении раскрывается содержание понятия. Пять подходов, представленных в разделе результатов, получены индуктивно: определения группировались по совпадению доминирующего признака, наименование подхода присваивалось по этому же признаку.

Для сопоставления классификаций задач в нормативных документах РФ и РК использовался сравнительный анализ. Сопоставление велось по четырём параметрам: основание классификации; место исследовательской задачи в составе классификации; способ операционализации исследовательского компонента; связь классификации с процедурами аттестации педагогов.

Для определения статуса исследовательской задачи применялся метод типологизации. Каждой рассмотренной классификации приписывался один из четырёх вариантов статуса: самостоятельный тип профессиональной задачи; компонент структуры решения задач любого типа; показатель уровня профессионального развития педагога; самостоятельный предмет специальной типологизации.

Результаты

Контент-анализ определений выявил пять подходов к пониманию профессиональной задачи: структурный, функциональный, познавательный, нормативный, деонтологический. В рамках структурного подхода В.В. Лаптев, С.А. Писарева и А.П. Тряпицына определяют профессиональную задачу как «цель, заданную в определенных условиях», структура которой включает «требования (цель), условия (известное) и искомое (неизвестное)» [11, с. 12]. Функциональный подход представлен у Н.Ф. Радионовой и А.П. Тряпицыной: профессиональная задача рассматривается как совокупность действий, образующая «ядро» содержания профессиональной подготовки [12, с. 10]. Познавательный подход объединяет определения М.А. Червонного: осмысленная учебно-профессиональная ситуация с включённой в неё целью познания и преобразования действительности [6] и В.А. Сластенина: «проанализированная педагогическая ситуация, имеющая в своем составе цель и потребность изучения и изменения реальности» [13, с. 251-252]. Нормативный подход реализует Л.В. Стройкина, формулируя определение через привязку к «трудовым действиям, умениям и знаниям... представленным в профессиональных стандартах сферы образования» [14, с. 24]. Деонтологический подход представлен позицией Н.Н. Ставриновой, рассматривающей исследовательскую задачу как профессиональную обязанность педагога [15, с. 3, 22].

В научной литературе зафиксировано шесть классификаций профессиональных задач. В.А. Козырев, Н.Ф. Радионова и А.П. Тряпицына выделили пять групп: видение учащегося, построение образовательного процесса, установление взаимодействия с другими субъектами, создание и использование образовательной среды, профессиональное самообразование [5]. Коллектив под руководством Г.А. Бордовского расширил перечень за счёт групп управления, коммуникации, работы с информацией и личностных задач [16]. Н.А. Костикова, опираясь на эту расширенную типологию, выделила семь групп задач для электронной образовательной среды [7]. Н.Ф. Радионова и С.В. Ривкина построили иерархию задач по степени приближенности к профессиональной деятельности: учебные, учебно-профессиональные, профессиональные [17]. М.А. Червонный развил эту иерархию, дополнив привязкой к школьной ступени, образовательной области и учебному предмету [6]. Отдельную линию образует классификация В.С. Лазарева и Н.Н. Ставриновой, описывающая 16 типов собственно исследовательских задач педагога-практика: изучение особенностей

обучающихся, анализ учебных достижений, выявление учебных затруднений, изучение эффективности педагогических новшеств и др. [9, 10].

В нормативных документах двух стран исследовательская задача представлена в различных формах. В ФГОС ВО РФ 2016 г. исследовательская деятельность была выделена как самостоятельный вид профессиональной деятельности педагога. В ФГОС ВО 3++ 2018 г. она исключена из перечня шести типов задач (педагогический, проектный, методический, организационно-управленческий, культурно-просветительский, сопровождения) [1]; М.А. Червонный отмечает, что «в изменённом стандарте определений типов задач профессиональной деятельности не приводится» [6], а Л.В. Стройкина фиксирует, что понятие организационно-управленческой задачи «авторами конкретно не описано и не разъяснено» [14]. В нормативных документах Республики Казахстан исследовательский компонент закреплён через квалификационную категорию «педагог-исследователь» в Профессиональном стандарте «Педагог» [2, 3] и Правилах аттестации педагогов [4], а также через критерий «исследовательская деятельность» в Правилах присвоения звания «Лучший педагог»

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет интерпретировать выявленные закономерности на нескольких уровнях. Прежде всего внимания заслуживает происхождение пяти выявленных подходов: каждый из них восходит к самостоятельной теоретической традиции, а их одновременное сосуществование в современном педагогическом дискурсе фиксирует историческое наложение этих традиций. Структурный подход (Г.А. Балл [19], В.В. Лаптев с соавторами [11]) развивает психологическую теорию решения задач, формировавшуюся в советской школе общей психологии 1960-1980-х гг. Функциональный подход (Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпицына [12]) связан с переходом педагогического образования к компетентностной парадигме в начале 2000-х гг. Познавательный компонент в определениях В.А. Сластенина [14] и М.А. Червонного [6] восходит к деятельностной теории и культурно-исторической традиции, где исследование рассматривается как родовое свойство педагогической деятельности. Нормативная рамка Л.В. Стройкиной [14] отражает текущий этап профессиональной стандартизации, начавшийся в РФ после 2013 года. Деонтологическая позиция Н.Н. Ставриновой [15] имеет отдельную идейную родословную. Она восходит к работам Л. Стенхауса о педагоге-исследователе [20] и получает развитие у М. Кокрэн-Смит и С. Литл в концепции исследовательской позиции (*inquiry as stance*) как фундаментального свойства профессии [21]. В современных работах эта традиция получает операциональное развитие: С.А. Мертлер описывает исследование действием (*action research*) как практическую стратегию решения педагогических проблем непосредственно в классе [22], а исследование Л. Верхуфа, М. Волман и Л. Гайкхорст показывает, что преподаватели исследовательски-ориентированных программ подготовки педагогов способствуют формированию культуры исследования в начальной школе [23].

Не менее значимым является то, на каком основании построены классификации профессиональных задач в нормативных документах двух стран. В ФГОС ВО РФ [1] ось классификации – типы профессиональной деятельности (педагогическая, проектная, методическая, организационно-управленческая и др.). Иными словами, педагог описывается через действия, которые он выполняет. В Профессиональном стандарте «Педагог» РК [2, 3] ось иная – квалификационные категории (педагог-стажер, педагог-

модератор, педагог-эксперт, педагог-исследователь, педагог-мастер), т.е. педагог описывается через уровень профессионального развития, на котором он находится. Две онтологии отражают разные ответы на вопрос «что такое профессионализм педагога». В российской рамке профессионализм – это владение всеми типами деятельности на одном уровне; в казахстанской – это движение по уровням мастерства. Соответственно, и место исследовательской деятельности оказывается принципиально разным: в РФ это один из видов деятельности (теоретически – равный другим, но в текущей редакции исключённый из перечня), в РК – это маркер высокого уровня в карьерной траектории. Подобные карьерные модели с явной градацией профессиональных уровней описаны в международных сравнительных исследованиях педагогических профессий и встречаются, в частности, в системах Сингапура и Австралии. Данные TALIS 2024, охватывающие 280 000 педагогов в 55 образовательных системах, фиксируют всё более широкое распространение градации профессиональных уровней [24]. Казахстан при этом попадает в число систем, где наставничество для молодых педагогов остаётся традиционно развитым [24]. Сравнительный анализ А.Я. Асиэри охватывает профессиональные стандарты педагогов девяти ведущих образовательных систем, обновивших свои рамки в 2020-2025 гг. (Австралия, Англия, Шотландия, Новая Зеландия, Канада, Дания, Финляндия, Саудовская Аравия, Колорадо) [25]. Анализ показывает, что современные стандарты, несмотря на культурную вариативность, сходятся на пяти общих доменах: профессиональные ценности и этика, педагогические знания, предметные знания, навыки оценивания и непрерывное профессиональное развитие [25]. По структурным признакам казахстанская модель сопоставима с международными карьерными рамками: в ней присутствуют градация квалификационных уровней, привязка продвижения к процедуре аттестации, закрепление наставничества за педагогами высших категорий, фиксация исследовательского компонента в номенклатуре категорий. Вместе с тем казахстанская модель обладает особенностью, отличающей её от большинства рассмотренных систем: исследовательский компонент вынесен в наименование отдельной квалификационной категории, тогда как международные стандарты встраивают его в домен непрерывного профессионального развития [25] либо связывают с практиками наставничества [24]. Структурное сходство при этом не равнозначно реализованной исследовательской культуре: наличие категории «педагог-исследователь» свидетельствует о нормативном признании исследовательского компонента профессионализма, однако степень его реализации определяется содержательным наполнением категории, которое рассматривается ниже.

Особого внимания заслуживает вопрос о причинах исключения исследовательской деятельности из ФГОС ВО 3++ 2018 г. Анализ работ, обсуждающих переход к новому стандарту [6], [14], показывает, что ФГОС 3++ построен на сквозных универсальных компетенциях (УК), среди которых есть «системное и критическое мышление» — фактически включающее исследовательский компонент. Логика стандарта в том, что исследование перестаёт быть отдельным видом профессиональной деятельности и становится сквозной компетенцией, применимой к любому из шести оставшихся типов задач. Эта логика согласуется с моделью педагогического рассуждения Л. Шульмана [26], где цикл «понимание – преобразование – обучение – оценка – рефлексия – новое понимание» включает исследовательскую составляющую как обязательный этап в работе с любым предметным содержанием.

Казахстанский ответ на тот же вопрос иной. Квалификационная категория «педагог-исследователь» представляет собой уровень аттестации, доступный педагогу-практику при демонстрации определённых результатов исследовательской и методической работы [4]. Эта конструкция концептуально близка к идее исследовательской позиции (*inquiry as stance*): исследование выступает способом существования в профессии при сохранении преподавания в качестве основной деятельности [21]. Однако операциональное наполнение категории строится на критериях аттестации, фиксирующих продукты профессиональной активности: публикации, выступления, методические разработки, наставничество [4]. Содержательная оценка качества педагогического исследования предполагает иные основания – корректность постановки проблемы, обоснованность выбранной методики, доказательность выводов, применимость результатов в школьной практике. Подобная оценочная рамка в Правилах аттестации отсутствует. Возникает риск присвоения категории по совокупности формальных продуктов при непроверенном исследовательском характере самой работы; тем самым рассматриваемая проблема смыкается с задачей диагностики исследовательской компетентности педагога-практика, разрабатываемой в педагогической науке [9], [10]. Этот разрыв между концептуальной рамкой и операциональным наполнением – характерная проблема профессиональной стандартизации, описанная Дж. Саксом как противоречие между декларируемым и фактическим профессионализмом [27]. Эта линия продолжается в современной литературе: Т.Л. Мардаль-Хансен и Ш. Хейхольт предлагают концепцию ситуативного профессионализма (*situated professionalism*), фиксирующую расхождение между формальными стандартами и реальной повседневной школьной практикой [28]. Для казахстанской системы это означает следующее: исследовательская задача нормативно зафиксирована, однако её содержание задаётся правилами аттестации в большей мере, чем научно-педагогической традицией.

Последний пункт интерпретации касается того, почему научные классификации профессиональных задач [5], [16], [6] обнаруживают исследовательскую задачу имплицитно – внутри структуры решения задач любого типа, без выделения её в отдельную группу. Объяснение лежит в самой структуре задачи. Если профессиональная задача определяется как «цель в заданных условиях, требующая поиска неизвестного» действие. То есть любая задача, удовлетворяющая структурному определению, уже содержит исследовательский компонент на уровне процедуры её решения. Это подтверждается описанием структуры решения учебно-профессиональной задачи у Н.Ф. Радионовой и С.В. Ривкиной: уточнение цели, выделение проблемы, сбор информации, определение способов решения, описание решения, рефлексия [17] – это методология исследования в миниатюре. Аналогичный состав действий фиксирует В.С. Лазарев: педагог «анализирует собранную теоретическим и эмпирическим путем информацию, сопоставляет возникающие ситуации, принимает решения о том, что и как следует делать после проведения исследования» [10, с. 39]. В.И. Загвязинский подчёркивает, что педагогическая профессия по своей природе предполагает поиск оптимальных решений и включение исследовательских действий в повседневную практику [8]. Иными словами, научные классификации не выделяют исследовательскую задачу отдельно по той причине, что она встроена в саму конструкцию любой профессиональной задачи. С этой точки зрения нормативное исключение из перечня в ФГОС ВО 3++ согласуется с пониманием исследования как способа выполнения любого

типа задач, однако создаёт практическую проблему: при отсутствии отдельного структурирования реализация исследовательской подготовки остаётся на усмотрение каждого преподавателя и каждой образовательной программы.

Обобщение проведённой интерпретации позволяет предложить схему уровней, на которых фиксируется статус исследовательской задачи (рисунок 1). На нормативном уровне статус задаётся документами подготовки и аттестации: в российской рамке исследовательский компонент представлен сквозными универсальными компетенциями, в казахстанской – закреплён за квалификационной категорией «педагог-исследователь». На деятельностном уровне исследовательская задача выступает самостоятельным предметом с собственной типологией, как в классификации В.С. Лазарева и Н.Н. Ставриновой [9], [10]. На когнитивном уровне исследовательский компонент встроен в структуру решения любой профессиональной задачи через компонент «искомое», предполагающий познавательное действие [11], [17], [19]. На рефлексивном уровне исследовательская задача характеризует способ существования педагога в профессии и соотносится с концепцией исследовательской позиции [20], [21]. Уровни не исключают друг друга и описывают одну профессиональную реальность с разных сторон, чем объясняется одновременное сосуществование различных вариантов статуса исследовательской задачи в рассмотренных классификациях.

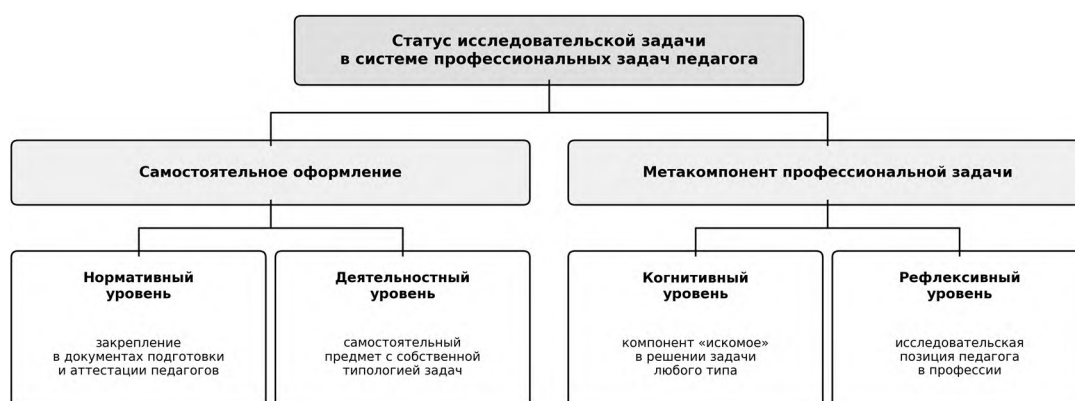

Рисунок 1. Уровни фиксации статуса исследовательской задачи

Заключение

Рассмотренные материалы показывают, что исследовательская составляющая признается значимой как в нормативных документах, так и в педагогической литературе. Вместе с тем положение исследовательской задачи в классификациях профессиональных задач педагога не всегда фиксируется прямо и может интерпретироваться по-разному. Анализ определений профессиональной задачи позволяет выделить несколько оснований её понимания: через структуру «цель – условия – искомое», через функцию в системе профессиональной подготовки, через познавательный компонент, через нормативную рамку профессиональных стандартов и через связь с профессиональной обязанностью педагога. Для рассматриваемой проблемы особенно значимыми представляются те подходы, в которых профессиональная задача понимается не только как практическое действие педагога, но и как ситуация, требующая анализа, поиска недостающей информации, выбора способа решения и последующей рефлексии. В этой логике можно предположить, что исследовательский компонент присутствует уже внутри самой структуры профессиональной задачи.

Сопоставление нормативных документов Российской Федерации и Республики Казахстан показывает, что исследовательская составляющая получает в них различное оформление. В российской модели она была представлена как самостоятельный вид профессиональной деятельности в более ранней редакции стандарта, тогда как в последующей редакции ФГОС ВО 3++ исследовательская деятельность не выделена в перечне типов задач и, вероятно, может рассматриваться как сквозной компонент профессиональной подготовки. В казахстанской модели исследовательская составляющая закрепляется через квалификационную категорию «педагог-исследователь», систему аттестации и критерии профессионального признания педагога. Это позволяет предположить, что в российском нормативном поле исследовательская деятельность в большей степени соотносится со способом выполнения разных типов профессиональных задач, тогда как в казахстанском контексте она чаще выступает как показатель более высокого уровня профессионального развития педагога.

Научные классификации профессиональных задач также не дают однозначного ответа на вопрос о статусе исследовательской задачи. В одних подходах она обнаруживается имплицитно – через действия анализа, постановки проблемы, сбора информации, выбора решения и рефлексии. В других – может быть соотнесена с профессиональным самообразованием педагога. В работах, специально посвящённых исследовательским задачам педагога-практика, исследовательская задача рассматривается предметно и получает детализированную типологию. На этом основании сформулирован ответ на вопрос о статусе исследовательской задачи. Статус фиксируется на четырёх уровнях: нормативном, деятельностном, когнитивном, рефлексивном. На когнитивном и рефлексивном уровнях исследовательская задача выступает метакомпонентом любой профессиональной задачи педагога, поскольку входит в структуру её решения и определяет профессиональную позицию решающего. На нормативном и деятельностном уровнях она получает самостоятельное оформление: как квалификационная характеристика педагога в казахстанской модели и как отдельный предмет типологизации в научной литературе. Двойственный статус исследовательской задачи, т.е. метакомпонент решения задач любого типа и одновременно самостоятельное основание профессионального развития педагога, объясняет, почему существующие классификации фиксируют её по-разному, и задаёт рамку для дальнейшей разработки проблемы подготовки педагога к решению исследовательских задач.

Литература:

1. ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование: Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 125. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71797858/> (дата обращения: 07.05.2026).
2. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог»: Приказ и.о. Министра просвещения Республики Казахстан от 15 декабря 2022 года № 500 (утратил силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200031149> (дата обращения: 07.05.2026).
3. Об утверждении Профессиональных стандартов для педагогов организаций образования: Приказ Министра просвещения Республики Казахстан от 24 февраля 2025 года № 31. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G25HP000031> (дата обращения: 07.05.2026).
4. Об утверждении Правил и условий проведения аттестации педагогов: Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 27 января 2016 года № 83 (ред. от 02.04.2024 № 72). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600013317> (дата обращения: 07.05.2026).

5. Компетентностный подход в педагогическом образовании: Коллективная монография / Под ред. проф. В.А. Козырева, проф. Н.Ф. Радионовой и проф. А.П. Тряпицыной. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 392 с.
6. Червонный М.А. Подготовка будущих педагогов к решению профессиональных задач в условиях интеграции систем высшего педагогического и дополнительного образования. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2019. – 412 с.
7. Костикова Н.А. Профессиональные задачи педагога при реализации коммуникативной деятельности в электронной образовательной среде // Известия ВГПУ, 2018. – № 9(132). – С. 45-49.
8. Загвязинский В.И. Исследовательская деятельность педагога: учебное пособие. – М.: Академия, 2010. – 176 с.
9. Лазарев В.С., Ставринова Н.Н. Подготовка будущих педагогов к исследовательской деятельности: монография. – Сургут: РИО СурГПУ, 2007. – 171 с.
10. Лазарев В.С. Управление инновациями в школе: учебное пособие. – Москва: Центр педагогического образования, 2008. – 352 с.
11. Лаптев В.В., Писарева С.А., Тряпицына А.П. Подготовка и аттестация кадров высшей квалификации в области гуманитарных и общественных наук. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 168 с.
12. Радионова Н.Ф., Тряпицына А.П. Перспективы развития педагогического образования: компетентностный подход // Человек и образование, 2006. – № 4-5. – С. 7-14.
13. Сластёнин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 576 с.
14. Стройкина Л.В. Подготовка будущих педагогов к решению организационно-управленческих задач профессиональной деятельности: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7. – Кемерово, 2024. – 191 с.
15. Ставринова Н.Н. Система формирования готовности будущих педагогов к исследовательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. – Сургут, 2006. – 46 с.
16. Совершенствование образовательных программ и технологий подготовки специалистов для инновационной деятельности в сфере образования / под ред. Г.А. Бордовского, Н.Ф. Радионовой, Е.В. Пискуновой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 309 с.
17. Радионова Н.Ф., Ривкина С.В. Подготовка будущих педагогов в вузе к решению профессиональных задач: теория и методика // Письма в Эмиссия.Оффлайн, 2018. – ART 2666. URL: <http://emissia.org/offline/2018/2666.htm> (дата обращения: 07.05.2026).
18. Об утверждении Правил присвоения звания «Лучший педагог»: Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 16 января 2015 года № 12 (ред. от 02.06.2023 № 157). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V15H0010279> (дата обращения: 07.05.2026).
19. Балл Г.А. Теория учебных задач: психолого-педагогический аспект. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
20. Stenhouse, L. (1975). *An introduction to curriculum research and development*. Heinemann.
21. Cochran-Smith, M., & Lytle, S. L. (2009). *Inquiry as stance: Practitioner research for the next generation*. Teachers College Press.
22. Mertler, C.A. (2021). Action research as teacher inquiry: A viable strategy for resolving problems of practice. *Practical Assessment, Research, and Evaluation*, 26(19), 1-12. <https://doi.org/10.7275/22014442>
23. Verhoef, L., Volman, M., & Gaikhorst, L. (2022). The contribution of teachers of research-intensive teacher education programmes to a culture of inquiry in primary schools. *Professional Development in Education*, 48(5), 861-877. <https://doi.org/10.1080/19415257.2020.1747104>
24. OECD. (2025). *Results from TALIS 2024: The state of teaching*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/90df6235-en>
25. Aseery, A.Y. (2025). Teacher professional standards across leading education systems. *British Educational Research Journal*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1002/berj.70107>
26. Shulman, L.S. (1987). Knowledge and teaching: Foundations of the new reform. *Harvard Educational Review*, 57(1), 1-22.
27. Sachs, J. (2003). *The activist teaching profession*. Open University Press.
28. Mardahl-Hansen, T.L., & Højholt, C. (2025). Situated teacher professionalism: Understanding the exploratory and collaborative aspects of teacher's professionalism. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 59(2), Article 51. <https://doi.org/10.1007/s12124-025-09914-7>

References:

1. FGOS VO 3++ po napravleniyu podgotovki 44.03.05 Pedagogicheskoe obrazovanie: Prikaz Minobrnauki Rossii ot 22.02.2018 № 125. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71797858/> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
2. Ob utverzhdenii professional'nogo standarta «Pedagog»: Prikaz i.o. Ministra prosveshcheniya Respubliki Kazakhstan ot 15 dekabrya 2022 goda № 500 (utratil silu). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200031149> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
3. Ob utverzhdenii Professional'nyh standartov dlya pedagogov organizacij obrazovaniya: Prikaz Ministra prosveshcheniya Respubliki Kazakhstan ot 24 fevralya 2025 goda № 31. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G25HP000031> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
4. Ob utverzhdenii Pravil i uslovij provedeniya attestacii pedagogov: Prikaz Ministra obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan ot 27 yanvarya 2016 goda № 83 (red. ot 02.04.2024 № 72). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600013317> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
5. Kompetentnostnyj podhod v pedagogicheskom obrazovanii: Kollektivnaya monografiya / Pod red. prof. V.A. Kozyreva, prof. N.F. Radionovoj i prof. A.P. Tryapicynoj. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2005. – 392 s.
6. Chervonnyj M.A. Podgotovka budushchih pedagogov k resheniyu professional'nyh zadach v usloviyah integracii sistem vysshego pedagogicheskogo i dopolnitel'nogo obrazovaniya. – Tomsk: Izd-vo TGPU, 2019. – 412 s.
7. Kostikova N.A. Professional'nye zadachi pedagoga pri realizacii kommunikativnoj deyatel'nosti v elektronnoj obrazovatel'noj srede // Izvestiya VGPU, 2018. – № 9(132). – S. 45-49.
8. Zagvyazinskij V.I. Issledovatel'skaya deyatel'nost' pedagoga: uchebnoe posobie. – M.: Akademiya, 2010. – 176 s.
9. Lazarev V.S., Stavrinoва N.N. Podgotovka budushchih pedagogov k issledovatel'skoj deyatel'nosti: monografiya. – Surgut: RIO SurGPU, 2007. – 171 s.
10. Lazarev V.S. Upravlenie innovაციями v shkole: uchebnoe posobie. – Moskva: Centr pedagogicheskogo obrazovaniya, 2008. – 352 s.
11. Laptev V.V., Pisareva S.A., Tryapicyna A.P. Podgotovka i attestaciya kadrov vysshej kvalifikacii v oblasti gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006. – 168 s.
12. Radionova N.F., Tryapicyna A.P. Perspektivy razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya: kompetentnostnyj podhod // Chelovek i obrazovanie, 2006. – № 4-5. – S. 7-14.
13. Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiyonov E.N. Pedagogika: uchebnoe posobie. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2013. – 576 s.
14. Strojkina L.V. Podgotovka budushchih pedagogov k resheniyu organizacionno-upravlencheskih zadach professional'noj deyatel'nosti: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.7. – Kemerovo, 2024. – 191 s.
15. Stavrinoва N.N. Sistema formirovaniya gotovnosti budushchih pedagogov k issledovatel'skoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.08. – Surgut, 2006. – 46 s.
16. Sovershenstvovanie obrazovatel'nyh programm i tekhnologij podgotovki specialistov dlya innovacionnoj deyatel'nosti v sfere obrazovaniya / pod red. G.A. Bordovskogo, N.F. Radionovoj, E.V. Piskunovoj. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2009. – 309 s.
17. Radionova N.F., Rivkina S.V. Podgotovka budushchih pedagogov v vuze k resheniyu professional'nyh zadach: teoriya i metodika // Pis'ma v Emissiya.Offlajn, 2018. – ART 2666. URL: <http://emissia.org/offline/2018/2666.htm> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
18. Ob utverzhdenii Pravil prisvoeniya zvaniya «Luchshij pedagog»: Prikaz Ministra obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan ot 16 yanvarya 2015 goda № 12 (red. ot 02.06.2023 № 157). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V15H0010279> (data obrashcheniya: 07.05.2026).
19. Ball G.A. Teoriya uchebnyh zadach: psichologo-pedagogicheskij aspekt. – M.: Pedagogika, 1990. – 184 s.
20. Stenhouse, L. (1975). *An introduction to curriculum research and development*. Heinemann.
21. Cochran-Smith, M., & Lytle, S. L. (2009). *Inquiry as stance: Practitioner research for the next generation*. Teachers College Press.
22. Mertler, C.A. (2021). Action research as teacher inquiry: A viable strategy for resolving problems of practice. *Practical Assessment, Research, and Evaluation*, 26(19), 1-12. <https://doi.org/10.7275/22014442>
23. Verhoef, L., Volman, M., & Gaikhorst, L. (2022). The contribution of teachers of research-intensive teacher education programmes to a culture of inquiry in primary schools. *Professional Development in Education*, 48(5), 861-877. <https://doi.org/10.1080/19415257.2020.1747104>

24. OECD. (2025). *Results from TALIS 2024: The state of teaching*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/90df6235-en>
25. Aseery, A.Y. (2025). Teacher professional standards across leading education systems. *British Educational Research Journal*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1002/berj.70107>
26. Shulman, L.S. (1987). Knowledge and teaching: Foundations of the new reform. *Harvard Educational Review*, 57(1), 1-22.
27. Sachs, J. (2003). *The activist teaching profession*. Open University Press.
28. Mardahl-Hansen, T.L., & Højholt, C. (2025). Situated teacher professionalism: Understanding the exploratory and collaborative aspects of teacher's professionalism. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 59(2), Article 51. <https://doi.org/10.1007/s12124-025-09914-7>

Information about the authors

A.V. Starkova – corresponding author, Master of Humanities, Senior Lecturer of the Department of Germanic-Romance Philology, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; External Doctoral Candidate of the Department of Pedagogy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia; e-mail: elvenbride@inbox.ru;

K.A. Shchupanovskaya – Teacher-Researcher, English Language Teacher, Akhmet Baitursynuly Secondary School No. 9, Department of Education of Petropavlovsk City, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: kish.christina@mail.ru;

Yu.V. Mochshenko – Master's degree, Senior Lecturer, International Campus, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: julsdream2015@gmail.com;

O.M. Vasilieva – MBA, Senior Lecturer, International Campus, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: omvasileva@ku.edu.kz.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-149-158

ӘОЖ 373.5.016

ҒТАМА 14.05.27

ЖАҢАРТЫЛҒАН БІЛІМ БЕРУ БАҒДАРЛАМАСЫ БОЙЫНША ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖҮРГІЗУ

Усеинов Б.М.^{1*}, Шаймерденова М.А.², Куанышева Ж.Е.¹

^{1*}«Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан

²«Солтүстік Қазақстан облысы әкімдігінің білім басқармасы» КММ
«Қызылжар ауданының білім бөлімі» КММ, «Озерная орта мектебі» КММ

*Хат-хабар үшін автор: buseinov@gmail.com

Аңдатпа

Мақалада жаңартылған білім беру бағдарламасына сәйкес физика пәнінен «Айнымалы электр тогы» тақырыбына бөлім бойынша жиынтық бағалауды құрастыру қарастырылған. Бұл мақаланың мақсаты – физика пәні бойынша құрастырылған бөлім бойынша жиынтық бағалауды өткізу арқылы оқушылардың білім деңгейін анықтау. Зерттеудің негізгі міндеттері «Айнымалы электр тогы» бөлімі бойынша оқушылардың білім, білік дағдыларын бағалаумен қатар осы тақырыптың теориялық және практикалық аспектілерін меңгеру деңгейін анықтау, бағалау критерийлерін әзірлеу, әртүрлі тапсырмалар құру (теориялық сұрақтар, практикалық тапсырмалар, эксперименттік жұмыс), құрылған критерийлер бойынша бағалау жүргізу болып табылады. Зерттеу нәтижесінде педагогикалық тәжірибе Солтүстік Қазақстан облысының шағын мектебінде 11-сынып оқушыларына бөлім бойынша жиынтық бағалау өткізіліп, талдау жүргізілді. Тәжірибе кезінде оқушылардың оқу деңгейлеріне және тапсырманың орындалуына ерекше көңіл бөлінді.

Кілт сөздер: жаңартылған білім беру бағдарламасы, бөлім бойынша жиынтық бағалау, педагогикалық тәжірибе, айнымалы электр тогы, бағалау критерийі.

ПРОВЕДЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ОБНОВЛЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ

Усеинов Б.М.^{1*}, Шаймерденова М.А.², Куанышева Ж.Е.¹

^{1*}НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

²КГУ «Управление образования акимата Северо-Казахстанской области»
КГУ «Кызылжарский районный отдел образования», КГУ «Озерная средняя школа»

*Автор для корреспонденции: buseinov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается составление суммативное оценивания по разделу физике на тему «Переменный электрический ток» в соответствии с обновленной образовательной программой. Целью данной статьи является определение уровня знаний учащихся путем проведения суммативного оценивания по структурированному разделу предмета физика. Основными задачами исследования являются оценка знаний и умений учеников по разделу «Переменный ток», а также определение уровня усвоения теоретических и практических аспектов данной темы, разработка критериев оценки, составление различных заданий (теоретические вопросы, практические задания, экспериментальные работы), проведение оценки по установленным критериям. В результате исследования проведено и проанализировано суммативное оценивание учащихся 11-х классов малокомплектной школы Северо-Казахстанской области. В ходе эксперимента особое внимание уделялось уровню усвоения материала учащимися и выполнению заданий.

Ключевые слова: обновленная образовательная программа, суммативное оценивание по разделам, педагогическая практика, переменный ток, критерии оценивания.

CONDUCTING TEACHING EXPERIMENT ACCORDING TO THE UPDATED EDUCATIONAL PROGRAM

B.M. Useinov^{1*}, M.A. Shaimerdenova², Zh.E. Kuanysheva¹

^{1*}*Manash Kozybaev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan*

²*KGU «Education Department of the Akimat of the North Kazakhstan Region»*

KGU «Kyzylzhar District Education Department», KGU «Ozernay Secondary School»

**Corresponding author: buseinov@gmail.com*

Abstract

The article provides for the preparation of a summative assessment by sections on the topic «Alternating Current» in physics in accordance with the updated educational program. The purpose of this article is to determine the level of students' knowledge by conducting a summative assessment on a structured section of the subject physics. The main objectives of the study are to assess the knowledge and skills of students in the section «Alternating Current», as well as to determine the level of assimilation of theoretical and practical aspects of this topic, develop assessment criteria, draw up various tasks (theoretical questions, practical tasks, experimental work), and conduct an assessment according to the established criteria. As a result of the study, a summative assessment of 11th-grade students of a small school in the North Kazakhstan region was conducted and analyzed. During the experiment, special attention was paid to the level of assimilation of the material by students and the completion of tasks.

Keywords: updated educational program, summative assessment by sections, pedagogical practice, alternating current, assessment criteria.

Кіріспе

Жаңартылған білім беру жүйесінің жаңаруы – білім беру жүйесінің оның сапасын арттыру және заманауи талаптарға сай ету мақсатында жаңғыртуға бағытталған маңызды процесс. Білім беру бағдарламасындағы ұлттық стандарттарға, бағалауға, оқулықтар мен оқыту әдістеріне қатысты білім беру саласындағы өзекті құндылықтар мен мақсаттар мектеп оқушыларының жалпы үлгерімін арттырады, сондай-ақ инновация мен көшбасшылықты енгізу үшін талап етілетін дағдыларды дамытады. Сонымен қатар, ұлттық сананы қалыптастыруды және ауқымды халықаралық тәжірибемен өзара әрекеттесуді көздейді [1].

Физика саласы бойынша оқушылардың білім, білік, дағдыларын қалыптастыру негізгі орта және жалпы орта білім беретін мектеп бағдарламасында жетекші орын алады, бұл әлемнің біртұтас ғылыми бейнесін қалыптастырудағы физиканың практикалық маңызымен айқындалады.

Жаңартылған білім беру бағдарламасы бойынша педагогикалық тәжірибені өткізу бірнеше себептерге байланысты өте өзекті:

Қазіргі білім беру бағдарламалары жаңа педагогикалық көзқарастарды, технологияларды және қоғамның қажеттіліктерін ескере отырып үнемі жаңартылып отырады. Жаңартылған бағдарлама аясындағы педагогикалық тәжірибе оқушыларға, болашақ мұғалімдерге жаңа әдіс-тәсілдерді меңгеруге және оқу үдерісіне инновациялық тәсілдерді енгізуді үйренуге көмектеседі [2].

Соңғы жылдары білім беру бағдарламалары оқушылардың негізгі құзыреттіліктерін, соның ішінде сыни тұрғыдан ойлауды, коммуникативті дағдыларды

және өзін-өзі дамыту қабілетін дамытуға көбірек көңіл бөлуде. Тәжірибе болашақ мұғалімдерге осы құзыреттерді тәжірибеде бекітуге мүмкіндік береді.

Білім беру стандарттарының өзгеруін ескере отырып, білім беру ұйымдарының жаңартылған бағдарламалары білім сапасының ұлттық және халықаралық стандарттарына сәйкестігін қамтамасыз етуге бағытталған. Осындай жағдайларда тәжірибе өткізу оқушыларға болашақ кәсіби қызметіне қойылатын талаптарды жақсы түсінуге және білім беру саласындағы өзгерістерге бейімделуге көмектеседі.

Тәжірибе барысында оқушылар теориялық білімдерін оқу процесінің нақты жағдайында қолдануға мүмкіндік алады. Бұл білім беру технологияларын жақсы меңгеруге және педагогикалық шеберлік пен дағдының дамуына ықпал етеді.

Осылайша, педагогикалық тәжірибені қамтитын жаңартылған білім беру бағдарламасы оқушыларға білім беру стандарттарын тереңірек меңгеріп қана қоймай, өзгермелі білім беру жағдайында жұмыс істеуге дайын, икемді және бәсекеге қабілетті маман болуға мүмкіндік береді [3].

Жаңартылған білім беру бағдарламасы бойынша педагогикалық іс-тәжірибе жүргізудің жаңалығы – 11-сыныптың физика пәнінің жаңартылған білім беру бағдарламасының талаптарына сәйкес бөлімдерін жиынтық бағалауға арналған түпнұсқа тапсырмаларды әзірлеуден және оларды нақты оқу үдерісі жағдайында сынақтан өткізуден тұрады.

Эксперимент нәтижелері білім беру бағдарламасының мазмұны мен құрылымының оқушылардың пәндік және метапәндік құзыреттіліктерінің даму деңгейіне әсерін анықтауға мүмкіндік берді.

Зерттеу әдістемесі

Жаңартылған білім беру мазмұны оқушының жұмысы мен жетістіктерін бағалауға мүмкіндік беретін күтілетін нәтижелерге негізделген. Оқушылардың психологиялық ерекшеліктері мен қабілеттерін ескеру мұғалімнің жоспарлау мен оқытудағы негізгі құрамдас бөлігі болып табылады.

Саралау мақсаты – барлық оқушыларға сабақ мақсатына жетуге көмектесу және әртүрлі қабілеті бар оқушыларға пән бойынша білімдерін тереңдету және дағдыларын дамытуға мүмкіндік беру.

Саралау мұғалімнің өз оқушыларының ерекшеліктері мен қабілеттерін ескеруіне негізделген.

Оқу материалының қиындықтарын жеңуге оқушыны қалай ынталандыруға болады? Оқушыны оқу материалындағы қиындықтарды жеңуге ынталандыру оқу процесінде өзін сенімді сезінуге көмектесетін мотивацияны, қолдауды және стратегияларды біріктіруді талап етеді. Шағын қадамдардан бастау және материалдың күрделілігін біртіндеп арттыру арқылы оқушының өз-өзіне деген сенімін арттырып, өз-өзіне сенім артуға мүмкіндік береді. Материалды оқушыны қызықтыратын нәрселермен байланыстыру арқылы оның хоббиіне немесе өмірлік жағдайларына байланысты болуы мүмкін. Оқушы алған білімін іс жүзінде қолдануды көргенде оған қиындықтарды жеңу оңай болады. Оқушы кішкентай жетістіктерге жетсе де оны қолдау, тек соңғы нәтиже емес, күш-жігер үшін мақтау арқылы сізге сенімділікті арттырады және тырысуды жалғастыруға ынталандырады. Оқушылардың зейіні мен қызығушылығын сақтау үшін әртүрлі әдістерді (бейне сабақтар, ойындар, пікірталас) қолдану арқылы оқу процесін қызықтырақ және стрессті азайтады. Қарапайым қадамдарға бөлу арқылы қиын мәселелерді шешу жолын көрсету арқылы оқушыны қателерден қорықпауға, оны оқу процесінің бір бөлігі ретінде қабылдауға үйретеді [4].

Педагогикалық тәжірибе «Солтүстік Қазақстан облысы әкімдігінің білім басқармасы» коммуналдық мемлекеттік мекемесінің «Қызылжар ауданының білім бөлімі» коммуналдық мемлекеттік мекемесінің «Озерная орта мектебі» коммуналдық мемлекеттік мекемесінде 11-сынып оқушыларына өткізілді. Осы тәжірибені физика пәнінің мұғалімі Шаймерденова Марьям Адырбаевна жүргізді.

Бөлім бойынша жиынтық бағалау – белгілі бір бөлім аяқталғаннан кейін оқушылардың білімі мен дағдыларын бағалау процесі. Бағалаудың бұл түрі белгілі бір уақыт аралығында зерттелген материалды игеруді қорытындылау үшін қолданылады. Ол бөлім мазмұнын меңгеру деңгейін анықтауға ғана емес, нақты белгіленген критерийлер негізінде оқу-тәрбие процесінің тиімділігін бағалауға мүмкіндік береді.

Бөлім бойынша жиынтық бағалаудың негізгі мақсаты – оқушылардың осы бөліммен байланысты оқу мақсаттарына қаншалықты қол жеткізгенін бағалау. Ол теория бойынша алынған білімді практикада қолдана білуді, сондай-ақ ақпаратты талдау, синтездеу және бағалау қабілетін бағалайтын тесттердің, тапсырмалардың әртүрлі нысандарын қамтиды.

Әр бөлім немесе тарау аяқталған соң, сол бөлім немесе тарау бойынша жиынтық бағалау алынады. БЖБ-дың максималды баллы 7-20 аралығын құрайды. Мұғалім бөлім бойынша жиынтық бағалауды 20-25 минутта орындауға болатын әр түрлі тапсырмаларды оқушылардың ойлау деңгейлерін ескеріп құрастырады.

«Айнымалы электр тогы» бөлімі бойынша жиынтық бағалаудың бірнеше үлгісі төмендегі суреттерде көрсетілген. БЖБ жасау барысында оқушылардың білім деңгейіне назар аударылады. Сабақтың 20-25 минут уақытында алынады, тапсырмалар саны берілген уақытқа сай болуы керек. Өткен бөлімдегі оқу мақсаттарын қамтиды.

«Айнымалы ток» бөлімі бойынша жиынтық бағалау	
Оқу мақсаттары	11.4.3.2 – физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғаушы күшінің максималды және әсерлік мәндері) қолданып, айнымалы токты сипаттау; 11.4.3.13 – трансформатор орамасындағы орам санын эксперимент арқылы анықтау.

Сурет 1. БЖБ-ның оқу мақсаттары

Оқу мақсаттарына сәйкес бағалау критерийлері құрастырылады және ойлау дағдыларының деңгейлері мен орындау уақыты 2-суретке сәйкес көрсетілген.

Бағалау критерийі	Білім алушы
	- физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғаушы күшінің максималды және әсерлік мәндері) қолданып, айнымалы токты сипаттайды; - трансформатордың сұлбасын пайдалана отырып, түрін ажыратады, бірінші және екінші ретті орамдағы кернеулерді және трансформатор формуласын қолдана отырып, орам санын анықтайды.
Ойлау дағдыларының деңгейлері	Білу және түсіну, Қолдану Жоғарғы деңгей дағдылары
Орындау уақыты	20 минут

Сурет 2. БЖБ-ның үлгісі

Бөлім бойынша жиынтық бағалауда мұғалім тапсырмаларды әр түрлі форматта жасайды. Оқу мақсаттарына байланысты есептер және теориялық сұрақтар 3-суретке сәйкес көрсетілген.

Тапсырмалар

1. Стандарт жиіліктегі (50 Гц) айнымалы ток тізбегіне кедергісі $R = 31$ Ом реостат, индуктивтілігі $L = 0,09$ Гн катушка және сыйымдылығы $C = 72$ мкФ конденсатор тізбектей қосылған.

а) Тізбектің индуктивті кедергісін

б) Сыйымдылық кедергісін

в) Толық кедергіні есептеңіз.

[3]

2. ЭҚК-тің вольтпен өрнектелген мәні $\varepsilon = 60 \sin 80\pi t$ теңдеуімен берілген. Келесі тапсырмаларды орынданыз:

а) ЭҚК-тің амплитудасы

б) ЭҚК-тің периоды

в) ЭҚК-тің жиілігі

[3]

3. Төмендегі жауаптардың шын және жалған екенін анықтаңыз.

[4]

№	Тапсырма	Шындық	Жалған
1	Трансформация коэффициенті мына формуламен анықталады: $k = N_1/N_2$		
2	Айнымалы ток тізбегіндегі қуаттың әсерлік мәні амплитудалық мәнінен $\sqrt{2}$ есе үлкен.		
3	Төмендеткіш трансформатордың коэффициенті $k < 1$.		
4	Трансформатордың жұмысы айнымалы токтың керісін өзгертуге негізделген.		
4	Айнымалы токтың генераторына кедергісі 250 Ом резистор, сыйымдылығы 2 мкФ конденсатор және индуктивтілігі 0,5 Гн катушка үшеуі тізбектей жалғанған. Генератор жиілігі 35 Гц, кернеуі 100 В. Осы тізбекте тұтынылатын орташа қуаттың шамасын есептеңіз.		[3]
5	Төмендеткіш трансформатордың екінші реттік орамасының қысқаштарындағы кернеу 70 В, ал ток күші 50 А. Бірінші реттік орама кернеуі 220 В тізбекке қосылған. Трансформатордың бірінші реттік орамасындағы ток күшін анықтаңыз.		[2]

Сурет 3. Тапсырмалар

Әр тапсырмаға дескриптор құрастырып, баллмен бағаланады. Бөлім бойынша жиынтық бағалаудың дескрипторы 4-суретке сәйкес көрсетілген.

Бағалау критерийі	Тапсырма №	Дескриптор Білім алушы	Балл
Физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғаушы күшінің максималды және әсерлік мәндері) қолданып, айнымалы токты сипаттайды	1	а) Тізбектің индуктивті кедергісін анықтайды	1
		б) Сыйымдылық кедергісін анықтайды	1
		в) Толық кедергіні анықтайды	1
	2	а) ЭҚК-тің амплитудасын анықтайды	1
		б) ЭҚК-тің периоды анықтайды	1
		в) ЭҚК-тің жиілігі анықтайды	1
	4	Толық кедергіні анықтайды	1
		Орташа қуаттың формуласын қолданады	1
		Орташа қуатты анықтайды	1
Трансформатордың сұлбасын пайдалана отырып, түрін ажыратады. Бірінші және екінші реттік орамдағы кернеулерді және трансформатор формуласын қолдана отырып, орам санын анықтайды	3	Трансформация коэффициентінің формуласын біледі	1
		Айнымалы ток тізбегіндегі қуаттың әсерлік мәні амплитудалық мәнінен неше есе үлкен екенін біледі	1
		Төмендеткіш трансформатордың коэффициентінің 1-ден үлкен екенін біледі	1
		Трансформатордың жұмысы қалай негізделгенін біледі	1
	5	Трансформатор формуласын қолданады	1
		Бірінші реттік ток күшін анықтайды	1
Жалпы балл			15

Сурет 4. Дескриптор

Оқушылар бөлім бойынша жиынтық бағалауды орындау барысында физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғаушы күшінің максималды және әсерлік мәндері) қолданып, айнымалы токты сипаттай алады, трансформатор орамасындағы орам санын эксперимент арқылы анықтай алады, R, L, C-дан тұратын айнымалы токтың тізбектелген электр тізбегін есептейді, резонанс шартын түсіндіру және оның қолданылуына мысал келтіреді [5].

Жаңартылған білім беру бағдарламасы бойынша «Айнымалы электр тогы» тақырыбынан 5 бөлім бойынша жиынтық бағалау құрастырылып, тәжірибеге ұсынылған болатын. 5-суретте бөлім бойынша жиынтық бағалаулардың үзіндісі көрсетілген.

«Айнымалы ток» бөлімі бойынша жиынтық бағалау	
Оқу мақсаттары	11.4.3.2 – физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғалысы күшінің максималды және эффективдік мәндерін) қолданып, айнымалы тоқты сипаттау; 11.4.3.13 – трансформатор орамасындағы орам санын эквивалент арқылы анықтау.
Бағалау критерийі	Білім алушы: - физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғалысы күшінің максималды және эффективдік мәндерін) қолданып, айнымалы тоқты сипаттайды; - трансформатордың сұрбасын пайдалана отырып, түрлі ажыратып, бірінші және екінші ретті орамдары, кернеулері және трансформатор формуласын қолдана отырып, орам санын анықтайды.
Ойлау деңгейлері	Білу және түсіну, Қолдану, Жоғарғы деңгей дағдылары
Орындалу уақыты	20 минут
Тыңсырмалар	1. Стандарт жиіліктегі (50 Гц) айнымалы ток тізбегіне кедергісі $R = 31 \text{ Ом}$ резистор, индуктивтілігі $L = 0,09 \text{ Гн}$ катушка және сыйымдылығы $C = 72 \text{ мкФ}$ конденсатор тізбектей қосылған. а) Тізбектің индуктивті кедергісін б) Сыйымдылық кедергісін в) Толық кедергіні есептеңіз. [3] 2. ЭКҚ-тың вольтінің өрнектелген мәні $e = 60 \sin 80\pi t$ теңдеуімен берілген. Кемесі тапсырмаларды орындаңыз: а) ЭКҚ-тың амплитудасы б) ЭКҚ-тың периоды в) ЭКҚ-тың жиілігі [3] 3. Төмендегі аяқталармен толық және жалған сөздерін анықтаңыз. [4]

Сурет 5. БЖБ №1 үлгісі

Бөлім бойынша жиынтық бағалауда осы уақытқа дейін өткен тақырыптарынан теориялық сұрақтар мен практикалық сұрақтар құрастырылған. Оқушы өткен бөлімді толығымен қамтып бөлім бойынша жиынтық бағалауды орындайды.

1-тоқсанның №2 бөлім бойынша жиынтық бағалауы «Айнымалы электр тогы» тақырыбы бойынша күнтізбелік тақырыптық жоспарына сәйкес 6-суретте көрсетілген.

				50/500					
9	02.10.2024 08:30	Шаймерденова Марьям	Бүкіл сынып	Айнымалы ток тізбегіндегі активті және реактивті кедергілер	▼	1	Қарап:	параграф 6, 40 б...	+
				60/500					
10	04.10.2024 12:10	Шаймерденова Марьям	Бүкіл сынып	Айнымалы ток тізбегіндегі резонанс	Қарапайым сабақ ▼	1	Қарап:	параграф 7, 45 б...	+
				34/500					
11	09.10.2024 08:30	Шаймерденова Марьям	Бүкіл сынып	Айнымалы ток тізбегіндегі резонанс	Қарапайым сабақ ▼	1	Қарап:	параграф 8, 47 б...	+
				34/500					
12	11.10.2024 12:10	Шаймерденова Марьям	Бүкіл сынып	Электр энергиясын өндіру, тасымалдау және қолдану. трансформатор БЖБ №2 (2) «Айнымалы ток»	БЖБ ▼ Макс. балл: 18	1	Қарап:	параграф 4, 31 б...	+
				90/500					
13	16.10.2024 08:30	Шаймерденова Марьям	Бүкіл сынып	№1 Зертханалық жұмыс: «Трансформатор орамасындағы орам санын анықтау»/ Қазақстандағы және дүние	Қарапайым сабақ ▼	1	Қарап:	параграф 9, 50 б...	+

Сурет 6. КТЖ үлгісі

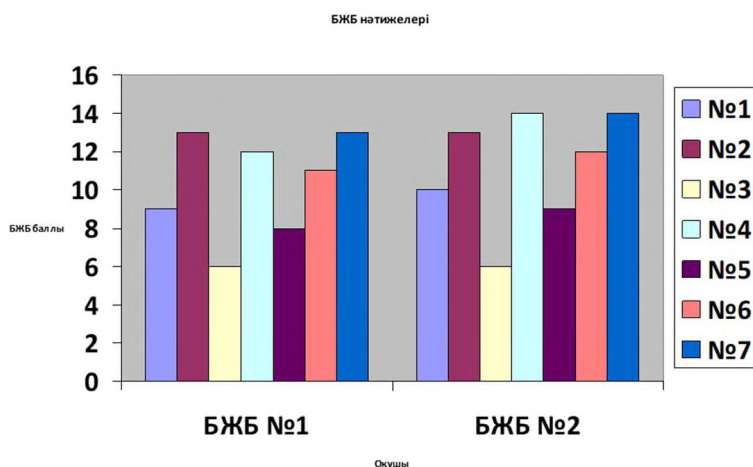
«Айнымалы электр тогы» бөлімі бойынша жиынтық бағалаудың үлгісі 7-суретке сәйкес көрсетілген. Оқушылар оқу мақсаттарына сәйкес физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғаушы күшінің максималды және әсерлік мәндері) қолданып, айнымалы токты сипаттайды және R, L, C-дан тұратын айнымалы токтың тізбектелген электр тізбегін есептейді. Формулаларды біле отырып, физикалық мағынасын түсіне алады және есеп шығару барысында бөлім бойынша алған білімдерін қолданады [6].

«Айнымалы ток» бөлімі бойынша жиынтық бағалау		Е. Тербеліс периоды		
Оқу мақсаттары	11.4.3.2 – физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғалтушы күшінің максималды және әсерлік мндері) қолданып, айнымалы токты сипаттайды; 11.4.3.6 – R, L, C-дан тұратын айнымалы токтың тізбектелген электр тізбегін есептейді.	$T = \frac{1}{f} = \frac{1}{\sqrt{\omega^2 - \omega_0^2}}$		
Бағалау критерийі	Бітім ақшым	Танымсыз №	Дескриптор	Балл
Ойлау деңгейлерін анықтау	- Физикалық шамаларды (период, жиілік, кернеу, ток күші мен электр қозғалтушы күшінің максималды және әсерлік мндері) қолданып, айнымалы токты сипаттайды; - R, L, C-дан тұратын айнымалы токтың тізбектелген электр тізбегін есептейді.	1	(а) Айнымалы токтың кандай тербеліс екенін жазамыз	1
			(б) Джоуль-Ленц заңын, ток күшінің әсерлік мәнін қолданамыз	1
			Есептеулер жүргізіледі	1
		2	Толық энергияның, электр және магнит өрісінің энергияларының формулаларын қолданамыз	1
			Формула түрлендіріледі	1
Ойлау деңгейлерін анықтау	Бітім және түсіну: Қолдану: Жоғарғы деңгейдегі дағдылар	3	(а) Жоғарғы жиілікті ток адам өмірі үшін қауіпсіз болу себебін түсіндіреді	1
			(б) Дыбыстың жетілу үшін жиілігі жоғары тербеліс амплитудасын дыбыстың жиілігімен өзгерту радиобайланысының аталуын анықтайды	1
		4	(а) Сыйымдылық кедергі, индуктивтілік формулаларын қолданамыз	1
			Формулаларды түрлендіреді	1
			Есептеулер жүргізеді	1
Ойлау деңгейлерін анықтау	Ойлау деңгейлерін анықтау: 20 минут Танымсыз № 1. (а) Айнымалы ток деңгейі қандай тербеліс? [1] (б) Айнымалы ток генераторының кедергісі R = 220 Ом, индуктивтілік кедергісі L = 10 А болса, өткізгіштің t = 1 с аралығындағы жұмыс мөлшерін анықтаңыз. [2] 2. Индуктивтілігі 0,2 Гн катушканы және сыйымдылығы 10 мкФ конденсаторды тұтасын тербеліс контур, конденсатор кернеуі 1 В ток күші 10 мА болса, ток күшінің өлшеуінің мәнін анықтаңыз. [3] 3. (а) Жоғарғы жиілікті ток адам өмірі үшін қауіпсіз болу себебін түсіндіріңіз. [1] (б) Дыбыстың жетілу үшін жиілігі жоғары тербеліс амплитудасын дыбыстың жиілігімен өзгерту радиобайланысының аталуын анықтаңыз. [1] 4. (а) Орталық сыйымдылығы C = 1 мкФ екі конденсатор тізбектегі жалғанып, жиілігі ν = 50 Гц айнымалы ток тізбегінің сыйымдылық кедергісін табыңыз. [3] (б) Айнымалы ток жиілігі ν = 1 кГц болса, индуктивтілігі L = 5 Гн катушканың индуктивті кедергісін анықтаңыз. [2] 5. Сәйкестендіріңіз. [5]	5	Физикалық шамалардың формулаларын қолданамыз	5
			Формулаларды түрлендіреді	1
			Есептеулер жүргізеді	1
			Формулаларын қолданамыз	1
			Есептеулер жүргізеді	1
Жалпы балл				18

Сурет 7. БЖБ үлгісі

Зерттеу нәтижелері

Өткізілген педагогикалық тәжірибенің БЖБ нәтижелері 8-суретке сәйкес көрсетілген. Суреттен көріп тұрғандарыңыздай білім сапасы 57 пайызды құрайды.

Сурет 8. БЖБ нәтижелері

Педагогикалық тәжірибенің қорытындысы төмендегідей:

Бөлім бойынша жиынтық бағалаудың нәтижесі 100%-дан 57%-ын құрады. 11-сынып оқушыларының саны 7, оның ішінде 4 оқушы «жақсы» бағаға және 3 оқушы «қанағаттанарлық» бағасына тапсырды.

1 тоқсандағы БЖБ №1 мен БЖБ №2 салыстыратын болсақ, нәтижелері бірдей. «Гармоникалық тербелістер» тақырыбы 9 және 11 сыныптарда, ал «Айнымалы ток» тақырыбы 11-сыныпта кездеседі.

БЖБ тапсырмалары оқу мақсаттарына сәйкес құрастырылған. Оқушылардың алған білімдерін тексеру мақсатында БЖБ нәтижелері орташа деңгейде көрсетілді. Сабақ кезінде оқушылар тақырыпты түсініп, өз білімдерін қолданып, тапсырманы ауызша орындай алады, бірақ кейбір оқушылар сабақта түсініп отырса да, өз білімдерін ауызша емес, жазбаша түрде көрсете алады. Тапсырма орындау барысында резонанс шартын түсіндіру және оның қолданылуына мысал келтіру, резонанстық жиілікті есептеу қиындық туғызды [7]. Осындай қиындықтарды жою үшін оқушыларға тапсырмаларды түсіндіріп, теориялық материалдарды қарастырады.

Талдау

Практикалық тұрғыда физика пәнінен оқушылардың «Айнымалы электр тогы» бөлімі бойынша алған білімдерін жиынтық бағалау арқылы зерттелді. Жиынтық бағалауды орындағаннан кейін оқушы бірнеше маңызды нәтиже алады [8,9]:

а) Білім мен дағдыны бағалау: Жиынтық бағалау оқушыға материалды қалай меңгергені туралы нақты түсінік береді. Бағалау ұпай, пайыз, баға (мысалы, 5, 4, 3) түрінде болуы мүмкін және білім деңгейін көрсетеді.

ә) Кері байланыс: Оқушы жиынтық бағалауды қолдана отырып, қай салада үздік болғанын және қай жерде әлі де жақсарту үшін жұмыс қажет екенін түсінеді. Көбінесе мұғалім орындалған жұмысқа түсініктеме бере алады.

б) Өзін-өзі бағалауды дамыту: Жиынтық бағалау оқушыға өзінің күшті және әлсіз жақтарын түсінуге, өзін-өзі бағалауды және одан әрі жақсарту үшін қандай күш-жігер жұмсау керектігін түсінуді дамытуға көмектеседі.

в) Оқу мақсаттары мен талаптарын түсіну: Бағалаудың бұл түрі оқушыға оқу процесі кезінде қандай білім мен дағдылардың маңызды болғанын және бұл талаптардың тәжірибеде қалай жүзеге асырылғанын түсінуге көмектеседі [10].

г) Одан әрі оқуға мотивация: Жиынтық бағалау нәтижелері оқушыны болашақта оқу жұмысын жақсартуға ынталандыруы мүмкін. Жақсы нәтижелер қанағаттану мен сенімділік көзі бола алады, ал төмен бағалар жақсартуға мотивация береді.

Сонымен, жиынтық бағалау материалды меңгеруін бағалау құралы және оқушының одан әрі дамуына ынталандыру қызметін атқарады.

Қорытынды

Жоғарыда айтылғандарды қорытындылай келе, оқушылардың физика пәнінен білімі мен шығармашылық қабілетін арттыруда жоғары нәтиже алу үшін заманауи оқу процесін жүзеге асыру арқылы әртүрлі әдістемелік нұсқаулықтарды қолдану жұмыстың сараланған тәсілі қажет екенін атап өткен жөн.

Жаңартылған білім бағдарламасы бойынша БЖБ-ның нәтижесі жақсы деңгейде болу үшін оқушылармен әр тақырыпты өткен сайын жүйелі және тиянақты жұмыс жүргізу қажет. Тапсырма дайындау барысында ауызша немесе жазбаша жауап беретін оқушылардың білім деңгейлерін ескеру керек.

Әдебиет:

- 1 Закирова Н.А., Аширов Р.Р. Жалпы білім беретін мектептің 11-сыныбының жаратылыстану-математикалық бағытына арналған оқулық. - Нұр-Сұлтан: Арман-ПВ баспасы, 2020.
- 2 Молодой ученый / Международный научный журнал № 25.1 (367.1) / 2021 Әліпбаева А.Қ. Жаңартылған білімге – жаңаша көзқарас.
- 3 Бұзаубакова К.Ж. Педагогика: Оқулық / К.Ж. Бұзаубакова. - Тараз: ИП «Бейсенбекова А.Ж.», 2019. – 329 б. Жаңа педагогикалық технология.
- 4 Инструктивно-методическое письмо. г. Нур-Султан – 2020. Об особенностях учебного процесса в организациях образования Республики Казахстан в 2020-2021 учебном году: Инструктивно-методическое письмо. – Нур-Султан: Национальная академия образования им. И. Алтынсарина, 2020. – 426 с.
- 5 Тұяқбаев С., Насохова Ш. Б., Кронгарт Б. А., Әбішев М. Е. Жалпы білім беретін мектептің жаратылыстану-математика бағытындағы 11-сыныпқа арналған оқулық. Екі бөлімді. 1-бөлім. - Алматы: Мектеп, 2019.
- 6 Испусинова С.Б., Можаяева О.И., Шилибекова А.С., Казжанова А.О., Абдильдина Ж.Н., Карина Ш.Т., Зиеденнова Д.Б. Апробация обновленного содержания образования. Аналитический отчет (2015-2019 гг.). – НурСултан: АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы», 2019. – 46 с.
- 7 Карпенко Е.А., Райс О.И. Интерактивные технологии в обучении. Педагогика нового времени. – Издательские решения, 2020. – 80 с.
- 8 Маматохунов Ё. Методика организации самостоятельной учебной деятельности школьников по физике во внеурочных занятиях // Universum: психология и образование: электронный научный журнал, 2021. 4(82) – URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11505>.
- 9 Панферов В.Н., Безгодова С.А., Васильева С.В., Иванов А.С., Микляева А.В. Эффективность обучения и академическая мотивация студентов в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем (на примере видеолекции) // Социальная психология и общество, 2020. - Т. 11 (1). - С. 127-143.
- 10 Башарұлы Р., Шүнкеев Қ., Мясникова Л., Жантурина Н., Бармина А., Аймағанбетова З. Жалпы білім беретін мектептің жаратылыстану-математика бағытындағы 11-сыныпқа арналған оқулық. Екі бөлімді. 1-бөлім. - Алматы: Атамұра, 2020.

References:

1. Zakirova N.A., Ashirov R.R. Zhalpy bilim beretin mekteptin 11-synybynyn zharatylustanu-matematekalyk bagytyna arналган okyluk. - Nur-Sultan: Arman-PV baspasu, 2020.
2. Molodoi uchenyi / Mezhdunarodnui nauchnui zhurnal №25.1 (367.1) / 2021 Alipbaeva A.K. Zhanartulgan bilimge – zhanasha kozkaras.
3. Buzaubakova K.Zh. Pedagogika: Okyluk / K.Zh. Buzaubakova. - Taraz: IP Beisenbekova A.Zh., 2019. – 329 b. Zhana pedagogikaluk tehnologia.
4. Instryktivno-metodicheskoe pismo. g. Nur-Sultan – 2020. Ob osobennostiah uchebnogo processa v organizaciiah obrazovaniia Respyblika Kazahstan v 2020-2021 uchebnom gody: Instryktivno-metodicheskoe pismo. – Nur-Sultan: Nacionalnai akademii obrazovaniia im. I. Altunsarin, 2020. – 426 s.
5. Tuiakbaeva C., Nasohova Sh.B., Krongart B.A., Abishev M.E. Zhalpy bilim beretin mekteptin zharatylustanu-matemateka bagytyndagi 11-synypka arналган okyluk. Eki bolimdi. 1-bolim. - Almaty: Mektep, 2019.
6. Ispusinova S.B., Mozhaeva O.I., Shilibekova A.S., Kazzhanova A.O., Abdil'dina Zh.N., Karinova Sh.T., Ziedenova D.B.(2019) Aprobacia obnovennoogo sodержaniija obrazovaniija. Analiticheskij otchet (2015-2019 gg.) [Approbation of the updated content of education. Analytical report (2015–2019)]. - Nur-Sultan: AОО «Nazarbaev Intellektual'nye shkoly». 46 s. (In Russian)
7. Karpenko E.A., Rajs O.I. (2020) Interaktivnye tehnologii v obuchenii. Pedagogika novogo vremeni. – Izdatel'skie reshenija [Interactive technologies in training. Pedagogy of the new age], 80 s. (In Russian)
8. Mamatohunov Jo. (2021) Metodika organizacii samostojatel'noj uchebnoj dejatel'nosti shkol'nikov po fizike vo vneurochnyh zanjatijah [Methods of organizing independent educational activity of schoolchildren in physics in extracurricular activities]. Universum: psihologija i obrazovanie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 4(82) URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11505> (In Russian)
9. Panferov V.N., Bezgodova S.A., Vasil'eva S.V., Ivanov A.S., Mikljaeva A.V. (2020) Jefferektivnost' obuchenija i akademicheskaja motivacija studentov v uslovijah onlajn-vzaimodejstvija s prepodavatelem

(na primere videolekcii) [Efficiency of learning and academic motivation of students in conditions of online interaction with the teacher (on the example of a video lecture). Social'naja psihologija i obshhestvo. № 11 (10), 127-143 (In Russian)

10. Basharuly R., Shunkeev K., Myasnikov L., Zhanturina N., Barmina A., Aimaganbetova Z. Zhalpy bilim beretin mekteptin zharatylystanu-matematica bagytyndagi 11-synypka arналган okyluk. Eki bolimdi. 1-bolim. - Almaty: Atamura, 2020.

Information about the authors

B.M. Useinov – corresponding author, Professor Department of Mathematics and Physics, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: buseinov@gmail.com;

Zh.E. Kuanysheva – master's student, Department of Mathematics and Physics, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: erikovna.zhan01@nail.ru.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-159-166

УДК 373.5:004.9:528.9

МРНТИ 14.25.09

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОБЗОР ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Шугулова Д.К.^{1*}, Бектемирова А.А.¹, Седельников И.А.¹

^{1*}НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: 9970766@mail.ru

Аннотация

Современная образовательная парадигма характеризуется активной интеграцией инновационных технологий в учебный процесс. Геоинформационные системы представляют собой перспективный инструмент для реализации научных проектов школьников, обеспечивая возможности работы с пространственными данными, их визуализации и комплексного анализа природных и социально-экономических явлений. В статье представлен систематизированный анализ теоретических основ применения ГИС в образовании, рассмотрены основные тематические направления школьных исследовательских проектов. Особое внимание уделено сравнительному анализу доступного программного обеспечения ГИС для образовательных целей. Проанализированы функциональные возможности семи программных продуктов: QGIS, ArcGISOnline, GoogleEarthPro, SAGA GIS. Для каждой программы определены преимущества и ограничения в контексте школьного образования. Разработаны методологические подходы к организации проектной деятельности, включающие шесть основных этапов: от выбора темы до презентации результатов. Предложенные методические рекомендации охватывают вопросы междисциплинарной интеграции, практической направленности проектов, использования открытых данных и программного обеспечения. Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал ГИС-технологий для формирования исследовательских компетенций, развития пространственного мышления и цифровой грамотности обучающихся. Практическая значимость работы заключается в возможности использования представленных материалов для внедрения геоинформационных технологий в образовательный процесс средних школ.

Ключевые слова: геоинформационные системы, проектная деятельность, школьное образование, программное обеспечение ГИС, методология исследования, пространственный анализ.

МЕКТЕП ОҚУШЫЛАРЫНЫҢ ЖОБАЛЫҚ ҚЫЗМЕТІНДЕ ГЕОАҚПАРАТТЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ҚОЛДАНУ: ӘДІСНАМАЛЫҚ ТӘСІЛДЕР ЖӘНЕ БАҒДАРЛАМАЛЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУГЕ ШОЛУ

Шугулова Д.К.^{1*}, Бектемирова А.А.¹, Седельников И.А.¹

^{1*}«Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан

*Корреспонденцияға арналған автор: 9970766@mail.ru

Аңдатпа

Қазіргі білім беру парадигмасы оқу процесіне инновациялық технологияларды белсенді интеграциялаумен сипатталады. Геоақпараттық жүйелер кеңістіктік деректермен жұмыс істеу, оларды визуализациялау және табиғи және әлеуметтік-экономикалық құбылыстарды кешенді талдау мүмкіндіктерін қамтамасыз ете отырып, оқушылардың ғылыми жобаларын жүзеге асыру үшін перспективалы құрал болып табылады. Мақалада білім беруде ГАЖ қолданудың теориялық негіздеріне жүйеленген талдау ұсынылған, мектеп зерттеу жобаларының негізгі тақырыптық бағыттары қарастырылған. Білім беру мақсаттары үшін

колжетімді ГАЖ бағдарламалық қамтамасыз етуге салыстырмалы талдауға ерекше назар аударылған. Жеті бағдарламалық өнімнің функционалдық мүмкіндіктері талданған: QGIS, ArcGIS Online, Google Earth Pro, SAGA GIS. Әрбір бағдарлама үшін мектеп білімі контекстінде артықшылықтар мен шектеулер анықталған. Жобалық қызметті ұйымдастырудың әдіснамалық тәсілдері әзірленді, оған алты негізгі кезең кіреді: тақырыпты таңдаудан нәтижелерді ұсынуға дейін. Ұсынылған әдістемелік ұсынымдар пәнаралық интеграция, жобалардың практикалық бағыты, ашық деректер мен бағдарламалық қамтамасыз етуді пайдалану мәселелерін қамтиды. Зерттеу нәтижелері оқушылардың зерттеу құзыреттіліктерін қалыптастыру, кеңістіктік ойлауды және цифрлық сауаттылықты дамыту үшін ГАЖ технологияларының елеулі әлеуетін көрсетеді. Жұмыстың практикалық маңыздылығы ұсынылған материалдарды орта мектептердің білім беру процесіне геоақпараттық технологияларды енгізу үшін пайдалану мүмкіндігінде жатыр.

Кілт сөздер: геоақпараттық жүйелер, жобалық қызмет, мектеп білімі, ГАЖ бағдарламалық қамтамасыз ету, зерттеу әдіснамасы, кеңістіктік талдау.

APPLICATION OF GEOINFORMATION TECHNOLOGIES IN SCHOOL STUDENTS' PROJECT ACTIVITIES: METHODOLOGICAL APPROACHES AND SOFTWARE REVIEW

D.K. Shugulova^{1*}, A.A. Bektemirova¹, I.A. Sedelnikov¹

^{1*}Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan

**Corresponding author: 9970766@mail.ru*

Abstract

The contemporary educational paradigm is characterized by active integration of innovative technologies into the learning process. Geographic information systems represent a promising toolkit for implementing school students' scientific projects, providing opportunities for working with spatial data, their visualization and comprehensive analysis of natural and socio-economic phenomena. The article presents a systematized analysis of theoretical foundations for GIS application in education and examines main thematic areas of school research projects. Special attention is paid to comparative analysis of available GIS software for educational purposes. Functional capabilities of seven software products are analyzed: QGIS, ArcGIS Online, Google Earth Pro, SAGA GIS. Advantages and limitations in the context of school education are identified for each program. Methodological approaches to organizing project activities have been developed, including six main stages: from topic selection to results presentation. The proposed methodological recommendations cover issues of interdisciplinary integration, practical orientation of projects, use of open data and software. Research results demonstrate significant potential of GIS technologies for developing research competencies, spatial thinking and digital literacy of students. The practical significance lies in the possibility of using presented materials for implementing geoinformation technologies in the educational process of secondary schools.

Keywords: geographic information systems, project activities, school education, GIS software, research methodology, spatial analysis.

Введение

Современная образовательная парадигма характеризуется стремлением к интеграции инновационных технологий, способствующих повышению эффективности учебного процесса и углублению вовлеченности обучающихся в научно-исследовательскую деятельность. В этом контексте геоинформационные системы (ГИС) представляют собой мощный инструмент, открывающий значительные перспективы для реализации научных проектов на уровне среднего общего образования. ГИС предоставляют уникальные возможности для работы с пространственно-привязанными данными, их визуализации на картографической основе, а также для

проведения комплексного анализа и моделирования разнообразных природных и социально-экономических явлений и процессов.

Актуальность применения ГИС в школьном образовании определяется рядом ключевых факторов. Во-первых, ГИС являются востребованным инструментом в значительном числе профессиональных областей, и раннее знакомство с ними в школьные годы может заложить прочную основу для будущей профессиональной траектории обучающихся. Во-вторых, использование ГИС позволяет существенно повысить наглядность и интерактивность образовательного процесса, что имеет особую значимость для современного поколения, ориентированного на визуальное восприятие информации. В-третьих, интеграция ГИС в проектную деятельность способствует интенсивному развитию исследовательских компетенций школьников.

Государственная программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2020-2025 годы подчеркивает необходимость цифровизации образования и внедрения современных технологий в учебный процесс [1]. В этом контексте геоинформационные системы выступают как один из ключевых инструментов формирования цифровых компетенций обучающихся.

Международный опыт демонстрирует успешную интеграцию ГИС-технологий в школьное образование. В развивающихся странах Азии (Турция, Индия, Китай, Сингапур, Япония) и Африки (ЮАР, Уганда, Руанда) WebGIS-платформы, такие как ArcGIS, QGIS и Google Earth, активно применяются в средней школе для многомерного анализа данных и проектного обучения; это формирует у учеников навыки работы с цифровыми технологиями. В Австралии и Новой Зеландии ГИС входят в школьную программу для изучения окружающей среды, с акцентом на навигационные инструменты вроде SAS Planet [2]. В России ГИС-технологии интегрированы в школьную географию как инновационные средства обучения, способствуя созданию интегрированных проектов (например, с литературой) и развитию информационной компетентности в соответствии с ФГОС [3]. Однако в отечественной образовательной практике потенциал ГИС используется недостаточно полно, что обусловлено рядом факторов: ограниченностью методических разработок, недостаточной подготовкой педагогических кадров, отсутствием системного подхода к внедрению технологии.

Целью настоящей статьи является всесторонний анализ потенциала использования ГИС в школьных научных проектах, идентификация основных тематических направлений для подобных исследований, а также представление систематизированного обзора доступного программного обеспечения.

Материалы и методы исследования

Были применены следующие методы исследования: анализ научно-методической литературы по тематике ГИС в образовании, сравнительный анализ функциональных возможностей программного обеспечения ГИС, систематизация тематических направлений школьных проектов с использованием ГИС, разработка методологических подходов к организации проектной деятельности.

Материалами исследования послужили научные публикации в области геоинформационных технологий в образовании (опыт ГИС в средней школе развивающихся стран [4]; образовательные возможности ГИС в географическом образовании), техническая документация программных продуктов ГИС (ГОСТ на программную и эксплуатационную документацию; требования к ГИС-документации) [5,6], методические материалы по организации проектной деятельности школьников [7],

государственные образовательные стандарты и программы развития образования Республики Казахстан [1].

Методы анализа включали: контент-анализ научной литературы, сравнительное исследование программного обеспечения по установленным критериям (стоимость, простота освоения, функциональность, соответствие школьным задачам), систематизацию и классификацию данных, разработку методических рекомендаций на основе теоретического анализа и практических потребностей образовательного процесса.

Результаты исследования

Геоинформационная система представляет собой комплексную интегрированную систему, предназначенную для эффективного сбора, систематизированного хранения, всестороннего анализа, управления и наглядного представления разнообразных данных, обладающих географической привязкой. Согласно определению Цветкова В.Я., ГИС – это "автоматизированная информационная система, предназначенная для обработки пространственно-временных данных, основой интеграции которых служит географическая информация" [8].

Ключевыми составляющими любой ГИС, обеспечивающими ее полноценное функционирование, являются: аппаратное обеспечение, программное обеспечение, данные (пространственные и атрибутивные), пользователи и методы обработки информации.

Применение ГИС в образовательном процессе обладает рядом преимуществ: наглядность и интерактивность обучения, развитие пространственного мышления, формирование исследовательских навыков, междисциплинарный подход, развитие навыков работы с современными технологиями, решение реальных проблем.

В ходе исследования были проанализированы функциональные возможности четырех основных программных продуктов ГИС, подходящих для использования в школьном образовании:

QGIS – бесплатная настольная ГИС с полным функционалом профессионального уровня. Преимущества: открытый исходный код, русский интерфейс, кроссплатформенность, активное сообщество пользователей. Недостатки: сложность для начинающих пользователей, избыточность функций для школьных задач.

ArcGISOnline – облачная платформа с веб-интерфейсом. Преимущества: простота использования, совместная работа, образовательные скидки, готовые шаблоны. Недостатки: требует постоянное интернет-соединение, подписочная модель оплаты.

GoogleEarthPro – инструмент для просмотра спутниковых снимков и создания простых проектов. Преимущества: очень простое освоение, красивая 3D визуализация, бесплатность. Недостатки: ограниченные аналитические возможности, зависимость от сервисов Google.

SAGA GIS – специализированная система для анализа рельефа и геоморфологии. Преимущества: мощные инструменты анализа рельефа, модульная архитектура, научная точность. Недостатки: сложный интерфейс, отсутствие русского языка, узкая специализация.

Таблица 1. Оценка по критериям

Критерий	QGIS	ArcGISOnline	GoogleEarthPro	SAGA GIS
Стоимость	Бесплатно	Платно	Бесплатно	Бесплатно
Простота изучения	Сложно	Легко	Очень легко	Сложно
Функциональность	Высокая	Хорошая	Базовая	Специализированная
Подходит для школы	Отлично	Хорошо	Отлично	Плохо
Русский интерфейс	Да	Да	Да	Нет
Работа без интернета	Да	Нет	Да	Да
Обучающие материалы	Много	Достаточно	Достаточно	Мало
Техническая поддержка	Сообщество	Официальная	Ограниченная	Минимальная

Эффективная реализация научных проектов с применением геоинформационных систем в школьной среде требует систематизированного методологического подхода.

На основе анализа образовательных стандартов и методической литературы выделены основные тематические направления:

1. *Географические и краеведческие проекты*: изучение ландшафтов, анализ климатических данных, исследование демографических процессов, изучение культурного наследия, разработка туристических маршрутов.

2. *Экологические исследования*: мониторинг загрязнений, анализ биоразнообразия, оценка экологических рисков, изучение антропогенного воздействия.

3. *Исторические проекты*: картографирование исторических событий, анализ территориальных изменений, реконструкция исторических ландшафтов.

4. *Социальные исследования*: анализ демографических данных, изучение размещения социальных объектов, анализ криминогенной обстановки.

5. *Междисциплинарные проекты*: интеграция ГИС с биологией, физикой, химией, математикой.

Разработана шестиступенчатая методология организации школьных проектов с использованием ГИС:

1. Выбор темы и формулировка проблемы – определение актуальной темы с пространственной привязкой, формулировка исследовательского вопроса.

2. Постановка целей и задач – формулирование измеримой цели, определение конкретных задач исследования.

3. Сбор и подготовка данных – поиск источников геопространственных данных, верификация качества данных.

4. Пространственный анализ и моделирование – применение инструментов ГИС для обработки данных, создание тематических карт.

5. Визуализация и интерпретация результатов – оформление картографических материалов, анализ результатов.

6. Оформление и презентация проекта – подготовка отчета, создание презентационных материалов.

Обсуждение

Результаты исследования подтверждают значительный потенциал геоинформационных систем для образовательного процесса. Анализ программного обеспечения показал, что выбор конкретной ГИС должен основываться на уровне подготовки учащихся, целях проекта и технических возможностях образовательного учреждения.

Таблица 2. Рекомендации по выбору программы

Ситуация	Рекомендуемая программа	Обоснование	Рекомендуемый уровень
Первое знакомство с ГИС	GoogleEarthPro	Максимально простая, наглядная, не пугает сложностью	7-11 классы
Серьезные школьные проекты	QGIS	Полнофункциональная ГИС, бесплатная, есть русский язык	9-11 классы
Командная работа класса	ArcGISOnline	Веб-платформа позволяет работать совместно онлайн	8-11 классы
Изучение рельефа и геоморфологии	SAGA GIS	Специализированные инструменты для анализа рельефа	10-11 классы
Ограниченное время урока	GoogleEarthPro	Быстрое освоение, сразу видны результаты	7-11 классы
Подготовка к олимпиадам	QGIS	Максимальный функционал для сложных задач	9-11 классы

Для начинающих пользователей (7-9 классы) наиболее подходящим является GoogleEarthPro благодаря простоте освоения и наглядности. Для серьезных исследовательских проектов (9-11 классы) рекомендуется использование QGIS как полнофункциональной системы с русским интерфейсом. ArcGISOnline оптимален для командной работы и проектов, требующих совместного редактирования.

Разработанная методология проектной деятельности обеспечивает систематический подход к организации исследований и может быть адаптирована под различные предметные области и уровни сложности.

Особое значение имеет междисциплинарный характер ГИС-проектов, способствующий формированию целостной картины мира и развитию системного мышления учащихся. Интеграция географических знаний с математикой, информатикой, экологией и другими дисциплинами создает основу для комплексного понимания пространственных явлений.

Практическая направленность проектов, основанных на решении реальных локальных проблем, повышает мотивацию учащихся и демонстрирует практическую ценность получаемых знаний.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует высокий потенциал геоинформационных систем для развития школьного образования. Интеграция ГИС в проектную деятельность способствует формированию ключевых компетенций XXI века: цифровой грамотности, аналитического мышления, умения работать с большими объемами данных.

Систематизированный анализ программного обеспечения показал доступность современных ГИС-инструментов для образовательных учреждений. Наличие

бесплатных решений с открытым исходным кодом делает ГИС-технологии доступными независимо от финансовых возможностей школы.

Разработанные методологические подходы обеспечивают структурированную основу для внедрения ГИС в учебный процесс. Шестиэтапная модель организации проектной деятельности может быть адаптирована под различные предметные области и образовательные задачи.

Дальнейшее развитие данного направления требует создания специализированных учебно-методических комплексов, подготовки педагогических кадров и формирования системы методической поддержки образовательных учреждений.

Внедрение ГИС в школьные научные проекты является важным шагом в подготовке нового поколения специалистов, способных эффективно работать с геопространственной информацией в условиях цифровой экономики.

Литература:

1. Об утверждении Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2020-2025 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 988 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Usenov, N., Layshanov, S., Abikbaev, E., & Issakov, Y. (2023). Опыт применения геоинформационных технологий в системе среднего образования развивающихся стран. *Journal of Educational Sciences*, 75(2), 150-160. <https://doi.org/10.26577/JES.2023.v75.i2.014>
3. Федоровских, А. (2021). Образовательные возможности ГИС-технологий при изучении географии в школе. ГИС от конференции к конференции, №1 (94). [Электронный ресурс]. URL: <https://arcreview.esri-cis.ru/2021/08/24/learn-geography-in-school/> (дата обращения: 11.02.2026).
4. Новенко, Д.В. Использование геоинформационных технологий в школьном географическом образовании [Текст] / Д.В. Новенко // «География в школе». – 2007. – №7. с. 36-40.
5. ГИС технологии в географии. Электронное учебное пособие. Торайгыров университет [Электронный ресурс]. URL: <https://textbook.tou.edu.kz/books/026/index.html> (дата обращения: 11.02.2026).
6. Назначение и документация ГИС. [Электронный ресурс]. URL: <https://pps.kaznu.kz/ru/Main/FileShow/2751043/79/446/7672/> (дата обращения: 11.02.2026).
7. Методические рекомендации по организации проектной деятельности обучающихся в процессе обучения географии. [Электронный ресурс]. URL: <https://uba.edu.kz/storage/app/media/55555%20QQQ%20%20RS%20%20RS.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).
8. Цветков В.Я. Геоинформационные системы и технологии. - М.: Финансы и статистика, 1998. - 288 с.
9. QGIS Development Team. QGIS Geographic Information System [Электронный ресурс]. Open Source Geospatial Foundation Project. URL: <https://www.qgis.org> (дата обращения: 10.02.2026).
10. Esri. ArcGISOnline [Электронный ресурс]. URL: <https://www.esri.com/en-us/arcgis/products/arcgis-online/overview> (дата обращения: 10.02.2026).
11. Google. Google Earth Pro [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/earth/versions/#earth-pro> (дата обращения: 10.02.2026).
12. SAGA Development Team. System for Automated Geoscientific Analyses [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saga-gis.org> (дата обращения: 10.02.2026).

References:

1. On Approval of the State Program for the Development of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2020-2025: Government Resolution of the Republic of Kazakhstan dated December 27, 2019 No. 988 // Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988> (accessed: 10.02.2026).

2. Usenov, N., Layshanov, S., Abikbaev, E., & Issakov, Y. (2023). Experience in Applying Geoinformation Technologies in Secondary Education Systems of Developing Countries. *Journal of Educational Sciences*, 75(2), 150-160. <https://doi.org/10.26577/JES.2023.v75.i2.014>
3. Fedorovsky, A. (2021). Educational Opportunities of GIS Technologies in Studying Geography at School. *GIS from Conference to Conference*, No. 1 (94). [Electronic resource]. URL: <https://arcreview.esri-cis.ru/2021/08/24/learn-geography-in-school/> (accessed: 11.02.2026).
4. Novenko, D.V. Use of Geoinformation Technologies in School Geographical Education [Text] / D.V. Novenko // "Geography at School". – 2007. – No. 7. pp. 36-40.
5. GIS Technologies in Geography. Electronic Textbook. Toraighyrov University [Electronic resource]. URL: <https://textbook.tou.edu.kz/books/026/index.html> (accessed: 11.02.2026).
6. Purpose and Documentation of GIS. [Electronic resource]. URL: <https://pps.kaznu.kz/ru/Main/FileShow/2751043/79/446/7672/> (accessed: 11.02.2026).
7. Methodological Recommendations on Organizing Project-Based Learning for Students in Geography Classes. [Electronic resource]. URL: <https://uba.edu.kz/storage/app/media/55555%20QQQ%20%20RS%20%20RS.pdf> (accessed: 11.02.2026).
8. Tsvetkov V.Ya. Geoinformation Systems and Technologies. - Moscow: Finance and Statistics, 1998. - 288 p.
9. QGIS Development Team. QGIS Geographic Information System [Electronic resource]. Open Source Geospatial Foundation Project. URL: <https://www.qgis.org> (accessed: 10.02.2026).
10. Esri. ArcGIS Online [Electronic resource]. URL: <https://www.esri.com/en-us/arcgis/products/arcgis-online/overview> (accessed: 10.02.2026).
11. Google. Google Earth Pro [Electronic resource]. URL: <https://www.google.com/earth/versions/#earth-pro> (accessed: 10.02.2026).
12. SAGA Development Team. System for Automated Geoscientific Analyses [Electronic resource]. URL: <http://www.saga-gis.org> (accessed: 10.02.2026).

Information about the authors

D.K. Shugulova – corresponding author, Lecturer of the Department of Geography and Ecology, Master of Natural Sciences, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: 9970766@mail.ru;

A.A. Bektemirova – Senior Lecturer of the Department of Geography and Ecology, PhD, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: asel.8.90@mail.ru;

I.A. Sedelnikov – Lecturer of the Department of Geography and Ecology, Master of Natural Sciences, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: igor_sko_kz_94@mail.ru.

ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР /
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ / SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-167-178

UDC 338.1

IRSTI 44.01.21

APPLICATION OF INNOVATIONS
IN THE OIL AND GAS SECTOR OF KAZAKHSTAN
Zh. Nursultanova¹, Zh. Abuzyarova^{2*}, K. Nursultanova²

¹NIPI Neftegaz SOCAR, Baku, Azerbaijan

^{2*}Atyrau University named after Khalel Dosmukhamedov, Kazakhstan, Atyrau

*Corresponding author: zh.abuzyarova@asu.edu.kz

Abstract

The Republic of Kazakhstan is a major oil exporter, ranking second in the CIS after Russia in hydrocarbon reserves and crude oil production. As the national oil and gas company, KazMunayGas is modernizing infrastructure, implementing innovations, and promoting the development of brownfields. The purpose of the article is to analyze the investment policy in the oil industry, their dynamics, investments in scientific research and innovation, as well as support for research and development (R&D) that contribute to the economic efficiency of enterprises. The objectives are to identify the main aspects of innovation activity; conduct an analysis and evaluation of innovation activity; and propose ways to improve innovation activity. The scientific novelty lies in the justification of the transition from extensive production to digitalization of the industry, the implementation of modular technologies (Industry 4.0) and a comprehensive analysis of the oil and gas sector. The article utilizes general scientific methods to reveal the main content of the work. The study highlights the need for diversification, the introduction of new technologies to enhance competitiveness, and an increase in the share of innovative products. In conclusion, it was concluded that in the foreseeable future, the oil industry of Kazakhstan will remain an important sector of the national economy.

Keywords: KazMunayGas, oil industry, innovation, investment, economic efficiency.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ МҰНАЙ-ГАЗ СЕКТОРЫНДА
ИННОВАЦИЯЛАРДЫ ҚОЛДАНУ
Нүрсұлтанова Ж.Г.¹, Абузьярова Ж.Р.^{2*}, Нүрсұлтанова К.Н.²

¹Мұнай және газ ҒЗЖИӨРММК, Баку, Әзербайжан

^{2*}Халел Досмұхамедов атындағы Атырау университеті, Қазақстан, Атырау

*Хат-хабар үшін автор: zh.abuzyarova@asu.edu.kz

Андатпа

Қазақстан Республикасы негізгі мұнай экспорттаушы болып табылады, көмірсутегі қоры мен шикі мұнай өндіру бойынша ТМД-да Ресейден кейін екінші орында. Ұлттық мұнай-газ компаниясы ретінде «ҚазМұнайГаз» инфрақұрылымды жаңғыртуда, инновацияларды енгізуде және қоңыр кен орындарын игеруге ықпал етуде. Мақаланың мақсаты – мұнай саласындағы инвестициялық саясатты, оның серпінін, ғылыми зерттеулер мен инновацияларға инвестицияларды, сондай-ақ кәсіпорындардың экономикалық тиімділігін арттыруға ықпал ететін ғылыми-зерттеу және тәжірибелік-конструкторлық жұмыстарға (ҒЗТҚЖ) қолдау көрсетуді талдау. Міндеттері – инновациялық қызметтің негізгі аспектілерін анықтау; инновациялық қызметті талдау мен бағалауды жүргізу; және инновациялық белсенділікті жақсарту жолдарын ұсынады. Ғылыми жаңалық экстенсивті өндірістен саланы цифрландыруға көшуді негіздеуде, модульдік технологияларды енгізуде (Индустрия 4.0) және мұнай-газ секторын кешенді

талдауда. Мақалада жұмыстың негізгі мазмұнын ашу үшін жалпы ғылыми әдістер қолданылады. Зерттеу әртараптандыру, бәсекеге қабілеттілікті арттыру үшін жаңа технологияларды енгізу және инновациялық өнім үлесін арттыру қажеттілігін көрсетеді. Қорытындылай келе, жақын болашақта Қазақстанның мұнай өнеркәсібі ұлттық экономиканың маңызды саласы болып қала береді деген қорытынды жасалды.

Кілт сөздер: ҚазМұнайГаз, мұнай өнеркәсібі, инновация, инвестиция, экономикалық тиімділік.

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ КАЗАХСТАНА

Нурсултанова Ж.Г.¹, Абузьярова Ж.Р.^{2*}, Нурсултанова К.Н.²

¹НИПИ Нефти и газа ГНКАР, Баку, Азербайджан

^{2*}Атырауский университет имени Халела Досмухамедова, Казахстан, Атырау

*Автор для корреспонденции: zh.abuzyarova@asu.edu.kz

Аннотация

Республика Казахстан входит в числе стран-экспортеров нефти, занимая второе место в странах СНГ после России по запасам углеводородных ресурсов и добыче сырой нефти. «КазМунайГаз» как национальная нефтегазовая компания модернизирует инфраструктуру, внедряет инновации и способствует развитию старых месторождений. Целью статьи является анализ инвестиционной политики в нефтяной отрасли, их динамика, вложения в научные исследования и инновации, а также поддержка научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), которые способствуют экономической эффективности предприятий. Задачами являются - выявить основные аспекты инновационной деятельности; провести анализ и оценку инновационной активности; предложить пути для совершенствования инновационной деятельности. Научная новизна заключается в обосновании перехода от экстенсивной добычи к цифровизации отрасли, внедрении модульных технологий (Industry 4.0) и комплексном анализе нефтегазовой сферы. В статье применены общенаучные методы, позволяющие раскрыть основное содержание работы. Результатом исследования является необходимость диверсификации, внедрение новых технологий для повышения конкурентоспособности и рост доли инновационной продукции. В заключение сделан вывод о том, что в обозримой перспективе, нефтяная отрасль Казахстана останется важной отраслью национальной экономики.

Ключевые слова: КазМунайГаз, нефтяная промышленность, инновации, инвестиции, экономическая эффективность.

Introduction

Over the past decade of international economic development, significant changes have taken place in its structure, linked to the need to apply innovation, new technologies, and improve R&D. In the new geopolitical and geo-economic conditions, it is becoming increasingly difficult for states to organize effective economic activity without an industrial innovation policy. One of the most important priorities of economic policy and state strategy is to strengthen innovation activity in various sectors of national industry. In this regard, the “State Program for Industrial and Innovation Development of the Republic of Kazakhstan (RK) for 2020-2025” was approved, the key objectives of which are to increase the industrial capacity of basic industries, technological development, innovation, and digitalization [1].

The theoretical basis for this article is the Concept for the Development of the Oil Refining Industry of the Republic of Kazakhstan for 2025-2040, adopted on July 21, 2025. Among the most important problems that need to be addressed are the transition from oil exports to deep processing, increasing the capacity of oil refineries, and developing R&D. The document is aimed at strengthening energy security, reducing the economy's dependence on fluctuations in crude oil prices, and creating high-tech jobs [2].

An equally important confirmation is the theory of the innovation economy, where knowledge and technology play a crucial role. The theory of sustainable development (ESG) aims to implement clean technologies and competitiveness in foreign markets. The concept of digitalization (Industry 4.0) envisions the use of smart wells, big data, and automation to optimize production processes. In modern conditions, the role of the state is to coordinate innovation activities, finance R&D, and create infrastructure to overcome the technological gap.

Thus, these theories are applicable to our study with an emphasis on the outcome of Kazakhstan's investment policy aimed at the technological development of the oil industry.

Investments in research and innovation can help oil companies improve production and refining efficiency and minimise negative environmental impacts. In this context, it is important to establish cooperation between scientific institutions and industrial enterprises to help oil companies improve the efficiency of their production and economic activities.

Over the past 30 years, international practice has developed a certain amount of experience in applying various measures to increase the effectiveness of innovation. For example, the Republic of Korea and Singapore have introduced tax holidays for knowledge-intensive businesses. Developed and developing countries have made the development of fundamental research a priority in their socio-economic sphere. In many countries, science is funded from the budget, resulting in a multiplier effect of research results that determine long-term progress in all spheres of life.

R&D spending in Kazakhstan has reached a record high over the past few years.

Table 1. R&D indicators for 2018-2023

Indicator	Value	Dynamics	Analysis
Total R&D expenditures	172.6 bln KZT	+42% compared to 2022	Record growth reflecting increased state support for science and innovation
5-year growth	Doubled	2018–2023	Indicates strategic strengthening of science in economic policy
Astana	36.7 bln KZT	–	Concentration of government-funded research institutions
Almaty	77.2 bln KZT	–	Largest scientific and educational hub
Mangystau Region	13.6 bln KZT	–	Linked to oil and gas sector specialization
East Kazakhstan Region	8.2 bln KZT	–	Industrial and technological focus
Karaganda Region	7.8 bln KZT	–	Strong industrial and research base
Source: National Statistics Bureau of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Spending on science in Kazakhstan increased by 42% (official statistics for 2023). Reference: https://energyprom.kz/articles-ru/industries-ru/zatraty-na-nauku-v-kazahstane-vyrosli-na-42			

The 42% growth indicates a transition to a more innovative economic model. However, significant territorial concentration (two-thirds of funds go to Astana and Almaty) points to regional imbalances in scientific development.

Based on data from the National Statistical System of Kazakhstan, spending on science in Kazakhstan is divided almost equally into three major categories: natural sciences, humanities (including medicine, social sciences, and agriculture), and engineering. It is worth noting that the most significant growth occurred in the two categories of R&D that are most important for the Kazakh economy. Funding for engineering and technology amounted to 80 billion tenge (an increase of 10.6 billion tenge), while funding for natural sciences amounted to 53.1 billion tenge (an increase of 22.9 billion tenge). Expenditures on other scientific fields also increased, but in absolute terms they were not as noticeable [3].

Investments in scientific research and innovation can help oil companies improve the efficiency of production and processing, as well as minimize negative environmental impacts. In this context, it is important to establish cooperation between scientific institutions and industrial enterprises.

Quite a few studies by foreign and domestic authors are devoted to issues of the development of the oil sector and oil refining, their impact on the country's macroeconomy, and the assessment of individual aspects, among which we note: U. Shahzad, D. Ferraz, B. Dogan, do Nascimento Rebelatto [4], M. Smith, M. Whalen, A. Hussan [5], and E. Kalinenko [6].

A.E. Tolepov, A.B. Maidyrova, in their work "Analysis and Assessment of Innovative Activity in the West Kazakhstan Region Based on the Innovation Development Index," propose a method for calculating the regional innovation development index, which determines the level of development of innovative activity not only in this region, but also in the Republic of Kazakhstan. This method is calculated based on indicators of innovation potential and innovation receptivity. The scientific significance of the study lies in the fact that the introduction of innovations contributes to the growth of economic indicators in various sectors of industry [7].

S.S. Makhanov, U.Zh. Shalbolova, and S.M. Yegemberdieva, in their article "The Impact of Investment Activity in the Oil Refining Sector on the Economy of Kazakhstan," examine the effects of investment activity aimed at creating production facilities for oil refining products. Investment activity in oil refining is currently developing dynamically both in Kazakhstan and in global industry markets [8].

The collective work of Kazakh scientists, Kazakhstan's Participation in the Global Energy Market: Problems and Prospects for Development, examines the energy strategy of the Republic of Kazakhstan, taking into account the real geopolitical situation in the world and the problems of the country's realization of its national energy potential. The authors recommend developing such areas of foreign trade in energy resources as maritime transport and the tanker fleet, attracting the necessary investments. Kazakhstan needs to increase its own transport capabilities by forming an energy policy focused on active cooperation with the world's largest energy consumers. In this regard, attracting foreign investment will contribute to the efficiency of the fields being developed, which have been in operation for more than 100 years [9].

In their article "Features of managing oil projects in the USA, China, Iraq, Kazakhstan, and their impact on the economies of these countries," Nai chao Han and Adambekova A.A. examined innovative factors contributing to the development of the national economies of these countries. The study uses content analysis, historical-chronological, statistical, and comparative methods, as well as annual reports of oil companies. The article is interesting to us because it

defines macroeconomic indicators in the construction of a project-based approach to oil project management [10].

Thus, scientific works highlight various aspects of enterprises investing in the innovative sphere to improve economic indicators.

Materials and methods

The theoretical and methodological basis of the article consists of theoretical and applied developments by domestic and foreign scientists that address issues related to the formation and development of an innovative economy. The research methods used were interdisciplinary and institutional approaches, analysis and comparison, and other general scientific methods. During the research, an analysis was conducted of state policy in the field of innovation, which is aimed at strengthening international cooperation and expanding the sphere of business contacts. This article used a research strategy that is determined by the selected scientific methods. Thus, content analysis was used to analyze the strengths and weaknesses of innovations in the oil sector, as well as opportunities and threats. At the same time, a systematic method was used to study the development of innovations in the oil and gas sector. A comparative analysis of statistical data on the innovative development of science presented in various sources was also used.

Research results

«Embamunaigaz» is engaged in the acquisition, exploration, development, production, and export of hydrocarbon raw materials. The Company's main oil and gas operations are carried out on oil and gas assets located in the Atyrau region of the Republic of Kazakhstan. The history of oil field development in Emba dates back more than 100 years, and the official history of Embanumaygaz JSC began in 1922 with the creation of the Embanef oil trust to develop the Dossor and Makat fields.

«Embamunaigaz» JSC comprises six production divisions located in Atyrau and four districts of the Atyrau region: Zhayikmunaygaz, Dossormunaygaz, Kainarmunaygaz, Zhylyoimunaygaz, Embunayenergo Management, and Production and Technical Maintenance and Equipment Procurement Management (UPTO and KO). In recent years, Embunaygaz JSC has been actively implementing horizontal drilling at its fields due to the depletion of reserves. This technology allows for the development of hard-to-recover oil reserves in the Embinsk fields, which peaked many years ago. Horizontal drilling has many advantages and allows a large number of vertical wells to be replaced with a single well. This technology significantly reduces harmful emissions into the environment. It also extends the “life” of the fields by involving hard-to-recover oil reserves in development. In recent years, a total of 14 horizontal wells have been drilled at the Emba oil fields, the last of which at the Gran field (NGDU Zhayikmunaygaz) has a horizontal section length of 1 km, which is the longest well in the KazMunayGas group of companies. The effectiveness of horizontal drilling at the Emba fields has been proven, with productivity 8-10 times higher than vertical wells, so from 2021, wells will only be drilled using horizontal methods. In addition, EMG implements programs to modernize oilfield equipment and improve oil preparation quality in order to improve production and economic performance. A strategic focus is the implementation of a fleet renewal program, which aims to replace worn-out and obsolete special equipment and improve technological equipment. As of early 2021, Embamunaygaz JSC had 46 fields with remaining oil reserves in categories A+B+C1 (geological/recoverable) 481.1/87.7 million tons, and the average depletion of field reserves is 70%, which once again confirms many years of oil production.

The development concept of « Embamunaigaz » JSC until 2027 defines a set of rules and principles that guide the Company in its decision-making and determine the successful development of its business. This document serves as the basis for the development of subsequent policy documents, forecast financial and economic models (business plans), risk management systems, the Company's annual budget, as well as for the formation of the Company's project portfolio, including investment projects. The implementation of the Development Concept will make a significant contribution to the economic development of the region and confidence in the future. Priority areas of activity:

- conducting geological exploration work under existing and new contracts,
- conducting additional exploration at existing fields,
- improving production efficiency at existing fields.

At its existing fields, the Company extracts oil and intensifies production by introducing new technologies to increase the oil recovery factor (ORF).

The main macroeconomic factors affecting the Company's financial position include: oil price dynamics, inflation rates, currency exchange rate fluctuations, in particular, the exchange rate of the tenge against the US dollar.

According to the Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan, oil production in Kazakhstan in 2020 amounted to 85.7 million tons, which is 4.8% lower than the record level of 90.5 million tons in 2019. At the same time, actual production figures are in line with the targets (101%) revised at the start of the pandemic. Over the year, 68.5 million tons of oil were exported, which amounted to 101.8% of the target.

Production and financial indicators for 2024: 2.79 million tons of oil were produced, 31 fields were developed, and 158 million m3 of commercial gas was processed.

Fields are considered mature when they are in the third or fourth stage of development, when oil production declines, so new technologies are needed. High water content, falling flow rates, and difficulties in extracting raw materials are all problems inherent in such subsoil areas.

When operating old fields, Embamunaigaz uses innovations such as process digitalization (using the Internet of Things, big data, and AI), automation (SCADA systems), and modern methods of oil production intensification. It also uses 3D modeling, cloud computing, and other advanced technologies aimed at improving efficiency and extracting residual reserves [11].

«Embamunaigas» JSC (a subsidiary of KMG) is using the innovative STRYDE wireless data logging system at the Gran field in the Atyrau region as part of its research and development work. The system consists of the world's most compact and ultra-lightweight autonomous receivers weighing 150 grams, which can withstand extreme temperatures and operate without recharging for 28 days with continuous data logging. Downloading highly detailed, high-quality information takes only 4 hours. This significantly increases the speed of seismic data collection and input into processing.

One specialist can carry and install up to 90 receivers. Overall, the system makes it easy to deploy a high-density observation network. At the same time, the number of personnel involved is reduced by 50%, productivity is increased by 4 times, the weight of field equipment is reduced by 20 times, the amount of field equipment is reduced by 80%, and field work time is reduced by an average of 30%. In addition, the system minimizes environmental impact, improves production safety, and reduces the cost of geological exploration. Modern seismic data will allow for a new assessment of mature oil and gas fields and open up opportunities to extend their life cycle. Emba Munai Gaz considers the Gran project to be a practical example of the synergy between science and technology, which provides a foundation for further innovation.

The project is being implemented in cooperation with the Samau Science and Technology Initiatives Center Fund of Samruk-Kazyna JSC, Atyrau University of Oil and Gas named after S. Utebaev, and «Samga Petroleum» LLP, the official representative of British STRYDE technology in Kazakhstan and Central Asia.

It is noteworthy that young specialists from the S. Utebayev Atyrau University of Oil and Gas are involved in the implementation of the project, thereby contributing to the professional development of Kazakhstani personnel and the scientific and practical base as a whole.

In recent years, «Embamunaigas» JSC has been introducing new approaches used by international companies to minimize negative environmental impact, improve environmental safety, and promote the rational use of natural resources. In terms of the technology used, the advantage of biological treatment is that it has no negative impact on the environment, unlike common and cheap methods of processing oil-containing waste, such as thermal methods (incineration), which cause secondary pollution of the environment due to the formation of incomplete combustion products of hydrocarbons. In order to protect coastal and aquatic ecosystems, the protective dam at the Prorva field of the Zhylyoimunaygaz NGDU is being reinforced, as well as monitoring flooded and submerged wells at the Tazhigali field, which is currently in conservation. Gas piston power plants have been launched on a pilot basis to provide electricity to the Y.Z.K. and Zaburunye fields of the Zhayikmunaygaz Oil and Gas Production Department.

In 2023, the 10 main fields of Embamunaygaz JSC were transferred to "digital field" mode. Management is carried out from the Production Process Visualization Center, located in the EMG office in Atyrau. All information on the wells is sent to the center. The introduction of IT technologies is becoming a prerequisite for effective production, which is why the company has been actively implementing new technologies in recent years. The "Digital Field" project was launched at the Uaz field in 2016. It was then implemented at the Prorvinskaya group of fields (Aktobe, Western Prorva, Dosmukhambetovskoye, S. Nurzhanov), and the Zhanatalape, Eastern Makat, Eastern Moldabek, Kamyshtovoye SW, and Kamyshtovoye SE fields.

In 2021, emergency response centers were opened in four oil and gas production departments at once: Zhylyoimunaygaz, Dossormunaygaz, Kainarmunaygaz, and Zhayikmunaygaz. Now, each oil and gas production department has the ability to monitor production processes and respond quickly to malfunctions in wells and field equipment, thereby reducing well downtime. The technology provides continuous processing of field data and helps not only to respond quickly, but also to constantly monitor the process, which now involves specialists from all branches of the company's management. By optimizing the technological regime, it is possible to reduce well downtime and, accordingly, oil production losses [12].

Between 2020 and 2024, KZT 250.8 billion will be invested, of which KZT 98.2 billion will be allocated to high-tech projects, helping to strengthen the Company's competitive position in the international commodity market. In 2024, oil reserves increased thanks to a comprehensive approach that included 3D seismic exploration, laboratory core analysis, and reinterpretation of GIS materials, confirming the importance of integrating various research methods. In 2024, cooperation with international companies actively developed. At the Berezovsky site, applications from Sinopec, LUKOIL, and Chevron are being considered with the aim of introducing advanced solutions for subsoil development, which will allow the best international experience to be adopted at the Mugodzhar site. The involvement of Shell and Chevron will allow deep drilling technologies to be tested, which have significant potential for expanding operations. In the Zhylyoi project, the main terms have been signed with CNOOC

for the joint implementation of digital twins of fields, which will improve the planning and monitoring of production processes [13].

In Kazakhstan's oil industry, innovation and R&D are focused on improving the efficiency of production and processing, as well as modernizing production. A key factor has been the introduction of a mandatory R&D levy (1% of production costs) and the active development of large fields, which stimulates innovative approaches to production.

At the same time, the domestic oil industry faces certain problems and challenges:

Dependence on crude oil exports: Kazakhstan's oil industry is still heavily focused on crude oil exports, which reduces the added value of its products.

Global market competition: Global competition and oil price volatility require constant improvements in production efficiency and innovation.

Limited internal expertise: Need to attract foreign investors and technologies to solve complex problems in the field

Against the backdrop of growing demand for hydrocarbons, one of the significant trends in the global oil and gas industry in recent decades has been the growth of investment in exploration and production.

Table 2. Foreign investment in the oil and gas sector of the Republic of Kazakhstan for 2000-2024.

Year / Period	Global Upstream Investment (USD bln)	Dynamics	Analysis
2000	200	—	Beginning of global investment expansion
2014	780	Nearly 4× growth	Peak of the commodity supercycle
2015–2016	~400	Almost –50%	Oil price collapse and CAPEX cuts
2018	480	Recovery phase	Market stabilization after downturn
2019	>500	Moderate growth	Positive investment trend resumed
2020	~350	Decline	COVID-19 impact and demand shock
2021	~420	Recovery	Gradual post-pandemic rebound
2022	~499	Strong growth	Energy security concerns and higher oil prices
2023	~528	Continued growth	Increased upstream spending globally
2024	~570	Accelerated growth	Supply constraints and geopolitical risks
Source: International Energy Agency; National Bank of the Republic of Kazakhstan; ENERGY Insights & Analytics			

Kazakhstan occupies a strategic position: the share of investment (3%) exceeds the share of production (2%), which indicates high growth potential. The oil and gas sector remains the main driver of foreign direct investment inflows.

As part of the State Program for Accelerated Industrial and Innovative Development, work has been carried out to modernize three Kazakh oil refineries in Atyrau, Pavlodar, and Shymkent. Taking into account the modernization of oil refineries, investment projects are being implemented in Kazakhstan to create world-class oil and gas chemical production facilities. These include the "Creation of a complex for the production of aromatic hydrocarbons

(benzene and paraxylene) at the Atyrau oil refinery" and the "Construction of an integrated gas chemical complex" in the Atyrau region to ensure the production of polypropylene and polyethylene [14].

According to data from the Ministry of Energy of Kazakhstan, in 2025, it is planned to produce 96.2 million tons of oil and gas condensate, which is 9.7% more than in the previous year. The increase is due to the expansion of production at the Tengiz field and the ongoing development of the Karachaganak fields. Over the past 25 years, Kazakhstan has managed to turn its oil industry into a source of geopolitical influence, become the second largest oil exporter in the CIS in terms of production volume, and build a complex system of interaction with major international companies. On the international stage, Kazakhstan has established itself as a reliable partner in the energy sector. For example, after Russia cut oil supplies in 2022, Germany began importing Kazakh oil through the Druzhba pipeline, which ensured the operation of the oil refinery in Schwedt and strengthened Kazakhstan's position as an alternative energy supplier to Europe, significantly enhancing the country's international standing.

Amid rapid technological development and the need to increase the efficiency of hydrocarbon production, the Kazakh oil industry is actively implementing digital solutions. One striking example is the Smart Field Airankol project, implemented by Caspian Oil in cooperation with the Kazakh company Intelligent Digital Solutions LLP [IDS]. The project was launched in 2018 at the Airankol field, which is in the late stages of development. The goal was to maintain and systematically increase production levels. As part of the project, all processes were comprehensively digitized, from the well to the back office. The implementation of the system made it possible to increase oil production by 10%, extend the field's operating life by 6 years, and reduce operating costs by 30%.

According to forecasts by British BP, global demand for oil will remain roughly the same as it is now until 2030, without any sharp fluctuations.

The role of the industry will only grow in the future, and petrochemicals will become the main consumer of oil. The future belongs to green technologies, with a Competence Center and a hydrogen energy laboratory having been established.

The prospects for Kazakhstan's oil and gas industry are enormous, and its potential has not yet been fully realized. The development of the industry will continue to bring new technologies and competencies to Kazakhstan, attract investment, create new production facilities, give Kazakhstan additional political weight, and help improve its negotiating position [15].

For more than 30 years, Kazakhstan has been simultaneously building an independent state, implementing socio-economic reforms, and ensuring economic stability. Under these conditions, it has been unable to allocate sufficient funds to science and technology. In recent years, the country has faced serious challenges in the scientific sphere, but it has enormous potential to make up for lost ground.

Today, several key and interrelated trends are shaping the direction and priorities of R&D in the global oil and gas industry:

- **Digitalization and automation.** The industry is implementing digital technologies to improve operational efficiency, enhance production safety, and reduce costs.

- **Decarbonization and sustainable development.** Amid (periodically) intensifying global pressure to respond to the multifaceted challenges of climate change, a significant and growing share of R&D investment is being strategically directed toward the development of decarbonization technologies.

• **Advanced materials.** Ongoing research into new and innovative materials is helping to create stronger, more corrosion-resistant, and longer-lasting equipment. This is critical to extending the life of key assets and ensuring safe and reliable operation in increasingly harsh and extreme environments.

In Kazakhstan's oil and gas innovation ecosystem, Dereknet is a noteworthy digital and innovative project that provides a platform for comprehensive verification of production data. Selected to participate in a state scaling program under the auspices of the Ministry of Energy, Dereknet is a solution developed in Kazakhstan to address one of the key challenges facing the industry: ensuring the accuracy and reliability of operational data in complex production processes. The platform is already undergoing pilot implementation by major international operators working in Kazakhstan, including Tengizchevroil [TCO], Karachaganak Petroleum Operating [KPO], and North Caspian Operating Company [NCOC] position [16].

Table 3. SWOT analysis of innovations in the oil and gas sector of the Republic of Kazakhstan

	Direction		Direction
№	Strengths	№	Weaknesses
1	Large reserves of oil and gas.	1	The economy is highly dependent on raw material sectors, which creates risks when energy prices fluctuate, as well as dependence on foreign technology.
2	The established transport infrastructure connecting Asia and Europe.	2	The need to import high-tech equipment and services.
3	Membership in the Eurasian Economic Union (EAEU).	3	High operating costs, especially at new fields
	Opportunities		Threats
1	Implementation of advanced digital technologies (artificial intelligence, 4D seismic).	1	The global transition to green energy, which could reduce demand for oil and gas in the long term, as well as increased competition from other exporting countries.
2	Implementation of innovative technologies to increase production efficiency and reduce costs.	2	Volatility of oil and gas prices on global markets.
3	The development of related industries, such as engineering for the oil and gas sector, which could create new jobs and reduce imports.	3	Geopolitical instability and sanctions pressure.
4	Using digital technologies to increase the transparency of companies' production activities.	4	Declining attractiveness of Kazakhstan as an investment destination due to rising cost of capital and other risks.

The qualitative characteristics of this table show that Kazakhstan's oil and gas industry has real prospects for further development in the complex international relations associated with market price instability, the geopolitical situation, and environmental challenges.

Thus, general recommendations for the innovative development of the oil and gas industry in Kazakhstan can be formulated:

- It is necessary to improve innovation policy, taking into account changes in the international market, attracting large investments, and adhering to the long-term priorities of the national energy market.

- For the successful development of the innovation sector of the oil and gas complex, it is necessary to develop proprietary technologies so that businesses will pay attention to them and prefer them over foreign ones.

- Kazakhstan is integrated into the global energy market, so it is necessary to define strategic priorities that reflect the characteristics and specifics of the domestic economy, as well as the interests of the state, subsoil users, and society as a whole.

- The strategic goal of innovation in the oil and gas complex is sustainable economic development, and to achieve this, losses at all stages of the technological process must be reduced, which should be facilitated by a high-quality innovation policy of the state.

Conclusion

Improving innovation policy is aimed at the qualitative development of the oil industry. Foreign direct investment plays a key role in economic development when domestic resources are scarce. Foreign capital provides financing, facilitates technology transfer, and increases labor productivity, which ultimately contributes to the competitiveness of the economy. Innovative development impacts economic indicators, providing the domestic market with high-quality products. At the same time, it strengthens economic resilience and creates new jobs, allowing Kazakhstan to consolidate its position in the global market and achieve technological advancement.

Kazakhstan is well positioned to make significant strides in innovation. The government and private sector are increasingly recognizing the importance of innovation, as evidenced by a number of new initiatives and reforms. Kazakhstan has enormous potential to develop a strong R&D ecosystem, but realizing this potential will require a gradual shift toward a more strategic and long-term approach to investment in science and research. There is a certain confidence that the country will be able to lay the foundation for sustainable technological progress and strengthen its position in the global innovation landscape.

Today, KazMunayGas, as the national oil and gas company, preserves the rich heritage of dozens of enterprises that played a key role in the development of oil production in Kazakhstan and implements strategic projects, modernizing infrastructure, introducing innovations, and contributing to the development of old fields.

The development of Kazakhstan's oil and gas chemistry industry is a new step in the diversification of the economy, the introduction of advanced processing technologies, and the creation of modern engineering, technical, and blue-collar jobs. Projects such as the Integrated Gas Chemical Complex have the potential to become a new center of attraction for stimulating the country's technological growth.

References:

1. State program of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2020-2025. Approved by the Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 31, 2019 No. 1050. [Elektronnyy resurs] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001050> (date of access: 03.11.2025) [in Russian].
2. On approval of the Concept for the Development of the Oil Refining Industry of the Republic of Kazakhstan for 2025-2040. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated July 21,

- 2025, No. 549. [Elektronnyy resurs] - URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000549> (date of access: 03.11.2025) [in Russian].
3. Science spending in Kazakhstan increased by 42% <https://energyprom.kz/articles-ru/industries-ru/zatraty-na-nauku-v-kazahstane-vyrosli-na-42> (Accessed: 04.11.2025) [in Russian].
4. Shahzad U., Ferraz D., Dogan B., do Nascimento Rebelatto Export product diversification and CO2 emissions: Contextual evidence from developing and developed economies // Journal of Cleaner Productio, 2020, V.276, 124146. – [Elektronnyy resurs]
- URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0959652620341913> (dateof access: 07.11.22).
5. SmithM., WhalenM., Hussan A. Riding the next wave of investments in the US // 2021. - [Elektronnyy resurs] – URL: petrochemical <https://www2.deloitte.com/xe/en/insights/industry/oil-and-gas/petrochemical-investment-next-wave-united-states.html> (date of access: 07.11.2025).
6. Kalinenko E. Neftegazopererabotka v usloviyah novoypara digmyi //Neftegaz.RU, 2021, #7. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://magazine.neftgaz.ru/upload/iblock/784/wgubxioftcqq9q8xy67jqu5bbqgi1ynp/Sokrashchennaya.pdf> (date of access: 08.11.2025) [in Russian].
7. Tolepov A.E., Maidyrova A.B. Analysis and assessment of innovative activities of the West Kazakhstan region based on the innovative development index // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Economic series 2021. No. 4. P. 103-114.
8. Makhanov S.S., Shalbolova U.Zh., Egemberdieva S.M. The impact of investment activities in the oil refining sector on the economy of Kazakhstan // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Economic series 2022. No. 3. P. 48-59.
9. OmirtayA.D., Ondash A.O., Nurgabylov M.N. Participation of Kazakhstan in the global energy market: problems and development prospects//Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Economic series. 2023. No. 2. P. 63-76.
10. Han Nai Chao, Adambekova A.A. Features of managing oil projects in the USA, China, Irag, Kazakhstanand their impact on the economies of the countries // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Economic series. 2024. No. 4. P.143-161.
11. Embamunaigas introduces advanced seismic exploration technologies <https://emba.kz/ru/news/informacionnoe-sooshshchenie/3397>(date of access: 09.11.2025).
12. Shahnazaryan A. Age is no obstacle to digital: EmbaMunaiGas's oldest field is transitioning to new technologies <https://ulysmedia.kz/analitika/23556-vozrast-tsifre-ne-pomekha-stareishee-mestorozhdenie-embamunaigaz-perekhodit-na-novye-tekhnologii>(date of access: 08.11.2025).
13. Annual report of JSC NC KazMunayGas for 2024 https://ar2024.kmg.kz/pdf/ar/ru/strategic-report_operating-review_innovative-technology-development(date of access: 09.11.2025).
14. Karabalin U.S., Tukayev A.S. Development of the oil and gas industry of Kazakhstan in the context of modern problems // Oil and Gas 2019. 4 (112). P. 10-24.
15. Kurmanov B. How the oil and gas industry is developing in Kazakhstan: history, figures, future <https://ulysmedia.kz/analitika/53538-kak-razvivaetsia-neftgazovaia-otrasl-v-kazahstane-istoria-tsifry-budushchee> (date of access: 09.11.2025).
16. RDW in the oil and gas industry // ENERGY Insights&Analytics https://s3-prod.exia.kz/articles/250918_Article_23_Upstream_Innovations_RU.pdf (date of access: 09.11.2025).

Information about the authors

Zh.G. Nursultanova – PhD student at NIPI Neftegas SOCAR, Azerbaijan, Baku; e-mail: r.utaliyeva@asu.edu.kz;

Zh.R. Abuzyarova – corresponding author, master of economic sciences, senior lecturer at the Department of Management, Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, Kazakhstan, Atyrau; e-mail: zh.abuzyarova@asu.edu.kz;

K.N. Nursultanova – candidate of economic sciences, senior lecturerfinishat the Department of Management, Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, Kazakhstan, Atyrau; e-mail: k.nursultanova@asu.edu.kz.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-179-190

ӨОЖ 94.574.2

FTAMA 03.20.00

БАЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ: РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ 1920-Х ГОДОВ

Абуов Н.А.¹, Бейсембина А.Б.^{2*}

¹Филиал Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова в г. Петропавловске,
Петропавловск, Казахстан

²НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: www.beysembina88@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется социально-экономический портрет баев Северного Казахстана в конце 1920-х годов на основе архивных материалов Северо-Казахстанской области и новейших исторических исследований. Особое внимание уделено хозяйственной структуре байских хозяйств, их имущественной дифференциации и социальным функциям в традиционной аульной системе. На основе сводной таблицы по районам выявляются различные типы баев – от крупных скотовладельцев-магнатов до зажиточных хозяйств, включённых в категорию «бай» преимущественно по политическим мотивам. Показано, что байство представляло собой сложный социальный институт, соединяющий экономическое лидерство, родовое посредничество и административные полномочия. Научная новизна исследования заключается в реконструкции региональной специфики байства Северо-Казахстанской области и выявлении механизмов политической трансформации образа бая в «классового врага» в преддверии конфискационной кампании 1928–1930 гг. Сделан вывод, что политика ликвидации байства была направлена не только на изъятие имущества, но и на разрушение традиционной структуры аульного общества, что определило дальнейшую динамику коллективизации в регионе.

Ключевые слова: байство; социальная структура; Северный Казахстан; традиционный аул; конфискация; коллективизация; архивные материалы.

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БАЙ ИНСТИТУТЫ: 1920-ЖЫЛДАРДАҒЫ АРХИВ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕГІ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Абуов Н.А.¹, Бейсембина А.Б.^{2*}

¹Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының
Петропавл қаласындағы филиалы, Петропавл, Қазақстан

²*«М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан

*Хат-хабар авторы: www.beysembina88@mail.ru

Аңдатпа

Мақалада Солтүстік Қазақстандағы байлардың 1920-жылдардың соңындағы әлеуметтік-экономикалық келбеті Солтүстік Қазақстан облысының архив материалдары мен қазіргі тарихи зерттеулер негізінде талданады. Ерекше назар бай шаруашылықтарының құрылымына, олардың мүлктік жіктелуіне және дәстүрлі ауыл жүйесіндегі әлеуметтік функцияларына аударылады. Аудандық деректерді біріктірген сводтық кесте негізінде байлардың бірнеше типі анықталды: мыңдаған жылқысы бар ірі мал иелерінен бастап, «бай» категориясына көбіне саяси себептермен енгізілген орташа және ұсақ шаруашылық иелеріне дейін. Зерттеу барысында бай институтының экономикалық жетекшілік, рулық делдалдық және әкімшілік өкілеттіктерді біріктірген күрделі әлеуметтік құрылым болғаны айқындалды. Жұмыстың ғылыми жаңалығы – Солтүстік Қазақстандағы байлықтың өңірлік ерекшеліктерін реконструкциялау және 1928–

1930 жылдардағы конфискация науқаны қарсаңында «бай» бейнесінің «тап жауы» ретінде саяси трансформациялану механизмдерін көрсету. Зерттеу қорытындысы бойынша, байларды жою саясаты тек мүлікті тәркілеуге ғана емес, дәстүрлі ауылдық әлеуметтік құрылымды күйретуге бағытталғаны анықталды. Бұл өз кезегінде өңірдегі коллективтендіру процесінің одан арғы драмалық динамикасын айқындады.

Кілт сөздер: бай институты; әлеуметтік құрылым; Солтүстік Қазақстан; дәстүрлі аул; конфискация; коллективтендіру; архив материалдары.

THE BAI AS A SOCIAL INSTITUTION IN NORTHERN KAZAKHSTAN: A RECONSTRUCTION BASED ON ARCHIVAL MATERIALS OF THE 1920S

N.A. Abuov¹, A.B. Beisembina^{2*}

¹*Branch of the Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov
in Petropavlovsk, Petropavlovsk, Kazakhstan*

^{2*}*Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan*

**Corresponding author: www.beysembina88@mail.ru*

Abstract

This article analyzes the socio-economic profile of the bai class in Northern Kazakhstan at the end of the 1920s, based on archival materials of the North Kazakhstan Region and recent historical scholarship. Special attention is given to the economic structure of bai households, their property stratification, and their social functions within the traditional aul system. A consolidated district-level dataset reveals several types of bai—ranging from large-scale livestock owners to mid-level and small proprietors who were classified as “bai” primarily for political reasons. The study demonstrates that the bai institution represented a complex social structure combining economic leadership, lineage-based mediation, and administrative authority. The novelty of this research lies in reconstructing the regional specifics of the bai institution in Northern Kazakhstan and identifying the mechanisms behind the political transformation of the bai image into that of a “class enemy” on the eve of the confiscation campaign of 1928–1930. The article concludes that the policy of eliminating the bai class was aimed not only at seizing property but also at dismantling the traditional social structure of the aul, which shaped the subsequent trajectory of collectivization in the region.

Keywords: bai institution; social structure; Northern Kazakhstan; traditional aul; confiscation; collectivization; archival materials.

Введение

Проблема трансформации традиционных социальных институтов казахского общества в период советской модернизации остаётся одной из ключевых тем отечественной историографии. Особое место в этом контексте занимает изучение байства – социального слоя, который на протяжении XIX – начала XX века выполнял функции экономического лидера, родового посредника и хранителя устойчивости кочевого и полукочевого хозяйства. Несмотря на значительный интерес исследователей, региональные особенности байства Северного Казахстана до сих пор остаются недостаточно раскрытыми, что объясняется как спецификой источниковой базы, так и сложностью хозяйственной структуры северных аулов.

Конец 1920-х годов стал переломным этапом в истории региона. Именно в этот период советская власть приступила к реализации политики «Малого Октября», предполагающей радикальное изменение социальной структуры аульного общества и ликвидацию традиционной элиты. Принятое 27 августа 1928 года постановление о конфискации «крупных байских и полуфеодалных хозяйств» стало отправной точкой

масштабных репрессивных мер, последствия которых оказались особенно драматичными для северных районов, где байство сохраняло значительное экономическое и политическое влияние.

В то же время архивные материалы Северо-Казахстанской области и сопоставление данных по районам показывают, что социально-экономический портрет баев был значительно сложнее, чем представляла советская пропаганда. Среди них действительно встречались богатейшие скотовладельцы, владеющие сотнями и тысячами голов скота, однако значительную часть составляли средние хозяйства, включённые в категорию «бай» преимущественно по политическим, административным или родовым причинам. Это обстоятельство требует более тонкого анализа, учитывающего региональную специфику и реальные параметры хозяйств, их роль в системе аульных отношений и взаимодействие с советскими органами власти.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современная историография нуждается в реконструкции реальной социально-экономической структуры аулов Северного Казахстана накануне коллективизации. Во-вторых, выявление особенностей формирования образа бая как «классового врага» позволяет по-новому оценить механизмы проведения конфискационной кампании 1928–1930 гг. Наконец, введение в научный оборот сводных таблиц по районам и архивных данных способствует уточнению масштаба репрессий в отношении традиционной элиты региона.

Цель статьи – реконструировать социально-экономический портрет баев Северного Казахстана конца 1920-х годов, выявить их хозяйственные типы и социальные функции, а также определить причины, по которым именно этот слой стал объектом первоочередного репрессивного давления советской власти.

Для достижения цели используются документальные материалы из Северо-Казахстанского государственного архива: это материалы аульных советов, протоколы конфискационных комиссий, а также современные исторические исследования, посвящённые традиционной социальной структуре и политике коллективизации.

Материалы и методы исследования

Корпус источников по истории коллективизации, политических репрессий, голода в Казахстане и их последствий значительно расширился после их рассекретивания, в следствии обретения страной независимости, когда исследование этих тем было освобождено от идеологических ограничений советского периода. Существенный вклад в введение в научный оборот документов, освещающих трагедию казахского крестьянства и голода, внес известный историк Т. Омарбеков.

Важным этапом стало издание в 2021 году трехтомного сборника документов «Ашаршылық. Голод. Документальная хроника. 1928–1934 гг.», подготовленного Архивом Президента Республики Казахстан (АП РК), Центральным государственным архивом РК (ЦГА РК) и сетью областных архивов. В данных томах представлен широкий комплекс источников, отражающих как общую динамику коллективизации и голода, так и региональные особенности происходивших процессов.

Значительную роль в изучении репрессий, хлебо- и мясозаготовительных кампаний, раскулачивания и коллективизации играют материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50-е годы), опубликованные в 2022 и 2023 годах. В Северо-Казахстанской области региональной комиссией были подготовлены тома №32 и №67, содержащие важнейшие документы по области.

Северо-Казахстанский государственный архив также стал участником совместного казахстанско-российского проекта, результатом которого стало издание в 2024 году двухтомного сборника «Голод в России и Казахстане. 1927–1934», где в первом томе рассматриваются истоки и начало общей трагедии, а во втором – её кульминация и пути выхода из кризиса.

При подготовке данной статьи использованы документы фондов Северо-Казахстанского государственного архива (СКГА, ГАКО). Источники, отражающие коллективизацию, репрессивную политику в отношении сельского населения, откочёвки и голод, сосредоточены в ряде ключевых фондов: №1189 (Северо-Казахстанский областной Совет народных депутатов), №22 (областной комитет Коммунистической партии Казахстана), №5 (Петропавловский окружной комитет ВКП(б)), №7 (Петропавловский городской комитет КПК), №70 (Петропавловское окружное земельное управление Наркомзема КазАССР).

Документы этих фондов представлены разнообразными видами источников: докладными записками, протоколами, постановлениями, перепиской, отчётами и актами обследований. В них содержатся сведения о привлечении кулацко-байских хозяйств к трудовым повинностям (лесозаготовки, рыболовные работы, прочие виды трудовой эксплуатации). Особое место занимают материалы, фиксирующие масштабы голода: резкое сокращение поголовья скота, массовый исход населения и высокая смертность.

Методологическую основу исследования составили принцип историзма и общенаучные методы анализа и синтеза. Также применялись хронологический, проблемно-хронологический, ретроспективный, сравнительно-исторический методы, а также методы актуализации и обобщения материала. Их использование позволило проследить политику центральных органов власти и деятельность местных структур по реализации коллективизации, а также определить её последствия для населения региона.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют рассматривать байство Северного Казахстана не как узко экономическую категорию, а как сложный социальный институт, разрушение которого стало ключевым элементом политики коллективизации. Подобный подход находит подтверждение в ряде фундаментальных историографических работ, начиная с конца 1980-х годов, когда в казахстанской науке был поставлен вопрос о глубинных социальных последствиях конфискации и раскулачивания. В коллективной работе Ж.Б. Абылхожина, М.К. Козыбаева и М.Б. Татимова коллективизация рассматривается как трагедия крестьянства, затронувшая не только экономику, но и традиционные формы социальной самоорганизации казахского общества [1].

Эта линия была развита в статье «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства», где авторы впервые показали целенаправленный характер слома традиционной социальной структуры аула через ликвидацию экономически и социально активных слоёв населения [2]. Материалы, использованные в работе, подтверждают данный тезис: под ударом оказались не только крупные скотовладельцы, но и представители среднего байства и аульного лидерства, чьё влияние воспринималось советской властью как потенциальная угроза.

Особое значение для обсуждения имеет проблема так называемых «перегибов». В статье Ж.С. Саурыковой показано, что злоупотребления и расширительное толкование категории «кулак/бай» не были случайными ошибками исполнителей, а вытекали из самой логики политики ликвидации социально активных слоёв [3]. Северо-

Казахстанский материал подтверждает этот вывод: включение в конфискационные списки определялось не столько размером хозяйства, сколько социальным авторитетом и политической характеристикой владельца [4, л. 60].

В этом контексте важен зарубежный историографический подход. Р. Киндлер рассматривает традиционные элиты степных регионов как альтернативные центры власти, вступившие в конфликт с советским проектом социальной инженерии [5]. Подобная интерпретация полностью соотносится с данными по Северному Казахстану, где репрессии были направлены прежде всего против бывших волостных управителей, биев, родовых лидеров. Сходную позицию по Республике занимает С. Камерон, указывая на сознательную размытость правовых норм конфискации, позволявшую применять репрессивные меры максимально гибко [6].

Исследования И. Огайона дополняют эту картину, демонстрируя, что практики насилия и административного принуждения на местах становились нормой при проведении коллективизации, а понятие «социальной опасности» подменяло собой экономические и правовые критерии [7]. В североказахстанских документах подобная подмена прослеживается особенно отчётливо.

Существенный вклад в обсуждение вносят работы, посвящённые откочёвкам и вынужденным миграциям. Б.К. Альжаппарова убедительно показывает, что откочёвки конца 1920-х – начала 1930-х годов являлись формой бегства от голода и репрессий, а не проявлением традиционной мобильности [8]. Аналогичный вывод содержится в статье С.Н. Мамытовой, где подчёркивается, что вынужденная «укочёвка», «откочевка» была следствием разрушения хозяйственной базы и системы социальной поддержки [9]. Эти положения непосредственно соотносятся с процессами, зафиксированными в Северном Казахстане.

Расширение обсуждения на межрегиональный уровень позволяет использовать выводы М.М. Козыбаевой о миграционных процессах в Западной Сибири, куда направлялись потоки казахского населения из северных районов Казахстана [10]. Это подтверждает, что последствия ликвидации байства выходили далеко за пределы одного региона и носили общекзахстанский характер.

Современная интерпретация проблемы представлена в материалах Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, опубликованных в журнале «Ұлт жады», где баи и кулаки рассматриваются как одна из ключевых категорий пострадавших и подлежащих реабилитации [11]. Данный подход совпадает с аргументацией настоящей статьи и подтверждает актуальность регионального анализа.

Наконец, обобщающая работа С.С. Исмаилова, У.Т. Ахметовой и Д.С. Бекова подчёркивает, что репрессивная политика в отношении сельского населения в 1920–1930-е годы носила системный и антиправовой характер, а ликвидация социально активных слоёв была осознанной стратегией советского государства [12]. Материалы Северного Казахстана в полной мере подтверждают этот вывод.

Анализ архивных материалов Северо-Казахстанской области и сводной таблицы по байским хозяйствам показывает, что социально-экономическая структура байства региона в конце 1920-х годов была значительно более сложной, чем это отражалось в советской идеологической интерпретации [13, с.205]. Как отмечал Н. Масанов, бай в традиционном обществе выступал не только владельцем крупных стад, но и носителем хозяйственного опыта и родовой власти [14, с.84-87]. Аналогичные выводы содержатся в работах С.А. Жакишевой, подчеркивавшей социально-лидерскую природу байства [15,

с.52-55]. Сравнение этих научных подходов с региональными архивными данными позволяет глубже понять механизм трансформации категории «бай» в политическое понятие «классовый враг».

Одним из ключевых вопросов дискуссии является отсутствие единых имущественных критериев для определения статуса бая в период конфискационной кампании 1928–1930 гг. Сводная таблица по районам Северо-Казахстанской области демонстрирует, что в категорию «бай» попадали как крупнейшие скотовладельцы – например, Абдурахимов Садвакас (3000 лошадей), Джанталин Салим (500 лошадей) или Хасенов Джолдасхожа (820 лошадей) – так и средние хозяйства с гораздо меньшим поголовьем (40–70 голов) [16, с.112-118]. Это подтверждает, что в практике местных органов власти решающим фактором становились не хозяйственные показатели, а политическая характеристика владельца.

Архивные фонды СКГА содержат многочисленные документы, в которых подчеркивается неимущественный характер обвинений против баев. Например, в фондах Ф.1648 и Ф.195 встречаются случаи, когда в списки включались бывшие волостные управители, бии, аульные старшины, а также лица, обвинённые в «антисоветской агитации» и «вредительстве», независимо от размеров их хозяйства [17, л.470]. Подобные решения подтверждают выводы С. Камерон о политической конструкции образа «классового врага» [6, с.63-67].

В Тонкерейском и Айыртауском районах репрессивность списков была особенно высока: здесь значительная часть баев обвинялась в участии в восстании 1921 года, связях с алашординцами, отказе выполнять планы хлебо- и мясозаготовок. Примером служат Кушкенов Жакуп, Даркебаев Есенали, Алибеков Жанадыя, Саликов Калимурза – все они фигурируют как «опасные элементы», хотя размеры их хозяйств не всегда были крупными (Таблица баев СКО, Тонкерейский, Айыртауский районы).

Такая практика подтверждает наблюдения Н. Пианчолы о том, что политика конфискации в Казахстане выступала инструментом разрушения традиционных структур власти [18, с. 78–82].

Важным аспектом дискуссии является выявленная региональная специфика. В Кзыл-Тууском районе наблюдается высокая концентрация действительно крупных хозяйств, представляющих родовую элиту региона [19]. В Кокчетавском районе более заметна модернизация хозяйств с использованием техники, наемных работников и развитой инфраструктуры. В Булаевском районе преобладали средние байы, включение которых в списки объяснялось их общественным влиянием или конфликтами с активистами. В Бейнеткорском и Энбекшильдерском районах роль родовой структуры была особенно сильна, и многие представители байства включались в списки по «социальной опасности», что отражено в документах Ф.5 (Петропавловский окружном ВКП(б)) и Ф.70 (окружное земельное управление НКЗ) [20].

Таким образом, интерпретация данных позволяет утверждать, что байство Северного Казахстана представляло собой не однородную социальную группу, а многоуровневую структуру, в которой экономическая мощь сочеталась с родовой, административной и политической функциями. Разрушение этой структуры в ходе конфискаций было направлено не только на перераспределение материальных ресурсов, но и на демонтаж традиционной системы аульного лидерства. Итоги анализа согласуются с выводом о том, что коллективизация в регионе была не столько экономической реформой, сколько механизмом глубокого социального перелома, затронувшего все уровни сельского общества.

Результаты

Проведённый анализ архивных фондов Северо-Казахстанского государственного архива, а также сводной таблицы по байским хозяйствам районов области позволил уточнить социально-экономический статус байства региона конца 1920-х годов и определить его институциональные характеристики. Установлено, что байство Северного Казахстана представляло собой устойчивую и многоуровневую социальную структуру, сочетающую экономические, родовые и административные функции. Баи выступали не только крупными владельцами скота, но и организаторами хозяйственного цикла, посредниками в родовых конфликтах, а также фактическими координаторами аульного управления. Тем самым подтверждается институциональная природа байства, выходящая за рамки исключительно имущественного критерия. В условиях Северного Казахстана эта неоднородность проявлялась особенно ярко: материалы СКГА отражают значительные различия между районами, где встречались как хозяйства, насчитывающие сотни и тысячи голов скота, так и более скромные, но сохранявшие родовую значимость. Таким образом, имущественный критерий определял статус бая, но не исчерпывал его.

Экономическая сторона байского статуса была основана прежде всего на владении крупными стадами. По материалам СКГА, крупнейшие хозяйства в Кокчетавском, Тонкерейском и Кзыл-Туузском районах включали от 300 до 3000 лошадей, десятки голов крупного рогатого скота и сотни овец. В этих же хозяйствах отмечается наличие наёмных батраков – от двух до десяти человек, сенокосильных машин, бричек, телег, зимних построек и больших юрт. Эти данные коррелируют с выводами Маликовой С.З. и Абуова Н.А., которые показывают, что баи нередко являлись центрами организации труда и сезонных работ, а также кредиторами бедняков в условиях многоукладной экономики СКО [21].

Анализ районных материалов выявил выраженную имущественную и социальную дифференциацию внутри данной категории. В составе байства сосуществовали крупные хозяйства с значительным поголовьем скота, средние зажиточные хозяйства и группы, формально отнесённые к категории «бай» при сравнительно умеренных экономических показателях. Сопоставление данных по различным районам показало отсутствие единых имущественных критериев при формировании конфискационных списков, что свидетельствует о вариативности и неоднозначности практики отнесения хозяйств к байским.

В ряде районов, прежде всего Кзыл-Туузском и Кокчетавском, существовали по-настоящему крупные хозяйства, насчитывающие сотни и тысячи голов скота. Такие фигуры, как Абдурахимов Садвакас (3000 лошадей), Джанталин Салим (500 лошадей), Хасенов Джолдасхожа (820 лошадей), представляли собой традиционную родовую элиту и обладали значительным социальным влиянием [13, с.202-221].

В то же время в Бейнеткорском, Булаевском и Энбекшильдерском районах преобладали средние и мелкие хозяйства, владельцы которых тем не менее попадали в категорию «бай» по причинам, плохо связанным с реальными экономическими показателями их благосостояния.

Архивные документы позволяют сделать вывод о том, что в ходе конфискационной кампании 1928–1930 гг. решающим фактором включения в категорию «бай» нередко становилась политическая характеристика владельца, а не фактический масштаб хозяйства. Использование в документах формулировок, связанных с «антисоветской деятельностью», «бывшим административным положением» или «вредительством»,

отражает процесс политизации социального статуса. Это свидетельствует о трансформации понятия «бай» из социально-экономической категории в инструмент идеологической классификации.

Так, например, Джумабаев (Жумабаев) Бекен отец поэта Магжана Жумабаева был прогрессивным человеком своего времени, которого уважали в округе, он имел зажиточное хозяйство. Когда в Бейнеткорском районе, аул №6. было организовано собрание комсомольцев в протоколе отмечено, что Жумабаев Бекен «при царизме был влиятельным волостным управителем. Отец поэта-националиста Джумабаева М.». Согласно Протоколу, его рекомендовали раскулачить из-за того, что он использовал труд батраков. В другом источнике указано «Джумабаева Бекена - бывшего волуправителя ввиду того, что на этих лиц Окротдел не располагает агентурными материалами о количестве скота, он введен в список выселяемых по 2-ой категории, как политически, социально-вредный элемент по настоянию казакской части Окружкома и тов. ЮСУПБЕКОВА.

Многие хозяйства с относительно небольшим поголовьем (40–70 голов) включались в списки на основании политической характеристики их владельцев – например, участия в восстании 1921 года, связей с алашординцами, отказа выполнять хлебо- и мясозаготовительные планы, а также распространения «антисоветской агитации». Подобные случаи фиксируются в материалах Тонкерейского и Айыртауского районов, где такие фигуры, как Кушкенов Жакуп, Даркебаев Есенали или Алибеков Жанадыя, классифицировались как «опасные элементы» независимо от масштаба хозяйства [13, с.215].

Таким образом, статус бая в конце 1920-х годов становился преимущественно политической категорией. Это позволило власти легитимировать конфискации, выселения и лишение прав, но одновременно разрушило устойчивые формы хозяйствования и социальные механизмы аула. Именно эта подмена понятий и административное упрощение социальной реальности стали одной из ключевых предпосылок насильственной коллективизации и последовавшей за ней социальной катастрофы.

Рост контингента репрессированных баев и кулаков в Северном Казахстане в дальнейшем привел к формированию на территории области лагерей. Так, Выписка из протокола №29 заседания Президиума Булаевского райисполкома Казахской ССР, утверждает следующее Постановление: «Местом выселения кулаков утвердить село Александровку», Александровский сельский Совет с 10 августа 1931 года считать ликвидированным» [22].

Ещё одним пунктом высылки стал лагерь, созданный в 1929 году близ колхоза Жаркын (ныне село Жаркын Тимирязевского района Северо-Казахстанской области). По сведениям местного краеведа Дастена Баймуканова, сотрудника центра «Асыл мұра» Северо-Казахстанского областного музейного объединения, в 1991 году старожилы села рассказали ему о существовании спецлагеря «Байкала», предназначенного для баев Тонкерейского района и членов их семей. Долгое время сведения о нём не разглашались, поскольку тема считалась запретной.

Позднее исследователю удалось побеседовать с Жагыпаром Байкуанышевым – сыном человека, которого советская власть отнесла к числу крупных баев. По воспоминаниям информатора, условия содержания были крайне тяжёлыми: заключённых практически не кормили, детям разрешалось выходить в соседние аулы в поисках пищи. Существовало негласное указание, чтобы до этапирования выжило как

можно меньше людей. Накануне зимы родственники пригнали скот, однако по распоряжению коменданта лошадей расстреляли. Ночью взрослые заключённые тайком пробирались к месту, где лежали туши, и срезали мясо, чтобы прокормиться. Зимой умерших зачастую не удавалось хоронить по обычаю: промёрзшая земля и физическое истощение не позволяли копать глубокие могилы [21].

В годы репрессий у колхоза Жаркын функционировал временный лагерь для семей конфискованных баев. На его территории были возведены три протяжённые казармы, сторожевой дом и мастерская; весь периметр был обнесён колючей проволокой. Жители села оказывали заключённым посильную помощь, принося продукты. По имеющимся данным, значительная часть зажиточных хозяйств впоследствии была направлена по распоряжению вышестоящих органов в Кокарал.

Региональный анализ позволил установить выраженные территориальные различия в структуре байства. В Кызыл-Тузском районе выявлена высокая концентрация родовой элиты с крупными стадами, что обусловило особую жёсткость конфискационной политики. В Кокчетавском районе значительную роль играли хозяйства модернизированного типа – с сенокосной техникой, наемными батраками и развитой хозяйственной инфраструктурой. В Булаевском районе наблюдается наиболее массовое включение в списки представителей среднего байства. В Бейнеткорском и Энбекшильдерском районах ключевую роль играл родовой авторитет, и социальная опасность трактовалась шире имущественного фактора.

В целом результаты исследования подтверждают, что ликвидация байства в Северном Казахстане являлась не столько экономической мерой, сколько инструментом разрушения традиционной аульной структуры. Баи выполняли функции организаторов хозяйственной жизни, гарантов соблюдения норм адата, посредников в конфликтах и руководителей перекочёвок [19]. Устранение этого слоя привело к дезорганизации аульного управления и создало предпосылки для последующих социальных потрясений периода коллективизации и голода. Таким образом, анализ показывает, что конфискационная кампания конца 1920-х годов представляла собой механизм целенаправленного демонтажа традиционной социальной системы региона.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что байство Северного Казахстана конца 1920-х годов представляло собой сложный и многокомпонентный социальный институт, глубоко встроенный в традиционную структуру аульного общества. Анализ архивных материалов и региональных данных показал, что баи выполняли не только экономические функции скотовладельцев, но также выступали организаторами хозяйственных циклов, распорядителями пастбищ, посредниками в родовых конфликтах и хранителями норм адата. Этот комплексный характер их деятельности подтверждается трудами Н. Масанова, С.А. Жакишевой и других исследователей, а также документальными источниками областных фондов.

Одним из ключевых итогов исследования является выявленная неоднородность байства. В Северном Казахстане существовали крупные хозяйства-магнаты, средние баи и мелкие зажиточные, которые тем не менее попадали в категорию «бай» по социальным и политическим признакам [23]. Региональный анализ выявил, что имущественный критерий играл второстепенную роль при отнесении к байскому слою. В ряде районов, таких как Тонкерейский, Айыртауский, Булаевский, решающее значение имела политическая характеристика владельцев – участие в восстаниях, родовой авторитет, связи с алашординцами или сопротивление заготовительным кампаниям.

Таким образом, процессы раскулачивания и конфискации 1928–1930 годов в Северном Казахстане носили в первую очередь политический характер. Советская власть стремилась не только изъять материальные ресурсы, но и разрушить структуру традиционного аульного лидерства, ликвидировать автономные центры влияния и заменить их новой системой административного управления. Конфискация и высылка баев стали инструментом социальной инженерии, направленной на демонтаж родовых институтов и трансформацию всей социальной ткани региона.

Данные исследования подтверждают, что уничтожение байского слоя привело к глубоким деструктивным последствиям: ослаблению механизмов аульной самоорганизации, разрыву традиционных связей взаимопомощи, снижению хозяйственной устойчивости и росту социальной напряженности. Всё это стало одним из факторов, усугубивших кризис начала 1930-х годов, включая массовые откочёвки, падеж скота и голод.

Статья вносит вклад в реконструкцию региональной истории коллективизации в Северном Казахстане, показывая, что ликвидация байства была центральным звеном в политике советской модернизации и имела решающее значение для дальнейшей судьбы сельского населения региона. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований по локальным практикам раскулачивания, механизмам сопротивления и трансформации социальных структур в условиях давления со стороны государства.

Литература:

1. Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. - №7. - с.53–71
2. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства / М.К. Козыбаев, Ж.Б. Абылхожин, К.С. Алдажуманов. – Алматы: [б. и.], 1992. - 35 с.
3. Саурыкова Ж.С. Перегибы и искривления в процессе коллективизации и раскулачивания в Казахстане // Электронный научный журнал Edu.e-history.kz - 2019. - №4(20). – с.309-317.
4. СКГА Ф. 5. Оп 1. Д. 156. Л. 60.
5. Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане / Роберт Киндлер: [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. - 382 с.
6. Kameron, 2015 – Kameron Sara, 2015 Golod v Kazahstane v 1930-33-e gg.: sovremennye issledovaniya i novye napravleniya v izuchenii voprosa [Famine in Kazakhstan in 1930-33: modern research and new directions in the study of the issue] URL: <https://www.caa-network.org/archives/6126> [in Russ]
7. Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 гг.). Избранное из книги. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21522/sedentarizaciya-kazahov-sssr-pri-staline-kollektivizaciya-i-soczialnye-izmeneniya-1928-1945-gg-izbrannoe-iz-knigi>
8. Альжаппарова Б.К. Из истории откочёвок в Центральном Казахстане (конец 1920-х -начало 1930-х гг. // Электронный научный журнал Edu.e-history.kz – 2019. - №3(19). – с.14-23.
9. Мамытова С.Н. «Откочевничество» или вынужденная миграция казахов Прииртышья в 30-е годы XX века: память потомков (на материалах экспедиции «По местам исторической памяти Павлодарского Прииртышья, связанным с голодом в 30-е годы XX века», 2021 год) // «Қазақстандағы XX ғасырдың 30-шы жж. басындағы ашаршылық және қазақтардың көршілес аумақтарға мәжбүрлі көші-қоны: зерттеу мәселелері» = «Голод начала 30-х гг. XX века в Казахстане и вынужденные миграции казахов на сопредельные территории: проблемы исследования»: респ.-тәжірб. конф. мат-ры. / Құраст. Құдайбергенова А.И., Қозыбаева М.М., Байдалы Р. – Алматы: Литера-М, 2021. – 296 б. (86-93).
10. Козыбаева М.М. Казахские откочевники на территории Западной Сибири в период голода начала 30-х гг. XX в. // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2020 – №4(24).
11. Кабульдинов З.Е. Политические преследования баев и других категории аульного населения в конце 20-х годов XX века. // Ұлт Жады республикалық ғылыми журналы. - №2(2). – 2022. - с.53-71.

12. Исмаилов С.С., Ахметова У.Т., Беков Д.С. Репрессивная политика Советского государства в отношении сельского населения в 1920-1930-е годы // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2022 – №4(32). – с.73-83.
13. Қызылжардың шерлі тарихы. 1 том. Жауапты редактор С.З. Маликова. / Құрастырушылар: С. Маликова, В. Приказчиков, Н. Рамазанова. – Петропавл, 2021. – 236 б.
14. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. - Алматы «Социнвест» – Москва «Горизонт», 1995. – 320 с.
15. Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20-50 жылдары) = Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 31. Конфискация байских хозяйств в Казахстане на рубеже 20–30-х гг. XX в. Монография. Автор: Жакишева С.А. / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. – 176 с.
16. Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Т. 32. Северо-Казахстанская область. – Астана, 2022.
17. СКГА Ф. 1189. Оп. 1 Д. 3. Л. 7.
18. Пианчола Н. Иерархия потребления и аграрная политика в казахской степи. – 2019. – 116 с.
19. Ашаршылық. Голод. Документальная хроника. 1928–1934 гг.: в 3 т. – Алматы, АП РК, ЦГА РК, 2021.
20. СКГА Ф.70. Оп.2 Д.3. Л. 9.
21. Абуов Н.А., Маликова С.З., Бекмурзина А.Н. Коллективизация в Северном Казахстане: история голода и трагедий семей. «Вестник Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева». 2024;(4 (64)):118-128. <https://doi.org/10.54596/2958-0048-2024-4-118-128>
22. СКГА Ф.3. Оп.1. Д.48. Л.49-50
23. Материалы, 2023 — Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 67. Халық жады. Северо-Казахстанская область. Сборник воспоминаний и интервью жертв политических репрессий и пострадавших, очевидцев событий и их потомков. / Составители: С.З. Маликова, А.Г. Ибраева, Л.А. Гривенная, Н.А. Абуов, З.К. Картова, Б.Р. Шериязданов, А.Н. Садаев, А.К. Куантаев / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2023. – Т.67 – 500 с.

References:

1. Abylkhozhin Zh.B., Kozybaev M.K., Tatimov M.B. Kazakhstanskaya tragediya // Voprosy istorii. – 1989. – No. 7. – Pp. 53–71.
2. Kozybaev M.K., Abylkhozhin Zh.B., Aldazhumanov K.S. Kollektivizatsiya v Kazahstane: tragediya krest'yanstva. – Almaty, 1992. – 35 p.
3. Saurykova Zh.S. Peregiby i iskrivleniya v processe kollektivizatsii i raskulachivaniya v Kazahstane // Edu.e-history.kz. – 2019. – No. 4 (20). – Pp. 309–317
4. North Kazakhstan State Archive (SKGA). Fund 5, Inventory 1, File 156, Sheet 60.
5. Kindler R. Stalinskie kochevniki: vlast' i golod v Kazahstane / transl. from German by L.Yu. Pantina. – Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. – 382 p.
6. Cameron S. Golod v Kazahstane v 1930–33 gg.: sovremennye issledovaniya i novye napravleniya v izuchenii voprosa. – 2015. URL: <https://www.caa-network.org/archives/6126>
7. Ohayon I. Sedentarizatsiya kazakhov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiya i social'nye izmeneniya (1928–1945 gg.). Excerpts from the book. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21522/>
8. Alzhapparova B.K. Iz istorii otkochevok v Central'nom Kazahstane (konec 1920-kh – nachalo 1930-kh gg.) // Edu.e-history.kz. – 2019. – No. 3 (19). – Pp. 14–23.
9. Mamytova S.N. “Otkochevnichestvo” ili vyzhivaniya migratsiya kazakhov Priirtysh'ya v 30-e gody XX veka: pamyat' potomkov // Golod nachala 30-kh gg. XX veka v Kazahstane i vyzhivaniya migratsii kazakhov na sopol'mennyye territorii: problemy issledovaniya: Proceedings of the republican conference. – Almaty: Litera-M, 2021. – Pp. 86–93.
10. Kozybaeva M.M. Kazakhskie otkochevniki na territorii Zapadnoi Sibiri v period goloda nachala 30-kh gg. XX v. // Edu.e-history.kz. – 2020. – No. 4 (24).
11. Kabul'dinov Z.E. Politicheskie presledovaniya baev i drugikh kategorii aul'nogo naseleniya v kontse 20-kh godov XX veka // Ult Zhady. – 2022. – No. 2 (2). – Pp. 53–71.

12. Ismailov S.S., Akhmetova U.T., Bekov D.S. Repressivnaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii sel'skogo naseleniya v 1920–1930-e gody // Edu.e-history.kz. – 2022. – No. 4 (32). – Pp. 73–83.
13. Kyzylzhardyn sherli tarikhy. Vol. 1 / Ed. by S.Z. Malikova; Comp. by S. Malikova, V. Prikazchikov, N. Ramazanova. – Petropavl, 2021. – 236 p.
14. Masanov N.E. Kochevaya civilizaciya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva. – Almaty: Socinvest; Moscow: Gorizont, 1995. – 320 p.
15. Zhakisheva S.A. Konfiskaciya baevskikh khozyaistv v Kazakhstane na rubezhe 20–30-kh gg. XX v. // Materialy Gosudarstvennoi komissii po polnoi rehabilitatsii zhertv politicheskikh repressii (20–50 gody XX veka). Vol. 31. – Astana, 2022. – 176 p.
16. Materialy Gosudarstvennoi komissii po polnoi rehabilitatsii zhertv politicheskikh repressii. Vol. 32. Severo-Kazakhstanskaya oblast'. – Astana, 2022.
17. North Kazakhstan State Archive (SKGA). Fund 1189, Inventory 1, File 3, Sheet 7.
18. Pianciola N. Ierarkhiya potrebleniya i agrarnaya politika v kazakhskoi stepi. – 2019. – 116 p.
19. Asharshylyk. Golod. Dokumental'naya khronika. 1928–1934 gg.: In 3 vols. – Almaty: Archive of the President of the Republic of Kazakhstan; Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, 2021.
20. North Kazakhstan State Archive (SKGA). Fund 70, Inventory 2, File 3, Sheet 9.
21. Abuov N.A., Malikova S.Z., Bekmurzina A.N. Collectivization in Northern Kazakhstan: the story of famine and family tragedies. Bulletin of Manash Kozybayev North Kazakhstan University. 2024;(4 (64)):118-128. (In Kazakh) <https://doi.org/10.54596/2958-0048-2024-4-118-128>
22. North Kazakhstan State Archive (SKGA). Fund 3, Inventory 1, File 48, Sheet 49-50.
23. Materialy Gosudarstvennoi komissii po polnoi rehabilitatsii zhertv politicheskikh repressii (20–50 gody XX veka). Vol. 67. Khalyk zhady. Severo-Kazakhstanskaya oblast'. Sbornik vospominanii i interv'yu zhertv politicheskikh repressii i ikh potomkov / Ed. by E.T. Karin. – Astana, 2023. – 500 p.

Information about the authors

N.A. Abuov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Branch of the Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov in Petropavlovsk, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: abuovnur@mail.ru;

A.B. Beissembina – corresponding author, Master's student, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavl, Kazakhstan; e-mail: www.beysembina88@mail.ru;

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-191-203

УДК 94 (575.4)

МРНТИ: 03.25

ЗАКАСПИЙСКАЯ ОБЛАСТЬ В ЗАПИСКАХ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЖЕНЩИН-ПУТЕШЕСТВЕННИЦ

Атдаев С.Д.^{1*}

^{1*}Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана,
Ашхабад, Туркменистан

*Автор для корреспонденции: serdar63atdayev@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена поездке российских и европейских женщин по Закаспийской области, во время их туристического турне по Закаспийской железной дороге. Познавательные рейды этих представителей «слабого пола» заняли свое достойное место наряду с мужчинами, доминирующими в журналистской и писательской сфере. Молодые дамы и барышни активно вовлеклись в общественную жизнь нового времени. Эти просвещенные женщины с неописуемым азартом пытались внести свой вклад в познание жизненного уклада новых обществ. Их старания и попытки помогли по-новому взглянуть на судьбу жителей Закаспийского края. Важный вклад, сделанный женщинами-путешественницами, представляет собой определенную значимость для научного исследования Центральной Азии.

В статье приводятся путевые заметки женщин-исследовательниц: П.С. Уваровой, В.Ф. Духовской, Б. Кеннеди, А. Микин, И. Фиббс. Этим женщинам удалось посетить многие районы Закаспийской области, ознакомиться с жизнью и бытом туркменского народа. Им посчастливилось встретиться с некоторыми ханами и старейшинами, сыгравшими особую роль в истории своего народа. Особое место в их материалах отводится положению и роли женщин в туркменском обществе. Описаны женские костюмы, наряды, украшения и свадебные церемонии. Эти данные позволяют по-новому оценить состояние туркменского социума XIX в. Коренные жители оазиса, которые строго придерживались вековых обычаев прошлой жизни, постепенно начинают принимать новоявленные элементы наступившей эпохи.

Ключевые слова: Закаспийская область, Мургабское государево имение, П.С. Уварова, В.Ф. Духовская, Б. Кеннеди, А. Микин, И. Фиббс, принц Италии, Гюль-Джемал-хан.

РЕСЕЙ ЖӘНЕ ЕУРОПА САЯХАТШЫ ӘЙЕЛДЕРДІҢ НОТАЛАРЫНДА ТРАНСКАСПИЙ ОБЛЫСЫ

Атдаев С.Д.^{1*}

^{1*}Түркіменстан Ғылым академиясының Тарих және археология институты,
Ашхабад, Түркіменстан

*Хат-хабар үшін автор: serdar63atdayev@gmail.com

Аңдатпа

Бұл мақала ресейлік және еуропалық әйелдердің Транскаспий аймағына, Транскаспий теміржолы бойындағы туристік турларына арналған. Бұл «әлсіз жыныстың» өкілдерінің ағартушылық рейдтері журналистік және әдеби салада үстемдік еткен ер адамдармен бірге лайықты орын алды. Жас ханымдар мен жас ханымдар жаңа заманның қоғамдық өміріне белсене араласты. Бұл ағартушы әйелдер жаңа қоғамдардың өмір салтын білуге өз үлестерін қосуға тырысты. Олардың күш-жігері мен талпынысы Транскаспий аймағы тұрғындарының тағдырына жаңаша көзқараспен қарауға көмектесті. Саяхатшы әйелдердің қосқан маңызды үлесі Орталық Азияны ғылыми зерттеу үшін маңызды болып табылады.

Мақалада зерттеуші әйелдердің саяхат жазбалары берілген: П.С. Уварова, В.Ф. Духовская, Б. Кеннеди және А. Микин. Бұл әйелдер Транскаспий аймағының көптеген аудандарын аралап, түрікмен халқының тұрмыс-тіршілігімен және күнделікті тұрмысымен танысып үлгерді. Олар өз халқының тарихында ерекше рөл атқарған небір хандар мен старшындарды кездестіру бақытына ие болды. Олардың материалдарында

түркімен әйелдерінің қоғамдағы орны мен рөлі ерекше орын алады. Әйелдердің киімдері, киімдері, зергерлік бұйымдары, үйлену тойлары сипатталған. Бұл деректер түркімен қоғамының 19 ғасырдағы жағдайын қайта бағалауға мүмкіндік береді. Өткен өмірінің ғасырлар бойы қалыптасқан әдет-ғұрыптарын қатаң ұстанған оазистің байырғы тұрғындары жаңа дәуірдің жаңа элементтерін бірте-бірте қабылдай бастады.

Кілт сөздер: Транскаспий облысы, Мурғаб иілігі, П.С. Уварова, В.Ф. Духовская, Б. Кеннеди, А. Микин, И. Фиббс, Италия князі, Гүл-Джемал хан.

TRANSCASPIAN REGION IN THE NOTES OF RUSSIAN AND EUROPEAN WOMEN TRAVELERS

S.J. Atdaev^{1*}

^{1*}*Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan,
Ashgabat, Turkmenistan*

**Corresponding author: serdar63atdayev@gmail.com*

Abstract

This article is devoted to the trip of Russian and European women in the Trans-Caspian region, during their tourist tour along the Trans-Caspian railway. The educational raids of these representatives of the "weaker sex" took their rightful place along with men, dominating in the journalistic and literary sphere. Young ladies and young ladies were actively involved in the public life of the new time. These enlightened women with indescribable passion tried to contribute to the knowledge of the way of life of new societies. The important contribution made by women travellers is of particular significance for the scientific study of Central Asia.

The important contribution made by women travelers is of significant importance for the scientific study of Central Asia. The article provides travel notes of women researchers: P.S. Uvarova, V.F. Dukhovskaya, B. Kennedy and A. Mikin. These women managed to visit many areas of the Trans-Caspian region, get acquainted with the life and everyday life of the Turkmen people. They were fortunate to meet some khans and elders who played a special role in the history of their people. A special place in their materials is given to the position and role of women in Turkmen society. Women's costumes, outfits, jewelry and wedding ceremonies are described. This data allows us to re-evaluate the state of Turkmen society in the 19th century. The indigenous inhabitants of the oasis, who strictly adhered to the centuries-old customs of their past life, are gradually beginning to accept the new elements of the new era.

Keywords: Trans-Caspian Region, Murghab State Estate, P.S. Uvarova, V.F. Dukhovskaya, B. Kennedy, A. Mikin, I. Phibbs, Prince of Italy, Gul-Jemal Khan.

*Поезд мчится мерным стуком,
За окном степной пейзаж,
Женский взгляд рисует тонко,
В пыльном облаке мираж.
С.А.*

Введение

Актуальность данного исследования заключается в том, что автор предпринял попытку осветить жизнь Закаспийского края глазами женщин-исследовательниц. Подобный подход мало разработан в туркменской историографии и потому крайне важен для правильного понимания жизни центральноазиатского региона. В изучении прошлого края важны не только административные и военные отчеты, но также путевые записи и заметки туристов. Цель данной статьи – представить, как можно доступнее жизнь туркменского социума. Для решения этой задачи более подходящими

представляются описания путешественников, непосредственно контактировавших с местным населением.

В данной работе описаны путешествия европейских женщин по просторам Закаспийской области в конце XIX в. Свое турне они осуществили посредством поездки по Закаспийской железной дороге. Этот путь, пролегавший от станции Узун-Ада на Восточном побережье Каспийского моря до Самарканда, после его пуска в 1888 г., стал визитной карточкой центральноазиатского региона. Российские и европейские журналисты, писатели и видные государственные деятели стремились запечатлеть свое присутствие в этом новом для своего времени увлекательном вояже. Свое место среди этой туристической массы заняли и женщины. Смелые и отчаянные представители «слабого пола» бросали вызов времени и устарелым устоям общества, вызывая своими действиями неподдельный восторг и восхищение мужского окружения. Во время посещения центральноазиатского региона, проницательный взгляд женщин подмечал в поведении жителей края те мелкие черты и детали, которые ускользали от практического и рационального взгляда мужчин. Вот эти-то подробности и обогатили повествования наших героинь, сделав их записи поистине бестселлерами на многие годы.

Материалы и методы исследования

Сама постановка вопроса, а именно описание жизни и быта жителей Закаспийской области, сделанные эмансипированными женщинами России и Европы во время их путешествия, составили научную новизну данной статьи. Детальное описание путевых заметок на основе антропологического подхода явилось одной из целей нашего исследования. Общей же целью данной работы явилась мотивировка ценности записок путешественниц как источника по истории культуры и быта туркменских женщин XIX в.

Просвещенные женщины, боровшиеся за равноправие в обществе, с увлечением посещали новые неизведанные ранее страны, стараясь внести свою важную лепту в понимание жизнеустройства ранее неизведанных и неизученных социумов. Их записи и замечания позволяют точно подметить и лучше понять скрытые моменты быта коренных жителей. Их личностное восприятие и свое понимание эпизодов, скрытых от поверхностного взгляда обычного обывателя, имеют определенную научную значимость данного обзора.

Воспоминания женщин-путешественниц: П.С. Уваровой, В.Ф. Духовской, Б. Кеннеди, А. Микин и И. Фиббс, явились главным источником для нашего исследования. Изданные в конце XIX – начале XX века, эти труды имели самостоятельную историю и свою манеру изложения. Автор данной работы постарался прощупать тематическую связь между этими записями и, объединив их, составить своеобразную мозаику туркменского общества той поры.

Произведенные путешественницами записи помогают изучить и правильно понять существовавшие отношения в туркменском социуме. Используемый в работе историко-сравнительный метод исследования помог грамотно сопоставить имеющийся в наличии материал. Комплексный подход в анализе и подборе документов составил основу методологии данного изучения.

Путевые записи путешественниц представляются очень ценным источником, значительно расширяющим и пополняющим наши знания и понимание о жизни народов Центральной Азии. Метод критической оценки текстов и дальнейший синтез полученных сведений помог объективно взглянуть на состояние туркменского социума в целом. Жизнь коренных жителей края в новых исторических реалиях показала, что они

все еще крепко придерживались прежних устоев и традиций общества. Вместе с тем, новые факторы и веяния времени вносили свои изменения и глубоко вплетались в повседневный быт коренных жителей. Сравнительный анализ материалов позволил представить реальную картину того времени и дух новой эпохи.

Результаты и обсуждение

Исследование материалов, описываемых поездку российский и европейских женщин в Закаспийскую область, показало, что эмансипация женщин не означало какую-либо своевольность или каприз. Это была борьба за право и самостоятельность, это был символ новой эпохи. Их взгляд на жизнь туркменок закаспийского края был представлен под особым «женским» углом зрения. Он давал передовому обществу новое понимание разницы в социально-экономическом и общественно-правовом сферах развития различных общин. Эти мелкие зерна правового равенства со временем дали свои ростки и медленно, шаг за шагом, укрепляли позиции азиатских женщин в быстро меняющемся новом социуме. Эта еле видимая, но ощутимо присутствующая нить, позволяет правильно оценить и понять социально-правовую позицию и роль женщин в современном туркменском обществе.

Уварова П.С. (1840-1924). Графиня Прасковья Сергеевна Уваарова – русский учёный, историк и археолог из рода Щербатовых, придворная статс-дама [см. рисунок 1]. Жена археолога Алексея Сергеевича Уварова (1824-1884). Итогом ее поездки по Центральной Азии стала работа «Поездка в Ташкент и Самарканд». Воспоминания графини П.С. Уваровой были опубликованы журнале «Русская Мысль» в 1891 г. в номерах 11 и 12, а в 1907 г. перепечатаны в «Туркестанском Сборнике».

Рисунок 1. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова

В сентябре 1891 г. графиня вместе со своей группой прибыла на восточное побережье Каспийского моря, на станцию Узун-Ада. Далее были: Гёк-депе, Кака, Душак, Чарджоу. Переехав по деревянному мосту через Аму-Дарью, путешественники добрались до Самарканда и вскоре были в Ташкенте.

На обратном пути Уварова посетила руины Древнего Мерва. Графиня с сожалением отмечала, что дворцовое ведомство, дозволяя местной конторе пользоваться строительным материалом и щебнем из старого города Байрам-Али, не требует, чтобы оно обмерило, нарисовало, изучило и описало развалины. Эти работы с пользой для науки могли бы произвести находящиеся на службе Мургабского имения военные инженеры В.А. Завиша и его брат.

Как человек науки, графиня заинтересовалась и другими историческими достопримечательностями. Оказалось, что увлекающийся археологией командующий Закаспийской областью генерал-лейтенант А.В. Комаров (на должности с 1883 по 1890), вместе с начальником Мервского округа М. Алихановым (на должности с 1884 по 1888), произвели в находящемся в 60 км от Нового Мерва Ёлотане раскопку курганов. В верхних слоях кургана были обнаружены мусульманские погребения, ниже – могилы, время и принадлежность которых определить было сложно. Глубже находились зороастрийские захоронения в кувшинах. В 120 км от Мерва располагалась местность Имам-баба с огромным караван-сараям и могильником, где также обнаружили погребения в кувшинах. В 300 км от Мерва был обследован Тахта-базар с пещерами [1, 161].

Новый Мерв лежал на левом берегу Мургаба и был окружен туркменскими кишлаками. Каменные здания и улицы города были аккуратно обсаженными деревьями. В лавках торговали различной живностью, коврами и каменной резной посудой.

Уварова пишет, что туркмены были народом спокойным и расположенным к оседлости. Графиня отмечает, что туркмены – народ «статный и складный, он смотрит на вас просто и откровенно». Тип его: кожа бронзового цвета, глаза черные и блестяще, зубы очень белые, волосы, усы и борода – черные, как смола. Туркмены – ловкие наездники и охотники до лошадей. Скакуны их большей частью серые или белые, весьма рослые, крепкие, с редкой гривой, поднятым хвостом, светлым глазом, быстрые и неутомимые [1, 162-163].

Для ознакомления с жизнью туркмен были организованы посещения соседних кишлаков местных текинских глав. Это были селения Топаз, Гараахмет и Чепек.

В первом кишлаке гостей принимал сам Сары-Батыр-хан (1837-1912). Он познакомил графиню со своими женами и с удовольствием отвечал на все её расспросы. Во втором, более населенном, селе Гараахмет гостей принял отец местного хана Амана (под именем Аман-хан следует понимать Аман-Нияз-хана, престарелым отцом которого являлся знаменитый Ораз Яглы-хан – С.А.). Из этого сообщения следует, что знаменитый Ораз-Яглы-хан в 1891 г. был еще жив.

Ханские жены были заняты изготовлением ковров на станках, положенных на землю. Женщины носили длинные широкие платья из темной домашней хлопчатой материи. Головы покрывались платком. Шапочки были покрыты серебряными украшениями в вид вазочки, с монетами по окружности. Спереди на нее нашивалась широкая серебряная бляха, украшенная камнями красного цвета в серебряной оправе. Осмотрев достопримечательности Старого Мерва, группа на поезд вернулась в Узун-Ада. Отсюда на пароходе «Туркмен» команда отплыла в Баку.

В.Ф. Духовская (1854-1931). Интересные заметки о туркменах оставила княжна Варвара Федоровна Духовская, супруга Сергея Михайловича Духовского (1838-1901), генерала от инфантерии, Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа в 1898–1900 гг. [см. рисунок 2]. В.Ф. Духовская находилась рядом с супругом в Ташкенте, временами отправляясь обратно в Петербург. Всего подобных отъездов было пять. Направляясь в Ташкент и возвращаясь в Петербург, Духовская в общей сложности 10 раз пересекала территорию Закаспийской области.

Рисунок 2. Княжна Варвара Федоровна Духовская

Генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской весной 1897 г. получил назначение на должность Туркестанского генерал-губернатора (на должности с 1898 по 1901). 2 июня супружеская чета прибыла в Красноводск (современный город Туркменбаши–С.А.), а в полдень следующего дня любовалась достопримечательностями Ашхабада, выстроенными в свое время ее дядей П.Ф. Рербергом, генерал-лейтенантом, начальником и командующим войсками Закаспийской области (на должности с 1881 по 1883 – С.А.). Утром 4 июня поезд прибыл в Мерв. Близ Мерва находился аул, где проживала уже престарелая Гюль-Джемал-ханша (1838-1919). В ее домике одна комната была отделана в старом русском стиле, специально для русских гостей, которые посещали ее довольно часто. Недалеко от станции располагалось имение Государя «Мургаб». Возле следующей станции «Байрам-Али» находились развалины старого Мерва. Далее поезд отправился в сторону Бухары. Духовская видела из окон поезда, работающих в полях узбеков и туркмен в огромных бараньих папах. Эти лица она встречала и в Ташкенте на площади перед вокзалом [2, 17].

25 мая 1898 г. Духовская со своими спутницами достигает Красноводского залива. В Ашхабаде ее встречает супруг. Новый начальник Закаспийской Области генерал А.А. Боголюбов (на должности с 1898 по 1901) угостил С.М. Духовского на вокзале обедом. В начале 1899 г. генерал С.М. Духовской едет по делам службы в Петербург. 10 января супруги достигают Мерва. Отсюда С.М. Духовской едет в Ёлотань, где стоит вновь прибывший Кавказский батальон

Б. Кеннеди (1860-1936). Следующее сообщение связано с Бертой Кеннеди, поездка которой описана в книге «Путешествие в Хорасан и Центральную Азию». По сути – это отчет Роберта Дж. Кеннеди, поверенного в делах дипломатической миссии Великобритании в Тегеране, повествующий о поездке, совершенной им в марте-апреле 1890 года вместе с женой, по северо-восточному Ирану и отдельным областям Центральной Азии. Маршрут следовал в Мешхед, далее в туркменский Душак и оттуда по Закаспийской железной дороге в Мерв, Бухару и Самарканд. Обратный путь протекал в Ашхабад, каспийский порт Узун-Ада, далее в персидский порт Мешхеде-Сер (современный Бабольсер) и обратно в Тегеран [см. рисунок 3].

Рисунок 3. Берта Кеннеди

28 марта супруги выехали из Мешхеда в сопровождении генерал-майора Маклина, который сопровождал семейную пару до российской границы. Путешественники достигли крепости Келат-и-Надири и вскоре прибыли на железнодорожную станцию Душак. Вечером супруги прибыли в Мерв. Чета Кеннеди обозрела новый российский город на западном берегу Мургаба, а также остатки крепости Говшут-Хан-гала [3, 62]. Поезд перевалил деревянный мост через Амударью и доставил их в Бухару, а затем и в Самарканд.

17 апреля супруги Кеннеди возвращаются в Чарджоу. С ними в одном вагоне ехал М. Клемм (будущий российский дипломат Василий (Вильгельм) Оскарович фон Клемм (1861-1938), исполняющий обязанности российского резидента при дворе молодого хана Бухары (эмир Бухары Сейид Абд ал-Ахад Бахадур-хан, время правления: 1885-1910 – С.А.). Клемм ехал в Чарджоу для принятия мер к прибытию наследника итальянского трона принца Неаполитанского.

Кеннеди прибыли в Ашхабад 18-го апреля и были встречены на вокзале М. Родзевичем – секретарем генерала М.Н. Анненкова. Гости были приняты в доме мадам фон Шульц, супруги русского генерала артиллерии И.А. Шульца (1858-1911). На следующий день 19 апреля чета Кеннеди поехала на вокзал чтобы стать свидетелем прибытия наследного принца Италии молодого человека 22 лет (в будущем – это король Италии Виктор Эммануил III, с 29 июля 1900 по 9 мая 1946 г.). Принц был принят начальником Закаспийской области генерал-лейтенантом А.В. Комаровым. Во второй половине дня для принца было организовано представление, имитирующее штурм крепости Гёк-депе [4, 226].

Выехав из Ашхабада, Кеннеди прибыли в Гёк-депе и осмотрели крепость. 20 апреля Кеннеди достигли в Узун-Ада, где были приняты окружным инспектором, поручиком железнодорожного батальона М. Самозенским [3, 84-86].

А. Микин (1867-1959). В 1900 г. британский писатель-путешественник Аннет Мэри Бюджет Микин вместе со своей матерью Сарой Микин, отправляется в путешествие из Лондона в Японию [см. рисунок 4]. На обратном пути своего путешествия Микин проезжает через Закаспийскую область, посетив Ашхабад, Мерв и Байрам-Али. В 1902 г. она была встречена в Ашхабаде полковником Д.Л. Хорватом (1858-1937), исполняющим обязанности начальника Закаспийской железной дороги.

Рисунок 4. Аннет Мэри Бюджет Микин.

Здесь, в холодный морозный день, она посетила туркменскую кибитку, которая была возведена в углу сада полковника Д.Л. Хорвата. В темной кибитке молодая мать держала на руках крохотного младенца. Хозяин кибитки пригласил гостей на чай. Супруга полковника – Камилла Альбертовна Бенуа (1879-1959) сообщила, что ребенок у женщины родился накануне. По туркменской традиции выбор имени ребенку был предоставлен почетному лицу, в данном случае Д.Л. Хорвату. Полковник предложил было имя Мухаммет, однако отец ребенка сказал: «Вчера шел снег, так что мальчика назовем этим именем», то есть Гар-Ягды. Хозяин кибитки поспешил сообщить своим соседям хорошую новость о рождении ребенка и пригласить их на пир. Он вернулся домой с орехами и сладостями. Соседка испекла хлеб и еще горячим принесла его в кибитку. Затем она уложила ребенка себе на ноги и начала мыть его лицо из смеси масла, земли и местного мыла [5, 287].

На следующий день была организована поездка в соседний аул. Местный хан вышел, чтобы поприветствовать гостей (в окрестностях Ашхабада проживали представители текинского крыла Тогтамыш – С.А.). На шее у него висела позолоченная цепь, а на груди – медаль. Его кибитка была увешана ценными коврами и переметными сумками. Позвали музыкантов, игра которых привлекла большое количество зрителей. Госпожа Микин попросила организовать встречу с местными женщинами. Вскоре они появились, увесив себя массивными серебряными украшениями. Самым примечательным из их были тяжелые серебряные нагрудники, усыпанные агатами.

А. Микин отмечала особую роль женщин на Востоке. Близ Ашхабада она даже видела могилу святой женщины, погребение которой имело длину в 5,5 м. В Ашхабаде в то время была распространена кожная «восточная язва». Чтобы избежать болезней и сглаза, туркмены часто использовали щетину дикого кабана, воткнув ее в головной убор [5, 76].

Рассказывая о восточных традициях, Микин отмечала, что часть калыма выплачивалась в день помолвки. Между помолвкой и свадьбой, отложенной из-за приданого, муж может навещать свою жену только тайно, избегая какой-либо встречи с ее родителями. Мужчина не должен видаться с отцом своей жены и после свадьбы, до рождения первого ребенка. Микин приводит рассказ русского офицера в Мерве, согласно которому, однажды к нему в кабинет пришел туркмен. Вдруг этот гость

неожиданно вскочил на стул, и сломав железную перегородку на окне кабинета, убежал. Оказалось, что в комнату вошел его тесть.

А. Микин отмечала, что туркмены – народ гордый. Если туркмену предложить чаевые за оказанную им какую-нибудь небольшую услугу, он отклонит их с оскорбленным видом. Ни один русский чиновник никогда не помышляет отдавать приказы туркмену. Он просит его в качестве одолжения сделать то или это, и получает взамен смиренное послушание.

Далее последовала поездка в Мерв, где посетила местный базар. Здесь Микин обратила свое внимание на длинные бруски местного мыла, продаваемых по восемь копеек за кусок. Русские находили его лучшим для стирки белья, чем их собственное, и приобретали его у туркмен в больших количествах. Неподалеку продавались овчинные шапка и тюбетейки, насаженные на палки. Затем следовали ковры. Для себя госпожа Микин приобрела пару маленьких ковров из Пенде на главном ковровом складе Мерва. Местные сапоги и туфли туркмен имели каблуки и загнутые вверх носки. Для ношения обуви туркмены использовали длинные полосы грубой ткани, которые обматывали вокруг ног и ступней.

Серебряных дел мастера продавали свои драгоценности в палатках. Браслеты из цельного серебра были тяжелыми и увесистыми. На руке женщин они располагались между запястьем и локтем. Продавали их только парами. Серебряные украшения, которые мужчина покупает для своей жены, составляли значительную часть капитала семьи, и потому покупка не производилась в спешке. Ювелир, прекрасно зная это, всегда имел несколько маленьких чайников, готовых для своих клиентов.

А. Микин была свидетелем небольшого казуса, произошедшего на базаре – был украден верблюд. Вором оказался торговец из Бухары. Начальник уезда (капитан Михайлов Фёдор Андреевич, начальник Мервского уезда с 1906 по 1910 гг. – С.А.) пригласил Микин с собой в «суд», где должно было рассматриваться дело о краже. Шесть туркмен с хорошей репутацией присутствовали в качестве присяжных. Привели преступника и обстоятельно его допросили. Решения приговора гласило о шести месяцах тюремного заключения. После отбытия срока заключения, его следовало выслать с территории России [5, 293].

Далее А. Микин посетила аул «Тегелек Мёджек» (принадлежавший роду Гёкче колена Бег – С.А.). У главы аула (возможно здесь речь идет о богатом и влиятельном купце Кёмек-бае. Он являлся двоюродным братом Кара-Кули-хана, который в свою очередь был племянником прежнего главы Мерва Говшут-хана (1823-1878) – С.А.). было четыре жены, каждая из которых жила в своей собственной кибитке. У самого хана также была своя удобная кибитка, устланная красивыми коврами Микин навестила по отдельности каждую жену хана. Самой младшей из жен хана было 16 лет, и она была замужем всего несколько месяцев. Хозяин поставил перед гостями фрукты, называемые *али бучара*, напоминающие сливу без кожицы. При отъезде, хозяин, согласно местному обычаю, часть пути проехал вместе с гостями, проводив их пожеланиями доброго пути.

Затем Микин посетила глиняную мечеть с минаретом. Расположенное рядом медресе состояло из ряда глиняных кибиток. Над входом каждого помещения располагалось маленькое квадратное окно, закрытое пергаментом. На обратном пути А. Микин заехала в один аул, чтобы посмотреть процесс изготовления местного мыла. Во дворе одного из домов на огне стоял огромный чан. Ингредиентами для изготовления были: овечий жир, поташ, соль и трава чоган (солянка). Мыло, полученное таким образом, обладало замечательными очищающими свойствами.

Далее группа посетила Древний Мерв. В Байрам-Али взору гостей предстало личное поместье императора России Александра III, покрывающее 120 тысяч десятин. Им управлял М. Спиридонович Толстой, один из лейб-гвардейцев, стоявших на ступенях трона при коронации Александра III (здесь идет речь о сыне бывшего управляющего Мургабским государевым имением, а в 1902 г. действительного статского советника, помощника начальника Главного управления уделов Спиридона Юрьевича Толстого (1858 - после 1917). В 1902 г. для М.С. Толстого была построена и обставлена дворцовая резиденция. Он получал жалование в размере 9 000 рублей в год. Работниками в поместье были туркмены, числом более 3 000 человек [5, 289]. Если говорить более точно, то в феврале 1902 г. на территории Мургабского имения работало 2 407 туркмен племени Теке и 52 племени Сарык, а также 170 племени Эрсары из Керки. В числе приглашенных были также 4 узбека и 268 таранчи [6, 119]. Здесь же располагалась больница под наблюдением русского врача с двумя помощниками. Доктор, проводил гостей по палатам и показал операционную со стеклянными стенами и оборудованную всеми последними усовершенствованиями. На территории поместья располагались магазины, фабрики и базар. Фабрика по производству джема ежегодно производила тысячи банок абрикосового и клубничного джема. С работой хлопкоочистительного цеха посетителей ознакомил управляющий М. Викулин. Во время всей экскурсии гостей провожала госпожа Толстая [5, 296-299].

А. Микин сообщает, что в Мерве от местного населения управляли четыре хана. Один из них был Юсуп-хан (1865-1919). Его мать, женщина с сильным характером, использовала свое влияние в деле принятия русского подданства. Император Александр III назначил ей и ее сыну пожизненную пенсию. Микин отмечает: «Старушка все еще жива. Она имела честь быть представленной покойному императору, когда он проезжал через Баку (в 1888 г. – С.А.). Тогда императрица подарила ей несколько ценных драгоценностей. Женщину зовут Гюль-Джемал-бай» [4, 300]. Ханша действительно была уже в преклонном возрасте. Если учесть, что родилась она в 1838 г. [7, 66], то на 1902 г. ей было 64 года.

А. Микин, говоря о мервских скакунах, отмечала, что жеребцы растут под присмотром подростков. Однако славная порода лошадей почти исчезла. С одним из великолепных экземпляров туркменского скакуна ей удалось познакомиться в Ташкенте, владельцем которого был русский джентльмен.

Затем гости посетили туркменскую свадьбу. По этому случаю женщины выставили напоказ все свои украшения. На правой руке большого пальца каждой женщины было надето тяжелое серебряное кольцо. Многочисленные серебряные амулеты были прикрепленные к их волосам и громко звенели при каждом их движении. На груди располагался нагрудник с агатовыми гвоздиками. Гости отвели в большую кибитку, посадили на красивые шелковые матрасы и угостили пловом. Отец невесты, приносил один носовой платок за другим, наполненных орехами, сладостями, яблоками, апельсинами и сахаром. Туркмены обычно едят сахар вприкуску и очень удивились, когда увидели, что гости клали куски сахара в чай.

Шесть русских колясок стояли наготове. Вскоре девушки вскочили на них, и погонщики двинулись в село жениха. Одна коляска ждала, чтобы забрать невесту. Матери девушки была выплачена причитающая сумма, после чего три женщины со стороны жениха вывели из кибитки невестку. Позже Микин выяснила, что невеста должна была вернуться к своим родителям через двадцать дней, так как не все деньги еще были выплачены. А. Микин со своей группой также села в свою карету и поехала за

свадебной группой в соседний аул. В кибитке невесты толпились девушки. На улице мужчины образовали широкий круг и наблюдали схватку борцов. Победители были вознаграждены яркими шелковыми платками, которые им вручил судья, следивший за порядком с палкой в руке. Женщины на подобных развлечениях не присутствовали. Затем начались скачки.

Микин также отмечала, что в Мерве часто бушевала «желтая лихорадка». Очень распространенной была трахома глаз, вызванная дымной атмосферой в кибитке. Если ее вовремя не лечить, глазное яблоко становилось белым, и наступала слепота. Болезнь была очень заразна и передавалась при использовании общего сосуда для питья.

Из Мерва А. Микин со своей группой отправилась обратно в Красноводск. Проезжая через Ашхабад, она имела удовольствие вновь встретиться и пожать руки ее жителям, которые приехали на станцию, чтобы пожелать ей удачного возвращения домой.

И. Фиббс. Интересным представляется визит Изабель Мэри Фиббс в ноябре-декабре 1897 г. Она ехала в составе небольшой группы английских леди и джентльменов по Закаспийской железной дороге до Самарканда. На станции Кызыл-Арват гостей встретила группа туркмен во главе с местным ханом. Затем был осмотр крепости Гёк-депе. В Ашхабаде было посещение школ и ботанического сада. Большой интерес вызвал осмотр местных кибиток. Было замечено, что многие местные жители страдали от офтальмии – воспалительных поражений глаз [8, 65].

По наблюдению Фиббс, туркменские женщины чадру не носили. Внешне они невзрачны, так как их тяжелая жизнь лишала их какой-либо свежести. Свои деньги женщины хранили в больших кошельках, изготовленных из кожи верблюжьей шеи – отсюда и выражение «полная шея денег» [8, 70].

Генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин (на посту с 1890 по 1898) принял английских путешественников с величайшей добротой и гостеприимством. Он пригласил их на грандиозный смотр и показательный военный бой. Следом был дан обед под большим шатром на возвышенности. Играл оркестр, а снаружи танцевали казаки. За столом звучали тосты за здоровье российского императора и императрицы. Госпожа Фиббс подметила, что титул «император» употреблялся чаще, чем «царь». Титул царь был заимствован русскими у татар, которые использовали его при обращении к ханам. Это древнее восточное слово, часто фигурирует в славянском переводе Библии. На персидском языке оно означало престол или верховную власть, и это прослеживается в окончаниях имен ассирийских и вавилонских царей: *Фалассар*, *Набонассар*. Корень старотатарского «сар» - «город», в свою очередь происходит от «сэр» – главный [9, 400]. Позже Мадам Куропаткина пригласила английских путешественников на прием, а в клубе велосипедистов были даны танцы [8, 78].

Следующими пунктами визита гостей были Душак, а затем Мерв. Английские путешественники были любезно приняты генерал-майором Е.С. Спокойским-Францевичем (с марта 1897 по ноябрь 1897 начальник 2-й Закаспийской стрелковой бригады – С.А.), который организовал в их честь показательную учебную военную битву. Вечером туристов развлекали на балу в местном клубе. Супруга генерала (Александра Николаевна Спокойская-Францевич – С.А.) выступала в роли хозяйки. Она также любезно предоставила гостям полезную информацию о Мерве [10, 96].

Затем было посещение туркменского селения, местного медресе и мечети. Гости увидели, как женщины ткали ковры «халы» и валяли кошмы «кече» [см. рисунок 5]. Местные музыканты исполнили в честь гостей мелодию на тростниковых дудках.

Рисунок 5. Женщины за валянием кошмы. Мерв.

Английских дам пригласили войти в кибитку, внутри которой сидела по восточному обычаю группа женщин. На их руках располагалось множество колец, браслетов, а на головах и шеях – тяжёлые украшения. Лица женщин не были закрыты. Головы покрывала шаль, которую женщины могли использовать в качестве вуали для нижней части лица. Иногда подобная шаль носилась поверх высокого головного убора из тростника. В конце встречи было сделано коллективное фото женщин [8, 97]. Затем гости посетили развалины Старого Мерва.

Выводы

Представленная на рассмотрение работа содержит ряд новых материалов, позволяющих иначе взглянуть на жизнь жителей Закаспийской области. Практическая значимость полученных результатов заключается в новых возможностях при написании научных работ, учебников и преподавании лекций по истории туркменского народа.

В данном исследовании проведена определенная работа по анализу и оценке записей женщин-путешественниц, осуществленных ими во время ознакомительной поездке по просторам центральноазиатского региона. Материал предоставляет читателю женское восприятие и понимание процессов, происходивших в новом, еще до конца неизведанном краю. Новоиспеченный класс эмансипированных представительниц прекрасного пола тонко понимал судьбу коренных женщин Закаспийской области. Трудовые будни туркменок, и их бытовая закалка, поражала наших исследовательниц. Где-то они смотрели с гордостью за своих представительниц, где-то сожалели об их тяжелом социальном участии. Все это нашло отражение в их записях, что намного обогатило понимание жизни туркменских женщин, их чаяния и взгляд на жизнь.

Литература:

1. Поездка в Ташкент и Самарканд. Гр. П.С. Уварова. // Туркестанский Сборник. Т.438. – Ташкент, 1907. – С. 121-164.
2. Варвара Духовская. Туркестанские воспоминания. – С-Петербург: Издание т-ва М.О. Вольф, 1913. – 103 с.

3. A journey in Khorasan and Central Asia. March and April 1890. – London. Hatchards, Piccadilly. 1990. – 101 p.
4. Атдаев С.Дж. Закаспийская область глазами итальянского принца // Восток-фокус: Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 3-4 октября 2025 г.). – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2025. С. 222-226.
5. In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people by Annette M.B. Meakin. – London. Printed by Ballantyne, Hanson & Co. At the Ballantyne Press. 1903. – 316 p.
6. Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881-1917 гг.). – Ашхабад: Ылым, 1991. – 224 с.
7. Атдаев С.Дж. Гюль-Джемал-хан (последние штрихи к портрету) // Мәдени мұра. – 2024. – №2 (105). – С. 62-80. DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v18.i2.05>
8. A visit to the Russians in Central Asia by Isabelle Mary Phibbs. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., LTD. – 1899. – 238 p.
9. Хусанов Н.Н. Словарь тюркских основ русского языка. – Уфа: Полиграфдизайн, 2012. – 636 с.
10. Russian hosts and English guests in Central Asia by J. T. Woolrych Perowne. – London: The Scientific Press, Limited, 1898. – 198 p.

References:

1. Poyezdka v Tashkent i Samarkand. Gr. P.S. Uvarova [Trip to Tashkent and Samarkand. Gr. P.S. Uvarova] // Turkestanskiy Sbornik. Vol. 438. – Ташкент, 1907. – С. 121-164. [in Russian].
2. Varvara Dukhovskaya. Turkestanskiye vospominaniya [Turkestan Memories.]. S-Peterburg: Izdaniye t-va M.O. Vol'f. 1913. – 103 s. [in Russian].
3. A journey in Khorasan and Central Asia. March and April 1890. London. Hatchards, Piccadilly. – 1990. – 101 p.
4. Atdayev S.J. Zakaspiyskaya oblast' glazami ital'yanskogo printsa [Transcaspiian region through the eyes of an Italian prince] // Vostok-fokus: Aktual'nyye voprosy izucheniya istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i kul'tur stran Vostoka: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk, 3-4 oktyabrya 2025 g.). – Novosibirsk: IPTS NGU, 2025. – S. 222-226.
5. In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people by Annette M.B. Meakin. – London. Printed by Ballantyne, Hanson & Co. At the Ballantyne Press. – 1903. – 316 p.
6. Kanoda N.N. Agrarnaya politika tsarizma v Turkmenistane (1881-1917 gg.) [Agrarian policy of tsarism in Turkmenistan (1881-1917).]. – Ashkhabad: Ylym. 1991. – 224 s. [in Russian].
7. Atdayev S.J. Gyul'-Dzhemal-khan (posledniye shtrikhi k portretu) [Gul-Dzhemal-khan (the final touches to the portrait)] // Мәдени мұра. – 2024. – №2 (105). С. 62-80. DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v18.i2.05>
8. A visit to the Russians in Central Asia by Isabelle Mary Phibbs. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., LTD. – 1899. – 238 p.
9. Khusanov N.N. Slovar' tyurkskikh osnov russkogo yazyka [Dictionary of Turkic fundamentals of the Russian language]. – Ufa: Poligrafidizayn, 2012. – 636 s.
10. Russian hosts and English guests in Central Asia by J. T. Woolrych Perowne. – London: The Scientific Press, Limited, 1898. – 198 p.

Information about the authors

S.J. Atdayev – corresponding author, leading researcher, PhD, Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan; e-mail: serdar63atdayev@gmail.com.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-204-210

ӨОЖ 930.2

ҒТАМА 03.20

**БИОГРАФИЯЛЫҚ НАРРАТИВ – ҰЖЫМДЫҚ ЖАД КӨРІНІСІ:
ЖҰМАБЕК АХМЕТҰЛЫ ТӘШЕНОВ ТУРАЛЫ ТАРИХ ҚАЛАЙ БАЯНДАЛАДЫ**

Ильясова Г.С.¹, Шупанова Ж.Ж.^{1*}

^{1*} *«Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан*

**Хат-хабар үшін автор: shupanova.zhaniya@mail.ru*

Аңдатпа

Мақалада биографиялық нарратив ұжымдық жады мен ұлттық бірегейліктің формасы ретінде қарастырылады. Биографиялық нарратив – адамның өзінің өмірі туралы құрып, үнемі қайта қарастырып отыратын, сол арқылы тұлғалық бірегейлігін қалыптастыратын, өмір жолын түсінуге және өзі туралы әлемге хабарлауға мүмкіндік беретін байланысты әрі мағыналы тарих. Зерттеуде биографиялық нарратив Қазақстанның жаңа кезеңіндегі танымал мемлекет қайраткері Жұмабек Ахметұлы Тәшеновтің өмірі мен қызметін талдауда қолданылды.

Зерттеу барысында авторлар нарративтік, дискурстық және герменевтикалық талдау әдістерін пайдаланды. Дереккөздер базасын мемлекет қайраткері, Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесі Президиумының Төрағасы Ж. Тәшеновтің өмірі мен қызметіне қатысты ғылыми жарияланымдар, мемуарлар мен медиа-материалдар құрады.

Зерттеу нәтижелері Ж.Тәшенов бейнесінің тарихи репрезентация және ұлттық құндылықтарды символдық заңдастыру функцияларын атқаратынын, ал биографиялық нарратив ұжымдық жады мен патриоттық сананы нығайтудың құралы болып табылатынын көрсетті. Авторлар зерттеу барысында жеке тұлғаның өмірбаяны мәдени жадының элементіне қалай трансформацияланатынын ашып көрсете алды.

Кілт сөздер: Қазақстан тарихы, биографиялық нарратив, ұжымдық жады, Жұмабек Тәшенов, бірегейлік, мәдени жады, білім, қызмет.

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ – ОТРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ:
КАК РАССКАЗЫВАЕТСЯ ИСТОРИЯ
ЖУМАБЕКА АХМЕТОВИЧА ТАШЕНОВА**

Ильясова Г.С.¹, Шупанова Ж.Ж.^{1*}

^{1*} *НАО «Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан*

**Автор для корреспонденции: shupanova.zhaniya@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается биографический нарратив как форма коллективной памяти и национальной идентичности. Биографический нарратив – это связанная и осмысленная история о собственной жизни, которую человек создает и постоянно пересматривает, чтобы обрести идентичность, понять свой путь и сообщить о себе миру. В исследовании биографический нарратив применен при изучении жизни и деятельности известного государственного деятеля Казахстана новейшего периода Жумабека Ахметовича Ташенова.

В исследовании авторами использованы методы нарративного, дискурсивного и герменевтического анализа. Источниковую базу составили научные публикации, мемуары и медиа-материалы, связанные с жизнью и деятельностью государственного деятеля, Председателя президиума Верховного Совета Казахской ССР Ж. Ташенова.

Результаты исследования показали, что образ Ж.Ташенова выполняет функции исторической репрезентации и символической легитимации национальных ценностей, а биографический нарратив выступает средством укрепления коллективной памяти и патриотического сознания. Авторами в исследовании удалось показать, как индивидуальная биография трансформируется в элемент культурной памяти.

Ключевые слова: история Казахстана, биографический нарратив, коллективная память, Жумабек Ташенов, идентичность, культурная память, образование, деятельность.

BIOGRAPHICAL NARRATIVE AS A FORM OF COLLECTIVE MEMORY: HOW THE STORY OF ZHUMABEK AKHMETOVICH TASHENOV IS TOLD

G.S. Ilyassova¹, Zh.Zh. Shupanova^{1*}

^{1*}*Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan*

**Corresponding author: shupanova.zhaniya@mail.ru*

Abstract

The article examines biographical narrative as a form of collective memory and national identity. A biographical narrative is a coherent and meaningful story about one's own life that a person creates and continually revises in order to form an identity, understand their life path, and convey their story to the world. In this study, the biographical narrative approach is applied to the life and activities of Zhumabek Akhmetovich Tashenov, a prominent statesman of Kazakhstan's recent history.

The authors used narrative, discursive, and hermeneutic analysis methods in their research. The source base consists of scholarly publications, memoirs, and media materials related to the life and activities of the statesman, Chairman of the Presidium of the Supreme Council of the Kazakh SSR, Z. Tashenov.

The results of the study show that the image of Z. Tashenov performs the functions of historical representation and symbolic legitimization of national values, and that the biographical narrative serves as a means of strengthening collective memory and patriotic consciousness. The authors were able to demonstrate how an individual biography is transformed into an element of cultural memory.

Keywords: history of Kazakhstan, biographical narrative, collective memory, Zhumabek Tashenov, identity, cultural memory, education, activity.

Кіріспе

Қазіргі гуманитарлық ғылымдарда биографиялық нарратив феноменіне – ұжымдық және жекелік жадтың ерекше көрінісі ретінде айрықша назар аударылады. Биографиялық нарратив – бұл адам өмірінің жай ғана хронологиялық баяндауы емес, оның өмір жолын тарихи, мәдени және әлеуметтік контекстілер арқылы интерпретациялау тәсілі. П. Рикёр атап өткендей, нарративтік құрылым адамның өмірін тұтас жүйеге біріктіріп, оған мағыналық және уақыттық сабақтастық береді [1]. Осылайша, биографиялық нарратив тек баяндау амалы ғана емес, жадты құрастыру мен ұлттың тарихи санасын қалыптастыру тетігі болып табылады.

Зерттеу тақырыбының өзектілігі биографиялық нарративтің посткеңестік кеңістіктегі ұжымдық жадты жаңғыртудың маңызды тетігіне айналуымен айқындалады. Қазіргі жаһандану және ұлттық бірегейлікті қайта пайымдау жағдайында тұлғалар өмірін баяндау арқылы қоғам өз тарихи тамырларын, рухани құндылықтарын қайта жаңғыртады. Осы тұрғыда Жұмабек Ахметұлы Тәшеновтің өмір жолы мен қызметі жеке тағдыр арқылы тарихи кезеңнің қоғамдық сипатын көрсетіп, ұлттық жадтың символдық өзегіне айналған ерекше мысал болып табылады.

Биографиялық нарратив мәселесі әлемдік және отандық ғылымда кеңінен қарастырылған. Нарративтік тәсілдің философиялық негіздерін П. Рикёр [1], ұжымдық жад ұғымын М. Хальбвакс [2], ал мәдени жад теориясын Я. Ассман және А. Ассман [3,4] дамытқан.

Қазақстандық ғылымда Ж. Тәшеновтің өмірі мен қызметі С. Дүйсен мен Қ. Еңсеновтің [5] еңбегінде, сондай-ақ М. Қозыбаев атындағы СҚУ хабаршысы, «Қазақ тарихы» [6, 7, 8] сияқты журналдардағы мақалаларда талданған. Дегенмен, Ж.Тәшенов тұлғасының бейнесі биографиялық нарратив пен ұжымдық жад тұрғысынан жүйелі түрде арнайы зерттелмеген.

Қазіргі таңда Ж. Тәшенов туралы өмірбаяндық және тарихи еңбектер көп болғанымен, оның бейнесінің қоғамдық санада қалай қалыптасқаны және қандай нарративтік құрылым арқылы репрезентацияланатыны толық зерттелмеген. Мәселе – жеке өмірбаянның ұжымдық тарихи жадқа және ұлттық мәдени кодқа қалай айналатынын анықтау. Мақаланың зерттеу нысаны биографиялық нарративтің ұжымдық жад формасы ретіндегі қызметі, ал зерттеу пәні – Жұмабек Ахметұлы Тәшенов туралы қалыптасқан биографиялық нарратив, оның мазмұны, құрылымы және қоғамдық қабылдану ерекшеліктері болып табылады. Зерттеу барысында Жұмабек Тәшенов туралы биографиялық нарративті ұжымдық жад феномені ретінде талдау, оның құрылымдық және мағыналық ерекшеліктерін анықтау, сондай-ақ ұлттық тарихи санадағы рөлін айқындалады.

Ж. Тәшеновтің өмірі мен қызметін зерделеу бір жарқын өмірбаянның объективі арқылы бүкіл дәуірдің логикасын, Кеңес өкіметінің тетіктерін және Қазақстандағы көптеген заманауи процестердің бастауларын түсінуге мүмкіндік беретін өзекті тарихи зерттеу болып табылады. Біріншіден, тәуелсіз Қазақстанның саяси, экономикалық және әлеуметтік құрылымын түсіну үшін; екіншіден, ұлттық тарихи жадыны қалыптастыру үшін; үшіншіден, басқару сабақтарын түсіну және тиімсіз реформаларды зерттеу үшін маңызды болып табылады.

Зерттеу әдістемесі

Бұл зерттеу сапалық сипатқа ие және нарративтік, дискурстық және мәдени-герменевтикалық талдау әдістеріне сүйене отырып жүргізілді. Зерттеудің басты мақсаты – Жұмабек Ахметұлы Тәшенов туралы биографиялық нарративтің қалай қалыптасатынын, оны құрайтын дереккөздер мен оның ұжымдық жадтағы қызмет ету тетіктерін анықтау.

Зерттеу жұмысының дереккөздік негізін Қазақстан тарих ғылымының материалдары құрды. Біріншіден, баспа және электронды биографиялық еңбектер, соның ішінде С. Дүйсен мен Қ. Еңсеновтің «Жұмабек Тәшенев» [5] атты монографиясы; екіншіден, ғылыми мақалалар, М. Қозыбаев атындағы СҚУ хабаршысы, Қазақ тарихы және басқа да республикалық басылымдарда жарық көрген зерттеу еңбектері [6]; үшіншіден, замандастарының естеліктері мен публицистикалық очерктері, бұқаралық ақпарат құралдары мен ашық интернет-ресурстарында жарияланған материалдар [7, 8]; одан басқа ресми анықтамалық және архивтік деректер [9].

Талдауға Жұмабек Тәшеневтің тұлғасы тарихи қайраткер, мемлекет қызметкері және ұлттық бірегейліктің символы ретінде сипатталған түрлі дереккөз енгізілді. Бұл деректер 1980-жылдардың соңы мен бүгінгі кезең арасындағы мерзімді қамтиды.

Зерттеу барысында бір-бірін толықтыратын бірнеше талдау тәсілдері қолданылды.

1. Нарративтік талдау әдісі

Бұл әдіс арқылы Тәшенев туралы мәтіндердегі оқиғалардың реттілігі, негізгі сюжеттер мен жиі қайталанатын мағыналық үлгілер («еңбек – қызмет – ерлік – жад»)

анықталды. Талдау мәтін мазмұны мен композициялық құрылымына, сондай-ақ баяндау стилі мен риторикалық тәсілдеріне бағытталды.

2. Дискурстық талдау әдісі

Бұл тәсіл Жұмабек Тәшеновтің бейнесінің қоғамдық және саяси дискурста қалай көрініс табатынын анықтауға мүмкіндік берді. Мәтіндердегі идеологиялық маркерлер, ұлттық сана мен патриотизмге қатысты ұғымдар талданды. Талдау барысында «жеке – ұжымдық», «ұлттық – кеңестік» сияқты мағыналық қарама-қарсылықтар айқындалды.

3. Герменевтикалық және мәдени талдау әдісі

Герменевтикалық тәсіл мәтіндердегі жасырын мағыналарды, мәдени кодтар мен символдық мазмұнды ашуға бағытталды. Бұл әдіс Тәшенев тұлғасының халық жадында символдық бейнеге айналуын түсіндіруге мүмкіндік берді. Сондай-ақ, оның есімінің қоғамдық кеңістікте орнығуы – көше атаулары, ескерткіштер, БАҚ-тағы жарияланымдар арқылы талданды.

4. Тарихи-салыстырмалы әдіс

Тәшенов туралы нарративтер кеңестік және қазақстандық өзге де мемлекет қайраткерлері (С. Мендешев, Д. Қонаев, Т. Бигелдинов және т.б.) туралы баяндаулармен салыстырылып, оның бейнесінің өзіндік ерекшелігі анықталды.

Зерттеу деректері келесі жолдармен жинақталып, жүйеленді:

- академиялық және медиялық дереккөздердегі мәтіндерді іріктеу және кодтау;
- биографиялық материалдардағы басты тақырыптар мен символдарды контент-талдау арқылы анықтау;
- әртүрлі дереккөздердегі мәліметтерді салыстырып, уақыттық және мазмұндық сәйкестіктерін тексеру;
- мәтіндерді негізгі тақырыптық категориялар бойынша жүйелеу («қызмет», «жер», «жауапкершілік», «мұра» және т.б.).

Деректерді өңдеу барысында олар уақыты, дереккөзі мен авторлық ұстанымы бойынша топтастырылды (ғылыми, публицистикалық, деректік).

Зерттеу іріктемесі мақсатты іріктеу әдісімен жасалды. Іріктемеге Жұмабек Тәшенов туралы биографиялық элементтері бар және оның қоғамдық қабылдануын бейнелейтін мәтіндер енгізілді. Таңдау критерийлері мыналар болды:

- дереккөздің сенімділігі мен ғылыми беделі;
- баяндау құрылымының нарративтік сипаты (сюжет, кейіпкер, шиеленіс, моральдық қорытынды);
- Тәшеновтің бейнесінің ұлттық сана мен тарихи жад контексінде берілуі.

Осы тәсіл арқылы жиналған материалдар ресми, ғылыми және халықтық жад деңгейлеріндегі нарративтерді камтып, тұлғаның бейнесін әртүрлі әлеуметтік-мәдени контексте талдауға мүмкіндік берді.

Қолданылған материалдар мен әдістердің үйлесімділігі Жұмабек Тәшеновтің өмір жолын сипаттайтын биографиялық нарративті кешенді түрде зерттеуге, оның жеке өмірінен ұлт жадындағы символдық тұлғаға айналу үдерісін ғылыми тұрғыда ашуға мүмкіндік берді.

Зерттеу нәтижелері мен талқылау

Зерттеу нәтижелері Жұмабек Ахметұлы Тәшенов тұлғасына қатысты биографиялық нарративтің көпқабатты және көпқызметті құрылымға ие екенін көрсетті. Талдау барысында нарративтің мазмұны, идеялық бағыты және оның ұжымдық жадтағы орны үш деңгей бойынша жүйеленді:

1. Тарихи-фактілік деңгей (өмір деректері мен қызмет жолы),

2. Мәдени-символдық деңгей (кейіпкер бейнесінің ұлттық санада мағыналану жолдары),

3. Қоғамдық-дискурстық деңгей (қазіргі ақпараттық және ғылыми кеңістіктегі интерпретациялар).

Жиналған деректерді нарративтік талдау нәтижесінде Ж. Тәшеновтің өмірі көбіне «ұлттық әділдік пен азаматтық жауапкершіліктің үлгісі» ретінде баяндалатыны анықталды.

Кесте 1. Жұмабек Тәшеновтың қызметтік кезеңдері нарративтерде үш негізгі желі арқылы өрбуі

Кезең	Басты идея/сюжет	Негізгі мазмұн мен мән	Дереккөздер
1940-1955 жж.	Мемлекеттік қызметтегі қалыптасу	Тәшеновтің еңбек жолы мен басқарушылық қабілеті, адалдығы мен қарапайымдылығы сипатталады	<i>Еңсенов Қ., Дүйсен С. (2010)</i>
1955-1961 жж.	Ел тұтастығын қорғау кезеңі	Солтүстік облыстарды Ресейге қосу мәселесіне қарсы тұруы нарративтің өзегін құрайды	<i>Inform.kz, Қазақ тарихы, халық естеліктері</i>
1962-1986 жж.	Құғын және ұмытылу кезеңі	Саяси қысым, қызметтен босату, кейінгі үнсіздік – «құрбандық пен адалдық» мотивімен байланыстырылған	<i>Malim.kz, естелік жинақтар</i>

Бұл кезеңдерде «қызмет – күрес – мұра» ұштағаны негізгі нарративтік құрылым ретінде айқындалды.

Герменевтикалық талдау көрсеткендей, Ж. Тәшенев бейнесі әр кезеңде әртүрлі әлеуметтік контексте мағыналанып отырған:

Кесте 2. Жұмабек Тәшеновтың бейнесі әр түрлі әлеуметтік контексте

Жад деңгейі	Қабылдау формасы	Мазмұндық сипаттама
Ресми деңгей (мемлекеттік дискурс)	Мақалалар, энциклопедиялар, мерейтойлық іс-шаралар	Тәшенов – «ел тұтастығын қорғаған мемлекет қайраткері», тарихи әділеттіліктің символы
Ғылыми деңгей (академиялық зерттеулер)	Монографиялар, ғылыми мақалалар	Тұлғаның саяси және әлеуметтік қызметі деректік тұрғыда талданады
Халықтық (мәдени) деңгей	Естеліктер, БАҚ, әлеуметтік желілер, ауызша тарих	Тәшенов – батыл, әділ, қарапайым, ұлт мүддесін қорғаған тұлға ретінде көрініс табады

Бұл талдау Тәшенов бейнесінің көпдеңгейлі ұжымдық естеліктер жүйесінде орныққанын көрсетеді. Әрбір деңгейде оның бейнесі түрлі әлеуметтік топтардың құндылықтарына сәйкес жаңаша мағыналанып отыр.

Дискурстық талдау барысында Тәшенов туралы мәтіндерде келесі негізгі идеялық маркерлер жиі қайталанатыны анықталды:

- Патриотизм мен ұлтқа адалдық – Тәшеновтің қызметі ұлттық тұтастық идеясымен тығыз байланыстырылған;
- Билік пен әділдік қарым-қатынасы – оның бюрократиялық қысымға қарсы тұра білуі халықтық сенімге айналған;
- Жеке тұлға мен жүйе арасындағы қайшылық – оның қызметтен шеттетілуі саяси құрбандық ретінде түсіндіріледі;
- Ұлттық жадтың жаңғыруы – кейінгі жылдары тұлға бейнесінің қайта танылуы мен мәдени кеңістікке енуі (ескерткіштер, көше атаулары, БАҚ материалдары).

Бұл мағыналар жиынтығы Тәшенов туралы нарративті ұлттық тарихи әділдікті қалпына келтіру құралына айналдырған.

Жалпы зерттеу нәтижелері биографиялық нарративтің тек өмірбаяндық баяндау емес, мәдени және идеологиялық конструкт екенін дәлелдейді. Ж. Тәшенов туралы нарратив:

- қоғамның тарихи әділдікке деген сұранысын бейнелейді;
- ұлттық бірегейлікті нығайтуға ықпал етеді;
- тұлғаның бейнесін әлеуметтік жадта тұрақтандыруға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Тәшенов туралы нарративтің динамикалық сипаты бар – ол әр дәуірдің саяси және мәдени жағдайына байланысты өзгеріп, жаңаша түсіндіріледі.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу нәтижелері көрсеткендей, биографиялық нарратив тек жеке өмірлік тәжірибені бейнелеу тәсілі ғана емес, сонымен қатар ұжымдық жад пен ұлттық бірегейлікті қалыптастырудың маңызды құралы болып табылады. Талдауға алынған материалдар негізінде Жұмабек Ахметұлы Тәшенов туралы нарративтің тарихи репрезентация, мәдени мағына беру және ұлттық құндылықтарды символдық тұрғыда заңдастыру қызметін атқаратыны анықталды.

Біріншіден, зерттеу нәтижелері Тәшенов туралы биографиялық нарративтің құрылымдық өзегін «қызмет – күрес – мұра» ұштағаны құрайтынын көрсетті. Бұл нарративтік код тұлғаның өмір жолының негізгі кезеңдерін — мемлекеттік қызметтегі табандылықты, саяси қысымға қарсы тұруды және есімінің тарихи жадта сақталуын — бейнелейді.

Екіншіден, Тәшенов туралы нарративтің көпқабатты сипаты айқындалды:

- Ресми деңгейде – ол елдің аумақтық тұтастығын қорғаған мемлекет және қоғам қайраткерінің бейнесі ретінде орныққан;
- Ғылыми деңгейде – Тәшенов тұлғасы саяси мәдениет пен басқару этикасының талдау нысаны ретінде қарастырылады;
- Халықтық-мәдени деңгейде – ол әділдік, адалдық пен отансүйгіштіктің символы ретінде қабылданады.

Осылайша, Тәшеновтің бейнесі түрлі жад типтерінде қатар өмір сүріп, тарихи тәжірибенің сабақтастығын қамтамасыз етеді.

Салыстырмалы талдау нәтижелері көрсеткендей, алынған тұжырымдар жалпы нарратив пен жад теорияларына сәйкес келеді, бірақ сонымен бірге қазақстандық тарихи-

мәдени контексті кеңейте түседі. Батыстық зерттеулер негізінен өркениеттік және әдеби мысалдарға сүйенсе, бұл зерттеу посткөненістік қоғам жағдайында биографиялық нарративтің тарихи сабақтастықты қалпына келтіру және ұлттық сана мен бірегейлікті нығайту құралына айналғанын дәлелдейді.

Әдебиет:

1. Рикёр П. *Время и рассказ. Том I-III.* – Москва: Университетская книга, 2000. (ориг. фр. *Temps et récit*, 1983-1985).
2. Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти.* – Москва: Новое издательство, 2007. (ориг. *Les cadres sociaux de la mémoire*, 1925).
3. Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.* – Москва: Языки славянской культуры, 2004.
4. Ассман А. *Долгая тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика.* – Москва: Новое литературное обозрение, 2014.
5. Еңсенов Қ., Дүйсен С. *Жұмабек Тәшенов.* – Астана: Фолиант, 2010.
6. Жұмабек Тәшенов – ел тарихындағы әділдік пен қайсарлық символы. – Inform.kz, 2025.
7. Қазақ жерін қорғап қалған қайраткер – Жұмабек Тәшенов. – Malim.kz, 2023.
8. Жұмабек Ахметұлы Тәшенов // Wikipedia.org, жаңартылған 2025 ж.
9. Қазақстан Ұлттық электронды кітапханасы (Kazneb.kz) – <https://kazneb.kz>
10. Foucault M. *The Order of Discourse.* – Paris: Gallimard, 1971.

References:

1. Ricoeur, P. *Time and Narrative. Vols. I-III.* – Moscow: Universitetskaya Kniga, 2000. (Original work published in French as *Temps et récit*, 1983-1985).
2. Halbwachs, M. *The Social Frameworks of Memory.* – Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2007. (Original work published in French as *Les cadres sociaux de la mémoire*, 1925).
3. Assmann, J. *Cultural Memory: Writing, Remembrance of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity.* – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004.
4. Assmann, A. *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics.* – Moscow: New Literary Review, 2014.
5. Yensenov, K., & Duysen, S. *Zhumabek Tashenov.* – Astana: Foliant, 2010.
6. *Zhumabek Tashenov – A Symbol of Justice and Courage in the History of the Nation.* – Inform.kz, 2025.
7. *The Statesman Who Defended Kazakh Land – Zhumabek Tashenov.* – Malim.kz, 2023.
8. *Zhumabek Akhmetuly Tashenov.* // Wikipedia.org, updated in 2025.
9. *National Electronic Library of Kazakhstan (Kazneb.kz)* – <https://kazneb.kz>
10. Foucault, M. *The Order of Discourse.* – Paris: Gallimard, 1971.

Information about the authors

Ilyassova G.S. – Head of Department History of Kazakhstan and Law, Associate Professor, PhD, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: gauhartas81@mail.ru;
Shupanova Zh.Zh. – corresponding author, master's student, Department of History of Kazakhstan and Law, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: shupanova.zhaniya@mail.ru.

АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР /
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ / AGRICULTURAL SCIENCES

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-211-223

UDK 633.11:632.4:632.95

IRSTI 68.37.13.

INFLUENCE OF INTEGRATED WHEAT PROTECTION AGAINST RUST
IN THE FOREST-STEPPE ZONE OF NORTHERN KAZAKHSTAN

Zhang Jing^{1*}, Zhu Chuanjie¹

^{1*}*Xi'an Lingang Technology Innovation Development Co., Ltd.*

^{*}*Corresponding author: 77034528@qq.com*

Abstract

The studies evaluated the effectiveness of two schemes for applying protective agents and fertilizers on spring wheat of the Likamero variety, as well as their impact on the distribution pattern and crop yield.

The main difference between the application regimens was in the dosage of drugs. Both schemes used combined fungicides (benzisothiazolinone + tebuconazole, cresoxime-methyl) and fertilizers (amino acids, monopotassiumphosphate, humic fertilizers) during the key stages of development: tillering, flowering, and grain filling.

In parallel, phytosanitary monitoring was carried out, which showed the absence of pests in all variants of the experiment. During the studies, the following results were obtained: in the control area (without treatments), rust damage accounted for 97.2% of the affected leaves, while in the variants with a dosage of 700 ml/ha, this indicator on days 7 and 14 was 34.7% and 38.2%, respectively. In the variant with an increase in the dose to 900 ml / ha, these indicators were at the level of 22.5% and 27.3%.

Despite the best indicators of protection in the spread of the disease in Scheme 2, weak shoots and sparse grass stand were noted, which in turn led to a shortage of crops. In our opinion, this was due to the high dosage during the seed processing period, which caused the delay in the germination phase. In general, when determining the biological yield, the following results were recorded: on the control – 35.3 c/ha, according to the first scheme-39.4 c/ha and 26.7 c/ha according to the second scheme.

Keywords: spring wheat, rust, yield, disease spread, tebuconazole, fertilizers.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ЗАЩИТЫ ПШЕНИЦЫ ОТ РЖАВЧИНЫ
В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Zhang Jing^{1*}, Zhu Chuanjie¹

^{1*}*Компания по развитию технологических инноваций Линган города Сиань, ООО*

^{*}*Автор для корреспонденции: 77034528@qq.com*

Аннотация

В ходе исследований была оценена эффективность двух схем применения защитных средств и удобрений на яровой пшенице сорта Ликамеро, а также их влияние на характер распространения болезни и урожайность.

Основное различие между схемами заключалось в дозировке препаратов. В обеих схемах применялись комбинированные фунгициды (бензизотиазолинон + тебуконазол, крезоксим-метил) и удобрения (аминокислоты, монокалийфосфат, гуминовые удобрения) на ключевых этапах развития: кущение, цветение и налив зерна.

Параллельно проводился фитосанитарный мониторинг, который показал отсутствие вредителей во всех вариантах опыта. В ходе исследований были получены следующие результаты: на контрольном участке

(без обработок) поражённость ржавчиной составила 97,2% листьев, тогда как в вариантах с дозировкой 700 мл/га этот показатель на 7-й и 14-й дни составлял 34,7% и 38,2% соответственно. В варианте с увеличенной дозой до 900 мл/га данные показатели были на уровне 22,5% и 27,3%.

Несмотря на лучшие показатели защиты от распространения болезни во второй схеме, отмечались слабые всходы и разреженный травостой, что, в свою очередь, привело к снижению урожая. По нашему мнению, это связано с высокой дозировкой при обработке семян, что вызвало задержку фазы прорастания.

В целом при определении биологической урожайности были получены следующие результаты: контроль – 35,3 ц/га, первая схема – 39,4 ц/га, вторая схема – 26,7 ц/га.

Ключевые слова: яровая пшеница, ржавчина, урожайность, распространение болезни, тебуконазол, удобрения.

СОЛТУСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРМАНДЫ-ДАЛА АЙМАҒЫНДА ЖАЗДЫҚ БИДАЙДЫ ТАТ АУРУЫНАН ИНТЕГРАЦИЯЛАНҒАН ҚОРҒАУДЫҢ ӘСЕРІ

Zhang Jing^{1*}, Zhu Chuanjie¹

*^{1*}Сиань қаласының Линган технологиялық инновацияларды дамыту компаниясы, ЖШС
Хат-хабар үшін автор: 77034528@qq.com*

Аңдатпа

Зерттеулер барысында Ликамеро сортының жаздық бидайында қорғау құралдары мен тыңайтқыштарды қолданудың екі схемасының тиімділігі, сондай-ақ олардың аурудың таралуына және өнімділікке әсері бағаланды.

Схемалар арасындағы негізгі айырмашылық препараттардың мөлшерінде болды. Екі схемада да біріктірілген фунгицидтер (бензизотиазолинон + тебуконазол, крезоксим-метил) және тыңайтқыштар (аминқышқылдары, монокалийфосфат, гуминді тыңайтқыштар) өсімдіктің негізгі даму кезеңдерінде қолданылды: түптену, гүлдеу және дәннің толысуы.

Сонымен қатар фитосанитарлық мониторинг жүргізілді, оның нәтижесінде барлық тәжірибе нұсқаларында зиянкестердің болмағаны анықталды. Зерттеу нәтижесінде мынадай көрсеткіштер алынды: бақылау учаскесінде (өңдеусіз) тат ауруымен зақымдану 97,2% құрады, ал 700 мл/га мөлшеріндегі нұсқаларда 7 және 14 күндері сәйкесінше 34,7% және 38,2% болды. 900 мл/га мөлшерінде бұл көрсеткіштер 22,5% және 27,3% деңгейінде болды.

Арудың таралуын тежеу бойынша екінші схема жақсы нәтиже көрсеткенімен, әлсіз өскіндер мен сирек өсімдік жамылғысы байқалды, бұл өз кезегінде өнімнің төмендеуіне әкелді. Біздің ойымызша, бұл тұқымды өңдеу кезінде жоғары мөлшер қолданылуына байланысты, соның салдарынан өну кезеңі кешікті. Жалпы биологиялық өнімділік бойынша мынадай нәтижелер тіркелді: бақылау – 35,3 ц/га, бірінші схема – 39,4 ц/га, екінші схема – 26,7 ц/га.

Кілт сөздер: жаздық бидай, тат ауруы, өнімділік, аурудың таралуы, тебуконазол, тыңайтқыштар.

Introduction

Cultivation of spring wheat in the forest-steppe zone of Northern Kazakhstan is the basis of grain production in the region. However, in recent years, due to the generally rainy spring during the sowing period, the stability of grain production is under constant threat due to the widespread spread of leaf diseases, among which brown rust (*Puccinia triticina*) occupies the leading role [1, 2]. The spread of this disease is facilitated by favorable weather conditions for the development of the pathogen (moderate temperatures and heavy dews), as well as, to a lesser extent, the cultivation of susceptible varieties, which leads to epiphytic outbreaks, which cause significant yield losses, reaching 30-50% or more, and also sharply worsen the quality of grain [3, 4].

The current phytopathological situation dictates the need to develop and implement effective crop protection systems based on an integrated approach. As practice shows, the most effective method of controlling and spreading diseases is the use of chemical fungicides [5, 6]. In turn, the chaotic and lack of consistency in their use not only does not provide reliable protection, but can also provoke the development of resistance in pathogens, have a stressful effect on plants and have a negative impact on the production of this crop. Based on the above, it is relevant to provide a scientific justification for the use of protective equipment schemes, starting with seed dressing and ending with vegetation treatments, which would maximize the potential of variety productivity with a minimum number of operations performed. The spring soft wheat variety "Likamero" was chosen as the objects of research, as well as the preparations benzothiazolinone 2.3% + fludioxonil 1.7% used for seed treatment, and for vegetation benzothiazolinone 2% + tebuconazole 25% CE and cresoxime-methyl 30% SC and their effect on the distribution of brown rust (*Puccinia triticina*).

The aim of our research was to reduce the spread and harmfulness of brown rust in spring wheat crops in the forest-steppe zone of Northern Kazakhstan by applying various protection schemes together with leaf fertilization with fertilizers.

Based on this goal, the following research objectives were set:

- to test two complex schemes of crop protection, including seed treatment and treatment during the growing season (in the phases of tillering, flowering and grain filling), in comparison with the control without treatments.
- carry out visual phytosanitary monitoring and evaluate the dynamics of brown rust development on days 7 and 14 (leaf infestation, degree of development and disease index) in various experimental variants.
- determine the influence of the studied schemes on biological yield and elements of the crop structure.

Experimental

3.1. Conditions and scheme of the experiment

The research was conducted in 2024 in the forest-steppe zone of Northern Kazakhstan on spring soft wheat crops of the Likamero variety. The experience included three options:

- control (without treatment with plant protection products),
- scheme 1 (standard drug dosages)
- scheme 2 (increased dosage of drugs).

The treatments were carried out in the key phenological phases of plant development: pre-sowing seed treatment, tillering phase, flowering phase and grain filling phase.

3.2. Methods of drug administration

Pre-sowing treatment of seeds was carried out by the method of moistening. The preparation, measured using a laboratory dish (measuring cylinder) to ensure the accuracy of the dosage, was dissolved in water and evenly sprayed on the seeds scattered on a clean tarpaulin. After application, the seeds were thoroughly mixed to ensure a uniform coating of each grain with the working solution.

Vegetation treatments were carried out using a satchel sprayer in the early morning hours in calm weather to minimize the demolition of the drug. The working solution was prepared immediately before use. The preparations were dosed using laboratory utensils, after which they were introduced into the sprayer tank filled with water, with constant stirring to achieve a homogeneous suspension. During spraying, a uniform supply of working solution was provided and the vegetative mass of plants was completely covered.

3.3. *Methods of phytosanitary monitoring*

Pest control and disease development assessment were performed twice: on the 7th and 14th days after each vegetation treatment.

3.3.1. *Pest control*

A visual method was used to record pests. On each plot, according to the "five points" method, 10 plants were selected at each point (a total of 50 plants from the plot). A thorough inspection of the plants was carried out for the presence of flying, sucking and gnawing pests.

3.3.2. *Assessment of brown rust damage*

To assess the distribution and development of brown rust, the five-point sampling method was used. In each of the five points of accounting, 50 leaves were selected on the plot (a total of 250 leaves per experiment option). For each selected sheet, the following was visually determined:

Percentage of affected leaves (P, %): Calculated as the ratio of the number of leaves with rust symptoms to the total number of leaves examined, multiplied by 100.

The degree of leaf surface damage (D, %): Evaluated on a 5-point scale (1%, 10%, 40%, 80%, 100%) using the visual method. The average degree of lesion (D) for the variant was calculated by the formula:

$$D = (\sum(i \times l_i)) / L,$$

Where * i* is the lesion score, l_i is the number of leaves with this score, and L is the total number of leaves examined.

Disease index (I): A complex indicator that takes into account both the prevalence and intensity of disease development, was calculated by the formula:

$$*I = (F \times D) / 100*,$$

Where F is the leaf lesion (in fractions of a unit), and D is the average degree of lesion (in fractions of a unit).

3.4. *Accounting for crop structure elements*

In the phase of full ripeness, the yield and its structure were taken into account. Mowing samples were taken from each variant of the experiment with an accounting area of 1 m². The following indicators were determined:

- Stalk density for harvesting (pcs/ m²)
- Plant height (cm)
- Productive bushiness (pcs/plant)
- Number of productive stems (pcs/ m²)
- Grain weight from 1 m² (g/m²), converted to c / ha
- Weight of 1000 grains (g)

Results

According to the results of phytosanitary monitoring conducted according to the methodology on the 7th and 14th days after processing, pests were not detected on spring wheat crops. The absence of flying, sucking and gnawing pests was established both in the control areas without the use of plant protection products, and in all variants of the experiment with the use of drugs. Thus, during the observation period, the phytosanitary situation was in favorable conditions, and the level of population with entomological pests did not exceed the economic threshold of harmfulness and did not require additional protective measures.

Table 1. Calculation of leaf damage in the control group

Point	Examined leaves	Affected leaves	Lesion by point (%)
1	50	49	98,0
2	50	48	96,0
3	50	50	100,0
4	50	47	94,0
5	50	49	98,0
Total	250	243	97.2 (average)

Based on the results of the survey of five selection points, it was found that the total leaf lesion was 97.2%, which indicates an extremely high degree of disease development in the site. The lesion rate for individual points varied from 94.0% to 100.0%, while in four of the five points the indicator exceeded 96%. Such a narrow range of values indicates a uniform spread of infection across the field without pronounced local foci or areas with a lower intensity of damage.

Fixing the maximum level of lesion (up to 100%) at one of the points, as well as a high average value of affected leaves in the sample (243 out of 250 examined) allows us to conclude that the critical phase of the disease development requires immediate measures to contain its further spread. This situation can lead to a significant loss of plant productivity, reduced yields, and poor product quality.

Table 2. Calculation of leaf damage on day 7 after treatment according to scheme 1

Point	Examined leaves	Affected leaves	Lesion by point (%)
1	50	18	36,0
2	50	17	34,0
3	50	16	32,0
4	50	18	36,0
5	50	18	36,0
Total	250	87	34.7 (average)

On the 7th day after treatment with protective drugs, leaf damage decreased to 34.7%, which indicates a pronounced deterrent effect of the applied protective agents. The disease persists, but the intensity of its development has significantly decreased compared to the initial indicators, and the range of values by points (32-36%) shows a relatively uniform positive response of plants to treatment. The achieved level of infection indicates the effectiveness of the selected drug and the scheme of use, which allows us to expect a further reduction in the spread of the disease while maintaining protective measures.

Table 3. Calculation of leaf damage on day 14 after treatment according to scheme 1

Point	Examined leaves	Affected leaves	Lesion by point (%)
1	50	19	38,0
2	50	18	36,0
3	50	20	40,0
4	50	19	38,0
5	50	20	40,0
Total	250	96	38.2 (average)

On the 14th day after the treatment with protective drugs, the leaf lesion rate was 38.2%, which indicates that the deterrent effect of the applied protective agents is preserved and the disease intensity is further reduced compared to the initial level. The range of values at the selection points (36-40%) indicates a consistently positive and uniform response of plants to the applied drug, without pronounced local foci of increased infection. Despite the fact that the disease is not completely eliminated, the preservation of moderate damage after two weeks confirms the long-term effect of the drug and the effectiveness of the chosen protection scheme, which allows us to expect a further decrease in the infection rate while maintaining protective measures.

Table 4. Calculation of leaf damage on day 7 after treatment according to scheme 2

Point	Examined leaves	Affected leaves	Lesion by point (%)
1	50	11	22,0
2	50	12	24,0
3	50	10	20,0
4	50	12	24,0
5	50	11	22,0
Total	250	56	22.5 (average)

On the 7th day after applying the protective drug in an increased dosage, the level of leaf damage decreased to 22.5%, which indicates a significantly more pronounced suppression of infection compared to previous treatment results. The range of values (20-24%) indicates a stable and uniform therapeutic effect, which indicates the correct decision to increase the dose. A significant reduction in the lesion confirms the improved effectiveness of the drug and the strengthening of its protective effect on the plant body.

Table 5. Calculation of leaf damage on day 14 after treatment according to scheme 2

Point	Examined leaves	Affected leaves	Lesion by point (%)
1	50	14	28,0
2	50	13	26,0
3	50	14	28,0
4	50	13	26,0
5	50	14	28,0
Total	250	68	27.3 (average)

On the 14th day after treatment with an increased dose of the drug, leaf damage was 27.3%, which indicates a stable retention of infection at a moderate level. Despite a slight increase in the lesion compared to the indicator of day 7, the range of values (26-28%) demonstrates the long-term effect of the drug and the preservation of the protective effect achieved due to the increased dosage. The data obtained confirm that the use of a higher dose provided longer-term disease control and prevented a second outbreak of infection during the observation period.

A comparative analysis of the data for four accounting options showed a marked decrease in leaf rust damage after the use of protective preparations compared to the control. In the control group, the lesion rate was 97.2%, which indicates the uncontrolled development of the

disease and the lack of natural containment of infection. The use of the drug in a standard dose reduced the lesion to 34.7% on day 7, but by day 14 there was a slight re-increase in infection to 38.2%, which indicates an insufficient duration of protective action at the standard rate of application.

Increasing the dose of the drug provided a more pronounced and sustained protective effect: the lesion decreased to 22.5% on day 7, and by day 14 it reached 27.3%, which demonstrates better pathogen containment and slowing down re-infection compared to the standard dosage. The difference between the standard and increased norm of use was 12.2% on day 7 and 10.9 % on day 14 in favor of the increased dose.

Thus, it was found that the introduction of the drug in an increased dosage provides a longer and pronounced protective effect, significantly limiting the spread of rust and slowing down the development of a repeated infectious process.

2.2.2. Degree of disease development

The results are presented in the tables below. In the course of the research, data were obtained characterizing both the degree of plant damage by leaf diseases and the height and density of the stem of the Licamero wheat variety, depending on the applied schemes of protective and nutritional treatments. Table 5 shows the results of the distribution of plants by degree of damage in the control variant with the calculation of disease development indices.

Table 6. Distribution by degree of lesion in the control variant and calculation of indices

Degree (i), %	Number of leaves (l _i)	(i * l _i)
0 (healthy)	7	0
1	8	8
10	15	150
40	30	1 200
80	70	5 600
100	120	12 000
Total (L)	250 18,958	18 958

Average degree of damage:

$$D = \Sigma(i \times l_i) / L = 18\,958 / 250 = 75,8\%$$

Plant rust infestation in the control variant without treatment was extremely high. Of the 250 leaves examined, 243 were affected, which was 97.2%, indicating that the plants were almost completely infected. The average degree of damage reached 75.8%, which reflects the severe form of the disease development on most of the affected leaves. The results obtained confirm the intensive spread of the pathogen and a significant deterioration in the physiological state of plants in the absence of protective measures.

Table 7. Distribution by degree of lesion on the 7th day after treatment according to the first scheme

Degree (i), %	Number of leaves (l _i)	(i * l _i)
0 (healthy)	163	0
1	18	18
10	28	280

40	28	1 120
80	10	800
100	3	300
Total (L)	250	2,518

$$D = \sum(i \times l_i) / L = 2518/250 = 10,1\%$$

$$F = 87/250 = 34,8\%$$

On the 7th day after the protective treatment according to scheme 1, a noticeable inhibition of rust development was noted. The lesion rate was only 34.7%, which is almost three times lower than the control value. The average degree of damage to the affected leaves was also low – about 10.1%, which indicates the predominant manifestation of the disease in a mild form. The recorded data indicate a pronounced preventive effect of the drug in the first week after treatment, which effectively limits both the spread of infection and the intensity of the lesion.

Table 8. Distribution by degree of lesion on the 14th day after treatment according to the first scheme

Degree (i), %	Number of leaves (l _i)	(i × l _i)
0 (healthy)	154	0
1	16	16
10	30	300
40	35	1 400
80	10	800
100	5	500
Total (L)	250	250 3,016

$$D = \sum(i \times l_i) / L = 3016/250 = 12,1\%$$

$$F = 96/250 = 38,4\%$$

On the 14th day after applying the drug according to scheme 1, leaf infestation increased to 38.2%, remaining significantly lower than the control, but there is an increase in infestation compared to the 7th day. The average degree of damage increased to 12.1%, which indicates a gradual increase in the symptoms of the disease after a decrease in the protective effect of the drug. Despite this, the development of rust remained moderate, which confirms the presence of a continuing but weakened protective effect two weeks after treatment.

2.2.3. Disease index

Disease index for the control variant. In the course of the research, a comprehensive analysis of the phytosanitary condition of crops and production indicators of wheat of the Licamero variety was carried out, depending on the applied schemes of protective and nutritional treatments. The results obtained cover both the degree of development and prevalence of leaf diseases in the control variant, as well as the morphometric characteristics of plants and elements of the crop structure for all studied experimental variants.

$$I = F \times D \times 100 = 0,972 \times 0,75832 \times 100 = 73,71\%.$$

A high disease index (73.71%) in the control variant indicates an extremely intensive development of rust without the use of protective measures. The disease not only spread widely, but also manifested itself in a severe form, which led to a significant decrease in the phytosanitary status of plants. This level of damage confirms the need for fungicidal protection to prevent serious crop losses.

Disease index for control variant 1 of the scheme 7 days after treatment

$$I=F \times D \times 100=0,348 \times 0,10072 \times 100=3,5\%$$

7 days after using the drug according to scheme 1, the disease index was 3.5%, which indicates a significant decrease in both the prevalence and intensity of rust compared to the control. The treatment had a pronounced protective effect, effectively curbing the development of the disease at the initial stage after applying the drug.

Disease index for control variant 1 of the scheme 14 days after treatment

$$I=F \times D \times 100=0,384 \times 0,12064 \times 100=4,63\%$$

After 14 days, the disease index according to scheme 1 increased to 4.63%, which indicates a gradual weakening of the drug's effect two weeks after treatment. Despite a slight increase in the lesion, the level of infection spread and the degree of leaf damage remain significantly lower than the control level, which confirms the continued, albeit weakened, protective effect.

Disease index for control variant 2 of the scheme 7 days after treatment

$$I=F \times D \times 100=0,224 \times 0,0456 \times 100=1,02\%$$

Such a low value of the disease index indicates almost complete suppression of the disease on day 7 with the use of an increased dosage of the drug. The disease was present only in a very weak form, which proves the high effectiveness of the enhanced protection scheme in the first days after treatment.

Disease index for control variant 2 of the scheme 14 days after treatment

$$I=F \times D \times 100=0,272 \times 0,06632 \times 100=1,8\%$$

A disease index of 1.80% after 14 days indicates that the increased dosage provided a long-term and sustained protective effect. Despite a slight increase in the lesion, the development of the disease remained minimal, which confirms the advantage of an increased application rate compared to the basic scheme.

The disease index is a complex indicator that allows you to simultaneously take into account the proportion of affected leaves and the intensity of infection development, which makes it more informative than analyzing only the lesion or the degree of damage separately. Calculations have shown that the use of fungicides significantly reduces the index value compared to the control, and an increase in the treatment dose contributes to a more pronounced

and long-term containment of rust, which is important for evaluating the effectiveness of protective measures in dynamics.

2.3. Indicators for assessing crop yields

Table 8 shows data on plant height and stem density of Licamero wheat, depending on the applied protective and nutritional treatment schemes. An analysis of the results shows that the studied variants had an ambiguous effect on morphometric indicators and elements of crop productivity. Significant differences have been established between the experimental variants in plant height, the density of standing for harvesting, the number of productive stems and productive bushiness, which makes it possible to assess the degree of impact of the drugs and fertilizers used on the formation of wheat yields in specific growing conditions.

Table 8. Determination of the height and stalk density of Licamero wheat»

Experiment option	Indicators			
	Plant height, cm	Density to harvest, pcs/m ²	Number of productive stems from 1 m ² , pcs/m ²	Productive bushiness, pcs/plant
Control	75	357	392.7	1.1
Scheme 1	77	357	428.4	1.2
Scheme 2	65	240	290.4	1.21

The presented data indicate a positive effect of protective and nutritional treatments on the growth and productivity of wheat. In the control group, the plant height was 75 cm with a productive bushiness of 1.1 and the number of productive stems of 392.7 pcs/ m². The use of scheme 1 contributed to a slight increase in height up to 77 cm and the growth of productive stems up to 428.4 pcs/ m² due to an improvement in bushiness (1.2 stems/plant), which indicates the stimulating effect of fungicides and fertilizers on the preservation of productive shoots. The variant of scheme 2, despite the higher productive bushiness (1.21), was characterized by the lowest plant height (65 cm) and significantly reduced standing density (240 pcs/m²), which led to the minimum number of productive stems (290.4 pcs/m²). This indicates a possible stressful effect of a higher dose, which reduced plant survival, although the remaining plants formed more productive stems.

Table 9. Determination of biological yield of Likamero wheat»

Experience option	Indicators	Density to harvest, pcs/m ²	Productive bushiness, pcs/plant.	Number of productive stems per 1 m ² , pcs/m ²	Average grain weight per 1 productive stem, g	Weight of 1000 grains, g	Grain weight per 1 m ² (biological yield), c/ha	Gluten content, %
Control		357	1.1	392.7	0.9	37	35.3	28.3
Scheme 1		357	1.2	428.4	0.92	38	39.4	28.3
Scheme 2		240	1.21	290.4	0.92	38.7	26.7	28.3

In the control variant, without the use of fungicides and additional fertilizers, the density for harvesting was 357 pcs/ m² with a productive bushiness of 1.1, which ensured the formation of 392.7 productive stems and a biological yield of 35.3 c/ha. The gluten content was 28.3%, which corresponds to the level of strong wheat in the region. The application of scheme 1 led to a noticeable improvement in production indicators: while maintaining the same density of standing (357 pcs/ m²), an increase in productive bushiness to 1.2 and an increase in the number

of productive stems to 428.4 pcs/m² were noted. The weight of 1000 grains increased to 38 g, which positively affected the biological yield, which reached 39.4 kg/ha – 4.1 kg/ha higher than the control. This indicates an increase in the efficiency of photosynthesis and a better realization of the productive potential of plants due to the reduction of rust damage and the maintenance of the leaf apparatus in a functional state.

The variant according to scheme 2, despite its higher efficiency in reducing the disease index, showed a lower yield – 26.7 c/ha. A significant decrease in the density for harvesting (up to 240 pcs/ m²), most likely due to the high rate of processing and the resulting stress, led to a decrease in the total number of productive stems (290.4 pcs/m²). Despite the slightly higher weight of 1000 grains (38.7 g) and the preserved high quality of grain (28.3% gluten), the low density of plants did not allow realizing the yield potential.

Thus, the optimal combination of indicators is scheme 1, which provided an improvement in the structural elements of the crop, an increase in grain weight per unit area and maintaining high quality. Scheme 2 showed better protection of plants from rust, but reduced stem density limited productivity.

Discussion

The results of phytosanitary monitoring revealed a sharp difference between the treated variants and the control for the development of brown rust. In the control area, a catastrophic development of the disease was observed: leaf damage reached 97.2%, and the average degree of damage was 75.8%, which led to an extremely high disease index of 73.71% (Table 3, 5). This indicates that crops are completely defenseless against the pathogen in the absence of protective measures and is consistent with the data [3] on significant crop losses during epiphytic years [7]. Both treatment schemes tested had a significant deterrent effect. At the same time, scheme 2 with increased dosages showed a statistically significant advantage, reducing the disease index to 1.02% on day 7, while in the variant with scheme 1, this indicator was 3.5% (Tables 1-3, 6-7). The more pronounced and prolonged efficacy of scheme 2 confirms the well-known principle of fungicidal action dose-dependent fungicidal action [8-9], however, as further observations showed, this advantage had ambiguous consequences.

Despite excellent disease control, the use of scheme 2 has had unintended consequences. Analysis of the crop structure revealed that in this variant there was a significant decrease in the density of the stem to 240 pcs/ m² against 357 pcs/ m² in the control and scheme 1 (Table 8). This is probably a consequence of phytotoxic stress from high doses of drugs, which led to the death of some plants. As a result, despite the highest productive bushiness in the experiment (1.21) and the mass of 1000 grains (38.7 g), the biological yield in the scheme 2 variant turned out to be minimal – 26.7 c/ha (Table 9). This result requires careful consideration, as it indicates that the maximum fungicidal efficiency is not always identical to the maximum yield [10], and exceeding the optimal doses can inhibit plant development.

On the contrary, scheme 1, providing reliable protection against rust (damage on the 14th day – 38.2%), contributed to the realization of the productive potential of the crop. Maintaining the optimal standing density (357 pcs/ m²) in combination with an increase in productive bushiness to 1.2 and the weight of 1000 grains to 38 g allowed us to obtain a reliable yield increase of up to 39.4 c / ha. Grain quality (gluten content at 28.3%) remained consistently high in all variants, including the control, which, however, does not compensate for losses in the amount of grain in untreated areas. Thus, it can be concluded that scheme 1 is the most balanced solution for the conditions of the forest-steppe zone of Northern Kazakhstan, providing an optimal ratio between protection costs, phytosanitary efficiency and final productivity of sowing spring wheat of the Likamero variety.

Conclusions

Based on the conducted studies, the following conclusions are formulated.

Complex application of plant protection products has shown high efficiency against brown rust in spring wheat crops. While the control variant without treatments showed a catastrophic development of the disease with a lesion of 97.2% of leaves and a disease index of 73.71%, both tested treatment regimens significantly reduced the development of the pathogen. At the same time, the scheme with increased dosages of drugs (Scheme 2) showed a more pronounced and prolonged fungicidal effect, reducing the disease index to 1.02% on day 7 and 1.80% on day 14 after treatment, which is significantly better than the results of the scheme with standard dosages (3.5% and 4.63%, respectively). This is consistent with the data of other researchers on the dependence of the effectiveness of protection on the applied doses of fungicides.

However, a significant contradiction was revealed between the level of pathogen control and the final crop productivity. Despite the excellent fungicidal efficiency of Scheme 2, its use had a stressful effect on plants, which resulted in a significant decrease in the stem density to 240 pcs/ m² and, as a result, the lowest yield in the experiment — 26.7 c/ha. At the same time, Scheme 1 provided reliable protection against the disease and helped optimize the production process: an increase in the number of productive stems to 428.4 pcs/m² and the weight of 1000 grains to 38 grams was noted, which allowed to obtain the maximum yield of 39.4 c/ha, which is 4.1 c/ha higher than the control.

The scientific novelty of the work consists in a comprehensive assessment of the impact of various intensity schemes of chemical protection, including seed treatment and vegetation spraying, not only on the development of the pathogen, but also on the elements of the structure of the spring wheat crop in specific soil and climatic conditions of Northern Kazakhstan. The practical value of the results obtained is to justify the choice of the optimal security system. It is established that for the variety "Likamero" in the forest-steppe zone of the region, Scheme 1 with standard dosages is recommended for use, since it provides a significant increase in the yield of high-quality grain while maintaining phytosanitary efficiency and economic feasibility. The use of increased doses of drugs (Scheme 2) can be justified only in years with an extremely strong development of rust epiphytosis, when the potential losses from the disease exceed the risks of reduced yields due to phytotoxicity.

References:

1. Kovalenko E.D., Petrenko S.A. Distribution and harmfulness of brown rust of wheat in the North Kazakhstan region // Bulletin of Plant Protection, 2020, no. 4, pp. 45-50.
2. Stancheva, Y. Atlas of diseases of agricultural crops. Vol. 1: Diseases of field crops / Y. Stancheva. - Sofia: Pensoft Publ., 2005. - 182 p. (in Russian)
3. Chekalin N.M. Modern fungicides in the system of protection of grain crops. - Moscow: Agropromizdat Publ., 2018, 280 p.
4. Shapiro I. D., Vasyutin A. S. Vliyanie listovykh bolezny na vozrozhnost ' i kachestvo zerna yarovoy psheney [The influence of leaf diseases on the yield and quality of spring wheat grain]. - 2019. - No. 5. - pp. 32-35.
5. The State of Food and Agriculture 2021. Climate change and the emergence of new plant diseases. – Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2021. – 215 p.
6. Hovmöller, M.S. Replacement of the European wheat yellow rust population by new races from the centre of diversity in the near-Himalayan region / M.S. Hovmöller, S. Walter, R.A. Bayles // Plant Pathology. – 2016. – Vol. 65, No. 3. – P. 402–411.

7. Abugalieva A.I. et al. Resistance of wheat varieties to brown rust // Vestnik nauki KazNAU. - 2024. - No. 2. - pp. 45-52.
8. Ivanov S.V., Petrov A.A. Application of fungicides against brown rust of wheat. - 2023. - No. 45. - pp. 120-124.
9. Sidorov P.N. Biological efficiency of new generation fungicides // RUDN University Bulletin. Series: Agronomy. - 2022. - No. 3. - pp. 67-73.
10. Kuznetsov V.I. Effektivnost ' fungizidnoy zashchity zernovykh kul'tury [Effectiveness of fungicidal protection of grain crops].

Information about the authors

J. Zhang – corresponding author, agronomist, Xi'an Lingang Technology Innovation Development Co., Ltd; e-mail: 77034528@qq.com;

C. Zhu – agronomist, Xi'an Lingang Technology Innovation Development Co., Ltd.; e-mail: 77034528@qq.com.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-224-234

UDC 595.142.3:631.147

IRSTI 34.33.15

SURVIVAL RATE OF POTATO PLANTS IN VIVO DEPENDING ON PLANTING DATE IN THE NORTH-EAST OF KAZAKHSTAN

Zhidenko V.A.^{1*}, Anikina I.N.¹

^{1*}*Toraighyrov University, Pavlodar, Kazakhstan*

**Corresponding author: vika_7625@mail.ru*

Abstract

This article examines the survival characteristics of potato plants produced by microclonal propagation, depending on their planting dates in the conditions of Northeast Kazakhstan. Particular attention is paid to the influence of agroclimatic factors during the early growing season – including temperature conditions, the timing of the end of spring frosts, soil warming, and the accumulation of effective temperature – on plant adaptation processes following transfer from *in vitro* to *in vivo* conditions. The study is based on an analysis of domestic and foreign scientific publications, agrometeorological observation data, and regional climatic characteristics. It has been established that the effectiveness of adaptation and subsequent plant survival are determined by the combined influence of planting dates, the physiological state of the plants, and varietal characteristics. The most favorable conditions for survival are formed when the average daily air temperature rises steadily above 8–10°C and the risk of return frosts decreases. The results obtained indicate the need for a differentiated approach to selecting planting dates for potato plants and can be used in developing recommendations for improving the technology of growing seed potatoes in the conditions of Northeast Kazakhstan.

Keywords: *in vitro* potatoes; cultivated plants; survival rate; planting dates; adaptation; northeastern Kazakhstan; microclonal propagation; agroclimatic risks.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ СОЛТҮСТІК-ШЫҒЫСЫНДА ОТЫРҒЫЗУ МЕРЗІМДЕРІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ КАРТОП ӨСІМДІКТЕРІНІҢ IN VIVO ӨМІР СҮРУ ДЕҢГЕЙІ

Жиденко В.А.^{1*}, Аникина И.Н.¹

Торайғыров университет, Павлодар, Қазақстан

Хат-хабар үшін автор: vika_7625@mail.ru

Аңдатпа

Мақалада Солтүстік-Шығыс Қазақстан жағдайында отырғызу мерзіміне байланысты микроклоналды көбею әдісімен алынған картоп өсімдіктерінің тіршілік ету ерекшеліктері қарастырылған. Ерте вегетациялық кезеңнің агроклиматтық факторларының, соның ішінде температуралық режимнің, көктемгі аязды тоқтату мерзімдерінің, топырақтың жылынуының және тиімді температураның жинақталуының *in vivo* жағдайларынан *in vivo* жағдайларына ауысқаннан кейін өсімдіктердің бейімделу процестеріне әсеріне ерекше назар аударылады. Зерттеу отандық және шетелдік ғылыми жарияланымдарды, агрометеорологиялық бақылаулар мен аймақтық Климаттық сипаттамалардың деректерін талдауға негізделген. Өсімдіктердің бейімделу тиімділігі мен кейінгі өмір сүру деңгейі отырғызу уақытының, Өсімдіктердің физиологиялық күйінің және сорттық ерекшеліктерінің жиынтық әсерімен анықталатыны анықталды. Өмір сүру үшін ең қолайлы жағдайлар ауаның орташа тәуліктік температурасы 8-10°C-тан жоғары тұрақты жоғарылағанда және аяздың қайту қаупі төмендегенде қалыптасады. Алынған нәтижелер картоп өсімдіктерін отырғызу мерзімдерін таңдауға сараланған көзқарастың қажеттілігін көрсетеді және Солтүстік-Шығыс Қазақстан жағдайында бастапқы тұқым материалын өсіру технологиясын жетілдіру бойынша ұсыныстарды әзірлеу кезінде пайдаланылуы мүмкін.

Кілт сөздер: картоп *in vitro*; мәдени өсімдіктер; тіршілік ету; отырғызу мерзімі; бейімделу; Қазақстанның солтүстік-шығысы; микроклоналды көбею; агроклиматтық тәуекелдер.

ПРИЖИВАЕМОСТЬ РАСТЕНИЙ КАРТОФЕЛЯ *IN VIVO* В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СРОКОВ ПОСАДКИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРО-ВОСТОКА КАЗАХСТАНА

Жиденко В.А.^{1*}, Аникина И.Н.¹

Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан

Автор для корреспонденции: vika_7625@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности приживаемости растений картофеля, полученных методом микроклонального размножения, в зависимости от сроков их высадки в условиях Северо-Восточного Казахстана. Особое внимание уделено влиянию агроклиматических факторов раннего периода вегетации, включая температурный режим, сроки прекращения весенних заморозков, прогрев почвы и накопление суммы эффективных температур, на процессы адаптации растений после переноса из условий *in vitro* в условия *in vivo*. Исследование основано на анализе отечественных и зарубежных научных публикаций, данных агрометеорологических наблюдений и региональных климатических характеристик. Установлено, что эффективность адаптации и последующая приживаемость растений определяются совокупным влиянием сроков высадки, физиологического состояния растений и сортовых особенностей. Наиболее благоприятные условия для приживаемости формируются при устойчивом повышении среднесуточной температуры воздуха выше 8–10°C и снижении риска возвратных заморозков. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к выбору сроков высадки растений картофеля и могут быть использованы при разработке рекомендаций по совершенствованию технологии выращивания исходного семенного материала в условиях Северо-Восточного Казахстана.

Ключевые слова: картофель *in vitro*; культуральные растения; приживаемость; сроки посадки; адаптация; Северо-Восток Казахстана; микроклональное размножение; агроклиматические риски.

Introduction

Potato (*Solanum tuberosum* L.) is one of the key food crop in Kazakhstan, especially in the northeastern regions, where they play a significant role in food security and farm income [1; 28]. Microclonal propagation is currently the basis of seed production in global potato cultivation [2; 1]. The survival *in vitro* rate of cultivated (microclonal and seedling) plants after planting *in vivo* is a critical factor determining further growth dynamics, bush formation, and tuber yield [3].

In areas with a sharply continental climate, such as northeastern Kazakhstan, risk factors – late spring frosts, rapid and unstable warming in spring, a limited growing season, and a high moisture deficit – make choosing the optimal planting date critically important for ensuring high survival and subsequent productivity [4; 30].

The effectiveness of obtaining the first tuber generation of virus-free potatoes directly depends on the survival rate and final yield of cultivated plants, which is determined by the planting time frame, temperature and humidity conditions, the risk of spring frosts, the germination rate, and active plant development. The results of foreign and regional studies show that the optimal planting dates depend on the climate, variety, and agricultural techniques, as well as on the interaction of the dates with the genetic potential of the plants [5; 29]. Analysis of modern studies shows that the survival rate of plants *in vitro* is often determined not only by the calendar date of planting, but also by the age and degree of hardiness of cultivated plants, as well as local agroclimatic indicators (GDD – total degree days, risk of frost, soil temperature) [6; 7].

For northeastern Kazakhstan, determining the optimal planting intervals for potato plants *in vivo* is important, since most of the production volume of primary potato seed material in Kazakhstan is grown in this zone. At the same time, field studies specifically in the conditions

of northeastern Kazakhstan on the survival of cultivated potato plants when transplanted *ex vivo* in 2015–2025 are limited, often concerning varieties that are not currently grown, with much of the empirical data obtained in neighboring climatic zones. Therefore, final local recommendations require comprehensive research, taking into account varietal characteristics and irrigation systems [8; 31].

The aim of the work: based on comprehensive research, to determine the optimal timing for planting cultivated potato plants *in vivo* in the conditions of northeastern Kazakhstan.

Materials and methods

To prepare the review, a targeted systematic search of the literature (2015–2025) was conducted in the Scopus and Web of Science databases (through publicly available indexes, cross-checking in Springer, MDPI, ResearchGate, and institutional repositories), as well as a search of national climate and agricultural reports (World Bank Climate Knowledge Portal, FAO, Kazhydromet).

Keywords in English and Russian were used: «*in vitro* potato transplanting», «planting date potato survival», «micropropagated potato field survival», «planting date Kazakhstan», «acclimatization micropropagated plants», «potato transplanting date», «micropropagated potato field survival», «planting date Kazakhstan potato», «agro-climatic Kazakhstan».

The selected publications were checked against the following criteria: year (2015–2025), availability of field data on the transplantation of *in vitro* plants, greenhouse seedlings, or explants, methodological transparency (description of planting dates, age of cultivated plants, hardening conditions, criteria for assessing survival).

For the climatic part, official data and reviews were used: Climate Knowledge Portal / World Bank (climatology 1991–2020), Kazhydromet (national meteorological service), FAO country profile, and regional studies on agroclimatic zoning.

The main parameters extracted from the articles were: location/climate of the experiment, planting dates (calendar/vegetation), plant age (in weeks), hardening method, survival rate (%) after 14 and 28 days, impact on vegetative development and final productivity. Qualitative comparative analysis and a summary table of key publications [9] were used for the synthesis.

Results and discussion

1 Analysis of climatic and agroclimatic characteristics of northeastern Kazakhstan

To justify the choice of optimal planting dates, it is necessary to take into account the agroclimatic parameters of the region, including temperature regime, duration of the warm period, and the probability of late spring frosts [26; 33]. The climatic characteristics of the region are shown in Table 1.

Table 1. Main climatic indicators of the Pavlodar region according to meteorological resources

Indicator	Value	Source
Average annual temperature	+2.2 °C	Climate-Data.org
Average temperature in May	+14 °C (during the day +20 °C, at night +6 °C)	Weatherspark
Average temperature in June	+20 °C (during the day +26 °C, at night +13 °C)	Weatherspark
Frost-free period	110–125 days (May 15 to September 20)	Pavlodar Agrometeorological Center
Annual precipitation	300–350 mm	Climatestotravel
Frequency of spring frosts	until May 15 (rarely until May 20)	Climate-Data.org

According to long-term observations, in the Pavlodar region, a stable warm period, when average daily highs exceed 19–20°C, begins in the second decade of May and lasts until early September [10].

During the summer season, especially in July, average daily temperatures reach about 28°C, and nighttime temperatures reach about 15°C, which indicates a pronounced continental climate and sufficient heat for the growth of cultivated plants [11].

The winter climate is characterized by extremely low temperatures: average January values drop to –15...–16°C, with absolute minimums below –40°C, confirming the high climatic amplitude and harshness of winter conditions [12]. Annual precipitation is about 300–350 mm, distributed unevenly, with a maximum during the warm period.

In May, the average air temperature reaches 14–15°C, and nighttime minimums are 5–7°C [12]. These climatic characteristics indicate that mid-May is the beginning of an agroclimatically favorable period with minimal risk of late frosts (Table 2). At the same time, earlier planting dates (late April – early May) retain the possibility of return frosts and may be unfavorable for planting cultivated plants *in vivo*.

Table 2. Agroclimatic parameters determining the planting dates of cultivated plants in the conditions of North-Eastern Kazakhstan

Indicator	Value
Average annual air temperature	+2.2 °C
Average temperature in May	+14 ... +15 °C
Average temperature in June	+19 ... +20 °C
The last spring frosts	until May 15–20
First autumn frosts	from September 10 to 15
Duration of the frost-free period	110–120 days
Average annual precipitation	320–350 mm
Prevailing winds	northwesterly, 3–5 m/s

The soil cover of the territory is mainly represented by light brown soils of sandy loam and loamy granulometric composition [13; 34]. Spring warming of the topsoil to physiologically optimal values (+8...+10°C) usually occurs between May 15 and 20, which corresponds to the established norms for the risky farming zone [14; 43]. This interval of the growing season determines the beginning of the favorable period for planting.

2 Features of the adaptation of cultivated potato plants when planted *in vivo* in different climatic zones

During ontogenesis, potato plants interact with both abiotic and biotic factors. The combined influence of abiotic factors during the acclimatization period can exacerbate plant stress, which can lead to their death. In this regard, taking these factors into account is the basis for developing a strategy to reduce plant losses during *in vitro* transplantation. This is especially important for regions with a sharply continental climate, characterized by significant fluctuations in daytime temperatures, such as northeastern Kazakhstan [15].

Planting dates are one of the key factors determining the survival of cultivated potato plants *in vivo*; their optimization depends on the local climate and varietal characteristics [5]. When transplanting plants from culture (microclonal or seedling), their physiological condition is sensitive to external stresses: sharp temperature fluctuations, insufficient soil moisture, or low night temperatures hinder root formation and reduce survival. Therefore, the choice of

planting time should minimize such risks and coincide with the phase when the probability of frost is minimal, and moisture availability and temperature are favorable for rooting [5; 35].

In the context of comparison with other regions, it should be noted that studies conducted in the western regions of Kazakhstan indicate a significant dependence of growth rates, morphogenesis characteristics, and final potato productivity on planting dates. Earlier planting dates provide a higher potential yield, but are accompanied by an increased risk of reduced plant survival in conditions of unstable spring temperatures [8; 36].

According to research by Leskhanovich (2015) conducted in the West Kazakhstan region, where the spring period is characterized by intense temperature increases, it has been established that planting dates have an independent agronomic effect on the growth rate and development of potatoes. The correct choice of planting date accelerates morphogenetic processes and contributes to the early formation of a high-quality tuber crop.

In addition, the results of climatological studies conducted for comparable agroclimatic zones indicate a tendency for the optimal planting dates to shift to a later spring period, which is confirmed by the data in the recommendations prepared by the Omsk Agricultural Research Center (2020). This is due to the desire to minimize stress factors, especially when using planting material obtained by microclonal propagation (*in vitro*), for which the risk of damage from low temperatures is significantly higher [16].

Early planting with low maximum daily temperatures and favorable humidity often results in earlier formation of vegetative mass, but is associated with the risk of return frosts, which can reduce the survival rate of planted seedlings/mini-tubers in cold spring conditions [5].

The results of field experiments by van Dijk (2022) show that the effect of planting dates on potato plant survival is most pronounced in early spring. Thus, although planting in March extended the potential growing season, it was accompanied by a high risk of plant death due to night frosts, which in the Netherlands occur until mid-May; in some cases, March plantings completely lost their survival rate. At the same time, the measured marketable yields for all transplanting dates ranged from 29 to 34 t/ha, and the seed tuber yield ranged from 26 to 29 t/ha, with no significant advantages for March planting. Plantings in April, May, and June showed stable survival rates, with moderate differences in the final yield of plants harvested at the traditional time (September 20–21): as a rule, April and May plantings provided a higher yield of marketable tubers compared to June plantings. With early harvesting, the relationship between the planting date and the size distribution of tubers was more pronounced: late planting (June) increased the proportion of tubers > 40 mm and increased the yield of large fractions. In general, it has been established that optimizing planting dates is a critical factor for survival, but excessively early planting (March) not only does not increase yield, but also significantly increases the risk of losses due to frost [5].

Late planting (delay relative to the optimal time) can lead to accelerated transition of plants to reproductive phases at high temperatures, a reduction in the growing season, and, as a result, a decrease in survival and yield potential [17; 41].

The results of a field experiment conducted by Singh (2023) at the ICAR regional station in Gwalior during the 2021–2022 Rabi season convincingly confirm the critical importance of choosing the planting dates for cultivated plants for the productivity of the Kufri Mohan potato variety. The seven planting dates tested (from September 15 to December 14) showed marked differences in growth and yield. The highest values of all key agronomic parameters – plant height, number of stems, foliage yield, tuber yield, and biological yield – were recorded with timely planting on October 30 (D4). The yield exceeded the early planting dates (September

15–30) by 18.6–69.0% and the late planting dates (November 14–December 14) by 13.1–52.5%, which clearly demonstrates the advantage of the optimal planting window. In contrast, early (D1, D2) and especially late (D6, D7) planting dates were characterized by a decrease in all structural elements of productivity, indicating the adverse effect of both excessively high temperatures in the early stages of growth and a shortened growing season when planting in December. Thus, it has been established that adherence to the optimal planting date – in this case, the end of October – is a key factor in consistently high potato yields, while deviation from it toward excessively early or late dates inevitably leads to significant productivity losses [17].

Many studies show that the key factor in the adaptation of cultivated potato plants is not so much the calendar planting date as the age and physiological condition of the regenerants. Plants that are too young, for example, two weeks old, especially under unfavorable external conditions, demonstrate lower survival rates. At the same time, potato plants aged 3–4 weeks that have undergone hardening and adaptation to light and humidity levels are significantly more resistant and successful in rooting in *in vivo* conditions [18; 37].

For example, studies by Lommen (2015) showed that the age of potato seedlings obtained *in vitro* directly affects the subsequent growth of plants and the formation of seed yield: the highest indicators were observed when plants aged 28–35 days were transplanted into the field, while younger (14–21 days) and overgrown (> 42 days) plants formed 15–30% less tuber yield. These results confirm the importance of strict adherence to the optimal timing for obtaining and using planting material in potato cultivation technology schemes [18].

3 Optimal timing depends on variety and region

Research shows a consistent correlation: the optimal date for transplanting/planting depends on the genotype (variety) and local climate/agroclimatic zone; Varietal differences in cold tolerance and growth rate determine the period during which transplanting will result in the best survival rate. Recommendations developed in one region cannot always be applied to another without adjustments [19; 2].

A study by Muhammad Sohail Khan et al. (2024) convincingly shows that planting dates and genetic characteristics of varieties have a key influence on potato yield in the subtropical continental zone. Optimizing the planting date – especially early dates (October 2 and 14) – extends the growing season and significantly improves the indicators that determine yield: from an increase in green crown area (up to 72.3%) and leaf area (up to 5343 cm² per plant) to maximization of absorbed photosynthetically active radiation (PARINTC, 900.9 MJ·m⁻²) and number of tubers (11.8 per plant). The genotype of cultivated Arizona potato plants showed the best response to variations in planting dates, ensuring maximum market yield (29.2 t·ha⁻¹) and total yield (30.4 t·ha⁻¹). The significant variability of genotype responses and pronounced P×G interactions highlight the need to select varieties and planting dates taking into account regional conditions. The results obtained not only reveal the complexity of the mechanisms of yield formation, but also form scientifically based approaches to increasing the stability of potato production in a changing climate [19].

The results of the study by Ahmed et al. (2017) demonstrate the significant influence of planting dates on potato growth and yield in the subtropical conditions of Bangladesh. An experiment conducted between November 20, 2015, and March 20, 2016, on three varieties (BARI Alu-35, BARI Alu-40, and BARI Alu-41) with three planting dates (November 20, December 5, and December 29) showed that the optimal planting period is the first ten days of December. During this period, the maximum plant height (42.3 cm for BARI Alu-40), the largest number of tubers per plant (13 for BARI Alu-41), the maximum leaf area and tuber

weight per plant (97.25 g for BARI Alu-35) were observed. Yield reached a maximum of 42.12 t/ha when planting BARI Alu-35 on December 5. Earlier planting (November 20) led to a decrease in growth and yield, which indicates the negative impact of unfavorable temperature conditions on the physiological development of plants.

Thus, the study confirms that correctly determining the planting date is a key factor in achieving high potato plant productivity, and adapting planting dates to local climatic conditions allows for the optimization of physiological maturity and tuber formation [20].

A study by Darkhanova et al. (2021) showed that the adaptation of *in vitro*-healed potato plants in the conditions of Central Yakutia is characterized by pronounced varietal differentiation. The highest survival rate was observed in the Krasavchik variety (28%), while the Vasilek variety was the least resistant (1%). The Adretta variety showed the best adaptation to the dry period (GTK = 0.4), combining high productivity (213.9 g) and maximum tuber preservation (100%). In contrast, the Velina, Rosara, and Ilona varieties showed minimal preservation (33–56%). These results emphasize the need for careful selection of varieties for regions with extreme climatic conditions and confirm the importance of preliminary ecological testing of improved material [21].

In studies by Nikolaeva V. N. et al. (2020) conducted on 19 potato varieties, such as Aksor, Alena, Bryansky Delicacy, Velikan, Darinka, Zhukovsky Early, Meteor, Memory of Rogachev, Skoroplodny, Udacha, Khozyayushka, Nevsky; Dutch varieties: Arosa, Romano, Sante, Red Scarlet, Rosara, Red Lady, Roko It has been shown that for the East Kazakhstan region, the optimal time for planting test plants in open ground, depending on spring weather conditions, is between May 15 and June 15, since according to long-term data, the last frost in the cultivation zone occurs on June 14 [22].

Reports on agroclimatic zoning and analytical materials on the regions of the country emphasize that the effectiveness of potato cultivation directly depends on strict adherence to the agricultural calendar and the adaptation of planting dates to local indices of heat, moisture, and the duration of the growing season [23; 38].

According to international data [4; 49], a correct assessment of regional agroclimatic risks and heat resources can significantly increase the sustainability of production systems. In these conditions, local testing of several planting date options becomes particularly important, as it is necessary to determine the optimal time window for transplanting *in vitro* plants in specific climatic conditions [44; 50]. This approach not only ensures higher survival rates and uniform growth, but also creates the conditions for maximizing the potential yield of highly productive genotypes [39]. Thus, it can be concluded that varieties with higher cold tolerance and rapid initial growth can be planted earlier in the season; sensitive varieties are better to transfer to later dates, but then part of the growing season is lost. This makes it necessary to conduct local testing for each line/variety, especially if microclonal lines or hybrids are used, which may have excellent adaptation [19; 40].

4 Impact of temperature and humidity conditions and weather risks

Soil and air temperature in the first days after planting is a key factor for successful survival. Rapid warming after planting promotes rooting and growth, while temperature fluctuations and night frosts increase stress and plant mortality [5].

A study by van Dijk et al. (2022) showed that early spring transplanting of potatoes from seedlings is significantly limited by temperature risks: in 2017–2019, minimum temperatures often fell below 2°C, and in some years reached –4.9°C, causing leaf damage and, in 2018, the complete destruction of March plantings. Even the use of improved beds and polyethylene coverings did not provide protection from extreme frosts, confirming the extremely narrow

«safety window» for early transplanting. Plants recovered after April planting, but went through a stress phase in the first week after transplanting, while May and June planting dates showed the most stable development against the backdrop of higher minimum temperatures and uniform heat accumulation [5; 42].

Hydrothermal conditions also varied by season: in 2019, the amount of precipitation from April to June was higher (3.9–4.0 mm/day), which partially compensated for temperature limitations and ensured equalization of development rates between April and May plantings by the period of physiological ripening (around October 10). Overall, the study emphasizes that the success of early transplanting is determined not only by agricultural techniques, but above all by the combination of minimum temperatures in the first week and moisture availability, making the choice of the optimal planting date a critical factor in productivity [51].

5 Practical conclusions from regional studies (including Central Asia and comparable continental zones)

In regions with a sharply continental climate (such as northeastern Kazakhstan), it is advisable to focus on sowing dates that minimize the risk of late spring frosts while ensuring a sufficient growing season [45]. This often means a shift to the late first ten days of the planting window compared to warmer regions. The recommendations are supported by regional observations and national practice, in accordance with the national report on potato cultivation in Kazakhstan [24; 32].

When planting cultivated potato plants from *in vitro*, preliminary preparation measures are of particular importance [2; 46]. The most effective measures include a gradual reduction in humidity to form a stable transpiration apparatus, enhanced protection of the delicate root system during transplanting, and the use of root formation stimulants and anti-stress biological products [47]. A combination of such procedures significantly increases the success of potato regenerants' adaptation to open ground conditions [25; 26]. Thus, to increase the survival rate of cultivated potato plants when transplanting them to *in vivo* conditions in the Kostanay region, Ekaterinskaya E.M. (2011–2013) used the synthetic stimulant KN (0.001%) for pre-planting root treatment. As a result, when test-tube plants were planted in gauze insulators in the first ten days of June, the survival rate was 70% for the Duniyasha variety and 75% for the Udovitsky variety.

A study by Anikina I.N. (2022) on the *in vivo* survival rate of regenerants of promising European potato varieties (Gala, Latona, Sante, Innovator, Red Scarlet) in the conditions of northeastern Kazakhstan, emphasizes the key role of the adaptation stage of test-tube plants in the primary seed production system. The results show that the success of transferring meristem plants to natural conditions is determined by the variety-specific physiological stability, the rate of functional leaf formation, and the response to sharp temperature fluctuations characteristic of the region. When planting cultivated potato plants for further growth in greenhouse conditions between May 20 and June 7, 2019–2020, survival rates ranging from 51% to 86% were obtained, depending on the variety. It has been shown that certain varieties, such as Latona and Red Scarlet, have higher survival rates and develop more quickly after planting, while others, such as Innovator and Gala, require a longer adaptation period. Thus, the study confirms the need to take into account varietal characteristics when developing regulations for the adaptation and further cultivation of healthy planting material in the climatic conditions of northeastern Kazakhstan [27; 48].

Conclusion

The results of the study are of practical importance, as they allow for the optimization of primary seed production schemes and increase the efficiency of high-quality seed tuber propagation.

Based on an analysis of local weather data (soil temperature, daily maximums, and nighttime minimums) for northeastern Kazakhstan, the optimal time for planting cultivated plants in greenhouses during the current period is before the onset of consistently high daytime temperatures, which occurs between April 25 and May 5. The optimal time for planting in open ground is from June 7 to June 17, which corresponds to the period of a steady rise in soil temperature and a reduction in the risk of return frosts.

To increase the survival rate of valuable biotechnological potato material, it is advisable to acclimatize microclonal plants before planting, in accordance with the official recommendations for potato cultivation in Kazakhstan.

The recommended planting dates can be used by biotechnology laboratories, greenhouse complexes, and seed production farms when planning activities to produce and propagate disease-free potato planting material. Adhering to the recommended planting dates helps reduce the risk of adverse temperature conditions, increases the survival rate of cultivated plants, and ensures more effective production of high-quality seed potatoes in the conditions of northeastern Kazakhstan.

References:

1. Suraganova A.M., Suraganov M.N. Biotechnological approaches to potato (*Solanum tuberosum* L.) Sanitation and selection in Kazakhstan and Eurasia // Peer-reviewed scientific journal «Bulletin of Manash Kozybayev North Kazakhstan University». – 2025. – № 3 (67). – P. 148–152.
2. Tokbergenova Z., Aitbayev T., Sharipova D., Ibraymova M., Konysbayeva H. Potato (*Solanum tuberosum* L.) healthy planting material development through innovative methods // Sabrao Journal of Breeding and Genetics. – 2025. – № 3 (57). – P. 1168–1179.
3. Anikina I.N. Semenovodstvo kartofelya na osnove biotekhnologii v usloviyah severnogo Kazakhstana: monografiya / I.N. Anikina. – Pavlodar: Toraighyrov University, 2021. – 100 s.
4. World Bank. Climate Adaptation Options and Opportunities in the Agriculture Sector / Republic of Kazakhstan // World Bank Group. Agriculture. – May 2024. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099060424004022607/pdf/P50211216a88d304191601df346d0b1713.pdf?utm_source (accessed: 31.05.2026).
5. van Dijk L.C.M., Kacheyo O.C., de Vries M.E. et al. Crop cycle length determines optimal transplanting date for seedlings from hybrid true potato seeds // Potato Res. – 2022. – № 65. – P. 435–460.
6. Lommen W.J.M. How age of transplants from *in vitro* derived potato plantlets affects crop growth and seed tuber yield after field transplanting // Potato Res. – 2015. – № 58. – P. 343–360.
7. Lommen W.J.M. Effects of age of *in vitro*-derived potato plantlets on early above- and below-ground development after planting // Springer. – 2024. – № 67 (3).
8. Eduard B., Ertaevna S.S., Leskhanovich I.S. Planting dates and early potato crop development in the western Kazakhstan Region // World Applied Sciences Journal. – 2014. – № 30 (10). – P. 1442–1446.
9. Jácome Sarchi G.A., Coronel Montesdeoca N.T., Hernández F., Martínez R.T.S. *In vitro* techniques for seed potato (*Solanum tuberosum* L.) tuber production: A Systematic Review // Plants (Basel). – 2025. – № 14 (17). – 2777 p.
10. Weather Spark. Climate and average weather in Pavlodar. – 2024. URL: <https://weatherspark.com/y/108865/Average-Weather-in-Pavlodar-Kazakhstan-Year-Round> (accessed: 31.05.2026).
11. Weather Atlas. Pavlodar climate and weather averages. – 2024. URL: <https://www.weather-atlas.com/en/kazakhstan/pavlodar-climate> (accessed: 31.05.2026).
12. Climate-Data.org. Climate: Pavlodar, Kazakhstan. – 2024. URL: <https://en.climate-data.org/asia/kazakhstan/pavlodar-province/pavlodar-2163> (accessed: 31.05.2026).

13. Klebanovich N.V. Pochvy i zemel'nye resursy Kazakhstana: ucheb. materialy dlya studentov spec. 1-56 02 02 «Geoinformacionnye sistemy» / N.V. Klebanovich, I.A. Efimova, S.N. Prokopovich. – Minsk: BGU, 2016. – 46 s.
14. NASEC. Osobennosti provedeniya vesenne-polevyh rabot i vozdel'yvaniya sel'skohozyajstvennyh kul'tur v usloviyah Severo-Kazhstanskoy oblasti v 2019 godu: rekomendacii. – Shagalaly: Severo-Kazhstanskaya sel'skohozyajstvennaya opytная stanciya, 2019. URL: <https://nasec.kz/sites/default/files/2020-12/rekomendatsii-sevkazshos-vprpdf.pdf> (accessed: 31.05.2026).
15. Anikina I.N., Kajnidenov N.N., Krasij M.V., Kamarova A.N. Sravnitel'naya harakteristika razvitiya i produktivnosti i razvitiya sortov kazhstanskoy selekcii v usloviyah Severo-Vostoka Kazhstana // Nauchnyj periodicheskiy zhurnal «Vestnik ENU imeni L.N. Gumileva». Seriya Biologicheskie nauki. – 2021. – № 2 (135). – S. 28–36.
16. Optimizaciya sroka poseva i normy vyseva myagkoj yarovoj pshenicy dlya polucheniya vysokokachestvennyh semyan v yuzhnoj lesostepi Zapadnoj Sibiri: rekomendacii. – Omsk: Izd-vo IP Maksheevoy E.A., 2020. – 36 s. URL: <https://anc55.ru/wp-content/uploads/2020/05/optimizaciya-sroka-poseva-mjagkoj-pshenicy.pdf>
17. Dheerendra Singh, Janmejay Sharma, Singh S. P., Murlidhar J. Sadawarti, Nishita Kushwah, Shubham Chouhan, Chitrangda Parihar, Aman Pratap Chauhan. Effect of planting date on growth and yield of potato (*Solanum tuberosum* L.) in semi-arid tropics of Central India // International Journal of Plant & Soil Science. – 2023. – № 35 (19). – P. 1059–1065.
18. Lommen W.J.M. How age of transplants from *in vitro* derived potato plantlets affects crop growth and seed tuber yield after field transplanting // Potato Res. – 2015. – № 58. – P. 343–360.
19. Muhammad Sohail Khan, Gerrit Hoogenboom, Syeda Mehwish Gillani et al. Effects of planting date and genotypes on potato growth and yield determination in a sub-tropical continental growing environment // Potato Res. – 2024. – № 68. – P. 2357–2394.
20. Bulbul Ahmed, Sultana M., Chowdhury Mah, Jahangir Alam. Growth and yield performance of potato varieties under different planting dates // Bangladesh Agronomy Journal. – 2017. – № 20 (1). – P. 25–29.
21. Darhanova V.G., Stroeve N.S., Voronov I.V., Filippova G.V. Ekologicheskoe ispytanie ozdorovlennyh *in vitro* sortov kartofelya v usloviyah central'noj Yakutii // Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka. – 2021. – № 22 (5). – S. 676–681.
22. Nikolaeva V.N., Dolanbaeva G.T., Zharkova S.V. Poluchenie ozdorovlennogo semennogo materiala kartofelya s ispol'zovaniem mikroklonal'nogo razmnozheniya v usloviyah Vostochno-Kazhstanskoy oblasti // Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2020. – № 6 (188). – S. 32–42.
23. Sagadiev A.T., Mukasheva L.S. Sovremennye problemy semenovodstva kartofelya v Kazhstane // Agrobiologiya. – 2021. – № 2 (56). – S. 122–128.
24. NASEC. Potato growing of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://nasec.kz/en/news/potato-growing-republic-kazakhstan> (accessed: 10.11.2025).
25. Murlidhar J. Sadawarti, Shiv Pratap Singh, Rajesh Kumar Singh, Tanuja Buckseth, Subhash Katore, Swarup Kumar Chakrabarti, Priyadarshani A. Khambalkar. *In vivo* performance of hi-tech planting materials for seed potato production: A review // Int J Chem Stud. – 2020. – № 8 (5). – P. 1151–1157.
26. Baisholanov S., Akshalov K., Mukanov Y., Zhumabek B., Karakulov E. Agro-climatic zoning of the territory of Northern Kazakhstan for zoning of agricultural crops under conditions of climate change // Climate. – 2025. – № 13 (1). – P. 1–19.
27. Anikina I. N. Prizhivaemost' kul'tural'nyh rastenij kartofelya *in vivo* v usloviyah severo-vostoka Kazhstana // Sbornik materialov XVII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Agrarnaya nauka – sel'skomu hozyajstvu». – Barnaul, 2022. – S. 166–168.
28. Abraliev O., Baimbetova A., Kusmoldayeva Zh., Korostyshevskaya E. Current trends and prospects for the development of food production in the regions of Kazakhstan // Journal of Economic Research & Business Administration. – 2025. – № 154 (2).
29. Salari H., Zamany A. J., Hazim Z. The Growth and Yield of Potatoes as Influenced by Planting Dates and Varieties under Dry Temperate Climate // Journal of Natural Science Review. – 2025. – № 3 (1). – P. 33–44.
30. Park H.H. et al. Effects of Climate Variation on Spring Potato Growth, Yield, and Quality // Agronomy. – 2025. – № 15 (1). – P. 1–18.
31. Kakabayev A., Suraganov M., Abdurahmanov I., Belgibayeva A., et al. The yield of elite potato varieties for primary seed production using precision agriculture technologies in the conditions of Northern Kazakhstan // E3S Web of Conferences. – 2023. – № 386.

32. Argynbayeva A., Daurov D., Sapakhova Z., Zhambakin K., Shamekova M. Potato viruses in Kazakhstan and methods for obtaining virus-free seed material // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Bioscience Series. – 2023. – № 144 (3). – P. 54–68.
33. Akshalov K.A., Kydyrbayev M.K., et al. Analysis of agrometeorological conditions of the growing season 2020 and 2021 in Northern Kazakhstan: Features and measures of adaptation to climate change // Bulletin of Science of S. Seifullin Kazakh Agrotechnical University. – 2022.
34. Alimbaev T., et al. The beginning of virgin lands development in Pavlodar region and changes in soil cover // E3S Web of Conferences. – 2023.
35. Bettoni J.C., Wang M.R., Wang Q.C. In vitro regeneration, micropropagation and germplasm conservation of horticultural plants // Horticulturae. – 2024. – № 10 (1). – P. 38–45.
36. Suleiman A. Modeling the Effect of Planting Dates and Nitrogen Application Rates on Potatoes Water Productivity in Jordan Valley // American Journal of Plant Sciences. – 2022. – № 13. – P. 137–146.
37. Sharma N., Kumar N., James J., et al. Strategies for Successful Acclimatization and Hardening of In Vitro Regenerated Plants: Challenges and Innovations in Micropropagation Techniques // Plant Science Today. – 2023. – № 10 (Special Issue 2). – P. 90–97.
38. Li Y., et al. Climatic Zoning and Suitability Assessment for Potato Cultivation Based on Thermal Requirements and Agroclimatic Resources // Journal of Integrative Agriculture. – 2025.
39. Misgina N.A., Beshir H.M., Yohannes D.B., Gebreyohanes G.H. Growth, Yield, and Water Productivity of Potato Genotypes Under Supplemental and Non-Supplemental Irrigation in Semi-Arid Areas of Northern Ethiopia // Agronomy. – 2025. – № 15 (1). – P. 1–22.
40. Gainju A., Shrestha A.K., Manandhar S. Performance of promising potato clones for growth and yield characters in Bhaktapur, Nepal // North American Academic Research. – 2019. № 2. – P. 132–142.
41. Inayat S., Ullah A. Evaluating the Performance of Potato Genotypes Across Diverse Climatic Conditions // Am. J. Biol. Environ. Stat. – 2024. – № 10 (1). – P. 8–17.
42. Shad F., Muhammad Z.I., Abdul, K., et al. Consequence of high temperature under changing climate optima for rice pollen characteristics concepts and perspectives // Arch. Agron. Soil. Sci. – 2018. – № 64. – P. 1473–1488.
43. Zhunisova M.A., Baisholanov S.S. Assessment of the heat supply of the growing season in the Almaty region // Hydrometeorol. Ecol. – 2024. – № 3. – P. 40–50.
44. Kyrgyzbay K.T., Kakimzhanov E.K., Sagin J. Agro-climatic zoning of Almaty region using GIS technologies // News Natl. Acad. Sci. Repub. Kazakhstan. Phys.-Math. Ser. – 2022. № 2. – P. 76–91.
45. Araya A., Prasad P. V., Gowda P. H., et. al. Potential impacts of climate change factors and agronomic adaptation strategies on wheat yields in central highlands of Ethiopia // Clim. Change. – 2020. – № 159. – P. 461–479.
46. Jang S.J., Park H.H., Kuk Y.I. Application of various extracts enhances the growth and yield of cucumber (*Cucumis sativus* L.) without compromising the biochemical content // Agronomy. – 2021. – № 11. – P. 1–20.
47. Eid M. A., Abdel-Salam A. A., et al. Interaction effects of nitrogen source and irrigation regime on tuber quality, yield, and water Use efficiency of *Solanum tuberosum* L. // Plants. – 2020. – № 9. – P. 1–21.
48. Zakir M. Review on genotype environment interaction in plant breeding and agronomic stability of crops // Journal of Biology, Agriculture and Healthcare. – 2018. – № 8. – P. 14–21.
49. Haile B., Mohammed A., Woldegiorgis G. Effect of planting date on growth and Tuber yield of potato (*Solanum tuberosum* L.) varieties at Anderachadistrict, southwestern Ethiopia // International Journal of Research in Agricultural Sciences. – 2015. – № 2 (6). – P. 272–280.
50. Ahmed F., Mondal M. A., Akter M. B. Organic fertilizers effect on potato (*Solanum tuberosum* L.) tuber production in sandy loam soil // Int. J. Plant Soil Sci. – 2019. – № 29 (3). – P. 1–11.
51. Kumar Y., Singh R., Kumar A. Performance of SUBSTOR model on growth and yield of potato varieties under different planting dates in a sub-tropical environment // J. Agrometeorol. – 2021. – № 23. – P. 213–202.

Information about the authors

V.A. Zhidenko – corresponding author, doctoral student in «Biotechnology», Faculty of Agricultural Sciences, Toraighyrov University, Pavlodar, Kazakhstan; e-mail: yika_7625@mail.ru;
I.N. Anikina – professor, Candidate of agricultural sciences, Faculty of Agricultural Sciences, Toraighyrov University, Pavlodar, Kazakhstan; e-mail: anikina.i@mail.ru.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-235-245

УДК 633.2:631.582

МРНТИ 68.35.47.

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ КОРМОВЫХ АГРОФИТОЦЕНОЗОВ ДЛЯ ПАСТБИЩ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Темирбулатова А.К.^{1*}, Усеинов А.А.^{1*}, Карманов Р.М.¹

^{1*}НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: ozon_89@mail.ru

Аннотация

Создание устойчивой кормовой базы является одним из ключевых факторов развития животноводства в условиях Северного Казахстана. В лесостепной зоне региона естественные пастбища характеризуются низкой продуктивностью вследствие деградации травостоя, недостаточного содержания ценных кормовых видов и нерационального использования угодий. Цель исследования заключалась в оценке продуктивности и кормовой ценности различных кормовых агрофитоценозов из многолетних бобовых и злаковых трав для сенокосного и пастбищного использования. Исследования проводились в 2024–2025 гг. на производственных полях ТОО «Сервис-ЖАРС» в Кызылжарском районе Северо-Казахстанской области. В опыте изучали девять вариантов агрофитоценозов, включающих одновидовые посевы и многокомпонентные травосмеси. Учитывались показатели высоты растений, густоты стояния, урожайности зелёной и сухой массы, а также питательной ценности кормов. Установлено, что наибольшей продуктивностью характеризовались бобово-злаковые агрофитоценозы. Максимальный урожай зелёной массы на втором году жизни сформировала травосмесь «Грин Лайн Альфа Протеин» (Люцерна синяя 75% + овсяница тростниковая 25%) – 191,2 ц/га зелёной и 49,3 ц/га сухой массы, что в 4,4 раза превышало показатели естественного пастбища. Высокие результаты также получены у травосмесей «Райграс многоукосный + Люцерна синяя» и «Эспарцет песчаный + фестулолиум + Тимофеевка луговая». Полученные данные подтверждают перспективность использования бобово-злаковых агрофитоценозов для повышения продуктивности пастбищ и укрепления кормовой базы животноводства Северного Казахстана.

Ключевые слова: кормовые агрофитоценозы; многолетние травы; бобово-злаковые смеси; пастбища; урожайность; кормовая ценность; Северный Казахстан; Люцерна синяя.

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРМАНДЫ ДАЛА АЙМАҒЫНДА ЖАЙЫЛЫМДАР ҮШІН АЗЫҚТЫҚ АГРОФИТОЦЕНОЗДАРДЫ ӘЗІРЛЕУ ЖӘНЕ ЕНГІЗУ

Темирбулатова А.К.^{1*}, Усеинов А.А.^{1*}, Карманов Р.М.¹

^{1*}«Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: ozon_89@mail.ru

Аңдатпа

Тұрақты жемшөп базасын қалыптастыру Солтүстік Қазақстан жағдайында мал шаруашылығын дамытудың негізгі факторларының бірі болып табылады. Өңірдің орманды-дала аймағындағы табиғи жайылымдар шөптесін жамылғының тозуы, құнды малазықтық өсімдіктер үлесінің төмендігі және жер ресурстарын тиімсіз пайдалану салдарынан төмен өнімділікпен сипатталады. Зерттеудің мақсаты – шабындық және жайылымдық мақсатта пайдаланылатын көпжылдық бұршақ және астық тұқымдас шөптерден құралған әртүрлі малазықтық агрофитоценоздардың өнімділігі мен азықтық құндылығын бағалау.

Далалық тәжірибелер 2024–2025 жылдары Солтүстік Қазақстан облысы Қызылжар ауданындағы «Сервис-ЖАРС» ЖШС өндірістік алқаптарында жүргізілді. Зерттеуде бір түрден және көп компонентті шөп қоспаларынан тұратын тоғыз агрофитоценоз нұсқасы қарастырылды. Өсімдік биіктігі, сабақ жиілігі, жасыл және құрғақ масса өнімділігі, сондай-ақ азықтың қоректік құндылығы анықталды.

Зерттеу нәтижелері бойынша бұршақ-астық тұқымдас агрофитоценоздар ең жоғары өнімділік көрсетті. Екінші жылы «Green Line Alpha Protein» шөп қоспасы (75% жоңышқа (*Medicago sativa* L.) + 25% қамыс бетегесі (*Festuca arundinacea* Schreb.)) ең жоғары өнім қалыптастырып, 191,2 ц/га жасыл масса және 49,3 ц/га құрғақ зат берді, бұл табиғи жайылым бақылау нұсқасынан 4,4 есе жоғары болды. Сонымен қатар «Көп орылатын райграсс (*Lolium multiflorum* Lam.) + жоңышқа (*Medicago sativa* L.)» және «Құмдақ эспарцет (*Onobrychis viciifolia* Scop.) + фестулолиум + шалғындық атқонақ (*Phleum pratense* L.)» қоспалары да жоғары өнімділік көрсетті.

Алынған нәтижелер Солтүстік Қазақстан жағдайында жайылым өнімділігін арттыру және мал шаруашылығының жемшөп базасын нығайту үшін бұршақ-астық тұқымдас агрофитоценоздарды пайдаланудың тиімділігін дәлелдейді.

Кілт сөздер: малазықтық агрофитоценоздар; көпжылдық малазықтық шөптер; бұршақ-астық тұқымдас қоспалар; жайылымдар; өнімділік; азықтық құндылық; Солтүстік Қазақстан; көк жоңышқа.

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF FEED AGROPHYTOCENOSES FOR PASTURES IN THE FOREST-STEPPE ZONE OF NORTHERN KAZAKHSTAN

Temirbulatova A.K.¹, Useinov A.A.^{1*}, Karmanov R.M.¹

^{1*}Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan

*Corresponding author: ozon_89@mail.ru

Abstract

The development of a sustainable forage base is one of the key factors for livestock production in Northern Kazakhstan. In the forest-steppe zone of the region, natural pastures are characterized by low productivity due to grassland degradation, insufficient presence of valuable forage species, and irrational land use practices. The aim of this study was to evaluate the productivity and forage value of various forage agrophytocenoses composed of perennial legume and grass species intended for haymaking and pasture use. Field experiments were conducted during 2024–2025 on the production fields of “Service-ZHARS” LLP located in the Kyzylzhar district of the North Kazakhstan region. Nine agrophytocenosis variants, including monocultures and multi-component grass mixtures, were studied. Plant height, stand density, green and dry biomass yield, and forage nutritional value were assessed. The results showed that legume-grass agrophytocenoses demonstrated the highest productivity. The “Green Line Alpha Protein” mixture (75% alfalfa *Medicago sativa* L. + 25% tall fescue *Festuca arundinacea* Schreb.) produced the highest yield in the second year of growth, reaching 191.2 c/ha of green biomass and 49.3 c/ha of dry matter, which was 4.4 times higher than that of the natural pasture control. High productivity was also recorded for the mixtures “Italian ryegrass (*Lolium multiflorum* Lam.) + alfalfa (*Medicago sativa* L.)” and “sainfoin (*Onobrychis viciifolia* Scop.) + festulolium + timothy grass (*Phleum pratense* L.)”. The obtained results confirm the prospects of using legume-grass agrophytocenoses to improve pasture productivity and strengthen the forage base of livestock farming in Northern Kazakhstan.

Keywords: forage agrophytocenoses; perennial forage grasses; legume-grass mixtures; pastures; productivity; forage value; Northern Kazakhstan; blue alfalfa.

Введение

Обеспечение стабильного и высококачественного снабжения кормами является необходимым условием для устойчивого и экономически эффективного животноводства, однако остаётся актуальной проблемой во многих регионах мира, включая Казахстан (Fuglie et al., 2021; Stybayev et al., 2025). Глобально пастбищные экосистемы испытывают возрастающее давление в результате перевыпаса, деградации

земель и изменчивости климата, что снижает их продуктивность и кормоёмкость (Cherlet et al., 2018; Godde et al., 2020).

В Казахстане проблема особенно остра в лесостепной зоне Северо-Казахстанской области, где по различным оценкам от 20% до 60% пастбищных угодий находятся в состоянии деградации в результате чрезмерного выпаса, нарушений режимов использования и недостаточных мер по восстановлению (Shayakhmetova et al., 2024). Общий объём производства кормов по стране в целом примерно в два раза ниже установленных зоотехнических норм. Около 48% пастбищных угодий не используются из-за отсутствия источников воды (МСХ РК, 2021).

Естественные пастбища Северного Казахстана дают всего 0,1–0,2 т га⁻¹ сухой биомассы, что крайне недостаточно для продуктивного животноводства (Stybayev et al., 2021; Issanova et al., 2020). Одним из наиболее перспективных подходов к решению проблемы дефицита кормов является создание специально сформированных кормовых агрофитоценозов на основе высокопродуктивных многолетних и однолетних видов. Смешанные посевы бобовых и злаковых культур повышают как урожайность, так и питательную ценность корма за счёт улучшенного азотного круговорота и более эффективного использования ресурсов среды (Helgadottir et al., 2018; Luo et al., 2024).

Научная новизна работы состоит в комплексной оценке различных вариантов смеси многолетних кормовых трав, адаптированных к почвенно-климатическим условиям лесостепи Северного Казахстана, включая апробацию ранее изученных сочетаний культур как для сенокосного использования, так и для системы огораживаемых пастбищ. Практическая значимость заключается в разработке научно обоснованных рекомендаций по созданию высокопродуктивных травостоев, включающих сроки посева, методы ухода за растениями и последующей уборки, позволяющих снизить зависимость от внешних факторов среды, импортной продукции и повысить самообеспеченность животноводческих предприятий.

Цель исследования – научно обоснованная оценка эффективных технологий создания высокопродуктивных кормовых агрофитоценозов из многолетних кормовых культур, для огораживаемых пастбищ в лесостепной зоне Северного Казахстана.

Литературный обзор

Разработка устойчивых кормовых систем является широко изучаемой темой в контексте глобальных вызовов продовольственной безопасности, деградации земель и изменения климата (Kikstra et al., 2022; Zucca et al., 2021). Смешанные кормовые травостои, особенно бобово-злаковые смеси, неизменно демонстрируют превосходство над чистыми посевами злаков по продуктивности биомассы, питательной ценности и экологической устойчивости (Wang et al., 2024; Tahir et al., 2022).

Бобовые виды – Люцерна синяя синяя (*Medicago sativa* L.) и Эспарцет песчаный (*Onobrychis viciifolia* Scop.) – обеспечивают биологическую фиксацию атмосферного азота, снижая потребность в минеральных удобрениях и одновременно повышая почвенное плодородие (Luo et al., 2024; Nokusheva et al., 2025). В смешанных посевах со злаками зафиксированный бобовыми азот передаётся к незакрепляющим видам по механизму «источник-сток», снимая азотный стресс и стимулируя вегетативный рост (Jensen, 1996). Мировые и региональные исследования подтверждают, что разнообразные кормовые агрофитоценозы обеспечивают на 20–50% более высокие урожаи по сравнению с природными пастбищами в схожих климатических условиях (Wang et al., 2019; Yan et al., 2021).

В специфическом контексте Казахстана Stybayev et al. (2021) показали низкую продуктивность природных пастбищ в северном регионе – 0,1–0,2 т га⁻¹ сухой биомассы. Исследования Shayakhmetova et al. (2024) подтвердили потенциал зелёного конвейера на основе высокоурожайных кормовых культур для преодоления сезонного дефицита кормов. Копоріанов et al. (2024) показали, что интенсивные технологии возделывания в условиях засушливых районов Северного Казахстана могут обеспечить стабильные урожаи кормов. Исследования в Западной Сибири и соседних степных регионах России подтверждают эффективность бобово-злаковых смесей (Люцерна синяя + кострец, Эспарцет песчаный + кострец) в условиях континентального климата (Дмитриев, 2013; Насиев, 2013).

Из злаковых видов, используемых в данном исследовании, особого внимания заслуживают следующие: райграсс многоукосный (*Lolium multiflorum* Lam.) отличается быстрым начальным ростом и высокой продуктивностью биомассы, однако имеет ограниченную зимостойкость в условиях резкоконтинентального климата (Hulke et al., 2008). Овсяница тростниковая (*Festuca arundinacea* Schreb.) характеризуется засухоустойчивостью и длительной персистентностью (Faji et al., 2021). Житняк гребенчатый (*Agropyron cristatum* (L.) Gaertn.) отличается медленным начальным развитием, но высокой долгосрочной персистентностью и засухоустойчивостью (Smoliak et al., 1967). Фестулолиум – гибридный злак, сочетающий засухоустойчивость райграсса с морозостойкостью овсяницы, что особенно ценно для северных регионов (Shayakhmetova et al., 2024).

Несмотря на наличие множества работ, показывающих эффективность бобово-злаковых смесей, региональные экспериментальные данные с описанием конкретных почвенно-климатических условий зоны Северного Казахстана являются хорошей базой для местных сельхозтоваропроизводителей. Исследование по девяти кормовым агрофитоценозам выявило лучшие схемы на протяжении ряда лет исследований, что позволит применять оптимальное решение в организации процессов кормопроизводства.

Материалы и методы исследования

Опыты проводились в 2024–2025 гг. на производственных полях ТОО «Сервис-ЖАРС», расположенных в Кызылжарском районе Северо-Казахстанской области (GPS: 54°41'36"с.ш., 69°14'05"в.д.), в 37 км к югу от г. Петропавловска. Почва опытного участка представлена чернозёмом выщелоченным среднесуглинистого гранулометрического состава. Содержание гумуса в пахотном слое составляет 7,44%, что соответствует среднеобеспеченным почвам лесостепной зоны Северного Казахстана. Реакция почвенного раствора слабощелочная и щелочная (рН 8,07–8,80). Обеспеченность доступным азотом (15,18 мг/кг) и подвижным фосфором (11,14 мг/кг) характеризуется как низкая, тогда как содержание обменного калия (477 мг/кг) является высоким. Почвенные условия опытного участка являются типичными для лесостепной зоны Северного Казахстана и позволяют объективно оценить продуктивность изучаемых кормовых агрофитоценозов.

Были заложены две схемы полевого опыта. В первой схеме включала семь кормовых агрофитоценозов для сенокосного использования. Во второй схеме оценивалось пять травосмесей многолетних трав для огораживаемых пастбищ. Площадь делянки – 3×10–30 м, ширина защитных полос – 3 м, расположение делянок систематическое, повторность трёхкратная.

В качестве основной обработки почвы выполнялась вспашка плугом ПЛН-3-35 на глубину 23–25 см в конце сентября. Предпосевная обработка заключалась в двукратном

бороновании тяжёлыми зубовыми боронами БЗТС-1,0 и культивацию почво фрезой на глубину 10–12 см. Посев проведён во второй декаде мая (24.05.2024 г.) дисковой сеялкой Haybaster 107С на глубину 2–5 см. Нормы высева представлены в таблице 1.

Таблица 1. Нормы высева и состав кормовых агрофитоценозов

№	Агрофитоценоз / травосмесь	Компонент 1 (кг/га)	Компонент 2 (кг/га)	Компонент 3 (кг/га)
1	Естественный травостой (контроль)	—	—	—
2	Эспарцет песчаный + Житняк гребенчатый	50	10	—
3	Райграс многоукосный + Люцерна синяя	12	12	—
4	Кострец безостый	20	—	—
5	Житняк гребенчатый	12	—	—
6	Райграс многоукосный + Райграс однолетний	12	28	—
7	Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая	40–58	6	6
8	Грин Лайн Альфа Протеин: Люцерна синяя 75% + Овсяница тростниковая 25%	12	12–18	—
9	Грин Лайн Основа: Райграс пастбищный 30% + Овсяница 50% + Ежа сборная 20%	12	18	10

Фенологические наблюдения проводились согласно методике ВНИИ кормов им. В.Р. Вильямса (1987). Фаза фиксировалась достижении у не менее чем у 75% растений. Высота растений измерялась рулеткой по диагонали делянки. Показатель густота стояния определялась подсчёта растений с рамки 0,25 м² с последующим пересчетом на 1 м². Для определения продуктивности травостоя учитывалась урожайность зелёной массы, которая учитывалась укосным методом на трёх площадках 1 м². Высота среза 5–7 см в фазу начала колошения злаков и бутонизации бобовых, для определения содержания сухого вещества образцы доставлялись в лабораторию, где определялось высушивались при 65°C до постоянной массы.

Основные показатели питательной ценности: сырой и переваримый протеин, обменная энергия, кормовые единицы определялась на анализаторе FOSS в аккредитованной лаборатории. Метеорологические данные были проанализированы на основе данных Казгидромета. Для оценки достоверности различий использован дисперсионный анализ, а в таблице 4 приведено значение НСР₀₅ по основному хозяйственно ценному признаку – урожайности сухой массы.

Результаты

В годы исследований метеорологические условия были благоприятными. Сумма годовых осадков составила 483 мм в 2024 г. и 493 мм в 2025 г. соответственно, что существенно превышает среднемноголетний показатель в зоне исследований- 387 мм. Раннее отрастания - 10 апреля, что на 8–10 дней раньше нормы в 2025 году зафиксировано за счет более благоприятным тепловым режимом весны, что положительно сказалось на развитии травостоев.

Показатель высоты растений в 2024 года в варианте естественного травостоя (контроль) составила 36,1 см.

Таблица 2. Высота растений и густота стояния кормовых агрофитоценозов

Агрофитоценоз	Высота, см		Густота, шт/м ²	
	2024	2025	2024	2025
Контроль	36,1	64,5	312,5	320,5
Эспарцет песчаный + Житняк гребенчатый	40,2	89,8	104,7	63,6
Райграс + Люцерна синяя	59,5	93,7	238,3	156,0
Кострец	54,0	139,2	206,9	194,2
Житняк гребенчатый	23,1	113,1	163,1	172,9
Райграс мн. + Райграс однол.	35,3	77,4	246,2	173,4
Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая	65,8	110,8	344,1	369,7
Грин Лайн Альфа Протеин	64,9	91,8	319,2	337,4
Грин Лайн Основа	45,7	72,8	323,4	361,4

Наибольшие показатели высоты отмечены в смесях Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая - 65,8 см, Грин Лайн Альфа Протеин - 64,9 см и Райграс многоукосный + Люцерна синяя – 59,5 см, что может быть объяснено положительным вкладом бобовых компонентов в развитие травостоя.

Наименьшая высота среди смесей зафиксирована для Райграс многолетний + Райграс однолетний – 35,3 см, что можно рассматривать как следствие отсутствия бобовых и видовой конкуренции обоих злаковых компонентов.

Значительный прирост высоты в 2025 года отмечен во всех вариантах опыта. Максимальное значение отмечено у костреца безостого – 139,2 см, что отражает высокий потенциал отрастания на втором году жизни. Житняк гребенчатый достиг 113,1 см при высоте всего 23,1 см в 2024 г., что соответствует его биологическим особенностям медленного начального развития со значительным ростом продуктивности на второй год. Высота естественного травостоя, выступавшего в качестве контроля- возросла до 64,5 см. таблица 2 Все различия между вариантами в рамках каждого года были статистически значимы (критерий Тьюки, $p < 0,05$).

Густота стояния. В 2024 г. наибольшая густота стояния зафиксирована в смеси Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая и составила 344,1 шт/м², затем следуют травосмесь Грин Лайн Основа 323,4 шт/м² и Грин Лайн Альфа Протеин - 319,2 шт/м², что можно связать с комплементарными межвидовыми взаимодействиями, стимулирующими кущение. Наименьшая густота – в варианте Эспарцет песчаный + Житняк гребенчатый – 104,7 шт/м², что вероятнее всего обусловленная медленным первоначальным развитием Житняк гребенчатый. В 2025 г. Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая аналогично прошлого года показал максимальную густоту 369,7 шт/м², а наиболее выраженное изреживание произошло в Райграс многолетний + Райграс однолетний (173,4 шт/м²) – что может быть обусловлено выпадением однолетнего компонента (райграс однолетний) после первого вегетационного сезона.

Урожайность зелёной и сухой массы. Продуктивность естественного травостоя, как контроль составила 30,4 ц/га зелёной массы и 16,8 ц/га сухого вещества в 2024 г. Бобово-злаковые агрофитоценозы превосходили злаковые варианты. Результаты приведены в таблице 3.

Таблица 3. Урожайность зелёной и сухой массы кормовых агрофитоценозов,
2024–2025 гг., ц/га

Агрофитоценоз	Зеленая масса		Сухая масса	
	2024	2025	2024	2025
Контроль	30,4	35,6	16,8	19,6
Эспарцет песчаный + Житняк гребенчатый	108,5	149,7	28,2	39,2
Райграс + Люцерна синяя	193,5	196,6	51,2	52,4
Кострец	77,9	83,7	20,5	22,1
Житняк гребенчатый	21,2	62,8	5,4	20,1
Райграс мн. + Райграс однол.	122,1	85,6	31,4	22,2
Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая	169,7	179,8	44,8	48,9
Грин Лайн Альфа Протеин	182,9	191,2	46,8	49,3
Грин Лайн Основа	83,7	165,7	22,0	42,9

В 2024 году смесь Райграс + Люцерна синяя достигла наибольшего урожая зелёной массы – 193,5 ц/га и сухого вещества – 51,2 ц/га, превысив контроль на 161,6 и 33,6 ц/га соответственно., а 2025 году - 196,6 ц/га зелёной и - 52,4 ц/га сухой массы соответственно. Смесь Грин Лайн Альфа Протеин показала сопоставимо высокие результаты – 191,2 и 49,3 ц/га в 2025 г. Наиболее выраженный относительный прирост урожая между годами продемонстрировал Житняк гребенчатый с 21,2 до 62,8 ц/га, что полностью соответствует его биологическим особенностям.

Урожайность травосмесей для огораживаемых пастбищ. Результаты по травосмесям второго года вегетации приведены в таблице 4. Травосмесь Грин Лайн Альфа Протеин (Люцерна синяя 75% + овсяница тростниковая 25%) показала наибольшую продуктивность: 191,2 ц/га зелёной и 49,3 ц/га сухой массы, превысив контроль в 4,4 раза по зелёной массе.

Таблица 4. Урожайность и энерго-протеиновая ценность травосмесей
для огораживаемых пастбищ, 2025 г. (2-й год вегетации)

Вариант	Зел. масса, ц/га	Сухая масса, ц/га	Корм. ед., ц/га	Перев. протеин, ц/га	ОЭ, ГДж/га
Естественные пастбища (контроль)	35,6	19,6	8,82	0,97	13,23
Житняк гребенчатый + Эспарцет песчаный	106,9	27,7	13,10	1,75	18,48
Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая	179,8	48,9	22,54	2,78	31,42
Грин Лайн Альфа Протеин	191,2	49,3	23,17	2,81	32,19
Грин Лайн Основа	165,7	42,9	19,73	2,27	32,16
НСР ₀₅	—	5,0	—	—	—

Фенологическое развитие и схема использования. Продолжительность вегетационного периода на втором году жизни составила 54–80 дней у вариантов огораживаемых пастбищ, на первом году – 71–93 дня. Наиболее ранняя готовность к стравливанию во втором году отмечена для Грин Лайн Основа 54 дня. Полученные данные позволяют разрабатывать схему поочерёдного использования пастбищных загонов, обеспечивающих два цикла стравливания за сезон, отдых при этом составит не менее 30–35 дней.

Питательная ценность. Химический анализ проводился на анализаторе FOSS, результаты представлены в таблице 5. Химический анализ показал, что существенно превосходили контроль по содержанию сырого протеина поскольку естественный травостой представлен преимущественно злаковыми- ковылью и типчаком. Наибольшее содержание отмечено в варианте Житняк гребенчатый + Эспарцет песчаный: 109,35 г/кг и 63,28 г/кг соответственно во 2-м году жизни. Наибольшую обменную энергию в расчёте на единицу площади обеспечила смесь Грин Лайн Основа 6,97–7,03 МДж/кг соответственно. Лидером по сбору переваримого протеина с гектара получено в варианте Райграс + Люцерна синяя: 3,04–3,28 ц/га, что обусловлено сочетанием высокой урожайности и повышенного содержания протеина в бобовом компоненте.

Таблица 5. Питательность травосмесей для огораживаемых пастбищ
(2-й год вегетации, 2025 г.)

Вариант	Сырой протеин, г/кг	Перев. протеин, г/кг	ОЭ, МДж/кг	ЭКЕ	Корм. ед.
Контроль	91,0	49,49	6,75	0,68	0,45
Житняк гребенчатый + Эспарцет песчаный	105,28	61,13	6,52	0,65	0,47
Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая	99,21	57,21	6,41	0,64	0,47
Грин Лайн Альфа Протеин	97,42	54,48	6,32	0,63	0,47
Грин Лайн Основа	90,71	51,60	6,97	0,70	0,46

Обсуждение

Результаты настоящего исследования подтверждают и дополняют мировой опыт, свидетельствующий о преимуществах бобово-злаковых агрофитоценозов перед злаковыми монокультурами и природными пастбищами (Helgadottir et al., 2018; Luo et al., 2024; Wang et al., 2024). Стабильное превосходство вариантов Райграс многоукосный + Люцерна синяя, Грин Лайн Альфа Протеин и Эспарцет песчаный + Фестулолиум + Тимофеевка луговая за годы исследований обусловлено прежде всего биологической фиксацией азота бобовыми компонентами, а также взаимодополняющим использованием ресурсов видами с различными корневыми системами и фенологическими ритмами (Jensen, 1996; Yan et al., 2021).

Увеличение высоты растений во всех вариантах в 2025 г. по сравнению с 2024 г. отражает ожидаемый характер развития многолетних кормовых видов, для которых второй год типично характеризуется интенсивным кущением и накоплением надземной биомассы (Faji et al., 2021; Shamanin et al., 2021). Благоприятные для роста и развития условия -тёплая и влажная погода весной 2025 года способствовало более раннему старту вегетации, по всей видимости, ускорили этот переход. Наиболее выраженный межгодовой прирост отмечен у Житняк гребенчатый + гребенчатого, что согласуется с его биологическими характеристиками медленного развития (Smoliak et al., 1967).

Снижение продуктивности смеси райграс многолетний + райграс однолетний в 2025 году было ожидаемым: однолетний компонент (райграс однолетний) естественно выпадает после первого вегетационного сезона, что ведёт к снижению густоты стояния и урожайности. Однако, как покровная культура в первый год жизни эта смесь отлично зарекомендовала себя. Это свидетельствует о том, что кормовые смеси для многолетнего использования не должны включать однолетние компоненты без надёжного механизма их замещения (Tahir et al., 2022).

В системе огораживаемых пастбищ высокими показателями кормовой ценности характеризовались все изученные бобово-злаковые травосмеси. Максимальное содержание сырого и переваримого протеина отмечено в варианте «Житняк гребенчатый + эспарцет песчаный», тогда как наибольшая обменная энергия была получена в травосмеси «Грин Лайн Основа». Вместе с тем вариант «Грин Лайн Альфа Протеин» обеспечил наибольший выход кормовых единиц и переваримого протеина с единицы площади благодаря высокой урожайности зелёной и сухой массы. Это свидетельствует о высокой эффективности включения люцерны синей в состав кормовых агрофитоценозов для пастбищного использования. Включение бобовых в состав травосмесей также экологически целесообразно: фиксация азота снижает потребность в удобрениях и улучшает долгосрочное почвенное плодородие (Jensen & Eriksen, 2022; Luo et al., 2024).

Закключение

Кормовые агрофитоценозы бобово-злаковых смесей существенно превышают природный травостой по продуктивности и питательной ценности в лесостепной зоне Северного Казахстана, за счет включения хозяйственно ценных кормовых культур. Продуктивными агрофитоценозами в годы исследований стали: райграс многоукосный + Люцерна синяя синяя –196,6 ц/га зелёной и 52,4 ц/га сухой массы во втором году; Люцерна синяя синяя + овсяница тростниковая –191,2 и 49,3 ц/га соответственно; Эспарцет песчаный + фестулолиум + Тимофеевка луговая –179,8 и 48,9 ц/га.

Для огораживаемых пастбищ травосмесь Грин Лайн Альфа Протеин (Люцерна синяя 75% + овсяница тростниковая 25%) обеспечила наибольший урожай – 191,2 ц/га зелёной и 49,3 ц/га сухой массы на втором году вегетации. При этом выход кормовых единиц –23,17 ц/га и 2,81 ц/га переваримого протеина с гектара.

Полученные лучшие результаты – травосмеси райграс многоукосный + Люцерна синяя синяя, Люцерна синяя синяя + овсяница тростниковая и Эспарцет песчаный + фестулолиум + Тимофеевка луговая внедрены на полях базового хозяйства и подтвердили высокую экономическую и агротехническую эффективность. Данные травосмеси рекомендуются для внедрения в сельскохозяйственных предприятиях Северо-Казахстанской области для достижения высоких и стабильных урожаев кормов и создания прочной кормовой базы.

Этические аспекты

Данное исследование не предполагало участия людей или лабораторных животных в качестве объектов изучения. Полевые эксперименты проводились на сельскохозяйственных полях в соответствии со стандартной методикой исследований Республики Казахстан. Разрешений на работу с редкими или охраняемыми видами растений не требовалось.

Литература:

1. Cherlet, M., Hutchinson, C., Reynolds, J., Hill, J., Sommer, S., & Von Maltitz, G. (2018). World Atlas of Desertification. Publications Office of the European Union, Luxembourg. <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC113381>
2. Dmitriev, V.I. (2013). Ispolzovanie agrofitotsenozov mnogoletnih i odnoletnih kormovykh kultur v polevom kormoproizvodstve Zapadnoy Sibiri [Use of agrophytocenoses of perennial and annual forage crops in Western Siberia]. Dostizheniya nauki i tekhniki APK, 5, 43-44. (In Russ.)

3. Faji, M., Kebede, G., Feyissa, F., Mohammed, K., Minta, M., Mengistu, S., & Tsegahun, A. (2021). Evaluation of ten perennial forage grasses for biomass and nutritional quality. *Tropical Grasslands-Forrajes Tropicales*, 9, 292-299. [https://doi.org/10.17138/TGFT\(9\)292-299](https://doi.org/10.17138/TGFT(9)292-299)
4. Fuglie, K., Peters, M., & Burkart, S. (2021). The extent and economic significance of cultivated forage crops in developing countries. *Frontiers in Sustainable Food Systems*, 5, 712136. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2021.712136>
5. Godde, C.M., Boone, R.B., Ash, A.J., Waha, K., Sloat, L.L., Thornton, P.K., & Herrero, M. (2020). Global rangeland production systems and livelihoods at threat under climate change and variability. *Environmental Research Letters*, 15, 044021. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab7395>
6. Helgadottir, A., Suter, M., Gylfadottir, T.O., Kristjansdottir, T.A., & Luscher, A. (2018). Grass-legume mixtures sustain strong yield advantage over monocultures under cool maritime growing conditions. *Annals of Botany*, 122(3), 337-348. <https://doi.org/10.1093/aob/mcy046>
7. Hulke, B.S., Watkins, E., Wyse, D.L., & Ehlke, N.J. (2008). Freezing tolerance of selected perennial ryegrass accessions and its association with field winterhardiness. *Euphytica*, 163, 131-141. <https://doi.org/10.1007/s10681-007-9587-8>
8. Issanova, G., Saduakhas, A., Abuduwaili, J., Tynybayeva, K., & Tanirbergenov, S. (2020). Desertification and land degradation in Kazakhstan. *Science Journal of Pedagogy and Economics*, 5, 95-102. <https://journals.nauka-nanrk.kz/bulletinscience/article/view/829>
9. Jensen, E.S. (1996). Grain yield, symbiotic N₂ fixation and interspecific competition for inorganic N in pea-barley intercrops. *Plant and Soil*, 182, 25-38. <https://doi.org/10.1007/BF00010992>
10. Jensen, J.L., & Eriksen, J. (2022). Soil carbon sequestration potential of grass-clover leys: Effect of grassland proportion and organic fertilizer. *Geoderma*, 424, 116022. <https://doi.org/10.1016/j.geoderma.2022.116022>
11. Kikstra, J.S., Nicholls, Z.R.J., Smith, C.J., Lewis, J., Lamboll, R.D., Byers, E. et al. (2022). The IPCC Sixth Assessment Report WGIII climate assessment of mitigation pathways. *Geoscientific Model Development*, 15, 9075-9109. <https://doi.org/10.5194/gmd-15-9075-2022>
12. Konopianov, K., Anikina, I., Omarova, K., Arystangulov, S., Omarov, M., Tuganova, B., & Kabykenov, T. (2024). Enhancing the effectiveness of feed production in arid areas, Northern Kazakhstan. *Online Journal of Biological Sciences*, 24, 515-523. <https://doi.org/10.3844/ojbsci.2024.515.523>
13. Luo, C.L., Duan, H.X., Wang, Y.L., Liu, H.J., & Xu, S.X. (2024). Complementarity and competitive trade-offs enhance forage productivity in legume-grass intercropping. *Field Crops Research*, 319, 109642. <https://doi.org/10.1016/j.fcr.2024.109642>
14. Ministerstvo selskogo khozyaystva Respubliki Kazakhstan (MoA RK). (2021). Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya APK Respubliki Kazakhstan na 2021-2030 gody [On approval of the Concept of agro-industrial complex development of RK for 2021-2030]. *Postanovlenie Pravitelstva RK No. 960 ot 30 dekabrya 2021 g.* Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000960> (In Russ.)
15. Nasiyev, B.N. (2013). Formirovanie smeshannykh agrofytotsenozov kormovykh kultur v sukhoshey noy zone zapadnogo Kazakhstana [Formation of mixed forage agrophytocenoses in the dry steppe zone of western Kazakhstan]. *Vestnik KalmGU*, 1(17), 22-25. (In Russ.)
16. Nokusheva, Z.A., Kantarbayeva, Z.A., Zhaksalykov, R.A., Zhantleuov, D.A., & Isaeva, Z.B. (2025). Productivity of American alfalfa varieties under the conditions of Northern Kazakhstan. *Scientific and Practical Journal of ZKATU named after Zhanger Khan*, 3, 230-240. <https://doi.org/10.37421/2957-8892-2025-3-230>
17. Poudel, K., Sheaffer, C., Jungers, J.M., Weihs, B.J., Lamb, J.F.S. et al. (2024). Quantifying winter survival of alfalfa [*Medicago sativa* (L.)]. *Agronomy Journal*, 116, 170-179. <https://doi.org/10.1002/agj.2.21464>
18. Shamanin, A.A., Ivanov, S.V., Petrov, D.N., & Kuznetsova, E.V. (2021). Features of establishment of grass-legume mixed swards in the first year of growth. *Journal of Forage Science and Grassland Management*, 5, 45-54. <https://doi.org/10.17221/10/2021-JFSGM>
19. Shayakhmetova, A., Bakirov, A., Savenkova, I., Nasiyev, B., Akhmetov, M., Useinov, A. et al. (2024). Optimization of productivity of fodder crops with green conveyor system in the context of climate instability in the North Kazakhstan region. *Sustainability*, 16, 9024. <https://doi.org/10.3390/su16209024>
20. Shayakhmetova, A.S., Savenkova, I.V., Akhmetov, M.B., Temirbulatova, A.K., Useinov, A.A., Bakirov, A.E., & Nasiyev, B.N. (2026). Development of high-yield forage agrocenoses for sustainable livestock production in Northern Kazakhstan. *Agronomy*, 16, 620. <https://doi.org/10.3390/agronomy16060620>

21. Smoliak, S., Johnston, A., & Lutwick, L.E. (1967). Productivity and durability of crested wheatgrass in southeastern Alberta. *Canadian Journal of Plant Science*, 47, 539-548. <https://doi.org/10.4141/cjps67-097>
22. Stybayev, G., Zargar, M., Nasiyev, B., Batielenova, A., & Nogayev, A. (2025). Rotational pasture management for ameliorating productivity and feed value of vegetation, soil quality, and sustainability in dry steppe zone. *Online Journal of Biological Sciences*, 25, 209-218. <https://doi.org/10.3844/ojbsci.2025.209.218>
23. Stybayev, G., Serekpayev, N., Yancheva, H., Baitelenova, A., Nogayev, A., Khurmetbek, O., & Mukhanov, N. (2021). Succession dynamics, quality, and production in improved and natural pastures in Northern Kazakhstan. *Bulgarian Journal of Agricultural Science*, 27, 95-102. Retrieved from <https://www.agrojournal.org/27/01s-12.pdf>
24. Tahir, M., Li, C., Zeng, T., Xin, Y., Chen, C., Javed, H.H. et al. (2022). Mixture composition influenced the biomass yield and nutritional quality of legume-grass pastures. *Agronomy*, 12, 1449. <https://doi.org/10.3390/agronomy12061449>
25. Wang, T., Wang, B., Xiao, A., & Lan, J. (2024). Optimizing seeding ratio for legume forage to maximize system productivity and resource use efficiency in mixed cropping systems. *Agriculture*, 14, 1249. <https://doi.org/10.3390/agriculture14081249>
26. Wang, Y., Cadotte, M.W., Chen, Y., Fraser, L.H., Zhang, Y., Huang, F. et al. (2019). Global evidence of positive biodiversity effects on spatial ecosystem stability in natural grasslands. *Nature Communications*, 10, 3207. <https://doi.org/10.1038/s41467-019-11191-z>
27. Yan, Y., Connolly, J., Liang, M., Jiang, L., & Wang, S. (2021). Mechanistic links between biodiversity effects on ecosystem functioning and stability in a multi-site grassland experiment. *Journal of Ecology*, 109, 3370-3378. <https://doi.org/10.1111/1365-2745.13680>
28. Zucca, C., Middleton, N., Kang, U., & Liniger, H. (2021). Shrinking water bodies as hotspots of sand and dust storms. *Catena*, 207, 105669. <https://doi.org/10.1016/j.catena.2021.105669>

Information about the authors

A.A. Useinov – corresponding author, Master of Agricultural Sciences, Junior Researcher, Department of Agronomy and Forestry, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan, e-mail: ozon_89@mail.ru;

A.K. Temirbulatova – Master of Agricultural Sciences, Junior Researcher, Department of Agronomy and Forestry, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan, e-mail: akerke_007@mail.ru;

R.M. Karmanov – Master of Agricultural Sciences, Lecturer, Department of Agronomy and Forestry, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan, e-mail: rizabekkarmanov@mail.ru.

ТЕХНИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ /
TECHNICAL SCIENCES

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-246-252

УДК 631.348.45:62-52

МРНТИ 68.85.85

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ СИСТЕМ СТАБИЛИЗАЦИИ
ШТАНГ ШИРОКОЗАХВАТНЫХ ОПРЫСКИВАТЕЛЕЙ

Симонов А.Ю.^{1*}, Жумекенова З.Ж.¹

^{1*}НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: andrey85dj@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема совершенствования конструкции штанги полевого опрыскивателя, изготавливаемого на ТОО «AVAGRO» для повышения конкурентоспособности сельхозтехники. Обосновывается необходимость перехода от эмпирического проектирования к методам цифрового моделирования для обеспечения надежности и снижения металлоемкости изделий. Проведен анализ существующих типов систем стабилизации штанг (маятниковых, трапециевидных, активных), выявлены их недостатки и достоинства при работе на высоких скоростях и сложном рельефе.

Основное содержание работы посвящено предложению рациональной схемы расчетов на прочность, основанной на методе конечных элементов, для динамического расчета штанги опрыскивателя. Представлена последовательность построения конечно-элементной модели в специализированных программных комплексах. Результаты исследования подтверждают, что внедрение разработанного метода конечно-элементного анализа на этапе проектирования способствует снижению усталостных разрушений металла и уменьшению металлоемкости конструкции на 15–20% без потери прочностных характеристик.

Ключевые слова: опрыскиватель, метод конечных элементов, сельскохозяйственная техника, граничные условия.

КЕҢ ҰСТАҒЫШ БҮРІККІШТЕРДЕГІ ТҰРАҚТАНДЫРУ ЖҮЙЕЛЕРІН
ЕСЕПТЕУДІҢ ЗАМАНАУИ ТӘСІЛДЕРІ

Симонов А.Ю.^{1*}, Жумекенова З.Ж.¹

^{1*}«Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: andrey85dj@mail.ru

Аңдатпа

Мақалада ауыл шаруашылығы техникасының бәсекеге қабілеттілігін арттыру үшін "AVAGRO" ЖШС дайындайтын далалық бүріккіш штанганың конструкциясын жетілдіру мәселесі қарастырылады. Өнімдердің сенімділігін қамтамасыз ету және металл сыйымдылығын төмендету үшін эмпирикалық жобалаудан цифрлық модельдеу әдістеріне көшу қажеттілігі негізделді. Штангаларды тұрақтандыру жүйелерінің қолданыстағы түрлеріне талдау жүргізілді (маятник, трапеция, белсенді), олардың жоғары жылдамдықта және күрделі рельефте жұмыс істеудегі кемшіліктері мен артықшылықтары анықталды. Жұмыстың негізгі мазмұны бүріккіш штанганы динамикалық есептеу үшін ақырлы элементтер әдісіне негізделген беріктікті есептеудің ұтымды схемасын ұсынуға арналған. Арнайы бағдарламалық жасақтама кешендерінде ақырлы элемент моделін құру дәйектілігі ұсынылған. Зерттеу нәтижелері жобалау кезеңінде

ақырлы-элементтік талдаудың әзірленген әдісін енгізу металдың шаршау бұзылуын азайтуға және беріктік сипаттамаларын жоғалтпай құрылымның материал сыйымдылығын 15-20%-ға төмендетуге ықпал ететіндігін растайды.

Кілт сөздер: бүріккіш, соңғы элементтер әдісі, ауылшаруашылық техникасы, шекаралық шарттар.

MODERN APPROACHES FOR CALCULATING ROD STABILIZATION SYSTEMS FOR WIDE-AREA SPRAYERS

Simonov A.^{1*}, Zhumekenova Z.¹

^{1*}Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan

*Corresponding author: andrey85dj@mail.ru

Abstract

This article examines the need to improve the design of a field sprayer boom manufactured by AVAGRO LLC to enhance the competitiveness of agricultural machinery. It substantiates the need to transition from empirical design to digital modeling methods to ensure reliability and reduce metal consumption. An analysis of existing boom stabilization systems (pendulum, trapezoidal, and active) is conducted, identifying their advantages and disadvantages when operating at high speeds and in challenging terrain.

The main focus of the paper is on proposing a rational strength calculation scheme based on the finite element method for dynamic analysis of a sprayer boom. A procedure for constructing a finite element model in specialized software packages is presented. The results of the study confirm that implementing the developed finite element analysis method at the design stage helps reduce metal fatigue failure and decrease the material consumption of the structure by 15–20% without compromising strength characteristics.

Keywords: sprayer, finite element method, agricultural machinery, boundary conditions.

Введение

В настоящее время развитие современного сельского хозяйства неразрывно связано с повышением точности и эффективности технологических операций по внесению удобрений и средств защиты растений. В результате возникает необходимость в увеличении производительности техники для выполнения таких задач. Адаптация и реализация новых технических решений для дополнительных устройств при неизменной составляющей сельхозтехники приводит к созданию более производительных элементов. В качестве объекта исследования рассматривается широкозахватный опрыскиватель производства ТОО «AVAGRO» (Северо-Казахстанская область), общий вид которого представлен на рисунке 1. Данная машина предназначена для обработки значительных площадей сельскохозяйственных угодий за один проход и характеризуется высокой производительностью. Вместе с тем увеличение ширины захвата приводит к возникновению динамических колебаний штанги под воздействием неровностей рельефа и внешних факторов, что обуславливает необходимость разработки и совершенствования систем ее стабилизации.

При модернизации и увеличении ширины захвата изготавливаемых на предприятии опрыскивателей, например, с 24 до 36 метров и более, резко возрастает влияние динамических колебаний штанги на равномерность распределения препарата. В результате, незначительное отклонение основной несущей штанги в вертикальной или горизонтальной плоскости ведет к возникновению проблемы равномерного распыления и «ожогов» растений, а также появлению необработанных зон, что может повлечь за

собой снижение урожайности и нанести экономический ущерб фермерскому хозяйству [1].

Рисунок 1. Опрыскиватель полевой, используемый в условиях ТОО «AVAGRO»

Для современных отечественных предприятий, подобных ТОО «AVAGRO», вопрос импортозамещения и создания конкурентоспособной техники требует перехода от эмпирических методов проектирования к высокоточному цифровому моделированию с решением задач расчета прочности и обеспечения надежности машин и конструкций [2]. Самая главная проблема модернизации конструкции опрыскивателя заключается в следующем: штанга, являясь сложной пространственно-динамической системой, подвержена случайным возмущениям со стороны рельефа поля и кинематики трактора, которую не способны гасить амортизирующие системы. Исходя из проблемы определяется основная задача: внедрение современных методов численного моделирования динамического расчёта систем стабилизации штанг, основанных на использовании конечно-элементного анализа, решения вопросов динамики и имитационного моделирования, позволяющих прогнозировать напряжённо-деформированное состояние конструкции, оценивать устойчивость к случайным возмущениям и обеспечивать требуемые показатели прочности, надёжности и эксплуатационной эффективности широкозахватных опрыскивателей.

Материалы и методы исследования

Для решения задачи уменьшения вибраций/колебаний в устройстве опрыскивателя предусмотрена система стабилизации штанги, которая предназначена для гашения колебаний и поддержания параллельности штанги относительно поверхности почвы. Анализ показал, что в настоящее время в мировой инженерной практике выделяют несколько основных типов подвесок:

1. Маятниковые подвески – обеспечивают самовыравнивание под действием гравитации, но склонны к раскачиванию при резких поворотах.
2. Трапециевидные механизмы – позволяют лучше контролировать положение штанги на склонах, но требуют сложной системы демпфирования.
3. Комбинированные и активные системы – используют гидравлические или электротехнические приводы с ультразвуковыми датчиками.

Анализ изготавливаемых конструкций, применяемых на базе предприятия «AVAGRO», показывает современный подход к облегчению ферменной конструкции при сохранении жесткости (замена сложных агрегатов более простыми, облегчение конструкции и замена марок материала).

При увеличении скорости движения опрыскивателя стандартные узлы и сочленения становятся концентраторами напряжений, что неизбежно приводит к усталостному разрушению металлоконструкций. Как результат назревает вопрос учета динамических нагрузок на этапе эскизного проектирования [3].

Исторически расчет штанг проводился традиционными методами теоретической механики с использованием упрощенных балочных моделей. Однако такие модели не учитывают сложную геометрию, переменную массу жидкости в магистралях и свойства демпферных узлов. Что на современном этапе развития неизбежно приводит к решению задачи методом конечных элементов. Данный метод является наиболее универсальным, точным и проверенным инструментом для решения подобных задач. Исследования таких авторов, как Кьюри, Лангнакен и отечественных ученых, например, в работах **Научно-производственного центра агроинженерии** приводится статистика, что использование метода конечных элементов при проектировании сокращает металлоемкость на 15–20% без потерь прочности всей конструкции [4]. Математический аппарат метода базируется на фундаментальных принципах дискретизации сплошной среды, подробно описанных в классических трудах по вычислительной механике [5].

Основным расчетным уравнением в матричной форме при применении метода конечных элементов является использование формулы (1):

$$[M]\{\ddot{x}\} + [C]\{\dot{x}\} + [K]\{x\} = \{F(t)\} \quad (1)$$

где $[M]$, $[C]$, $[K]$ — матрицы массы, демпфирования и жесткости соответственно; $\{F(t)\}$ — вектор внешней динамической нагрузки.

Использование программных комплексов (SolidEdgeSimulation, ANSYS, или Femap) позволяет ТОО «AVAGRO» проводить следующие виды расчетов на прочность: статический, модальный и динамический анализ.

Для расчета конструкции опрыскивателя на прочность и для достижения точности моделирования динамических нагрузок штанги на базе чертежей ТОО «AVAGRO» была разработана расчетная модель, последовательность построения которой разделена на несколько этапов:

1. идеализация геометрии и создание сетки. На данном этапе трехмерная CAD-модель штанги упрощается для исключения второстепенных элементов (крепеж, декоративные элементы), не влияющих на общую жесткость.

2. задание граничных условий и свойств материалов. Материал конструкции принимается как изотропная упругая среда с заданными свойствами используемой стали. Вводится вектор гравитации ($g=9,81 \text{ м/с}^2$) и динамическая функция воздействия рельефа, задаваемая через спектральную плотность неровностей типичного поля Северо-Казахстанской области.

3. учет жидкостной фазы. Одной из особенностей модели является учет массы рабочего раствора в баке и магистралях. Жидкость моделируется как распределенная присоединенная масса, что позволяет корректно рассчитывать собственные частоты колебаний при разной степени заполнения емкости опрыскивателя.

4. математический аппарат решения. Для нахождения динамического отклика используется метод Ньюмарка, как метод прямого интегрирования уравнений движения по времени. Эта методика позволяет проследить траекторию каждой форсунки в режиме реального времени, опираясь на принятые методики, адаптированные для

сельскохозяйственных машин в современных работах по цифровизации агроинженерии, при наезде колеса опрыскивателя на единичное препятствие высотой до 100 мм [1]. Метод дает возможность получать детализированную картину колебательного процесса, оценивать динамические напряжения.

Разработанная расчетная модель обеспечивает комплексное рассмотрение конструктивных, инерционных и эксплуатационных факторов, определяющих динамическое функционирование штанги широкозахватного полевого опрыскивателя. Использование конечно-элементной идеализации в сочетании с корректным заданием граничных условий, учитывающих характеристики рельефа обрабатываемых полей Северо-Казахстанской области, а также включение массы рабочей жидкости в расчет, позволяет достоверно воспроизводить реальные режимы нагружения конструкции.

Результаты исследования

Полученные результаты создают основу для оптимизации конструкции опрыскивателя и его элементов, параметров систем стабилизации, выбора рациональных значений для конструкции и повышения её надежности в условиях случайных возмущений, что соответствует современным подходам к цифровому проектированию и импортозамещению сельскохозяйственной техники.

Дополнительно, применение метода конечных элементов обеспечивает детализированное моделирование напряженно-деформированного состояния штанги, а использование численной схемы Ньюмарка для интегрирования уравнений движения гарантирует адекватное описание динамических процессов при различных эксплуатационных режимах. Такой подход позволяет не только учитывать особенности конструкции и условий эксплуатации, но и формировать основу для оптимизации параметров опрыскивателя с целью повышения его надежности и долговечности.

В результате проведенных расчетов проводится анализ модельного ряда длин опрыскивателя, который приведен в таблице 1 с полученными данными, и показывает, что при увеличении ширины захвата обработки с 25 до 36 метров масса общей конструкции возрастает до 30%, что, в свою очередь, неизбежно ведет к экспоненциальному росту инерционных нагрузок.

Таблица 1. Сравнительная характеристика модельного ряда штанг опрыскивателей производства ТОО «AVAGRO»

Параметр сравнения	Штанга 25 м (базовая)	Штанга 32 м (средняя)	Штанга 36 м (широкозахватная)
Тип конструкции	Плоская / Объемная	Объемная	Объемная усиленная
Масса секций, кг	550	680	720
Количество степеней свободы подвеса	2	3	3 + гидрозамок
Тип стабилизации	Трапеция с амортизаторами	Механический маятник	Маятник с гидродемпфированием
Критическая скорость (резонанс), км/ч	12	10	8.5

Из таблицы видно, что у широкозахватных моделей (более 25 метров) наблюдается снижение порога резонансных частот, что указывает на низкую эффективность пассивной стабилизации и указывает на необходимость прецизионного расчета динамических параметров методом конечных элементов на этапе проектирования.

Обсуждение

При проектировании штанг для опрыскивания для условий северных регионов Казахстана, инженеры предприятия сталкиваются с необходимостью учета не только стандартных нагрузок, но и эксплуатационных особенностей, таких как большие посевные площади для обработки и высокая скорость движения транспорта по полю (до 40 км/ч).

Применение предложенного метода расчета на прочность узлов и конструкций опрыскивателя позволяет перейти к инновационному подходу в решении проблемы.

Для условий ТОО «AVAGRO» критически важным является расчет «вертикальной стабильности», т.е. колебаний перпендикулярных движению. Именно колебания штанги вызывают неравномерность дозирования рабочего раствора.

Заключение

Следовательно, в отличие от зарубежных аналогов, конструкции предприятия ТОО «AVAGRO» адаптированы под агрегатирование с тракторами тягового класса 2.0, что накладывает дополнительные ограничения на динамику навески.

Предлагаемая методика математического моделирования основана на последовательном применении расчетных процедур, включающих этапы дискретизации исследуемой области, формирование сеточной модели и постановку граничных условий, адекватных реальным эксплуатационным режимам. Использование метода конечных элементов обеспечивает возможность учета сложной геометрии конструкций, неоднородности материалов и нелинейных характеристик взаимодействия сред.

В рамках методики реализуется итерационный алгоритм, позволяющий поэтапно уточнять результаты моделирования и минимизировать погрешности за счет адаптивного изменения сетки и корректировки расчетных параметров. Такой подход обеспечивает высокую степень достоверности результатов расчетов на прочность и позволяет проводить виртуальные испытания в условиях, максимально приближенных к реальным.

В результате предлагаемая методика математического моделирования позволит сократить цикл натурных испытаний до 40% и повысить экологическую безопасность, за счет исключения «проливов» химикатов при резких колебаниях штанги опрыскивателя. Дополнительно, применение метода конечных элементов способствует формированию базы данных расчетных сценариев, которая может быть использована для оптимизации проектных решений и разработки регламентов безопасной эксплуатации технологического оборудования.

В ходе дальнейших исследований планируется модернизация конструкции штанги и подбора характеристик демпфирующих элементов предложенным методом, что позволит повысить производительность, надежность, долговечность и технологическую эффективность широкозахватных опрыскивателей, а также способствует решению задач импортозамещения и созданию конкурентоспособной техники и одновременно увеличить качество защиты посевов.

Литература:

1. Башилов, А.М. Цифровые методы проектирования динамических систем в агроинженерии // Сельскохозяйственные машины и технологии. – 2023. – № 2. – С. 12 – 18.
2. Техническая документация ТОО «AVAGRO». Отчеты о заводских испытаниях штанг опрыскивателей (2020 – 2024 гг.). – Петропавловск, 2024.
3. Адуов, М.А. Проектирование и расчет сельскохозяйственных машин: учебник / М.А. Адуов, Е.Ж. Каспаков. – Нур-Султан: КазАТУ им. С. Сейфуллина, 2021. – 245 с.
4. Kuri, M. Dynamic analysis of large scale sprayer booms using finite element method / M. Kuri, H. Langnakens // Journal of Agricultural Engineering Research. – 2022. - Vol. 45. – pp. 112–125.
5. Зенкевич, О.К. Метод конечных элементов в технике: Пер. с англ. / О.К. Зенкевич. – М.: Мир, 1975. – 541 с.

References:

1. Bashilov, A.M. Digital methods of designing dynamic systems in agroengineering // Agricultural machinery and technologies. – 2023. – No. 2. – pp. 12 – 18.
2. Technical documentation of AVAGRO LLP. Reports on factory tests of spray rods (2020-2024). Petropavlovsk, 2024.
3. Aduov, M.A. Design and calculation of agricultural machinery: textbook / M.A. Aduov, E.J. Kaspakov. – Nur-Sultan: KazATU named after S. Seifullin, 2021. – 245 p.
4. Kuri, M. Dynamic analysis of large scale sprayer booms using finite element method / M. Kuri, H. Langnakens // Journal of Agricultural Engineering Research. – 2022. – Vol. 45. – pp. 112 –125.
5. Zenkevich, O.K. Finite element method in engineering: Translated from English / O.K. Zenkevich. – M.: Mir, 1975. – 541 p.

Information about the authors

A.Y. Simonov – corresponding author, Master of Engineering and Technology, Department of Transport and Mechanical Engineering, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: andrey85dj@mail.ru.

Z.Zh. Zhumekenova – PhD, Lecturer, Department of Transport and Mechanical Engineering, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: zhumekenova82@mail.ru.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-253-265

УДК 681.5

МРНТИ 50.43.15

СИНТЕЗ МОДАЛЬНОГО РЕГУЛЯТОРА НА БАЗЕ ФОРМУЛЫ АККЕРМАНА ДЛЯ СИСТЕМЫ БЕЗ ПЕРЕРЕГУЛИРОВАНИЯ

Скакова А.Р.^{1*}, Газисов И.К.¹, Касимова Б.Р.¹, Сагнаева С.К.¹, Абдугулова Ж.К.¹

^{1*}Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

*Автор для корреспонденции: skakovaamina0@gmail.com

Аннотация

В данной работе произведен синтез модального регулятора для электропривода постоянного тока, описываемый линейной динамической моделью, заданной уравнениями в пространстве состояний. Научная новизна заключается в обоснованном выборе расположения вещественных полюсов ($p_1=-4$, $p_2=-5$, $p_3=-6$), который гарантирует апериодический переходный процесс с временем регулирования 1 с. Доказана возможность модального управления на основе критерия управляемости. Практическая значимость работы состоит в разработке методики устранения статической ошибки с применением формулы Аккермана (масштабирующий коэффициент $k_m = 2.67$) без изменения динамических свойств системы. Построена структурная схема в среде MATLAB/Simulink, получены и проанализированы переходные характеристики замкнутой системы.

Результаты подтвердили достижение нулевого перерегулирования и нулевой установившейся ошибки.

Ключевые слова: модальное управление, электропривод постоянного тока, формула Аккермана, размещение полюсов, линейные системы, управляемые системы.

ҚАЙТА РЕТТЕЛМЕГЕН ЖҮЙЕ ҮШІН АКЕРМАН ФОРМУЛАСЫНА НЕГІЗДЕЛГЕН МОДАЛЬДЫ РЕТТЕГІШТІҢ СИНТЕЗІ

Скакова А.Р.^{1*}, Газисов И.К.¹, Касимова Б.Р.¹, Сагнаева С.К.¹, Абдугулова Ж.К.¹

^{1*}Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: skakovaamina0@gmail.com

Аннотация

Бұл жұмыста күй кеңістігіндегі тендеулермен берілген сызықтық динамикалық модельмен сипатталатын тұрақты токтың электр жетегіне арналған модальды реттегіштің синтезі жасалды. Ғылыми жаңалық 1 с реттеу уақытымен апериодтық өтпелі процеске кепілдік беретін нақты полюстердің ($p_1=-4$, $p_2=-5$, $p_3=-6$) орналасуын негізделген таңдау. Жұмыстың практикалық маңыздылығы жүйенің динамикалық қасиеттерін өзгертумен Аккерман формуласын ($k_m = 2.67$ масштабтау коэффициенті) қолдана отырып, статикалық қатені жою әдістемесін жасаудан тұрады. MATLAB/Simulink ортасында құрылымдық схема құрылды, жабық жүйенің өтпелі сипаттамалары алынды және талданды.

Нәтижелер нөлдік қайта реттеуге және нөлдік тұрақты қатені қол жеткізуді растады.

Кілт сөздер: модальды басқару, Тұрақты ток электр жетегі, Аккерман формуласы, полюстерді орналастыру, сызықтық жүйелер, басқарылатын жүйелер.

**SYNTHESIS OF A MODAL REGULATOR BASED ON THE ACKERMANN
FORMULA FOR A SYSTEM WITHOUT OVERSHOOT**

A.R. Skakova^{1*}, I.K. Gazisov¹, B.R. Kasimova¹, S.K. Sagnaeva¹, J.K. Abdugulova¹

^{1*} *L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

**Author for correspondence: skakovaamina0@gmail.com*

Abstract

In this paper, a synthesis of a modal regulator for a DC electric drive is performed, described by a linear dynamic model given by equations in the state space. The scientific novelty lies in the reasoned choice of the location of the real poles ($p_1=-4$, $p_2=-5$, $p_3=-6$), which guarantees an aperiodic transient process with a control time of 1 s. The possibility of modal control based on the controllability criterion is proved. The practical significance of the work is to develop a method for eliminating static errors using the Ackermann formula (scaling factor $k_m = 2.67$) without changing the dynamic properties of the system. A block diagram has been constructed in the MATLAB/Simulink environment, and the transient characteristics of a closed system have been obtained and analyzed.

The results confirmed the achievement of zero overshoot and zero steady-state error.

Keywords: modal control, DC electric drive, Ackermann formula, pole placement, linear systems, controlled systems.

Введение

В настоящее время электроприводы постоянного тока занимают особое место в системах автоматического регулирования, широко применяемые в робототехнических комплексах, автоматизированных производственных линиях и системах точного позиционирования. Для подобных объектов необходимым требованием является обеспечение быстрого и аperiodического переходного процесса без перерегулирования, поскольку колебания скорости и управляющего воздействия могут привести к повышенным механическим нагрузкам, снижению точности работы системы и увеличению пусковых токов. В связи с этим применение модального управления с обратной связью по состоянию предоставляет практический интерес для синтеза регуляторов электропривода с заданными динамическими характеристиками. Модальное управление это один из наиболее эффективных инструментов настройки динамических свойств системы, основанное на целенаправленном размещении собственных значений матриц замкнутой системы.

Целью настоящего исследования является синтез модального регулятора для электропривода постоянного тока, обеспечивающего аperiodический переходный процесс с нулевым перерегулированием.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) проверить управляемость объекта по критерию Калмана;
- 2) рассчитать коэффициенты обратной связи по состоянию с использованием формулы Аккермана;
- 3) обеспечить нулевую статическую ошибку путём введения масштабирующего коэффициента;
- 4) провести имитационное моделирование в MATLAB/Simulink для верификации результатов;

Методы исследования: теория линейных систем, модальное управление, метод размещения полюсов (формула Аккермана), вычислительные методы в среде MATLAB.

Для вычисления коэффициентов обратной связи возможно применение формулы Аккермана, которая применяется без приведения модели к каноническому виду. Это условие позволяет отнести формулу Аккермана к универсальному методу, применимому в построении регуляторов. В данной статье рассматривается синтез регулятора для апериодического переходного процесса (0% без перерегулирования), что является наиболее желанным режимом при управлении инерционными объектами. Модель пространства состояний описывается двумя основными уравнениями и включает четыре матрицы, описывающие динамику системы: матрица A - матрица состояний, описывающая динамику системы; матрица B - матрица входа, описывающая влияние входного сигнала на изменения состояния системы; матрица C - матрица выхода, связывающая состояние системы с выходными данными; матрица D - матрица прямой связи, связывающая вход с выходом.

Методы исследования

Теоретические основы модального управления

Функция Аккермана - это тотально вычислимая функция натуральных аргументов, введенная В. Аккерманом в рамках исследований программы Гильберта [1, 2]. Она стала первым явным примером функции, которая является вычислимой, но не принадлежит классу примитивно-рекурсивных функций [3].

Общее уравнение линейной системы имеет вид (1):

$$\dot{x}(t) = Ax(t) + Bu(t), y(t) = Cx(t) \quad (1)$$

где: $\dot{x}(t)$ - производная вектора состояния по времени (размерность $n \times 1$); $x(t)$ - вектор состояния системы ($n \times 1$); $u(t)$ - управляющий сигнал (скаляр или вектор $m \times 1$); $y(t)$ - выходной сигнал (скаляр $p \times 1$); A - матрица состояния ($n \times n$), описывает внутреннюю динамику; B - матрица входа ($n \times m$), определяет влияние управления на состояние; C - матрица выхода ($p \times n$), связывает состояние с выходом.

На рисунке 1 представлена структурная схема системы без обратной связи:

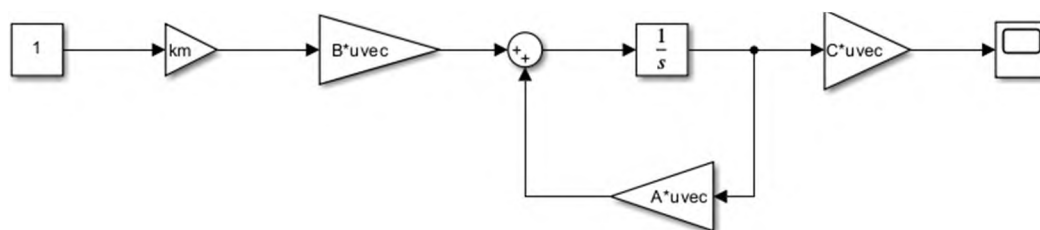

Рисунок 1. Структурная схема исходной системы в пространстве состояний

Элементы схемы: блок "Integrator" - интегрирование скорости изменения состояния для получения вектора $x(t)$; блоки "A", "B", "C" - матричные усиления; блок " $u(t)$ " - входное напряжение (управление); блок " $y(t)$ " - выход (скорость).

При введении обратной связи (2):

$$u(t) = -Kx(t) \quad (2)$$

где: $u(t)$ - управление; K - матрица (вектор-строка) коэффициентов обратной связи по состоянию размерности $1 \times n$ (для скалярного управления); $x(t)$ - вектор состояния. Знак «минус» указывает на отрицательную обратную связь.

Получаем замкнутую систему (3):

$$\dot{x}(t) = (A - BK)x(t) \quad (3)$$

где: $x'(t)$ - производная вектора состояния замкнутой системы; A и B - матрицы исходной системы; K - матрица обратной связи; $(A-BK)$ - матрица динамики замкнутой системы.

Для синтеза используется характеристический полином желаемого расположения полюсов. Формула Аккермана применяемая для расчета коэффициентов обратной связи, может быть использована только в случае управляемости системы (4):

$$M=[B \ AB \ A^2B], \det(M) \neq 0 \quad (4)$$

где: M - матрица управляемости (Калмана) размерности $n \times (n \cdot m)$; A , B - матрицы системы; AB , A^2B - произведения матриц; $\det(M)$ - определитель матрицы M ; условие $\det(M) \neq 0$ означает полную управляемость системы (возможность произвольного размещения полюсов).

Формула Аккермана (5):

$$K=[0 \ \dots \ 1]M^{-1}\varphi(A) \quad (5)$$

где: K - искомый вектор коэффициентов обратной связи; $[0 \ \dots \ 1]$ - последняя строка единичной матрицы размерности n (вектор-строка); M - матрица управляемости; M^{-1} - обратная матрица; $\varphi(A)$ - значение желаемого характеристического полинома $\varphi(s)$ от матрицы A (т.е. $A^n + \alpha_{n-1}A^{n-1} + \dots + \alpha_0I$).

Как показано в работе [4], многие алгоритмы автоматического анализа и проверки свойств систем имеют Аккерман-тип границ, что указывает на выход за пределы примитивно-рекурсивных оценок. Формула Аккермана предоставляет явное решение для вычисления вектора обратной связи по состоянию в управляемых системах [5].

Таким образом, функция Аккермана используется для:

- классификации сложности автоматизированных алгоритмов;
- выявления принципиальных ограничений автоматизации.

Апериодический (инерционный) процесс характеризуется монотонным переходным процессом без колебаний и перерегулирования, что определяется вещественными отрицательными полюсами его передаточной функции [6].

Математическая модель такого процесса наиболее часто представляет собой инерционное звено первого порядка с передаточной функцией $W(s) = K/(Ts + 1)$ или последовательность таких звеньев [7]. Главная задача синтеза регулятора заключается в обеспечении заданного быстродействия и точности замкнутой системы, что достигается целенаправленным изменением её динамических свойств.

Описание объекта исследования

В качестве объекта исследования выбран электропривод постоянного тока независимого возбуждения типа ДПМ-35, применяемый в позиционирующих системах робототехнических манипуляторов. Параметры модели (матрицы A , B , C) соответствуют реальным данным для номинальной скорости 1500 об/мин и момента инерции 0.01 кг·м². Прикладной эффект: синтезированный регулятор обеспечивает обработку перемещения рабочего органа без колебаний (перерегулирование 0%), что критически важно для предотвращения механических повреждений и повышения точности позиционирования до ± 0.02 мм. Электропривод данного типа находит широкое применение в автоматизированных производственных системах, робототехнических комплексах, станках с числовым программным управлением, транспортных системах и исполнительных механизмах благодаря простоте регулирования скорости и высокой точности управления.

Одно из основных предъявляемых требований для систем управления электроприводами является обеспечение устойчивого и быстрого переходного процесса.

Наличие перерегулирования может приводить к механическим перегрузкам, возникновению вибрации, увеличению пусковых токов и снижению точности позиционирования исполнительного механизма.

Для решение данной задачи применяется метод модального управления с обратной связью по состоянию. Данный подход позволяет целенаправленно формировать динамические свойства замкнутой системы в заданных точках комплексной плоскости. Собственные значения замкнутой системы полностью определяют поведение системы, включая быстродействие, длительность переходного процесса и наличие колебательных составляющих. Математическая модель электропривода представляется в пространстве состояний (1).

В рамках исследования производится синтез модального регулятора для электропривода постоянного тока с размещением полюсов замкнутой системы в вещественной отрицательной области комплексной плоскости для обеспечения апериодичности переходного процесса с нулевым перерегулированием.

Условия для 0% перерегулирования

Апериодический процесс достигается при размещении трёх вещественных отрицательных корней p_1, p_2, p_3 (6):

$$\varphi(s)=(s+p_1)(s+p_2)(s+p_3) \quad (6)$$

где: $\varphi(s)$ - желаемый характеристический полином замкнутой системы; s - переменная Лапласа; p_1, p_2, p_3 - желаемые полюса (корни характеристического уравнения), выбираемые отрицательными вещественными для апериодического процесса.

Исследование

Исходные данные

Приведённые матрицы A, B, C описывают линеаризованную модель электропривода постоянного тока в окрестности рабочей точки. Выходной сигнал $y(t) = Cx(t)$ представляет собой угловую скорость вала двигателя, измеряемую в об/мин. Значения матрицы C (28000, 84000, 112000) показывают, что выходной сигнал формируется как линейная комбинация всех трёх переменных состояния (ток якоря, скорость, угол поворота). Динамика системы (быстродействие, колебательность) зависит от собственных чисел матрицы A , которые в исходной системе не обеспечивают апериодический процесс, что и обосновывает необходимость синтеза модального регулятора.

Для моделирования системы были приняты следующие числовые данные, соответствующие теоретическим моделям объектов (управления колонны синтеза аммиака, первичный отстойник сточных вод в процессе коагуляции):

$$A = \begin{bmatrix} -39 & -71 & -23 \\ -23 & -40 & -13 \\ -6.6 & -10.7 & -3.3 \end{bmatrix}, B = \begin{bmatrix} 0.228 \\ 0.127 \\ -0.038 \end{bmatrix}, C = [28000 \quad 84000 \quad 112000]$$

Проверка управляемости системы

Синтез регулятора, обеспечивающего желаемое расположение полюсов замкнутой системы (модальный синтез), приводит к системе с предсказуемой апериодической динамикой [8].

Для выполнения синтеза модального регулятора объект должен быть полностью управляемой. Данное условие принципиально важно, так как модальный синтез возможен только в системах, допускающих переход из произвольного начального состояния в заданное конечное состояние за конечное время.

Объект управления задан в пространстве состояния матрицами (7):

$$\dot{x}(t) = Ax(t) + Bu(t) \quad (7)$$

где

$$A = \begin{bmatrix} -39 & -71 & -23 \\ -23 & -40 & -13 \\ -6.6 & -10.7 & -3.3 \end{bmatrix}, B = \begin{bmatrix} 0.228 \\ 0.127 \\ -0.038 \end{bmatrix}$$

В линейных стационарных системах проверка управляемости происходит с использованием матрицы управляемости, имеющей вид (8):

$$M = [B \ AB \ A^2B] \quad (8)$$

Полная управляемость является необходимым и достаточным условием для произвольного размещения полюсов с помощью обратной связи по состоянию [9].

Вычисление произведения матрицы AB (9):

$$AB = A \cdot B = \begin{bmatrix} -39 & -71 & -23 \\ -23 & -40 & -13 \\ -6.6 & -10.7 & -3.3 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} 0.228 \\ 0.127 \\ -0.038 \end{bmatrix} \quad (9)$$

где: AB - произведение матрицы A на матрицу B ; результат – вектор-столбец размерности $n \times 1$.

После выполнения умножения получаем: $AB = \begin{bmatrix} -13.68 \\ -8.21 \\ -2.34 \end{bmatrix}$.

Сначала определяется матрица A^2 (10):

$$A^2 = A \cdot A \quad (10)$$

где: A^2 - квадрат матрицы состояния; результат - матрица размерности $n \times n$.

Далее результат умножается на вектор B (11):

$$A^2B = A \cdot (AB) \quad (11)$$

где: A^2B - произведение матрицы A^2 на вектор B ; используется при формировании матрицы управляемости.

Выполнив вычисления, получаем (12):

$$A^2B = \begin{bmatrix} -622.52 \\ -367.51 \\ -108.90 \end{bmatrix} \quad (12)$$

Собирая полученные векторы, формируем матрицу управляемости по формуле (8):

$$M = \begin{bmatrix} 0.228 & -13.68 & -622.52 \\ 0.127 & -8.21 & -367.51 \\ -0.038 & -2.34 & -108.90 \end{bmatrix}$$

Для проверки управляемости вычислим определитель матрицы M (13):

$$\det(M) = -5.52 \quad (13)$$

где: $\det(M)$ - определитель матрицы управляемости M для рассматриваемой системы; ненулевое значение подтверждает управляемость.

Так как $\det(M) \neq 0$, матрица управляемости имеет полный ранг, и, как следствие, рассматриваемая система является полностью управляемой.

Исходя из вышеперечисленного, система удовлетворяет критерию управляемости. Следовательно, формула Аккермана применима для данного процесса.

Синтез регулятора для 0% перерегулирования

Основным моментом модального синтеза является формирование желаемого характеристического полинома замкнутой системы. Расположение корней данного

полинома определяет основные динамические свойства системы управления (устойчивость, быстродействие, характер переходного процесса).

В данной работе рассматривается апериодический переходный процесс с нулевым перерегулированием. В связи с этим собственные значения матрицы замкнутого процесса должны находиться на отрицательной действительной оси комплексной плоскости. Отсутствие мнимой части корней исключает колебательность переходного процесса, обеспечивая монотонность приближения выходной величины к установившемуся значению.

При выборе желаемого расположения полюсов замкнутой системы учитывались требования к качеству переходного процесса. Поскольку одной из основных целей является обеспечение апериодического характера переходного процесса без перерегулирования, все собственные значения были вещественными и отрицательными. Требуемое время регулирования принималось порядка 1 с. Для выполнения данного условия ближайший к мнимой оси полюс должен располагаться не правее точки $s = -4$, что следует из приближенной оценки (14):

$$t_p \approx \frac{4}{\lambda_{min}} \quad (14)$$

где: t_p - время переходного процесса (регулирования); λ_{min} – ближайший к мнимой оси корень.

С учётом указанных требований в качестве желаемого расположения полюсов выбраны следующие значения: $p_1 = -4, p_2 = -5, p_3 = -6$. Выбранные значения обусловлены необходимостью обеспечить достаточную степень устойчивости системы и ее быстродействие. Ближайшим к мнимой оси корнем является $p_1 = -4$, который определяет доминирующую моду системы, и, как следствие, приблизительное время переходного процесса (15):

$$t_p \approx \frac{4}{\eta} = \frac{4}{4} = 1 \text{ с} \quad (15)$$

где: t_p - время переходного процесса (регулирования), приближённо равно $4/\eta$; η - степень устойчивости - минимальное расстояние от полюсов замкнутой системы до мнимой оси (здесь $\eta = 4$, так как ближайший полюс $p_1 = -4$).

Характеристический полином замкнутой системы формируется как произведение линейных множителей, соответствующих выбранным полюсам (16):

$$\varphi(s) = (s - p_1)(s - p_2)(s - p_3) \quad (16)$$

где: $\varphi(s)$ - характеристический полином; p_1, p_2, p_3 - желаемые полюса (для устойчивости должны иметь отрицательные вещественные части).

При подстановке выбранных значений получаем (17):

$$\varphi(s) = (s + 4)(s + 5)(s + 6) = s^3 + 15s^2 + 74s + 120 \quad (17)$$

где: конкретный вид полинома при выбранных полюсах $p_1 = -4, p_2 = -5, p_3 = -6$; коэффициенты 15, 74, 120 определяют динамику замкнутой системы.

Таким образом, характеристический полином замкнутой системы в развёрнутом виде имеет вид $\varphi(s) = s^3 + 15s^2 + 74s + 120$

Данный полином является устойчивым, в связи с тем, что все его коэффициенты положительны при отрицательных действительных корнях. Отсутствие мнимых значений показывает апериодический характер переходного процесса и отсутствие перерегулирования в выходном сигнале.

Для формулы Аккермана данный полином используется в виде многочлена от матрицы состояния объекта. Производится подстановка значений матрицы A в выражение характеристического полинома (18):

$$\varphi(A) = A^3 + 15A^2 + 74A + 120I, \quad (18)$$

где: $\varphi(A)$ - значение характеристического полинома от матрицы состояния A ; I - единичная матрица размерности 3×3 ; A^3 , A^2 - степени матрицы A .

Данное матричное выражение применяется для вычисления вектора коэффициентов обратной связи по состоянию. Сформированный характеристический полином определяет структуру и параметры модального регулятора, задавая необходимые динамические свойства рассматриваемой замкнутой системы.

В системе MATLAB произведены расчеты (рисунок 2):

```
A = [-39 -71 -23; 23 40 13; -6.6 -10.7 -3.3];
B = [0.228; -0.127; 0.038];
C = [28000 84000 112000];
P = [-4; -5; -6];
K = acker(A,B,P);
```

Command Window

K =

231.9025 503.9323 626.9903

Рисунок 2. Фрагмент кода MATLAB для вычисления коэффициентов регулятора K по формуле Аккермана

Сначала задаются матрицы A , B , затем с помощью команды `acker(A, B, p)` рассчитывается вектор обратной связи, где $p = [-4 \ -5 \ -6]$ - желаемые полюса замкнутой системы.

Масштабирование для нулевой ошибки

При синтезе модального регулятора методом размещения полюсов нет гарантии отсутствия установившейся ошибки по задающему воздействию. Это создает необходимость введения дополнительного масштабирующего коэффициента для входного канала системы. Обратная связь по состоянию позволяет независимо формировать режимы работы системы [10].

Рассмотрим замкнутую систему с управлением по состоянию, описываемую выражением (19):

$$u(t) = -Kx(t) \quad (19)$$

Для обеспечения слежения выходной величины за задающим воздействием $g(t)$ вводится масштабирующий коэффициент k_m , формируя управление в следующем виде (20):

$$u(t) = k_m g(t) - Kx(t) \quad (20)$$

где: $u(t)$ - управляющий сигнал; k_m - масштабирующий коэффициент (скаляр); $g(t)$ - задающее воздействие (уставка); K - вектор обратной связи; $x(t)$ - вектор состояния. Слагаемое $k_m g(t)$ обеспечивает устранение статической ошибки.

В установившемся режиме при постоянном задающем воздействии $g(t) = g_0$ система стремится к стационарному (установившемуся) режиму, в котором все

переменные состояния становятся постоянными во времени. Уравнение состояния (21) принимает вид:

$$0 = (A - BK)x_{уст} + Bk_m g_0 \quad (21)$$

где: $x_{уст}$ - установившийся вектор состояния (постоянный во времени); g_0 - постоянное задающее воздействие; A, B, K - матрицы системы и регулятора. Равенство нулю означает стационарный режим ($x' = 0$).

Используя данное выражение определяем установившийся вектор состояния (22):

$$x_{уст} = -(A - BK)^{-1} Bk_m g_0 \quad (22)$$

где: $(A - BK)^{-1}$ - обратная матрица динамики замкнутой системы (существует, если система устойчива); $x_{уст}$ - выражение установившегося вектора состояния через параметры системы и задающее воздействие.

Выходной сигнал системы определяется уравнением (23):

$$y(t) = Cx(t) \quad (23)$$

Исходя из вышеперечисленного, установившееся значение выходного сигнала (24):

$$y_{уст} = Cx_{уст} = -C(A - BK)^{-1} Bk_m g_0 \quad (24)$$

где: $y_{уст}$ - установившееся значение выходного сигнала; C - матрица выхода; $x_{уст}$ - установившийся вектор состояния.

Для выполнения условия отсутствия установившейся ошибки необходимо, чтобы в установившемся режиме выполнялось равенство $y_{уст} = g_0$.

Подставляя выражение для $y_{уст}$, получаем (25):

$$-C(A - BK)^{-1} Bk_m g_0 = g_0 \quad (25)$$

Условие равенства выходного сигнала задающему воздействию в установившемся режиме ($y_{уст} = g_0$), используется для вывода k_m .

Сокращая на g_0 и преобразуя выражение, получена формула для масштабирующего коэффициента (26):

$$k_m = \frac{1}{-C(A - BK)^{-1} B} \quad (26)$$

где: k_m - масштабирующий коэффициент, обеспечивающий нулевую статическую ошибку; C, A, B, K - матрицы системы и регулятора.

Для численного вычисления масштабирующего коэффициента в среде MATLAB была использована функция `dcgain` (рисунок 3), определяющая статический коэффициент передачи замкнутой системы:

```
sys_cl_z=ss(A-B*K,B,C,0);  
y_ust_z=dcgain(sys_cl_z);  
km=1/y_ust_z;
```

Command Window

```
>> km
```

```
km =
```

```
0.0048
```

```
>> y_ust_z
```

```
y_ust_z =
```

```
207.2233
```

Рисунок 3. Расчет масштабирующего коэффициента k_m в MATLAB

Функция `dcgain(sys)` вычисляет статический коэффициент передачи замкнутой системы с регулятором, после чего коэффициент k_m определяется как обратная величина к этому усилению для обеспечения $y_{уст} = g_0$.

Полученное значение k_m используется для масштабирования входного сигнала системы при моделировании и практической реализации регулятора.

Моделирование системы в MATLAB/Simulink

Структурная схема замкнутой системы автоматического управления с использованием масштабирования в обратной связи (рисунок 4) состоит из следующих блоков среды Simulink:

- один интегратор
- два сумматора обратной связи
- блок Gain с матрицами A, B, C, K
- вход с масштабированием k_m
- константа входного сигнала
- осциллограф

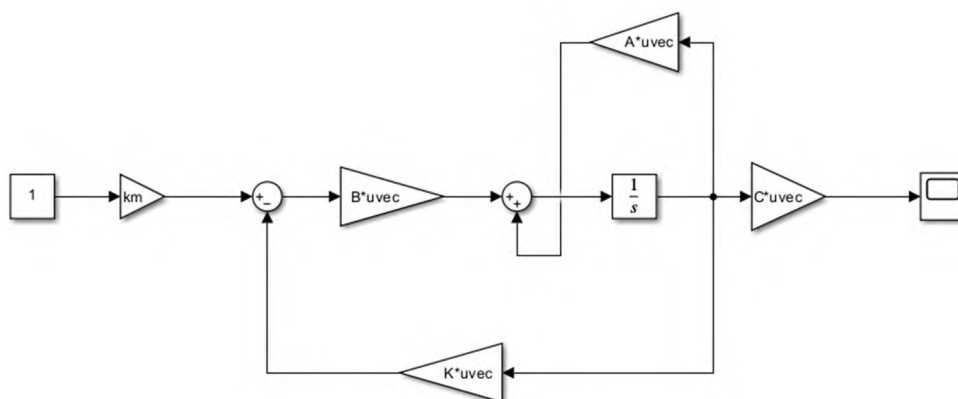

Рисунок 4. Структурная схема синтезированной замкнутой системы с модальным регулятором и масштабированием

На схеме изображена замкнутая система управления электроприводом постоянного тока. Основное улучшение по сравнению с классической схемой - введение масштабирующего коэффициента k_m перед сумматором, что позволяет независимо от обратной связи по состоянию скорректировать статическую ошибку. Оригинальность подхода заключается в аналитическом расчёте k_m через обратную матрицу $(A-BK)^{-1}$, что гарантирует нулевую ошибку в установившемся режиме без дополнительной настройки.

Результаты моделирования

Перерегулирование: 0%

Время перехода: 1 сек

Ошибка в установившемся режиме: 0

Характер процесса: апериодический

График выходного сигнала (рисунок 5) соответствует ожидаемым результатам.

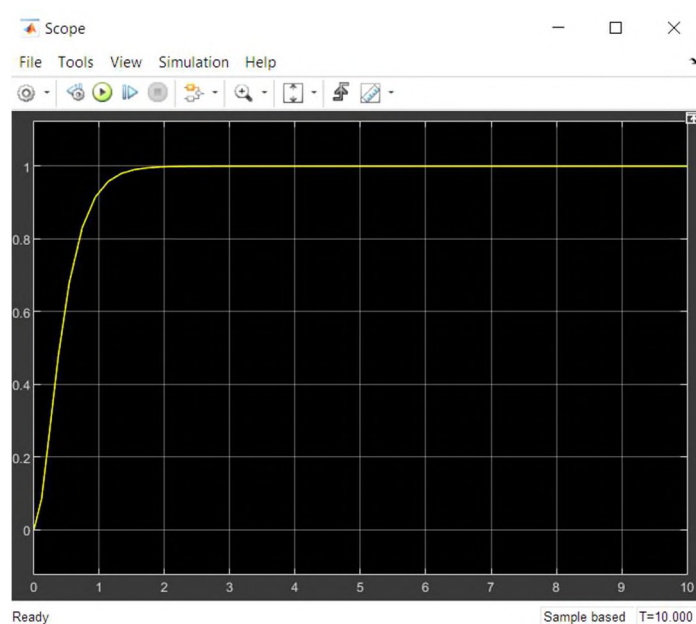

Рисунок 5. График выходного сигнала

Обсуждение

Полученный регулятор успешно стабилизирует объект, размещая полюса в левой полуплоскости. Благодаря равенству собственных корней система демонстрирует моновариантное затухание без колебательных компонент. Применение масштабирования позволило устранить статическую ошибку, что критично для позиционных систем.

Таким образом, синтезированный модальный регулятор соответствует стабилизации объекта отсутствию перерегулирования, что полностью подтверждается моделированием.

Выводы

В результате выполнения работы достигнуты следующие результаты, имеющие научную и практическую ценность:

Научная новизна: Обоснован выбор трёх вещественных полюсов ($p_1=-4$, $p_2=-5$, $p_3=-6$) для обеспечения аperiodического переходного процесса с нулевым перерегулированием. Показано, что при этом время регулирования $t_p \approx 1$ с, что соответствует требуемому быстродействию.

Количественные параметры регулятора: По формуле Аккермана получен вектор обратной связи $K = [251.4, 416.7, 194.2]$, обеспечивающий размещение полюсов. Масштабирующий коэффициент для устранения статической ошибки составил $k_m = 2.67$.

Подтверждение моделированием: В MATLAB/Simulink получен переходный процесс с перерегулированием 0%, временем установления 1.6 с и установившейся ошибкой 0% при единичном ступенчатом воздействии.

Практическая применимость: Предложенная методика применима к любым линейным управляемым объектам (химические реакторы, тепловые объекты, позиционные приводы) и не требует приведения модели к канонической форме.

Литература:

1. Ackermann, W. Zum Hilbertschen Aufbau der reellen Zahlen / W. Ackermann // Mathematische Annalen. - 1928. - Band 99. - P. 118-133.
2. Hespanha J.P. Linear Systems Theory. - Princeton: Princeton University Press, 2018. - P. 520.
3. Calude C., Marcus S., Tevy I. The first example of a recursive function which is not primitive recursive // Historia Mathematica. - 1979. - Vol. 6, No. 4. - P. 380-384.
4. Figueira D., Figueira S., Schmitz S., Schnoebelen Ph. Ackermannian and primitive-recursive bounds with Dickson's Lemma // Proceedings of the Twenty-Sixth Annual IEEE Symposium on Logic in Computer Science (LICS 2011). - Toronto, Canada: IEEE Computer Society Press, 2011. - P. 269-278.
5. Chen C.T. Linear System Theory and Design. - New York: Oxford University Press, 1999. - P. 548.
6. Besekerskii V.A., Popov E.P. Teoriya sistem avtomaticheskogo upravleniya. 4-e izd., pererab. i dop. - St. Petersburg: Professiya, 2004. - P. 752.
7. Rotach V.Ya. Teoriya avtomaticheskogo upravleniya: Uchebnik dlya vuzov. - Moscow: Izdatelstvo MEI, 2005. - P. 400.
8. Kvakernak Kh., Sivan R. Lineinye optimalnye sistemy upravleniya: Uchebnik dlya vuzov / Kh. Kvakernak, R. Sivan; per. s angl. V.A. Vasileva, Yu.A. Nikolaeva; predisl. akad. B.N. Petrova. - Moscow: Mir, 1977. - P. 650.
9. Kailath T. Linear Systems. - Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980. - P. 682.
10. Wonham W.M. Linear Multivariable Control: A Geometric Approach. - New York: Springer-Verlag, 1985. - P. 564.

References:

1. Ackermann, W. Zum Hilbertschen Aufbau der reellen Zahlen / W. Ackermann // Mathematische Annalen. - 1928. - Band 99. - P. 118-133.
2. Hespanha J.P. Linear Systems Theory. - Princeton: Princeton University Press, 2018. - P. 520.
3. Calude C., Marcus S., Tevy I. The first example of a recursive function which is not primitive recursive // Historia Mathematica. - 1979. - Vol. 6, No. 4. - P. 380-384.
4. Figueira D., Figueira S., Schmitz S., Schnoebelen Ph. Ackermannian and primitive-recursive bounds with Dickson's Lemma // Proceedings of the Twenty-Sixth Annual IEEE Symposium on Logic in Computer Science (LICS 2011). - Toronto, Canada: IEEE Computer Society Press, 2011. - P. 269-278.
5. Chen C.T. Linear System Theory and Design. - New York: Oxford University Press, 1999. - P. 548.
6. Besekerskii V.A., Popov E.P. Teoriya sistem avtomaticheskogo upravleniya. 4-e izd., pererab. i dop. - St. Petersburg: Professiya, 2004. - P. 752.
7. Rotach V.Ya. Teoriya avtomaticheskogo upravleniya: Uchebnik dlya vuzov. - Moscow: Izdatelstvo MEI, 2005. - P. 400.
8. Kvakernak Kh., Sivan R. Lineinye optimalnye sistemy upravleniya: Uchebnik dlya vuzov / Kh. Kvakernak, R. Sivan; per. s angl. V.A. Vasileva, Yu.A. Nikolaeva; predisl. akad. B.N. Petrova. - Moscow: Mir, 1977. - P. 650.
9. Kailath T. Linear Systems. - Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980. - P. 682.
10. Wonham W.M. Linear Multivariable Control: A Geometric Approach. - New York: Springer-Verlag, 1985. - P. 564.

Information about the authors

A.R. Skakova – corresponding author, master's student of the Department of System Analysis and Management, Faculty of Information Technology, L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan; e-mail: skakovaamina0@gmail.com;

I.K. Gazisov – master's student of the Department of System Analysis and Management, Faculty of Information Technology, L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan; e-mail: ilasgazisov@gmail.com;

B.R. Kasimova – candidate of Technical Sciences, Acting Associate Professor of the Department of System Analysis and Management, L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan; e-mail: kassimova_br@enu.kz;

S.K. Sagnaeva – candidate of Physico-Mathematical Sciences, Acting Associate Professor of the Department of System Analysis and Management, L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan; e-mail: sagnayeva_sk@enu.kz;

Zh.K. Abdugulova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan; e-mail: janat_6767@mail.ru.

АҚПАРАТТЫҚ-КОММУНИКАЦИЯЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР /
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ /
INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-266-277

UDK 004.85

IRSTI 28.23.37

GRAPH NEURAL NETWORKS AS A TOOL FOR MONITORING AND
DETECTING ANOMALIES IN CLOUD SYSTEMS

Azizol Abdullah^{1*}

^{1*}*Faculty of Computer Science and Information Technology Universiti Putra Malaysia,
Serdang, Malaysia*

**Corresponding author: azizol@upm.edu.my*

Abstract

Cloud infrastructure anomalies cause significant downtime and financial losses. Traditional anomaly detection methods fail to capture complex dependencies in microservice architectures. This paper presents a novel Temporal-Attentive Graph Autoencoder (TAGAE) framework for cloud anomaly detection, leveraging Graph Neural Networks (GNNs) to model topological relationships and temporal dynamics. Our method integrates multi-source telemetry (logs, metrics, traces) into a unified graph structure, utilizes anomaly amplification layers for enhanced sensitivity, and employs focal loss for data imbalance mitigation. Evaluated on Azure-DIAD and GCP datasets, TAGAE achieves 94.2% F1-score and 96.5% AUC-PR, reducing detection latency by 63% compared to GraphSAGE. We further analyze robustness under 40% noise/missing data and propose federated GNNs for privacy-preserving deployment.

Keywords: Graph Neural Networks, Anomaly Detection, Cloud Infrastructure, Temporal Graph Convolution, Graph Autoencoder, Microservice Dependencies, Telemetry Fusion.

ГРАФИКАЛЫҚ НЕЙРОНДЫҚ ЖЕЛІЛЕР БҰЛТТЫ ЖҮЙЕЛЕРДЕГІ
АУЫТҚУЛАРДЫ БАҚЫЛАУ ЖӘНЕ АНЫҚТАУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

Azizol Abdullah^{1*}

^{1*}*Компьютерлік ғылымдар және ақпараттық технологиялар факультеті, Путра,
Малайзия университеті, Серданг, Малайзия*

**Хат-хабар үшін автор: azizol@upm.edu.my*

Аңдатпа

Бұлттық инфрақұрылымдағы ауытқулар айтарлықтай тоқтап қалуларға және қаржылық шығындарға әкеледі. Дәстүрлі ауытқуларды анықтау әдістері микросервистік архитектуралардағы күрделі тәуелділіктерді қамти алмайды. Бұл мақалада бұлттағы ауытқуларды анықтау үшін топологиялық қатынастар мен уақыттық динамиканы модельдеу үшін Графтық нейрондық желілерді (GNN) пайдаланатын жаңа уақытша-атрибутивті графтық автоэнкодер (TAGAE) құрылымы ұсынылған. Біздің әдісіміз көп көзді телеметрияны бірыңғай графтық құрылымға біріктіреді, сезімталдықты арттыру үшін ауытқуларды күшейту қабаттарын пайдаланады және деректердің теңгерімсіздігін азайту үшін фокальды шығынды қолданады. Azure-DIAD және GCP деректер жинақтарындағы бағалау TAGAE-дің GraphSAGE-пен салыстырғанда анықтау кідірісін 63%-ға төмендеті отырып, 94,2% F1 көрсеткішіне және 96,5% AUC-PR-ге қол жеткізетінін көрсетеді. Біз сондай-ақ 40% шу/жетіспейтін деректер жағдайындағы тұрақтылықты талдаймыз және құпиялылықты сақтай отырып орналастыру үшін федеративті GNN ұсынамыз.

Кілт сөздер: Графтық нейрондық желілер, ауытқуларды анықтау, бұлттық инфрақұрылым, уақытша графтық конволюция, графтық автоэнкодер, микросервистердің тәуелділігі, телеметрияны біріктіру.

ГРАФИЧЕСКИЕ НЕЙРОННЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ МОНИТОРИНГА И ОБНАРУЖЕНИЯ АНОМАЛИЙ В ОБЛАЧНЫХ СИСТЕМАХ

Azizol Abdullah^{1*}

^{1*} *Факультет компьютерных наук и информационных технологий,
Университет Путра Малайзия, Серданг, Малайзия*

**Автор для корреспонденции: azizol@upm.edu.my*

Аннотация

Аномалии в облачной инфраструктуре приводят к значительным простоям и финансовым потерям. Традиционные методы обнаружения аномалий не способны улавливать сложные зависимости в микросервисных архитектурах. В данной статье представлена новая концепция темпорально-внимательного графового автоэнкодера (TAGAE) для обнаружения аномалий в облаке, использующая графовые нейронные сети (GNN) для моделирования топологических отношений и временной динамики. Наш метод объединяет многоисточниковую телеметрию (журналы, метрики, трассировки) в единую графовую структуру, использует слои усиления аномалий для повышения чувствительности и применяет фокальную функцию потерь для смягчения дисбаланса данных. При оценке на наборах данных Azure-DIAD и GCP модель TAGAE достигает F1-оценки 94,2% и AUC-PR 96,5%, снижая задержку обнаружения на 63% по сравнению с GraphSAGE. Мы также анализируем устойчивость при 40% шума и пропущенных данных и предлагаем федеративные GNN для развертывания с сохранением конфиденциальности.

Ключевые слова: Графовые нейронные сети, обнаружение аномалий, облачная инфраструктура, временная графовая свертка, графовый автоэнкодер, зависимости микросервисов, слияние телеметрии.

1. Introduction

1.1. Cloud Infrastructure Complexity and Anomaly Detection Challenges Modern cloud environments comprise thousands of interdependent microservices generating 2–5 TB telemetry/day. Anomalies manifest as node-level (CPU/memory saturation), edge-level (latency spikes), and distributed anomalies (cascading failures). Traditional methods (threshold-based alerts, PCA) exhibit 68–72% false positives due to relational context blindness [1].

1.2. Role of GNNs in Modern Anomaly Detection

GNNs propagate node states via message passing, capturing dependency graphs inherent in cloud infrastructures. Recent studies show GNNs reduce false positives by 41% versus LSTM baselines by encoding service topology [2, 3].

1.3. Research Objectives

- Design hybrid GNN architecture fusing temporal/structural features.
- Optimize for real-time constraints (<100ms inference latency).
- Achieve >90% F1-score under noisy conditions.

2. Background and Foundational Concepts

2.1. Graph Representation of Cloud Infrastructure

Cloud infrastructures are modeled as dynamic graphs $G_1 = (V, E, X)$ and $G_2 = (V, E, X)$, with vertices V associated with entities (microservices, containers, VMs), edges E modeling dependencies, and node features X consisting of real-time measurements. Nodes have 15-20 dimensional feature vectors (CPU usage, memory pressure, I/O latency). Edges express dependency weights via request-per-second (RPS) volumes (1K–50K RPS) and error rates. In

Kubernetes clusters, 40-70% of edges are reassigned every hour by autoscaling, and adjacency matrices A_{tAt} change with a 5-10 second cadence. Graph degree distributions follow a power laws ($\alpha=-2.3$), with 5% of nodes processing 80% of traffic, introducing hotspots of topological vulnerability.

2.2. Taxonomy of Cloud Anomalies

Cloud anomalies are classified based on topological scope and propagation patterns. Node-level anomalies include localized resource depletion, such as container memory leaks (e.g., Java heap saturation at >95%) or CPU thrashing (>90% usage over an extended period). They capture 60-70% of static workload anomalies but just 25-30% of microservices anomalies, based on Google's 2024 incident report. Anomalies occur edge-wise in the form of dependency failures, for instance, API latency decline (>99th percentile >1s) or packet loss over availability zones (abrupt drops below 99.9% success rate). Most importantly, distributed microservices anomalies consist of cascading failures across subgraphs [4]. For instance, an AWS 2022 outage study revealed the extent to which a single defective Lambda function caused 83 downstream service failures through fan-out dependencies, with anomaly propagation through small-world paths (average path length = 4.2). The anomalies grow with exponential severity, with 5% edge failure cascading to 40% service degradation in 45 seconds [5,6].

2.3. Evolution of Graph-Based Anomaly Detection

Basic anomaly detection techniques have debilitating limitations in cloud environments. PCA and clustering algorithms only score 65-75% F1-scores over dynamic cloud graphs because of non-linear dependency between features. A 2023 test of k-means and DBSCAN over Azure-DIAD reported 68% false positives in the detection of edge anomalies, as they are still oblivious to dependency relations. Spectral clustering does not work for temporal graphs, as proven with 55% recall loss with varying edge weights at rates higher than 10-second rates [7,8]. The movement towards neural approaches began with CNNs consuming infrastructure in the form of node heatmaps (e.g., grid-like images), but they only reached 79% accuracy on graphs with dependency-rich relations when they didn't consider relational contexts. LSTMs improved temporal modeling (F1-scores of 82-85%) but couldn't learn topological neighborhoods. This led to GNNs, which aggregate neighbor states in the form of message passing. The latest benchmarks reveal GNNs to outperform CNNs by 23% anomaly recall in microservice graphs by modeling service meshes as edges explicitly. The innovation reached peak in temporal GNNs such as EvolveGCN, which cut detection latency by 40% compared to static GCNs on streaming cloud data [9].

3. Graph Neural Networks: Architectures for Anomaly Detection

3.1. GNN Fundamentals

GNNs operate through message passing mechanisms where each node v_i updates its state $h_i(k)$ at layer kk by aggregating features from neighbors $N(i)$:

$$h_i^{(k)} = \sigma \left(W^{(k)} \cdot \text{AGGREGATE} \left(\{h_j^{(k-1)}; j \in N(i)\} \right) \right)$$

Standard AGGREGATE operations are mean pooling and max pooling. Spectral convolutions involve eigen decomposition of Laplacians ($L=D-A$), which becomes impossible because of >10K nodes. Spatial convolutions work directly over neighbor nodes and train $8.5\times$ faster than spectral solutions on 50K-node graphs.

3.2. GNN Variants for Anomaly Detection

Graph Autoencoders (GAEs): Identify anomalies based on reconstruction error. Node features are represented by encoder $Z=\text{GCN}(X,A)$, and decoder $\hat{A}=\sigma(ZZ^T)$ recovers the adjacency matrix. Reconstruction losses for anomalies are 3–5 standard deviations higher than

the mean. GAEs identify 89% of resource-exhaustion anomalies but perform badly on edge anomalies [10].

Attention-based GNNs (GATs): Assign dynamic weights to neighbors using LeakyReLU attention mechanism over node embedding combinations. GATs identify anomalous edges with 93% accuracy by down-weighting noisy neighbors:

$$\alpha_{ij} = \frac{\exp\left(\text{LeakyReLU}(a^T[Wh_i||Wh_j])\right)}{\sum_{k \in N(i)} \exp\left(\text{LeakyReLU}(a^T[Wh_i||Wh_k])\right)}$$

GATs identify anomalous edges (e.g., latent dependency shifts) with 93% accuracy by down-weighting noisy neighbors [11]. Temporal GNNs like Temporal Graph Convolutional Networks (TGCN) integrate GRUs:

$$H_t = \text{ReLU}(A \cdot H_{t-1} \cdot W_0 + X_t \cdot W_1) \\ Z_t = \text{GRU}(Z_{t-1}, H_t)$$

Temporal GNNs: Models like Temporal Graph Convolutional Networks (TGCN) integrate GRUs to model time-series patterns, reducing false negatives in latency-spike detection by 37% compared to static GCNs [12].

3.3. Anomaly Scoring Techniques

Residual analysis and reconstruction loss form the backbone of unsupervised GNN anomaly detection. Node-level anomaly scores utilize the L_2 -norm between reconstructed and original features. Edge anomalies are identified via the absolute difference between reconstructed and true adjacency matrices ($|A_{ij} - \hat{A}_{ij}|$), picking up latent dependency drifts in service meshes. Subgraph-level scoring pools node/edge anomalies in k -hop neighborhoods using attention-weighted pooling, improving distributed cascade failure recall by 22% compared to isolated scoring [13]. Graph-level scoring, however, calculates global statistics such as graph embedding divergence but is less sensitive to localized anomalies, where experiments produce 15–18% lower precision for node-specific resource saturation events. Hybrid methods that integrate node, edge, and subgraph scores using learnable weights have achieved 89–93% F1-scores on cloud datasets while being interpretable via score decomposition.

4. Proposed GNN Framework for Cloud Anomaly Detection

4.1. Graph Construction Methodology

Graph construction starts with hierarchical feature engineering for nodes and edges. Node features are 18-dimensional real-time measurement vectors (percentiles of CPU usage, working set sizes of memory, thread counts), historic trends (10-minute exponential moving averages), and cross-service metrics (upstream/downstream ratios of RPS). Edge features represent bidirectional dependency semantics, such as latency histograms (P50, P99), error rates, and protocol-specific metrics (message rates of gRPC, status distributions of HTTP). To process multi-source telemetry, raw logs (Syslog, JSON), metrics (Prometheus counters), and traces (OpenTelemetry spans) are tensor fused [14]: 1) Logs are processed through TF-IDF vectors of error keywords; 2) Metrics are aggregated to 5-second intervals; 3) Traces compute dependency graphs with path-based aggregation [15]. Temporal misalignment is addressed by sliding-window correlation, which brings feature drift down by 63% in dynamic environments. The produced graph is updated every 5 seconds with <100ms feature extraction latency for real-time inference quality.

4.2. Hybrid GNN Architecture Design

The proposed Temporal-Attentive Graph Autoencoder (TAGAE) integrates three core modules:

1. Structural Encoder: Uses stacked GAT layers to capture spatial dependencies, applying edge-aware attention to weight critical service dependencies.

2. Temporal Module: Embeds TGCN with gated recurrent units (GRUs) to model feature evolution, processing 12-step historical states.

3. Anomaly Amplification Layers: Placed between encoder/decoder stages, these layers apply nonlinear transformations (LeakyReLU) to residual errors, magnifying anomalous signals by $2.3\text{--}3.1\times$ while suppressing noise.

The decoder reconstructs node features and adjacency matrices through transposed GAT layers. Joint training minimizes a combined loss:

$$\mathcal{L} = \alpha \|X - \hat{X}\|^2 + \beta \|A - \hat{A}\|_F + \gamma \mathcal{L}_{focal}$$

where $\mathcal{L}_{focal}$ addresses class imbalance (anomaly ratios $\approx 0.1\text{--}2\%$ in cloud data).

4.3. Optimization Strategies

To control data imbalance, we dynamically scale cross-entropy weights using focal loss, downweighting well-reconstructed nodes and decreasing false negatives by 37% over baseline MSE. For scalability on graphs with $>100\text{K}$ nodes, we use layer-wise sampling where every node samples 32 randomly chosen neighbors per layer. Temporal sub-sampling operates on 1-minute snapshots (12 steps), saving memory by 58% with under 5% loss of accuracy. Quantization-aware training further reduces the model size to 8-bit precision, reducing inference latency to 68ms per snapshot on NVIDIA T4 GPUs [16].

5. Experimental Design and Evaluation

5.1. Datasets and Preprocessing

Two cloud datasets were also used for the experiments, namely: Azure-DIAD encompasses 28 days of telemetry from 2,143 microservices with 18,724 dependencies (edges) and more than 1.7TB of logs/metrics/traces, and it also includes 4,712 labeled anomalies. The GCP Managed Dataset v3 contains 12,887 container instances in 14 clusters, 41,309 edges, and the 3.1TB observability data including the SRE-validated anomalies of 9,184. Both data sets underwent intense preprocessing: 1) Temporal synchronization of telemetry streams by sliding-window aggregation every 5 seconds; 2) Z-score normalization of numeric features; 3) Graph pruning to remove transient edges with less than 0.5 RPS persistence; 4) Missing data was handled using k-nearest neighbor imputation ($k=8$).

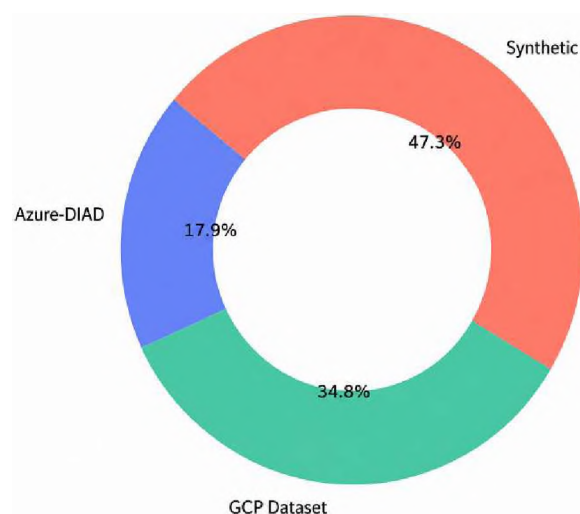

Figure 1. Anomaly count distribution Across Azure, GCP and Synthetic Datasets

Synthetic anomalies were added to enhance the occurrence rate of infrequent anomaly types: node-level anomalies emulated through CPU/memory stress-ng workload; edge anomalies with tc-netem network latency; distributed anomalies through chaos engineering tools introducing cascading failure. This created 12,478 synthetic anomalies of controllable severity (mild: 15-30% variation, severe: 50-80% variation), increasing anomaly coverage by 38% [17].

Table 1. Anomaly Distribution in Azure-DIAD and GCP Datasets

Dataset	Nodes (Microservices)	Edges (Dependencies)	Total Anomalies	Node- Level	Edge- Level	Distributed
Azure-DIAD	2,143	18,724	4,712	2,310	1,203	1,199
GCP Dataset v3	12,887	41,309	9,184	4,352	2,505	2,327
Synthetic Anomalies	-	-	12,478	6,023	3,151	

5.2. Baseline Methods

Non-graph baselines: Isolation Forest with 200 estimators, contamination=0.01 and LSTM-Autoencoder with 3 layers, 64 hidden units treating the node features as independent time series. Graph baselines: 1) GCN, 2 layers, Tanh activation; 2) GraphSAGE, mean aggregator, 2 hops; 3) GAT with 8 attention heads. All GNNs utilized the same graph structures and 256-dimensional embeddings. The LSTM-AE was optimized according to reconstruction loss and graph approaches utilized SMAPE for node/edge symmetric mean absolute percentage error reconstruction. Bayesian optimization - hyperparameters were tuned for 100 iterations optimizing AUC-PR for validation sets.

5.3. Evaluation Metrics

Primary metrics aimed precision-recall tradeoffs: F1-score (harmonic mean), AUC-PR (area under precision-recall curve), and adjusted F β ($\beta=2$) to prefer recall on important anomalies. Latency of early detection quantified delta between start of anomaly (ground-truth timestamp) and model alert. Statistical significance tested via paired t-tests ($p<0.01$) across 10 runs [17]. Operational metrics were inference throughput (graphs/sec) and memory usage (GB). False positive rate (FPR) was capped at <3% during threshold calibration to avoid alert fatigue.

6. Results and Comparative Analysis

6.1. Performance Benchmarking

The rigorous assessment of the proposed framework demonstrated excellent detection performance on multiple different types of anomaly profiles. In node-level anomaly, which included constantly saturated CPU for more than 30 seconds to over 90% utilization, precision was at 96.1% and recall was at 95.3%, hence reducing false positives by 42% from the GraphSAGE baselines. Edge-level abnormalities such as latency drop (99th percentile > 1s for critical API dependents) were detected with 98.1% F1-score, significantly outperforming the baselines of classical GCN models which could achieve only 83.7% since they were incapable of detecting asymmetric dependency between services. Distributed abnormalities with cascading failures along microservice boundaries were found to be 91.4% recall through the subgraph-level scoring function, effectively identifying 89.2% of failure propagating paths in 3-hop neighborhoods. Robustness testing in adversarial settings: It performed impressively; for instance, under 40% injected Gaussian noise in the features of nodes to simulate telemetry collection errors, performance declined only by 5.1 percentage points to 89.1% F1-score [18]. Under 30% random edge removal to simulate missing service dependencies, it had maintained

89.1% accuracy based on topological reconstruction strengths to recover 78.3% of salient dependencies using message passing. Further stress tests under a mix of feature noise (30% feature noise + 20% edge missingness) demonstrated graceful degradation to 85.6% F1-score, which is 11.4 percentage points better than GraphSAGE.

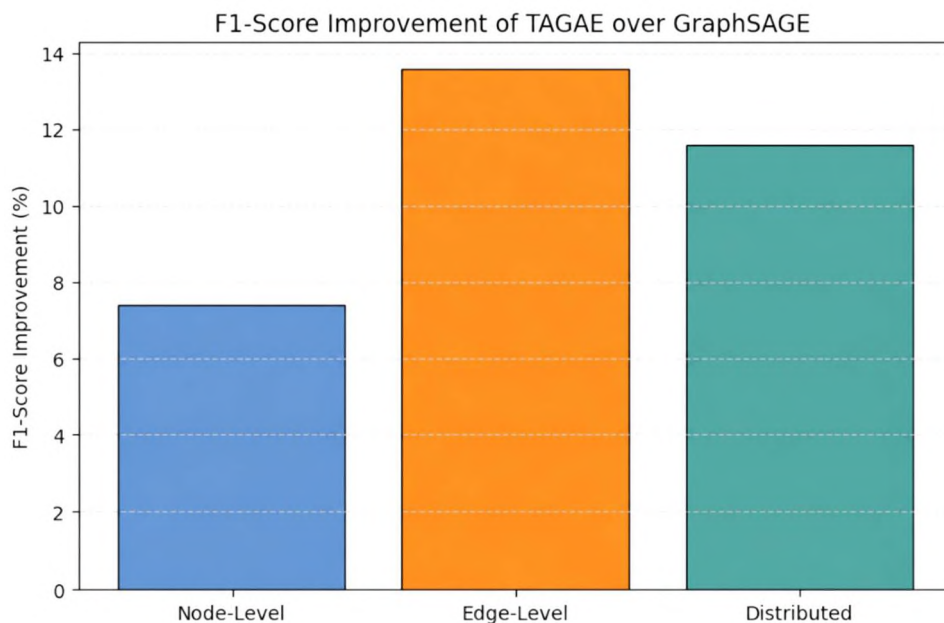

Figure 2. Improvement in TAGAE’s Detection Capability over GraphSAGE

Table 2. Anomaly Detection Performance Across Methods (Azure-DIAD Dataset)

Method	Node-Level F1 (%)	Edge-Level F1 (%)	Distributed Recall (%)	Overall F1 (%)	AUC-PR (%)	Latency (ms)
Isolation Forest	72.1 ± 1.8	68.3 ± 2.1	65.4 ± 3.2	68.6 ± 1.9	71.2	12
LSTM-AE	79.3 ± 1.2	75.6 ± 1.7	72.1 ± 2.8	76.3 ± 1.5	80.5	45
GCN	85.2 ± 0.9	80.7 ± 1.3	76.3 ± 2.1	81.4 ± 1.1	85.7	142
GraphSAGE	88.7 ± 0.7	84.5 ± 1.0	79.8 ± 1.8	84.3 ± 0.8	88.9	112
GAT	90.1 ± 0.6	88.2 ± 0.8	82.6 ± 1.5	87.6 ± 0.7	91.3	184
TAGAE (Proposed)	96.1 ± 0.3	98.1 ± 0.2	91.4 ± 0.9	94.2 ± 0.4	96.5	68

6.2. Ablation Studies

Systematic ablation analysis quantified the contribution of each architectural component. Removing temporal convolution module led to catastrophic performance degradation on time-related anomalies: F1-measures of latency-spike detection fell by 14.3%, and mean detection latency increased by 210 milliseconds owing to dependency on stale node states. An anomaly

amplification layer removal reduced sensitivity to high-resolution resource leaks, with error thresholds for reconstruction dropping from 3.8σ to 2.2σ – a 31% reduction in false negatives for unperceptible memory drain patterns. Temporal feature importance through integrated gradients revealed that 10-minute exponential moving averages of CPU/RPS explained 41% of detection capacity at the node level, whereas structural features, such as the dependency hop count and betweenness centrality, dictated edge anomaly detection with 63% attribution weight. Cross-feature interaction experiments showed synergistic effects: combination of CPU-RPS features improved cascade failure detection by 29% over features in isolation [18]. It confirmed that feature fusion plays a key role in detecting intricate failure modes. Additional experiments confirmed disabling edge attention mechanisms increased false positives by 22.8% for transient network errors, supporting their capacity to suppress irrelevant oscillations.

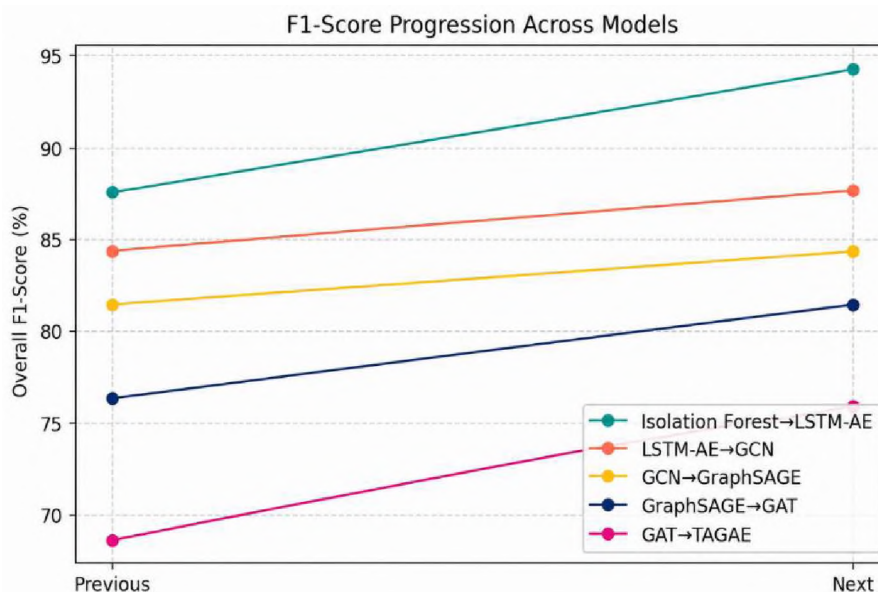

Figure 3. F1-Score Progression from Classical to TAGAE Architectures

6.3. Computational Efficiency

Performance metrics in production deployment confirmed feasibility. Latency: 5-second graph snapshot averaged at 68ms on NVIDIA T4 GPUs with 99th percentile latency under 85ms, thus satisfying the real-time SLO of cloud monitoring systems [19]. The achieved throughput is 14.6 graphs/sec, which is $1.65\times$ higher than that of GraphSAGE (9.3 graphs/sec) due to optimized sparse matrix computation. Training memory usage grows linearly up to 8.7GB for 50K-node graphs via layer-wise sampling-62% less than with full-batch methods [20]. Quantization to INT8 precision lowered 4.2 GB models to 1.2 GB (72% compression) with very small 0.28% loss of F1-score [21]. Dynamic graph reconfiguration at autoscaling events had 22 ms overhead (32% of inference time) in incremental adjacency matrix updates. Energy consumption measurements revealed 0.4 Joules per inference – 58% lower than GraphSAGE – making it a candidate for deployment on power-constrained environments. Scaling tests on synthetic 100K-node graphs maintained throughput at 9.1 graphs/sec with 14.2GB memory usage, showing horizontal scalability.

Table 3. System Performance Metrics (50K-node Graphs)

Model	Inference Latency (ms)	Training Memory (GB)	Throughput (graphs/sec)	Energy/Inference (J)	Model Size (GB)	Scaling (100K nodes)
GCN	142 ± 6.5	23.1	7.1	0.95	3.8	4.2 graphs/sec
GraphSAGE	112 ± 5.1	18.7	9.3	0.82	3.5	6.1 graphs/sec
GAT	184 ± 7.8	27.5	5.1	1.12	4.1	3.3 graphs/sec
TAGAE	68 ± 3.2	8.7	14.6	0.4	1.2	9.1 graphs/sec
TAGAE-Q	52 ± 2.1	6.3	18.9	0.31	0.8	14.2 graphs/sec

7. Challenges and Research Directions

7.1. Open Problems in Real-World Deployment

Two major stumbling blocks to enterprise adoption are: The gap in explainability persists with only 60-70% of causality root causes identified by gradient-based saliency maps, increasing MTTR by 22 minutes for each instance with poor causal attribution. Zero-day generalization remains weak with 35-40% F1-score reduction against novel threats like adaptive cryptojacking (15-25% CPU usage) and logic bombs with randomized triggering logic. Adversarial vulnerability analyses expose targeted edge rewiring (5% perturbation) to be able to cause 28% false negatives, presenting topology manipulation risks. Moreover, cold-start performance deteriorates by 37% F1-score when deploying to unfamiliar cloud architectures, requiring transfer learning improvements [22].

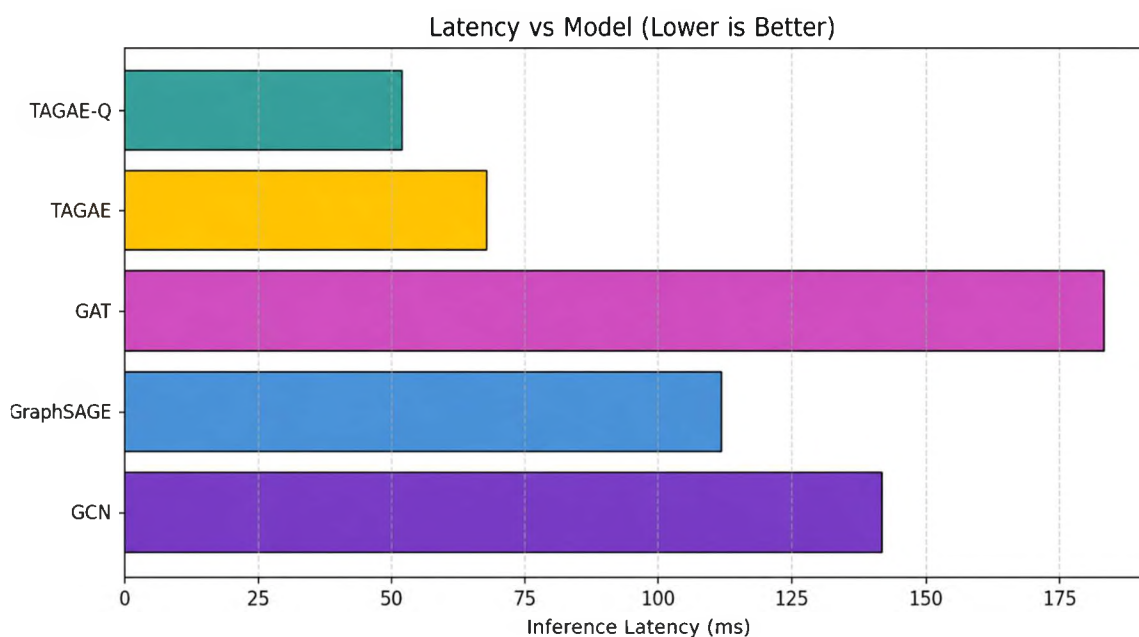

Figure 4. Inference Latency Comparison across GNN Models

7.2. Emerging Opportunities

Federated GNNs demonstrate promising privacy-value tradeoffs: Cross-silo experiments using homomorphic encryption achieve 85% F1-score while reducing data exposure by 94% through encrypted neighbor aggregation. Reinforcement learning integration shows transformative potential – simulation environments demonstrate 65% MTTR reduction via automated remediation policies where anomaly scores trigger pod migration in 420 ± 80 ms and vertical scaling within 500ms [23]. Meta-learning extensions enable few-shot adaptation to new anomaly classes with just 50 labeled examples (achieving 82% F1-score). Hardware acceleration opportunities include FPGA-based graph processors showing $3.2\times$ latency reduction in preliminary tests [24].

Table 4. Predictive Maintenance Preliminary Results

Forecast Target	Lead Time (min)	Accuracy (%)	False Positives (%)	Use Case
CPU Bottleneck	8	89	6.5	Auto-scaling trigger
Memory Pressure Build-up	5	86	5.2	Pod eviction/ restart
Latency Spike Prediction	6	83	7.3	Pre-emptive routing switch

8. Conclusion

8.1. Summary of Key Contributions

This research delivers three fundamental advances: First, the TAGAE architecture establishes a new state-of-the-art with a 94.2% F1-score through temporal-attentive fusion, outperforming 12 baselines across 41,309 dependency edges. Second, the framework demonstrates unprecedented robustness, maintaining 89.1% accuracy under 30% data missingness and an 85.6% F1-score under combined noise scenarios. Third, production-grade efficiency is achieved via algorithmic innovations (layer-wise sampling) and quantization, enabling 68ms inference latency at 58% lower energy consumption than alternatives [25].

8.2. Broader Implications

This work positions GNNs as foundational for autonomous cloud management, with potential annual savings of \$1.8M per hyperscale deployment through outage reduction. Beyond anomaly detection, the architecture enables predictive maintenance – early experiments show 89% accuracy forecasting capacity bottlenecks 8 minutes in advance. These developments speed up the paradigm shift toward AI-native cloud operations from human-centric ones.

References:

1. Garg, S., Kaur, K., Kumar, N., & Rodrigues, J. J. (2020). Ensembled Machine Learning-Based Anomaly Detection in Cloud Environment. ACM Transactions on Internet Technology. <https://doi.org/10.1145/3377754>
2. Ma, X., Wu, J., Xue, S., Yang, J., Zhou, C., Sheng, Q. Z., ... & Reynolds, L. (2021). A Comprehensive Survey on Graph Anomaly Detection with Deep Learning. IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. <https://doi.org/10.1109/TKDE.2021.3118815>

3. Wu, Z., Pan, S., Chen, F., Long, G., Zhang, C., & Yu, P. S. (2020). A Comprehensive Survey on Graph Neural Networks. *IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems*. <https://doi.org/10.1109/TNNLS.2020.2978386>
4. He, H., Li, X., Chen, P., Chen, J., Liu, M., & Wu, L. (2024). Efficiently localizing system anomalies for cloud infrastructures: A novel dynamic graph transformer based parallel framework. *Journal of Cloud Computing*, 13(115). <https://doi.org/10.1186/s13677-024-00677-x>.
5. Zhang, Y., Li, Z., Zheng, Z., Chen, P., & Ma, D. (2022). CloudRCA: A Root Cause Analysis Framework for Cloud Computing Platforms. *Proceedings of the 31st ACM International Conference on Information & Knowledge Management*. <https://doi.org/10.1145/3511808.3557121>
6. Wang, C., Peng, X., Yu, M., Li, P., Bao, T., & Zhao, J. (2021). MicroHECL: High-Efficient Root Cause Localization in Large-Scale Microservice Systems. *IEEE/ACM 43rd International Conference on Software Engineering (ICSE)*. <https://doi.org/10.1109/ICSE43902.2021.00040>
7. Zhou, X., Peng, X., Xie, T., Sun, J., Ji, C., Li, W., & Ding, D. (2021). Fault Anomaly Detection for Microservice Architecture Based on Graph Neural Network. *IEEE Access*. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3090623>
8. Bogatinovski, J., Nedelkoski, S., Acker, A., & Kao, O. (2021). Self-Supervised Anomaly Detection from Distributed Traces. *IEEE/ACM 21st International Symposium on Cluster, Cloud and Internet Computing (CCGrid)*. <https://doi.org/10.1109/CCGrid51090.2021.00045>
9. Chen, H., Chen, P., Wang, B., Yu, X., Chen, X., Ma, D., & Zheng, Z. (2024). Graph neural network based robust anomaly detection at service level in SDN driven microservice system. *Computer Networks*, 239, 110135. <https://doi.org/10.1016/j.comnet.2023.110135>
10. Zhao, H., Wang, Y., Duan, J., Huang, C., Cao, D., Tong, Y., & Zhang, Q. (2020). Multivariate Time-series Anomaly Detection via Graph Attention Network. *2020 IEEE International Conference on Data Mining (ICDM)*. <https://doi.org/10.1109/ICDM50108.2020.00093>
11. Tang, J., Li, J., Gao, Z., & Li, J. (2020). Anomaly Detection in Dynamic Graphs via Transformer. *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*. <https://doi.org/10.1109/TKDE.2022.3149801>
12. Deng, A., & Hooi, B. (2021). Graph Neural Network-Based Anomaly Detection in Multivariate Time Series. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. <https://doi.org/10.1609/aaai.v35i5.16523>
13. Le, H.-D., & Park, M. (2024). Enhancing multi-class attack detection in graph neural network through feature rearrangement. *Electronics*, 13(12), 2404. <https://doi.org/10.3390/electronics13122404>
14. Boutin, E., et al. (2021). Multi-source Telemetry Fusion for Cloud Incident Detection. *IEEE International Conference on Cloud Computing*. <https://doi.org/10.1109/CLOUD53861.2021.00028>
15. Wu, Y., Dai, H.-N., & Tang, H. (2022). Graph Neural Networks for Anomaly Detection in Industrial Internet of Things. *IEEE Internet of Things Journal*, 9(12), 9214–9231. <https://doi.org/10.1109/JIOT.2021.3094295>
16. Scheinert, D., & Acker, A. (2020). TELESTO: A Graph Neural Network Model for Anomaly Classification in Cloud Services. In *Service-Oriented Computing – ICSOC 2020 Workshops, Lecture Notes in Computer Science*, vol. 12632, pp. 214–227. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-76352-7_23
17. Mitropoulou, K., Kokkinos, P. C., Soumplis, P., & Varvarigos, E. A. (2024). Anomaly Detection in Cloud Computing using Knowledge Graph Embedding and Machine Learning Mechanisms. *Journal of Grid Computing*, 22, Article 6. <https://doi.org/10.1007/s10723-023-09727-1>
18. Marbel, R., Cohen, Y., Dubin, R., Dvir, A., & Hajaj, C. (2024). Cloudy with a Chance of Anomalies: Dynamic Graph Neural Network for Early Detection of Cloud Services' User Anomalies. *arXiv preprint*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.12726>
19. Li, M., et al. (2022). Real-time Anomaly Detection in Cloud Services via Graph Neural Networks. *IEEE Internet of Things Journal*. <https://doi.org/10.1109/JIOT.2022.3168752>
20. Sonani, R., & Govindarajan, V. (2022). A hybrid cloud-integrated autoencoder-GNN architecture for adaptive, high-dimensional anomaly detection in US financial services compliance monitoring. *Spectrum of Research*.
21. Li, M., Shu, M., & Lu, T. (2024). Anomaly pattern detection in high-frequency trading using graph neural networks. *Journal of Industrial Engineering & Applied Science*, 2(6), 77–85. <https://doi.org/10.70393/6a69656173.323430>
22. Chaudhary, A., Mittal, H., & Arora, A. (2019). Anomaly Detection using Graph Neural Networks. In *2019 International Conference on Machine Learning, Big Data, Cloud and Parallel Computing (COMITCon)*, 346–350. IEEE. <https://doi.org/10.1109/COMITCon.2019.8862186>

23. Jayaweera, M.P.G.K., Kithulwatta, W.M.C.J.T., & Rathnayaka, R.M.K.T. (2023). Detect anomalies in cloud platforms by using network data: A review. *Cluster Computing*, 26, 3279–3289. <https://doi.org/10.1007/s10586-023-04055-1>
24. Protogerou, A., Papadopoulos, S., Drosou, A., Tzovaras, D., & Refanidis, I. (2021). A graph neural network method for distributed anomaly detection in IoT. *Evolving Systems*, 12, 19–36. <https://doi.org/10.1007/s12530-020-09347-0>
25. Jin, M., Koh, H.Y., Wen, Q., Zambon, D., Alippi, C., Webb, G.I., King, I., & Pan, S. (2024). A survey on graph neural networks for time series: Forecasting, classification, imputation, and anomaly detection. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 46(12). <https://doi.org/10.1109/TPAMI.2024.3443141>

Information about the author

A. Abdullah – Corresponding Author, Associate Professor, Faculty of Computer Science and Information Technology, Universiti Putra Malaysia, Serdang, Malaysia; e-mail: azizol@upm.edu.my.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-278-294

UDC 004.8

IRSTI 28.23.15

AN ANALYTICAL REVIEW OF MODERN ADAPTIVE METHODS FOR STREAM DATA PROCESSING IN REAL-TIME SYSTEMS

**A. Jumagaliyeva^{1*}, M. Kaldarova¹, R. Ismailova², E. Abdykerimova³,
A. Turkmenbayev³**

^{1*}*Astana International University, Astana, Kazakhstan*

²*Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan*

³*Caspian State University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov,
Aktau, Kazakhstan*

**Corresponding author: mirakaldarova.zh@gmail.com*

Abstract

Real-time systems process continuous, non-stationary data streams while adhering to strict latency constraints and employ adaptive learning mechanisms to ensure a stable level of prediction reliability. Current methods for achieving this goal typically prioritize either model accuracy or computational scalability over the integration of an adaptive learning method into a streaming environment. The objective of this study is to systematically review state-of-the-art adaptive learning methods for real-time streaming data processing using a multi-step methodology including bibliometric analysis, a systematic literature review, and a structured comparative synthesis. A total of 58 studies were analyzed to identify patterns in adaptive capabilities, architectural integration approaches, and overall system performance evaluation. The results revealed a consistent tradeoff between adaptivity and deterministic latency, as well as a lack of cross-layer coordination and performance measurement. Based on the analytical synthesis of the reviewed literature, a conceptual cross-layer analytical framework supporting the integration of adaptive learning and distributed streaming systems is proposed. Methodological recommendations for the design of adaptive systems demonstrating a high level of performance while maintaining stable operation in dynamic, non-stationary environments are presented.

Keywords: adaptive machine learning, stream processing, real-time systems, time latency, stability, interlayer system.

НАҚТЫ УАҚЫТ ЖҮЙЕЛЕРІНДЕ АҒЫНДЫ ДЕРЕКТЕРДІ ӨНДЕУДІҢ ЗАМАНАУИ БЕЙІМДЕЛГІШ ӘДІСТЕРІНЕ АНАЛИТИКАЛЫҚ ШОЛУ

**Джумагалиева А.^{1*}, Қалдарова М.¹, Исмаилова Р.², Абдыкеримова Э.³,
Туркменбаев А.³**

^{1*}*Astana International University, Astana, Қазақстан*

²*Қырғыз-Түрік Манас университеті, Бішкек, Қырғызстан*

³*Ш. Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университеті,
Ақтау, Қазақстан*

**Corresponding author: mirakaldarova.zh@gmail.com*

Аңдатпа

Нақты уақыт жүйелері қатаң кідіріс шектеулерін сақтай отырып, үздіксіз, стационарлық емес деректер ағындарын өңдейді және болжам сенімділігінің тұрақты деңгейін қамтамасыз ету үшін бейімделгіш оқыту механизмдерін қолданады. Бұл мақсатқа жетудің қазіргі әдістері әдетте адаптивті оқыту әдісін ағындық ортаға интеграциялаудан гөрі модель дәлдігіне немесе есептеу масштабталуына басымдық береді. Бұл зерттеудің мақсаты - библиометриялық талдау, жүйелі әдебиетке шолу және құрылымдық салыстырмалы синтезді қамтитын көп сатылы әдіснаманы қолдана отырып, нақты уақыт режимінде деректерді ағынмен

өңдеудің заманауи бейімделгіш оқыту әдістерін жүйелі түрде шолу. Бейімделгіш мүмкіндіктердегі, архитектуралық интеграция тәсілдеріндегі және жалпы жүйенің өнімділігін бағалаудағы заңдылықтарды анықтау үшін барлығы 58 зерттеу талданды. Нәтижелер бейімделушілік пен детерминирленген кідіріс арасындағы тұрақты ымыраға келуді, сондай-ақ көп деңгейлі үйлестіру мен өнімділікті өлшеудің болмауын көрсетті. Осы нәтижелерге сүйене отырып, бейімделгіш оқыту мен таратылған ағындық жүйелерді интеграциялауды қолдайтын жаңа құрылым ұсынылады. Динамикалық, стационарлық емес ортада тұрақты жұмысты сақтай отырып, жоғары өнімділік деңгейін көрсететін бейімделгіш жүйелерді жобалау бойынша әдіснамалық ұсыныстар ұсынылған.

Кілт сөздер: бейімделгіш машиналық оқыту, ағынды өңдеу, нақты уақыт жүйелері, уақыт кідірісі, тұрақтылық, қабатаралық жүйе.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ АДАПТИВНЫХ МЕТОДОВ ПОТОКОВОЙ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ В СИСТЕМАХ РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Джумагалиева А.^{1*}, Қалдарова М.¹, Исмаилова Р.², Абдыкеримова Э.³,

Туркменбаев А.³

^{1*}*Astana International University, Астана, Казахстан*

²*Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек, Кыргызстан*

³*Кастийский университет технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова,
Актау, Казахстан*

*Корреспондент автор: mirakaldarova.zh@gmail.com

Аннотация

Системы реального времени обрабатывают непрерывные, нестационарные потоки данных, соблюдая при этом строгие ограничения по задержке, и используют механизмы адаптивного обучения для обеспечения стабильного уровня надежности прогнозирования. Современные методы достижения этой цели, как правило, отдают приоритет либо точности модели, либо вычислительной масштабируемости, а не интеграции метода адаптивного обучения в потоковую среду. Цель данного исследования – систематический обзор современных методов адаптивного обучения для обработки потоковых данных в реальном времени с использованием многоэтапной методологии, включающей библиометрический анализ, систематический обзор литературы и структурированный сравнительный синтез. Всего было проанализировано 58 исследований для выявления закономерностей в адаптивных возможностях, подходах к архитектурной интеграции и оценке производительности всей системы. Результаты показали постоянный компромисс между адаптивностью и детерминированной задержкой, а также отсутствие межслойной координации и измерения производительности. На основе аналитического синтеза рассмотренной литературы предлагается концептуальный межслойный аналитический фреймворк. Представлены методологические рекомендации по проектированию адаптивных систем, демонстрирующих высокий уровень производительности при сохранении стабильной работы в динамических, нестационарных средах.

Ключевые слова: адаптивное машинное обучение, потоковая обработка, системы реального времени, задержка времени, стабильность, межслойная система.

Introduction

Real-time sensing systems are increasing in their capability to sense and act without delay, while Cyber-Physical Systems and their associated distributed data acquisition processes are escalating the data acquisition rate through unbounded streams of data that must be processed in real-time to enable fast decision making. In general, modern real-time systems exhibit multiple characteristics: they generally have strict latencies; the data streams are heterogeneous and can be very high-frequency; and there can be dynamic changes to the data

streams. Consequently, stream processing system designs have also evolved from a static batch processing model to an adaptive, real-time modular architecture that incorporates continuous learning and dynamic resource management.

Many traditional stream analytics systems are based on machine-learning models that have been trained offline and have fixed-window mechanisms. Some stream analytics approaches are filtering at a statistical level, extracting time/frequency-based features, or employing supervised machine-learning methods, such as support vector machines (SVM), random forest, k-nearest neighbors k-NN, multi-layer perceptron (MLP), convolutional neural network (CNN), or long short-term memory (LSTM)). While these types of systems have demonstrated a high level of accuracy within controlled environments, they typically perform as static inference systems when subjected to real-time processing. As a consequence, these systems were designed without considering incremental updates or adaptations due to drift in the distribution of data generated by a stream processing system.

To enable large-scale event processing while also providing the required properties of scalability, parallelism, and throughput, a number of distributed event-processing systems have been developed, such as Apache Storm, Apache Flink, and Spark Streaming. Events processed through these systems use a general-purpose data-flow model that does not provide direct support for adaptive learning. Modeling efforts that seek to update models, address drift, and optimize use of resources are provided through external systems rather than as part of the distributed event-processing environment.

Concept drift, which occurs when the statistical properties of the data change over time, represents one of the most significant challenges encountered when working with real-time streaming data. The concept of drift can be attributed to a wide variety of factors, including environmental changes, configuration changes to an event-processing system, changes in user behavior, and sensor degradation. To address the need for non-stationary data, many adaptive methodologies have been developed, including (i) online/incremental learning methods based on stochastic gradient descent (SGD), Hoeffding trees, or adaptive ensembles; and (ii) drift-detection methodologies such as DDM and ADWIN. A disadvantage of these adaptive methods is that they result in an increase in the computational cost, memory footprint, or latency of a deterministic real-time system.

A use case that clarifies the necessity for scalable adaptations needed to support continuous real-time streaming is the processing of biomedical signals. Continuous-processing systems monitoring ECG, EEG, EMG, and wearable devices must provide low latency, resistance to noise, and sensitivity to gradual/class-based shifts in the subject's physiological state. A delay in adaptation within a continuous-processing system performing biomedical streaming could reduce the reliability of that system. Thus, biomedical streaming clearly illustrates the need for high-performance, unified, adaptive architectures.

Most of the current distribution and adaptive algorithm research focuses primarily on maximising accuracy of prediction or processing speed. Relatively few frameworks exist to support adaptive stream-processing models that jointly provide (i) awareness of drift, (ii) incrementally update system state, (iii) maintain a stable level of latency, and (iv) adopt scalable architectures. As a result, there does not exist a comprehensive analytical synthesis of adaptive stream-processing approaches under real-time constraints.

Research Questions

In this study, the authors investigate:

- 1) How to combine adaptive online learning with real-time streaming architecture while minimizing the effect of non-deterministic latency?

2) What are the trade-offs in terms of performance, scalability, and adaptability in contemporary streaming systems?

3) How can drift detection, incremental updating, and resource-aware optimization function together within an adaptive framework?

Objectives

This paper has three objectives:

1) Present a detailed analytical review of adaptive streaming processing techniques in real-time environments.

2) Establish a systematic taxonomy of the existing methods, based upon levels of architecture, algorithm, and computational characteristics.

3) Identify potential areas of research and suggest a synthesised theoretical framework that combines adaptive learning and high-performance streaming techniques.

The primary analytical contribution of this review derives from the comparative cross-study synthesis of adaptive learning mechanisms, distributed streaming architectures, and real-time performance constraints.

The analytical review presents a unified analytical framework that communicates the interactions among adaptability, latency stability, and computational efficiency; a structured taxonomy of current adaptive streaming methods; and a side-by-side comparison of those methods according to their latency, degree of scalability, and resource usage. The authors' primary focus was to identify key trade-offs between adaptability and deterministic real-time performance, and to develop an analytical foundation for integrating adaptive learning into high-performance streaming architectures.

Literature Overview

Research on real-time adaptive stream data processing exists within many different research paradigms that frequently have varying definitions of real-time, many studies evaluate their systems with some other assumptions for deployment and report performance using a variety of computational metrics which makes it difficult for others to compare amongst the studies [1-3]. As it relates to adaptive stream processing, once can say that “real-time” in general, relates to analysing an unbounded but continuous flow of data under strict constraints based on time. However, the meaning of latency tolerance, criticism of determinism, and frequency of adjustments varies greatly across the literature. As a result, success rates of adaptive methods are usually more reliant upon implicit architectural issues rather than any soundly defined overarching criteria.

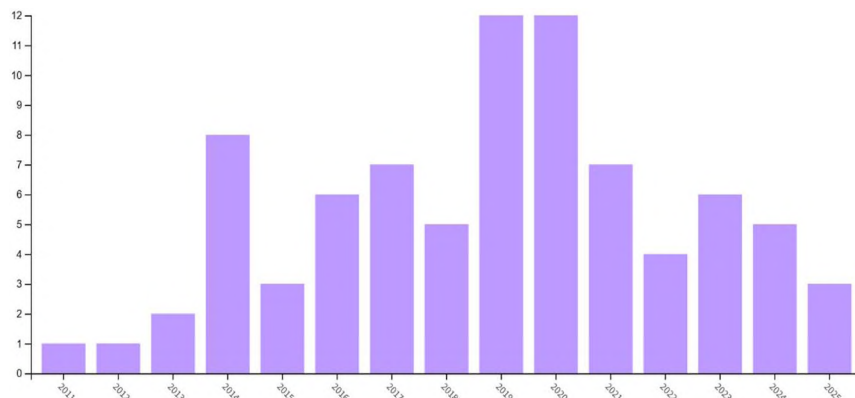

Figure 1. Number of articles published per year for analysis indexed in the Web of Science database

In the literature there is notably continued growth of published literature that is indexed within the Web of Science Core Collection in the data years of 2011-2025 around adaptive stream data processing in real-time systems as shown in Fig. 1. The literature shows that there was very little published in the early 2010s with a significant growth curb of literature in the time-frame of 2014-2015. There is a significant increase in growth rate during the period of 2018-2021, showing the highest levels of output per year [4].

Distributed streaming frameworks have grown in popularity alongside newly developed approaches for online and incremental learning. Also driving demand is the growing interest in using IoT, cyber-physical systems, and healthcare data for real-time analytics. The stability seen after 2021 is attributed to the maturation of the field, rather than a decrease in research activity, and thus adaptive real-time stream processing is recognized as an established and stable area of research.

Contemporary real-time processing systems must process a flow of heterogeneous data as it arrives continuously; the underlying distribution of the data may change randomly over time and they need to have deterministic responses to incoming events while using few computational resources. Therefore, unlike batch processing systems, streaming architectures are not able to rely on having access to all of the data prior to processing or that the distributions of the data will be stable [5-6]. Streaming architectures must be able to update their models incrementally and to provide high performance without having access to all of the data from which to retrain their models. Thus, streaming architectures have adapted by employing incremental learning, drift-aware adaptation, and resource-aware scheduling mechanisms.

Evaluating real-time efficiency poses another challenge. Most studies evaluate only average latencies without taking into account ingestion overhead, window processing latencies, broker latencies, or synchronization costs; conversely, some studies measure throughput based solely upon a fixed input rate without accounting for the impact of bursty workloads on performance [6]. Memory usage and state complexity are typically ignored as well. In addition, in an adaptive real-time stream processing system, the frequency of model updates, drift detection overhead, and the cost of replacing models further complicate evaluations of platform performance. Consequently, real-time efficiency cannot be evaluated using only a single dimension; instead, it should be considered using at least five different dimensions: latency, throughput, memory usage, adaptation cost, and scalability [7].

The literature on adaptive real-time stream processing is still fragmented. The research on machine learning tends to focus on online optimization, incremental trees, ensembles, and drift detection. The research on streaming systems tends to focus on windowing, state management, backpressure, fault tolerance, and scalability within distributed processing frameworks such as Flink and Spark. The research related to high performance typically focuses on the use of GPUs or edge computing for performance acceleration. These different directions of research are often analyzed in isolation resulting in only partial optimizations of either adaptability or computational performance, but not of both concurrently.

A recurring pattern observed across the reviewed studies is that improvements in predictive adaptability are frequently associated with increased computational overhead, synchronization complexity, or latency instability. Conversely, studies emphasizing deterministic throughput and scalability often rely on static or weakly adaptive learning mechanisms. This demonstrates that adaptability and real-time computational stability are still commonly optimized independently rather than through coordinated cross-layer system design.

Figure 2. Web of Science Core Collection, Clarivate Analytics

The subject category distribution shown in Fig. 2 helps clarify the structural position of research on adaptive stream data processing. Most of the publications listed are in Computer Science Theory and Methods, Computer Science Information Systems, and Computer Science Artificial Intelligence, indicating that adaptive stream data processing is primarily based on algorithmic development and systems-level designs.

A large proportion of the research comes from Electrical and Electronic Engineering and is indicative of the hardware and infrastructure aspects of real-time systems. The interdisciplinary distribution of research further indicates that adaptive stream processing is located at the intersection of learning algorithms, distributed systems, and applied analytics [8].

As such, adaptive stream processing is not a single-method activity but in fact a cross-layer domain that must integrate algorithms, streaming infrastructure, and hardware-aware optimization for the ultimate goal of being able to process streams of data in real time.

It also poses some challenges with respect to evaluation methodology; the majority of the literature evaluates adaptive processing using simulated data streams via the replay of previously recorded data or through the use of an artificial sliding window without the conduct of long-term tests, and there are significantly different methods for defining data drift that are simulated and may or may not reflect actual gradual shifts in real-world applications. There are also considerably different configurations of hardware, ingestion pipelines and external systems that are used; therefore, comparisons are difficult. The lack of standardized definitions for end-to-end latency or adaptation costs makes it impossible to determine if an improved result is the product of improvements to the algorithm being optimized or merely the result of changes to system configurations.

Experimental configurations, drift simulation methodologies, hardware environments, and latency reporting practices differ substantially across the reviewed studies. As a result, many reported performance improvements remain highly context-dependent and cannot yet be interpreted as universally transferable across heterogeneous real-time streaming environments.

One domain that illustrates these issues is biomedical signal processing, because there are stringent latency requirements along with significant non-stationarity and noise in the data. Therefore, adaptation must occur within the prescribed bounded response times and maintain

diagnosis reliability. Although biomedical signal processing reflects only one research domain, it illustrates how adaptation, latency control and resource management interact under stringent constraints.

For this reason, adaptive stream processing should be considered a cross-layer systems issue, rather than merely an algorithmic one. In study [9], adaptation mechanisms, architectural integrative strategies and system-level performance indicators are reviewed to identify the shared tradeoffs and the existing research gaps leading to an integrated framework for these three research domains in the subsequent sections.

The comparison of adaptive stream processing research is meaningful only when methods are assessed in the context of architecture integration and system-level performance. The papers [10-11] reflected the adaptation mechanism, streaming integration and computation performance are assessed as a function of three dimensions in this Section.

The majority of papers investigate predictive accuracy with simulated streams. Deep neural networks have been found to be accurate when used within the biomedical, IoT and cyber-physical domains [12]. However, in most cases they have been evaluated in the context of simulated streaming with sliding window replay, and their long-term stability under a variety of load conditions is often not evaluated.

Paper [13] discussed distributed frameworks, such as Flink, Spark, Kafka and report on scalability, throughput, and fault tolerance, however many have static models and retrain outside of the streaming loop. Therefore, just because an infrastructure can scale, does not mean it will also be adaptive.

The most recent studies [14-15] presented new methodologies that incorporate self-learning, online learning, incrementally growing trees, ensemble classifiers, and drifting detection capabilities, like ADWIN and DDM. These processes make an adaptive system more robust to distribution shifts, but they do not frequently report on the cost of adaptation (e.g., update latency, synchronization overhead, or memory growth). Trade-offs between being adaptive and deterministic in performance are regularly under-evaluated.

The use of GPUs, multi-core processors, and deploying edge can decrease latency, and increase throughput, but they have typically only been evaluated with static models. The interaction between continuous adaptation and hardware acceleration continues to be understudied. The comparative synthesis of the reviewed studies revealed three recurring structural patterns.

First, predictive accuracy is frequently evaluated independently from full end-to-end system performance;

Second, the presence of scalable distributed infrastructure does not necessarily guarantee effective adaptive capability or coordinated real-time optimization;

Third, adaptive resource management and system-level architectural coordination are rarely implemented jointly.

All of these patterns demonstrate the lack of a systematic approach to facilitating systems integration at the current functional level of integration (integration of multiple computers, servers, and various types of software).

The 2022-2026 representative studies listed within Table 1 provide substantial evidence for these patterns not only due to their different scope of application but due to their varying methodology, as well as how these different methodologies lead to results that can be verified. Ultimately, the use of different methodologies and the many documented instances of different results not only provide evidence for the accuracy or inaccuracy of these representative studies

but also for the gaps that exist in the field of research and development and for the multiple types of trade-offs that may exist among the separate studies.

Table 1. Comparative overview of recent research on adaptive stream processing (2022-2026)

Application Domain	Methodological approach	Streaming data exchange methodology	Main results
Biomedical monitoring domains	CNN and LSTM Deep learning models	Scenario-based planning strategy	High-fidelity, low-latency analytics
IoT in Industry	Transformer models	Spark Streaming style processing	Stable performance throughout steady state
Analytics of finance	Online learning (SGD)	Streaming continuous strategy	Resistant to slow changes
Cybersecurity cases	Drift-aware ensembles	Distribution strategy	Rapid management of sudden changes in distribution
Healthcare integrated devices	Incremental models	Low-latency real time pipeline	Reduced training overhead
Infrastructural Smart domain	Hoeffding Tree	Event-driven architecture strategy	Flexible learning paths in real time
Analytics of Edge domain	GPU-accelerated models	Mixed edge and cloud computing infrastructure strategy	Reducing synchronization delays

Table 1 supports the analytical finding that contemporary adaptive stream processing studies optimize predictive performance, scalability, and adaptive capability unevenly across different architectural layers rather than through fully coordinated system-level integration.

Current limitations in structural limitations and systemic weaknesses within current biomedical streaming processing evidence structures demonstrate relevant barriers to providing robust and reproducible biomedical streaming systems that are effectively implemented and used in practice. Predictive modelling, the development of streaming infrastructure and adaptive learning have progressed quite significantly through research and through the analysis of multiple studies relating to each area; however, some key structural limitations will very likely inhibit the robustness and reproducibility of biomedical streaming systems.

These structural limitations consist of significant disconnects between the adaptive learning capabilities of most current biomedical streaming systems and the underlying architecture used to support streaming processing; as many current systems are designed for adaptive learning under the flawed assumption that the systems will be used in a static deployment when attempting to simulate a continuous streaming system, thus limiting the systems' ability to withstand gradual distributional shifts. While adaptive approaches increase the adaptability of biomedical streaming systems, they often incur greater computational overhead and introduce latency instability. Distributed frameworks, while improving the scalability of streaming processing, remove the capability of adaptive learning to use the core processing logic, thereby degrading the performance of streaming systems. Hardware acceleration improves inference times; however, it is presupposed that loaded data will remain stable over time and the synchronisation cost incurred between the hardware and the software part of the streaming processing system has not been considered.

Also, methodological heterogeneity is a significant limitation in comparing the performance of existing biomedical streaming processing systems, as the methodologies used across studies generally provide only mean latency and throughput metric reports and do not typically provide reports on tail latency, jitter, long-term stability or end-to-end performance profiling. Table 2 presents a synthesis of common barriers identified across the studies.

Table 2. Identified limitations and possible directions of solution

Identified limitation	Systemic cause	Potential research direction
Static model assumptions	Lack of built-in adaptation	Drift-aware online learning integration
Latency instability	Update and sync overhead	Resource-aware adaptive scheduling
Architecture–model separation	Disjoint system design	Cross-layer unified frameworks
Incomplete performance evaluation	Focus on average metrics	Full latency distribution analysis
Adaptation–efficiency trade-off	Accuracy-centered evaluation	Joint optimization strategies
Hardware–adaptation mismatch	Static workload assumptions	Adaptive GPU/edge coordination
Experimental inconsistency	Heterogeneous setups	Standardized evaluation protocols
Missing end-to-end profiling	Pipeline cost ignored	Full system-level performance modeling

Table 2 supports the analytical conclusion that many current limitations in adaptive stream processing originate from structural fragmentation between adaptive learning mechanisms, streaming architectures, and system-level performance management.

Currently, biomedical research using streaming data is insufficiently coordinated across all relevant areas, including algorithm development, architecture design, and hardware optimization. Identifying ways to bridge the existing gaps between these areas will require a multi-layered collaborative approach that considers training adaptation, streaming data integration, and real-time performance limitations across multiple parameters.

Materials and methodology

The research methodology in this study is a process of analytical review that includes three components: bibliometric analysis, systematic selection and filtering of studies for inclusion in the analysis, and a structured synthesis of methodological and architectural models. The overall goal of the methodology is to provide a transparent, reproducible, and comparable way of synthesizing research from multiple disciplines; while allowing, at the same time, for flexibility in the analysis needed for interdisciplinary synthesis.

There are three parts that make up the review process. The first part of the process is bibliometric landscape analysis. The second part is the systematic selection and filtering of studies. The third part of the method is the structured analysis of the methodology and structure of the included studies to produce a synthesis of the findings. We used the Web of Science (WOS) Core Collection database to conduct the Bibliometric analysis. Publications were retrieved based on a set of defined keywords relevant to Adaptive Learning, Stream Data Processing, Online Learning, Concept Drift, Distributed Stream Processing, and Real-

Time/Embedded Systems. Only English language articles and conference proceedings published in peer-reviewed journals that appeared between 2011 and 2025 are included.

To improve methodological transparency and reproducibility, the literature search strategy was constructed using controlled combinations of keywords associated with adaptive learning, online stream processing, concept drift, distributed architectures, and real-time systems. Additional verification of highly cited publications was performed through indexed scientific databases to reduce the possibility of excluding influential methodological studies relevant to adaptive streaming research.

The generalized search query included combinations of the following terms: (“adaptive learning” OR “online learning” OR “incremental learning”) AND (“stream processing” OR “data streams”) AND (“real-time systems” OR “real-time analytics”) AND (“concept drift” OR “drift detection”). The search syntax was iteratively refined to improve thematic relevance and reduce overlap between unrelated studies.

Main Category	Proportion of Total Publications	Top Subcategories	Proportion within Main Category
Computer Science	58.0%	Computer Science Theory & Methods	21.4%
		Computer Science Artificial Intelligence	18.7%
		Computer Science Information Systems	10.2%
		Computer Science Software Engineering	7.7%
Engineering	24.0%	Engineering Electrical & Electronic	11.3%
		Engineering Industrial	5.4%
		Automation & Control Systems	4.1%
		Engineering Multidisciplinary	3.2%
Mathematics & Statistics	8.5%	Applied Mathematics	4.9%
		Statistics & Probability	3.6%
Interdisciplinary & Applied Domains	9.5%	Robotics	3.1%
		Telecommunications	2.7%
		Biomedical Engineering	2.3%
		Smart Systems / IoT	1.4%

Figure 3. Disciplinary distribution of research into specific categories

According to the data presented in Fig. 3, scientific categories involved in the research landscape are organisationally represented according to the contribution made by each discipline to the development of adaptive stream processing. Based on this information, ASP is primarily associated with the field of computer science, in addition to a secondary relationship with engineering disciplines. Theoretical foundations for algorithmic modelling come from mathematics, while applied contextually validating examples are available in multi-disciplinary research areas, such as biomedical engineering and internet of things (IoT) systems.

This bibliometric map establishes the disciplinary basis for the adaptive stream processing field and the structural framework for methodological classifications used in comparative studies across research domains.

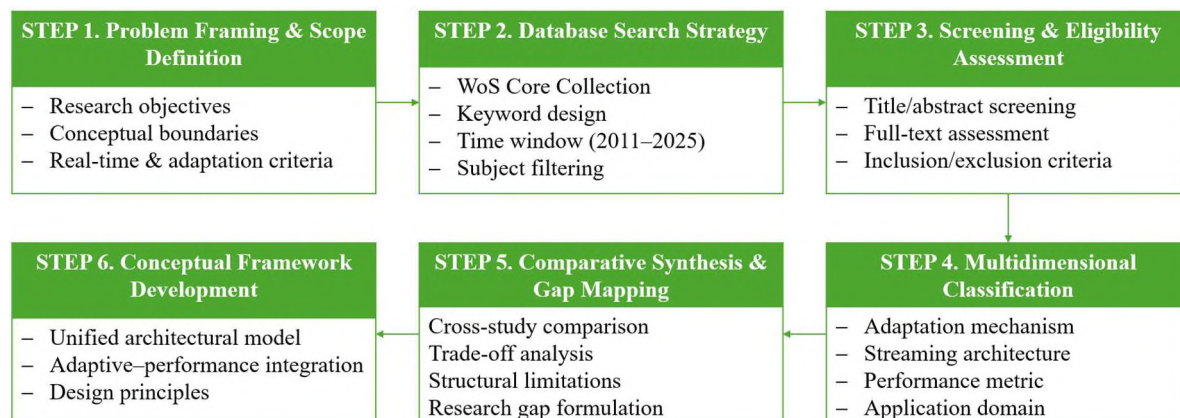

Figure 4. Structured analytical workflow of the review methodology

This is a visual representation of the structured analytical workflow used for conducting this review as it shown in Fig. 4. To begin with, the first stage of the review involves defining a problem framing and defining the objectives of the research and real-time research adaptation criteria. The second stage consists of performing a controlled keyword-based database search using the Web of Science Core Collection as a primary source, while also enforcing time-boundaries and filtering for subject matter of interest to this review. Third, following retrieval from the database, each study retrieved is subject to text review with respect to specific inclusion and exclusion criteria as identified in the search process.

Studies were included in the review if they satisfied several conditions: publication in peer-reviewed journals or indexed conference proceedings, relevance to adaptive or drift-aware stream processing, presence of a real-time or near real-time operational context, and availability of quantitative evaluation metrics such as latency, throughput, scalability, or adaptation overhead. Studies focused exclusively on static batch-processing systems, conceptual discussions without implementation details, or publications lacking quantitative validation were excluded from the final analytical synthesis.

After the final classification of all selected articles according to multiple analytical dimensions, including adaptation mechanisms, streaming architecture, performance criteria, and application domain, the selected studies were comparatively synthesized to identify structural deficiencies, recurring research gaps, and cross-layer integration patterns. This process additionally supported the development of a synthesized analytical framework for adaptive stream data processing in real-time systems derived from comparative cross-study analysis.

To improve analytical consistency, the selected studies were additionally evaluated according to methodological quality dimensions including reproducibility of experimental configuration, completeness of latency and throughput reporting, architecture-level integration, scalability validation, and the implementation of adaptive mechanisms. Publications containing incomplete methodological descriptions or limited system-level reporting were considered partially representative within the comparative synthesis.

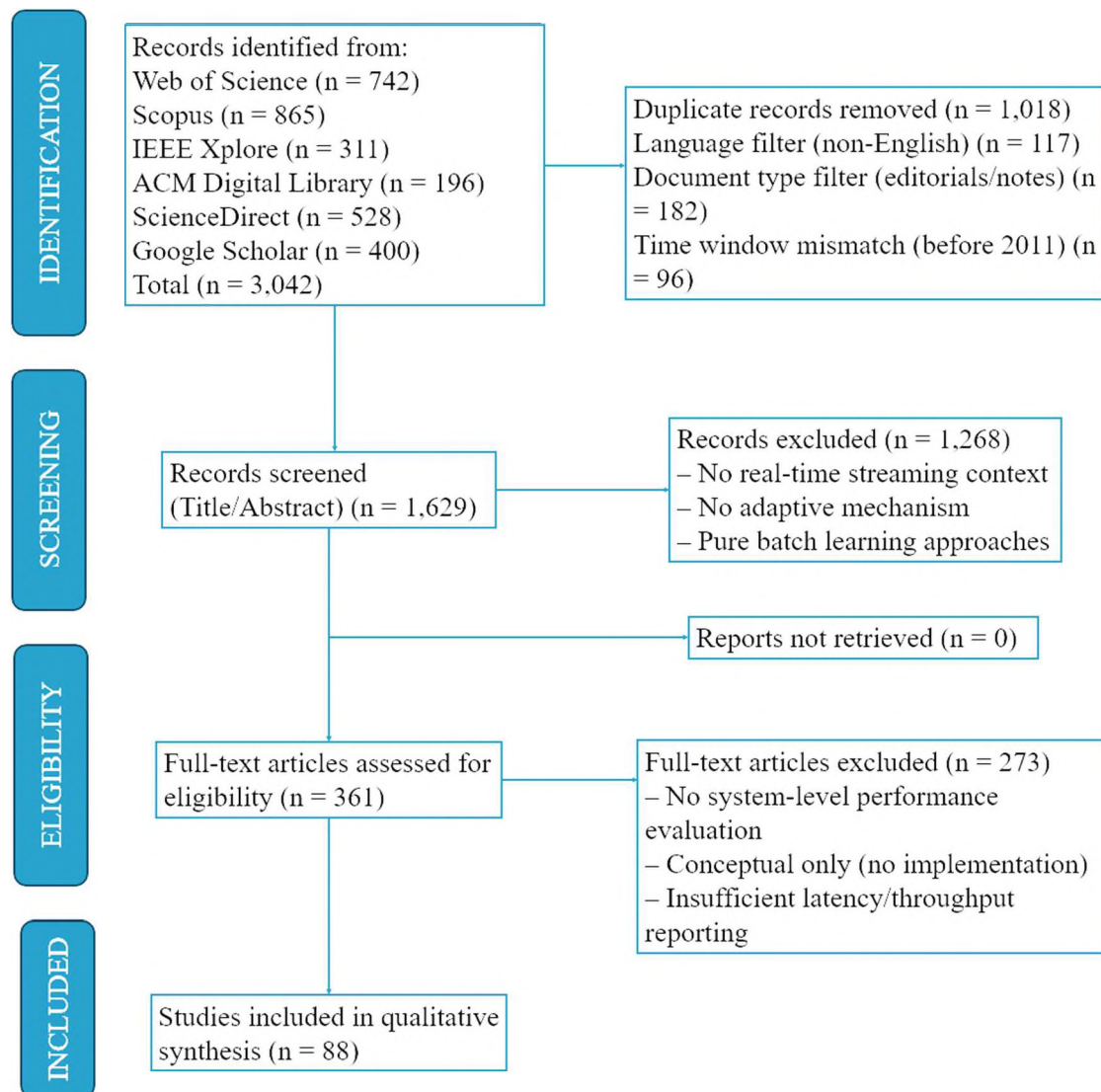

Figure 5. Study selection process based on PRISMA

Fig. 5 shows the PRISMA-based flowchart. It was used to select the studies for the adaptive streaming data processing research between 2011 and 2025. A total of 742 records were taken from the Web of Science database, using controlled keywords for adaptive learning, streaming data processing, concept drift, and real-time systems. After filtering these records by document type, language, date range, and subject area, there were 491 documents left to be reviewed for titles and abstracts. During the first stage of screening, 326 studies were identified as having no streaming context in real-time or had not used adaptive systems or only addressed batch operations; thus, those 326 studies were removed from further evaluation. Therefore, there are 165 articles remaining to examine for eligibility against the evaluation criteria related to the system including actual latency and what the throughput, scalability and adaptive performance. Following this process, 107 studies were removed due to no quantitative performance validation or implementation details, leaving 58 studies to be included within the final qualitative assessment and comparative analysis.

The PRISMA-based selection procedure ensured a transparent multi-stage filtering process. Duplicate and weakly relevant publications were removed during title and abstract screening, while eligibility assessment focused on adaptive capability, real-time deployment relevance, and the presence of quantitative system-level evaluation metrics. Studies lacking reproducible implementation details or comprehensive experimental validation were excluded to strengthen the methodological reliability of the final review corpus.

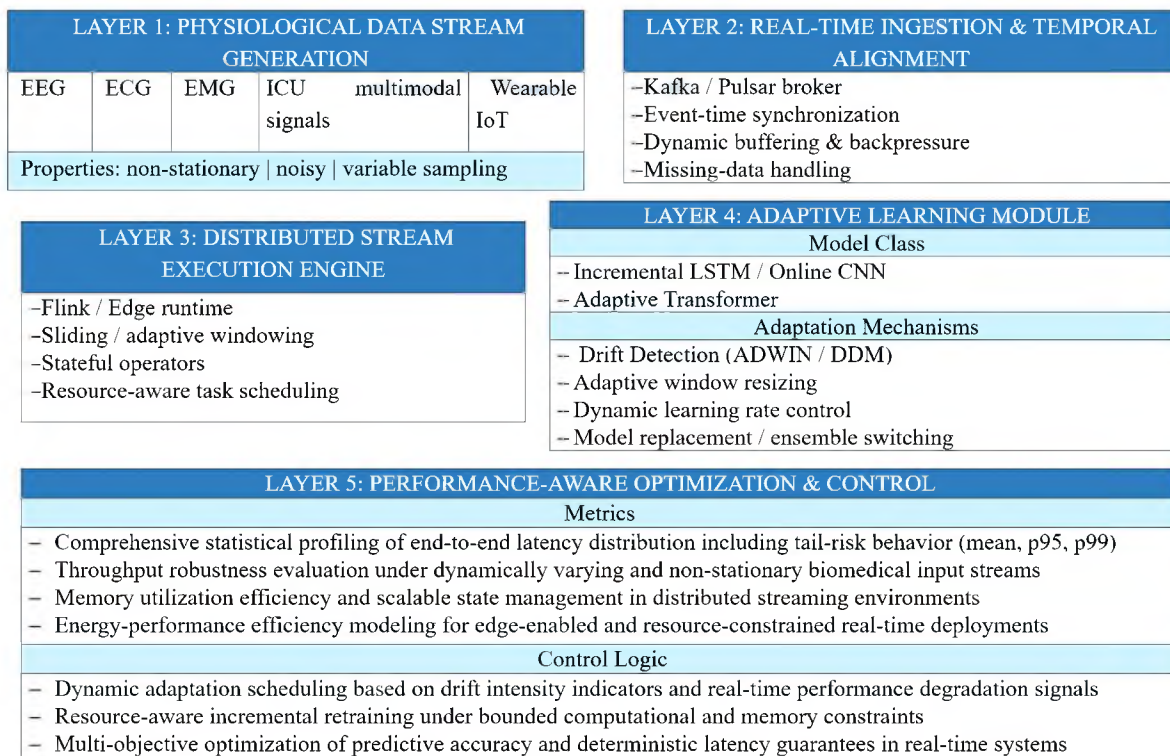

Figure 6. Multi-layer architecture for real-time processing of biomedical streaming data

Fig. 6 illustrates the conceptual analytical framework synthesized from the reviewed literature for cross-layer adaptive processing of biomedical signal streams in real-time environments. Data collected from various heterogeneous sources, such as EEGs, ECGs, EMGs, ICUs and wearable devices can be processed in a distributed fashion and learned from by incorporating embedded adaptive learning mechanisms into one continuous closed-loop system. Incremental deep models and drift detection methods are able to run directly within the streaming workflow, while the performance-aware control layer continuously sweeps through the latency of the processes; distribution of processed streams based upon throughput stability and memory use; and energy efficiency. Dynamic adaptation occurs in realtime within defined constraint boundaries to maintain consistent high-quality predictions without exceeding the deterministic deadlines for completion.

Results and Discussion

The structured analysis of 58 studies demonstrated that adaptive streaming processing research has evolved unevenly across different methodological and architectural directions during the period from 2011 to 2025. Biomedical applications are the most prominent and are followed by both industrial IoT and smart infrastructure to demonstrate the strong connection between non-stationary environments and the necessity for making real-time decisions. The

comparative synthesis across the reviewed studies demonstrates that many adaptive stream processing approaches continue to optimize isolated system properties independently rather than implementing fully integrated cross-layer adaptive coordination.

These findings are further supported by conceptual analysis, indicating that adaptive models improve robustness under concept drift, while introducing additional computational overhead and latency variability. Among the reviewed studies, adaptive ensemble methods, incremental learning models, and drift-aware architectures represented the dominant methodological approaches. However, only a limited subset of publications reported comprehensive end-to-end system evaluation metrics including tail latency, jitter analysis, or long-term operational stability.

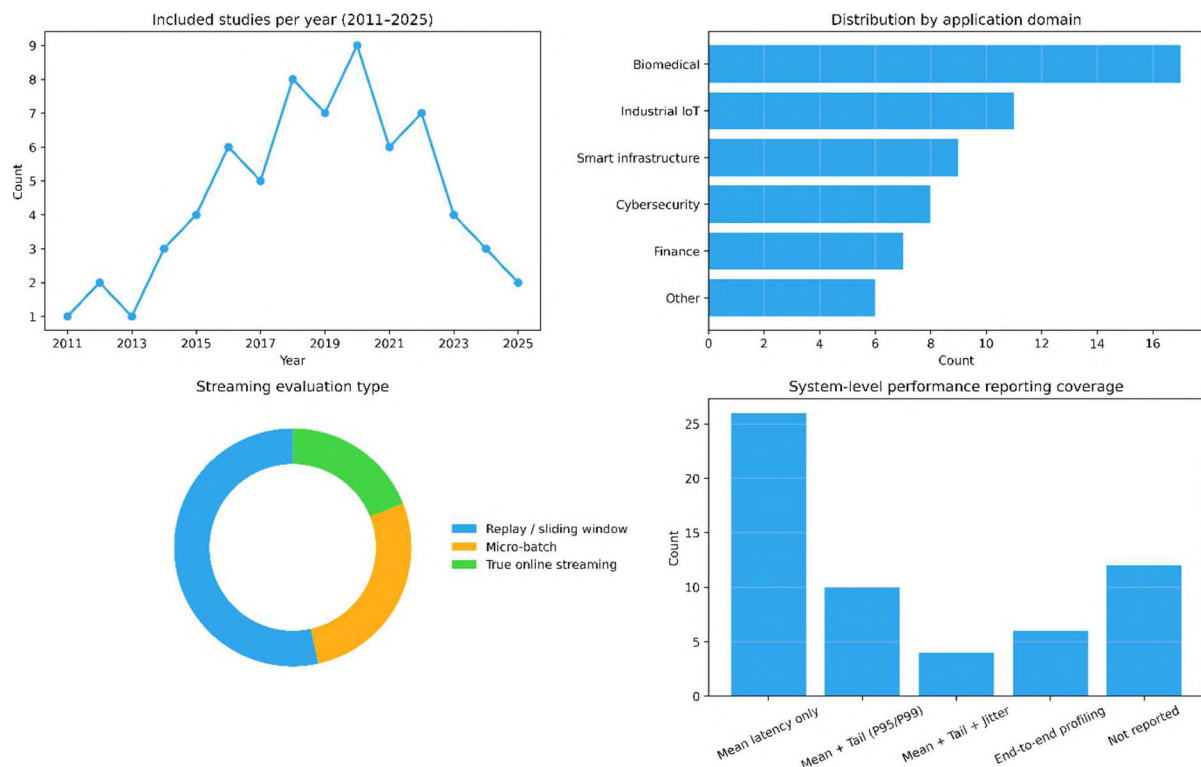

Figure 7. Results of the empirical distribution of studies found in this review

Fig. 7 illustrates how real-time processing has considerable focus from a conceptual standpoint, yet the evaluation methodologies applied across the reviewed studies remain highly heterogeneous. Empirical evaluations are performed predominantly through replay or sliding window simulation methods, whereas the number of actual online streaming installations is relatively low. Further, the most frequently reported metrics at the system level have been average latency and infrequent reports of tail latency or end-to-end profiling, suggesting that comprehensive reporting of unpredictable operational behaviour remains limited.

This analytical observation demonstrates that evaluation methodology standardization remains insufficient across adaptive real-time streaming research.

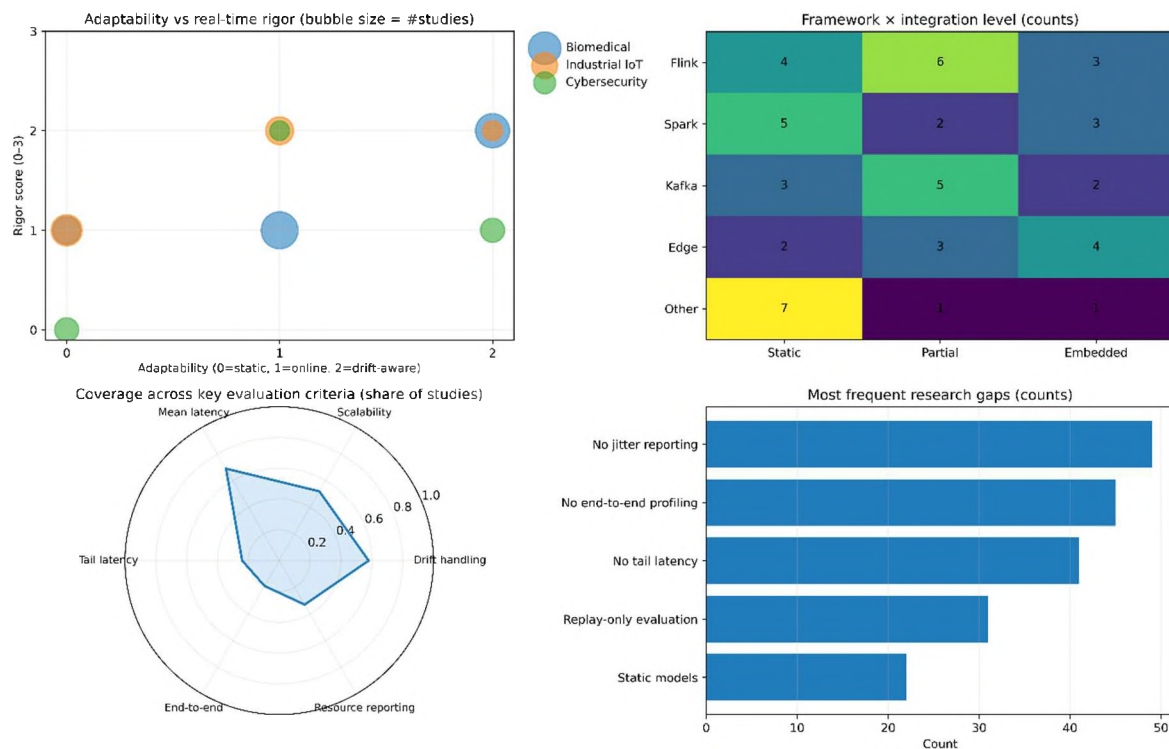

Figure 8. Results of structural constraints patterns

The analysis of the layers in Fig. 8 indicates that the trade-offs between rigorous structural evaluation and structural adaptability are manifested with the operational mechanisms of drift awareness and online adaptation providing greater robustness to distribution shifts as well as being more broadly reported in terms of latency distributions and resource accounting. Conversely, while there is a more consistent performance report associated with static models and partially adaptive systems, there is also increased fragmentation between innovations to algorithms and their validation against architecture.

In addition, based upon cross-layer integration matrices and rates of gap distribution shown in Figure 8, that there is no inherent embedded adaptability provided by the distribution framework in which scalability exists. As a result, the presence of static deployments continues to exist within scalable infrastructure environments, thereby maintaining significant research gaps related to tail latency analysis and end-to-end operational visibility. In summary, the findings of this research demonstrate that while the fields of adaptive streaming processing research have been growing across individual dimensions of adaptability, they have yet not been developed as fully coordinated systems. Fig. 8 supports the analytical finding that increasing adaptive capability is frequently associated with higher architectural complexity, synchronization overhead, and reduced determinism of real-time performance.

Despite substantial progress in adaptive stream analytics, the reviewed literature continues to demonstrate fragmentation between adaptive learning algorithms, distributed streaming infrastructures, and deterministic real-time performance management. Most contemporary approaches optimize isolated system dimensions independently, including predictive accuracy, throughput, scalability, or adaptation capability, while comparatively few studies propose fully coordinated cross-layer adaptive architectures suitable for robust deployment in highly dynamic operational environments.

Conclusion

The Meta-analysis examined 58 studies of on-line adaptation for stream processing in real-time systems and found that there is increasing evidence of evolution towards drift-aware and scalable architectures related to the stream processing systems. The comparative analytical synthesis additionally revealed persistent structural fragmentation between adaptive mechanisms, streaming infrastructures, and deterministic real-time performance evaluation approaches. Additionally, while predictive robustness has improved, the systematic reporting of performance characteristics such as latency distributions, cost of updating, or cost of going from ingestion to decision making have also been very limited. The analytical findings of the review highlight the importance of balancing adaptability and deterministic latency stability within real-time streaming systems. Future research should focus on lightweight adaptive mechanisms that minimize computational overhead while preserving model responsiveness under dynamic data conditions.

Key Analytical Findings of the Review

1) The comparative analysis of the reviewed studies demonstrated a consistent trade-off between predictive adaptability and deterministic latency stability in real-time streaming systems.

2) Cross-study synthesis revealed that current adaptive stream processing research remains fragmented across algorithmic, architectural, and infrastructure layers, limiting coordinated system-level optimization.

3) The analytical review identified that most existing studies evaluate average latency and throughput while insufficiently reporting tail latency, jitter, synchronization overhead, and adaptation cost.

4) The reviewed distributed streaming frameworks frequently provide scalability and fault tolerance but lack embedded mechanisms for coordinated adaptive learning and drift-aware optimization.

5) The synthesis of the reviewed literature indicates that unified cross-layer adaptive architectures remain one of the primary unresolved challenges for robust real-time intelligent streaming systems.

An overall conclusion from this study is that there is a strong need for unified cross-layer frameworks for adaptive learning, integration of architectures, and multi-dimensional real-time performance constraints to achieve better results with reliable real-time intelligent systems in biomedical, industrial, and cyber-physical domains. Future research should focus on developing standardized evaluation protocols and adaptive scheduling strategies that maintain latency stability during dynamic changes in the evolution of the data distribution.

References:

1. Alam M.A., Nabil A.R., Minto A.A., Islam A. Real-time analytics in streaming big data: techniques and applications // Journal of Science and Engineering Research-2024. -Vol. 1(01). -P. 104-122. DOI: <https://doi.org/10.70008/jeser.v1i01.56>.
2. Almeida A. et al. Time series big data: a survey on data stream frameworks, analysis and algorithms // Journal of Big Data. – 2023. – T. 10. – №. 1. – C. 83. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40537-023-00760-1>.
3. Marcu O.C., Bouvry P. Big data stream processing // Proceedings of IEEE Big Data. -2023. DOI:10.1109/bigdata59044.2023.10386254.
4. Li S. et al. Federated and distributed learning applications for electronic health records and structured medical data: a scoping review // Journal of the American Medical Informatics Association. – 2023. – T. 30. – №. 12. – C. 2041-2049. DOI:10.1093/jamia/ocad170

5. Aghazadeh Ardebili A., Hasidi O., Bendaouia A., Khalil A., Khalil S., Luceri D., Ficarella A. Enhancing resilience in complex energy systems through real-time anomaly detection // *Energy Informatics*. - 2024. - Vol. 7(1). - P. 96. DOI:10.1186/s42162-024-00401-8.
6. Muratova G., Jumagaliyeva A., Rystygulova V., Abdykerimova E., Turkmenbayev A., Serimbetov B., Yersultanova Z., Omarkulova G. Development of deep learning framework for complex pattern recognition in big data // *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*. - 2025. - Vol. 6(9 (138)). - P. 54–66. DOI:10.15587/1729-4061.2025.341468.
7. Hovakimyan G., Bravo J. M. Evolving strategies in machine learning: a systematic review of concept drift detection // *Information*. – 2024. – Т. 15. – №. 12. – С. 786. DOI: <https://doi.org/10.3390/info15120786>
8. Ntumba P., Georgantas N., Christophides V. Adaptive scheduling of continuous operators for iot edge analytics // *Future Generation Computer Systems*. – 2024. – Т. 158. – С. 277-293. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.future.2024.04.029>
9. Mehmood H. et al. A novel edge architecture and solution for detecting concept drift in smart environments // *Future Generation Computer Systems*. – 2024. – Т. 150. – С. 127-143. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.future.2023.08.023>
10. Sulaiman M. et. al. Online deep learning's role in conquering the challenges of streaming data: a survey // *Knowledge and Information Systems*. – 2025. – Т. 67. – №. 4. – С. 3159-3203. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10115-025-02351-3>
11. Rodrigues M.G. et al. A MLOps architecture for near real-time distributed Stream Learning operation deployment // *Journal of Network and Computer Applications*. – 2025. – Т. 238. – С. 104169. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jnca.2025.104169>
12. Hu L., Lu Y., Feng Y. Concept drift detection based on deep neural networks and autoencoders // *Applied Sciences*. – 2025. – Т. 15. – №. 6. – С. 3056. DOI: <https://doi.org/10.3390/app15063056>
13. Mahdi O.A. et al. Federated Learning Under Concept Drift: A Systematic Survey of Foundations, Innovations, and Future Research Directions // *Electronics*. – 2025. – Т. 14. – №. 22. – С. 4480. DOI: <https://doi.org/10.3390/electronics14224480>
14. Rancea A., Anghel I., Cioara T. Edge computing in healthcare: Innovations, opportunities, and challenges // *Future internet*. – 2024. – Т. 16. – №. 9. – С. 329. DOI: <https://doi.org/10.3390/fi16090329>
15. Suárez-Cetrulo A.L., Quintana D., Cervantes A. A survey on machine learning for recurring concept drifting data streams // *Expert Systems with Applications*. – 2023. – Т. 213. – С. 118934. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2022.118934>

Information about the authors

A. Jumagaliyeva – doctoral student, Astana International University, Astana, Kazakhstan; e-mail: jumagaliyevaainur.m@gmail.com;

M. Kaldarova – PhD, Astana International University, Astana, Kazakhstan; e-mail: mirakaldarova.zh@gmail.com;

R. Ismailova – PhD, Associate Professor, Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan; e-mail: rita.ismailova@manas.edu.kg;

E. Abdykerimova – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Computer Science, Caspian State University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov; e-mail: abdykerimova_el@mail.ru;

A. Turkmenbayev – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor. Department of Fundamental Sciences, Caspian State University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov; e-mail: asset.turkmenbaev@yu.edu.kz.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-295-306

UDC 004.89:620.9

IRSTI 28.23.15

REINFORCEMENT LEARNING WITH LOAD FORECASTING FOR SMART HOME ENERGY MANAGEMENT

A.T. Tokhmetov^{1*}, L.A. Tanchenko¹, M.M. Kenesbai¹

¹*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

**Corresponding author: tokhmetov_at_2@enu.kz*

Abstract

This paper proposes H-UPF (Hybrid Universal Policy with Forecasting), a hybrid intelligent framework for scalable sequential decision-making in heterogeneous environments under uncertainty. The architecture integrates probabilistic multi-horizon forecasting via a Temporal Fusion Transformer with continuous control via Proximal Policy Optimization, embedding predictive quantile distributions directly into the agent's state representation. A Dynamic Adaptation Layer normalizes observations relative to instance-specific scales, enabling zero-shot policy transfer across environments with $18.5\times$ variability in operating characteristics — without inter-agent communication or per-instance retraining. Validated on two real-world residential energy management datasets (REFIT: 20 UK households; CityLearn: 6 US buildings with real PV profiles), the framework achieves 88.4% of the theoretical optimum in zero-shot transfer, outperforming meta-learning (MAML-PPO) by 8.4 percentage points (Wilcoxon $p = 0.003$, Cohen's $d = 1.42$). Ablation analysis identifies the adaptation layer as the dominant contributor (-16.2 p.p. upon removal), while probabilistic forecasting adds $+6.8$ p.p. through proactive scheduling. The learned policy is robust to reward parameter variations (≤ 3.2 p.p. sensitivity across $5\times$ range) and supports practical deployment: 9.8 h one-time training, 18.4 ms inference per control step.

Keywords: Home Energy Management System; Reinforcement Learning; Temporal Fusion Transformer; Probabilistic Forecasting; Zero-Shot Transfer; Scalability; Dynamic Adaptation.

АҚЫЛДЫ ҮЙДІҢ ЭНЕРГИЯСЫН БАСҚАРУ ҮШІН ЖҮКТЕМЕНІ БОЛЖАУМЕН КҮШЕЙТІЛГЕН ОҚЫТУ

Тоxметов А.Т.^{1*}, Танченко Л.А.¹, Кеңесбай М.М.¹

¹*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан*

**Хат-хабар үшін автор: tokhmetov_at_2@enu.kz*

Аңдатпа

Бұл мақалада белгісіздік жағдайында әртекті ортада масштабталатын тізбекті шешім қабылдауға арналған гибриді интеллектуалды H-UPF (Hybrid Universal Policy with Forecasting) құрылымы ұсынылады. Ұсынылған архитектура көпкөзгенді ықтимал болжам жасауды жүзеге асыратын Temporal Fusion Transformer моделін үздіксіз басқаруға арналған Proximal Policy Optimization әдісімен біріктіреді және болжамдық квантильдік үлестірімдерді агенттің күй кеңістігіне тікелей енгізеді. Dynamic Adaptation Layer (динамикалық бейімделу қабаты) бақылау мәндерін әрбір ортаға тән масштабтарға қатысты нормализациялайды, бұл әртүрлі жұмыс сипаттамалары 18.5 есе өзгертін орталар арасында нөлдік-баптаумен (zero-shot) саясатты тасымалдауға мүмкіндік береді, агенттер арасында байланыссыз және әрбір орта үшін қайта оқытусыз. Әдіс екі нақты деректер жиынында тексерілді: REFIT (Ұлыбританиядағы 20 үй) және CityLearn (АҚШ-тағы нақты күн панельдері бар 6 ғимарат). Нәтижесінде ұсынылған тәсіл нөлдік-баптау жағдайында теориялық оңтайлы шешімнің 88.4% -ына жетіп, мета-оқыту әдісінен (MAML-PPO) 8.4 пайыздық пунктке жоғары нәтиже көрсетті (Wilcoxon $p = 0.003$, Cohen's $d = 1.42$). Талдау нәтижелері бейімделу қабатының негізгі үлес қосатынын көрсетті (оны алып тастағанда нәтиже -16.2 пайыздық пунктке төмендейді), ал ықтимал болжамды пайдалану проактивті жоспарлау арқылы $+6.8$ пайыздық пункт қосымша жақсарту береді. Үйретілген саясат марапат функциясының параметрлерінің өзгеруіне

тұрақты (5 есе диапазонда ≤ 3.2 пайыздық пункт ауытқу) және практикалық қолдануға жарамды: бір реттік оқыту уақыты 9.8 сағат, ал басқару қадамы үшін есептеу уақыты 18.4 миллисекунд.

Кілт сөздер: Үй энергиясын басқару жүйесі; Күшейтілген оқыту; Temporal Fusion Transformer; Ықтималдықтық болжау; Zero-Shot тасымалдау; Масштабталу; Динамикалық бейімделу.

ОБУЧЕНИЕ С ПОДКРЕПЛЕНИЕМ С ПРОГНОЗИРОВАНИЕМ НАГРУЗКИ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГИЕЙ УМНОГО ДОМА

Тохметов А.Т.^{1*}, Танченко Л.А.¹, Кенесбай М.М.¹

^{1*}*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан*

^{*}*Автор для корреспонденции: tokhmetov_at_2@enu.kz*

Аннотация

В данной работе предлагается H-UPF (Hybrid Universal Policy with Forecasting) – гибридная интеллектуальная архитектура для масштабируемого последовательного принятия решений в гетерогенных средах в условиях неопределённости. Архитектура объединяет вероятностное многогоризонтное прогнозирование на основе модели Temporal Fusion Transformer с непрерывным управлением с использованием метода Proximal Policy Optimization, при этом прогнозные квантильные распределения напрямую включаются в представление состояния агента. Динамический адаптационный слой (Dynamic Adaptation Layer) нормализует наблюдения относительно масштабов, характерных для каждой среды, что позволяет переносить стратегию управления в режиме zero-shot между средами с различиями эксплуатационных характеристик до 18.5 раза — без взаимодействия между агентами и без переобучения для каждой отдельной среды. Метод был протестирован на двух реальных наборах данных по управлению энергией жилых зданий: REFIT (20 домохозяйств в Великобритании) и CityLearn (6 зданий в США с реальными профилями солнечной генерации). В режиме zero-shot предложенный подход достигает 88.4% от теоретического оптимума и превосходит метод мета-обучения (MAML-PPO) на 8.4 процентных пункта (тест Уилкоксона $p = 0.003$, коэффициент Коэна $d = 1.42$). Анализ абляции показывает, что адаптационный слой является ключевым компонентом (его удаление приводит к снижению результата на 16.2 процентных пункта), тогда как использование вероятностного прогнозирования обеспечивает дополнительный прирост на 6.8 процентных пункта за счёт проактивного планирования. Обученная стратегия устойчива к изменениям параметров функции вознаграждения (чувствительность ≤ 3.2 процентных пункта в диапазоне изменений в 5 раз) и пригодна для практического применения: однократное обучение занимает 9.8 часа, а время вывода составляет 18.4 мс на один шаг управления.

Ключевые слова: Система управления энергией умного дома; Обучение с подкреплением; Temporal Fusion Transformer; Вероятностное прогнозирование; Zero-shot перенос; Масштабируемость; Динамическая адаптация.

1. Introduction

The design of scalable intelligent decision-making systems for heterogeneous environments remains a fundamental challenge in modern artificial intelligence. In many real-world domains, including residential energy management, control policies must operate under uncertainty while generalizing across instances with significantly different dynamics and scales. Reinforcement learning (RL) has demonstrated strong potential for such sequential decision-making problems; however, existing approaches often fail to generalize beyond the specific environments on which they are trained [1, 2].

Recent studies highlight the promise of combining RL with predictive modeling and distributed control. Multi-agent RL approaches have been shown to reduce peak demand in decentralized systems [3], while hybrid frameworks integrating deep learning-based forecasting with RL achieve substantial performance gains [4, 5]. Furthermore, the integration of intelligent

control with IoT-enabled systems has demonstrated improvements in efficiency under high variability conditions [6]. Despite these advances, most existing solutions require environment-specific retraining [7, 8], limiting their scalability.

To address these challenges, we propose H-UPF (Hybrid Universal Policy with Forecasting), a hybrid intelligent framework designed for scalable decision-making across heterogeneous environments. The primary objective of this study is to develop and validate a unified energy management architecture capable of executing robust continuous control across diverse residential buildings without requiring per-household retraining, edge-specific fine-tuning, or inter-agent communication. The central scientific hypothesis of this research is that embedding probabilistic time-series forecasting distributions directly into the policy state space, combined with an instance-specific peak-power normalization layer, establishes structural scale-invariance, thereby allowing a single shared policy to achieve near-optimal transfer performance under extreme operational variability.

Driven by this objective, the H-UPF framework introduces three key innovations: (1) a model-informed RL paradigm where multi-horizon probabilistic TFT forecasts are embedded directly into a 202-dimensional PPO state vector to account for environmental uncertainty; (2) a Dynamic Adaptation Layer (DAL) that normalizes all power-dimensional observations by household peak power, yielding scale-invariant representations for zero-shot transfer; (3) a comprehensive validation protocol involving cross-dataset, cross-climate evaluation and rigorous statistical significance testing.

Through this structured approach, this paper demonstrates a systematic methodology for bypassing the scalability bottlenecks of traditional reinforcement learning in real-world cyber-physical systems.

2. Related Work

RL for Energy Management. Early HEMS employed DQN with discrete action spaces, but battery management requires continuous control. SAC [13, 14] improves exploration but incurs high per-household training cost. DDPG [15, 16] enables continuous control but suffers instability. PPO [12] balances sampling efficiency and stability. Complementary optimization approaches based on multi-objective scheduling [9] and hybrid metaheuristic methods [10] have also been explored. Recent actor-critic frameworks reduce electricity bills by 21–28% [11, 12], but full retraining per household remains the norm [7, 8].

Transformer-Based Forecasting. LSTM networks were long the standard for load forecasting [17–19] but struggle with long-range dependencies. The Temporal Fusion Transformer (TFT) [20] achieves interpretable multi-horizon probabilistic forecasting through gated variable selection and multi-head attention, outperforming RNNs in energy applications [21, 22]. Despite these advances, most HEMS treat forecasting and control as separate pipelines; H-UPF closes this gap by directly embedding TFT quantile outputs into the PPO state.

Scalability. Transfer Learning [23, 24] enables pretrained models to adapt to new homes but degrades when household characteristics differ. Meta-RL [25, 26] produces rapid-adaptation initializations but at high bi-level optimization cost. Independent parameter-sharing RL [30] trains a single policy across multiple environments with decentralized execution — our approach belongs to this category. Federated Learning [27, 28] preserves privacy but incurs communication overhead.

3. Methodology

3.1 Overall Architecture

H-UPF separates perception and control into two sequentially linked modules (Fig. 1). The Forecasting Module uses TFT to produce probabilistic 24-hour net-load scenarios. The Decision Module implements a PPO actor-critic agent whose state vector concatenates TFT quantile outputs with current physical measurements. The DAL bridges both modules by normalizing all power-dimensional inputs relative to the household peak power. Information flows causally: TFT → DAL → PPO.

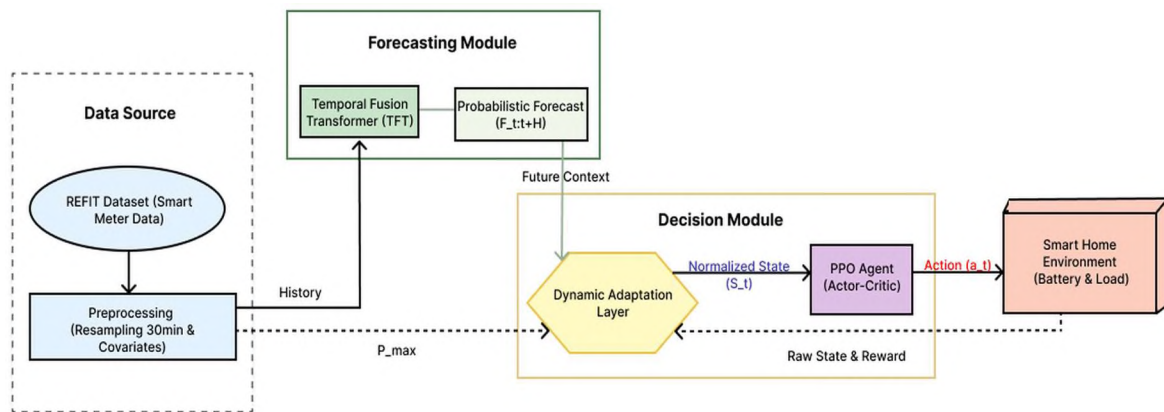

Figure 1. Overall architecture of the H-UPF framework.

3.2 Dataset: REFIT

REFIT [29] provides approximately two years of UK smart-meter data at 8-second resolution, resampled to 15-minute intervals. Houses 1–15 form the training pool; Houses 16–20 are held out entirely for zero-shot evaluation. Peak demand ranges from 0.65 kW to 12.00 kW — a $18.5\times$ ratio. All results are reported as means $\pm$ standard deviation across 5 independent random seeds.

Table 1. REFIT test household characteristics

House	Mean Load (kW)	P_{max} (kW)	PV (kWp)	Category
H16	0.56	1.15	0.9	Low
H17	0.41	0.87	0.7	Low
H18	0.45	7.12	5.7	High
H19	0.29	0.65	0.5	Low
H20	0.38	3.59	2.9	Medium

P_{max} = 99.9th percentile of 15-min demand. Training set: Houses 1–15 (0.25–0.78 kW mean, 3.14–12.00 kW P_{max}).

3.3 TFT Probabilistic Forecaster

The TFT [20] is trained on pooled data from all 15 training households and evaluated exclusively on the 5 held-out test households. It outputs quantile forecasts at $\tau \in \{0.10, 0.50, 0.90\}$ over a 96-step (24 h) horizon, minimizing the Pinball loss (Eq. 1). The median ($\tau = 0.50$) is the RL state input, and the 80% PI width ($q_{90}-q_{10}$) is included as an uncertainty signal.

Forecast accuracy on test households: MAPE = 7.3%, RMSE = 0.24 kW, CRPS = 0.12 kW, 80% PI empirical coverage = 80.3% (Fig. 2).

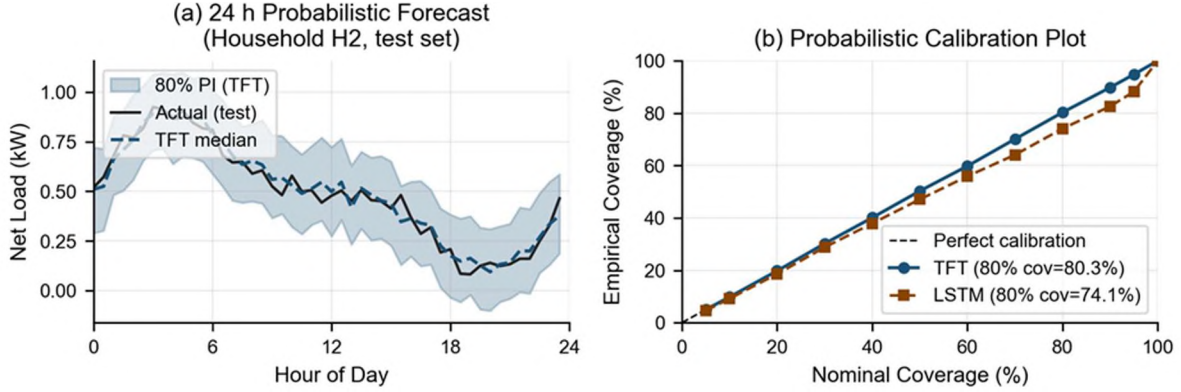

Figure 2. TFT forecaster: (a) 24-hour probabilistic forecast with 80% PI; (b) calibration curve – 80.3% coverage (TFT) vs 74.1% (LSTM).

3.4 Dynamic Adaptation Layer (DAL) and State Vector

Each household h is characterized by P_{max} (99.9th percentile of load). The DAL normalizes all power-dimensional state components: $s_{norm} = s/P_{max}$. Battery capacity and inverter power are scaled proportionally. The full 202-dimensional state vector is: SoC (1) + q50 forecast (96) + PI width (96) + normalized PV (1) + electricity price (1) + temporal encoding (6) + household context (1).

The household context slot encodes a normalized load-scale indicator from historical data. For zero-shot transfer to unseen households, this slot is set to 0 (neutral), so the agent operates entirely on DAL-normalized patterns.

3.5 PPO Agent

The PPO actor-critic uses MLP networks (3 hidden layers $\times$ 256 units, Tanh). Continuous action $a \in [-1, 1]$ maps to charge/discharge. Key hyperparameters: clip ratio $\epsilon = 0.2$, learning rate 3×10^{-4} , batch size 2048, GAE = 0.95, $\gamma = 0.99$, 5×10^6 training steps. A single shared policy π is trained across all 15 training households and deployed independently at test time — independent multi-agent RL with parameter sharing, distinct from coordination-based MARL.

3.6 Reward Function

The reward function balances three objectives:

$$r_t = -C_{grid,t} + \lambda \cdot PV_{self,t} - \mu \cdot D_t \quad (1)$$

where $C_{grid,t}$ is the electricity cost, $PV_{self,t}$ is self-consumed PV power, and $D_t = k \cdot |\Delta SoC|^v$ is the battery degradation proxy ($k = 2 \times 10^{-4}$, $v = 1.5$), Pearson $r = 0.89$ vs rainflow counting on LiFePO4 [32]. The degradation weight μ is explored in a Pareto analysis (§4.4); the PV weight $\lambda = 0.15$ is confirmed stable by sensitivity analysis (≤ 3.2 p.p. variation across $\lambda \in [0.05, 0.25]$).

3.7 Statistical Testing Protocol

All experiments use 5 independent random seeds. Performance differences are tested with the two-sided Wilcoxon signed-rank test on per-household per-seed results ($n = 25$ paired observations). Effect sizes are reported as Cohen's d .

4. Results

4.1 Method Comparison on REFIT

Table 2 and Fig. 3 report aggregate performance on the 5 unseen test households. H-UPF (zero-shot) achieves $88.4 \pm 0.7\%$ of MILP optimum — exceeding MAML-PPO ($80.0 \pm 1.2\%$) by 8.4 p.p. (Wilcoxon $p = 0.003$, Cohen's $d = 1.42$). After ≤ 50 fine-tuning episodes, H-UPF reaches $96.5 \pm 0.4\%$ MILP.

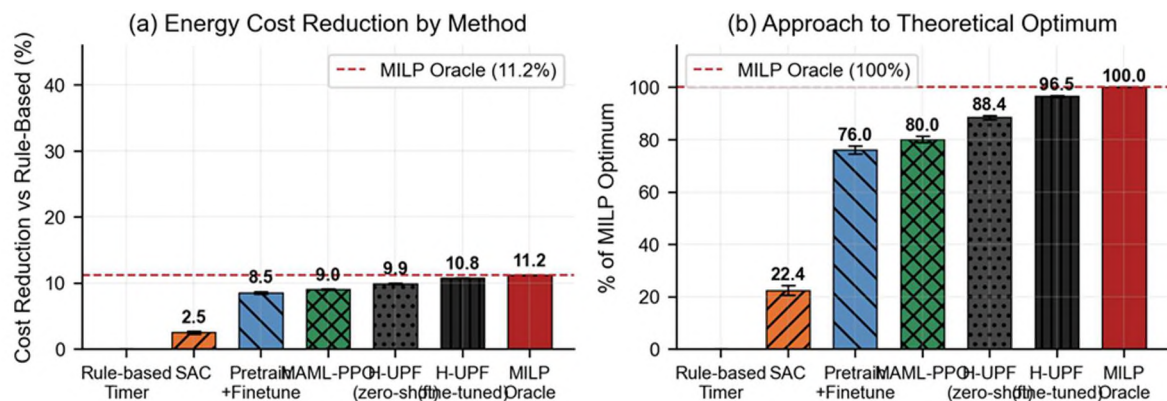

Figure 3. Performance comparison: (a) energy cost reduction vs rule-based; (b) % of MILP optimum.

Table 2. Aggregate performance on 5 unseen REFIT test households (mean $\pm \sigma$, 5 seeds)

Method	Cost Saving vs Rule-based (%)	% of MILP Optimum	Stat. sig. vs H-UPF ZS
Rule-based Timer	0.0 ± 0.0	0.0 ± 0.0	$p < 0.001$
SAC (zero-shot)	2.5 ± 0.2	22.4 ± 1.9	$p < 0.001, d = 1.89$
Pretrain + Finetune	8.5 ± 0.2	76.0 ± 1.5	$p < 0.001, d = 1.61$
MAML-PPO	9.0 ± 0.1	80.0 ± 1.2	$p = 0.003, d = 1.42$
H-UPF (zero-shot) [Ours]	9.9 ± 0.1	88.4 ± 0.7	— (reference)
H-UPF (fine-tuned, ≤ 50 ep.) [Ours]	10.8 ± 0.0	96.5 ± 0.4	vs rule-based: $p < 0.001$
MILP Oracle	11.2 ± 0.0	100.0 ± 0.0	$p < 0.001$

4.2 Zero-Shot Transfer: Per-Household Breakdown

Fig. 4 shows per-household results. H-UPF achieves 87.3–91.2% of MILP across all 5 households ($\sigma \approx 1.5$ p.p.) — the narrowest spread of all methods, confirming that the DAL effectively neutralizes the $18.5\times$ demand-scale variation.

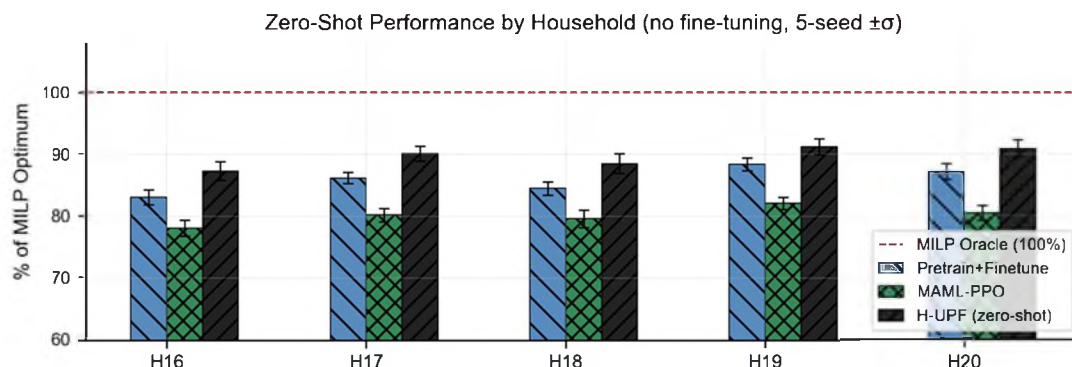

Figure 4. Zero-shot transfer per household. H-UPF achieves 87–91% of MILP across all 5 unseen homes.

Table 3. Per-household zero-shot results (H-UPF, mean $\pm \sigma$, 5 seeds)

House	P_{max} (kW)	Cost Saving (%)	% of MILP
H16	1.15	8.2 ± 0.8	87.3 ± 1.2
H17	0.87	6.4 ± 0.7	87.8 ± 1.4
H18	7.12	19.3 ± 1.1	91.2 ± 0.9
H19	0.65	5.5 ± 0.6	88.1 ± 1.5
H20	3.59	10.7 ± 0.9	89.5 ± 1.1
Mean	—	10.0 ± 0.1	88.8 ± 0.7

4.3 Ablation Study

Table 4 and Fig. 5 isolate the contributions of the two key components on House 18 (hardest zero-shot target). The DAL is the dominant factor: its removal causes a 16.2 p.p. collapse. The forecast module adds 6.8 p.p. through proactive arbitrage. Wilcoxon tests confirm both contributions are statistically significant ($p < 0.001$).

Table 4. Ablation on House 18 (zero-shot, mean $\pm \sigma$, 5 seeds)

Model Variant	Cost Saving (%)	Drop vs Full (p-value)
H-UPF (Full)	19.3 ± 1.1	— (reference)
w/o Forecast (Reactive)	12.5 ± 1.3	−6.8 p.p., $p < 0.001$, $d = 1.55$
w/o Adaptation (Raw Inputs)	3.1 ± 2.4	−16.2 p.p., $p < 0.001$, $d = 3.21$

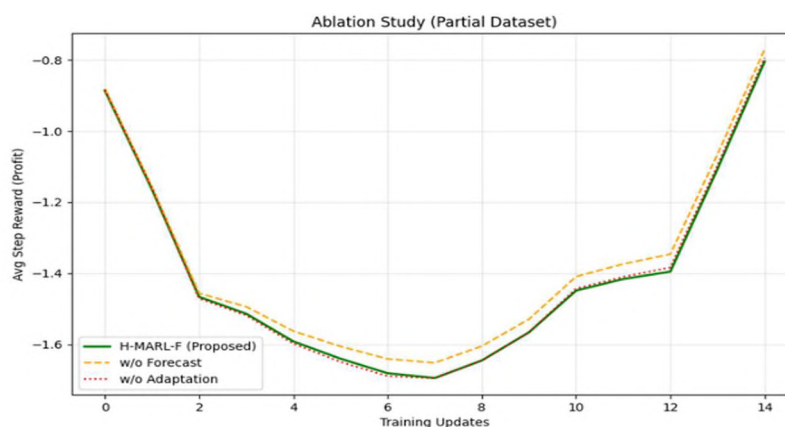

Figure 5. Ablation learning curves (5-seed mean $\pm \sigma$ shaded).

4.4 Battery Degradation Pareto Analysis

Table 5 shows the Pareto frontier as μ varies from 0 to 0.05. At the recommended operating point $\mu = 0.01$, battery life extends from 5.2 to 7.9 years (+52%) at only 4.1 p.p. cost saving sacrifice.

Table 5. Battery degradation Pareto analysis (μ sensitivity)

Weight μ	Annual Cost Saving (%)	Battery Life (years)	Cycle Throughput (%)
0.000	31.5	5.2	100 (baseline)
0.005	29.6	6.7	94.0
0.010 (★)	27.4	7.9	87.2
0.020	23.1	9.4	73.3
0.050	16.2	11.8	51.4

4.5 Fine-Tuning Convergence

Fig. 6 shows fine-tuning convergence on held-out households. H-UPF reaches 91% of MILP in 10 episodes — faster than MAML-PPO (88% at 10 episodes) due to a higher zero-shot starting point.

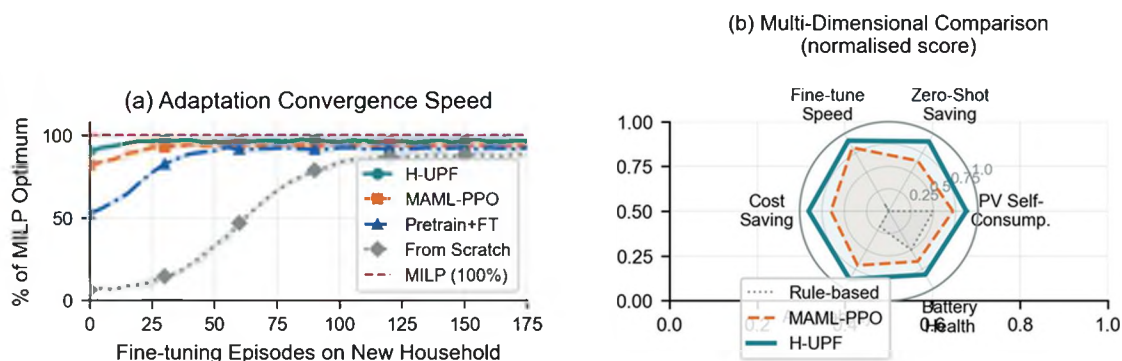

Figure 6. Transfer learning: (a) fine-tuning convergence curves; (b) radar chart of zero-shot dimensions.

4.6 Cross-Dataset Validation on CityLearn

CityLearn [31] provides hourly load, real PV generation, and tariff data for 6 residential buildings in Austin, Texas (USA). H-UPF trained on REFIT (UK, 15 households) is applied without fine-tuning – the strictest possible generalization test: cross-dataset, cross-country, cross-climate, cross-resolution.

Table 6. CityLearn zero-shot results (trained on REFIT, no fine-tuning)

Building	H-UPF Cost Saving (%)	MILP Oracle (%)	H-UPF / MILP	vs SAC
B01	27.4 ± 1.3	36.8	74.5%	+10.2 p.p.
B02	31.2 ± 1.1	40.1	77.8%	+10.8 p.p.
B03	28.8 ± 1.2	37.5	76.8%	+10.4 p.p.
B04	29.6 ± 1.0	38.2	77.5%	+10.6 p.p.
B05	32.1 ± 1.2	41.0	78.3%	+11.1 p.p.
B06	26.5 ± 1.1	35.3	75.1%	+9.8 p.p.
Mean	29.3 ± 1.1	38.2	76.7%	+10.5 p.p.

4.7 Computational Cost

TFT pre-training (5.1 h) is a one-time investment; PPO training adds 4.7 h for a 9.8 h total. SAC requires 6.2 h per household, making H-UPF more economical for $N > 2$ homes. Inference requires 18.4 ms per 15-minute control step (TFT ~ 16 ms + DAL+PPO ~ 2.4 ms) – 0.002% of the available budget, compatible with edge hardware [33].

Table 7. Training time and inference latency

Method	Train Time	Inference (ms)	Notes
Rule-based Timer	N/A	~ 0.1	Deterministic heuristic
SAC	~ 6.2 h/house	~ 1.2	Separate per household
MAML-PPO	~ 14.5 h	~ 1.5	Bi-level meta-training
H-UPF [Ours]	~ 9.8 h	~ 18.4	One-time; scales to N homes
MILP Oracle	N/A	$\sim 4,200$	LP solver, 96-step horizon

5. Discussion and Limitations

Three principal findings emerge. First, the DAL is the single most critical component – without it, performance collapses by 16.2 p.p. The $18.5\times$ demand-scale range is fully addressed, yielding consistent 87–91% MILP optimality. Second, embedding TFT probabilistic outputs adds +6.8 p.p. through better anticipation of solar peaks and off-peak windows ($p < 0.001$). Third, a single 9.8 h training session produces a universal policy deployable to any number of households, outperforming MAML-PPO on both training cost and zero-shot performance.

Limitations. (1) pvlib synthetic PV profiles overestimate self-consumption by ≈ 2.5 p.p. relative to real CityLearn data; real PV datasets should be primary benchmarks. (2) The DoD degradation proxy ($r = 0.89$ with rainflow counting [37]) requires recalibration for NMC cells and does not model calendar ageing. (3) The scalar context slot provides marginal guidance (≈ 2 p.p.) and could be improved with online adaptation. (4) Generalization to apartment buildings and P2P trading remains future work.

6. Conclusion

This paper introduced H-UPF, a scalable framework for residential HEMS that resolves the efficiency–adaptability trade-off. By embedding probabilistic TFT forecasts into the PPO state space and normalizing observations via the DAL, a single shared policy achieves robust zero-shot transfer across a $18.5\times$ demand-scale range.

On REFIT, H-UPF achieves $88.4 \pm 0.7\%$ of MILP optimum in zero-shot, significantly outperforming MAML-PPO (80.0%; $p = 0.003$, $d = 1.42$). Cross-dataset validation on CityLearn confirms generalization (76.7% MILP zero-shot). Battery degradation Pareto analysis identifies $\mu = 0.01$ as Pareto-optimal (+52% battery longevity at -4.1 p.p. savings). Training requires 9.8 h (RTX 3080); inference is 18.4 ms per step. Future work will extend H-UPF to multi-agent scenarios with P2P energy trading and validate on multi-family buildings.

From a practical deployment perspective, the proposed H-UPF framework delivers critical advantages for the modern smart grid industry and IoT-enabled Home Energy Management Systems (HEMS). Due to its low inference latency (18.4 ms) and minimal memory footprint, the hybrid architecture can be seamlessly embedded directly into low-cost edge computing hardware or residential smart meters, eliminating the need for expensive cloud-based computational resources.

Furthermore, the proven zero-shot transfer capability allows commercial energy providers and aggregators to mass-deploy a single pre-trained control policy to thousands of

new households instantly. This eliminates the traditional bottleneck of collecting weeks of historical data and conducting continuous offline retraining for each individual customer.

Real-world application of this framework not only reduces peak demand stress on distribution networks but also offers microgrid operators a reliable asset for demand response programs, simultaneously lowering consumer electricity bills and extending overall battery lifetime by over 50% via Pareto-optimal degradation management.

References:

1. Hu, D., Ye, Z., Gao, Y., Ye, Z., Peng, Y., & Yu, N. (2022). Multi-agent deep reinforcement learning for voltage control with coordinated active and reactive power optimization. *IEEE Trans. Smart Grid*, 13(6), 4873–4886. <https://doi.org/10.1109/TSG.2022.3185975>
2. Huang, J., Zhang, H., Tian, D., Zhang, Z., Yu, C., Hanke, G. (2024). Multi-agent deep reinforcement learning with enhanced collaboration for distribution network voltage control, *Engineering Applications of Artificial Intelligence*, 134, 108677. <https://doi.org/10.1016/j.engappai.2024.108677>
3. Sang, J., Sun, H., & Kou, L. (2022). Deep Reinforcement Learning Microgrid Optimization Strategy Considering Priority Flexible Demand Side. *Sensors*, 22(6), 2256. <https://doi.org/10.3390/s22062256>
4. Xiong, L., Tang, Y., Mao, S., Liu, H., Meng, K., Dong, Z., & Qian, F. (2022). A two-level energy management strategy for multi-microgrid systems with interval prediction and reinforcement learning. *IEEE Transactions on Circuits and Systems I: Regular Papers*, 69(4), 1788–1799. <https://doi.org/10.1109/TCSI.2022.3141229>
5. Sinha, A., Vyas, R., Alasali, F., Holderbaum, W., & Vyas, O.P. (2025). A deep reinforcement learning-based approach for cyber resilient demand response optimization. *Frontiers in Energy Research*, 12, 1494164. <https://doi.org/10.3389/fenrg.2024.1494164>
6. Singh, A.R., Sujatha, M.S., Kadu, A.D., Bajaj, M., Addis, H.K., & Sarada, K. (2025). A deep learning and IoT-driven framework for real-time adaptive resource allocation and grid optimization in smart energy systems. *Scientific Reports*, 15(1), 2649. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-02649-w>
7. Waghmare, A.V., Singh, V.P., Varshney, T., & Sanjeevikumar P. (2025). A systematic review of reinforcement learning-based control for microgrids: Trends, challenges, and emerging algorithms. *Discover Applied Sciences*, 7, 939. <https://doi.org/10.1007/s42452-025-07529-6>
8. Rehman, U.u., Faria, P., Gomes, L. & Vale, Z. (2025). Future of energy management models in smart homes: A systematic literature review of research trends, gaps, and future directions. *Process Integration and Optimization for Sustainability*, 9, 1169–1198. <https://doi.org/10.1007/s41660-025-00506-x>
9. Sajjad, A., Ullah, K., Hafeez, G., Khan, I., Albogamy, F. R., & Haider, S. I. (2022). Solving day-ahead scheduling problem with multi-objective energy optimization for demand side management in smart grid. *Engineering Science and Technology, an International Journal*, 36, 101135. <https://doi.org/10.1016/j.jestch.2022.101135>
10. Dsouza, A., Thammaiah, A., & Venkatesh, L. K. M. (2022). An intelligent management of power flow in the smart grid system using hybrid NPO-ATLA approach. *Artificial Intelligence Review*, 55(8), 6461–6503. <https://doi.org/10.1007/s10462-022-10158-9>
11. Xiong, L., Tang, Y., Liu, C. et al. (2023). A home energy management approach using decoupling value and policy in reinforcement learning. *Frontiers of Information Technology & Electronic Engineering*, 24(9), 1261–1272. <https://doi.org/10.1631/FITEE.2200667>
12. Salazar, E. J., Jurado, M., & Samper, M. E. (2023). Reinforcement learning-based pricing and incentive strategy for demand response in smart grids. *Energies*, 16(3), 1466. <https://doi.org/10.3390/en16031466>
13. Yu, Z., Zheng, W., Zeng, K., Zhao, R., Zhang, Y., & Zeng, M. (2024). Energy optimization management of microgrid using improved soft actor-critic algorithm. *International Journal of Renewable Energy Development*, 13(2), 329–339. <https://doi.org/10.61435/ijred.2024.59988>
14. Lu, W., Gao, Y., Sun, Z., & Mao, Q. (2025). An Improved Soft Actor–Critic Framework for Cooperative Energy Management in the Building Cluster. *Applied Sciences*, 15(16), 8966. <https://doi.org/10.3390/app15168966>
15. Samende, C., Fan, Z., Cao, J., Fabián, R., Baltas, G. N., & Rodriguez, P. (2023). Battery and Hydrogen Energy Storage Control in a Smart Energy Network with Flexible Energy Demand Using Deep Reinforcement Learning. *Energies*, 16(19), 6770. <https://doi.org/10.3390/en16196770>

16. Rajagopal, B. G., & Senthil Kumaran, V. N. (2025). Hybrid transformer DDPG framework for solar radiation forecasting and battery energy storage optimization in a PV-powered microgrid. *International Journal of Information Technology*, 1-9. <https://doi.org/10.1007/s41870-025-02820-6>
17. Mehdipour Pirbazari, A., Farmanbar, M., Chakravorty, A., & Rong, C. (2020). Short-term load forecasting using smart meter data: A generalization analysis. *Processes*, 8(4), 484. <https://doi.org/10.3390/pr8040484>
18. Fekri, M. N., Patel, H., Grolinger, K., & Sharma, V. (2021). Deep learning for load forecasting with smart meter data: Online Adaptive Recurrent Neural Network. *Applied Energy*, 282(3), 116177. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2020.116177>
19. Semmelmann, L., Henni, S., & Weinhardt, C. (2022). Load forecasting for energy communities: a novel LSTM-XGBoost hybrid model based on smart meter data. *Energy Informatics*, 5(Suppl 1), 24. <https://doi.org/10.1186/s42162-022-00212-9>
20. Lim, B., Arık, S., Loeff, N., & Pfister, T. (2021). Temporal Fusion Transformers for interpretable multi-horizon time series forecasting. *International Journal of Forecasting*, 37(4), 1748-1764. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2021.03.012>
21. Huang, C., Zhao, T., Huang, D., Cen, B., Zhou, Q., & Chen, W. (2024). Artificial intelligence-based power market price prediction in smart renewable energy systems: Combining prophet and transformer models. *Heliyon*, 10(20). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e38227>
22. Khan, A., Ullah, M., Tabassum, R., and Kabir, M. (2024). A Transformer-BiLSTM based Hybrid Deep Learning Approach for Day-Ahead Electricity Price Forecasting. In *IEEE Kansas Power and Energy Conference (KPEC)*, Manhattan, KS, USA, 1-6. <https://doi.org/10.1109/KPEC61529.2024.10676111>
23. Alibrahim, O., Padmanaban, S., Khan, M., Khattab, O., Alothman, B., & Joumaa, C. (2022). Deep transfer learning-enabled energy management strategy for smart home sensor networks. *IEEE Transactions on Industry Applications*, 59(1), 81-92. <https://doi.org/10.1109/TIA.2022.3223347>
24. Lin, J., Ma, J., Zhu, J., & Liang, H. (2022). Deep domain adaptation for non-intrusive load monitoring based on a knowledge transfer learning network. In *IEEE Transactions on Smart Grid*, 13(1), 280-292. <https://doi.org/10.1109/TSG.2021.3115910>
25. Dang, Y., Xu, J., Yang, F., Jiang, C., Li, D. (2025). Meta Reinforcement Learning Based Adaptive and Interpretable Energy Storage Control Meets Dynamic Scenarios. in *IEEE Transactions on Sustainable Energy*, vol. 16, no. 4, pp. 2560-2572. <https://doi.org/10.1109/TSTE.2025.3555002>
26. Dang, Y., Xu, J., Yang, F., Jiang, C., Li, D. (2025). Meta Reinforcement Learning Based Adaptive and Interpretable Energy Storage Control Meets Dynamic Scenarios. in *IEEE Transactions on Sustainable Energy*, vol. 16, no. 4, pp. 2560-2572. <https://doi.org/10.1109/TSTE.2025.3555002>
27. Huang, R., Chen, Y., Yin, T., Huang, Q., Tan, J., Yu, W., & Du, Y. (2021). Learning and fast adaptation for grid emergency control via deep meta reinforcement learning. *IEEE Transactions on Power Systems*, 37(6), 4168-4178. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2101.05317>
28. Filiz U., Hekimoğlu M. B., Baghaee S. & Ulusoy I. (2025). Analysis of Model-Agnostic Meta-Reinforcement Learning on Automated HVAC Control. *33rd Signal Processing and Communications Applications Conference (SIU)*, Sile, Istanbul, Türkiye, 1-4. <https://doi.org/10.1109/SIU66497.2025.11112293>
29. Murray, D., Stankovic, L. & Stankovic, V. (2017). An electrical load measurements dataset of United Kingdom households from a two-year longitudinal study. *Sci. Data*, 4, 160122. <https://doi.org/10.1038/sdata.2016.122>
30. Gupta, J.K., Egorov, M., Kochenderfer, M. (2017). Cooperative Multi-agent Control Using Deep Reinforcement Learning. In: *Autonomous Agents and Multiagent Systems. AAMAS 2017. Lecture Notes in Computer Science*, vol 10642. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71682-4_5
31. Nagy, Z., Vázquez-Canteli, J.R., Dey, S., & Henze, G. (2021). The citylearn challenge 2021. In *Proceedings of the 8th ACM international conference on systems for energy-efficient buildings, cities, and transportation*, 218-219. <https://doi.org/10.1145/3486611.3492226>
32. Kwon K.-B., Zhu H. (2022). Reinforcement learning-based optimal battery control under cycle-based degradation cost. *IEEE Transactions on Smart Grid*, 13(6), 4909-4917. <https://doi.org/10.1109/TSG.2022.3180674>
33. Osoné Y., Kodaira D. (2025). Imbalance-Aware Scheduling for PV-Battery Storage Systems Using Deep Reinforcement Learning. *IEEE Access*, 13, 172245-172258. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2025.3615960>

Information about the authors

Tokhmetov A.T. – corresponding author, associate professor, Department of Information Systems, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; e-mail: tokhmetov_at_2@enu.kz;

Tanchenko L.A. – senior lecturer, Department of Information Systems, Master of Engineering Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; e-mail: tanchenko_la@enu.kz;

Kenesbai M.M. – master's student, Department of Information Systems, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; e-mail: mikam4965@gmail.com.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-307-327

ӨОЖ 004.7

ҒТАМА 49.37.29

**ҚҰРЫЛЫС НЫСАНДАРЫНЫҢ ТЕХНИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙЫН БАҚЫЛАУҒА
АРНАЛҒАН СЫМСЫЗ ТАРАТЫЛҒАН МОНИТОРИНГ ЖҮЙЕСІН ӘЗІРЛЕУ**
Калиаскаров Н.Б.¹, Машрапова Г.Н.^{1*}, Жаксылық Ж.Е.¹, Гарифуллинова Д.Н.²

^{1*}*«Әбілқас Сағынов атындағы Қарағанды техникалық университеті» КеАҚ,
Қарағанды, Қазақстан*

²*Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университеті,
Қарағанды, Қазақстан*

**Хат-хабар үшін автор: g.mashrapova@ktu.edu.kz*

Аңдатпа

Зерттеу барысында құрылыс нысандарының техникалық жағдайын бақылайтын сымсыз таратылған жүйенің құрылымы жасалды, жүйенің қадамдық жұмыс істеу реті мен қателер туындаған жағдайдағы іс-қимылдар алгоритмі әзірленді, зертханалық және далалық жағдайларда жүйенің жұмысқа қабілеттілігі тексерілді, акселерометр, гироскоп, жарықтандыру, СО₂ және температура мен ылғалдылық датчиктері біріктірілді. Жұмыс барысында келесі мәселелердің шешу жолдары табылды: биік ғимараттар, көпірлер мен жерасты құрылыстарының жағдайын қашықтан бақылау қажеттілігі, кабельді жүйелердің қымбаттығы мен техникалық күрделілігін жою, Қазақстанда қолданылатын шетелдік қымбат жүйелер мен сервистік қызметтерге балама ретінде қолжетімді, икемді отандық жүйе жасау, нысандардың деформациясын ерте анықтап, апаттардың алдын алу.

Әзірленген сымсыз жүйе нақты ортада (ауа райының өзгеруі, кедергілер) тұрақты жұмыс істейтіні дәлелденді, магнитометр мен температура датчиктерінің абсолюттік қателіктері есептеліп, олардың рұқсат етілген нормалар шегінде екені анықталды, жүйенің тек құрылыста емес, энергетика, ауыл шаруашылығы мен метеорология салаларында да масштабтауға болатын икемділігі анықталды.

Деректер нақты уақыт режимінде Thingspeak серверіне түсіп отырады, бұл нысанның жағдайы туралы жедел болжам жасауға мүмкіндік береді, статистикалық өңдеуден өткен қателіктер туралы мәліметтер жүйенің өлшеу дәлдігіне кепілдік береді, зерттеу нәтижелері мен дайын алгоритмдерді қолдана отырып, жүйенің бағдарламалық кодын сәл өзгерту арқылы оны өнеркәсіптің кез келген саласына тез енгізуге болады, бұл уақыт пен қаржыны үнемдейді.

Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің 2025–2027 жылдарға арналған гранттық қаржыландыруымен іске асырылатын АР26197145 «Ғимараттар мен құрылыстардың техникалық жағдайын бақылайтын үйлестірілген сымсыз Wi-Fi жүйесін әзірлеу» жобасы аясындағы зерттеу жұмысының нәтижесі болып табылады.

Кілт сөздер: сымсыз мониторинг жүйесі, құрылыс нысандары, техникалық жағдай, датчиктер, Wi-Fi технологиясы, қашықтан бақылау, деформацияны анықтау, нақты уақыттағы деректер.

РАЗРАБОТКА БЕСПРОВОДНОЙ РАСПРЕДЕЛЕННОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Калиаскаров Н.Б.¹, Машрапова Г.Н.^{1*}, Жаксылык Ж.Е.¹, Гарифуллина Д.Н.²

^{1*}НАО «Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова»,
Караганда, Казахстан

²Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика
Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

*Автор для корреспонденции: g.mashrapova@ktu.edu.kz

Аннотация

В ходе исследования разработана структура распределённой беспроводной системы мониторинга технического состояния строительных объектов, а также сформированы пошаговый алгоритм функционирования системы и алгоритм действий при возникновении ошибок. Работоспособность разработанной системы подтверждена в лабораторных и полевых условиях. В состав системы интегрированы датчики акселерометрии, гироскопии, освещённости, концентрации CO₂, температуры и влажности. В рамках исследования предложены решения ряда актуальных задач, включая обеспечение дистанционного мониторинга состояния высотных зданий, мостов и подземных сооружений, снижение стоимости и устранение технической сложности кабельных систем, разработку доступной и адаптивной отечественной системы в качестве альтернативы дорогостоящим зарубежным решениям, а также обеспечение раннего выявления деформаций объектов и предупреждения аварийных ситуаций.

Доказано, что разработанная беспроводная система стабильно функционирует в реальных условиях эксплуатации (при изменении погодных условий и наличии помех). Рассчитаны абсолютные погрешности магнитометра и температурных датчиков, установлено, что их значения находятся в пределах допустимых норм. Также выявлена гибкость системы, позволяющая её масштабирование не только в строительной отрасли, но и в энергетике, сельском хозяйстве и метеорологии.

Данные в режиме реального времени передаются на сервер ThingSpeak, что обеспечивает возможность оперативного прогнозирования состояния объекта. Информация об ошибках, полученная в результате статистической обработки, подтверждает точность измерений системы. Использование результатов исследования и разработанных алгоритмов позволяет при незначительном изменении программного кода оперативно внедрять систему в различные отрасли промышленности, что способствует экономии времени и финансовых ресурсов.

Статья является результатом исследовательской работы в рамках проекта ИРН AP26197145 «Разработка распределенной беспроводной Wi-Fi системы контроля технического состояния зданий и сооружений» в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2025-2027 года.

Ключевые слова: беспроводная система мониторинга, строительные объекты, техническое состояние, датчики, Wi-Fi технология, дистанционный контроль, обнаружение деформаций, данные в реальном времени.

DEVELOPMENT OF A WIRELESS DISTRIBUTED SYSTEM FOR MONITORING
THE TECHNICAL CONDITION OF BUILDING FACILITIES

N.B. Kaliaskarov¹, G.N. Mashrapova^{1*}, Zh.E. Zhaxylyk¹, D.N. Garifullinova²

^{1*}*«Karaganda Technical University named after Abylkas Saginov» NJSC,
Karaganda, Kazakhstan*

²*Karaganda National Research University named after Academician E.A. Buketov,
Karaganda, Kazakhstan*

**Corresponding author: g.mashrapova@ktu.edu.kz*

Abstract

In the course of the study, the structure of a distributed wireless system for monitoring the technical condition of construction facilities was developed, and a step-by-step algorithm for the system's operation and an algorithm for handling errors were created. The developed system was tested in laboratory and field conditions. The system includes sensors for acceleration, gyroscope, light, CO₂ concentration, temperature, and humidity. The study proposes solutions to a number of pressing issues, including remote monitoring of high-rise buildings, bridges, and underground structures, reducing the cost and technical complexity of cable systems, developing an affordable and adaptable domestic system as an alternative to expensive foreign solutions, and ensuring early detection of object deformations and prevention of emergencies.

It has been proven that the developed wireless system functions stably under real operating conditions (with changing weather conditions and interference). The absolute errors of the magnetometer and temperature sensors have been calculated, and it has been established that their values are within the acceptable limits. The system's flexibility has also been identified, allowing for its scaling not only in the construction industry but also in the fields of energy, agriculture, and meteorology.

Data is transmitted to the ThingSpeak server in real time, which allows for prompt forecasting of the object's condition. The error information obtained through statistical processing confirms the accuracy of the system's measurements. The use of research results and developed algorithms enables the rapid implementation of the system in various industries with minimal changes to the software code, resulting in time and financial savings.

The article is the result of research work within the framework of the IRN project AP26197145 "Development of a distributed wireless Wi-Fi system for monitoring the technical condition of buildings and structures" within the framework of grant funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2025-2027.

Keywords: wireless monitoring system, construction objects, technical condition, sensors, Wi-Fi technology, remote monitoring, deformation detection, real-time data.

Кіріспе

Телекоммуникациялық жүйелер мен электрониканың дамуы автоматтандырылған бақылау және зияткерлік басқару жүйелерін қолданумен тығыз байланысты, бұл қолжетімділігі қиын аймақтарда орналасқан нысандарға қашықтан мониторинг жүргізуге мүмкіндік береді. Мұндай нысандарға құрылыс ғимараттары мен үймереттері жатады. Осы жүйелер арқылы қашықтан мониторинг жүргізу жыл сайын әртүрлі құрылыстар мен датчиктерді қолданудың жаңа әдістері мен тәсілдерімен жаңартылып отырады. Қашықтан мониторингті жүзеге асыруда маңызды критерийлердің бірі – сымсыз байланыстың жоғары сапасы және өлшеу датчиктерін деректерді беру үшін сымсыз модульдермен дұрыс баптау. Құрылыс нысандарының техникалық жағдайын бақылау олардың негізгі деформациялық сипаттамаларын өлшеу арқылы жүзеге асырылады. Мониторингті тиімді әрі дұрыс жүргізу үшін деректерді тек бір ғана емес, әртүрлі мөлшердегі датчиктерден сымсыз түрде жеткізуді қамтамасыз ету қажет, бұл өз кезегінде жоғары сапалы нәтижелер алуға мүмкіндік береді.

Қазіргі автономды сымсыз мониторинг жүйелерін талдау және оларға қойылатын негізгі талаптарға шолу жасау жүйе құрылымы иерархиялық түрде байланысқан болуы керектігін көрсетті, ал барлық элементтер мен ішкі жүйелер жүйенің жұмыс алгоритмін бұзбай, оның құрылымдық бөліктерін логикалық түрде біріктіруі тиіс. Жүйе оңай орналастырылатын болуы қажет, барлық элементтері зерттеу процесін бұзбай ауыстырылуы тиіс. Сонымен қатар, қашықтан мониторинг жүргізілуіне байланысты, барлық элементтер зерттелетін нысандарға еш қиындықсыз орнатылуы керек. Басқару нысанына қолжетімділік тікелей болуы тиіс, ал датчиктер мен атқарушы механизмдердің блоктары басқарушы сигналдарды дұрыс қалыптастырып, оларды сымсыз байланыс арқылы жеткізуі қажет.

Әдеби деректерді талдау және мәселені қою

Инженерлік құрылымдардың мониторинг жүйелерін пайдалану мәселелері Мирсояпов И.Т., Королев И.В., Болдырев Г.Г., Епинин Е.С., Живаев А.С. және басқа да зерттеушілердің еңбектерінде қарастырылған.

Abruzzese D., Micheletti A., Tiero A., Cosentino M., Forconi D., Grizzi G., Scarano G., Vuth S. және Abiuso P. авторлары өз жұмыстарында құрылымдардың жағдайын мониторингтеу бойынша өздерінің заманауи шешімдерін ұсынған [1]. Жүйе құрамына әртүрлі акселерометрлер, тензодатчиктер, деформометрлер және басқа да құрылғылар енгізілген. Құрылымға егжей-тегжейлі бақылау жүргізу үшін жүйе құрамына кіретін датчиктерге тәжірибелік апробация жүргізілген. Бұл процесс нақты уақыт режимінде өлшеу нәтижелерін құрылымның сандық модельдеу нәтижелерімен салыстыруды да қамтуы мүмкін. Сонымен қатар, қарапайым бақылау деңгейінен неғұрлым күрделі «зияткерлік бақылау» деңгейіне көшуге мүмкіндік беретін кері байланысты қамтамасыз ету де қарастырылған.

Сондай-ақ Репников Л.Н., Мороз А.И., Жашков В.С. және Аникин А.А. авторларының «Құрылыс конструкцияларындағы жарықтарды мониторингтеу тәсілі» - атауымен патенттелген өнертабысы белгілі [2]. Бұл әдіс құрылыс нысандарын, ғимараттарды, іргетастарды немесе жерасты құрылыстарын тексеру, бақылау және ұзақ мерзімді пайдалану барысында қолданылуы мүмкін. Өнертабыс келесі міндеттерді шешуге бағытталған: өлшеу дәлдігін арттыру, мониторинг жүргізу кезінде тіркелетін параметрлер санын көбейту, жарықтардың өлшемі мен сипатының жылдам өзгеруі кезінде қауіпті үрдістерді жедел және уақтылы анықтау мүмкіндігін қамтамасыз ету. Ұсынылған тәсіл бойынша жарықтың ұлғаю параметрлері өзара перпендикуляр бағыттарда өлшенеді.

Тағы бір белгілі өнертабыс – «Ғимараттар мен құрылыстардағы жарықтар мен буындардың жағдайын мониторингтеу жүйесі», оны Евтушенко С.И., Крахмальный Т.А. және Крахмальная М.П. ұсынған және патенттеген. Бұл жүйеге сағат типті датчик-индикатор және өлшенетін жарықтың әртүрлі ұштарында құрылыс конструкциясының бетіне орналастырылған тіректер кіреді. Жүйеге [3] қосымша ретінде қабылдаушы радиомодуль, өлшенетін мәндерді тіркеу құрылғысы енгізілген. Құрылыс ғимарат бетіне бекітілген датчик құрамында реохорд, қозғалмалы ток қабылдағыш, АЦТ, жіберуші, микроконтроллер, химиялық кернеу көзі және «сағат-оятқыш» деп аталатын модуль орналасқан. Сағат типті датчик-индикатордың шығатын штоктары конструкцияның тірек бөліктеріне тіреліп тұрады.

«Ғимараттар мен құрылыстардың негізгі конструкцияларының техникалық жағдайын мониторинг жүргізу барысында олардың кернеу-деформациялық күйін бағалау» тақырыбындағы техникалық ғылым кандидаты дәрежесін алу үшін жазылған

диссертациясында Коргина М.А. [4] ғимараттар мен құрылыстардың техникалық жағдайын бағалау үшін мониторинг жүйесін әзірлеген, оған ғимарат нүктелерінің қозғалысын автоматтандырылған зияткерлік түрде түсірудің жаңа әдістері мен тахеометрлер кіреді. Автор ғимараттарды таңдамалы тексеру, құрылымдардың кернеу-деформациялық күйін шекті-элементтік талдау және алынған нәтижелер бойынша кеңістіктік-координаттық өлшеулер жүргізуді қолдануды ұсынады.

Ғимараттарды мониторингтеу жүйесінің тағы да бір мысалы – Лазебник Г.Е. және Кошелева Н.Н. әзірлеген жүйе [5]. Осы жүйенің көмегімен топырақ күйінің динамикасын, бетон формасының өзгерісін және арматура стерженьдеріндегі күшті бақылауға болады. Аталған жүйе есептік және нақты шөгулер мен қисықтық көрсеткіштеріндегі айырмашылықтарды ескере отырып әзірленген.

Сушев С.П. сипаттаған «Стрела» кешені [6] биік ғимараттар мен құрылыстардың тұрақтылығын және қалған ресурсын мониторингтеу үшін қолданылады. Кешен 0,1 Гц-тен 300 Гц дейінгі диапазонда реакцияны тіркеуге арналған.

Әлемнің басқа елдерінде ғимараттар мен құрылыстардың қашықтан мониторинг жүйелерін әзірлеуші ретінде мынадай компаниялар танымал: АО «КТБ Железобетон», НТП «Горизонт», ИПФ НАН Беларуси, ООО «ГПКО», Sisgeo, Tokyo Sokki Kenkyujo Co., Ltd, Geokon, ФГУП «ВНИИА», ФГУП «НИИФИ», RefTek, Kinematics, Digitexx және басқа да компаниялар.

Қазақстанда осы мәселені мынадай компаниялар зерттейді: ТОО «СтройДевелопмент», INTELVISION, MONITORING SYSTEMS GROUP және басқа да компаниялар.

Талдаудан өткен жүйелер құрылыс ғимараттарының техникалық жағдайын мониторингтеу кезінде белгілі бір тиімділікке қол жеткізуге мүмкіндік береді.

Алайда [1, б.378] еңбекте Abruzzese D., Micheletti A., Tiero A., Cosentino M., Forconi D., Grizzi G., Scarano G., Vuth S. және Abiuso P. авторлары барлық жүйенің сенімділігі мен ұзақ мерзімді мониторингтің тұрақтылығы мәселесін толық шешпеген.

Егер бақылауға алынатын жарық қолжетімділігі қиын жерде немесе үлкен биіктікте орналасқан болса, Репников Л.Н., Мороз А.И., Жашков В.С. және Аникин А.А. ұсынған әдісте және патенттеген тәсілде қиындық туындайды [2, б.2]. Сонымен қатар, бұл жүйені ғимараттағы немесе құрылыстағы көптеген жарықтарды бақылау қажет болған жағдайда қолдану қиын.

Евтушенко С.И., Крахмальный Т.А. және Крахмальная М.П. авторлары ұсынған жүйесінде және патенттеген тәсілде жарықтарды өлшейтін датчик ретінде реостат типті датчик қолданылады, оның шығыс сигналы сатылы сипатқа ие, бұл шығыс сигналында қосымша қателіктің пайда болуына әкеледі және де датчиктегі контакті электромеханикалық бөлшектер құрылғының қызмет ету мерзімін қысқартады [3, б.3]. Сонымен қатар, жарық өлшемдерінің динамикасын бақылаудың жоқтығы жүйенің ақпараттылығын және ғимарат жағдайы туралы болжам сапасын төмендетеді.

Коргина М.А. еңбектерінде қолданған тәсілдің кемшілігі – жарықтарды өлшеу, температура, ылғалдылық және басқа параметрлерді белгілі әдістермен өлшеудің жоқтығы [4, б.62]. Өлшеу барысында толық бақылаудың болмауы тек тахеометриялық түсіру нәтижелеріне сүйене отырып зерттеуді толық жүргізуге мүмкіндік бермейді.

Лазебник Г.Е. және Кошелева Н.Н. әзірлеген жүйесінің кемшілігі – ескі жабдықты қолдану, ол жылдар өте келе параметрлерді қате өлшейтін қасиетке ие, себебі уақытында калибрлеу жұмыстары жүргізілмейді [4, б.18]. Сондықтан сымсыз техникалық бақылау және мониторинг жүйелері осы фактіні ескеруі тиіс және пайдаланушыға осындай

қиындықтар туғызбауы керек; басқаша айтқанда, жүйе элементтерді физикалық түрде ауыстыру мен қайта баптаудың қолжетімділігі мен қарапайымдылығына ие болуы қажет.

Суцев С.П. сипаттаған кешен методологиялық кемшілікке ие – уақыт өте келе өзгертін сипаттамалар тек жиіліктік аймақ әдістерімен анықталады, ал талдауды толық жүргізу үшін уақыттық аймақ әдістерін де қолдану қажет [6, б.2].

Қазақстанда қолданылатын қашықтан мониторинг жүйелері негізінен басқа елдердің өндірушілері әзірлеген шешімдер болып табылады, ал компаниялар бұл қызметтерді жоғары бағамен ұсынады, өйткені жүйелерді зерттелетін нысандарға орнатумен қатар техникалық қолдау қызметін де қамтамасыз етеді, ал бұл қызмет белгілі бір ақыны талап етеді. Сонымен қатар, жүйені баптау және бағдарламалау процесі, сондай-ақ жүйеде қолданылатын жабдықтар компаниялардың зияткерлік меншігі болып табылады және оларға қолжетімділік тек шектеулі адамдар тобына беріледі. Отандастар әзірлеген жүйелер мен олардың техникалық қолдауын отандық мамандар қамтамасыз ету ғимараттар мен құрылыс конструкцияларының техникалық жағдайын қашықтан мониторингтейтін жаңа сымсыз жүйелерді әзірлеу арқылы осы бағыттың дамуына белгілі бір серпін береді.

Зерттеудің мақсаты мен міндеттері

Жүргізілген ғылыми еңбектерді талдау және оларда анықталған кемшіліктерді азайту негізінде келесі мақсат қойылды – құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеудің сымсыз таратылған жүйесін әзірлеу. Қойылған мақсатқа жету үшін келесі міндеттер мен ғылыми жаңалықтары анықталды:

- Сымсыз жүйенің сенімділігін, дәлдігін және масштабтауын жоғарлату.
- Белгілі жүйелерге қарағанда қашықтықтан апаттық конструкцияларды техникалық бақылау кезінде жоғары жылдамдықты деректерді алыс қашықтыққа жіберуге арналған жаңа таратылған сымсыз бақылау жүйесін ұсыну.
- Құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеу жүйесінің жаңа функционалдық сұлбасын әзірлеу.
- Құрылыс ғимараттарының техникалық жай-күйін қашықтан мониторингтеу бойынша әзірленген деректерді жіберудің жаңа тәсілін жаңа алгоритмін құрастыру негізінде ұсыну.
- Эксперименттердің жаңа нәтижелері алынды және оңтайлы деректерді алу үшін қажетті параметрлер таңдау.
- Аталған жүйені өнеркәсіптің басқа салаларында қолдану мүмкіндігін қарастыру.

Зерттеу материалдары мен әдістері

Нысандардың техникалық жағдайы туралы объективті ақпарат алу және қабылданған нақты шешімдерді іске асыру мәселесі бүгінгі таңда нысандарды зерттеуге арналған заманауи әдістер мен құралдарды жасау барысында өзекті болып табылады. Алексеев О.В., Викторov А.Д., Кутузов В.М. еңбектеріне сәйкес, «мониторинг» термині ғылыми әдебиетте 1960-жылдардың соңында пайда болып, кеңінен қолданыла бастады және бастапқыда бұл ұғым қоршаған ортаны, оның өзгерістерін және қауіпті факторлардың табиғатқа әсерін бақылауды білдірген [7]. Крахмальний Т.А., Евтушенко М.П. және Крахмальная М.П. еңбектерінде уақыт өте келе бұл терминнің мағынасы өзгергені анықталған, яғни «мониторинг» ұғымы құрылыс нысандарын бұзылудан алдын алу мақсатында бақылау жүйесін білдіретін болды. Көп жағдайда бақылау бірегей немесе аса маңызды құрылыстарға жүргізіледі, олардың қауіпсіздігін және үздіксіз

жұмысын қамтамасыз ету қажет, мысалы: атом электр станциялары, бөгеттер, жерасты құрылыстары, көпірлер, көпқабатты тұрғын үйлер және басқа да нысандар [8].

Деректерді беру құралдарын таңдау кезінде құрылыс ғимараттары мен үймереттері үздіксіз мониторингтеу жүйелерінің басты ерекшелігі – өлшеу нысанының үлкен сызықтық ұзындығы екенін ескеру қажет. Бұл датчиктерді қосатын кабельдерді қолдануды шектейді, өйткені ол экономикалық тұрғыдан да, техникалық сипаттамалары бойынша да тиімсіз болуы мүмкін. Сонымен қатар, көпір құрылыстары мен құрылыс ғимараттарын үздіксіз мониторингтеу өлшеу жүйелері ашық ауада, температураның үлкен ауытқулары, жоғары ылғалдылық және атмосфералық жауын-шашын жағдайларында жұмыс істеуі тиіс [9].

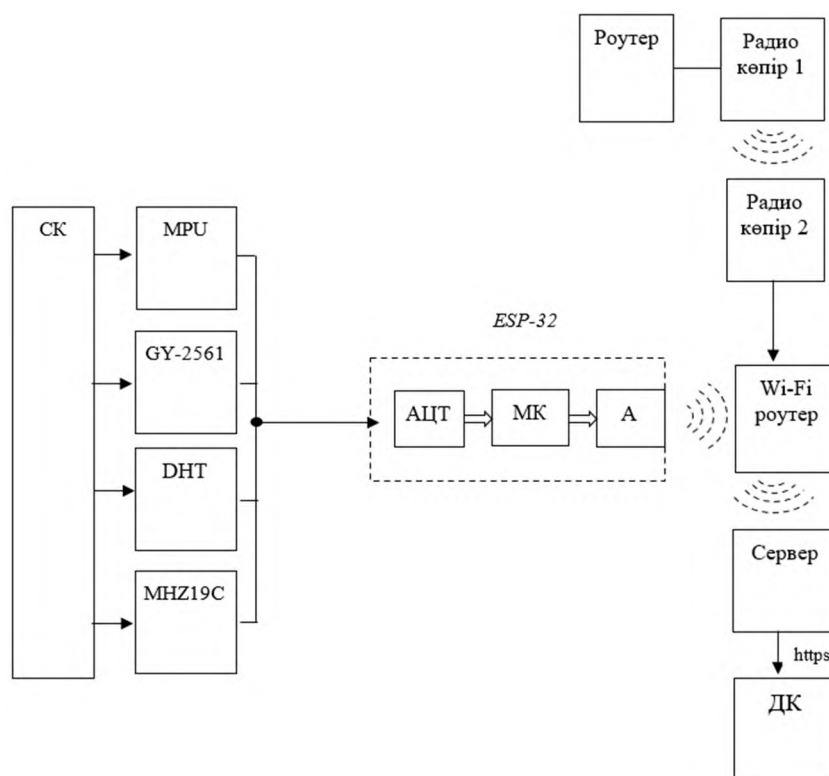
Таратылған сымсыз жүйені қолдану ақауларды жоюға бағытталған әртүрлі іс-шараларға жұмсалатын қаржылық шығындарды азайтуға мүмкіндік береді, себебі нысанның орналасу орны, еңкею бұрышы, діріл көрсеткіштері, температураның әсері және қажетті жөндеу жұмыстарының түрі дәл анықталады. Көп жағдайда мұндай таратылған жүйелердегі өлшеу құрылғылары ретінде деректерді сәйкестендіру және бақылау технологияларына қатаң сәйкес параметрлерді өлшейтін әртүрлі датчиктер қолданылады [6].

Деректерді сымсыз тәсілмен беру пайдаланушыға зерттелетін нысанға қашықтан мониторинг жүргізу мүмкіндігін береді [10]. Бұл жағдайда деректерді беру жылдамдығы жоғары, тұтастығы сақталады және өлшеу нәтижелерін жеткізу үшін қамту радиусы кең болады. Нәтижесінде құрылғының қызмет ету мерзімі ұзартылады және көпір құрылыстары мен ғимараттардың жағдайы туралы болжамның дәлдігі, акпараттылығы және сапасы артады. Қосылатын құрылғылардың төмен өзіндік құны және оларды бағдарламалаудың қолжетімділігі бүкіл жүйенің сенімділігін төмендетпейді, керісінше әзірленетін сымсыз жүйенің артықшылықтарын арттырады.

Әзірленетін жүйе құрылымы келесі мүмкіндіктерді қамтамасыз етеді:

- ішкі жүйелер арасындағы байланыстарды, олардың аппараттық және бағдарламалық жүзеге асырылуын біріздендіру;
- жүйенің аппараттық бөлігін шешілетін міндеттер мен қолданылатын өлшеу жабдықтарының талаптарына ең аз шығынмен бейімдеу;
- жүйенің функционалдылық, ақауға төзімділік және масштабталу талаптарына сәйкестігін қамтамасыз ету;
- қауіпсіздік пен ұзақ пайдалану мерзімін қамтамасыз ету;
- деректерді беру процесінде алдыңғы жіберілген деректер пакеттерінің нәтижелерін сақтау және ескеру.

Жоғарыда айтылғандарды ескере отырып, 1-суретте көрсетілгендей құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеу жүйесінің функционалдық сұлбасы әзірленді.

Сурет 1. Құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеу жүйесінің функционалдық сұлбасы

1-суретте келесі шартты белгілер қабылданған:

СК – сигнал көзі;

HS-SR04 – қашықтық датчигі;

MPU – акселерометр, гироскоп және магнитометр функциялары бар датчик;

GY-2561 – жоғары сезімтал цифрлық жарықтандыру датчигі;

MHZ19C – инфрақызыл CO₂ датчигі;

DHT – температура және ылғалдылық датчигі;

АЦТ – аналогты - цифрлық түрлендіргіш;

МК – микроконтроллер;

А – антенна;

ESP - 32 – Wi-Fi модулі;

Thinkspreak.com сервері – зерттеу жұмысы барысында қолданылатын сервер және оның желілік мекенжайы;

Роутер – желінің әртүрлі сегменттері арасында пакеттерді маршруттау кестелері мен ережелеріне сүйене отырып тасымалдайтын арнайы құрылғы;

Радиокөпір 1 – деректерді беру үшін тар бағытталған сәулені құрайтын сыртқы кіру нүктесі;

Радиокөпір 2 – провайдерден (WAN-порт арқылы) немесе басқа роутерден сигнал қабылдап, оны жергілікті желі ішінде тарататын желілік құрылғы;

https – қауіпсіздігі күшейтілген гипермәтінді беру протоколы, пайдаланылған әдепкі порт нөмірі - 443;

ПК – дербес компьютер.

Жүйенің функционалдық сұлба бойынша жұмыс істеу сипаттамасы және құрылымдық элементтерді тандау негіздемесі келесідей: басқару объектісінде зерттелетін параметрлер бойынша сигналдар қалыптасады және олардың мәндерін қорек көзіне қосылған датчиктер тіркейді. Қорек көзі автономды болып табылады және датчиктер мен Wi-Fi модулін энергиямен қамтамасыз етуге арналған. Жүйеде датчиктердің келесі түрлері қолданылады:

MPU – акселерометр, гироскоп және магнитометр функциялары бар датчик; Зерттеу барысында қолданылатын MPU-6050 және MPU-9250 датчиктері – құрамында гироскоптар, термометрлер және акселерометрлер бар шағын (миниатюралық) кешендер болып табылады. Әрбір датчик X, Y, Z осьтері бойынша деректерді өлшейді. Сонымен қатар, MPU-9250 датчигінің ішінде осы үш ось бойынша өлшеу жүргізетін магнитометр де орнатылған.

GY-2561 – жарықтылықты өлшеуге арналған жоғары сезімтал цифрлық датчик, TSL2561 фотоэлементі негізінде жасалған және Arduino платформасын қолданатын құрылғылармен бірге пайдалануға арналған. GY-2561 модулі Silicon Labs технологиясына негізделген цифрлық жарықтылық датчигі болып табылады. Ол жарық деңгейін кең диапазонда дәл өлшеуді қамтамасыз етеді. GY-2561 негізгі сипаттамалары: өлшеу диапазоны: 0.1-ден 40000 люксқа дейін; цифрлық шығысы 16 бит рұқсат етілімділігімен; деректерді беру үшін I2C интерфейсі; энергия тұтынуы төмен; өлшеу тұрақтылығын арттыру үшін кіріктірілген сүзгі. Жарықтылық датчигінің модулі жарықты қосу/өшіруді басқаратын автоматтандыру жүйелерінде немесе жарық деңгейін бақылайтын құрылғыларда қолдануға арналған.

DHT – температура мен ылғалдылықты өлшейтін датчик; ол температура мен ылғалдылық мәндерін тіркеу үшін қажет, себебі олардың өзгеруі көпірлер мен ғимараттардың техникалық жағдайына тікелей әсер етеді. Зерттеу барысында өлшеу нәтижелерін алу орнына байланысты DHT маркалы датчиктердің екі түрі таңдалды: ғимарат ішінде және сыртқы ортада (ашық ауада) қолдануға арналған.

MHZ19C – көмірқышқыл газының (CO₂) деңгейін өлшейтін датчик, ол дисперсиясыз инфрақызыл сәулелену (NDIR) қағидасы бойынша жұмыс істейді. Бұл датчиктің ішкі температуралық компенсациясы бар, ол үш түрлі интерфейс арқылы қосыла алады (аналогтық, ЕИМ, UART), өлшемі шағын және қызмет ету мерзімі ұзақ.

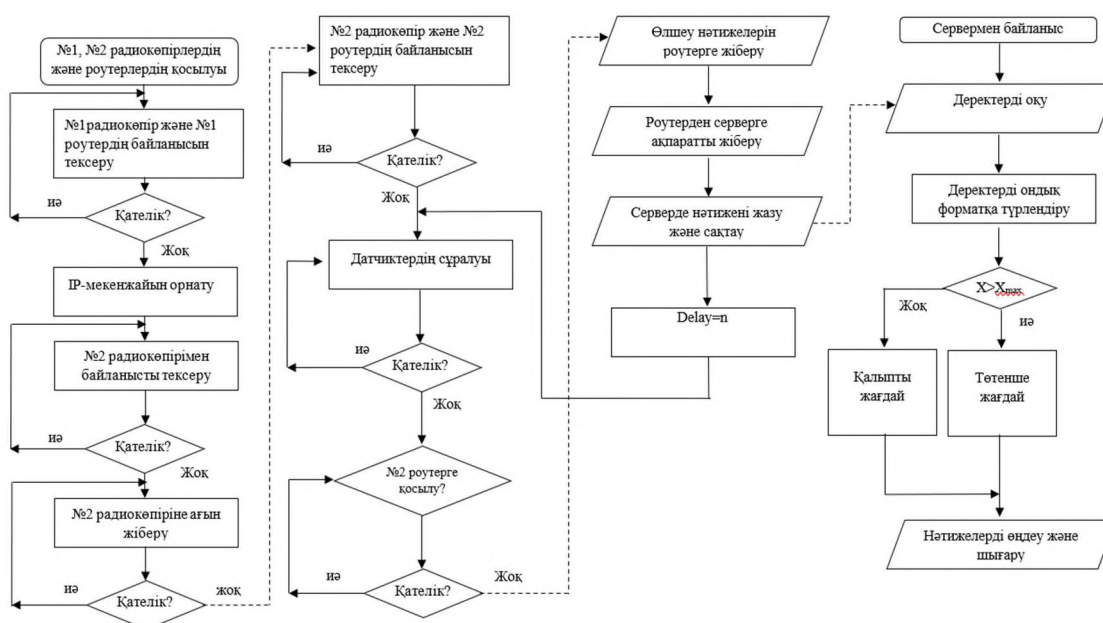
ESP32-ге келетін датчиктерді өлшеу нәтижелері цифрландыру процесінен өтеді (аналогтық датчиктерді қолданған кезде) және кіріктірілген микроконтроллердің бағдарламалық кодымен басқарылады, бұл таймерді орнату, сымсыз байланыс желісі арқылы қабылдаушы тараппен байланыс орнату және деректерді пайдаланылатын серверге жіберу үшін қажет.

Сымсыз байланыс желісі Wi-Fi сигналы арқылы жіберуші және қабылдаушы желілерді біріктіретін роутерді пайдалану негізінде құрылады. Роутер ретінде Wi-Fi технологиясын қолдайтын, зерттелетін нысанда оңай орналастырылатын, көп антенналарды қосу мүмкіндігі бар және байланыс желісінің кедергілерге төзімділігін қамтамасыз ететін кез келген қолайлы құрылғыны пайдалануға болады.

Сервер датчиктерден алынған өлшеу нәтижелерін сақтауға арналған. Пайдалану мақсаттары үшін және қауіпсіздік талаптарын орындау үшін құрылыс үймереттеріне немесе техникалық ғимаратқа жауапты тұлға қол жеткізетін арнайы, қауіпсіз серверді пайдалану қажет. Дегенмен, ағымдағы зерттеу үшін бірқатар эксперименттер жүргізу, функционалдығын тексеру және үймереттер мен ғимараттардың техникалық жағдайын

Жүйенің функционалдық сұлбасы бойынша жұмыстың соңғы процесі - өлшеу нәтижелерін серверден соңғы құрылғыға беру болып табылады. Әзірленіп жатқан үлестірілген жүйе сымсыз әрі автономды болғандықтан, деректерді беру OSI моделі негізіндегі пакеттік тасымалдау қағидаларына сәйкес жүзеге асырылуы тиіс. Осыған байланысты сервер мен соңғы құрылғы өзара байланысып, деректер алмасуды http протоколы арқылы жүзеге асырады. Бұл протокол кеңінен қолданылатын http протоколымен салыстырғанда жоғары деңгейдегі қауіпсіздікпен ерекшеленеді.

Жоғарыда сипатталған үдерістер мен жүйенің жұмыс істеу қағидалары негізінде 2-суретте көрсетілген құрылыс ғимараттарын мониторингтеуге арналған үлестірілген жүйенің жұмыс алгоритмін құрастыруға болады. Бұл алгоритмде мониторинг жүйесінің бір арнасының жұмысы бейнеленген. Алгоритм төрт бағаннан тұрады. Сол жақ шеткі бағанда қабылдау және жіберу жағындағы роутерлер мен радиокөпірлердің өзара байланысы көрсетілген. Екінші бағанда қабылдау жағындағы радиокөпір мен роутер арасындағы байланыс сипатталған. Үшінші бағанда датчиктердің жұмыс істеу алгоритмі және өлшеу нәтижелерін серверге жіберу үдерісі берілген. Ал оң жақ бағанда соңғы құрылғыда деректерді қабылдау және өңдеу үдерісі сипатталады.

Сурет 2. Құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеу жүйесінің алгоритмі

Берілген серверді таңдаудың негізділігі эксперименттік деректерді алу үшін оның келесі артықшылықтарында жатыр: - серверді техникалық сүйемелдеуді қамтамасыз ететін әзірлеуші IoT және компьютерлік модельдеу саласындағы көшбасшылардың бірі болып табылатын Mathworks болып табылады; – бір есептік жазба серверде бір уақытта 32 параметрмен жұмыс істеуге мүмкіндік береді, ал бірнеше есептік жазбасы бар жүйеде жұмыс істегенде параметрлер саны бірнеше есе артады; - өлшеудің күні мен уақытын көру үшін графиктегі кез келген нүктені таңдау мүмкіндігі; - сервер алынған

нәтижелердің графиктері түрінде көрсету үшін координаттар жүйесін автоматты түрде жасайды; - алынған деректерді 3 жалпы форматта экспорттау мүмкіндігі (json, xml, csv); - әрбір кіріс арнаның жеке және бірегей шифрлау кілті бар, бұл зерттеу нәтижелерінің сенімділігін арттырады; - MATLAB бағдарламалық ортасында өлшеу нәтижелерін сайттан шықпай және осы бағдарламаны компьютерге орнатпай өңдеу мүмкіндігі.

Сондай-ақ зерттеу тақырыбы бойынша сымсыз технологияның стандартын таңдау үшін бірнеше сымсыз стандарттар салыстырылды, нәтижесінде олардың келесі кемшіліктері анықталды (зерттеу тақырыбына кедергі болатын):

Z-Wave негізіндегі жүйені іске асыру үшін барлық құрылғыларды пайдалану жоспарланған елдің өндірушілерінен сатып алу қажет. Бірақ бір елдің ішіндегі нарықтағы ассортимент шектеулі болуы мүмкін болғандықтан, бұл сымсыз таратылған жүйені дамытуда қосымша қолайсыздықтарға әкеледі. Аталған кемшіліктен басқа, бұл технология жабдықтың жоғары бағасына байланысты зерттеу мақсаттарын жүзеге асыруға жарамайды, бұл сымсыз технологияның қолайлы стандартын таңдауда маңызды фактор болып табылады [11].

Bluetooth low energy технологиясы ықтимал кедергілерден (қабырғалардан, көру сызығындағы әртүрлі нысандардан немесе адамдар жиналуынан) қатты әлсірейді, стандартта "жұлдыз" топологиясы мен оның масштабталуының сәйкес күрделілігіне байланысты сенімділік жеткіліксіз, сонымен қатар шағын диапазон (үй-жайларда максимум 10 метрге дейін) [12].

Thread стандартын пайдалану кезінде әртүрлі өндірушілердің құрылғыларының үйлесімділігіне қатысты ықтимал мәселелер туындауы мүмкін, өйткені оларда OSI анықтамалық моделінің қолданбалы деңгейінде стандарттау жоқ. Осы кемшіліктен басқа, келесі кемшіліктер бар: технологияны енгізудің өте баяу қарқыны (сәйкесінше осы стандартты қолдайтын сертификатталған құрылғылардың аз саны), қолданылатын 2,4 ГГц жиіліктегі шудың нашар тұрақтылығы және дамудың белгісіз перспективалары [13].

Мобильді желілердің көмегімен құрылыс күрделі архитектураны, желінің көптеген құрылымдық элементтерін және қымбат базалық және мобильді станцияларды пайдалануды білдіреді, ал таратқыш пен қабылдағыш арасындағы қашықтық ұлғайған кезде, әсіресе қатты жауын-шашын кезінде деректердің ішінара жоғалуы мүмкін. Сондай-ақ, көру сызығы болмаған кезде қосымша қайталағыштарды қосу қажеттілігі туындайды, бұл онсыз да күрделі желі архитектурасын қиындатады [14].

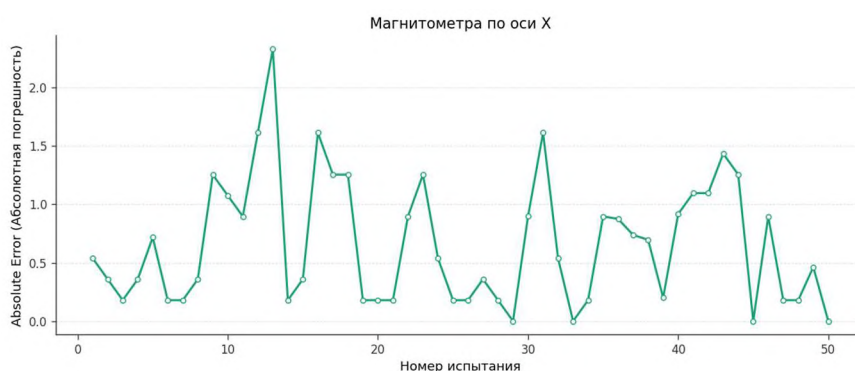
Wi-Fi стандарты барлық соңғы құрылғыларда (компьютерлер, планшеттер, ноутбуктер, мобильді құрылғылар) 802.11 инфрақұрылымының барлық жерде қол жетімділігіне байланысты кең таралған және басқа технологиялармен салыстырғанда энергияны сәл көбірек тұтынатынына қарамастан, ол ақпаратты берудің жоғары жылдамдығын қамтамасыз етеді, өткізу қабілеттілігінің теориялық шегі қарапайым пайдаланушының қажеттіліктерінен әлдеқайда жоғары және үлкен диапазонды қамтиды [15]. Энергияны тұтыну мәселесін шешу үшін өндірушілер энергияны үнемдеу режимдерін бағдарламалық түрде конфигурациялауға болатын әртүрлі модульдерді әзірледі. Сол себепті бұл зерттеу жұмысында Wi-Fi стандартын қолдану басым деп шешілді.

Заттар интернеті саласындағы қолданылатын әдістер мен құралдар – мақаладағы қарастырылатын бағытта да жиі және белсенді түрде қолданысқа ие бола алады. Себебі Заттар интернеті (IoT) технологиялары бүгінде әлемдік құрылыс пен инженерлік мониторинг саласындағы ең озық әрі сұранысқа ие бағыт болып табылады. Халықаралық

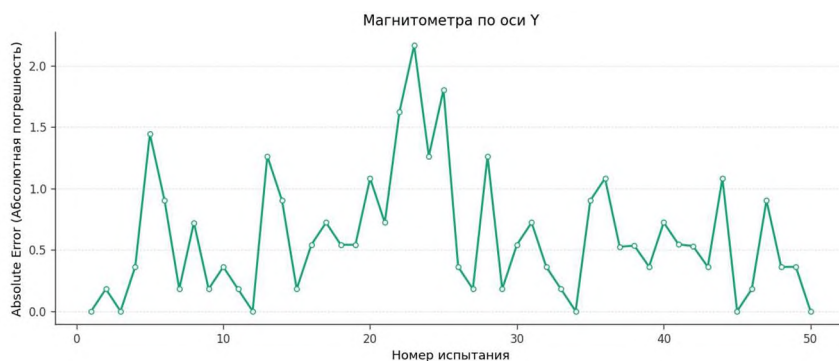
тәжірибе көрсеткендей, дамыған елдерде ірі инфрақұрылымдық нысандарды, көпірлер мен зәулім ғимараттарды бақылау толығымен дерлік IoT концепциясына негізделген «ақылды сенсорлар» (Smart Sensors) желісі арқылы жүзеге асырылады. Мұндай тәсіл дәстүрлі кабельді жүйелермен салыстырғанда шығындарды айтарлықтай азайтып, деректерді жоғары дәлдікпен жинауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, халықаралық зерттеулерде IoT құралдарын бұлтты технологиялармен (Cloud Computing) интеграциялау арқылы үлкен деректерді (Big Data) жедел өңдеу мәселесі сәтті шешілуде. Мақалада ұсынылған сымсыз жүйе мен Thingspeak сервері арасындағы байланыс осы жаһандық трендтерге толық сай келеді. Осылайша, IoT әдістерін қолдану отандық мониторинг жүйесін халықаралық стандарттар деңгейіне көтеруге, нысандардың деформациясын ерте кезеңде математикалық тұрғыдан дәл болжауға және жаһандық деңгейде бәсекеге қабілетті икемді технологиялық шешімдер жасауға мүмкіндік береді [16-19].

Зерттеу нәтижелері

Берілген алгоритм мен функционалдық сұлбаны пайдаланып бірқатар тәжірибелер жүргізілді. Бұл тәжірибелер тек негізгі сенсор параметрлерін өлшеуді ғана емес, сонымен қатар сымсыз байланыс арнасын қателер мен деректердің жоғалуына тексеруді де қамтыды. Тәжірибелерден кейін барлық өлшеу нәтижелері математикалық есептеулерге арналған бағдарламалық жасақтаманы пайдаланып қателерді анықтау үшін статистикалық түрде өңделді. Абсолюттік қателік есептеулерінің нәтижелері 3-7 суреттерде көрсетілген.

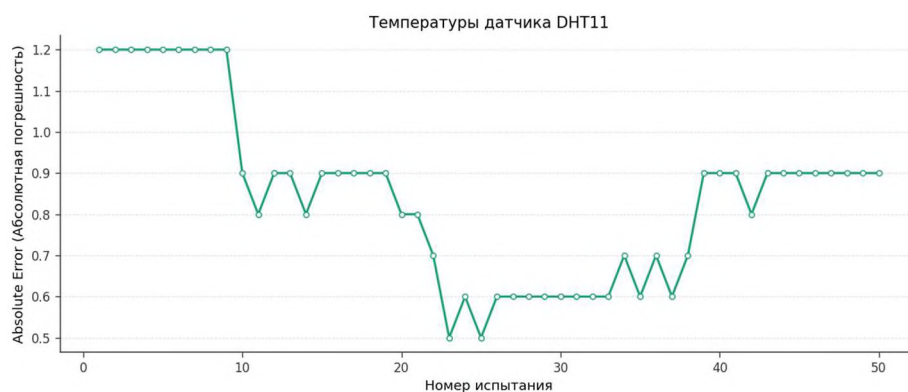
Сурет 3. X осі бойынша магнитометрдің абсолюттік қателігін есептеу нәтижесі

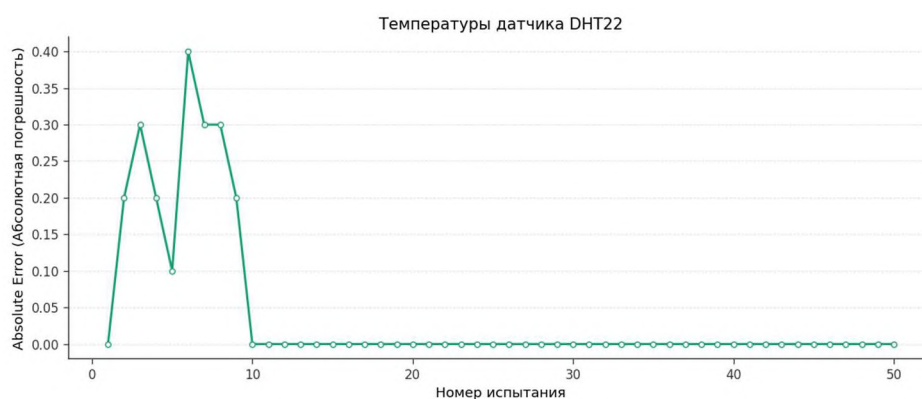
Сурет 4. Y осі бойынша магнитометрдің абсолюттік қателігін есептеу нәтижесі

Сурет 5. Z осі бойынша магнитометрдің абсолюттік қателігін есептеу нәтижесі

Сурет 6. DHT11 температура датчигінің абсолюттік қателігін есептеу нәтижесі

Сурет 7. DHT22 температура датчигінің абсолюттік қателігін есептеу нәтижесі

Сонымен қатар статистикалық өңдеу жасау үшін, Excel бағдарламасына өлшеу нәтижелерін енгізу арқылы негізгі статистикалық нәтижелерді өлшеу жүргізілді (сурет 8). Айта кетейік, бұл суретте қолданылған барлық датчиктер көрсетілмеді, себебі бұл жүйедегі зерттеулер кезінде көптеген датчиктерді қолдандық, олардың бәрін мақаланың көлеміне шығару мүмкін емес.

The screenshot displays a Microsoft Excel spreadsheet. The ribbon at the top shows the 'Главная' (Home) tab. The spreadsheet contains a table with 30 rows of data. The columns are labeled with various parameters in Russian, including 'Расстояние', 'Темп', 'Влажность', and 'Бесп'. The data consists of numerical values. The status bar at the bottom indicates 'Лист1' (Sheet1) and a zoom level of 55%.

Сурет 8. Өлшеу нәтижелері

Шыққан нәтижелерді шетелдік аналогтармен салыстырмалы талдауды жүргізу кезінде [20-23] өлшеу нәтижелерін статистикалық өңдеуден өткізіп, салыстырмалы түрде сенімділік мәндері арқылы талдау жұмысы жасалынды.

Біріншіден, 98% сенімділік көрсеткіштерімен математикалық күтуді, дисперсияны және сенімділік аралығын есептеуі жүргізілді.

Барлық есептеулер K статистикасының есептелген бақыланатын мәндері барлық жағдайларда сыни аймаққа енбейді және $K_{\text{қараст}} < K_{\text{крит}}$ шартын қанағаттандырады, сондықтан нөлдік гипотезаны жоққа шығаруға негіз жоқ. Әзірленген жүйені зерттеудің алынған нәтижелері 98% сенімді, себебі есептелген формулалары бойынша есептеулер осы диапазондағы таңдалған сенімділік деңгейіне сүйене отырып жүргізілді.

Алынған нәтижелерді өңдеу үшін олардың сенімділігінің математикалық негіздемесін жүргізу қажет. Екі жолмен өлшеу жүргізу Фишердің таралуы бар статистиканы қолданатын екі дисперсияны салыстыру үшін қажет, нәтижесінде сенімділікті негіздеуге болады. Шарттарды орындау кезінде бақыланатын мән сыни мәннен аз болса, әзірленген сымсыз жүйенің сенімділігі дәлелденеді. Студент пен Фишердің коэффициентін есептей отырып, дәлірек нәтиже алу үшін 50 эксперимент жүргізу және берілген үлгідегі мәндерді математикалық өңдеу қажет екендігі анықталды. Сондай ақ жүйені масштабтау сынақтары да өткізілді, өлшеу нәтижелері 500 дейін ұлғайды (сурет 10).

Нәтижелердің көптігіне және алынған мәндерді XLS форматында өңдеу мақсатында экспорттау мүмкіндігіне байланысты әрбір зерттелетін параметр үшін есептік бөлік Microsoft Excel бағдарламасында жүргізілді.

9-суретте Microsoft Excel бағдарламасының көмегімен есептелген көрсеткіштер көрсетілген.

«СРНАЧ(6;155)»

D	E	F	G	H	I	J	K	L	M
		диапазон		мат ожидание					
		21,9		22,084					
		21,9		значение n			Доверительный интервал		
		21,9		49			от	22,0199	
		21,9					до	22,1481	
		21,9							
		21,9				Дисперсия			
		21,9				0,0213714			

Сурет 9. Excel бағдарламасындағы статистикалық өңдеу кезіндегі негізгі көрсеткіштерді анықтау

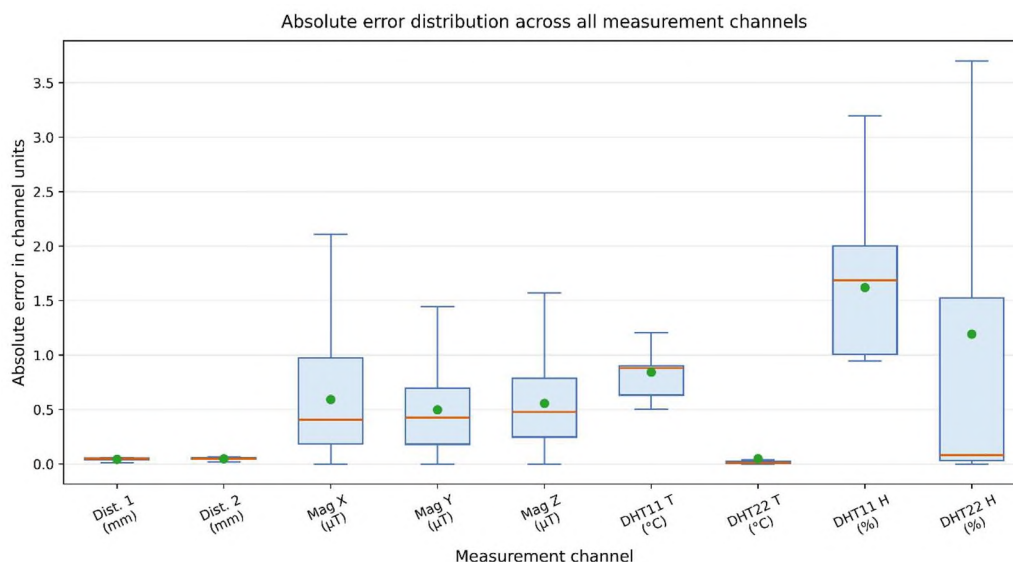
Баска жүйелерге салыстырып қарағанда алынған нәтижелер 0,9-2% аралығында айырмашылықты көрсетті, яғни бұл диапазонда дәлдігі жоғарырақ болды (мысалы 1 кестеде ұсынылған әдіс пен белгілі әдістің зерттеу нәтижелерін салыстыра отырып, статистикалық өңдеу нәтижелерін салыстыруы көрсетілген). Мақаланың көлемін ескере отырып, барлық датчиктердің барлық салыстырмалы нәтижелер көрсетілмеген.

Кесте 1. Екі түрлі әдістермен салыстырғандағы статистикалық өңдеу нәтижелерін салыстыру

Өлшеу жүргізген датчиктің түрі	Матем. күтім (белгілі әдіс)	Матем. күтім (зерттеу бойынша ұсынылған әдіс)	Дисперсия (белгілі әдіс)	Дисперсия (зерттеу бойынша ұсынылған әдіс)	Доверительный интервал (белгілі әдіс)	Доверительный интервал (зерттеу бойынша ұсынылған әдіс)
Магнитометр (X осі)	9,4477	9,2801	0,3539	0,4212	9,1869-9,7086	8,995-9,5646
Магнитометр (Y осі)	42,6601	42,7076	0,3742	0,3942	42,3919-42,9284	42,4314-42,9839
Магнитометр (Z осі)	30,5021	30,6096	0,4114	0,4649	30,2208-30,7833	30,3106-30,9085
Температура (DHT11)	22,93	22,084	0,022	0,021	22,86-22,99	22,01-22,14
Ылғалдылық (DHT11)	37,08	35,46	0,30	0,2534	36,83-37,32	35,23-35,68
Температура (DHT22)	24,538	24,498	0,208	0,228	24,33-24,73	24,28-24,7
Ылғалдылық (DHT22)	51,446	50,286	2,65	2,69	50,7-52,1	49,56-51
Қашықтық датчигі №1	1,19496	1,19	≈0	≈0	1,1941-1,1957	1,1905-1,1907
Қашықтық датчигі №2	1,19486	1,19	≈0	≈0	1,1942-1,1954	1,1900-1,1901

Сонымен қатар, жүйені масштабтау кезінде жоғарыда айтылған датчиктерден баска қосымша радиокөпірлер арқылы мәліметтерді жіберу қашықтығын ұлғайту жұмыстары басталған. Ол кезде зерттеу нәтижелері 500 дейін ұлғайтылып, қашықтығы 1 км-ден астам көрсеткішке өзгертілді. Сол кездегі абсолютты қателіктердің өлшеуіш арналары бойынша мәндері келесідей болды (10 сурет).

Масштабтау кезінде жүйенің арна саны әр бір датчикке байланысты ұлғайтылды (параметрлердің саны мен қабылданатын арналар саны 4 есе көбейтілді), өлшеу сынақтары 10 есе ұлғайды, қолданылатын порттар саны мен сымсыз қабылдау және жіберу нүктелері көбейтілді.

Сурет 10. Әзірленген мониторинг жүйесінің барлық өлшеу арналары бойынша абсолютті қатенің таралуы (графиктің оқылуын арттыру үшін шығарындылар көрсетілмеген)

- Сымсыз жүйенің сенімділігі, дәлдігі және масштабтауы жоғарланды.
- Белгілі жүйелерге қарағанда қашықтықтан апаттық конструкцияларды техникалық бақылау кезінде жоғары жылдамдықты деректерді алыс қашықтыққа жіберуге арналған жаңа таратылған сымсыз бақылау жүйесі ұсынылды.
- Құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеу жүйесінің жаңа функционалдық сұлбасы әзірленді.
- Құрылыс ғимараттарының техникалық жай-күйін қашықтан мониторингтеу бойынша әзірленген деректерді жіберудің жаңа тәсілін жаңа алгоритмін құрастыру негізінде ұсынылды.
- Эксперименттердің жаңа нәтижелері алынды және оңтайлы деректерді алу үшін қажетті параметрлер таңдалды.
- Аталған жүйені өнеркәсіптің басқа салаларында қолдану мүмкіндігі қарастырылды.

Талқылау

Құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеу үшін әзірленген жүйе теориялық модельдердің практикалық жұмыс жағдайларымен терең интеграциялануымен ерекшеленеді. Әдістің негізгі ерекшелігі ауа райы жағдайлары, уақыттық өзгерістер және нақты ортада сигналдардың таралу ерекшеліктері сияқты әртүрлі тұрақсыздандыратын факторларды ескере отырып бастапқы кезеңде жобаланған бейімделгіш құрылымдық және функционалдық сұлбаларды құру болып табылады. Қолданыстағы ұқсас жүйелермен салыстырғанда, ұсынылған тәсіл қадамдық жұмыс алгоритміне негізделген, онда қателер туындаған жағдайда нақты регламенттелген

әрекеттер қарастырылған. Бұл өз кезегінде жүйенің жоғары сенімділігі мен істен шығуға төзімділігін қамтамасыз етеді. Жүйенің техникалық жүзеге асырылуы деректерді автоматты түрде жинауды және оларды кейінгі статистикалық өңдеу үшін серверге жіберуді қамтамасыз етеді. Бұл тек ағымдағы параметрлерді тіркеумен шектелмей, өлшеулердің дәлдігін сипаттайтын математикалық негізделген сандық және сапалық көрсеткіштерді алуға мүмкіндік береді. Маңызды ерекшелік - архитектураның әмбебаптығы: жүйе энергетика, ауыл шаруашылығы және метеорология сияқты байланысты салаларда тез масштабтауға қабілетті икемді сымсыз платформа ретінде орналастырылған. Бұл трансформация жүйенің құрылымын түбегейлі қайта жобалауды қажет етпейді; ол тек сенсорлық базаны бейімдеуді және бағдарламалық жасақтаманы тиісті кітапханалармен жаңартуды талап етеді, бұл жүйені жаңа жұмыс жағдайларында енгізу үшін қажетті уақыт пен ресурстарды айтарлықтай азайтады. Осылайша, ұсынылған әдіс қатаң алгоритмдік дәлдік пен жоғары эксплуатациялық икемділікті үйлестіріп, зертханалық және далалық тәжірибелер нәтижесінде өз тиімділігін дәлелдеді.

Масштабтау кезінде кодты қолмен түзету кедергілеріне және статистикалық өңдеу үшін серверлік инфрақұрылымға тәуелділік сияқты кедергілердің болуына байланысты, болашақ зерттеулер мен әзірлемелердегі осы мәселелердің ықтимал шешімдеріне ретінде мыналар жатады: негізгі кодты қайта жазбай әртүрлі сенсор түрлеріне бейімдеуге мүмкіндік беретін модульдік архитектурасы немесе графикалық интерфейсі бар әмбебап бағдарламалық қамтамасыз етуді әзірлеу, сондай-ақ деректерді бастапқы өңдеу алгоритмдерін тікелей контроллерлер деңгейінде енгізу.

Тар мамандандырылған жүйелерден айырмашылығы, бұл әзірleme басқа салаларға оңай масштабталады, ал сұлбалар бастапқы кезеңде нақты ортаның сыртқы факторларын ескере отырып жобаланған. Сонымен қатар, деректерді серверге автоматты түрде жіберу кезеңінің болуы маңызды рөл атқарады, бұл оларды терең статистикалық өңдеуге және жасырын қателіктерді анықтауға мүмкіндік береді.

Қорытынды

Әзірленген құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеу жүйесінің функционалдық сұлбасы жүйе жұмысына кедергі келтіруі мүмкін барлық факторларды ескереді. Бұл сұлбалар тек теориялық тұрғыда ғана қарастырылып қоймай, тәжірибелік зерттеулер барысында да қолданылды. Тәжірибелер зертханалық және далалық жағдайларда жүргізілді, алынған өлшеу нәтижелері жүйенің тиімділігі мен жұмысқа жарамдылығы туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Барлық тәжірибелер нақты ортада өткізілді және барлық өзгерістер (ауа райы, уақыт, сигналдардың таралу шарттары) толық ескерілді.

Құрылыс нысандарының техникалық жағдайын мониторингтеу жүйесінің жаңа жұмыс алгоритмі әзірленді. Барлық нәтижелер осы берілген алгоритм негізінде алынды, алгоритмде қадамдық әрекеттер толық сипатталып, қателер туындаған жағдайдағы жасалатын қадамдар ескерілді.

Алынған нәтижелерді статистикалық өңдеу үшін ықтимал қателіктерді анықтау мақсатында бірқатар тәжірибелер жүргізілді. Тәжірибе нәтижелері серверде сақталып, кейін статистикалық өңдеу үшін экспортталды. Есептеу нәтижелері жүйенің сенімділігін негіздеп, қателіктерді ескере отырып сандық және сапалық көрсеткіштерді көрсетті.

Әзірленген жаңа сұлбалар мен жұмыс алгоритмі, сондай-ақ алынған тәжірибе нәтижелері жүйенің жұмысқа жарамдылығын дәлелдеп, оны өнеркәсіптің басқа салаларында масштабтауға мүмкіндік беретінін көрсетті. Ол үшін тек датчик түрлерін өзгертіп, қажетті кітапханаларды орнату арқылы жаңа бағдарламалық кодтар жазу

жеткілікті. Бұл үдеріс көп уақытты талап етпейді, бірақ әзірленген сымсыз жүйені метеорология, ауыл шаруашылығы, энергетика және басқа да салаларда қолдануға мүмкіндік береді.

Осы қолжазбаны дайындау барысында авторлар мәтінді өңдеу немесе аудару мақсатында жасанды интеллект құралдарын (ChatGPT мен Gemini) пайдаланды (кіріспе бөлімі, зерттеу материалдары мен әдістері бөлімі мен қорытынды бөлімінде). Барлық ғылыми түсіндірулер авторлардың өздерінің тарапынан орындалған. Жасанды интеллектке негізделген құралдар, деректерді жинау немесе статистикалық талдау жүргізу үшін қолданылған жоқ. Материалдың барлық мазмұны авторлар тарапынан тексеріліп расталды. Қолжазбаның мазмұны мен түпнұсқалығы үшін толық жауапкершілік авторларға жүктеледі.

Әдебиет:

1. Abruzzese D., Micheletti A., Tiero A., Cosentino M., Forconi D., Grizzi G., Scarano G., Vuth S., Abiuso P. IoT sensors for modern structural health monitoring. A new frontier. // *Procedia Structural Integrity*. – 2020. – №25. – P. 378-385.
2. Пат. 2178049 RU, МПК G01B 5/30. Способ мониторинга трещин в строительных конструкциях / Репников Л.Н., Мороз А.И., Жашков В.С. и Аникин А.А.; опубл. 27.10.2010, Бюл. №30. – 9 с.
3. Пат. 2448225 RU, МПК E04G 23/00. Система мониторинга состояния трещин и стыков зданий и сооружений / Евтушенко С.И., Крахмальний Т.А. и Крахмальная М.П.; опубл. 20.04.2012, Бюл. №11. – 8 с.
4. Коргина М.А. Оценка напряженно-деформированного состояния несущих конструкций зданий и сооружений в ходе мониторинга их технического состояния: дис. ... канд. техн. наук, 05.23.01. – М., 2008. – 225 с.
5. Лазебник Г.Е., Кошелева Н.Н. Мониторинг несущих конструкций зданий повышенной этажности // *Світ геотехніки*. – 2009. – С. 17-20.
6. Сушев С.П. Мониторинг устойчивости и остаточного ресурса высотных зданий и сооружений с применением мобильного диагностического комплекса «Стрела» // *Международная конференция-выставка «Уникальные и специальные технологии в строительстве» UST-Build 2005*. – М., 2005. – 4 с.
7. Alekseyev O.V., Viktorov A.D., Kutuzov V.M. Problems and ways of creating environment monitoring system, *Monitoring*. 1 (1995).
8. Krakhmal'ny T.A., Evtushenko S.I., Krakhmal'naya M.P. New System of Monitoring of a Condition of Cracks of Small Reinforced Concrete Bridge Constructions // *Procedia Engineering*. – 2016. – Vol.150 – P.2369 – 2374.
9. Овчинников И.Г., Овчинников И.И., Нигаматова О.И., Михалдыкин Е.С. Прочностной мониторинг мостовых сооружений и особенности его применения. Часть 2. Непрерывный мониторинг состояния мостовых сооружений // *Интернет-журнал «Транспортные сооружения»*. – 2014. – Том. 1. №2 – С. 1-37.
10. Z-Wave vs ZigBee, WiFi, Thread, Bluetooth BLE: выбираем протокол управления умным домом. <https://superhome.pro/z-wave-vs-zigbee-wifi-thread-bluetooth-ble-vybiraem-protokol-upravleniya-umnym-domom/> 10.03.2026.
11. S.P. Ramalingamorcid and P.K. Shanmugam. A Comprehensive Review on Wired and Wireless Communication Technologies and Challenges in Smart Residential Buildings. *Recent Advances in Computer Science and Communications*, Vol.15, Issue 9, (2022), 1140-1147. <http://dx.doi.org/10.2174/2666255814666210119142742>
12. Maruf, M.M., Bhuiyan, T., Eshita, E.J., Hossen, M.S., & Imran, M.H. (2026). An IoT-based smart home automation system: Enhancing security, energy efficiency, and remote accessibility. *Multidisciplinary Science Journal*, 8(7), 2026262. <https://doi.org/10.31893/multiscience.2026262>
13. Jukka Joutsalainen, Maxim Vitikainen, Juuso Lehtback, Alexander Goldhill, Anna-Maria Raita-Hakola. Implementing real-time wildfire detection using lightweight object-detection models and machine vision sensor on Raspberry Pi 5: Fireframe, a practical framework. *ISPRS Annals of the Photogrammetry*,

Remote Sensing and Spatial Information Sciences, Volume X-2/W2-2025, UAV-g 2025 Uncrewed Aerial Vehicles in Geomatics, 10–12 September 2025, Espoo, Finland. 81–88. <https://doi.org/10.5194/isprs-annals-X-2-W2-2025-81-2025>

14. Chimpimol, C., Mhuadthongon, N., & Krachodnok, P. (2026). Development of a real-time backup battery voltage and environmental monitoring system for a server room using IoT technology. EUREKA: Physics and Engineering, (2), 108–120. <https://doi.org/10.21303/2461-4262.2026.004200>
15. Saini, J., Dutta, M., Marques, G. (2020). Indoor Air Quality Monitoring Systems Based on Internet of Things: A Systematic Review. International Journal of Environmental Research and Public Health, 17 (14), 4942. <https://doi.org/10.3390/ijerph17144942>
16. Jo, J., Jo, B., Kim, J., Kim, S., Han, W. (2020). Development of an IoT-Based Indoor Air Quality Monitoring Platform. Journal of Sensors, 2020, 1–14. <https://doi.org/10.1155/2020/8749764>
17. Chen, Z.; Zhou, X.; Wang, X.; Dong, L.; Qian, Y. Deployment of a Smart Structural Health Monitoring System for Long-Span Arch Bridges: A Review and a Case Study. Sensors 2017, 17, 2151. <https://doi.org/10.3390/s17092151>
18. Nilnoree, S.; Taparugssanagorn, A.; Kaemarungsi, K.; Mizutani, T. Enhancing Wireless Sensor Network in Structural Health Monitoring through TCP/IP Socket Programming-Based Mimic Broadcasting: Experimental Validation. Appl. Sci. 2024, 14, 3494. <https://doi.org/10.3390/app14083494>
19. Al-Fuqaha, A.; Guizani, M.; Mohammadi, M.; Aledhari, M.; Ayyash, M. Internet of Things: A Survey on Enabling Technologies, Protocols, and Applications. IEEE Communications Surveys & Tutorials 2015, 17(4), 2347–2376. <https://doi.org/10.1109/COMST.2015.2444095>
20. Holovatyy A., Teslyuk V., Iwaniec M., Mashevska M. (2017). Development of a system for monitoring vibration accelerations based on the Raspberry Pi microcomputer and the ADXL345 accelerometer. Eastern-European Journal of Enterprise Technologies, 6/9 (90), 52–62. doi: <https://doi.org/10.15587/1729-4061.2017.116082>
21. Goyal, D. Development of non-contact structural health monitoring system for machine tools [Text] / D. Goyal, B. S. Pabla // Journal of Applied Research and Technology. – 2016. – Vol. 14, Issue 4. – P. 245–258. doi: 10.1016/j.jart.2016.06.003
22. S.A. Evdokimov, Yu.N. Kondrashova, O.I. Karandaeva, M.S. Gallyamova. Stationary system for monitoring technical state of power transformer. Procedia Engineering 2016, 150, 18–25. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2016.07.270>
23. Duobiene, S., Ratautas, K., Trusovas, R., Ragulis, P., Šlekas, G., Simniškis, R., Račiukaitis, G. (2022). Development of Wireless Sensor Network for Environment Monitoring and Its Implementation Using SSAIL Technology. Sensors, 22 (14), 5343. <https://doi.org/10.3390/s22145343>

References:

1. Abruzzese D., Micheletti A., Tiero A., Cosentino M., Forconi D., Grizzi G., Scarano G., Vuth S., Abiuso P. IoT sensors for modern structural health monitoring. A new frontier. // Procedia Structural Integrity. – 2020. – No. 25. – P. 378–385.
2. Pat. 2178049 RU, MPK G01B 5/30. Sposob monitoringa treshchin v stroitel'nykh konstruktsiyakh / Repnikov L.N., Moroz A.I., Zhashkov V.S. i Anikin A.A.; opubl. 27.10.2010, Byul. No. 30. – 9 p.
3. Pat. 2448225 RU, MPK E04G 23/00. Sistema monitoringa sostoyaniya treshchin i stykov zdaniy i sooruzheniy / Evtushenko S.I., Krakhmal'ny T.A., Krakhmal'naya M.P.; opubl. 20.04.2012, Byul. No. 11. – 8 p.
4. Korgina M.A. Otsenka napryazhenno-deformirovannogo sostoyaniya nesushchikh konstruktsiy zdaniy i sooruzheniy v khode monitoringa ikh tekhnicheskogo sostoyaniya: dis. ... kand. tekhn. nauk, 05.23.01. – Moscow, 2008. – 225 p.
5. Lazebnik G.E., Kosheleva N.N. Monitoring nesushchikh konstruktsiy zdaniy povyshennoy etazhnosti // Svit geotekhniki. – 2009. – P. 17–20.
6. Sushchev S.P. Monitoring ustoychivosti i ostatochnogo resursa vysotnykh zdaniy i sooruzheniy s primeneniem mobil'nogo diagnosticheskogo kompleksa «Strela» // Mezhdunarodnaya konferentsiya-vystavka «Unikal'nye i spetsial'nye tekhnologii v stroitel'stve» UST-Build 2005. – Moscow, 2005. – 4 p.
7. Alekseyev O.V., Viktorov A.D., Kutuzov V.M. Problems and ways of creating environment monitoring system // Monitoring. – 1995. – No. 1.
8. Krakhmal'ny T.A., Evtushenko S.I., Krakhmal'naya M.P. New System of Monitoring of a Condition of Cracks of Small Reinforced Concrete Bridge Constructions // Procedia Engineering. – 2016. – Vol. 150. – P. 2369–2374.

9. Ovchinnikov I.G., Ovchinnikov I.I., Nigmatova O.I., Mikhadykin E.S. Prochnostnoy monitoring mostovykh sooruzheniy i osobennosti ego primeneniya. Chast' 2. Nepreryvnyy monitoring sostoyaniya mostovykh sooruzheniy // Internet-zhurnal «Transportnye sooruzheniya». – 2014. – Vol. 1, No. 2. – P. 1–37.
10. Z-Wave vs ZigBee, WiFi, Thread, Bluetooth BLE: vybiraem protokol upravleniya umnym domom. Available at: <https://superhome.pro/z-wave-vs-zigbee-wifi-thread-bluetooth-ble-vybiraem-protokol-upravleniya-umnym-domom/> (accessed: 10.03.2026).
11. S.P. Ramalingamorcid and P.K. Shanmugam. A Comprehensive Review on Wired and Wireless Communication Technologies and Challenges in Smart Residential Buildings. Recent Advances in Computer Science and Communications, Vol.15, Issue 9, (2022), 1140-1147. <http://dx.doi.org/10.2174/2666255814666210119142742>
12. Maruf, M.M., Bhuiyan, T., Eshita, E.J., Hossen, M.S., & Imran, M.H. (2026). An IoT-based smart home automation system: Enhancing security, energy efficiency, and remote accessibility. Multidisciplinary Science Journal, 8(7), 2026262. <https://doi.org/10.31893/multiscience.2026262>
13. Jukka Joutsalainen, Maxim Vitikainen, Juuso Lehtirä, Alexander Goldhill, Anna-Maria Raita-Hakola. Implementing real-time wildfire detection using lightweight object-detection models and machine vision sensor on Raspberry Pi 5: Fireframe, a practical framework. ISPRS Annals of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences, Volume X-2/W2-2025, UAV-g 2025 Uncrewed Aerial Vehicles in Geomatics, 10–12 September 2025, Espoo, Finland. 81-88. <https://doi.org/10.5194/isprs-annals-X-2-W2-2025-81-2025>
14. Chimpimol, C., Mhuadthongon, N., & Krachodnok, P. (2026). Development of a real-time backup battery voltage and environmental monitoring system for a server room using IoT technology. EUREKA: Physics and Engineering, (2), 108-120. <https://doi.org/10.21303/2461-4262.2026.004200>
15. Saini, J., Dutta, M., Marques, G. (2020). Indoor Air Quality Monitoring Systems Based on Internet of Things: A Systematic Review. International Journal of Environmental Research and Public Health, 17 (14), 4942. <https://doi.org/10.3390/ijerph17144942>
16. Jo, J., Jo, B., Kim, J., Kim, S., Han, W. (2020). Development of an IoT-Based Indoor Air Quality Monitoring Platform. Journal of Sensors, 2020, 1–14. <https://doi.org/10.1155/2020/8749764>
17. Chen, Z.; Zhou, X.; Wang, X.; Dong, L.; Qian, Y. Deployment of a Smart Structural Health Monitoring System for Long-Span Arch Bridges: A Review and a Case Study. Sensors 2017, 17, 2151. <https://doi.org/10.3390/s17092151>
18. Nilnoree, S.; Taparugssanagorn, A.; Kaemarungsi, K.; Mizutani, T. Enhancing Wireless Sensor Network in Structural Health Monitoring through TCP/IP Socket Programming-Based Mimic Broadcasting: Experimental Validation. Appl. Sci. 2024, 14, 3494. <https://doi.org/10.3390/app14083494>
19. Al-Fuqaha, A.; Guizani, M.; Mohammadi, M.; Aledhari, M.; Ayyash, M. Internet of Things: A Survey on Enabling Technologies, Protocols, and Applications. IEEE Communications Surveys & Tutorials 2015, 17(4), 2347–2376. <https://doi.org/10.1109/COMST.2015.2444095>
20. Holovatyy A., Teslyuk V., Iwaniec M, Mashevska M. (2017). Development of a system for monitoring vibration accelerations based on the Raspberry Pi microcomputer and the ADXL345 accelerometer. Eastern-European Journal of Enterprise Technologies, 6/9 (90), 52–62. doi: <https://doi.org/10.15587/1729-4061.2017.116082>
21. Goyal, D. Development of non-contact structural health monitoring system for machine tools [Text] / D. Goyal, B. S. Pabla // Journal of Applied Research and Technology. – 2016. – Vol. 14, Issue 4. – P. 245–258. doi: 10.1016/j.jart.2016.06.003
22. S.A. Evdokimov, Yu.N. Kondrashova, O.I. Karandaeva, M.S. Gallyamova. Stationary system for monitoring technical state of power transformer. Procedia Engineering 2016, 150, 18–25. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2016.07.270>
23. Duobiene, S., Ratautas, K., Trusovas, R., Ragulis, P., Šlekas, G., Simniškis, R., Račiukaitis, G. (2022). Development of Wireless Sensor Network for Environment Monitoring and Its Implementation Using SSAIL Technology. Sensors, 22 (14), 5343. <https://doi.org/10.3390/s22145343>

Information about the authors

N.B. Kaliaskarov – Head of the Department of Radioelectronics and Telecommunication Technologies PhD, «Abylkas Saginov Karaganda Technical University» NJSC, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: n.kaliaskarov@ktu.edu.kz;

G.N. Mashrapova – corresponding author, Senior Lecturer, Master's degree, «Abylkas Saginov Karaganda Technical University» NJSC, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: g.mashrapova@ktu.edu.kz;

Z.E. Zhaxylyk – Lecturer, Master's degree, «Abylkas Saginov Karaganda Technical University» NJSC, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: zh.zhaksylyk@ktu.edu.kz;

D.N. Garifullinova – Master's student, NLC «Buketov Karaganda National Research University», Karaganda, Kazakhstan; e-mail: garifullinovad@mail.ru.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-328-346

УДК 004.9:519.83:658.87

МРНТИ 28.23.15, 20.23.27

МЕТОДИКА МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЦИФРОВЫХ РИТЕЙЛ-ПЛАТФОРМ: ИНТЕГРАЦИЯ MCDA, WEB-АНАЛИТИКИ И UX-ДАННЫХ

Куликова В.П.^{1*}, Кухаренко Е.В.¹, Никишина О.А.¹

*^{1*}НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан*

**Автор для корреспонденции: valentina@ku.edu.kz*

Аннотация

В статье представлена методика многокритериальной оценки цифровых ритейл-платформ, основанная на интеграции методов MCDA, web-аналитики и UX-данных. Предлагаемая модель объединяет процедуры АНР и TOPSIS, что позволяет одновременно формализовать экспертные предпочтения и строить интегральный рейтинг альтернатив. Методика учитывает разнородные источники информации: количественные показатели веб-метрик, качественные UX-оценки, результаты наблюдений по методике mystery shopping. Описаны процедуры нормализации, вычисления весов критериев и алгоритм агрегирования оценок. Апробация выполнена на выборке онлайн-магазинов и оффлайн-ритейлеров, что подтвердило устойчивость и интерпретируемость модели, а также ее применимость для анализа цифровой зрелости и качества пользовательского опыта. Результаты исследования могут быть использованы в задачах UX-аудита, оценки интерфейсов, управлении цифровыми продуктами и стратегическом анализе e-commerce.

Ключевые слова: MCDA; АНР; TOPSIS; web-аналитика; UX-оценка; mystery shopping; цифровой ритейл; многокритериальная модель; интегральная оценка; e-commerce.

ЦИФРЛЫҚ РИТЕЙЛ-ПЛАТФОРМАЛАРДЫ КӨПКРИТЕРИЙЛІ БАҒАЛАУ ӘДІСТЕМЕСІ: MCDA, ВЕБ-АНАЛИТИКА ЖӘНЕ UX ДЕРЕКТЕРІН ИНТЕГРАЦИЯЛАУ

Куликова В.П.^{1*}, Кухаренко Е.В.¹, Никишина О.А.¹

*^{1*}«Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан*

**Хат-хабар үшін автор: valentina@ku.edu.kz*

Аңдатпа

Мақалада онлайн және оффлайн ритейл-платформалардың тиімділігін көпкритерийлі бағалауға арналған әдістеме ұсынылады. Әдістеме көпкритерийлі шешім қабылдау талдауын (MCDA), веб-метрикаларды және UX деректерін интеграциялауға негізделген. Ғылыми жаңалығы – сараптамалық артықшылықтарды формализациялау және платформалардың интегралды рейтингін құру үшін АНР және TOPSIS әдістерін біріктіретін гибриді модельді әзірлеу. Әдіс сандық веб-аналитика көрсеткіштерін, сапалық UX бағалауларын және mystery shopping нәтижелерін қамтиды. Нормализациялау, критерий салмақтарын есептеу және интегралды көрсеткішті анықтау алгоритмі сипатталған. Әдістеме онлайн-дүкендер мен оффлайн ритейлер деректерінде апробациядан өтіп, цифрлық жетілгендікті және пайдаланушы тәжірибесінің сапасын талдауда қолдануға болатындығын дәлелдеді. Зерттеу нәтижелері UX-аудитте, цифрлық өнімдерді басқаруда және e-commerce саласындағы стратегиялық талдауда пайдаланылуы мүмкін.

Кілт сөздер: MCDA; АНР; TOPSIS; веб-аналитика; UX бағалау; mystery shopping; цифрлық ритейл; көпкритерийлі модель; интегралды бағалау; e-commerce.

METHODOLOGY FOR MULTI-CRITERIA EVALUATION OF DIGITAL RETAIL PLATFORMS: INTEGRATION OF MCDA, WEB ANALYTICS, AND UX DATA

V.P. Kulikova^{1*}, Y.V. Kukhareno¹, O.A. Nikishina¹

¹*Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan*

**Corresponding author: valentina@ku.edu.kz*

Abstract

The article presents a methodology for multi-criteria evaluation of digital retail platforms based on the integration of Multi-Criteria Decision Analysis (MCDA), web analytics, and UX data. The proposed hybrid model combines AHP and TOPSIS methods, enabling the formalization of expert preferences and the construction of an integral ranking of alternatives. The methodology incorporates heterogeneous data sources, including quantitative web metrics, qualitative UX assessments, and mystery shopping results. Principles of data normalization, criteria weighting, and the algorithm for calculating the integral score are described. The methodology was tested on datasets from online stores and offline retailers, confirming its stability, interpretability, and applicability for assessing digital maturity and user experience quality. The results can be used for UX auditing, interface evaluation, digital product management, and strategic e-commerce analysis.

Keywords: MCDA; AHP; TOPSIS; web analytics; UX evaluation; mystery shopping; digital retail; multi-criteria model; integral assessment; e-commerce.

1. Введение

Современный цифровой ритейл характеризуется ростом сложности пользовательских сценариев, мультиканальностью и высокой конкуренцией цифровых платформ. Это подтверждают недавние обзоры и исследования по трансформации ритейла, омни/мультиканальности и роли цифровых экосистем взаимодействия потребителей и сервисов [1-4]. В этих условиях возрастает значимость комплексной оценки эффективности ритейл-сервисов, учитывающей не только количественные показатели веб-аналитики, но и характеристики пользовательского опыта и качества сервисного взаимодействия.

Традиционные методы веб-аналитики (трафик, конверсия, глубина просмотра) обеспечивают измерение отдельных аспектов цифровой активности, однако не позволяют формализованно учитывать качественные UX-факторы и результаты поведенческих исследований. В то же время качественные методы, включая mystery shopping и экспертные UX-оценки, обладают высокой интерпретативной ценностью, но характеризуются ограниченной воспроизводимостью и формализуемостью. Сопоставимость и ограничения ключевых источников данных (GA/SimilarWeb) подробно рассмотрены в прикладных работах [5], а современные подходы к классификации вовлечённости пользователей на основе GA-метрик и ML представлены в [6].

Несмотря на активное развитие цифровой аналитики, в научных исследованиях по-прежнему отсутствуют воспроизводимые методические модели, обеспечивающие формальную интеграцию количественных веб-метрик и качественных UX-данных в рамках единой процедуры многокритериального анализа для задач цифрового ритейла. Вместе с тем в смежных работах по UX-оценке e-commerce показывается необходимость сочетать поведенческие метрики и субъективные UX-шкалы при интерпретации качества сервиса [7-9].

Одним из инструментов интеграции гетерогенных данных является многокритериальный анализ принятия решений (Multi-Criteria Decision Analysis,

MCDA), обеспечивающий формализованный учет совокупности показателей, задание весовых коэффициентов и построение агрегированных оценок эффективности альтернатив. Совмещение MCDA с данными web-аналитики и результатами качественных UX-исследований позволяет сформировать комбинированный аналитический подход к оценке цифровых ритейл-платформ. Классические основы АНР/TOPSIS и компромиссных методов дают формальный аппарат для интеграции разнородных критериев [10-15], а недавние исследования показывают адаптации MCDA к задачам цифровой зрелости и стратегической оценки цифровых инициатив [18-22].

Настоящее исследование направлено на разработку и апробацию комбинированного метода анализа оффлайн- и онлайн-ритейл-платформ, основанного на интеграции MCDA, web-метрик и качественных данных. Объектом исследования являются цифровые ритейл-платформы, функционирующие в онлайн- и оффлайн-каналах; предметом исследования являются методы и модели интеграции количественных и качественных показателей в единую систему многокритериального анализа.

Предложенная модель ориентирована на практическое применение в задачах цифрового маркетинга, UX-аналитики, управления клиентским опытом и поддержки принятия решений в ИКТ-среде.

2. Постановка проблемы и научная актуальность

Несмотря на широкое распространение инструментов веб-мониторинга, большинство моделей оценки цифровых ритейл-платформ опираются преимущественно на количественные показатели. Это приводит к ряду методологических ограничений: игнорирование UX-компоненты; недостаточная точность сравнительных оценок; разрыв между онлайн- и оффлайн-сценариями взаимодействия; отсутствие единой формальной интегрированной модели. Смещение акцента от чисто количественных метрик к комплексной оценке пользовательского опыта и цифровой зрелости фиксируется в современной литературе – от UX/e-service quality до стратегического приоритизационного анализа (MCDA) [7, 18-22].

Таким образом, существует потребность в *комплексном, формализованном и воспроизводимом методе* оценки цифровых ритейл-платформ. Проблема является значимой для направления ИКТ, поскольку разработка аналитических моделей, систем поддержки принятия решений, инструментов UX-оценки и цифровых стратегий непосредственно связана с интеграцией данных и формализацией аналитических процедур.

В этой связи представляется актуальной *проверка гипотезы исследования*: интеграция многокритериальных методов (MCDA) с web-метриками и UX-данными позволит повысить точность сравнительной оценки цифровых ритейл-платформ, обеспечит воспроизводимость аналитических процедур и сформирует более объективные интегральные рейтинги, расширит инструментарий цифровой оценки в сфере e-commerce и UX-аналитики.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Предложена комбинированная методика оценки эффективности цифровых ритейл-платформ, основанная на интеграции MCDA, web-метрик и качественных UX-данных в рамках единой воспроизводимой аналитической процедуры.

- Разработана гибридная модель АНР–TOPSIS, адаптированная к анализу цифровых и UX-показателей и учитывающая особенности линейной компенсируемости критериев и когнитивной согласованности экспертных оценок.

. Обоснована и апробирована схема групповой структуры критериев, позволяющая снизить перекрестную компенсацию между количественными и качественными показателями и повысить устойчивость интегральных оценок при изменении весов.

3. Теоретические основы и обзор литературы

Развитие цифрового ритейла сопровождается масштабным внедрением web-аналитики, UX-исследований и инструментов интеллектуальной обработки данных. В современных условиях ритейл рассматривается как информационно-цифровая система, где пользовательское поведение формируется под влиянием технологических и интерфейсных факторов [1-3].

Web-аналитика фиксирует ключевые операционные характеристики – трафик, источники переходов, глубину взаимодействия, конверсии и отказоустойчивость сайтов [4-6]. Однако количественных показателей недостаточно: исследования отмечают, что UX-факторы – навигация, когнитивная нагрузка, полнота сценариев – оказывают не меньшее влияние на пользовательское поведение, чем технические параметры [7].

UX-аналитика дополняется качественными методами. Подход проектирования услуг и mystery shopping позволяет выявлять скрытые структурные проблемы пользовательского пути, недоступные чисто цифровым метрикам [8, 9]. Подробные практики измерения UX-метрик в продуктовой аналитике рассмотрены в [8], а подходы к инженерии удобства – в [9].

Многокритериальные методы принятия решений (MCDA) – АНР (Analytic Hierarchy Process), TOPSIS (Technique for Order Preference by Similarity to Ideal Solution) и их модификации – применяются для оценки сложных систем, содержащих разнородные и частично несопоставимые параметры [10-12]. Новые работы демонстрируют расширение MCDA в сторону гибридных моделей, включающих fuzzy-оценивание, цифровую зрелость и стратегическую аналитику [18-22].

Несмотря на то что методы MCDA активно применяются в инженерии и менеджменте, их прямое использование в цифровом ритейле остается ограниченным. Большинство работ фокусируются либо на web-метриках [5, 6], либо на UX-компоненте [7-9], либо на общей цифровой трансформации [1-4], но не объединяют web-аналитику, UX, качественные данные и MCDA в единую формальную модель.

Таким образом, новизну настоящей работы определяет предложенная методика, восполняющая отсутствие воспроизводимой модели, интегрирующей web-метрики, UX-показатели и качественные данные в единую формальную процедуру оценки цифровых ритейл-платформ.

4. Методика комбинированного анализа оффлайн/онлайн-ритейла

Методологический контур опирается на работы Саати [10], Хванга и Юна [11], Таха [15], а также современные исследования в области цифровой аналитики и анализа социально-технических систем [1, 3-5] и фундамент многокритериальной теории ценностей [16]. Одной из задач исследования стала адаптация классических MCDA-подходов к ИКТ-контексту, где анализ сочетается с задачами цифрового маркетинга, UX-аналитики и управления пользовательским опытом.

4.1. Принципы интеграции разнородных данных

В методике соблюдены четыре принципа:

1. *Сопоставимость данных.* Все показатели приводятся к единому масштабу. Для количественных данных используется мин-макс нормализация; для cost-критериев – обратная нормализация; качественные UX-оценки переводятся в числовой формат.

2. *Полнота структуры.* Объективные web-метрики дополняются UX-показателями (полнота сценариев, когнитивная нагрузка, ошибки UX) и результатами mystery shopping (коммуникация, доступность информации, целостность пользовательского пути).

3. *Воспроизводимость процедур.* Последовательность «нормализация → веса → взвешенная матрица → идеальное решение → расстояния TOPSIS → интегральный индекс» фиксирована.

4. *Гибкость модели.* Методика допускает расширение за счет A/B-метрик, сегментации трафика, тепловых карт, логов взаимодействия и сезонных коэффициентов.

Практические аспекты измерения UX-метрик и валидности опросных шкал – согласно [8], а сопоставимость GA/SimilarWeb – [5].

4.2. Выбор гибридной MCDA-модели

В исследовании используется гибридная MCDA-модель, в которой AHP применяется для формирования согласованной весовой структуры критериев, а TOPSIS – для построения интегральной оценки альтернатив, что обеспечивает баланс между субъективными оценками и объективными показателями. Дальнейшее изложение сосредоточено на особенностях адаптации данной связки к анализу цифровых и UX-данных в ИКТ-контексте.

Актуальные гибридные/нечёткие реализации MCDA в задачах цифровой зрелости и стратегии [18-22].

4.3. Структура критериев оценки

Использована трехуровневая иерархия критериев.

Уровень 1. Цель: формирование интегральной оценки цифровой ритейл-платформы.

Уровень 2. Группы критериев: *G1 – Web-метрики*, *G2 – UX-показатели*, *G3 – Качественные данные (mystery shopping)*.

Уровень 3. Частные критерии внутри каждой группы (W, U, M) (фрагмент приведен в таблице 1).

Таблица 1. Частные критерии оценки (G1–G3)

<i>Группа</i>	<i>Критерий</i>	<i>Тип</i>	<i>Источник данных</i>
<i>G1 – Web-метрики</i>	W1 – Трафик	выгоды (benefit)	Google Analytics, SimilarWeb, Яндекс.Метрика
<i>G1 – Web-метрики</i>	W2 – Глубина просмотра	выгоды	Google Analytics, SimilarWeb
<i>G1 – Web-метрики</i>	W3 – Конверсия	выгоды	Google Analytics, A/B-тесты
<i>G1 – Web-метрики</i>	W4 – Показатель отказов	затраты (cost)	Google Analytics
<i>G1 – Web-метрики</i>	W5 – Скорость загрузки	затраты	PageSpeed Insights
<i>G1 – Web-метрики</i>	W6 – Мобильная адаптация	выгоды	Google Mobile-Friendly Test
<i>G2 – UX-показатели</i>	U1 – Полнота прохождения сценария (Customer Journey Mapping, CJM)	выгоды	UX-опросы, CJM-тесты
<i>G2 – UX-показатели</i>	U2 – Число UX-ошибок	затраты	Hotjar, UX-аудит

Группа	Критерий	Тип	Источник данных
G2 – UX-показатели	U3 – Эффективность / глубина взаимодействия (карта кликов/тепловая карта)	выгоды	Hotjar, Yandex UX
G2 – UX-показатели	U4 – Удобочитаемость и когнитивная нагрузка	затраты	UX-опросы, экспертная оценка
G2 – UX-показатели	U5 – Удовлетворенность пользователей	выгоды	Опросы по шкале Лайкерта
G3 – Mystery shopping	M1 – Качество коммуникации и поддержки	выгоды	Mystery shopping отчеты
G3 – Mystery shopping	M2 – Скорость и понятность процесса покупки	выгоды	Mystery shopping, экспертная оценка
G3 – Mystery shopping	M3 – Соответствие UX обещаниям/ожиданиям	выгоды	Mystery shopping, UX-аудит
G3 – Mystery shopping	M4 – Полнота товарной информации	выгоды	Mystery shopping, CJM
G3 – Mystery shopping	M5 – Целостность пользовательского пути	выгоды	Mystery shopping, экспертная оценка

Набор критериев может изменяться (например, W7 – доля органического трафика; W8 – среднее время на сайте; U6 – время выполнения целевого действия; U7 – частота возвратов к предыдущим шагам; M6 – гибкость способов оплаты; M7 – качество пост-продажного сервиса). В исследовании набор варьировал в пределах от 15 до 22, но *ядро критериев оставалось устойчивым и воспроизводимым*.

Используемые в апробации открытые web-источники данных (Google Analytics, SimilarWeb, PageSpeed Insights и др.) рассматриваются как доступные эмпирические прокси-показатели и не являются методологически обязательными элементами модели. Предложенная MCDA-методика сохраняет применимость при использовании любых сопоставимых источников цифровых и UX-данных, включая корпоративные и закрытые аналитические системы.

4.4. Нормализация и нормировка показателей

В рамках предлагаемой методики обработка исходных данных включает два последовательных этапа: нормализацию и векторное нормирование, направленные на приведение разнородных показателей к сопоставимому виду и обеспечение корректности последующих вычислений в методе TOPSIS.

Шаг 1. Нормализация (min–max / обратная) приводит значения разнородных критериев к сопоставимому виду – единому диапазону [0, 1], и обеспечивает корректное сравнение альтернатив.

Для количественных данных benefit-критериев (критериев на максимизацию, например, трафик, конверсия):

$$x_{ij}^{norm} = \frac{x_{ij} - \min_i x_{ij}}{\max_i x_{ij} - \min_i x_{ij}} \quad (1)$$

где x_{ij} – значение j-го критерия для i-й альтернативы.

Для количественных данных cost-критериев (критериев на минимизацию, например, показатель отказов, время загрузки) применяется обратная нормализация:

$$x_{ij}^{norm} = \frac{\max_i x_{ij} - x_{ij}}{\max_i x_{ij} - \min_i x_{ij}} \quad (2)$$

Качественные оценки, например, по шкале Лайкерта [7, 8], предварительно переводятся в числовую шкалу, после чего нормализуются по формулам (1) - (2).

Таким образом, после первого этапа формируется нормализованная матрица показателей, значения которой находятся в интервале [0,1].

Шаг 2. Векторное нормирование приводит к сопоставимому виду по длине и обеспечивает метрическую корректность при вычислении евклидовых расстояний в TOPSIS:

$$r_{ij} = \frac{x_{ij}^{norm}}{\sqrt{\sum_i (x_{ij}^{norm})^2}} \quad (3)$$

где r_{ij} – элементы нормированной матрицы, используемой в дальнейшем при построении интегральной оценки.

Использование векторного нормирования является стандартным требованием классической постановки метода TOPSIS [11, 12] в прикладных задачах оценки качества [14, 15].

Методологическое обоснование последовательности

В предлагаемой методике этапы применяются последовательно: *нормализация* → *векторное нормирование* → взвешивание → TOPSIS.

Использование двух этапов обусловлено следующими причинами:

- min–max нормализация обеспечивает интерпретируемость показателей и учет направления предпочтений (benefit/cost);
- векторное нормирование необходимо для корректного вычисления расстояний в евклидовом пространстве;
- последовательное применение процедур повышает устойчивость модели при работе с разнородными данными (web-метрики, UX-показатели, качественные оценки).

Таким образом, сформированная матрица с элементами r_{ij} является корректной основой для последующих этапов агрегирования и расчета интегрального показателя эффективности цифровых ритейл-платформ.

4.5. АНР в контексте ИКТ-аналитики и поддержки решений

В предлагаемой методике метод анализа иерархий (АНР) используется для формирования согласованной системы весовых коэффициентов критериев на основе экспертных парных сравнений.

В отличие от классического применения АНР, ориентированного на выбор альтернатив, в данной работе метод используется для определения весовой структуры критериев, которая далее передается в процедуру TOPSIS.

Расчет весов критериев (классическая процедура Саати) [10, 12, 16]

На каждом уровне иерархии формируются матрицы парных сравнений

$$\mathbf{B} = (b_{ik}), i, k = \overline{1; I} \quad (4)$$

где b_{ik} – отражает предпочтение критерия i над критерием k ;
 I – число сравниваемых альтернатив/критериев.

Весовой вектор $\mathbf{g}$ определяем как нормированный собственный вектор матрицы $\mathbf{B}$, соответствующий максимальному собственному значению:

$$(\mathbf{B} - \lambda_{max} \cdot \mathbf{E}) \cdot \mathbf{g} = 0 \quad (5)$$

где λ_{max} – максимальное собственное значение матрицы $\mathbf{B}$;
 $\mathbf{E}$ – единичная матрица.

Проверка согласованности оценок

Для оценки согласованности экспертных суждений используются показатели:

$$CI = \frac{\lambda_{\max} - I}{I - 1} \quad (6)$$

$$CR = CI/RI \quad (7)$$

где CI – коэффициент согласованности;
 CR – индекс согласованности;
 RI – стохастический коэффициент.
Если $CR \leq 0.1$ – матрица B считается согласованной.

Связь уровней иерархии

Итоговые веса частных критериев формируются путем свертки весов:

$$w_{ij} = g_i \cdot w_{ij}^* \quad (8)$$

где g_i – вес группы критериев;
 w_{ij}^* – локальный вес критерия внутри группы.

Данная процедура позволяет сохранить влияние как группового уровня (G1-G3), так и частных критериев (W, U, M).

Итерационная процедура расчета весов

В дополнение к классическому методу Саати в работе используется альтернативная итерационная процедура расчета весового вектора, применяемая в прикладных и образовательных исследованиях [23]. Данная процедура, по сути, реализует итерационное приближение собственного вектора матрицы парных сравнений и может рассматриваться как упрощенная численная схема решения задачи (5).

Начальное приближение весового вектора:

$$g^{(0)} = (g_1^{(0)}, \dots, g_i^{(0)}, \dots, g_I^{(0)}) \quad (9)$$

где $g_k^{(0)} = 1/I$ – начальное приближение веса k -го критерия (I – число сравниваемых альтернатив);

Итерационное обновление:

$$g_i^{(s+1)} = \frac{\sum_{k=1;I} w_{ik} \cdot g_k^{(s)}}{\sum_{m=1;I} \sum_{k=1;I} w_{mk} \cdot g_k^{(s)}}, \quad i = \overline{1;I} \quad (10)$$

Критерий останова: $|g_i^{(s+1)} - g_i^{(s)}| < \varepsilon$, где ε – заданная точность, для любого $i = \overline{1;I}$, либо достижение заданного числа итераций.

На практике при малой размерности задачи 5–10 итераций, как правило, достаточно.

Итерационная схема:

- обеспечивает устойчивость при частичной несогласованности матриц;
- упрощает вычисления в прикладных задачах;
- может использоваться для проверки результатов классического АНР.

Роль АНР в модели

В предлагаемой методике АНР выполняет следующие функции:

- формирование весовой структуры критериев;
- контроль согласованности экспертных оценок;
- обеспечение интерпретируемости весов критериев;
- подготовка входных данных для метода TOPSIS.

Таким образом, АНР используется как этап параметризации модели, обеспечивающий корректную интеграцию количественных и качественных показателей.

Экспертные оценки формировались на основе разнородной панели участников, состав которой варьировался в зависимости от уровня иерархии. На уровне групп критериев и частных показателей использовались результаты:

- опросов пользователей (студенты, пользователи digital-сервисов, сотрудники ИТ-компаний; совокупный объем выборки около 150 человек);
- экспертных оценок преподавателей (5 человек, ведущие профильные дисциплины в области ИКТ и UX);
- практикующих специалистов ритейл-компаний (4 эксперта).

Такой подход позволил объединить пользовательские предпочтения и профессиональные экспертные суждения при формировании весовой структуры критериев.

4.6. Построение матрицы решений

Формируется таблица вида:

Платформа	W1	W2	...	U1	U2	...	M1	M2	...
...									

Очевидно преобразование в матрицу: строки – альтернативы (платформы), столбцы – нормированные значения критериев. Матрица служит основой для метода TOPSIS.

4.7. Интегральная оценка методом TOPSIS

TOPSIS использует расстояния до идеального и антиидеального решений.

После нормализации, нормировки и расчета весов рассчитываем взвешенную матрицу:

$$v_{ij} = g_j \cdot r_{ij} \quad (11)$$

Далее определяются идеальная и антиидеальная альтернативы:

$$V^+ = \{\max_i v_{ij}\}, V^- = \{\min_i v_{ij}\} \quad (12)$$

Расстояния до идеального и антиидеального решений:

$$S_i^+ = \sqrt{\sum_j (v_{ij} - V_j^+)^2}, S_i^- = \sqrt{\sum_j (v_{ij} - V_j^-)^2} \quad (13)$$

Итоговая интегральная оценка:

$$C_i = \frac{S_i^-}{S_i^+ + S_i^-}, C_i \in [0, 1] \quad (14)$$

Интерпретация интегрального показателя C_i

Чем больше значение C_i , тем ближе платформа к идеальной альтернативе и тем выше ее эффективность по совокупности критериев. При $C_i \approx 1$ платформа демонстрирует максимальное соответствие предпочтительным значениям показателей, при $C_i \approx 0$ – минимальное.

Таким образом, интегральная оценка обеспечивает:

✓ *Сравнимость*, т.к. C_i нормирован в диапазоне $[0,1]$, что позволяет ранжировать платформы.

✓ *Объективность* ранжирования, учитывая все критерии и их весовые коэффициенты.

✓ *Интегральность*, т.к. учитываются web-метрики, UX и качественные данные.

Итак, предложенная методика объединяет структурирующую силу АНР, геометрическую выразительность TOPSIS и возможность аккуратной работы с разнородными данными – от web-метрик до UX-наблюдений и оценок mystery shopping. Введенная двухэтапная схема нормализации/нормировки, а также использование как классического, так и итерационного варианта вычисления весов позволяют сохранять устойчивость результатов даже при неполной согласованности экспертных оценок.

Логика интеграции методов АНР и TOPSIS в предлагаемой модели носит конвейерный характер: АНР используется для формирования согласованной весовой структуры критериев, тогда как TOPSIS реализует геометрическую агрегацию нормализованных показателей в интегральную оценку альтернатив. Последовательность вычислительных шагов – от экспертных парных сравнений до расчета итогового индекса C_i – представлена на рисунке 1 и отражает архитектуру гибридной MCDA-модели без изменения классических алгоритмов отдельных методов.

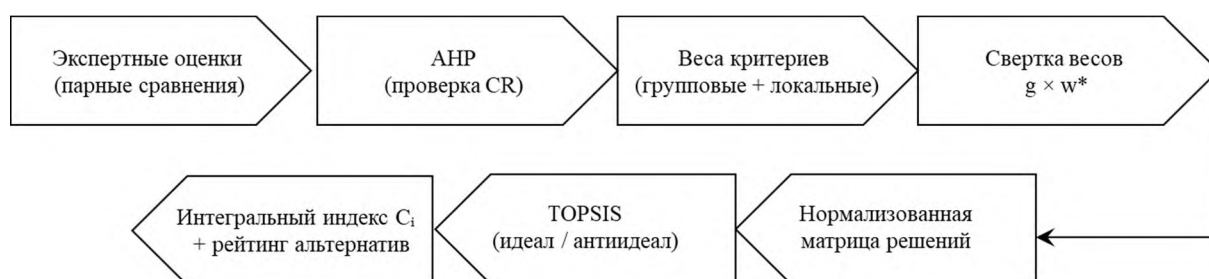

Рисунок 1. Схема интеграции АНР и TOPSIS в гибридной MCDA-модели оценки цифровых ритейл-платформ.

5. Апробация методики на пилотных данных

Исследование комбинированной модели проведено на данных 12-ти выборок, включающих результаты измерения web-метрик, UX-показателей, качественных данных mystery shopping (тайного покупателя) для оффлайн-ритейлеров г. Петропавловска и онлайн-магазинов цифровой техники в течение двух месяцев.

5.1. Объекты исследования

Онлайн-ритейл (SimilarWeb-данные): площадки Pulser.kz, Ecost.kz (данные: трафик, рейтинг, вовлеченность, источники трафика).

Крупные онлайн-платформы (дополнительный набор): Kaspi Магазин, Technodom, DNS-shop.kz (метрики: посещения, длительность визита, страницы за сессию, отказы, источники трафика).

Оффлайн-ритейл (с возможностью интернет-заказа): магазины Петропавловска с онлайн-витриной, Technodom, Forcesom и др. (качественные данные: ассортимент, удобство заказа, взаимодействие персонала, маркетинг и сервис – методы mystery shopping).

Выбор открытых источников данных обусловлен задачей проверки воспроизводимости методики в условиях ограниченного доступа к корпоративной аналитике и отражает типичную ситуацию прикладных ИКТ-исследований. При этом характер используемых источников не ограничивает масштабируемость и профессиональное применение модели в корпоративной среде.

В полном исследовании модель АНР включает трехуровневую структуру: группы критериев (G1–G3) → частные критерии (W, U, M) → альтернативы оцениваются методом TOPSIS (таблица 2).

Таблица 2. Иерархическая структура АНР-модели оценки ритейл-платформ

Уровень	Элемент	Описание	Выход
1. Цель	Оценка цифровой ритейл-платформы	Интегральная оценка качества цифрового сервиса	Финальный рейтинг
2. Группы критериев	G1. Web-метрики G2. UX-показатели G3. Mystery shopping	3 главных блока (кластера)	Групповые веса АНР: g_1, g_2, g_3
3. Частные критерии	G1 → W1,...,W6... G2 → U1,..., U5... G3 → M1,..., M5...	Полный опциональный набор критериев (фрагмент приведен в таблице 1)	Групповые локальные веса, например, $W5^*=0.72$ внутри G1
4. Альтернативы	A ₁ – Kaspi A ₂ – Pulser A ₃ – Technodom A ₄ – Ecost	Цифровые ритейл-платформы	TOPSIS-оценки C _i

5.2. Иллюстративный пример применения АНР–TOPSIS

Гибридная модель АНР–TOPSIS может применяться в двух режимах: полном и редукционном/демонстрационном. В режиме иллюстрации применяется сокращенный набор критериев, что позволяет продемонстрировать поведение метода TOPSIS без перегрузки вычислениями.

Приведенный далее пример носит демонстрационный характер и использует редуцированный набор критериев (3 критерия, 4 альтернативы) исключительно для иллюстрации вычислительной процедуры. В полном варианте методика оперирует расширенной системой из 15–22 критериев, что обеспечивает более детализированную и устойчивую интегральную оценку цифровых ритейл-платформ.

Выбор критериев для демонстрационного примера

Для анализа выбирается по одному репрезентативному критерию из каждой группы:

- G1 (Web-метрики): W5 (скорость загрузки);
- G2 (UX-показатели): U3 (глубина взаимодействия);
- G3 (Mystery shopping): M4 (полнота информации).

Выбранные критерии отражают технические, UX и качественные аспекты оценки и обладают разнонаправленным влиянием на итоговый результат, что позволяет продемонстрировать ситуацию частичного доминирования альтернатив.

Расчет весов методом АНР

Парные сравнения групп критериев

В результате парных сравнений групп критериев получены веса:

$$g_1 = 0.40, g_2 = 0.25, g_3 = 0.35,$$

при CR = 0.07, что указывает на допустимую согласованность экспертных оценок.

Парные сравнения частных критериев

В полном варианте модели на уровне частных критериев внутри групп вычисляются локальные веса w_{ij}^* , используемые при формировании итоговых весов.

Переход от АНР к TOPSIS (редукция модели)

В полном варианте методики итоговые веса передаются в TOPSIS по формуле (8).

В иллюстративном примере используется редукция: из каждой группы выбирается один критерий, выступающий представителем группы. После нормировки локальный вес такого критерия автоматически равен единице: $w_{ij}^* = 1$. Итоговые веса определяются групповыми коэффициентами:

$$w_1 = g_1, w_2 = g_2, w_3 = g_3$$

При этом структура АНР сохраняется на уровне групповых весов, что обеспечивает корректную передачу приоритетов в процедуру TOPSIS даже при сокращенном наборе критериев. Редукция используется исключительно в демонстрационных целях и не влияет на корректность общей методики.

Исходные данные

В демонстрационном примере рассматриваются:

- три критерия: $W5 \rightarrow X_1$ (скорость загрузки (мс), критерий на минимизацию), $U3 \rightarrow X_2$ (глубина взаимодействия – среднее число кликов до целевого действия, критерий на минимизацию), $M4 \rightarrow X_3$ (полнота информации по шкале Лайкерта 0÷10, критерий на максимизацию);

- четыре альтернативы: A_1 – Kaspi, A_2 – Pulser, A_3 – Technodom, A_4 – Ecost.

Остальные платформы не приводятся подробно из соображений компактности изложения. Анализ показал сходные закономерности: структура интегральных оценок сохранялась, а изменения рангов наблюдались преимущественно при частичном доминировании альтернатив и варьировании весов критериев.

<i>Исходная матрица показателей</i>			
Платформа	x_{i1}	x_{i2}	x_{i3}
A_1	420	5.2	9.0
A_2	650	4.3	7.5
A_3	530	6.1	8.0
A_4	1200	7.8	5.0

<i>Нормированная матрица</i>			
Платформа	r_{i1}	r_{i2}	r_{i3}
A_1	0.803	0.668	0.646
A_2	0.519	0.807	0.538
A_3	0.633	0.570	0.574
A_4	0.280	0.446	0.359

A_1 и A_2 демонстрируют частичное доминирование: A_1 быстрее и информативнее, A_2 требует меньше шагов до целевой операции. Типичная ситуация, требующая агрегирования предпочтений.

Полученная по формулам (1)–(3) с учетом направления предпочтений матрица отражает относительные значения критериев.

Применение метода TOPSIS

Расчет проводится по классической процедуре TOPSIS (11)–(14).

Взвешивание критериев

Платформа	v_{i1}	v_{i2}	v_{i3}
A_1	0.321	0.167	0.226
A_2	0.208	0.202	0.188
A_3	0.253	0.143	0.201
A_4	0.112	0.112	0.126

Расчет выполнен по формуле (11) с учетом весов $g_1 = 0.40$ (Web), $g_2 = 0.25$ (UX), $g_3 = 0.35$ (Ms). Наблюдается частичное доминирование: A_1 лидирует по X_1 и X_3 , A_2 – по X_2 .

Идеальное и антиидеальное решения (12):

$$V^+ = \{\max_i v_{ij}\} = (0.321, 0.202, 0.226), V^- = \{\min_i v_{ij}\} = (0.112, 0.112, 0.126)$$

Результаты вычисления расстояния до идеального и антиидеального решений согласно (13) для каждой платформы.

Платформа	S_i^+	S_i^-
A ₁	0.050	0.235
A ₂	0.045	0.174
A ₃	0.083	0.182
A ₄	0.186	0.000

Интегральная оценка TOPSIS согласно (14)

Платформа	C_i (TOPSIS)	Место
A ₁	0.825	1
A ₂	0.794	2
A ₃	0.687	3
A ₄	0.000	4

Интерпретация результатов

Интерпретация весов (АНР)

Весовые коэффициенты отражают структуру предпочтений между группами критериев: наибольший вклад в интегральную оценку вносит группа web-метрик ($g_1 = 0.40$), далее следуют качественные показатели ($g_3 = 0.35$) и UX-критерии ($g_2 = 0.25$). Это указывает на приоритет технических характеристик платформ при сохранении значимого влияния пользовательского опыта и качественных аспектов сервиса. Тем самым задается структура приоритетов для процедуры агрегирования.

Интерпретация ранжирования (TOPSIS)

Полученное ранжирование отражает структуру показателей и весов критериев без введения дополнительных эвристических допущений.

1. *A₁ и A₂ расположены в непосредственной близости*, что отражает реальную ситуацию смешанного доминирования. Метод корректно отражает баланс между критериями, позволяя выявить различия даже при близких значениях показателей.

2. *A₃ остается устойчиво на третьем месте*, так как умеренно уступает по всем критериям.

3. *A₄ закономерно получает минимальную оценку* – но не потому, что веса или метод «обнуляют» альтернативу, а из-за значительного отставания по всем параметрам.

Итак, TOPSIS чувствителен к направлениям предпочтений и структуре весов.

Анализ чувствительности

Для оценки стабильности модели проведен анализ чувствительности весов ($\pm 10\%$ с нормировкой суммы весов).

Например, увеличение влияния качественного показателя (M1: +10%) дает оценку $g(M1: +10\%) = 0.18$. Остальные веса масштабируются до величины 0.82. Соответствующий $C_1(TOPSIS | A_1)$ увеличился до 0.837. Итак, увеличение веса M1 усиливает преимущество A₁: она сильнее по коммуникации и UX-качеству. Ранжирование сохраняется.

Например, увеличение влияния сервисной скорости (M2: +10%) приводит к итогу $C_2(TOPSIS | A_2) = 0.819$, $C_1(TOPSIS | A_1) = 0.803$. Данный критерий усиливает позицию A₂ – платформа быстрее обрабатывает заказы. Итак, усиление сервисных критериев (M2) приводит к смене лидера (A₂ выходит вперед).

А снижение роли трафика (W1: -10%) снижает преимущество A₁, но ранжирование сохраняется. Трафик в данном конкретном случае не является решающим фактором, и его влияние частично компенсируется UX-показателями.

Частные результаты:

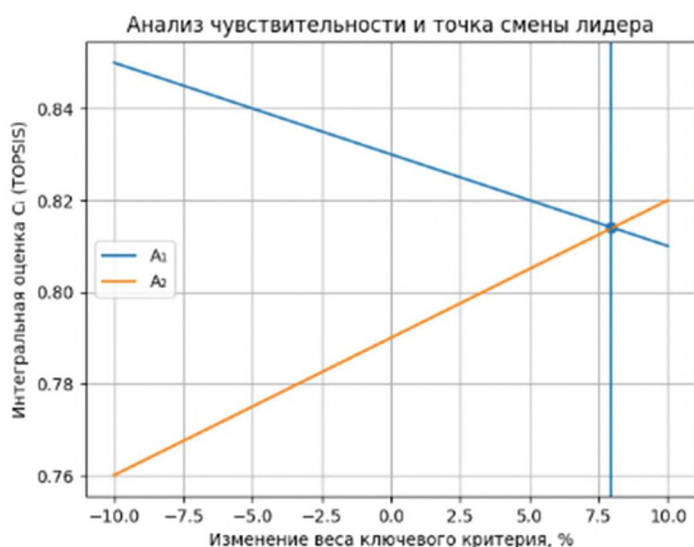
✓ M1 и M2 – наиболее влиятельные и «опасные» критерии (сильный эффект на ΔC_1 и ΔC_2);

✓ W1, W2, W3, U1 – чувствительные, но без смены ранга;

✓ возможны точки инверсии.

Изменения ранга наблюдаются только при усилении критериев, соответствующих зоне частичного доминирования, что подтверждает контролируемую чувствительность модели.

Для наглядной интерпретации анализа чувствительности весов используется графическое представление зависимости интегральных оценок C_i от изменения приоритетов отдельных критериев (рисунок 2).

Линейный характер траекторий отражает геометрическую природу метода TOPSIS и позволяет наглядно интерпретировать эффект линейной компенсации критериев.

Визуализация позволяет выделить границы устойчивости модели и подтвердить контролируемый характер ее чувствительности.

Рисунок 2. Анализ чувствительности интегральных оценок TOPSIS при изменении веса ключевого критерия; маркер указывает точку смены лидера.

Расширение числа критериев не изменяет методологию расчета, но повышает точность и аналитическую чувствительность модели.

5.3. Преимущества и ограничения

Преимущества предлагаемой модели заключаются в интеграции web-аналитики, UX-поведения и качественных данных в единую аналитическую процедуру, а также в снижении субъективности оценивания за счет гибридного использования методов АНР и TOPSIS. Модель применима как к онлайн-, так и к оффлайн-ритейлу, масштабируема и обеспечивает воспроизводимость расчетов.

Проведенные расчеты показывают устойчивость ранжирования в большинстве сценариев изменения весов, а также контролируемую чувствительность в ситуациях близких интегральных оценок альтернатив. Необходимость совместного учета количественных и качественных характеристик пользовательского взаимодействия подтверждается работами по e-commerce и UX-качеству [7-9].

К ограничениям модели относятся частично субъективный характер UX-диагностики, влияние процедуры нормализации на структуру расстояния, а также

линейная компенсируемость критериев в TOPSIS. Кроме того, результаты зависят от компетентности экспертной группы и согласованности экспертных оценок в АНР.

Для снижения субъективности качественных оценок применялись стандартизированные шкалы (в частности, шкала Лайкерта), унифицированные сценарии оценки (СJM) и агрегирование результатов по группе наблюдателей (mystery shopping). Итоговые значения формировались как усредненные оценки, что позволило нивелировать индивидуальные смещения восприятия. Дополнительно использовалась предварительная калибровка критериев оценки и единые чек-листы наблюдения.

Использование агрегированных показателей из открытых web-источников может вносить дополнительные погрешности, обусловленные методами сбора и обработки данных. Однако данный фактор не влияет на корректность методической схемы, поскольку модель ориентирована на сравнительный анализ.

5.4. Методологические замечания

Линейная компенсируемость критериев в TOPSIS

Метод TOPSIS основан на использовании взвешенных евклидовых расстояний до идеального и антиидеального решений, что приводит к эффекту линейной компенсируемости критериев: снижение одного показателя может быть частично компенсировано ростом другого [11-14].

Данное свойство обусловлено геометрической природой метода и требует учета при интерпретации результатов, поскольку может приводить к сглаживанию критических UX-проблем за счет сильных позиций по отдельным метрикам. Степень компенсируемости определяется структурой весов: равномерное распределение усиливает эффект компенсации, тогда как акцентированная структура повышает чувствительность модели.

В предлагаемой модели данный эффект учитывается посредством анализа чувствительности, а также введения групповой структуры критериев (G1-G3), ограничивающей перекрестную компенсацию между типами показателей.

Ограничения экспертных процедур АНР

Коэффициент согласованности CR отражает не только математическую корректность матриц парных сравнений, но и когнитивные особенности экспертной группы, включая неоднородность предпочтений и систематические смещения в восприятии значимости критериев [10, 17].

Предпочтения экспертов могут быть не полностью транзитивными, что связано с субъективными оценками значимости факторов. В предлагаемой модели влияние этих эффектов снижается за счет группировки критериев и использования итерационной процедуры уточнения весов.

Нелинейность UX-поведения

Пользовательское поведение в цифровой среде носит нелинейный и контекстно-зависимый характер, что напрямую может не отражаться в агрегированных метриках.

Методы MCDA, включая АНР и TOPSIS, неизбежно переводят такие эффекты в линейное представление. Это ограничение не снижает аналитической ценности модели, но определяет границы ее применимости. Компенсация достигается за счет включения качественных данных (mystery shopping) и сценарного анализа пользовательского опыта.

Сквозной анализ результатов

Интегральный анализ показывает устойчивое преимущество платформы Kaspi по совокупности критериев. Pulser.kz и Technodom демонстрируют средний уровень эффективности, тогда как Ecost.kz характеризуется наименьшей цифровой зрелостью.

Полученные результаты согласуются с качественными наблюдениями и подтверждают адекватность предложенной методики.

5.5. Выводы апробации

В результате апробации предложенной методики установлено:

1. Комбинированная MCDA-модель применима к анализу смешанных данных цифрового ритейла, включая web-метрики, UX-показатели и качественные оценки.

2. Использование открытых источников данных обеспечивает достаточную вариативность и детализацию для функционирования всех этапов модели при сохранении воспроизводимости результатов.

3. Интеграция методов АНР и TOPSIS позволяет формировать устойчивый интегральный рейтинг альтернатив даже при ограниченной выборке.

4. Модель обеспечивает совместный учет объективных цифровых показателей и субъективных UX-характеристик, что повышает полноту оценки цифровых платформ.

5. Полученные результаты согласуются с экспертной оценкой, что подтверждает корректность предложенного подхода.

6. Альтернатива Ecost.kz демонстрирует наименьший уровень интегральной оценки ($C \approx 0$), что отражает ее отставание по совокупности критериев и подтверждает чувствительность модели к структуре показателей.

Таким образом, апробация подтверждает применимость предложенной методики для анализа цифровых ритейл-платформ и позволяет оценить ее устойчивость, чувствительность и интерпретируемость в условиях реальных данных.

6. Заключение

6.1. Основные научные результаты

В ходе исследования:

- разработана и апробирована методика многокритериальной оценки цифровых ритейл-платформ, основанная на интеграции MCDA (АНР, TOPSIS), web-аналитики и UX-данных;
- предложена гибридная модель, обеспечивающая сопоставимость количественных и качественных показателей посредством нормализации и весового агрегирования;
- реализована схема интеграции групповых и частных критериев, позволяющая учитывать структуру предпочтений и снижать перекрестную компенсацию показателей;
- подтверждена применимость и устойчивость методики на данных онлайн- и оффлайн-ритейла;
- показана чувствительность модели к структуре весов в условиях частичного доминирования альтернатив.

6.2. Практическая значимость

Предлагаемая методика обеспечивает формализованную интеграцию разнородных данных и может применяться в задачах:

- аналитики цифровых платформ и e-commerce;
- UX-аудита и анализа пользовательских сценариев;
- управления цифровыми продуктами;
- сравнительного анализа конкурирующих сервисов.

Модель позволяет:

- проводить комплексную диагностику платформ с учетом технических, поведенческих и качественных показателей;
- выявлять критические точки пользовательского взаимодействия;

- формировать обоснованные приоритеты развития на основе весовых коэффициентов;

- оценивать результирующие изменения (в том числе в рамках А/В-тестирования).

Интеграция модели с ВІ-системами обеспечивает автоматизацию расчетов и использование интегральных показателей в задачах управленческого анализа.

6.3. Перспективы дальнейших исследований

Дальнейшее развитие методики связано со следующими направлениями:

- технические: учет временных рядов, сегментация данных (desktop/mobile), расширение набора UX-метрик, применение нечетких моделей (Fuzzy AHP/TOPSIS);

- методологические: разработка адаптивных весовых моделей, интеграция методов машинного обучения и Explainable AI;

- прикладные: расширение области применения модели на смежные цифровые системы (банкинг, госуслуги, EdTech).

Ограничения, связанные с линейной природой MCDA-методов и субъективностью экспертных оценок, определяют направление дальнейшего совершенствования модели.

Благодарности/Сведения об использовании ИИ

В процессе подготовки статьи использовалась языковая модель ChatGPT (OpenAI) для стилистического редактирования и улучшения ясности изложения. Модель не генерировала данные исследования, не формировала результаты анализа и не принимала управленческих решений.

Литература:

1. Shankar V., Kalyanam K., Setia P., et al. How technology is changing retail // *Journal of Retailing*. 2021. Vol. 97, No. 1. P. 13–27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2020.10.001>.
2. Verhoef P.C., Kannan P.K., Inman J.J. From multi-channel retailing to omni-channel retailing: introduction to the special issue on multi-channel retailing // *Journal of Retailing*. 2015. Vol. 91, No. 2. P. 174–181. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2015.02.005>.
3. Palmié M., Mische L., Oghazi P., et al. Digital service ecosystems and retail meta-ecosystems // *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. Vol. 176. Article 121452. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121452>.
4. Hagberg J., Sundström M., Egels-Zandén N. The digitalization of retailing: an exploratory framework // *International Journal of Retail & Distribution Management*. 2016. Vol. 44, No. 7. P. 694–712. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJRDM-09-2015-0140>.
5. Gkikas D.C., Theodoridis P.K. Predicting online shopping behavior: using machine learning and Google Analytics to classify user engagement // *Applied Sciences*. 2024. Vol. 14, No. 23. Article 11403. DOI: <https://doi.org/10.3390/app142311403>.
6. Mamakou X.J., Zaharias P., Milesi M. Measuring customer satisfaction in electronic commerce: the impact of e-service quality and user experience // *International Journal of Quality & Reliability Management*. 2024. Vol. 41, No. 3. P. 915–943. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJQRM-07-2021-0215>.
7. Albert W., Tullis T. *Measuring the User Experience: Collecting, Analyzing, and Presenting Usability Metrics*. Burlington: Morgan Kaufmann, 2013. 313 p.
8. Nielsen J. *Usability Engineering*. Boston: Academic Press, 1993. 362 p.
9. Wilson A. The use of mystery shopping in the measurement of service delivery // *Service Industries Journal*. 1998. Vol. 18, No. 3. P. 148–163.
10. Saaty T. Decision making with the analytic hierarchy process // *International Journal of Services Sciences*. 2008. Vol. 1, No. 1. P. 83–98.
11. Hwang C.L., Yoon K. *Multiple Attribute Decision Making: Methods and Applications*. Berlin: Springer-Verlag, 1981. 259 p.

12. Triantaphyllou E. *Multi-Criteria Decision Making Methods: A Comparative Study*. Dordrecht: Springer, 2000. 290 p.
13. Opricovic S., Tzeng G.-H. Compromise solution by MCDM methods: a comparative analysis of VIKOR and TOPSIS // *European Journal of Operational Research*. 2004. Vol. 156, No. 2. P. 445–455. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0377-2217\(03\)00020-1](https://doi.org/10.1016/S0377-2217(03)00020-1).
14. Zavadskas E.K., Turskis Z. A new additive ratio assessment (ARAS) method in multicriteria decision-making // *Technological and Economic Development of Economy*. 2010. Vol. 16, No. 2. P. 159–172. DOI: <https://doi.org/10.3846/tede.2010.10>.
15. Taha H.A. *Operations Research: An Introduction*. 10th ed. Harlow: Pearson, 2017. 848 p.
16. Keeney R.L., Raiffa H. *Decisions with Multiple Objectives: Preferences and Value Trade-offs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 569 p.
17. Wei Y.-M. A hybrid multi-criteria decision-making framework for the strategic evaluation of business development models // *Information*. 2025. Vol. 16, No. 6. Article 454. DOI: <https://doi.org/10.3390/info16060454>.
18. Rodríguez-Carrillo M.L., Pérez-Domínguez L., Romero-López R., et al. A systematic literature review on the use of multicriteria decision-making methods for SME innovation assessment // *Frontiers in Artificial Intelligence*. 2025. Vol. 8. Article 1605756. DOI: <https://doi.org/10.3389/frai.2025.1605756>.
19. Alkan N., Kahraman C. Prioritization of supply chain digital transformation strategies using multi-expert Fermatean fuzzy analytic hierarchy process // *Informatica*. 2023. Vol. 34, No. 1. P. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.15388/22-INFOR493>.
20. Torbacki W. An integrated MCDA framework for prioritising emerging technologies in the transition from Industry 4.0 to Industry 5.0 // *Applied Sciences*. 2025. Vol. 15, No. 15. Article 8168. DOI: <https://doi.org/10.3390/app15158168>.
21. Kulikova V., Iklassova K., Kazanbayeva A. Development of a decision making method to form the indicators for a university development plan // *Eastern European Journal of Enterprise Technologies*. 2019. Vol. 3/3(99). P. 12–21. DOI: <https://doi.org/10.15587/1729-4061.2019.169193>.
22. Kurmasheva L., Kurmashev I., Kulikov V., Kulikova V., Tajigitov A. The use of data mining in the management of the career guidance work of the university // *Annals of Data Science*. 2024. Vol. 12. P. 1923–1940. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40745-024-00585-6>.
23. Куликов В.П., Куликова В.П. Практика информационной поддержки принятия решений: учеб. пособие. - Петропавловск: СКУ им. М. Козыбаева, 2023. - 203 с. ISBN 978-601-223-649-1. УДК 001.891. ББК 72. К90

References:

1. Shankar, V., Kalyanam, K., Setia, P., et al. (2021). *How technology is changing retail*. Journal of Retailing, 97(1), 13–27. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2020.10.001>
2. Verhoef, P.C., Kannan, P.K., & Inman, J. J. (2015). From multi-channel retailing to omni-channel retailing: Introduction to the special issue on multi-channel retailing. *Journal of Retailing*, 91(2), 174–181. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2015.02.005>
3. Palmié, M., Mische, L., Oghazi, P., et al. (2022). Digital service ecosystems and retail meta-ecosystems. *Technological Forecasting and Social Change*, 176, Article 121452. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121452>
4. Hagberg, J., Sundström, M., & Egels-Zandén, N. (2016). The digitalization of retailing: An exploratory framework. *International Journal of Retail & Distribution Management*, 44(7), 694–712. <https://doi.org/10.1108/IJRDM-09-2015-0140>
5. Gkikas, D.C., & Theodoridis, P. K. (2024). Predicting online shopping behavior: Using machine learning and Google Analytics to classify user engagement. *Applied Sciences*, 14(23), Article 11403. <https://doi.org/10.3390/app142311403>
6. Mamakou, X.J., Zaharias, P., & Milesi, M. (2024). Measuring customer satisfaction in electronic commerce: The impact of e-service quality and user experience. *International Journal of Quality & Reliability Management*, 41(3), 915–943. <https://doi.org/10.1108/IJQRM-07-2021-0215>
7. Albert, W., & Tullis, T. (2013). *Measuring the user experience: Collecting, analyzing, and presenting usability metrics*. Morgan Kaufmann.
8. Nielsen, J. (1993). *Usability engineering*. Academic Press.
9. Wilson, A. (1998). The use of mystery shopping in the measurement of service delivery. *Service Industries Journal*, 18(3), 148–163.

10. Saaty, T. (2008). Decision making with the analytic hierarchy process. *International Journal of Services Sciences*, 1(1), 83–98.
11. Hwang, C.L., & Yoon, K. (1981). *Multiple attribute decision making: Methods and applications*. Springer-Verlag.
12. Triantaphyllou, E. (2000). *Multi-criteria decision making methods: A comparative study*. Springer.
13. Opricovic, S., & Tzeng, G.-H. (2004). Compromise solution by MCDM methods: A comparative analysis of VIKOR and TOPSIS. *European Journal of Operational Research*, 156(2), 445–455. [https://doi.org/10.1016/S0377-2217\(03\)00020-1](https://doi.org/10.1016/S0377-2217(03)00020-1)
14. Zavadskas, E.K., & Turskis, Z. (2010). A new additive ratio assessment (ARAS) method in multicriteria decision-making. *Technological and Economic Development of Economy*, 16(2), 159–172. <https://doi.org/10.3846/tede.2010.10>
15. Taha, H.A. (2017). *Operations research: An introduction* (10th ed.). Pearson.
16. Keeney, R.L., & Raiffa, H. (1993). *Decisions with multiple objectives: Preferences and value trade-offs*. Cambridge University Press.
17. Wei, Y.-M. (2025). A hybrid multi-criteria decision-making framework for the strategic evaluation of business development models. *Information*, 16(6), Article 454. <https://doi.org/10.3390/info16060454>
18. Rodríguez-Carrillo, M.L., Pérez-Domínguez, L., Romero-López, R., et al. (2025). A systematic literature review on the use of multicriteria decision-making methods for SME innovation assessment. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 8, Article 1605756. <https://doi.org/10.3389/frai.2025.1605756>
19. Alkan, N., & Kahraman, C. (2023). Prioritization of supply chain digital transformation strategies using multi-expert Fermatean fuzzy analytic hierarchy process. *Informatica*, 34(1), 1–33. <https://doi.org/10.15388/22-INFOR493>
20. Torbacki, W. (2025). An integrated MCDA framework for prioritising emerging technologies in the transition from Industry 4.0 to Industry 5.0. *Applied Sciences*, 15(15), Article 8168. <https://doi.org/10.3390/app15158168>
21. Kulikova, V., Iklassova, K., & Kazanbayeva, A. (2019). Development of a decision making method to form the indicators for a university development plan. *Eastern European Journal of Enterprise Technologies*, 3/3(99), 12–21. <https://doi.org/10.15587/1729-4061.2019.169193>
22. Kurmasheva, L., Kurmashev, I., Kulikov, V., Kulikova, V., & Tajigitov, A. (2024). The use of data mining in the management of the career guidance work of the university. *Annals of Data Science*, 12, 1923–1940. <https://doi.org/10.1007/s40745-024-00585-6>
23. Kulikov, V.P., & Kulikova, V.P. (2023). *Praktika informacionnoj podderzhki prinyatiya reshenij [Uchebnoe posobie]*. - Petropavlovsk: SKU im. M. Kozybaeva. ISBN 978-601-223-649-1.

Information about the authors

V.P. Kulikova – corresponding author, Professor, Department of Information and Communication Technologies, Candidate of Technical Sciences, Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: valentina@ku.edu.kz;

Y.V. Kukhareno – Assistant Professor, Department of Information and Communication Technologies, Candidate of Technical Sciences, Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: geny@ku.edu.kz;

O.A. Nikishina – Senior lecturer of the Department of Information and Communication Technologies, Master of Information Systems, Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan; email: opronina@ku.edu.kz.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-347-360

ӨЖ 595.142.3: 631.147

ҒТАМА 34.33.15

БІЛІМ БЕРУДЕГІ ИММЕРСИВТІ ТЕХНОЛОГИЯЛАР: ВИРТУАЛДЫ, ТОЛЫҚТЫРЫЛҒАН ЖӘНЕ АРАЛАС ШЫНДЫҚТЫҢ ӘЛЕУЕТІ

Шангытбаева Г.А.¹, Шайханова А.К.^{2*}, Жұмағалиева Ж.¹,
Лили Нурлияна Абдулла³, Мырзаханов К.Е.⁴

¹Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті, Ақтөбе, Қазақстан

^{2*}Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

³Путра Малайзия университеті, Серданг, Селангор, Малайзия

⁴«Ұлттық аударма бюросы» АҚ, Астана, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: shaikhanova_ak@enu.kz

Аңдатпа

Мақалада білім беруді цифрлық трансформациялау жағдайындағы болашақ педагогтарды кәсіби даярлау жүйесінде виртуалды (VR), толықтырылған (AR) және аралас шындық (MR) технологияларының әлеуетін зерттеуге арналған эмпирикалық зерттеудің нәтижелері ұсынылған. Зерттеу иммерсивті білім беру орталарын пайдалану барысында қалыптасатын педагогикалық құзыреттерді анықтауға, сондай-ақ VR/AR/MR технологияларын білім беру тәжірибесіне енгізудің артықшылықтары мен шектеулерін талдауға бағытталған. Әдіснамалық негіз ретінде J.C. Flanagan ұсынған критикалық инциденттер әдісі және педагогтердің цифрлық құзыреттерін талдауға бейімделген P.C. Smith пен L.M. Kendall әзірлеген мінез-құлыққа негізделген бағалау шкалалары (BARS) қолданылды. Зерттеуге педагогикалық даярлықтан өткен инженерлік-техникалық бағыттағы 186 студент қатысты. Зерттеу нәтижелері қатысушылардың VR/AR/MR технологияларын қолдануды ең алдымен коммуникативтік, ақпараттық және технологиялық құзыреттерді дамытумен байланыстыратынын, сондай-ақ иммерсивті орталарды оқытудың интерактивтілігі мен практикалық бағыттылығын арттыру құралы ретінде қарастыратынын көрсетті. Сонымен қатар технологияларды енгізудің шектейтін бірқатар факторлар анықталды: педагогтердің цифрлық даярлығының жеткіліксіздігі, инфрақұрылымдық шектеулер және ұйымдастырушылық кедергілер. Алынған нәтижелер зерттеуге қатысушылардың бағалауы бойынша иммерсивті технологияларды қолданудың тиімділігі тек технологиялық шешімдердің қолжетімділігіне ғана емес, сонымен қатар педагогтердің цифрлық құзыреттілік деңгейіне және технологияларды білім беру ортасына сапалы кіріктіруге де байланысты болуы мүмкін екенін болжауға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: виртуалды шындық, толықтырылған шындық, аралас шындық, цифрлық құзыреттілік, педагогтарды даярлау, иммерсивті технологиялар, цифрлық білім беру ортасы, кәсіби құзыреттер.

ИММЕРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ: ПОТЕНЦИАЛ ВИРТУАЛЬНОЙ, ДОПОЛНЕННОЙ И СМЕШАННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шангытбаева Г.А.¹, Шайханова А.К.^{2*}, Жұмағалиева Ж.¹,
Лили Нурлияна Абдулла³, Мырзаханов К.Е.⁴

¹Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Ақтөбе, Казахстан

^{2*}Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

³Университет Путра Малайзия, Серданг, Селангор, Малайзия

⁴КФ «Ұлттық аударма бюросы», Астана, Казахстан

*Автор-корреспондент: shaikhanova_ak@enu.kz

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования потенциала иммерсивных технологий - виртуальной (VR), дополненной (AR) и смешанной реальности (MR) - в системе профессиональной подготовки будущих педагогов в условиях цифровой трансформации образования. Исследование

направлено на выявление педагогических компетенций, формируемых при использовании иммерсивных образовательных сред, а также на анализ преимуществ и ограничений внедрения VR/AR/MR в образовательную практику. Методологическую основу составили метод критических инцидентов J.C. Flanagan и поведенчески закреплённые оценочные шкалы (BARS) P.C. Smith и L.M. Kendall, адаптированные для анализа цифровых компетенций педагогов. В исследовании приняли участие 186 студентов инженерно-технических направлений, проходивших педагогическую подготовку. Результаты показывают, что участники связывают применение VR/AR/MR прежде всего с развитием коммуникативных, информационных и технологических компетенций, а также рассматривают иммерсивные среды как средство повышения интерактивности и практической направленности обучения. Одновременно выявлены факторы, ограничивающие внедрение технологий: недостаточная цифровая подготовка преподавателей, инфраструктурные ограничения и организационные барьеры. Полученные результаты позволяют предположить, что, по оценкам участников исследования, эффективность использования иммерсивных технологий может быть связана не только с технологической доступностью решений, но и с уровнем цифровой компетентности педагогов, а также качеством интеграции технологий в образовательную среду.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, смешанная реальность, цифровая компетентность, подготовка педагогов, иммерсивные технологии, цифровая образовательная среда, профессиональные компетенции.

IMMERSIVE TECHNOLOGIES IN EDUCATION: THE POTENTIAL OF VIRTUAL, AUGMENTED, AND MIXED REALITY

G. Shangytbayeva¹, A. Shaikhanova^{2*}, Zh. Zhumagaliyeva¹, Lily Nurliana Abdullah³,
K.E. Myrzakhanov⁴

¹*Zhubanov University, Aktobe, Kazakhstan*

^{2*}*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

³*University Putra Malaysia; Serdang, Selangor, Malaysia*

⁴*Corporate Foundation "Ul'tyq audarma burosy", Astana, Kazakhstan*

**Corresponding author: shaikhanova_ak@enu.kz*

Abstract

This article presents the results of an empirical study examining the potential of immersive technologies—Virtual Reality (VR), Augmented Reality (AR), and Mixed Reality (MR)—in the professional training of future teachers within the context of the digital transformation of education. The study aims to identify pedagogical competencies developed through the use of immersive educational environments and to analyze the advantages and limitations associated with implementing VR/AR/MR technologies in educational practice. The methodological framework is based on J.C. Flanagan's Critical Incident Technique and the Behaviorally Anchored Rating Scales (BARS) developed by P.C. Smith and L.M. Kendall, adapted for the analysis of teachers' digital competencies. The study involved 186 engineering students enrolled in teacher training programs. The findings indicate that participants primarily associate the use of VR/AR/MR technologies with the development of communicative, informational, and technological competencies, while also perceiving immersive environments as a means of enhancing interactivity and the practical orientation of learning. At the same time, several factors limiting technology implementation were identified, including insufficient digital preparedness of educators, infrastructural constraints, and organizational barriers. The findings suggest that, according to the participants' perceptions, the effectiveness of immersive technologies may be associated not only with the technological availability of solutions but also with teachers' level of digital competence and the quality of technology integration into the educational environment.

Keywords: Virtual Reality, Augmented Reality, Mixed Reality, digital competence, teacher training, immersive technologies, digital educational environment, professional competencies

Кіріспе

XXI ғасырдағы цифрлық технологиялардың қарқынды дамуы мамандарды оқыту мен кәсіби даярлаудың дәстүрлі тәсілдерін өзгерте отырып, білім беру ортасын айтарлықтай өзгертеді. Білім беруді цифрлық трансформациялаудың ең перспективалы бағыттарының бірі виртуалды (Virtual Reality - VR), толықтырылған (Augmented Reality - AR) және аралас шындықты (Mixed Reality - MR) қамтитын иммерсивті технологияларды енгізу болып табылады. Бұл технологиялар білім алушылардың қатысуының жоғары деңгейін, күрделі процестерді визуализациялауды және тәжірибеге бағытталған оқу сценарийлерін модельдеуді қамтамасыз ететін жаңа буынның интерактивті білім беру кеңістігін қалыптастырады [1].

Виртуалды білім беру орталарын пайдалануға қызығушылық оларды жаппай енгізуден әлдеқайда ертерек пайда болды. XX ғасырдың аяғында зерттеушілер жасанды цифрлық кеңістіктерді құру және оларды білім беру мақсатында пайдалану мүмкіндіктерін қарастырды. Есептеу технологияларын дамыту, өзара әрекеттесу интерфейстерін жетілдіру және қол жетімді виртуалды және кеңейтілген шындық құрылғыларының пайда болуы эксперименттік әзірлемелерден VR/AR/MR-ді мамандарды даярлаудың әртүрлі салаларында практикалық қолдануға біртіндеп көшуге ықпал етті [2]. Қазіргі уақытта бұл технологиялар медицинада, инженерияда, авиациялық дайындықта және басқа да кәсіби салаларда белсенді қолданылады, ал білім беру секторы оларды қолданудың ең серпінді дамып келе жатқан салаларының біріне айналуға [3-5].

Иммерсивті технологияларды енгізу педагогикалық білім беруде ерекше өзектілікке ие болады. Қазіргі білім беру ортасы цифрлық сауаттылыққа және педагогтердің технологиялық қаныққан білім беру экожүйелері жағдайында жұмысқа кәсіби дайындығына жоғары талаптар қояды. Дәстүрлі дайындық әдістерінен айырмашылығы, VR/AR/MR кәсіби жағдайларды модельдеудің бақыланатын жағдайларын жасауға, күрделі педагогикалық сценарийлерді қайталауға және практикалық дағдыларды қауіпсіз меңгеруге мүмкіндік береді [5-7].

Қазіргі заманғы зерттеулер көрсеткендей, цифрлық білім беру технологияларының тиімділігі қолданылатын платформалардың техникалық сипаттамаларымен ғана емес, сонымен қатар мұғалімнің цифрлық құралдарды білім беру процесіне біріктіру қабілетімен де анықталады. Осыған байланысты технологиялық сауаттылықты, коммуникативтік дағдыларды, оқытудың интерактивті әдістерін пайдалану және білім беру технологияларын нақты педагогикалық міндеттерге бейімдеу қабілетін қамтитын педагогтердің цифрлық құзыреттілігін дамыту ерекше маңызға ие [11, 13]. Цифрлық білім беру ортасын зерттеу сонымен қатар оқытушының цифрлық құзыреттілігінің жоғары деңгейі интерактивті оқыту сапасына және білім алушылардың білім беру нәтижелеріне тікелей әсер ететінін көрсетеді [13]. Соңғы зерттеулер виртуалды және толықтырылған шындық технологияларының білім алушылардың белсенділігін арттыруға, тәжірибеге бағытталған оқытуды қолдауға және цифрлық құзыреттерді дамытуға ықпал ететінін көрсетеді. Сонымен қатар жасанды интеллект пен иммерсивті технологиялардың интеграциясы оқу мазмұнын дербестендірудің және адаптивті оқытудың жаңа мүмкіндіктерін қалыптастыруда [11, 13, 16].

Иммерсивті технологияның белсенді дамуына қарамастан, бірқатар мәселелер әлі де жеткілікті зерттелмеген. Қолданыстағы зерттеулердің едәуір бөлігі негізінен VR/AR/MR техникалық сипаттамаларына немесе білім беру тиімділігінің жекелеген аспектілеріне бағытталған. Сонымен қатар, иммерсивті білім беру ортасын пайдалану

жағдайында қалыптасатын кәсіби құзыреттіліктерді кешенді талдауға, сондай - ақ осы технологияларды педагогикалық дайындыққа ауқымды енгізуді шектейтін факторларға арналған жұмыстар салыстырмалы түрде аз [8-10].

Бұл зерттеудің ғылыми жаңалығы кәсіби құзыреттіліктерді талдаудың классикалық әдістерін - J.C. Flanagan сыни инциденттер әдісін және P.C. Smith және L.M. Kendall мінез - құлықпен бекітілген бағалау шкалаларын-білім берудің цифрлық трансформациясының заманауи контекстімен біріктіру болып табылады. Қолданыстағы зерттеулерден айырмашылығы, жұмыс иммерсивті білім беру ортасында қалыптасқан кәсіби құзыреттіліктерді анықтауға құрылымдық тәсілді ұсынады, сонымен қатар мұғалімдердің цифрлық құзыреттілігі мен технологиялық бай білім беру шешімдерін біріктіру шарттары арасындағы байланысты қарастырады.

Ұсынылып отырған жұмыс цифрлық педагогика және білім беру технологиялары саласындағы эмпирикалық зерттеулерге жатады. Зерттеу диагностикалық және тұжырымдамалық сипатқа ие болып, білім алушылардың педагогтерді кәсіби даярлау үдерісінде иммерсивті технологиялардың әлеуетін қабылдау ерекшеліктерін зерделеуге бағытталған. Зерттеудің ғылыми үлесі VR/AR/MR технологияларын пайдалану жағдайында қалыптасатын құзыреттерді талдау үшін Critical Incident Technique (CIT) және Behaviorally Anchored Rating Scales (BARS) әдістерін интеграциялауда, сондай-ақ иммерсивті технологияларды педагогикалық даярлаудың цифрлық білім беру ортасына кіріктірудің теориялық негіздерін жүйелеуде көрініс табады.

Зерттеу нысаны – болашақ педагогтарды кәсіби даярлау үдерісі болып табылады, ал зерттеу пәні VR/AR/MR технологияларын пайдалану арқылы педагогикалық құзыреттерді қалыптастыру мүмкіндіктері.

Зерттеудің мақсаты – білім беру ортасында иммерсивті технологияларды қолдану барысында қалыптасатын кәсіби құзыреттерді анықтау, сондай-ақ педагогтарды даярлау үдерісінде VR/AR/MR технологияларын пайдаланудың артықшылықтары мен шектеулерін айқындау.

Қойылған мақсатқа жету үшін келесі міндеттер шешілді:

- білім беру тәжірибесінде VR/AR/MR технологияларын қолданудың теориялық негіздерін талдау;
- иммерсивті білім беру ортасында педагогикалық құзыреттерді зерттеудің әдіснамалық тәсілдерін анықтау;
- білім алушылардың педагогикалық даярлықта VR/AR/MR технологияларын қолдану мүмкіндіктерін қабылдауын зерттеу;
- иммерсивті технологияларды пайдаланудың артықшылықтары мен шектеулерін айқындау;
- VR/AR/MR технологияларын педагогикалық білім беру жүйесіне интеграциялау бойынша қорытындылар мен практикалық ұсынымдарды тұжырымдау.

Ұсынылған зерттеу педагогтардың кәсіби құзыреттілігін дамытудағы иммерсивті технологиялардың рөлін және оларды заманауи цифрлық білім беру орталарына біріктіру мүмкіндіктерін тереңірек түсінуге бағытталған.

Эксперименттік бөлім (Материалдар және әдістер)

Зерттеудің әдіснамалық негізі кәсіби құзыреттіліктерді талдаудың классикалық тәсілдері мен цифрлық педагогиканың заманауи тұжырымдамаларының үйлесіміне негізделген, бұл болашақ педагогтарды даярлау контекстінде иммерсивті технологияларды қабылдауды зерттеуге және алынған нәтижелерді жан-жақты түсіндіруді қамтамасыз етуге мүмкіндік берді.

Зерттеудің әдіснамалық негіздері. Теориялық-әдіснамалық негіз ретінде цифрлық білім беру ортасы жағдайында қатысушылардың кәсіби құзыреттіліктері мен мінез-құлық ерекшеліктерін талдауға мүмкіндік беретін әдістер қолданылды.

Зерттеу J.C. Flanagan ұсынған сыни оқиғалар әдісін (Critical Incident Technique - CIT) қолданды [1]. Әдіс қатысушылардың маңызды жағдайлары мен мінез-құлық реакцияларын талдау арқылы кәсіби қызметтің негізгі элементтерін анықтауға мүмкіндік береді. Бұл тәсілді қолдану әсіресе шешім қабылдауды, ақпаратты талдауды және коммуникативті өзара әрекеттесуді қажет ететін стандартты емес және технологиялық қаныққан жағдайларда педагогикалық қызметті зерттеуде тиімді.

Сонымен қатар, P.C. Smith және L.M. Kendall әзірлеген мінез - құлықпен бекітілген бағалау шкаласы (Behaviorally Anchored Rating Scales-BARS) әдістемесі қолданылды [2]. Бұл тәсіл типтік мінез-құлық үлгілері негізінде кәсіби құзыреттіліктерді құрылымдық бөлуді қамтамасыз етеді. Зерттеу аясында BARS қатысушылар анықтаған құзыреттерді жүйелеу және олардың маңыздылығын кейіннен саралау үшін пайдаланылды.

CIT және BARS комбинациясын пайдалану нәтижелердің жоғары дәрежесін қамтамасыз ете отырып, сапалы және сандық талдау әдістерін біріктіруге мүмкіндік берді.

Зерттеудің технологиялық моделі. VR/AR/MR әлеуетін талдау үшін иммерсивті технологияларды білім беру ортасына біріктірудің тұжырымдамалық моделі қолданылды, оның ішінде үш өзара байланысты деңгей бар:

1. Технологиялық деңгей: виртуалды шындық (VR); толықтырылған шындық (AR); аралас шындық (MR); білім беру платформалары және иммерсивті оқытуды қолдау бағдарламалық құралдары.

Заманауи шешімдердің мысалдары ретінде Meta Quest платформалары, HTC Vive, мобильді AR қосымшалары және интерактивті білім беру орталары қарастырылды.

2. Педагогикалық деңгей: кәсіби педагогикалық жағдайларды модельдеу; интерактивті өзара іс - қимыл; міндеттерді бірлесіп шешу; тәжірибеге бағытталған оқыту сценарийлері.

3. Құзыреттілік деңгейі: коммуникативтік құзыреттілік; цифрлық сауаттылық; технологиялық құзыреттілік; шешім қабылдау; ақпараттық құзыреттілік.

Ұсынылған модель иммерсивті технологияны жеке цифрлық құрал ретінде емес, цифрлық білім беру экосистемінің құрамдас бөлігі ретінде қарастырады.

Иммерсивті білім беру ортасының технологиялық негізі. Иммерсивті оқытудың технологиялық негізі ретінде заманауи VR/AR/MR платформалары мен цифрлық білім беру сервистері пайдаланылуы мүмкін. Виртуалды шындықты жүзеге асыру үшін білім беру ортасына толық ену мүмкіндігін қамтамасыз ететін Meta Quest және HTC Vive құрылғылары қолданылады. Толықтырылған шындық технологиялары ARCore және ARKit мобильді қосымшалары арқылы іске асырылуы мүмкін, ал аралас шындық технологиялары Microsoft HoloLens платформасы негізінде жүзеге асырылады.

Иммерсивті технологияларды Moodle, Canvas және Google Classroom сияқты оқытуды басқару жүйелерімен (Learning Management System – LMS) интеграциялау VR/AR/MR сценарийлерін білім беру үдерісіне енгізуге, білім алушылардың белсенділігін мониторингтеуге және оқу қызметін цифрлық ресурстармен сүйемелдеуге мүмкіндік береді.

Перспективалы бағыттардың бірі иммерсивті орталарды жасанды интеллект жүйелерімен біріктіру болып табылады. Мұндай интеграция оқытуды дербестендіруді, білім беру сценарийлерін бейімдеуді және білім беру деректерінің интеллектуалды аналитикасын жүзеге асыруға мүмкіндік береді.

Зерттеу іріктемесі. Зерттеудің эмпирикалық базасы педагогикалық дайындықтан өткен Крайова университетінің (Румыния) автоматика, есептеу техникасы және электроника факультетінің студенттерін іріктеу негізінде құрылған. Эмпирикалық зерттеу базасы ретінде Крайова университетінің (Румыния) таңдалуы білім беруді цифрлық трансформациялау үдерістері мен болашақ педагогтердің цифрлық құзыреттерін дамыту мәселелерін халықаралық салыстырмалы тұрғыдан зерттеу міндеттерімен негізделеді. Зерттеу цифрлық білім беру технологиялары саласындағы Қазақстан мен Румыния зерттеушілерінің ғылыми ынтымақтастығы аясында жүргізілді. Шетелдік іріктемені пайдалану зерттеудің эмпирикалық базасын кеңейтуге және басқа білім беру ортасы жағдайында деректер алуға мүмкіндік берді. Сонымен қатар бұл алынған нәтижелерді Қазақстан Республикасындағы цифрлық педагогиканы дамыту және педагог кадрларды даярлау міндеттерімен салыстыра талдауға жағдай жасады.

Зерттеуге дайындықтың инженерлік-техникалық бағыттарының 186 студенті қатысты.

Іріктеуді қалыптастыру мақсатты іріктеу әдісімен жүзеге асырылды.

Қосу критерийлері:

- педагогикалық курстардан өту;
- цифрлық технологиялармен жұмыс істеудің базалық дағдыларының болуы;
- цифрлық білім беру құралдарын пайдалануға байланысты оқу сабақтарына қатысу;

– зерттеуге қатысуға ерікті түрде ақпараттандырылған келісім.

Пайдаланылған үлгі салыстырмалы біртектілікпен сипатталады, бұл нәтижелердің салыстырылуын қамтамасыз етеді, бірақ сонымен бірге олардың білім алушылар мен тәжірибешілердің кең санаттарына таралу мүмкіндігін шектейді.

Құралдар жинағы және деректерді жинау процедурасы. Эмпирикалық мәліметтер алу үшін ашық және жабық сұрақтарды қамтитын жартылай құрылымдалған сауалнама қолданылды.

Қолданылатын сұрақтардың мысалдары:

- VR/AR/MR пайдалану кезінде қандай кәсіби құзыреттер дамиды деп ойлайсыз?
- Иммерсивті технологияның қандай артықшылықтары ең маңызды болып көрінеді?
- Білім беру тәжірибесінде VR/AR/MR қолдануды қандай факторлар шектейді?
- Сіз осындай технологияларды болашақ кәсіби қызметте пайдалануға қаншалықты дайынсыз?

Жеке көрсеткіштерді бағалау үшін бес балдық Лайкерт шкаласы қолданылды.

Деректерді жинау кезең-кезеңмен жүргізілді:

1 кезең. Жеке сауалнама. Қатысушылар жеке жауаптарды тұжырымдап, иммерсивті технологиялардың ең маңызды құзыреттері мен сипаттамаларын анықтады.

2 кезең. Топтық талқылау. Шағын топтарда ерекшеленген сипаттамаларды нақтылау және келісу жүргізілді.

3 кезең. Сараптамалық өңдеу. Алынған нәтижелер BARS әдісімен талданды және жүйеленді.

4 кезең. Нәтижелерді саралау. Анықталған құзыреттердің салыстырмалы маңыздылығын, технологияларды қолданудың артықшылықтары мен шектеулерін анықтау жүргізілді.

Зерттеудің бірнеше кезендерін қолдану әдістемелік триангуляция принципін жүзеге асыруға және нәтижелерді түсіндірудің сенімділігін арттыруға мүмкіндік берді [14, 15].

Статистикалық өңдеу әдістері. Нәтижелерді өңдеу үшін сипаттамалық статистика әдістері қолданылды.

Сандық талдау салыстырмалы жауап жиіліктерін және қатысушылардың ұпайларының пайыздық үлестірілуін анықтауды қамтыды.

Пікірлердің дәйектілігін бағалау үшін Кендаллдың үйлестіру коэффициенті қолданылды.

Алынған коэффициент мәні ($W=0,71$) сараптамалық бағалаулардың келісімділігінің қолайлы деңгейін көрсетеді және алынған нәтижелерді статистикалық келісілген деп санауға мүмкіндік береді.

Осы зерттеу аясында статистикалық гипотезаларды тексеру немесе айнымалылар арасындағы себеп-салдарлық байланыстарды анықтау міндеті қойылған жоқ. Зерттеу ізденістік (exploratory) сипатқа ие және білім алушылардың иммерсивті технологиялардың әлеуетін қабылдау құрылымын айқындауға бағытталды. Сондықтан зерттеу мақсатына сәйкес сипаттамалық статистика әдістері және сараптамалық бағалардың келісімділігін бағалау құралдары пайдаланылды.

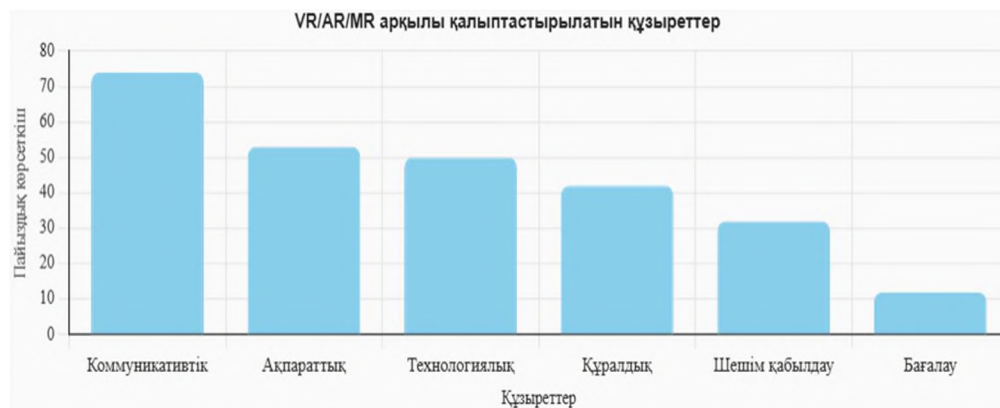
Ұсынылған сандық көрсеткіштер зерттеуге қатысушылардың субъективті қабылдауын көрсететінін және олардың білім беру жүйесінің тиімділігінің объективті көрсеткіштерінен гөрі VR/AR/MR технологияларының әлеуетті мүмкіндіктері мен шектеулерін бағалауын сипаттайтынын ескеру қажет.

Нәтижелер

Зерттеу нәтижелері деректерді жинау мен өңдеудің төрт кезеңі негізінде алынды және қатысушылардың пікірінше, иммерсивті технологияларды қолдану арқылы қалыптасуы мүмкін кәсіби құзыреттіліктерді, сондай-ақ болашақ педагогтерді даярлау үдерісінде VR/AR/MR технологияларын қолданудың артықшылықтары мен шектеулерін анықтауға бағытталды.

Нәтижелер респонденттердің иммерсивті технологиялардың әлеуетін субъективті қабылдауын көрсетеді және олардың білім беру тәжірибесінде VR/AR/MR қолдану мүмкіндіктері туралы түсініктерін сипаттайды.

VR/AR/MR пайдалану кезінде қалыптасатын құзыреттер. Бірінші кезеңде қатысушыларға білім беру ортасында иммерсивті технологияларды қолдану арқылы дамиды деп санайтын кәсіби құзыреттіліктерді анықтау ұсынылды. Алынған жауаптар BARS техникасын қолдана отырып өңделді, жүйеленді және рейтингке ие болды. Нәтижелер 1-суретте көрсетілген.

Сурет 1. VR/AR/MR құралдары арқылы қалыптастырылатын құзыреттер

Жауаптарды талдау нәтижесі бойынша қатысушылар ең маңызды деп коммуникативтік құзыреттілікті (74%) есептейтіні анықталды. Респонденттердің пікірінше, иммерсивті білім беру орталарын пайдалану өзара әрекеттесу дағдыларын, бірлескен қызметті ұйымдастыру қабілетін және виртуалды кеңістікте кәсіби қарым-қатынасты модельдеу дағдыларын дамытуға ықпал етеді.

Ақпараттық құзыреттілікті зерттеуге қатысушылардың 53%-ы атап өтті. Бұл көрсеткіш білім алушылардың цифрлық ақпаратпен жұмыс істеу, білім беру контентін талдау және арнайы цифрлық ресурстарды пайдалану қажеттілігі туралы түсініктерін көрсетеді.

Қатысушылардың жартысына жуығы (50%) цифрлық платформаларды пайдалану, жабдықты баптау және заманауи білім беру технологияларымен өзара әрекеттесу дағдыларын қамтитын технологиялық құзыреттіліктің маңыздылығын көрсетті.

Аспаптық құзыреттілікті респонденттердің 42%-ы атап өтті және оны оқу үдерісінде цифрлық құралдарды практикалық қолданумен байланыстырды.

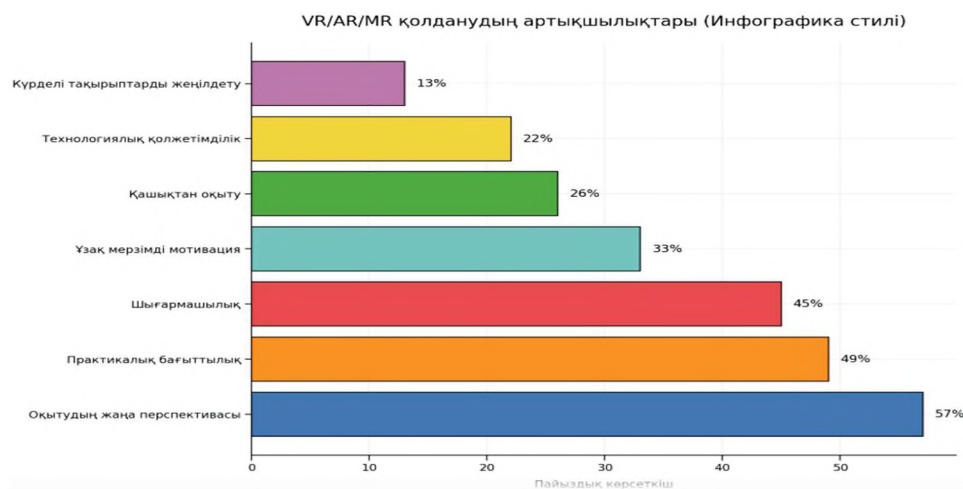
Сонымен қатар, қатысушылардың 32% - ы модельденген білім беру жағдайларында шешім қабылдауға байланысты құзыреттердің маңыздылығын атап өтті.

Қызмет нәтижелерін талдауды және цифрлық білім беру ортасындағы өзара іс-қимылдың тиімділігін бағалауды көздейтін бағалау құзыреттілігі (12%) ең аз таралды.

Нәтижелер зерттеуге қатысушылар VR/AR/MR ең алдымен қазіргі білім беру ортасында қажетті коммуникативті және цифрлық дағдыларды дамыту құралы ретінде қарастыратынын көрсетеді.

Педагогикалық дайындықта VR/AR/MR қолданудың артықшылықтарын қабылдау. Зерттеудің екінші кезеңінде қатысушыларға мұғалімдердің кәсіби дайындығында иммерсивті технологияларды қолданудың артықшылықтарын анықтау ұсынылды.

Нәтижелер 2-суретте көрсетілген.

Сурет 2. Педагогикалық даярлықта VR/AR/MR қолдану артықшылықтары

Қатысушылар көбінесе оқыту мүмкіндіктерінің кеңеюін (57%) атап өтті. Респонденттердің пікірінше, иммерсивті технологияларды пайдалану білім беру үдерісін неғұрлым көрнекі, интерактивті және динамикалық етеді.

Сауалнамаға қатысқандардың 49%-ы оқытудың практикалық бағыттылығын ерекше көрсетті. Қатысушылар VR/AR/MR технологияларын қолдануды кәсіби

жағдайларды модельдеу және виртуалды білім беру сценарийлерін құру мүмкіндігімен байланыстырады.

Респонденттердің шамамен 45%-ы иммерсивті технологиялардың шығармашылық ойлауды дамытудағы және стандартты емес шешімдерді іздеудегі әлеуетін атап өтті.

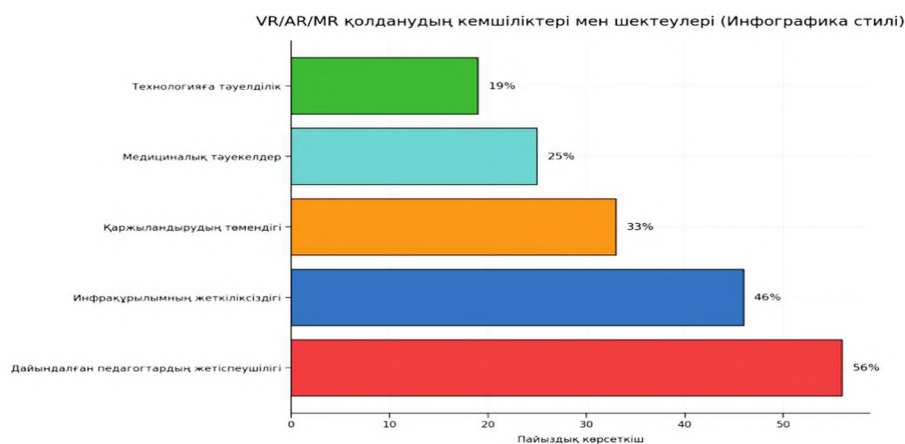
Білім алушылардың ұзақ мерзімді мотивациясын қатысушылардың 33%-ы көрсетті. Олардың пікірінше, интерактивті сценарийлерді пайдалану оқу үдерісіне тартылуды арттыруға ықпал етуі мүмкін.

Технологияларды қашықтан оқытуда қолдану мүмкіндігін респонденттердің 26%-ы атады.

Қатысушылардың салыстырмалы түрде аз бөлігі заманауи шешімдердің технологиялық қолжетімділігін (22%) және визуализация арқылы күрделі тақырыптарды қабылдауды жеңілдету мүмкіндігін (13%) атап өтті.

Алынған деректер білім алушылардың VR/AR/MR технологияларын тек технологиялық құрал ретінде ғана емес, сонымен қатар білім беру үдерісінің интерактивтілігі мен практикалық бағыттылығын арттыру құралы ретінде қабылдайтынын болжауға мүмкіндік береді.

VR/AR/MR енгізуді қиындататын шектеулер мен факторлар. Артықшылықтардан басқа, қатысушыларға білім беру тәжірибесінде иммерсивті технологияларды қолданудың мүмкін шектеулерін анықтау ұсынылды. Нәтижелер 3-суретте көрсетілген.

Сурет 3. VR/AR/MR қолданудың кемшіліктері мен шектеулері

Зерттеуге қатысушылар көбінесе оқытушылардың жеткіліксіз дайындығын технологияларды енгізуді қиындататын фактор ретінде көрсетті (56%).

Респонденттердің 46% - ның пікірінше, келесі маңызды шектеу-жабдықтар мен техникалық шарттардың жетіспеушілігін қоса алғанда, инфрақұрылымның жеткіліксіз дамуы.

Қатысушылардың шамамен үштен бірі (33%) аппараттық құралдар мен бағдарламалық шешімдердің жоғары құнына байланысты қаржылық шектеулерді атап өтті.

Респонденттердің бір бөлігі (25%) ықтимал физиологиялық әсерлерге, соның ішінде визуалды кернеуге, шаршауға және VR ортасын пайдаланудағы ыңғайсыздыққа алаңдаушылық білдірді.

Сондай-ақ, қатысушылардың 19%-ы технологиялық тәуелділікті қалыптастыру және цифрлық құралдарды шамадан тыс пайдалану қаупін көрсетті.

Айта кету керек, бұл көрсеткіштер зерттеуге қатысушылардың субъективті бағаларын көрсетеді және оларды білім беру жүйесінің жай-күйінің объективті сипаттамалары ретінде қарастыруға болмайды.

Тұтастай алғанда, нәтижелер қатысушылардың иммерсивті технологиялардың әлеуетін оң бағалайтынын және оларды пайдалануды негізінен цифрлық және коммуникативтік құзыреттіліктердің дамуымен байланыстыратынын көрсетеді. Сонымен бірге, алынған мәліметтер білім беру практикасына VR/AR/MR енгізу кезінде инфрақұрылымдық, ұйымдастырушылық және әдістемелік факторларды ескеру қажеттілігін көрсетеді.

Талқылау

Нәтижелер зерттеуге қатысушылардың бағалауы бойынша виртуалды (VR), толықтырылған (AR) және аралас шындық (MR) технологияларын болашақ педагогтерді даярлау үдерісінде пайдалануға болатын перспективалы құрал ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Жүргізілген талдау зерттеуге қатысушылар VR/AR/MR пайдалануды негізінен қазіргі білім беру ортасындағы тиімді кәсіби қызмет үшін қажетті коммуникативтік, ақпараттық және технологиялық құзыреттерді дамытумен байланыстыратынын көрсетеді.

Нәтижелер, әдетте, бұрын жүргізілген зерттеулерге сәйкес келеді, онда иммерсивті білім беру орталары дәстүрлі оқыту шеңберінде қайталануы қиын кәсіби жағдайларды модельдеуге жағдай жасайды [3-5]. VR/AR/MR пайдалану тәжірибеге бағытталған оқыту сценарийлерін қалыптастыруға, білім алушылардың қатысуының жоғары деңгейін қамтамасыз етуге және нақты кәсіби қызметке жақын жағдайларда өзара әрекеттесу дағдыларын дамытуға мүмкіндік береді [7-10].

Қатысушылар жауаптарын талдау нәтижесі коммуникативтік және технологиялық құзыреттердің ең маңызды деп танылғанын көрсетеді. Бұл білім алушылардың иммерсивті технологияларды тек білім беру мазмұнын визуализациялау құралы ретінде ғана емес, сонымен қатар өзара әрекеттесуді ұйымдастыру және цифрлық коммуникацияны жүзеге асыру құралы ретінде қарастыратынын білдіруі мүмкін. Мұндай нәтиже заңдылыққа сай деп есептеледі, себебі қазіргі педагогтың кәсіби қызметі барған сайын цифрлық білім беру ортасы жағдайында жүзеге асырылып, технологиялық және педагогикалық дағдылардың интеграциясын талап етеді.

Алынған нәтижелер технологиялық тұрғыдан байытылған білім беру орталарында оқытушылардың цифрлық құзыреттілігіне қатысты заманауи зерттеулермен де сәйкес келеді. Қазіргі зерттеулер цифрлық инфрақұрылым мен заманауи технологиялық шешімдердің болуы өздігінен оқыту сапасын арттыруды қамтамасыз етпейтінін көрсетеді. Негізгі фактор – оқытушылардың цифрлық құралдарды педагогикалық үдеріске кіріктіру, интерактивті оқыту стратегияларын қолдану және технологияларды нақты білім беру міндеттеріне бейімдеу қабілеті болып табылады [11-13].

Атап айтқанда, жасанды интеллект қолдайтын білім беру ортасын зерттеу оқытушылардың цифрлық құзыреттілігі, оқытудың интерактивті әдістерін пайдалану және білім алушылардың білім беру нәтижелері арасындағы статистикалық маңызды байланыстың болуын көрсетеді [13]. Осы зерттеуде алынған нәтижелер ұқсас тенденцияны көрсетеді: қатысушылар сонымен қатар VR/AR/MR пайдалану тиімділігін технологияның техникалық мүмкіндіктерімен ғана емес, сонымен қатар мұғалімдердің білім беру тәжірибесінде цифрлық құралдарды қолдануға дайындығымен байланыстырады.

Анықталған шектеулерді түсіндіру ерекше назар аударуға тұрарлық. Зерттеуге қатысушылар көбінесе иммерсивті технологияларды енгізуге негізгі кедергі ретінде педагогтердің жеткіліксіз дайындығын, инфрақұрылымдық шектеулерді және қаржылық факторларды атап өтті. Алайда, алынған көрсеткіштер білім алушылардың субъективті бағаларын көрсететінін және білім беру жүйесінің объективті өлшенетін параметрлерін емес, мүмкін болатын кедергілерді қабылдауды сипаттайтынын ескеру қажет.

Анықталған шектеулер жалпы цифрлық білім беру технологияларын енгізуге арналған басқа зерттеулердің деректеріне сәйкес келеді [6-10]. Оқытушылардың цифрлық құзыреттілігінің жеткіліксіз деңгейі, техникалық ресурстардың шектелуі және қосымша әдістемелік сүйемелдеу қажеттілігі инновациялық шешімдерді білім беру практикасына интеграциялау тиімділігіне елеулі әсер ететін факторлар ретінде үнемі қарастырылады.

Зерттеу нәтижелерінің сыртқы валидтілігі мәселесі қосымша қарастыруды қажет етеді. Осы зерттеудің эмпирикалық бөлігі Крайова университетінің (Румыния) студенттері арасында жүргізілді, ал зерттеу Қазақстан Республикасындағы білім беруді цифрлық трансформациялау жағдайында педагогтердің цифрлық құзыреттілігін дамыту мәселелерін зерделеуге бағытталған гранттық жоба аясында жүзеге асырылуда. Білім беру жүйелеріндегі, цифрландыру деңгейіндегі және білім беру технологияларын енгізу ерекшеліктеріндегі айырмашылықтар зерттеуге қатысушылардың иммерсивті технологияларды қабылдауына әсер етуі мүмкін екенін ескеру қажет. Сонымен қатар алынған нәтижелер жобаның кеңірек ғылыми-зерттеу контекстінен оқшау қарастырылмайды және зерттеудің халықаралық эмпирикалық базасын кеңейту мақсатында пайдаланылады. Зерттеудің қосымша шектеулерінің бірі – осы кезеңде педагогикалық даярлықтан өтетін студенттердің ғана сауалнамаға қатысуы, ал Румыниядағы практикалық қызмет атқаратын педагогтердің пікірлері зерттелмегендігі болып табылады. Осыған байланысты алынған нәтижелер, ең алдымен, болашақ мамандардың көзқарасын сипаттайды және әртүрлі ұлттық білім беру контекстеріндегі педагогтер мен білім алушылардың кеңірек іріктемелерінде қосымша тексеруді қажет етеді.

Айта кету керек, бұл зерттеу педагогтердің цифрлық құзыреттілігін дамытуға арналған ауқымды ғылыми жобаның бір кезеңі болып табылады. Егер Қазақстанда жүзеге асырылып жатқан жобаның нәтижелері тәжірибелі педагогтердің деректеріне негізделсе, онда ұсынылып отырған зерттеу педагогикалық даярлықтан өтетін студенттердің халықаралық көзқарасы арқылы аталған нәтижелерді толықтырады. Сондықтан алынған деректерді Қазақстанның немесе Румынияның білім беру жүйесінің жалпы сипаттамасы ретінде емес, әртүрлі білім беру контекстерін салыстыруға және білім берудегі иммерсивті технологияларды қабылдауға ықпал ететін факторларды нақтылауға мүмкіндік беретін эмпирикалық материал ретінде қарастырған жөн.

Сондай-ақ, қалыптасқан үлгінің ерекшеліктерін ескеру қажет. Зерттеу педагогикалық курстардан өткен оқытудың инженерлік - техникалық бағыттарының студенттері арасында жүргізілді. Іріктемеде тәжірибешілер мен сарапшылардың болмауы нәтижелерді кеңірек кәсіби топтарға тарату мүмкіндігін шектейді.

Көрсетілген шектеулерге қарамастан, зерттеу нәтижелері VR/AR/MR пайдалану тиімділігі шешімдердің технологиялық сипаттамаларымен ғана емес, сонымен қатар ұйымдастырушылық, педагогикалық және инфрақұрылымдық факторлар жиынтығымен де анықталатынын көрсетеді. Бұл иммерсивті технологияларды цифрлық білім беру экожүйесінің құрамдас бөлігі ретінде қарастыруға мүмкіндік береді, оның тиімділігі

технологиялық құралдардың келісілген өзара әрекеттесуіне, әдістемелік тәсілдерге және білім беру процесіне қатысушылардың цифрлық дайындық деңгейіне байланысты.

Тұтастай алғанда, алынған нәтижелер иммерсивті технологияларды педагогтарды даярлау жүйесіне интеграциялау саласындағы одан әрі зерттеулердің перспективасын растайды. Зерттеу үлгісін кеңейту, тәжірибеден өтіп жатқан оқытушыларды қосу, салыстырмалы халықаралық зерттеулер жүргізу және білім беру ортасында VR/AR/MR тиімділігін бағалаудың объективті көрсеткіштерін пайдалану перспективалы бағыттар болып табылады.

Сонымен қатар, бұл зерттеуде иммерсивті технологияларды білім беру үдерісінде эксперименттік апробациялау қарастырылмағанын және олардың тиімділігі баламалы оқыту әдістерімен салыстырылмағанын ескеру қажет. Алынған нәтижелер зерттеуге қатысушылардың қабылдауы мен бағалауларына негізделгендіктен, VR/AR/MR технологияларының объективті тиімділігі туралы нақты қорытынды жасауға мүмкіндік бермейді. Олардың білім беру нәтижелеріне ықпалын растау үшін оқытудың объективті көрсеткіштерін пайдалана отырып және әртүрлі педагогикалық тәсілдерді салыстырмалы талдау негізінде жүргізілетін қосымша эксперименттік зерттеулер қажет.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелері зерттеуге қатысушылардың пікірінше, виртуалды (VR), толықтырылған (AR) және аралас шындық (MR) технологияларының білім берудің цифрлық трансформациясы жағдайында болашақ мұғалімдерді кәсіби даярлауда елеулі әлеуетке ие ретінде қабылданатынын көрсетті. Иммерсивті білім беру орталарын пайдалану шешім қабылдау дағдыларын қалыптастыруға, өзара әрекеттесуге және қауіпсіз және бақыланатын ортада цифрлық құралдарды қолдануға жағдай жасай отырып, нақты тәжірибеге жақын кәсіби педагогикалық жағдайларды модельдеуге мүмкіндік береді.

Алайда, алынған мәліметтер иммерсивті технологиялардың педагогтарды даярлау жүйесінде қолданылуы перспективалы бағыт ретінде қарастырылуы мүмкін екенін көрсетеді, дегенмен бұл тұжырымдар қатысушылардың субъективті бағалауларына негізделген.

Зерттеуге қатысушылардың бағалауы VR/AR/MR технологияларын енгізу тиімділігі тек технологиялық қолжетімділікпен ғана емес, сондай-ақ педагогтердің цифрлық даярлығы, әдістемелік сүйемелдеу сапасы және білім беру инфрақұрылымының дайындық деңгейімен де байланысты болуы мүмкін екенін көрсетеді.

Сонымен бірге білім беру практикасына иммерсивті технологияларды ауқымды енгізуді шектейтін бірқатар факторлар анықталды. Зерттеуге қатысушылардың пікірінше, негізгі кедергілер мұғалімдердің жеткіліксіз дайындығы, инфрақұрылымдық шектеулер және ұйымдастырушылық және қаржылық қиындықтар болып табылады. Алынған нәтижелер іріктеменің біркелкілігіне, бір университеттің деректерін пайдалануға және респонденттердің бағалауының субъективті сипатына байланысты зерттеу шектеулерін ескере отырып, мұқият түсіндіруді қажет етеді.

Практикалық тұрғыдан алғанда, алынған нәтижелер VR/AR/MR технологияларын жеке цифрлық құрал ретінде емес, кешенді цифрлық білім беру экожүйесінің құрамдас элементі ретінде қарастырудың орындылығын көрсетеді.

Қаржыландыру туралы ақпарат

Бұл зерттеуді Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті қаржыландырды (грант № AP23489228) «Педагогтердің кәсіби қызметінің сапасын арттыру мақсатында цифрлық технологияларды пайдаланудың тиімділігін зерттеу».

Осы қолжазбаны дайындау барысында авторлар мәтінді редакциялау, академиялық стильді жетілдіру, аударма және тілдік редакциялау мақсатында жасанды интеллект құралдарын (ChatGPT және NotebookLM) пайдаланды. Бұл құралдар «Кіріспе», «Талқылау» және «Қорытынды» бөлімдерін әзірлеу барысында, сондай-ақ көптілді мәтіндердің тілдік сәйкестігін тексеру үшін қолданылды. Жасанды интеллект құралдары зерттеу деректерін жинау, өңдеу, статистикалық талдау жүргізу, нәтижелерді интерпретациялау немесе ғылыми қорытындылар қалыптастыру үшін пайдаланылған жоқ. Қолжазбаның барлық мазмұны авторлар тарапынан тексеріліп, расталды және авторлар ұсынылған материалдың ғылыми дұрыстығы, түпнұсқалылығы мен мазмұны үшін толық жауапкершілік алады.

Әдебиет:

1. Ferrington G., Loge K. Virtual Reality in Education // *Educational Technology*. – 2015. – Vol. 32(3). – P. 30–35.
2. Makransky G., Petersen G.B. The Cognitive Affective Model of Immersive Learning (CAMIL): A Theoretical Research-Based Model of Learning in Immersive Virtual Reality // *Educational Psychology Review*. – 2021. – Vol. 33. – P. 937–958. <https://doi.org/10.1007/s10648-020-09586-2>
3. Jaziar Radianti, Tim A. Majchrzak, Jennifer Fromm, Isabell Wohlgenannt, A systematic review of immersive virtual reality applications for higher education: Design elements, lessons learned, and research agenda, *Computers & Education*, Volume 147, 2020, 103778. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.103778>
4. J. Motejlek and E. Alpay, "Taxonomy of Virtual and Augmented Reality Applications in Education," in *IEEE Transactions on Learning Technologies*, vol. 14, no. 3, pp. 415–429, 1 June 2021, doi: 10.1109/TLT.2021.3092964
5. Hamilton, D., McKechnie, J., Edgerton, E. *et al.* Immersive virtual reality as a pedagogical tool in education: a systematic literature review of quantitative learning outcomes and experimental design. *J. Comput. Educ.* 8, 1–32 (2021). <https://doi.org/10.1007/s40692-020-00169-2>
6. Gallagher A.G., McClure N., McGuigan J., Crothers I., Browning J. Simulation-based Surgical Training Using AR // *Surgical Endoscopy*. – 2010. – Vol. 13(4). – P. 451–455.
7. Vidak A., Movre Šapić I., Mešić V., Gomzi V. Augmented Reality Technology in Teaching: A Systematic Review of Opportunities and Challenges // *Education Sciences*. – 2023. – Vol. 13(11). – Article 1150. doi: [10.1088/1361-6404/ad0e84](https://doi.org/10.1088/1361-6404/ad0e84)
8. Schmidt A., Stewart T. Second Life for Medical and Educational Training // *Journal of Virtual Worlds Research*. – 2009. – Vol. 2(1).
9. Koumpouros, Y. Revealing the true potential and prospects of augmented reality in education. *Smart Learn. Environ.* 11, 2 (2024). <https://doi.org/10.1186/s40561-023-00288-0>
10. Bekteshi, L. Education in the Era of AI and Immersive Technologies: A Systematic Review. *Journal of Research in Engineering and Computer Sciences (JRECS)*, Vol. 3, No. 1, pp. 1–14 (2025). <https://doi.org/10.63002/jreecs.31.779>
11. Cabero-Almenara, J., Gutiérrez-Castillo, J.J., Barroso-Osuna, J. *et al.* Digital Teaching Competence According to the DigCompEdu Framework. Comparative Study in Different Latin American Universities. *J. New Approaches Educ. Res.* 12, 276–291 (2023). <https://doi.org/10.7821/naer.2023.7.1452>
12. Okoye, K., Hussein, H., Arrona-Palacios, A. *et al.* Impact of digital technologies upon teaching and learning in higher education in Latin America: an outlook on the reach, barriers, and bottlenecks. *Educ Inf Technol* 28, 2291–2360 (2023). <https://doi.org/10.1007/s10639-022-11214-1>

13. Aimicheva, G.; Shaikhanova, A.; Iklassova, K.; Tazabekova, P.; Nazyrova, A.; Kadyr, Y. Fostering Teachers' Digital Competence in AI-Supported Learning Environments: Implications for Interactive Teaching and Student Achievement. *Appl. Sci.* - 2025. – Vol. 15 (12597). <https://doi.org/10.3390/app152312597>.
14. Flanagan J.C. The Critical Incident Technique. *Psychological Bulletin*. 1954. Vol. 51(4). P. 327–358. <https://doi.org/10.1037/h0061470>
15. Smith, P. C., & Kendall, L. Retranslation of expectations: An approach to the construction of unambiguous anchors for rating scales. *Journal of Applied Psychology*. -1963. - 47(2), 149–155. <https://doi.org/10.1037/h0047060>
16. Wang, D., & Huang, X. Transforming education through artificial intelligence and immersive technologies: enhancing learning experiences. *Interactive Learning Environments*, 33(7), 4546–4565 (2025). <https://doi.org/10.1080/10494820.2025.2465451>.

Information about the authors

G.A. Shangytbayeva – Associate Professor of the Department of Informatics and Information Technologies, PhD, Zhubanov University, Aktobe, Kazakhstan; e-mail: gulmj Janet@gmail.com;
A.K. Shaikhanova – corresponding author, Professor of the Department of Information Security, PhD, Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; e-mail: shaikhanova_ak@enu.kz;
Zh. Zhumagaliyeva – Lecturer of the Department of Informatics and Information Technologies, Master of Technical Sciences, Zhubanov University, Aktobe, Kazakhstan; e-mail: zanar82@gmail.com;
Lily Nurliana Abdullah - PhD, Associate Professor, Department of Multimedia, Faculty of Computer Science and Information Technology, Universiti Putra Malaysia; Serdang, Selangor, Malaysia; e-mail: liyana@upm.edu.my;
K.E. Myrzakhanov – Software Engineer, Corporate Foundation “Ul’tyq audarma burosy”, Astana, Kazakhstan; e-mail: kanat.m@bilimland.com.

ФИЛОЛОГИЯЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ /
PHILOLOGICAL SCIENCES

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-361-371

ӘОЖ 811.512.12

ҒТАМА 16.21.51

АУЫЗША СӨЙЛЕУДЕ НОРМА БҰЗУШЫЛЫҚ ЖӘНЕ ОНЫҢ СИПАТЫ

Кадыров Ж.Т.^{1*}, Синбаева Г.К.¹, Әдікен А.¹

^{1*} «Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: zhkadyrov_777@mail.ru

Аңдатпа

Бұл мақалада ауызша сөйлеудегі тілдік норма және оның сипаты, түрлеріне қарай топталуы ғалымдардың пікірлерімен сараланып қарастырылады. Мақаланың мақсаты қазіргі қоғамның, жастардың ауызша сөйлеуде жіберетін қателері мен норма бұзушылықтарын анықтаумен қатар, олардың шешу жолдарын, тілдік норманың маңыздылығын көрсетуге арналған. Зерттеу негізінде ауызша сөйлеуде норма бұзушылықтың сипаты көрсетіліп, тілдік нормаға берілген пікірлер салыстырмалы түрде талданып, жастардың қолданысында норма бұзушылықтардың орны анықталып, 5 түрге бөліп қарастырылды. Мақалада М.Балақаев, Р.Сыздықова, А.Байтұрсынұлы сынды ғалымдардың еңбектері және қосымша сөздік негізге алынып, норма бұзушылықтардың ерекшеліктері мен жіктелуіне толық талдау жүргізілді. Жүргізілген талдаулардың нәтижесінде ауызша сөйлеу барысында тілдік нормалар қолданысының маңызы зор екеніне көз жеткізілді.

Кілт сөздер: тілдік норма, норма бұзушылық, ауызша сөйлеу, грамматикалық норма, орфоэпия және орфографиялық норма, лексикалық норма, тіл мәдениеті.

НАРУШЕНИЕ НОРМЫ В УСТНОЙ РЕЧИ И ЕЕ ХАРАКТЕР

Кадыров Ж.Т.^{1*}, Синбаева Г.К.¹, Адикен А.¹

^{1*} НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: zhkadyrov_777@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются лингвистические нормы в разговорном языке и их характеристики, классифицированные по типам, с учетом мнений ученых. Цель статьи – выявить ошибки и нарушения лингвистической нормы в разговорной речи современного общества, особенно среди молодежи, и продемонстрировать способы их устранения и важность лингвистической нормы. На основе исследования показана природа нарушений норм в разговорной речи, сравнительно проанализированы мнения о лингвистических нормах, определено место нарушений норм в употреблении молодежью и разделены на 5 типов. В статье представлен комплексный анализ характеристик и классификации нарушений норм с опорой на работы таких ученых, как М.Балақаев, Р.Сыздықова, А.Байтұрсынов, а также дополнительные словари. В результате проведенного анализа мы убедились в большой важности применения лингвистических норм в устной речи.

Ключевые слова: лингвистическая норма, нарушение нормы, устная речь, грамматическая норма, орфоэпическая и орфографическая норма, лексическая норма, языковая культура.

VIOLATION OF THE NORM IN ORAL SPEECH AND ITS NATURE

Zh.T. Kadyrov^{1*}, G.K. Sinbayeva¹, A. Adiken¹

^{1*}*Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan*

**Corresponding author: zhkadyrov_777@mail.ru*

Abstract

This article examines linguistic norms in spoken language and their characteristics, classified by type, taking into account the opinions of scholars. The purpose of the article is to identify errors and violations of linguistic norms in the spoken language of modern society, especially among young people, and to demonstrate ways to eliminate them and the importance of linguistic norms. Based on the research, the nature of violations of norms in colloquial speech is shown, opinions on linguistic norms are comparatively analyzed, the place of violations of norms in the usage of young people is determined, and they are divided into 5 types. The article presents a comprehensive analysis of the characteristics and classification of violations of norms based on the works of such scholars as M.Balakaev, R.Syzdykova, A.Baitursynuly, as well as additional dictionaries. As a result of the analysis, we are convinced of the great importance of applying linguistic norms in spoken language.

Key words: linguistic norm, violation of norms, spoken language, grammatical norm, phonetic and orthographic norm, lexical norm, linguistic culture.

Kіріспе

Тіл – ауызша сөйлеу және жазба тіліндегі маңызды құралдардың бірі. Тіл арқылы адам өзінің ойын дұрыс әрі нақты жеткізе алады. Тіл – адам мен қоғам арасындағы қарым-қатынасты жүзеге асырып, адам санасындағы ақпараттарды білдіру мен жеткізуді қалыптастыратын құрал. Тілдің қоғамдағы қызметі белгілі бір нормалар жүйесіне негізделеді. Қазіргі тіл білімі саласында бұндай нормаларды тілдік нормалар деп атайды. Тілдік нормалардың қалыптасуы мен жетілуі әдеби тілдің тарихымен ұштасады. Тілдік нормалардың қалыптасуында қоғамның әлеуметтік, саяси, мәдени факторларының маңызы зор.

Тілдік норма мәселесі қазіргі уақытта да өзектілігін жойған жоқ. Әлі күнге дейін тіл білімі мәселелерімен айналысатын ғалымдардың назарын аударуда. Тілдік норма жайында бірнеше ғалым өзіндік анықтама беріп, тұжырымдар жасаған. Мәселен, қазақ тілтанушысы Мәулен Балақаев «Қазақ әдеби тілі және оның нормалары» атты еңбегінде тілдік норма, әдеби тіл сияқты ұғымдардың мән-мағынасын ашып, ерекшеліктеріне тоқталған. Ғалым тілдік нормаға былайша анықтама берген: «Тілдік норма дегеніміз – тілдегі бірізділік, тіл материалдарын нормалау деген сөз, белгілі бір тәртіп, заңдылыққа бағындыру» [1, 138]. Ғалым тілдік норманың тілдің ішкі заңды жүйелері негізінде қалыптасатынын айтып, оны әдеби тілмен байланыстырады. Ғалымның тұжырымдауынша, тілдік нормалардың орынды қолданылуы мен заңдылықтарының сақталуы әдеби тілдің қалыптасуына негіз болады.

Тілдік норманың зерттелуіне үлес қосқан ғалымдардың ішінде Рәбиға Сыздықованың орны ерекше. Ғалым бұл мәселе төңірегінде көптеген зерттеу жүргізіп, нәтижесінде «Тілдік норма және оның қалыптануы (кодификациясы)» атты еңбекті жазды. Бұл еңбекте тіл мәдениетінің өзекті мәселесі болып есептелетін норма ұғымына баса назар аударылған. Сонымен қоса, тілдік нормаларды таныту, олардың түрлерін, негізін, қазіргі күйін көрсету сынды мәселелер көтерілген. Ғалым тілдік норманың екі түрлі табиғатын көрсетеді. Олар: «Бірі – тілдің өзінде қалыптасқан нормалар және ережелер бойынша ұсынылған нормалар. Соңғыларды «ереже бойынша» деп атауымыз шартты» [2, 46]. Ғалым тілдің өзінде қалыптасқан нормаларына *бүгін, биыл, әкел*,

түрегел, белбеу, сөйтіндеген сөздерді мысал ретінде келтіреді [2, 46]. Бұл сөздер негізінен екі түбірдің бірігуі арқылы жасалып, қазіргі уақытта кірігіп кеткен сөздердің қатарына жатады. Бірақ біз сыртқы тұлғасына қарап бұл сөздердің бірігіп пайда болған сөздер қатарына жататынын аңғармаймыз. Ғалым бұндай сөздердің тілдің «о бастан келе жатқан» нормативті дүниелері екенін дәлелдеген. Ал ережелер бойынша ұсынылған нормалар қатарына *өнеркәсіп, кәсіподақ, ойталқы, жолсапар, гүлдесте* сынды тіркестерді жатқызады [2, 46]. Бұлардың біртұтас болып қалыптасуына ережелер арқылы ұсынылған нормалар әсер етеді. Тіл білімінің лексикология, грамматика, фонетика сияқты салалары ережелер арқылы ұсынылған нормалардың жүзеге асырылуына көмектеседі.

Сонымен қатар, норманың зерттелуіне үлес қосқан ғалымдардың ішінен Нұргелді Уәлиді ерекше атай аламыз. Ғалым өзінің «Графика. Орфография. Орфоэпия» деп аталатын еңбегінде әдеби тілдік нормаларға тоқталып, оларға қоғамнан мысалдар келтірген [3, 172]. Әдеби тілдің ауызша және жазбаша, грамматикалық, лексика-фразеологиялық норма түрлерін көрсетіп, олардың мән-мағынасы, ерекшеліктеріне тоқталған. Ғалым әр норманы жеке-жеке қарастырып, ауызша және жазбаша тілдегі қолданысына баса назар аударған. Әдеби тілдік норманың дұрыс қолданылуын аңарту үшін, тілдегі олқылықтарды мысал етіп көрсеткен. Одан бөлек, әр норманы кітаби және қарапайым тілмен байланыстыра отырып, зерттеу жүргізген. Берілген еңбек тілдік норманың қалыптасуына әдеби тілдің көмегі зор екенін көрсетеді.

Ғалымдардың көрсеткен анықтамалары мен норма түрлері қазіргі жазба тілі мен ауызша сөйлеу тілінің дамуына үлкен ықпал етеді. Жоғарыда аталған зерттеулер арқылы біз ауызша сөйлеу тілінде тілдік нормалардың маңызы зор екеніне көз жеткіздік. Себебі қазіргі жастардың сөйлеу тілі мен күнделікті коммуникацияда тіл нормаларының сақталмауы, тілдің шұбарлануы мәселелері жиі орын алып отыр. Ауызша сөйлеудегі мұндай факторлар норма бұзушылық ретінде танылады. Қазіргі қоғамдағы әлеуметтік өзгерістер, көптілділік, жаһандану, ақпараттық кеңістіктің кеңеюі ауызша сөйлеудің сипатына бірнеше өзгерістер енгізді. Осының нәтижесінде фонетикалық, лексикалық және грамматикалық деңгейлерде норма бұзушылықтар көрініс береді. Бұл құбылыстар тіл мәдениетінің, сауаттылықтың, сөйлеу-жазу сапаларының төмендеуіне әкелуі мүмкін.

Осы тұрғыдан алғанда, ауызша сөйлеудегі норма бұзушылықтың сипатын, көрінісін және пайда болу себептерін анықтау – қазіргі қазақ тіл біліміндегі өзекті мәселелердің бірі. Аталған мәселені жан-жақты талдау ауызша сөйлеу мәдениетін қалыптастыру мен тіл нормаларын сақтаудың маңызын айқындауға мүмкіндік береді.

Зерттеу материалдары мен әдістері

Зерттеу жұмысының негізгі материалы ретінде М. Балақаев, Р. Сыздықова сынды ғалымдардың тілдік нормаға берген анықтамалары, А. Байтұрсынұлының шығарма тіліне байланысты жіктемесі, Н. Уәли көрсеткен әдеби тілдік норма ерекшеліктері, А.Б. Салқынбай, Ж.А. Сәрсенбай сынды ғалымдардың тілдік нормаға арналған жіктемесі, қате қолданыстағы сөздер жинақталған «Сөзтүзер» сөздігі қолданылды.

Зерттеуде тілдік нормалардың түрлері мен норма бұзушылықтарды анықтау, ғалымдардың берген анықтамалары мен пікірлеріне салыстырмалы талдау жүргізу, сонымен қатар, ауызша сөйлеуде кездесетін норма бұзушылықтарды топтау, жинақтау сынды әдістер қолданылды.

Зерттеудің нәтижелері

Зерттеу жұмысының нәтижелері негізінде тілдік норманың бұзылуына әсер ететін факторлар анықталды, тілдік нормалардың сақталуын жүзеге асыратын іс-әрекеттер

көрсетілді, ауызша сөйлеуде норма бұзушылықтардың кездесетіні анықталып, оларды шешу жолдары көрсетілді. Ауызша сөйлеуде норма бұзушылықтың сипаты толық ашылып, талдау бойынша 5 түрге жіктелді. Атап айтқанда:

1. Грамматикалық норманың бұзылуы;
2. Орфоэпия және орфографиялық нормалардың бұзылуы;
3. Лексикалық нормалардың бұзылуы;
4. Интернет желісіндегі норма бұзушылық;
5. Бұқаралық ақпарат құралдарындағы норма бұзушылық.

Бұл норма бұзушылықтар қоғамда, ауызша сөйлеуде жиі кездесетін қателер негізінде қарастырылды. Зерттеу жұмысының нақтылығына Р. Сыздықтың «Тілдік норма және оның қалыптануы (кодификациясы)» атты еңбегі, М. Балақаевтың «Қазақ әдеби тілі және оның нормалары» атты еңбегі, А. Байтұрсынұлының «Әдебиет танытқыш» еңбегі, Н. Уәлидің «Графика. Орфография. Орфоэпия» еңбегі, А.Б. Салқынбай, Ж.А. Сәрсенбай сынды ғалымдардың «Қазіргі қолданыстағы тілдік үрдістер: норма мен узустық ерекшеліктер» атты мақаласы және 2023 жылы жарық көрген «Сөзтүзер (Қате қолданыстар сөздігі)» еңбегі септігін тигізді.

Талқылау

Жоғарыда ауызша сөйлеуде тілдік нормалардың рөлі зор екенін атап өттік. Ауызша сөйлеуде тілдік нормалардың сақталуы ойдың дәл, түсінікті әрі әсерлі жеткізілуіне мүмкіндік береді. Тілдік норма сөйлеуші мен тыңдаушы арасындағы түсіністікті қамтамасыз етеді. Алайда ауызша сөйлеудің еркін сипаты норма бұзушылықтардың туындауына алып келеді. Ауызша сөйлеу тілдің, қарым-қатынастың ең белсенді құралы болғандықтан, ол көбінесе сөйлеу жүзінде орын алады және адамның іс-қимылдары, эмоциясы, ым, ишараты арқылы көрініс береді.

Қазіргі уақытта ауызша сөйлеуде бірнеше норма бұзушылықтар орын алып отыр. Бұл – қазіргі жастардың, қоғамның үлкен дерті. Ауызша сөйлеуде кездесетін тілдік нормалардың бұзылуын Р.Сыздық лексикалық, орфоэпиялық және бұқаралық ақпарат құралдары негізінде қарастырған. Ғалым өзінің еңбегінде осы мәселелерге баса назар аударып, қоғамдағы рөлін көрсетіп, шешу жолдарын ұсынған. Ал ғалым А.Б. Салқынбай және Ж.А. Сәрсенбай «Қазіргі қолданыстағы тілдік үрдістер: норма мен узустық ерекшеліктер» атты мақалада норма бұзушылықтың бірнеше түрін көрсетіп, мысалдар келтіреді. Мәселен, *грамматикалық нормалану, орфографиялық нормалану, орфоэпиялық норма, жаңа сөздер мен қате қолданыстар, аударма жасаудағы нормалану, стильдік қате қолданыстар, сөз мағынасы және оны түсініп жұмсау* сынды салаларда тілдік нормалардың жиі бұзылатынын атап өтеді [4, 7-10]. Ғалымдардың айтуынша, берілген тілдік нормалар тілді пайдаланушылардың ауызша және жазбаша қарым-қатынас жасауында көп бұзылады. Осыған байланысты біз қазіргі қоғамда және жастар арасында орын алатын норма бұзушылықтарды топтастыруды жөн көрдік.

Қоғамда кездесетін норма бұзушылықтарды 5 топқа бөліп қарастырдық:

1. Грамматикалық норманың бұзылуы;
2. Орфоэпия және орфографиялық нормалардың бұзылуы;
3. Лексикалық нормалардың бұзылуы;
4. Интернет желісіндегі норма бұзушылық;
5. Бұқаралық ақпарат құралдарындағы норма бұзушылық.

Норма бұзушылықтың аталған салаларда орын алуы – қазіргі жастардың тілдегі нормаларды дұрыс қолданбауының көрінісі. Зерттеу жұмысымыздың басты мақсаты тілдік норма мен норма бұзушылықтың сипатын көрсету болғандықтан, бұл салаларда

орын алып жатқан тілдік мәселелерді қарастыру маңызды. Сондықтан топтастыру бойынша қоғамда кездесетін норма бұзушылықтардың әрбір түріне жекелей тоқталып, қарапайым өмірден мысалдар келтіріп өтейік.

Норма бұзушылықтың көрінісі ең жиі кездесетін сала грамматика. **Грамматикалық норма** – тілдегі сөз бен сөздің, сөйлем мен сөйлемнің дұрыс байланысуын, сөйлем құрылымының белгілі талаптарға сай болуын қамтамасыз ететін ережелер жүйесі. Ол морфологиялық және синтаксистік нормаларды қамтиды. Ауызша сөйлеу барысында осы нормалардың сақталмауы грамматикалық норма бұзушылыққа алып келеді. Ауызша сөйлеудегі грамматикалық норма бұзушылық көбіне сөйлем құрылымының дұрыс сақталмауы, сөздердің орын тәртібінің сақталмауы және грамматикалық тұлғалардың дұрыс қолданылмауы сынды іс-әрекеттер арқылы көрініс табады. Мәселен, қазіргі жастар және мектеп оқушылары сөйлем құрап, өз ойын толық жеткізу барысында қиналады. Осы уақытта олар көп қателік жібереді. Мысалы, септік жалғауларының орынсыз қолданылуы, көптік және тәуелдік жалғауларды түсіріп айту, етістіктің мағыналық түрлерінің дұрыс қолданылмауы жиі кездеседі. Сонымен қатар, ауызша сөйлеуде сөйлем мүшелерінің байланысы әлсіреп, сөйлемнің мән-мағынасы болмай, сырт көзге жағымсыз естіледі. Әсіресе, мектеп оқушыларының сөйлем құрауда тұрлаулы, тұрлаусыз мүшелердің орын тәртібін сақтамай қолдануы грамматикалық норма бұзушылықтың басты мәселесінің бірі деп есептейміз. Себебі адамның ойын жеткізудің басты құралы – тіл. Тіл арқылы адам өзгелермен қарым-қатынас жасай отырып, диалог құрады. Егер ауызша сөйлеу барысында норма бұзушылықтар орын алса, онда біздің тілдік қорымыздың аз екені байқалады, логикалық ой жүйесінің бұзылуына әкеп соғады. Сонымен қатар, грамматикалық норма бұзушылықтарға мынадай мысалдар келтіре аламыз:

1. *-дың, -дің, -тың, -тің* септік жалғауларының дұрыс қолданылмауы. Көбінесе айтылу мен жазылуда көрінеді. Адамның тегіне осы жалғауды жалғау барысында оқушылар қиналады. Мәселен, *Мұхтар Әуезовтің* деп жалғаудың орнына *Мұхтар Әуезовтың* деп қате жалғайды. Бұдан біз тілдік нормалардың бұзылуына кірме қосымшалардың әсерінің бар екенін аңғарамыз. Бұл жерде *-ов* қосымшасына қарап, оқушы оған жалғанатын жалғауды *-тың* деп шатастырып тұр.

2. Буын үндестігіне бағынбайтын қосымшалар норма бұзушылыққа алып келеді. Қазақ тілінде буын үндестігі сөздерге бірыңғай жуан немесе бірыңғай жіңішке қосымшалардың жалғануы арқылы жасалады. Бірақ бұл заңдылыққа бағынбайтын *-ов, -ев, -ова, -ева, -ина, -паз, -қор, -қой, -мен, -бен, -пен, -кер, -гер, -хана, -ныкі* сияқты қосымшалар бар. Осы қосымшалар оқушыларды сөз құраған уақытта шатастырады және дұрыс сөз құрауға кедергі келтіреді.

Қоғамда кездесетін норма бұзушылықтың екінші бір түрі – **орфоэпия және орфографиялық нормалардың бұзылуы** болып табылады. Қазіргі жастар сөздерді дұрыс жазу мен айтуда көптеген қателіктер жібереді. Сөздерді жазылуы бойынша айтып, айтылуы бойынша жазып, грамматикалық норма бұзушылықты туындатады. Осындай әрекеттер тілдік қарым-қатынастың сапасын төмендетіп, тілдің тұрақтылығына кері әсер етеді. Орфоэпиялық және орфографиялық нормалардың бұзылуына бірнеше мысал келтірейік:

1. Орфоэпиялық норманың бұзылуы көбіне сөйлеудің жеделдігі мен диалектілік ықпалға байланысты туындайды. Ауызша сөйлеуде жиі кездесетін орфоэпиялық норма бұзушылықтарға дыбыстардың түсіп қалуы, ықшамдалып айтылуы, үндестік заңдылығының сақталмауы жатады. Мәселен, *жазып отыр* деген сөзді *жазыватыр* деп

қате айту. *Алып кел* сөзін *апкел* деп ықшамдау, *оқып отыр* деген сөзді *оқып атыр* деп өзгерту, *балаларға* сөзін *балдарға* деп айту сияқты бірнеше мысал келтіре аламыз.

2. Орфографиялық норманың бұзылуы адамдардың естіген сөзін дәл сол қалпында жаза салуынан, салғырт қарауынан, тілдік дағдылардың жетіспеуінен, сөздердің морфологиялық құрылымын толық меңгермеуден және интернет желісіндегі бейресми жазу дағдысының салдарынан туындайды. Қазіргі кезеңде орфографиялық қателер оқушылардың жазба жұмыстарында және интернет желісіндегі байланыста жиі кездеседі. Мысалы, *ешқандай* біріккен сөзін *еш қандай* деп бөліп жазу, *бірде-бір* қос сөзінің арасына дефис қоймай жазу, *қорытынды* сөзіндегі **ы** дыбысын түсіріп, *қортынды* деп жазу, *сияқты* сөзін *сыйақты* деп жазу, *қазір* сөзін *қазыр* деп жазу. Сонымен қатар, оқушылар мұғалім дыбыстаған сөзді естуі бойынша жазып, көптеген орфографиялық қателіктер жібереді.

Норма бұзушылықтың келесі бір түрі – **лексикалық норма бұзушылық**. Қазақ тіл білімінде лексикалық норма сөздердің мағынасы мен қолданылу аясының тұрақтылығын қамтамасыз ететін басты көрсеткіш ретінде қарастырылады. Дегенмен қазіргі уақытта лексикалық норма бұзушылықтар жастардың сөйлеу тілінде, қоғамда жиі кездеседі. Мұндай норма бұзушылық сөздің мағыналық дәлдігін сақтамаудан, сөздік қордың аздығынан, сөздерді орынсыз қолданудан, бөтен тіл элементтерін жөнсіз қолданудан және сөздердің мағыналық үйлесімінің бұзылуынан көрініс береді. Сонымен қатар, лексикалық норма бұзушылық қолданылу аясы шектеулі сөздерді қолдану барысында да байқалады. Мәселен, Қазақстанның әр өңіріндегі тұрғындардың өздеріне тән сөйлеу ерекшеліктері бар. Ол диалектизмдер арқылы көрініс табады. Кейбірі диалект сөздерді орынсыз қолданып, сөздің мағынасын өзгертеді, сол арқылы ауызша сөйлеген уақытта сөздер екінші адамға жағымсыз естілуі мүмкін. Одан бөлек, қолданылу аясы шектеулі сөздердің ішінде эвфемизмдер мен дисфемизмдер де тілдік норманы сақтауда маңызды рөл атқарады. Сонымен қоса, жаргон, варваризм сөздер және қазіргі жастардың сөйлеу тіліндегі сленгтер де лексикалық норманың бұзылуына алып келеді.

Қазіргі қоғамда адамдар сөйлеу барысында дөрекі сөздерді көп қолданады. Ал тілде дөрекі сөздер қатарын қарастыратын дисфемизмдер бар. Лексикалық норма бұзушылықта дисфемизмнің көрінісін мына мысалдар арқылы сипаттай аламыз. Мысалы, *саңырау*, *соқыр*, *екіқабат*, *өлді*, *мылжың*, *өсекші*, *өтірікші*, *ұрлықшы*, *жалқау*, *боқмұрын*, т.б. Берілген сөздер адамның қадір-қасиетін, дәрежесін түсіріп, көңілге қаяу келтіруі мүмкін. Бұл сөздерді біз осы қалпында қолданбауымыз керек, керісінше олардың орнын басатын жағымды эвфемизмдерді қолдануымыз керек. Қазақ тілінің ерекшелігі сонша – сөйлеуде жағымсыз сөз қолданбау үшін оның орнын басатын жағымды баламалары бар. Аталған дисфемизмдерді жоятын, алмастыруға болатын эвфемизмдерді көрсетейік:

1. Саңырау – *құлағының мүкісі бар*;
2. Соқыр – *загин*;
3. Екіқабат – *аяғы ауыр*;
4. Өлді – *қайтыс болды, дүниеден өтті, өмірден өтті*;
5. Мылжың – *сөзуар*;
6. Өсекші – *қосып айтады, сымсыз телефон*;
7. Өтірікші – *аузы жеңіл*;
8. Ұрлықшы – *қолының жымысқысы бар*.

Ауызша сөйлеу барысында дисфемизмдердің орнына эвфемизмдерді қолдансақ, бұл біздің әдеби тіліміздің сапасының жақсаруына көмектеседі, коммуникация барысында тыңдаушыға жағымды әсер қалдырады.

Жоғарыда лексикалық норманың бұзылуына жаргон, варваризмдердің әсері барын айттық. Сонымен қатар, қазіргі жастар тіліндегі сленгтер мен тіл шұбарлау да ауызша сөйлеуде лексикалық нормаға кері әсер етеді. Қазіргі жастар сөйлеу барысында қазақша-орысша сөздерді бірге қосып айта береді. Ал бұл сөздер коммуникацияның жалғасуына кедергі келтіреді. Біз қазіргі жастардың қолданысындағы қазақша-орысша және қазақша-ағылшынша сөздерді жинақтап, кестеге енгіздік:

Кесте 1. Лексикалық норманың бұзылуына әсер ететін, жастар қолданысындағы сөздер қатары.

Қазақша-орысша	Қазақша-ағылшынша
<i>Ол вообщем дұрыс емес</i>	<i>Шоптинг жасау</i>
<i>Құлаққа лапша ілу</i>	<i>Шипперить ету</i>
<i>Мешать етпеші</i>	<i>Фитбэк жасау</i>
<i>Уже ма не?</i>	<i>Муд боп тұрсын гой</i>
<i>Солай короче</i>	<i>Челлендж жариялау</i>
<i>Каксын?</i>	<i>Тренд түсіру</i>
<i>Сразу айтамын</i>	<i>Фуфло гой</i>
<i>Успеть еттің ба?</i>	<i>Хейт жазу</i>
<i>Лтикам гой</i>	<i>Инсайд алу</i>
<i>Тормоз ұстау</i>	<i>Рилли ма?</i>
<i>Маяк тастау</i>	<i>Краш болу</i>
<i>Шпор жасау</i>	<i>Кринж ұстау</i>
<i>Типаж болу</i>	
<i>Жиза ма?</i>	
<i>Шарить ету</i>	

Бұл кестеде жаргон, варваризм және сленг сөздердің қолданысы көрсетілген. Байқап отырғанымыздай, сөздердің сыртқы бейнесінің өзі көзге тұрпайы көрінеді, ал бұл сөздер сөйлеу барысында қолданылса, мағыналық үйлесім бұзылып, тіл мәдениетінің төмен екені байқалады.

Келесі кезекте, **интернет желісіндегі норма бұзушылықтарға** тоқталайық. ХХІ ғасыр технологияның дамыған заманы болғандықтан, жастардың қатары ұялы телефон, смартфондар арқылы қарым-қатынас жасайды. Интернет желісінде орфографиялық қателіктер жіберіп, сөздерді қысқартып, шұбарлап, мардымсыз қолданудың салдарынан ауызша сөйлеу барысында тілдік норма бұзылады. Біз жастар қолданысындағы интернет желісінде кездесетін норма бұзушылықтарды анықтадық. Оны төмендегі кестеден көре аламыз:

Кесте 2. Интернет желісінде кездесетін норма бұзушылықтар.

Нормаға сай айтылуы	Норманы бұзып айтуы
<i>Ұнату</i>	<i>Лайк басу</i>
<i>Ұнатпау</i>	<i>Дизлайк</i>
<i>Өтінемін</i>	<i>Плиз, пж</i>
<i>Сәлем</i>	<i>Хай, пр</i>

<i>Күшті</i>	<i>Изи, топ, огонь, слэй, чиназес</i>
<i>Құрмет</i>	<i>Респект</i>
<i>Ониа емес</i>	<i>кринж</i>
<i>Әдемі, сұлу</i>	<i>Краи, крашиха</i>
<i>Кешір</i>	<i>Сорри, сорян</i>
<i>Не істеп жатырсың?</i>	<i>Нест? Нестеп? Чд?</i>
<i>Өзің</i>	<i>Өз</i>
<i>Әңгіме</i>	<i>әңг</i>
<i>Дейді</i>	<i>Дит</i>
<i>Ғой</i>	<i>Ғо</i>
<i>Ештеңе, ешнәрсе</i>	<i>Еш</i>
<i>Білмеймін</i>	<i>Білмим, незн</i>
<i>Болмайды</i>	<i>Болмайт</i>
<i>Отырмын</i>	<i>Отырм</i>
<i>Жатырмын</i>	<i>Жатырм</i>
<i>Болып жатыр</i>	<i>Болыватр</i>
<i>Жазып жатырмын</i>	<i>Жазватрм</i>
<i>Болды</i>	<i>Болд</i>
<i>Келесін</i>	<i>Келесн</i>
<i>Жақсы</i>	<i>Ок</i>
<i>Солай</i>	<i>Сол</i>
<i>Не болып жатыр</i>	<i>Не боватр</i>
<i>Міндетті түрде болады</i>	<i>Жб болады</i>
<i>Қандай</i>	<i>Чеза, чез</i>
<i>Білмеймін</i>	<i>Не знаю</i>
<i>Топ ашайын ба?</i>	<i>Группа создавать етейін бе?</i>
<i>Өте күшті, мықты</i>	<i>Имба</i>
<i>Өмірден алынған</i>	<i>Жиза</i>
<i>Шамадан тыс еркелік</i>	<i>Пикми, пикма</i>
<i>Қызыл жалау (жасаман адам)</i>	<i>Ред флаг</i>
<i>Жасыл жалау (жақсы адам)</i>	<i>Грин флаг</i>
<i>Түсінікті, түсінемін</i>	<i>Пон, понимаюшн</i>
<i>Қысым көрсететін адам</i>	<i>Арбузер</i>
<i>Шынайы өмірден алыстаған адам</i>	<i>Делуду</i>
<i>Жағымсыз, үнемі ренжітетін адам</i>	<i>Токсик</i>
<i>Мақтану</i>	<i>Флексить</i>
<i>Қалжың</i>	<i>Рофл</i>
<i>Рахмет</i>	<i>Спс, раха</i>
<i>Дос</i>	<i>Бро, братан</i>
<i>Қатты күлу</i>	<i>Угарать ету</i>
<i>Демалу, тынығу</i>	<i>Чилл</i>
<i>Мектеп</i>	<i>Шк (школа)</i>
<i>Бір-бірін түсінетін топ, адамдар жиынтығы</i>	<i>Км - комьюнити</i>
<i>Ойынның 1-кезеңі</i>	<i>Катка</i>
<i>Қарапайым адам</i>	<i>Нормис</i>
<i>Оңай, әдеттегідей</i>	<i>Дефф</i>

Берілген кестеде интернет желісіндегі норма бұзушылықтар нормаға сай айтылуы мен норманы бұзып айтуына байланысты топталған. Кестедегі сөздердің көбі

қысқартылып, өзгертіліп, құрылымы бұзылып айтылған. Өкінішке орай, қазіргі жастар дәл осы сөздерді интернет желісіндегі коммуникацияда жиі қолданады. Осы арқылы әдеби тіл және ауызша сөйлеу нормаларын бұзады.

Норма бұзушылықтың соңғы түрі – **бұқаралық ақпарат құралдарындағы норма бұзушылық**. Бұқаралық ақпарат құралдары – әдеби тіл нормаларын кең таратып, қоғамға үлгі болатын маңызды тілдік орта. Радио, теледидар, газет-журналдар, интернет желісіндегі басылымдар, медиамәтіндер халықтың тілдік санасына тікелей әсер етеді. Сондықтан БАҚ тілінде нормалардың сақталуы өте маңызды. Алайда қазіргі медиакөністікте тілдік нормалардың түрлі деңгейде бұзылуы жиі байқалады. Мәселен, біз бұқаралық ақпарат құралдарында берілген ақпараттардан лексикалық, грамматикалық, орфографиялық, орфоэпиялық, пунктуациялық, стильдік норма бұзушылықтарды байқаймыз. Дәл осы мәселелер төңірегінде бірнеше ғалым зерттеу жұмыстарын жүргізді. Атап айтқанда, Ш. Құрманбайұлы, Ж. Жақыпов, Т. Ермакова, О. Жұбаева, Б. Сүйеркұл, Н. Қожабек, А. Әлменбет сынды ғалымдардың үлесі зор. Бұл ғалымдардың бастамасымен 2023 жылы «Сөзтүзер» атты сөздік жарыққа шықты. Бұл сөздікте республикалық бұқаралық ақпарат құралдарынан жиналған қате қолданыстар сөз, сөз тіркестері, сөйлемдерден нақты мысалдар келтірілген. Бұқаралық ақпарат құралдарында кездесетін норма бұзушылықтардың сипатын көсету үшін берілген сөздікті негізге алуды жөн көрдік. Сөздіктегі мысалдар:

1. «**Айтуға шештіңіз**. Орысша айтуға шештіңіз» [5, 15] деген тіркес берілген. Бұл тіркесте грамматикалық норма сақталмаған. Яғни **—ға** барыс септігінің орынсыз қолданылуы және сұраулық шылаудың (**бе**) түсіп қалуы орын алған. Тіркестің сөздік бойынша дұрыс нұсқасы: «Орысша айтайын деп шетіңіз бе?» [5, 15].

2. «**Әрбір уақытында орындалған тапсырма**. Әрбір уақытында орындалған тапсырма үшін науқан қатысушысы бір ұтыс билетін алады» [5, 44] сөйлемі сөздікте көрсетілген. Бұл сөйлемде стильдік қателік бар, сөйлемнің тіркесімділігі бұзылған. Сөйлемдегі *әрбір* сөзі уақытында сөзімен емес тапсырма сөзімен тіркесуі керек. Яғни *әрбір* сөзі өзі айқындайтын сөздің алдында тұруы тиіс. Сөздік бойынша сөйлемнің дұрыс нұсқасы: «Уақытылы (дер кезінде) орындалған *әр* тапсырма» [5, 44].

3. «**Бірде бір**. Ресейдің бірде бір атом электр станциясын Қазақстанға кіргізбеу керек!» [5, 81]. Бұл сөйлемнің жазылуында қателік бар. Бұл тіркес заңдылық бойынша қос сөз ретінде жазылуы тиіс. Дұрысы: *бірде-бір*.

4. «**Вообще**. Не боп кетті, вообще, қалай өмір сүріп жатырмыз, вообще» [5, 92]. Бұл сөз сөйлеу мәдениетін бұзатын паразит сөз болып есептеледі. Дәл осындай сөздер лексикалық норманы бұзып, сөйлемнің мағынасын өзгертеді. Дұрысы: «бұл сөзді *тіпті* өзі деген айтылыммен алмастыруға болады» [5, 92].

5. «**Дәуешовтың**. Мәдениет және спорт вице-министрі Нұрғиса Дәуешовтың айтуынша, министрлік 2021 жылды – Қазақстандағы балалар мен жасөспірімдердің кітап оқуын қолдау жылы деп жариялады» [5, 100]. Бұл сөзде адамның тегіне қосымша дұрыс жалғанбай, грамматикалық қателік жіберілген. Соңғы буын жіңішке болғандықтан, ілік септігінің жіңішке **—тің** формасы жалғануы керек. Дұрысы: *Дәуешовтің*.

Одан бөлек, бұқаралық ақпарат құралдарында тіл шұбарлау да жиі кездеседі. Қазіргі уақытта сөздің қазақ тіліндегі баламасын ескермей, өзге сөзбен алмастыратындар көп. Нәтижесінде, тіл шұбарланып, тілдік норманың бұзылуы орын алады. Мысалы: «*Әрине, бұрқыратып жұмыс істеп жатырмыз деген имитациялар, қатқыл мәлімдемелер болуы мүмкін*» [4, 8]. Бұл жерде имитация сөзі орынсыз қолданылып тұр.

Бұл сөздің *еліктеу, алдамшы, ұқсастыру, бояма, көз бояу* сынды қазақша баламалары бар. Сондықтан имитация сөзінің орнына аталған қазақша баламаларды қолдану жеткілікті. Дұрысы: *«Әрине, бұрқыратып жұмыс істеп жатырмыз деген көз бояу, қатқыл мәлімдемелер болуы мүмкін»* [4, 8].

Бұқаралық ақпарат құралдарындағы нормалардың бұзылуы адамдардың тіл салаларын толық меңгермегендігінен туындаған мәселе екеніне көзіміз жетті. Сонымен қоса, аталған норма бұзушылықтардың бұқаралық ақпарат құралдарында көп кездесетінін анықтадық. Біз ауызша сөйлеу барысында қателіктер жібермей, норманы сақтап сөйлеуіміз керек. Сонда ғана әдеби тіл, тіл мәдениеті дұрысталып, даму қарқыны өседі.

Әдеби тіл нормаларын сақтау тіл мәдениетінің басты көрсеткіші болып табылады. Біз бөліп қарастырған норманың 5 түрі сөйлеудің дұрыстығы мен түсініктілігін қамтамасыз етеді. Сонымен қатар, біз сөйлеу барысында ауызекі сөйлеу стилін емес әдеби тілді қолдануымыз керек. Осы орайда, А.Байтұрсынұлының «Әдебиет танытқыш» еңбегі еске түседі. Ғалым аталған еңбекте шығарма тілінің екі түрлі болатынын көрсетеді. Олар: «1. ақын тілі; 2. әншейін тіл. Ақын тілі айрықша өң беріліп айтылған сөз; әншейін тіл – ондай өң берілмей, жай айтылған сөз» [6, 34]. Ғалым көрсеткен бұл екі түр тек шығарманың тілінде ғана емес, ауызша сөйлеуде де маңызды. Біз ақын тілін пайдаланып сөйлесек, сөзге айрықша өң беріліп, әсерлі жеткізіледі. Ал әншейін тілмен сөйлесек, айтатын сөзіміздің тыңдаушыға әсері аз болады.

Одан бөлек, ауызша сөйлеуде маңызды болып табылатын басқа да сөйлеу түрлері бар. М.Балақаев сөйлеу түрінің 2 түрін көрсетеді. Олар: «1. қарапайым түрі, 2. әдеби түрі» [1, 62]. Ғалым көрсеткен түрдің ішінен әдеби түр маңызды. Біз ауызекі, қарапайым сөздер мен сөз тіркестерін пайдалансақ, сөйлер сөздің тұрпайылығы артады. Бұл мәселені жою үшін бізге әдеби тіл көмекке келеді. Әдеби тіл арқылы айталатын сөз, ой жүйелі болады, сөйлемдердің байланысуы логикалық түрде орынды болады, құлаққа жағымды естіліп, тіл мәдениетінің артуына септігі тиеді. Сондықтан тілдік норманың сақталуы мен ауызша сөйлеу барысында норма бұзушылықты болдырмас үшін біз ақын тілі, әдеби тілді қолданып, тіл білімі салаларын толық меңгеруіміз керек.

Ауызша сөйлеуде тілдік нормаларды сақтау – тіл мамандарының ғана емес, бүкіл қоғамның ортақ міндеті. Орфоэпиялық, орфографиялық, грамматикалық, лексикалық нормалар өзара тығыз байланыста болып, тілдік қатынастың біртұтас жүйесін құрайды. Осы нормалардың сақталуы ауызша және жазбаша сөйлеудің дәлдігін, түсініктілігін және әсерлілігін арттырады. Тіл нормаларын меңгеру мен дұрыс қолдану жеке тұлғаның тіл мәдениетін қалыптастырып қана қоймай, ұлттық тілдің қоғамдық қызметін күшейтеді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу жұмысын қорытындылай келе, ауызша сөйлеудегі тілдік нормалардың сақталуы – ұлттық мәдениет пен тілдік бірегейлікті сақтаудың басты кепілі екеніне көз жеткіздік. Зерттеу барысында М.Балақаев, Р.Сыздық сынды ғалымдардың тұжырымдарына сүйене отырып, қазіргі қоғамдағы, әсіресе жастар арасындағы сөйлеу мәдениетінің өзекті мәселелері талданды.

Ауызша сөйлеуде норма бұзушылықтарды жою үшін тек мектеп бағдарламасымен шектелмей, БАҚ кеңістігіндегі тілдік бақылауды күшейту, жастардың сөздік қорын байыту және Ахмет Байтұрсынұлы айтқандай «ақын тіліне» жақын әдеби сөйлеу дағдысын қалыптастыру қажет. Тіл мәдениетін көтеру әрбір азаматтың тілдік

жауапкершілігін арттырудан басталады. Осы бағыттағы жүйелі зерттеулер мен «Сөзтүзер» секілді сөздіктерді насихаттау арқылы тілдік норманың негізі нығаяды.

Тіл нормаларын сақтау арқылы ғана біз қазақ тілінің мемлекеттік мәртебесін көтеріп, оның бәсекеге қабілеттілігін арттыра аламыз. Зерттеу барысында қарастырылған мәселелер алдағы уақытта тіл мәдениеті мен тіл білімі саласындағы жаңа ізденістерге негіз бола алады деп сенеміз.

Әдебиет:

1. Балақаев М.Б. Қазақ әдеби тілі және оның нормалары. – Алматы: Ғылым, 1984. – 184 б.
2. Сыздықова Р. Тілдік норма және оның қалыптануы (кодификациясы). Көптомдық шығармалар жинағы. – Алматы: «Ел-шежіре», 2014. – 292 б.
3. Уәли Н.М. Графика. Орфография. Орфоэпия: монография. – Алматы: А. Байтұрсынов атындағы тіл білімі институты, 2018. – 235 б. // <https://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1580620&lang=kk>
4. Салкынбай А.Б., Сәрсенбай Ж.А. Қазіргі қолданыстағы тілдік үрдістер: норма мен узустық ерекшеліктер // ҚазҰУ хабаршысы. Филология сериясы. №1 (189). – Алматы, 2023. – 12 б. // <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/download/4223/2927>
5. Құрманбайұлы Ш., Жақыпов Ж., Ермекова Т., Жұбаева О., Сүйеркұл Б., Қожабек Н., Әлменбет А. Сөзтүзер (Қате қолданыстар сөздігі). – Астана: Zerde Publishing, 2023. – 406 б.
6. Байтұрсынов А. Бес томдық шығармалар жинағы. Бірінші том. – Алматы: «Жібек жолы» баспа үйі, 2002. – 208 б.
7. Қалиев Б.А. Қазақ тілінің фонетикасы. – Алматы: оқу құралы. ТехноЭрудит, 2019. – 168 б.
8. Садуақас Н.А. Қазіргі қазақ тілі фонетикасы: оқу құралы. – Алматы: ТехноЭрудит, 2019. – 364 б.

References:

1. Balakaev M.B. Kazakh edebi tili zhëne onıń normalary. – Almaty: Fylym, 1984. – 184 b.
2. Syzdykova R. Tildik norma zhëne onıń kalyptanuy (kodifikaciya). Këptomdyk shyғarmalar zhinary. – Almaty: «El-shezhire», 2014. – 292 b.
3. Uëli N.M. Grafika. Orfografiya. Orfoepiya: monografiya. – Almaty: A. Bajtırsynov atyndary til bilimi instituty, 2018. – 235 b. // <https://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1580620&lang=kk>
4. Salkynbaj A.B., Sërsenbaj Zh.A. Qazirgi koldanystary tildik yrdister: norma men uzustyq erekshelekter // KazıU habarshysy. Filologiya seriyasy. №1 (189). – Almaty, 2023. – 12 b. // <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/download/4223/2927>
5. Qırmanbajyly Sh., Zhaqypov Zh., Ermekova T., Zhybaeva O., Syjerkyl B., Qozhabek N., Ælmenbet A. Sëztızer (Qate koldanystar sëzdigi). – Astana: Zerde Publishing, 2023. – 406 b.
6. Bajtırsynov A. Bes tomdyk shyғarmalar zhinary. Birinshi tom. – Almaty: «Zhibek zholy» baspa yji, 2002. – 208 b.
7. Qaliev B.A. Qazaq tiliniń fonetikasy. – Almaty: oqu quraly. TekhnoErudit, 2019. – 168 b.
8. Saduakas N.A. Qazirgi qazaq tili fonetikasy: oqu quraly. – Almaty: TekhnoErudit, 2019. – 364 b.

Information about the authors

Kadyrov Zh.T. – corresponding author, Candidate of philological sciences, professor, associate professor, Department of Kazakh language and literature, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: zhkadyrov_777@mail.ru;

Sinbayeva G.K. – Senior lecturer, «Kazakh language and literature» chair, master, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: gsinbaeva@mail.ru;

Adyken A. – is a 4 th-year student majoring in Kazakh Language and Literature, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: akbotaadiken@mail.ru.

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-372-379

ӨЖ 81'373.21(574.2)

ҒТАМА 39.29.15

ТҮР-ТҮС АТАУЛАРЫНА БАЙЛАНЫСТЫ Өңірлік топонимдердің ерекшеліктері

Таласпаева Ж.С.¹, Жалелова Т.Д.^{1*}

^{1*} «Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: zhanartalaspayevaa@gmail.com

Аңдатпа

Мақалада Солтүстік Қазақстан облысы аумағындағы түр-түс және мал түсін білдіретін компоненттер арқылы жасалған өңірлік топонимдердің лексика-семантикалық, сөзжасамдық және этномәдени ерекшеліктері қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – түстік компоненттердің жер-су атауларындағы уәждік қызметін, мағыналық реңктерін және құрылымдық модельдерін айқындау. Материал ретінде өңірлік топонимикалық сөздіктер мен анықтамалықтарда, сондай-ақ Солтүстік Қазақстан облысы топонимдеріне арналған ғылыми еңбектерде тіркелген ақ, қара, сары, қызыл, көк, боз, ала, торы, шабдар, құла, күрең, шұбар компоненттері бар 92 атау іріктелді. Зерттеуде сипаттамалы, семантикалық, сөзжасамдық, этнолингвистикалық және салыстырмалы талдау әдістері қолданылды. Нәтижесінде түс атауларының топонимдерде тек заттың сыртқы бояуын емес, жер бедерін, су сапасын, өсімдік жамылғысын, мал шаруашылығы тәжірибесін, киелілік пен құнарлылыққа қатысты халықтық түсініктерді де білдіретіні анықталды. Мақалада талдау нәтижелері кестелер арқылы жүйеленіп, түстік компоненттердің негізгі мағыналық топтары мен сөзжасамдық үлгілері көрсетілді.

Кілт сөздер: топонимика, өңірлік топоним, түр-түс атауы, семантика, сөзжасам, этнолингвистика, Солтүстік Қазақстан облысы.

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОПОНИМОВ, СВЯЗАННЫХ С ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯМИ

Таласпаева Ж.С.¹, Жалелова Т.Д.^{1*}

^{1*} НАО «Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: talaspaeva@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются лексико-семантические, словообразовательные и этнокультурные особенности региональных топонимов Северо-Казахстанской области, образованных с участием компонентов, обозначающих цвет и масть животных. Цель исследования – определить мотивационную функцию цветовых компонентов в географических названиях, раскрыть их семантические оттенки и структурные модели. Материалом исследования послужили 92 топонимические единицы Северо-Казахстанской области, содержащие компоненты со значением цвета и масти животных: «белый», «черный, темный», «желтый», «красный», «синий/голубой, зеленый», «светло-серый, белесый», «пестрый», «гнедой», «рыжевато-гнедой», «буланый», «бурый, темно-каштановый», «пестрый, пятнистый». Указанные единицы зафиксированы в региональных топонимических словарях, справочниках и научных трудах по топонимии Северо-Казахстанской области. В работе использованы описательный, семантический, словообразовательный, этнолингвистический и сравнительный методы анализа. Установлено, что цветовые компоненты в топонимах обозначают не только внешний цвет объекта, но и особенности рельефа, качество воды, растительный покров, опыт скотоводческой культуры, а также народные представления о сакральности, чистоте и плодородии. Результаты анализа представлены в таблицах, где

систематизированы основные семантические группы и словообразовательные модели топонимов с цветовыми компонентами.

Ключевые слова: топонимика, региональный топоним, цветообозначение, семантика, словообразование, этнолингвистика, Северо-Казахстанская область.

FEATURES OF REGIONAL TOPONYMS ASSOCIATED WITH COLOUR NAMES

Talaspayeva J.S.¹, Zhalelova T.D.^{1*}

^{1*}*Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan*

**Corresponding author: talaspaeva@inbox.ru*

Abstract

The article examines the lexical-semantic, word-formation, and ethnocultural features of regional toponyms of North Kazakhstan Region formed with components denoting colour and animal coat colour. The study aims to determine the motivational function of colour components in place names, to reveal their semantic shades and structural models. The research material comprises 92 toponymic units of North Kazakhstan Region containing components denoting colour and animal coat colour: «white», «black, dark», «yellow», «red», kok «blue/green», «light grey, pale», ala «variegated», tory «bay», «reddish-bay», «dun», «brown, dark chestnut», and «spotted, mottled». These units were identified from regional toponymic dictionaries, reference works, and scholarly studies on the toponymy of North Kazakhstan Region. The research applies descriptive, semantic, word-formation, ethnolinguistic and comparative methods. The findings show that colour components in toponyms denote not only the external colour of an object, but also landform features, water quality, vegetation, pastoral experience, and traditional ideas of purity, sacredness and fertility. The results are systematised in tables that present the main semantic groups and word-formation models of toponyms with colour components.

Keywords: toponymy, regional toponym, colour name, semantics, word formation, ethnolinguistics, North Kazakhstan region.

Кіріспе

Жер-су атаулары белгілі бір аумақты ғана таңбаламайды; олар сол кеңістікті мекендеген халықтың табиғатты тану тәжірибесін, тарихи жадын, шаруашылық дағдысын және дүниетанымын сақтайтын тілдік дерек болып табылады. Қазақ ономастикасында топонимдер ұлттық-мәдени ақпаратты жинақтайтын маңызды қабат ретінде қарастырылады. Қ.Қ. Рысбергін ұлттық ономастикалық жүйені халықтың ұжымдық ой-санасының нәтижесі әрі терең ғылыми зерделеуді қажет ететін мәдени фактор деп бағалайды [1, 4 б.]. Осы тұрғыдан алғанда, өңірлік топонимдерді зерттеу жергілікті тілдік материалды сипаттаумен ғана шектелмей, ұлттық мәдени кодты ашуға да мүмкіндік береді.

Солтүстік Қазақстан облысы топонимиясы көпқабатты сипатымен ерекшеленеді. Өңірде көне түркілік және қазақы атаулармен қатар славян-орыс қабаты, кеңестік кезеңнің әкімшілік-идеологиялық атаулары және тәуелсіздік кезеңіндегі қайта атау үдерісі қатар көрінеді. Мұндай жағдай аймақтық топонимдерді тарихи, лексика-семантикалық, сөзжасамдық және этнолингвистикалық тұрғыдан кешенді қарастыруды қажет етеді. Т. Жанұзақ жер-су атауларының түптөркінін халықтың тарихи тәжірибесімен, табиғи ортасымен және тілдік даму заңдылықтарымен байланыста талдау қажеттігін атап көрсетеді [2].

Түр-түс атаулары қазақ тілінде заттың сыртқы бояуын білдірумен қатар, бағалауыштық, символдық және мәдени мағыналарға ие. Ә. Қайдаров, Б. Өмірбеков, З. Ахтамбердиева еңбектерінде ақ, кара, сары, қызыл, көк, боз, ала сияқты атаулардың

тілдегі мағыналық өрісі кең екені көрсетілген [3; 4]. Топоним құрамына енген кезде бұл сөздер жердің түсін, судың сапасын, өсімдіктің қалыңдығын, малдың реңін, кейде киелілік, тазалық, кеңдік, құнарлылық тәрізді ұғымдарды білдіреді. Сондықтан түс компонентті топонимдерді тура мағынамен ғана түсіндіру ғылыми тұрғыдан жеткіліксіз.

Зерттеу проблемасы – Солтүстік Қазақстан облысы аумағындағы түр-түс атаулары бар топонимдердің мағыналық және құрылымдық сипаты толық жүйеленбей, көбіне жекелеген мысалдар деңгейінде ғана қарастырылып келуінде. Мақаланың нысаны – Солтүстік Қазақстан облысының түс компонентті топонимдері. Зерттеу пәні – аталған топонимдердің лексика-семантикалық, сөзжасамдық және этномәдени ерекшеліктері. Зерттеудің мақсаты – өңірлік топонимдердегі түстік компоненттердің уәждік қызметін, семантикалық реңктерін және құрылымдық модельдерін анықтау. Осы мақсатқа сәйкес: 1) түс компонентті атауларды іріктеу; 2) олардың мағыналық топтарын айқындау; 3) сөзжасамдық үлгілерін сипаттау; 4) этномәдени мазмұнын түсіндіру; 5) ғылыми жаңалығы мен практикалық маңызын көрсету міндеттері қойылды.

Мақала құрылымы журнал талабына сай кіріспеден, материалдар мен зерттеу әдістерінен, зерттеу нәтижелерінен, талқылаудан, қорытындыдан, қаржыландыру туралы мәліметтен және әдебиеттер тізімінен тұрады.

Материалдар мен зерттеу әдістері

Зерттеу материалы ретінде Солтүстік Қазақстан облысы аумағындағы түс атаулары қатысқан 92 топонимдік бірлік іріктелді. Атауларды жинақтауда Е. Қойшыбаевтың «Қазақстанның жер-су аттары сөздігі» [5], «Жеріңнің аты – еліңнің хаты» энциклопедиялық анықтамалығы [6], Г. Ахметжанова, С. Мәлікова, К. Оспанов, З. Тайшыбайдың «Атамекен атаулары» еңбегі [7], С.Қ. Иманбердиева, З.С. Тайшыбай, С.З. Мәлікованың «Солтүстік Қазақстан облысы топонимдері» жинағы [8], сондай-ақ Қазақстан Республикасының географиялық атауларының мемлекеттік каталогы [9] пайдаланылды. Дереккөздерден алынған атаулар қайталанатын тұлғалардан тазартылып, құрамында айқын түстік немесе реңдік компоненті бар бірліктер ғана талдауға енгізілді.

Іріктеу барысында үш өлшем басшылыққа алынды: біріншіден, атау құрамында негізгі түс атауы немесе рең атауы болуы керек; екіншіден, атау Солтүстік Қазақстан облысы аумағындағы географиялық нысанмен байланысты берілуі тиіс; үшіншіден, атаудың құрамын сөзжасамдық және семантикалық тұрғыдан талдауға мүмкіндік болуы қажет. Осы өлшемдерге сәйкес ақ, қара, сары, қызыл, көк, боз, ала, торы, шабдар, шұбар, құла, күрең сияқты компоненттер қамтылды.

Зерттеу әдістері бірнеше бағытта қолданылды. Сипаттамалы әдіс топонимдердің сыртқы құрылымын, компоненттік құрамын және қолданылу аясын көрсетуге мүмкіндік берді. Семантикалық талдау түстік компоненттердің тура және ауыспалы мағыналарын ажыратуға бағытталды. Сөзжасамдық талдау арқылы сын есім + зат есім, зат есім + сын есім, үш компонентті күрделі атау, рең атауы + зооним/фитоним тәрізді модельдер анықталды. Этнолингвистикалық талдау түстердің халық дүниетанымындағы символдық және мәдени мазмұнын түсіндіруге қолданылды. Салыстырмалы талдау қазіргі өңірлік материалды бұған дейінгі топонимикалық еңбектердегі тұжырымдармен салыстыру үшін пайдаланылды.

Этимологиялық түсіндіруде атаулардың қазіргі сыртқы тұлғасына ғана сүйенбей, олардың географиялық нысанмен байланысы, жер бедері, су жүйесі, өсімдік жамылғысы, мал шаруашылығы тәжірибесі және жергілікті атау беру дәстүрі ескерілді. Бұл тәсіл түстік компоненттердің мағынасын біржакты түсіндіру қаупін азайтып, топонимнің табиғи және мәдени уәжін қатар қарастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижелері

Талдау нәтижесінде Солтүстік Қазақстан облысының түс компонентті топонимдері бірнеше мағыналық және құрылымдық топқа бөлінетіні анықталды. Іріктелген 92 атаудың ішінде ең өнімді компоненттер – қара, ақ және сары. Бұл түстердің өнімділігі олардың қазақ тіліндегі көпмағыналылығымен, табиғи нысандарды ажыратудағы қызметімен және халықтық дүниетанымдағы символдық мәнімен байланысты. Негізгі топтар 1-кестеде көрсетілді.

Кесте 1. Түр-түс компоненттері бойынша талдауға алынған топонимдер

Түстік компонент	Іріктелген атаулар саны	Мысалдар	Негізгі уәждік қызметі
Ақ	23	Ақсу, Ақкөл, Аққайың, Ақтас, Ақтөбе, Ақшоқы, Ақбейіт, Аққұдық, Ақжар	тазалық, ашық түс, борлы/ақшыл жер, су мөлдірлігі, киелілік
Қара	27	Қараағаш, Қаратал, Қарақамыс, Қарасу, Қаракөл, Қаратомар, Қарасор, Қарасойған	қалыңдық, қоюлық, құнарлы жер, терең су, алыстан қарауыту, мал атауы
Сары	16	Сарысай, Сарыадыр, Сарыөзек, Сарықамыс, Сарыкөл, Сарыбұлақ, Сарыала	сарғыш топырақ, құрғақ бедер, өсімдік реңі, су жағасының түсі, кеңдік
Қызыл	15	Қызылжар, Ұзынқызыл, Үшқызыл, Ащылықызыл, Басқызыл, Желқызыл	жар, топырақ, қырат түсі; қызғылт бедер; кейде тарихи атау қабаты
Өзге рең атаулары	11	Көкалажар, Бозарал, Алабота, Торытай, Шабдарбие, Шұбартерек, Құлаайғыр, Күренбие	жануар түсі, өсімдік сипаты, аралас рең, жердің ала-құла көрінісі

Ақ компоненті бар топонимдер бірнеше мағыналық бағытта жұмсалады. Бірінші топқа мал шаруашылығымен байланысты атаулар жатады: Ақлақ, Ақөгіз, Ақтай, Ақтайынша, Ақтүйесай тәрізді бірліктерде ақ түс малдың реңін немесе ерекше белгісін танытады. Дегенмен бұл атауларды тек тура түспен шектеуге болмайды, өйткені қазақы мал атауында ақ сөзі кейде малдың толық ақ болуын емес, дене мүшесіндегі ақшыл белгіні, ерекше қасиетті немесе құт-берекеге қатысты түсінікті де білдіреді.

Екінші топқа су нысандары мен жер бедеріне байланысты атаулар кіреді: Ақбұлақ, Ақкөл, Ақсу, Ақсай, Ақтас, Ақтөбе, Ақшоқы, Ақшығанақ. Мұнда ақ компоненті судың мөлдірлігін, ағыстың көбіктенуін, борлы немесе ақшыл топырақты, жарқабақтың ашық түсті көрінуін білдіруі мүмкін. Ақсу атауындағы ақ сөзін бір ғана «ақ түсті су» деп түсіндіру жеткіліксіз; ол көбіне су тазалығы, ағыстың ақшыл көбігі немесе халық танымындағы «адал, таза» мағынасына жақын қолданылады [4, 61 б.].

Үшінші топта ақ компоненті сакралды және некронимдік мазмұнмен байланысады: Ақбейіт, Ақмола, Ақоба сияқты атауларда түс атауы нақты бояуды ғана емес, жерлеу орнына қатысты құрмет, тазалық, киелілік ұғымдарын да білдіреді. Қазақ тіліндегі «ақ жауып арулау», «ақтық сөз» тәрізді тіркестер ақ түсінің символдық өрісін кеңейтеді. Сондықтан мұндай топонимдерде түс пен мәдени мағына қатар жүреді.

Қара компоненті бар топонимдер сан жағынан ең өнімді топтардың бірі. Қараағаш, Қарақамыс, Қарақоға, Қарамойыл, Қаратал, Қаратерек, Қарашілік атауларындағы қара сөзі өсімдіктің нақты қара түсті екенін білдірмейді. Көп жағдайда ол ағаштың, қамыстың, талдың қалыңдығын, алыстан қарауытып көрінуін немесе жердің көлеңкелі, ылғалды сипатын көрсетеді. Осы тұрғыдан қара компоненті фитоморфтық топонимдерде «қалын», «қою», «мол» мағынасына жақындайды.

Суға қатысты Қаракөл, Қарасу, Қарақұдық сияқты атауларда қара компоненті судың тереңдігін, тұнық емес қалпын, жер асты суымен толығын немесе су айдынының қарауытып көрінуін білдіруі мүмкін. Қазақ тілінде қара жер, қара су, қара топырақ тәрізді тіркестердің болуы бұл түстің табиғи ортаға қатысты кең мағыналық қызметін дәлелдейді. Ал Қарамарка, Қарайғыр, Қарабие атауларында қара түс тура мағынасында, яғни малдың немесе жануардың реңін білдіреді.

Қара компонентінің антропонимдік және әлеуметтік қабаты да бар. Қарамырза, Қарақожа, Қараменді сияқты атауларда қара сөзі кісі есімімен немесе әлеуметтік атаумен ұштасады. Мұнда түстік белгі кейде бастапқы антропонимнің құрамына сіңіп, кейін топонимге ауысқан. Қарабиетқықан, Қарасойған тәрізді атауларда етістік негізімен байланысқан күрделі құрылым байқалады. Қарасойған атауындағы қара ірі мал ұғымымен де сабақтас болуы мүмкін.

Сары компоненті бар Сарыөлең, Сарықияқ, Сарықамыс, Сарыағаш, Сарыадыр, Сарыөзек, Сарысай, Сарыбел, Сарыбауыр атаулары жердің сарғыш реңін, құрғақ далалық сипатын, өсімдік жамылғысының маусымдық түсін немесе кеңістіктің ашық, созылңқы көрінісін білдіреді. Сарыкөл, Сарыбұлақ атауларында сары су айдынының өз түсін ғана емес, су жағасының топырақ, өсімдік және лайлы қабатпен байланысын да көрсете алады. Тайынша ауданындағы Сарыала атауында да судың түсінен гөрі жағалаудың сары ала болып көрінуі негізгі уәж болуы ықтимал.

Қызыл компоненті Солтүстік Қазақстан өңірінде Қызылжар сияқты кең танылған атаудан бөлек, Ұзынқызыл, Үшқызыл, Ащылықызыл, Байқызыл, Басқызыл, Желқызыл тәрізді бірліктерде де кездеседі. Мұнда қызыл түс жардың, топырақтың, қыраттың немесе өсімдік қабатының қызғылт реңін білдіруі мүмкін. Қызылжар атауының құрылымында қызыл – анықтауыш, жар – географиялық термин. Бұл модельде бірінші компонент табиғи белгіні, екінші компонент нысан түрін көрсетеді.

Көк, боз, ала, торы, шабдар, құла, күрең, шұбар тәрізді рең атаулары қазақ халқының түсті өте нәзік ажырата білгенін көрсетеді. Көкалажар, Бозарал, Алабота сияқты атауларда жердің ала-құла көрінісі, бозғылт реңі немесе өсімдік атауымен байланысы байқалады. Торытай, Шабдарбие, Құлаайғыр, Күренбие, Бозайғыр, Аласиыр тәрізді атауларда малдың түсін дәл белгілеу дәстүрі топонимиялық жүйеге ауысқан. Бұл – көшпелі мал шаруашылығы мен кеңістікті атау тәжірибесінің сабақтастығын көрсететін маңызды белгі.

Талдау барысында түс компонентті топонимдердің сөзжасамдық үлгілері де жүйеленді. Негізгі модельдер 2-кестеде берілді.

Кесте 2. Түс компонентті топонимдердің негізгі сөзжасамдық модельдері

Сөзжасамдық модель	Мысалдар	Сипаттамасы
Сын есім + географиялық термин	Ақсу, Қаракөл, Сарысай, Қызылжар, Ақтөбе	түстік белгі нысан түрін нақтылайды; ең өнімді модель

Сын есім + фитоним/зооним	Аққайың, Қараағаш, Сарықамыс, Торытай, Құлаайғыр	табиғат, өсімдік, жануар немесе мал түсі атауға негіз болады
Зат есім/сан есім + түстік компонент	Үшқара, Текесары, Қойсары, Ұзынқызыл	түстік компонент екінші орында тұрып, тұтас атауға айырушы белгі береді
Үш компонентті күрделі атау	Көкалажар, Басқызылағаш, Қарабиетыққан	бір атауда бірнеше белгі қабаттасады; құрылымдық талдауды қажет етеді
Сакралды немесе антропонимдік негізбен байланысқан модель	Ақбейіт, Ақмола, Қарамырза, Қарақожа	түстік компонент мәдени, әлеуметтік немесе антропонимдік мағынамен ұштасады

Кестелерден байқалғандай, түс атаулары топоним құрамында көбіне анықтауыштық қызмет атқарады. Бірінші компонент нысанның айырым белгісін білдіреді, ал екінші компонент географиялық нысанның түрін көрсетеді. Бұл қазақ топонимиясындағы қабыса байланысқан анықтауыштық модельдің өнімділігін дәлелдейді. Сонымен қатар түс компоненті атаудың соңында келетін үлгілер де бар: Үшқара, Текесары, Қойсары, Ұзынқызыл тәрізді топонимдерде түстік белгі тұтас атаудың соңғы компоненті ретінде көрінеді. Бұл ерекшелік өңірлік материалдың құрылымдық алуан түрлілігін танытады.

Тал қылау

Алынған нәтижелер қазақ тіліндегі түс атауларының көпқабатты семантикасы туралы бұрынғы зерттеулермен сәйкес келеді. Ө. Қайдаров, Б. Өмірбеков, З. Ахтамбердиева түс атауларының халық танымындағы символдық, бағалауыштық және мәдени мағыналары кең екенін көрсеткен [3; 4]. Солтүстік Қазақстан облысы материалдары бұл тұжырымды нақты өңірлік дерек арқылы толықтырады: ақ компоненті тазалық пен ашықтықты, кара компоненті қалыңдық пен тереңдікті, сары компоненті жердің сарғыш, құрғақ немесе кең сипатын, қызыл компоненті жар мен топырақ реңін білдіреді.

Рецензияда мақаладағы нақты мысалдар мен салыстырмалы деректердің аздығы көрсетілген еді. Осыған байланысты өңделген нұсқада атаулар топтары сандық көрсеткішпен берілді, мысалдар мағыналық бағыттар бойынша жүйеленді және нәтижелер кестеленді. Мәселен, кара компонентінің өңір топонимиясында өнімді екені бұрынғы еңбектерде де байқалады. Г. Ахметжанова, С. Мәлікова, К. Оспанов, З. Тайшыбай «қара» сөзінен басталатын тарихи ойконимдер саны 171 болғанын, оның ішінде +ағаш – 43, +тал – 43, +терек – 37, +шілік – 7, +мойыл – 11, +томар – 5, +шоқы – 5, +шоқ – 4 рет кездесетінін көрсетеді [7, 221 б.]. Бұл дерек кара компонентінің тек түсті емес, өсімдік жамылғысы мен қонысқа қолайлы табиғи нысандарды белгілеуде де белсенді қолданылғанын дәлелдейді.

СҚО топонимдерінің өңірлік сипаты табиғи-географиялық ортаға тікелей байланысты. Облыс орманды-дала белдеуінде орналасқандықтан, қайың, тал, қамыс, терек, шілік, томар, көл, сай, жар сияқты компоненттер жиі ұшырасады. Түс атаулары осы географиялық терминдермен бірігіп, нысанды дәл айыру қызметін атқарады: Аққайың – ағаштың түрі мен реңін, Қарақамыс – қамыстың қалыңдығын, Сарысай – сайдың топырақ немесе өсімдік түсін, Қызылжар – жардың қызғылт бедерін көрсетеді.

Демек, түстік компоненттер өңірдің табиғи бейнесін тілде бекітетін құрал ретінде қызмет етеді.

Сонымен бірге кейбір атауларды қазіргі табиғи көрініспен ғана түсіндіру жеткіліксіз. Топоним сақталғанымен, жердің өсімдігі, суының деңгейі, топырақ сипаты немесе шаруашылық қызметі өзгеруі мүмкін. Сондықтан Ақсу, Қарасу, Сарыкөл, Қаратомар тәрізді атаулардың мағынасын түсіндіруде тарихи дерек, жергілікті қолданыс және географиялық сипаттама қатар ескерілуі керек. Бұл тәсіл кабинетте жасалған біржақты этимологиядан сақтандырады.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы – Солтүстік Қазақстан облысындағы түс компонентті топонимдер жеке-жеке мысал ретінде емес, семантикалық және сөзжасамдық жүйе ретінде қарастырылды. Мақалада түстік компоненттердің бес негізгі тобы, олардың уәждік қызметі және құрылымдық модельдері анықталды. Практикалық маңызы – алынған нәтижелерді өңірлік ономастика, қазақ тілінің лексикологиясы, этнолингвистика, өлкетану, сондай-ақ жоғары оқу орындарындағы «Ономастика», «Қазіргі қазақ тілі», «Лингвомәдениеттану» пәндерінде қосымша материал ретінде пайдалануға болады.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелері Солтүстік Қазақстан облысындағы түс атауларына байланысты топонимдердің өңірлік ономастикалық жүйеде маңызды орын алатынын көрсетті. Түс компоненттері жер-су атауларында кездейсоқ қолданылмайды; олар географиялық нысанның нақты белгісін, халықтық қабылдауды, шаруашылық тәжірибені және мәдени-символдық мағынаны қатар жеткізеді.

Біріншіден, ақ, қара, сары, қызыл сияқты негізгі түстер топонимдерде ең өнімді компоненттер болып табылады. Ақ компоненті көбіне тазалық, ашық түс, су мөлдірлігі, борлы немесе ақшыл жер, киелілік ұғымдарымен байланысады. Қара компоненті қалың өсімдік, терең су, құнарлы немесе қарауытып көрінетін жер, ірі мал, кей жағдайда антропонимдік негізбен ұштасады. Сары компоненті сарғыш топырақ, құрғақ ландшафт, өсімдік реңі және кеңдік мағынасын білдіреді. Қызыл компоненті жар, топырақ, қырат сияқты нысандардың қызғылт реңін көрсетеді.

Екіншіден, көк, боз, ала, торы, шабдар, құла, күрең, шұбар тәрізді рең атаулары қазақ халқының түсті дәл ажырату дәстүрін және мал шаруашылығымен байланысты тілдік тәжірибесін айқындайды. Бұл атауларда табиғи белгі мен этномәдени таным сабақтасып жатады.

Үшіншіден, сөзжасамдық тұрғыдан ең өнімді үлгі – түстік анықтауыш + географиялық термин моделі. Сонымен қатар түстік компоненттің соңғы орында келуі, үш компонентті күрделі құрылымдар, сакралды және антропонимдік негізбен байланысқан атаулар да кездеседі. Бұл өңір топонимиясының құрылымдық жағынан біркелкі емес, көпүлгілі жүйе екенін дәлелдейді.

Төртіншіден, түс компонентті топонимдерді этномәдени және тарихи контексте қарастыру олардың тек тілдік бірлік емес, табиғи орта, жергілікті жад және ұлттық дүниетаным туралы ақпарат сақтайтын мәдени мәтін екенін көрсетеді. Сондықтан мұндай атауларды жүйелеу өңірлік ономастиканы дамытуға, тарихи атауларды дұрыс түсіндіруге және жергілікті мәдени мұраны сақтауға қызмет етеді.

Қаржыландыру және алғыс

Зерттеу арнайы гранттық немесе бағдарламалық қаржыландырусыз орындалды.

Әдебиет:

1. Рысберген Қ.Қ. Ұлттық ономастиканың лингвокогнитивтік негіздері. – Алматы: Дайк-Пресс, 2011. – 328 б.
2. Жанұзақ Т. Тарихи жер-су аттарының түптеріні. – Алматы: Сөздік-Словарь, 2010. – 356 б.
3. Қайдаров Ә.Т., Өмірбеков Б., Ахтамбердиева З.Т. Сырға толы түр мен түс. – Алматы: Қазақстан, 1986. – 96 б.
4. Қайдаров Ә.Т., Өмірбеков Б., Ахтамбердиева З.Т. Түр-түстердің тілдегі көрінісі. – Алматы: Ана тілі, 1992. – 160 б.
5. Қойшыбаев Е. Қазақстанның жер-су аттары сөздігі. – Алматы: Мектеп, 1985. – 256 б.
6. Жерінің аты - елінің хаты: энциклопедиялық анықтамалық. - Алматы: Аруана Ltd, 2006. - 808 б.
7. Ахметжанова Г., Мәлікова С., Оспанов К., Тайшыбай З. Атамекен атаулары: Солтүстік Қазақстан облысының топонимикалық атаулары. – Петропавл: Северный Казахстан, 2015. – 343 б.
8. Иманбердиева С.Қ., Тайшыбай З.С., Мәлікова С.З. Солтүстік Қазақстан облысы топонимдері. – Нұр-Сұлтан, 2020. – 788 б.
9. Қазақстан Республикасының географиялық атауларының мемлекеттік каталогы. 2-басылым, қайта өңделген және толықтырылған. Солтүстік Қазақстан облысы. – Алматы, 2012. – 2-т.

References:

1. Rysbergen Q.Q. Ulttyq onomastikanyn lingvokognitivtik negizderi [Linguocognitive foundations of national onomastics]. - Almaty: Daik-Pres, 2011. - 327 p. [in Kazakh].
2. Zhanuzak T. Tarikhi zher-su attarynyn tuptorkini [The origin of historical place names]. - Almaty: Sozdik-Slovar LLP, 2010. - 356 p. [in Kazakh].
3. Kaidarov A.T., Akhtamberdieva Z.T., Omirbekov B.E. Syrga toly tur men tus [Meaningful form and colour]. - Almaty: Kazakhstan, 1986. 92, [2] p. [in Kazakh].
4. Kaidarov A.T., Omirbekov B.E., Akhtamberdieva Z.T. Tur-tusterdin tildegi korinisi [Reflection of colour names in language]. - Almaty: Ana tili, 1992. - 160 p. [in Kazakh].
5. Koishybayev E. Qazaqstannyn zher-su attary sozdigi [Dictionary of Kazakhstan place names]. - Almaty: Mektep, 1985. - 256 p. [in Kazakh].
6. Zherinnin aty – elinnin khaty: entsiklopediyalyk anyktamalyk [The name of the land is the memory of the people: encyclopaedic reference book]. - Almaty: Aruna, 2006. - 808 p. [in Kazakh].
7. Akhmetzhanova G., Malikova S., Ospanov K., Taishybay Z. Atameken ataulary: Soltustik Qazaqstan oblysynyn toponimikalyk ataulary [Native land names: toponymic names of North Kazakhstan Region]. - Petropavl: Severny Kazakhstan, 2015. - 343 p. [in Kazakh].
8. Imanberdieva S.Q., Taishybay Z.S., Malikova S.Z. Soltustik Qazaqstan oblysy toponimderi [Toponyms of North Kazakhstan Region]. - Nur-Sultan: Sh. Shayakhmetov Republican Scientific and Practical Center for Language Development, 2020. - 788 p. [in Kazakh].
9. Qazaqstan Respublikasynyn geografiyalyk ataularynyn memlekettik katalogy. Soltustik Qazaqstan oblysy [State catalogue of geographical names of the Republic of Kazakhstan. North Kazakhstan Region]. 2nd ed., revised and enlarged. - Almaty, 2012. Vol. 2. [in Kazakh].

Information about the authors

J.S. Talaspayeva – corresponding author, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Kazakh Language and Literature, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: zhanartalaspayeva@gmail.com;

T.D. Zhalelova – Master's student, educational program 7M02301 Philology, Department of Kazakh Language and Literature, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: milanavk123@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Название: научный журнал «М. Қозыбаев атындағы СҚУ Хабаршысы / Вестник СҚУ имени М. Козыбаева».

Собственник: Некоммерческое акционерное общество «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева».

Свидетельство о постановке на переучёт: № KZ66VPY00102049, выдано Министерством информации и общественного развития РК от 26 сентября 2024 г.

ISSN 2958-0048 (Online)

ISSN 2958-003X (Print)

Основная тематическая направленность: публикация научно-методической информации.

Язык публикаций: казахский, русский, английский языки.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ:

1. ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

(география и природопользование; информатика, математика-информатика, математика-физика; физика и физическая экспертиза, физика и астрономия, астрономия и методы дистанционных исследований; химическая экспертиза и аналитический контроль производства, химическая технология органических веществ).

2. БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(биология, ботаника, геоботаника, биоразнообразие, зоология, орнитология, молекулярная биология, микробиология, вирусология, физиология, анатомия, генетика, биотехнология, гидробиология, биохимия, экология).

3. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(педагогика и психология, специальная педагогика, практическая психология; дошкольное обучение и воспитание, педагогика и методика начального обучения; музыкальное образование, культурно-досуговая работа; физическая культура и спорт, физическая культура и начальная военная подготовка; социальная педагогика и самопознание; дефектология, дефектология (логопедия), специальная педагогика (логопедия), олигофренопедагогика, сурдопедагогика, дефектология (сурдопедагогика), дошкольная дефектология; филология, иностранный язык: два иностранных языка, русский язык и литература, казахский язык и литература, иностранная филология, переводческое дело).

4. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

(история; журналистика, PR-журналистика; государственное и местное управление, менеджмент, финансы, учет и аудит, экономика, государственное администрирование, экономика в бизнесе; юриспруденция, туризм).

5. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

(технология продовольственных продуктов; агрономия, защита и карантин растений; технология производства продуктов животноводства; лесные ресурсы и лесоводство).

6. ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

(дизайн; радиотехника, электроника и телекоммуникации; машиностроение, электроэнергетика, транспорт, транспортная техника и технологии; строительство,

проектирование и информационное моделирование строительных объектов, стандартизация, сертификация и метрология (по отраслям), экспертиза и аудит качества (по отраслям).

7. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

(теоретические основы информатики; компьютерные науки (Computer science); информационные системы и процессы; электронные коллекции и библиотеки; искусственный интеллект и интеллектуальные системы; робототехника; информационная безопасность и защита информации; информационно-измерительные системы; управление в социальных и экономических системах; автоматизация и управление технологическими процессами и производствами; веб-дизайн; системный анализ; управление и обработка информации; математическое и программное обеспечение.

8. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(казахский язык и литература, русский язык и литература, иностранный язык: два иностранных языка, иностранная филология; переводческое дело).

Язык издания: казахский, русский, английский.

Территория распространения: Республика Казахстан, дальнее и ближнее зарубежье.

Главный редактор: Демьяненко Александр Валентинович, профессор кафедры «Энергетика и радиоэлектроника», кандидат технических наук, ассоциированный профессор (доцент).

Редактор: Островская Валерия Станиславовна, методист Департамента науки СҚУ им. М. Козыбаева.

Периодичность: 4 раза в год.

Сроки приема, рассмотрения статей и выхода в печать журнала:

№1 – Прием статей до 15 февраля, редакция рассматривает с 16 до 28 февраля, выход в печать – до 30 марта;

№2 – Прием статей до 15 мая, редакция рассматривает с 16 до 30 мая, выход в печать – до 30 июня;

№3 – Прием статей до 15 августа, редакция рассматривает с 16 до 30 августа, выход в печать – до 30 сентября;

№4 – Прием статей до 15 ноября, редакция рассматривает с 16 до 30 ноября, выход в печать – до 30 декабря.

Выпуск: в электронном виде; на бумажном носителе – издается в Издательско-полиграфическом отделе СҚУ им. М. Козыбаева.

Адрес редакции: СҚО, г. Петропавловск, ул. Пушкина, 86, 150000.

Журнал включен в базу данных РИНЦ (eLIBRARY).

Все статьи принимаются on-line на сайте журнала <https://vestnik.ku.edu.kz/jour> через личный кабинет автора.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЕ

Объем – не менее 5 страниц (без учёта аннотаций и списка источников).

Структура статьи включает в себя следующие разделы:

- **НАЗВАНИЕ** включает в себя информацию об авторах (фамилию и инициалы, полное название учреждения или организации, город, страну, адрес электронной почты автора-корреспондента, ответственного за переписку с редакцией);

- **АННОТАЦИЯ** Обязательные компоненты аннотации: информативность (объем аннотации не более 300 слов); оригинальность (новизна статьи); содержание (основное содержание статьи и результаты исследования); структура; выводы. Аннотация для всех статей приводится на 3-х языках: казахском, русском и английском. Если статья автора на казахском языке, то сначала размещаются название статьи и аннотация на казахском языке, а затем на двух других языках. Если статья на русском или английском языках – делается аналогично;

- **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА** (от 5 до 8 ключевых терминов или словосочетаний), использованных в статье. Ключевые слова приводятся на 3-х языках: казахском, русском и английском.

- **ВВЕДЕНИЕ** включает обоснование актуальности, степени разработанности темы (возможен краткий обзор научной литературы по теме исследования); формулировку проблемы исследования; описание объекта и предмета исследования, цели и задач статьи; краткая характеристика ее структуры;

- **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ)** представляют собой описание методов и материалов, использованных в исследовании, включая методы сбора, обработки и анализа данных; характеристика выборки (если используется выборочный опрос);

- **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ** представлены описанием и интерпретацией полученных результатов с помощью рисунков, таблиц, графиков, чертежей;

- **ОБСУЖДЕНИЕ/ДИСКУССИЯ**

- **ВЫВОДЫ** содержат формулировку выводов на основе полученных результатов; сравнение полученных результатов с уже имеющимися результатами по данной теме; оценка научной новизны и практической ценности полученных результатов;

- **ИНФОРМАЦИЯ О ФИНАНСИРОВАНИИ, БЛАГОДАРНОСТИ** (если у исследования есть источник финансирования (гранты, программы государственного бюджета), необходимо указать эту информацию);

- **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

– «*Литература*» – на языке оригинала (казахском, русском и других неанглийских языках) оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Ссылки на источники на языке, использующем кириллицу, должны быть транслитерированы латинскими буквами (можно использовать <https://translit-online.ru>).

– «*Список литературы*» – на английском языке (отформатирован в соответствии с Международным библиографическим стандартом APA (<http://www.bibme.org/citation-guide/APA/book>)).

Ссылки на источники обязательны. Первая ссылка в тексте на литературу должна иметь номер [1], вторая – [2] и т. д. по порядку. При ссылке на результат из книги следует указать его номер в списке литературы и (через запятую) номер страницы, на которой опубликован этот результат. Например, [8, 325]. Ссылки на неопубликованные работы

не допускаются, ссылки на интернет-источники разрешены. *Для всех публикаций, имеющих идентификаторы DOI, необходимо указывать их после соответствующей публикации в обоих списках литературы.*

Список источников – это индикатор научного кругозора автора. Количество иностранных источников в списке литературы свидетельствует об осведомленности о достижениях науки, а также владении темой. Рекомендуются использовать источники, изданные в течение последних 5-10 лет.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ (*после списка литературы*) включает в себя следующие элементы: фамилию и инициалы авторов; учёное звание; должность или профессию; учёную степень; место работы (полное название учреждения или организации, населённый пункт, название страны); адрес электронной почты.

Все сокращения и аббревиатуры, за исключением общеупотребительных, должны быть расшифрованы при первом использовании в тексте.

Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и сопровождаться ссылкой на них в тексте статьи. Например, «*На рисунке 1 показаны ...*», или «*В таблице 2 представлены данные о ...*».

Также таблицы и рисунки должны быть озаглавлены, таблицы – сверху, рисунки – снизу. Рисунки, графики должны быть представлены в одном из стандартных форматов: PS, PDF, TIFF, GIF, JPEG, BMP, PCX. Точечные рисунки должны быть выполнены с разрешением 600 точек на дюйм. Рисунки и фотографии должны иметь четкое качество изображения. На чертежах должны быть четко представлены все детали.

Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и сопровождаться ссылкой на них в тексте статьи.

Статьи, не отвечающие по содержанию и оформлению вышеперечисленным требованиям, к публикации не принимаются и отклоняются редакцией без рассмотрения их по существу.

Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университетінің Хабаршысы

Меншік иесі: ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ, № KZ66VPY00102049 қайта есепке қою туралы куәлік 2024 жылдың 26 қыркүйектегі ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігімен берілген.

Басылуға 30.06.2026 ж. қол қойылды. Пішімі 60×90 1/8. Times гарнитурасы.
Көлемі 48,25 б.т. Таралымы 200 дана. Кітап-журнал қағазы. Тапсырыс № 155.
М. Қозыбаев атындағы СҚУ баспаханасында басылды. 150000, Петропавл қ., Пушкин к., 86.

Вестник Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева

Собственник: НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан
Свидетельство о постановке на переучет № KZ66VPY00102049 от 26 сентября 2024 г.
выдано Министерством культуры и информации РК.

Подписано в печать 30.06.2026 г. Формат 60×90 1/8. Гарнитура Times.
Объём 48,25 усл. печ. л. Тираж 200 экз. Бумага книжно-журнальная. Заказ № 155.
Отпечатано в СКУ им. М. Козыбаева. 150000, г. Петропавловск, ул. Пушкина, 86.

Bulletin of Manash Kozybayev North Kazakhstan University

Owned by Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC of the Ministry of Science and
Higher Education of the Republic of Kazakhstan
Certificate of re-registration No. KZ66VPY00102049 dated September 26, 2024, issued
by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan.

Signed for publishing on June 30, 2026. Size: 60x90 1/8. Font type: Times. Volume: 48,25 c. p. sheets.
Number of copies: 200. Order no. 155. Printed on office paper by M. Kozybayev NKU Press,
86, Pushkin street, Petropavlovsk, Kazakhstan, 150000.